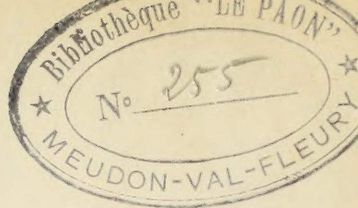

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. Гессеномъ

X

БЕРЛИНЪ 1923

Пять лѣтъ въ Совѣтской Россіи

(Обрывки воспоминаній и замѣтки)

А. С. Изгоева

I

ПЕТРОГРАДЪ 1917–1918 г. г.

16 ноября 1922 года. Въ два часа дня иду по Бассейной нанимать тачечника для перевозки вещей на пароходъ «Preussen».

– На набережную на Васильевскомъ Островѣ у Николаевскаго моста. Сколько?

– На иностранный. Знаю. Положите 15 милліоновъ . . .

Для очистки совѣсти говорю: дорого, предлагаю 10, 12. Тачечникъ даже не споритъ, до того вяло я торгуюсь.

Дорого? Конечно. Третья часть моего послѣдняго мѣсячнаго жалованья по должности научнаго сотрудника Росс. Публ. Библіотеки. А въ то же время меньше пуда хлѣба, 1 р 20 к. золотомъ. Одинъ рейсъ тачечника равенъ десяти днямъ труда научнаго сотрудника. Вспоминаю «развернутую форму цѣнности» на первыхъ страницахъ Марксова «Капитала». Революція. Шагу нельзя ступить, чтобы не увидать или не почувствовать ея.

Грузитъ тачечникъ наши два чемодана, два узла, дамскую шляпную коробку.

– Позвольте спросить: вы доброй волею или по приказанію?

– Высылаютъ за-границу вмѣстѣ со многими другими профессорами и литераторами.

– Слыхалъ. Вотъ и Марья Николаевна Стоюнина, божья старушка, на старости лѣтъ уѣзжаетъ. Мнѣ многіе извѣстны. Раньше сторожемъ въ гимназіи Г-а служилъ. Только, сами знаете, по школьному дѣлу на жалованье не проживешь. А вотъ съ тачкой поѣду – семья два дня сыта. Мнѣ много не надо. Коней, слава Богу, убавилось, людямъ – доходъ. Только что же они все-таки дѣлаютъ? Всѣхъ умныхъ людей, кого въ тюрьму, кого въ Сибирь, кого за границу. А въ Россіи кто же останется? одно, значитъ, неученое мужичье, чтобы легче командовать . . .

Хотя тачечникъ и не возбуждаетъ во мнѣ недовѣрія, но въ Совѣтской Республикѣ повсюду такъ много провокаторской швали, что всегда сверлитъ мысль: а, вдругъ, изливаешь свои чувства передъ какимъ-либо поштучнымъ агентикомъ изъ Чеки? Отвѣчаю суховато:

— Ну, всѣхъ — не всѣхъ, умныхъ-то людей въ Россіи не мало останется, да и глупые постепенно поумнѣютъ.

— Это вѣрно. Шалый былъ народъ, а теперь понимать сталъ.

Тачечникъ, разогрѣвшись, скидываетъ пальто на телѣжку и везетъ ее по ухабистой мостовой. Я иду по тротуару. Обмѣнъ мнѣній прекращается.

Къ нашему отъѣзду ноябрь подобрался. Съ недѣлю назадъ начались морозы въ перемежку съ мокрыми снѣжными вьюгами, со слякотью и туманомъ. Затѣмъ на день сильная оттепель и вотъ уже три дня, какъ прояснилось небо и легкимъ морозцемъ сковало жидковатую грязь. Солнце свѣтитъ, хоть не грѣетъ, но играетъ и на Адмиралтейской иглѣ, и на куполахъ. На Невскомъ, куда сворачиваемъ съ Михайловской, насъ встрѣчаютъ военной музыкой. Идетъ отрядъ пѣхоты. Красноармейцы въ новой формѣ съ сѣрыми шишаками на шлемахъ, съ тремя широкими голубыми нашивками на груди у каждой полы сѣрой шинели. Оркестръ играетъ старый русскій маршъ. Когда онъ смолкаетъ, красноармейцы поютъ на мотивъ старой русской солдатской пѣсни. Съ особой любовью и душевнымъ благожелательствомъ всматриваюсь въ ихъ лица. Въ послѣдній разъ, надолго, быть можетъ и навсегда, вижу я этотъ зародышъ новой старой арміи. Коммунистическая власть меня выгоняетъ изъ отечества. Но да будутъ благословенны русскіе солдаты! Пусть растутъ, крѣпнутъ, множатся! Придетъ время — они обрѣтутъ настоящихъ вождей и на нихъ возсоздастся Великая Россія. Идутъ въ ногу, стройно, твердо. Замѣтна дисциплина и выучка. Лица молодыя, здоровыя, свѣжія. Ни угнетенности, ни злобы не видать. Глядятъ ясно, непринужденно. Помогай имъ Богъ! Господи, спаси Россію!

У Александровскаго сада. На-право Зимній Дворецъ. Нѣтъ старой рѣшетки съ золотыми орлами. Пожалуй, такъ оно лучше. Къ рѣкѣ тянется небольшая красивая аллея. Правѣе - садъ съ неубранными слѣдами разрушенія и непорядка, а тамъ прямо — стройныя линіи такого громаднаго, строгаго, благороднаго зданія. Въ свое время мы жестоко били эту Императорскую Россію, и за дѣло и безъ дѣла. Но, вѣдь, она дала намъ С.-Петербургъ, построила Зимній Дворецъ, Адмиралтейство, арку Главнаго Штаба, охранила Дворцовую площадь съ Александровской колонной. Пусть это не столько Романовы, сколько Голштейнъ-Готторпскіе или Ангальтъ-Цербтскіе, но какъ много отъ нихъ осталось неистребимой красоты и благородства, если не въ людяхъ, то хоть въ зданіяхъ!

Оставляя Зимній Дворецъ на-право, я сворачиваю на-лѣво и прохожу мимо дома: Гороховая, 2. На-право то, что было; на-лѣво то, что есть. Предѣлъ лѣвыхъ устремленій русской интеллигенціи.

Три мѣсяца тому назадъ, въ семь часовъ прекраснаго августовскаго утра, когда солнце богато поливало своими лучами и Александровскій садъ и всю Дворцовую полощадь, гнали насъ подъ конвоемъ изъ этого зданія петербургской чрезвычайки въ Домъ предварительнаго заключенія на Шпалерной. Сосѣдями моими были проф. Л. П. Карсавинъ и А. Б. Петрищевъ. Послѣ восьмидневнаго пребыванія въ грязномъ и подломъ сараѣ Чрезвычайки, съ какой радостью вдыхали мы чистый воздухъ ранняго утра! На Дворцовой площади, подъ жаркими еще лучами старѣющаго къ осени солнца, мы обнажили головы, не то отъ жары, не то отъ чувства умиленія передъ раскрывшейся гордой красотой Святого Петрограда. Рѣдкіе прохожіе смотрѣли съ чувствомъ участія и страха на эту толпу окруженныхъ конвоемъ людей, такъ мало похожихъ на убійцъ, воровъ и мошенниковъ... Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что черезъ три мѣсяца, уже физически свободный, но душевно болѣе подавленный, я буду проходить мимо Гороховой

и Исаакія, направляясь на германскій пароходъ, который увезетъ меня въ изгнаніе. Концентраціонный лагерь, снѣга Сибири и Архангельска, глухія кочевья Оренбургской губерніи или Киркрая – все, что угодно, только не прекрасныя мостовыя Берлина, залитыя электричествомъ, съ давящей стремительностью тяжелыхъ автомобилей, звонками трамваевъ и велосипедистовъ...

* *
*

Попросилъ тачечника поѣхать мимо памятника Петру Великому: крюкъ небольшой. Иностранцы пожмутъ плечами, французы придутъ въ негодованіе, когда услышатъ, что это – лучшій памятникъ въ Европѣ, построенный иноземцемъ на русской почвѣ и снабженный обрусѣвшей нѣмкой латино-русской надписью. Памятника, который больше говорилъ бы моему уму и сердцу, я не видалъ на площадяхъ ни Парижа, ни Берлина.

Отъ Фальконета какъ-то само собой мысль потянулась къ Паоло Трубецкому, объитальянившемуся русскому. У Невы – начало, тамъ, у Николаевскаго вокзала – конецъ Императорской Россіи. Здѣсь взлетъ въ высь, стремленіе къ морю, порывъ на западъ, презрѣніе къ шипящей, извивающейся змѣѣ. А тамъ – дородный отъѣвшійся урядникъ стянулъ поводья своей упрямой, озлобленной кобылы, давитъ ее своей тяжестью и своей волей, направляя на великій Сибирскій путь, приведшій къ манчьжурскому пораженію. Памятника Петру коммунисты не тронули. Они его даже оберегали и время отъ времени не прочь были родными съ нимъ счесться. Въ Петрѣ Великомъ было, дѣйствительно, не мало отъ большевика. Но къ сожалѣнію, въ коммунистахъ почти ничего нѣтъ отъ Петра. Петръ не только разрушалъ, онъ и строилъ, и результаты его стройки держатся доселѣ. Что построили коммунисты? Петръ говорилъ: а о Петрѣ вѣдайте, ему жизнь не дорога, была бы жива Россія! Коммунисты говорятъ: намъ Россія не дорога, былъ бы живъ интернаціоналъ! Тутъ непроходимая пропасть.

Памятникъ Александру III коммунисты сначала забили досками и соорудили на немъ балаганъ, съ подмостковъ котораго по революціоннымъ праздникамъ коммунистическіе шуты ублажали лускающую сѣмячки толпу.

Глупые люди не поняли глубокаго національно-революціоннаго смысла, безсознательно отлитаго П. Трубецкимъ въ его статуѣ. Точно исполняя тайное желаніе Маріи Федоровны, они укрыли его отъ глазъ народа и превратили въ символъ своей революціонной пошлости, лишь отдаленно напомнившій расправу татаръ надъ русскими князьями. Когда имъ все это разъяснили, коммунисты сняли свой балаганъ съ памятника, испакостивъ его глупыми стихами бѣднаго, пьянаго Демьяна. И воздвигнутъ теперь на Площади Революціи памятникъ коммунистической заборной литературы, тамъ, гдѣ раньше, на площади Знаменья, стоялъ обличительный памятникъ Александру III.

* *
*

Дальше бѣжитъ мысль... Завернувъ угломъ съ площади, такой же прямой лентой, какъ и Новый, стелется Старый Невскій, приводя въ широкія ворота Александро-Невской Лавры. До могилы памятна будетъ мнѣ эта прекрасная дорога, мой крестный путь. Еще сегодня я былъ тамъ, на могилѣ моей дочери, одной изъ

безвѣстныхъ жертвъ русской революціи. Ее убила на восемнадцатомъ году жизни не пуля чекиста и даже не сыпная вошь сосѣдки по арестантской нарѣ. Были еще болѣе прозаическіе способы убивать. У нея не было ни галошъ, ни цѣлыхъ ботинокъ, и она постоянно промачивала ноги. Въ квартирѣ было 4 градуса мороза и, помогая матери, она таскала тяжелыя бревна вмѣсто отца, мыкавшагося въ то время по коммунистическимъ тюрьмамъ. Питалась тогдашнимъ россійскимъ хлѣбомъ и пшенной размазней. Хрупкій организмъ надломился. Легкая простуда свалила ее въ концѣ января и черезъ десять дней убила . . .

Она собиралась ѣхать въ Москву «хлопотать» за отца. Я ждалъ ее, мое сокровище на землѣ, которой не видѣлъ уже болѣе года, съ той памятной ноябрьской ночи, когда подъ громъ юденическихъ пушекъ, она одна съ матерью, какимъ-то чудомъ и милостью добродушнаго конвоира пробравшись на вокзалъ, мерзла, провожая меня, увозимаго въ Москву въ арестантскомъ вагонѣ.

Теперь она, получивъ отпускъ, — въ Сов. Россіи всѣ вынуждены были служить, даже дѣти, забросивъ ученье, — собиралась навѣстить меня. Я ждалъ ее со дня на день. Вмѣсто того пришло письмо. Ничего страшнаго еще не было въ этомъ письмѣ: Нюся немного простудилась и отложила отъѣздъ. Но сердце уже забило тревогу. Слѣдующее письмо ее удвоило. Я написалъ Дзержинскому, прося освободить меня на-время, на мѣсяцъ, подъ честное слово, чувствуя, что надъ многострадальной семьей моей нависаетъ гроза. Спасибо Е. А. Пѣшковой и Винаверу изъ Краснаго Креста: они много помогли мнѣ. Спасибо Е. Д. Кусковой и Н. М. Кишкину, тогда вольнымъ гражданамъ Р. С. Ф. С. Р.: они дали свое поручительство, что я сдержу слово и вернусь . . .

Письма доходили не скоро изъ Петрограда въ московскій Ивановскій лагерь, черезъ шесть-восемь дней. Я чувствовалъ, что идетъ на меня самое страшное изо всего перенесеннаго мною. Я сознавалъ, что меня скоро отпустятъ — пусть на время — изъ посытлой тюрьмы, что я увижу жену и дѣтей. Но я молился: Господи, если дочь моя своими страданіями, своею смертью покупаетъ для меня свободу, не надо, Господи, оставь меня тутъ, дай мнѣ смерть, но сохрани жизнь моему ребенку! Ловя минуты одиночества, я, старый, сѣдой человѣкъ, плакалъ тяжелыми слезами, безсильный что-либо сдѣлать, духовными очами слѣдя за агоніей ребенка . . .

Пришла бумага. Съ вещами вытребовали меня на Лубянку въ В. Ч. К. Тамъ долго не держали, взяли подписку, что обязуюсь вернуться черезъ мѣсяцъ, и отпустили. Въ тотъ же вечеръ я получилъ возможность уѣхать въ Петроградъ. Добрые люди помогли, случайности благопріятствовали.

Раннимъ февральскимъ утромъ, еще въ темнотѣ, шелъ я съ узломъ на спинѣ по Суворовскому проспекту, съ глухой тоской на сердцѣ, со слабой надеждой въ умѣ. Парадныя двери въ Сов. Россіи уже давно не открывались. Подымаюсь по черной лѣстницѣ: звоню, стучу — долго, очень долго. Уже не слышу, какъ раньше, біенія своего сердца. Только холодный потъ буквально льется изъ подъ шапки и совсѣмъ застлалъ мои очки. Вдругъ слышу слабый голосъ:

— Кто тамъ?

— Я, Галочка.

Дверь, наконецъ, открылась . . .

— Что съ Нюсей?

— Третьяго дня похоронили. Соня больна тифомъ. Я тоже съ постели.

И повалилась въ слезахъ, безъ сознанія, на полъ . . . Не помню, какъ довелъ ее до кровати. Старшая дочь горѣла, но меня узнала, смогла даже сказать:

— Папа, не цѣлуй меня, я захватила сыпнякъ...

Воды въ квартирѣ не было: всѣ краны замерзли и трубы полопались. Уборныя не дѣйствовали. На кухнѣ и въ комнатахъ валялись огромныя обмерзлыя колоды, которыя жена съ дѣтьми какъ-то ухитрились втащить въ квартиру. Проклятыя колоды! Жена безъ ужаса не могла на нихъ смотрѣть, приписывая имъ смерть ребенка. Домъ Литераторовъ скоро послалъ людей, которые ихъ распилили и раскололи. Воду давали сосѣди.

Въ тотъ же день пошелъ по Старому Невскому въ Александро-Невскую Лавру. Провожала сосѣдка, помогавшая хоронить. Она указала и могилку. Жена и старшая дочь слегли, вернувшись съ похоронъ. У дочери температура поднялась уже за 40°.

Противъ Собора, на свободной полянѣ, подъ старой широковѣтвистой березой, вблизи дороги указала мнѣ сосѣдка свѣжую могилку, отмѣченную небольшимъ рукодѣльнымъ крестомъ. Кругомъ былъ снѣгъ, мѣстами глубокій. На могильномъ холмикѣ чернѣли еще комья замерзшей земли. Съ той поры и началось мое хожденіе по Старому Невскому. Сначала одинъ, потомъ семьей. Всей семьей и могилку весной убрали и водрузили на ней настоящій крестъ. Крестъ стоилъ тогда безумныхъ денегъ, и соорудила его фабрика того предпріятія, на которомъ служила покойная. Жена выкрасила его бѣлой масляной краской, я сдѣлалъ на жестяной дощечкѣ надпись. Въ нашей квартирѣ этотъ крестъ высохъ. На своихъ плечахъ отнесли мы его на кладбище и тамъ закопали на аршинъ въ землю въ головахъ у могилки, на которой выздоровѣвшая дочь развела цвѣты. Все это было уже позже, въ маѣ 1921 г.

Февраль и начало марта ушли на уходъ за больными. Къ счастью, ихъ удалось выходить. Добрые люди помогли. Не оскудѣла еще ими русская земля. Въ какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ я себя ни припоминаю — а много ихъ было, всякихъ — всегда находился добрый человѣкъ, помогавшій и совѣтомъ, и дѣломъ... Къ тому времени, когда я, выполняя данную подписку, собрался въ обратный путь, во Всероссійскую Чрезвычайку, дочь уже могла сидѣть на кровати, а жена была почти здорова. Въ Москвѣ меня держали недолго и скоро освободили по какой-то специальной амнистіи 18 марта 1921 г., не то въ память пятидесятилѣтія Парижской Коммуны, не то по случаю взятія мятежнаго Кронштадта.

Не внялъ Господь моей молитвѣ въ Ивановскомъ лагерѣ, прежде—монастырѣ. Смертью своей дочь моя дала мнѣ свободу. Не мнѣ судить пути Господни. Вѣроятно, не полна еще моя чаша, что-то предстоитъ еще сдѣлать здѣсь на землѣ, для чего-то надо жить...

* *
*

Мы подошли къ пароходу, когда воздухъ уже подернулся легкимъ осеннимъ сумракомъ. На берегу толпилось много народу, главнымъ образомъ, молодежи. Тачечникъ помогъ перенести багажъ на баржу, служившую таможенной передней къ пароходу. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и споровъ удалось втянуть вещи въ отдѣленіе для таможеннаго осмотра.

Пассажиры прошли въ теплую комнату, и потянулись мучительные, тягостные, нудные, длинные часы ожиданія развязки, когда душевная усталость точно убиваетъ боль отъ разлуки съ близкими и дорогими людьми.

Приходили друзья и знакомые прощаться. Цѣловались, жали руки, печально смотрѣли въ глаза и говорили:

— Не знаю, жалѣть Васъ или завидовать? Кому хуже, высылаемымъ или остающимся? Мы безъ Васъ совсѣмъ осиротѣемъ и потонемъ въ болотѣ. Теперь только чувствуешь, какъ важно было для насъ, что Вы, послѣдніе, еще тутъ жили...

Отвѣчаешь имъ, почти какъ тачечнику:

— Какіе мы послѣдніе! Не перевелись еще люди въ Россіи . . .

Приходили большими группами студенты прощаться съ профессорами. Приносили цвѣты ихъ женамъ, помогали переносить вещи. Вьющейся, длинной, колеблющейся разноцвѣтной лентой потянулись сквозь публику, точно гусиный выводокъ, сотни полторы молодыхъ, возбужденныхъ отъ холодка, отъ волненія женскихъ лицъ. Студентки, ученицы Стоюнинской гимназіи, пришли проститься съ Маріей Николаевной, сопровождавшей въ изгнаніе своего зятя проф. Н. О. Лосскаго.

Часовъ до одиннадцати вечера гудѣлъ берегъ отъ оживленнаго прибоя молодежи, смѣнявшей другъ друга.

Каждое прощанье заканчивалось словами:

— Мы говоримъ Вамъ не «прощайте!», а «до-свиданья»! . .

Я старался прислушаться, что отвѣчала моя душа. Въ ней не было ощущенія похоронъ, но не слыхалъ я и бодрыхъ звуковъ радостной надежды. Громада — Петербургъ со всей его культурой и государственнымъ строемъ, — песчинка въ сравненіи съ вставшей на дыбы Россіей. Интеллигенція — песчинка въ сравненіи съ громадой Петербурга и разрушающихся русскихъ городовъ. Мы — небольшая часть интеллигенціи, старавшаяся поддержать ту искру, изъ которой «возгорится пламя».

Опять Пушкинъ! Нельзя жить ни въ С. Петербургѣ, ни въ Петроградѣ, не зная и не любя Пушкина.

* *

*

Давно уже началась посадка. Вызываемый, съ семьей и документами, проходилъ въ сосѣднее помѣщеніе, тамъ его допрашивали, осматривали и затѣмъ онъ безвозвратно поглощался пароходомъ. Остававшіеся въ ожидальной только спустя болѣе или менѣе продолжительное время видѣли черезъ окно, какъ по трапу передвигались силуэты людей съ вещами . . .

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи вызвали и меня съ женой. За столомъ съ бумагами сидѣли двое русскихъ и одинъ нѣмецъ. Сдѣлавъ какія-то отмѣтки на листѣ, спросивъ о возрастѣ и еще о чемъ-то, меня передали красивому юношѣ въ чекистской формѣ. Изысканно вѣжливо онъ провелъ руками по моему пиджаку и брюкамъ, для приличія вынулъ изъ бокового кармана пакетикъ, оказавшійся пачкой папиросъ и положилъ его обратно.

— Сколько у васъ съ собой денегъ?

Я сказалъ и вынулъ мой бумажникъ. Чекистъ не сталъ даже смотрѣть. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ русскихъ оторвалъ клочокъ бумажки, написалъ два слова и передалъ чекисту.

— Будьте добры пойти на осмотръ вещей.

Мы прошли въ помѣщеніе, куда, часовъ семь тому назадъ, я не безъ труда втащилъ мои вещи. Мой спутникъ подозвалъ одного чиновника и передалъ ему клочокъ бумажки. Тотъ взялъ, посмотрѣлъ и удивленно спросилъ:

— Какъ это понимать?

Чекистъ нагнулся къ его уху и что-то прошепталъ. Меня эта сцена чрезвычайно заинтересовала. Поглядимъ, каковъ будетъ осмотръ...

Узлы были развязаны и чемоданы мною раскрыты. Руки надсмотрщиковъ рылись въ вещахъ, но они ничего оттуда не вынули, и глаза ихъ ни на что не смотрѣли. Осмотръ происходилъ, и, въ сущности, его не было. На то, чтобы снова завязать узлы и привести въ порядокъ чемоданы, у меня ушло больше времени, чѣмъ на весь осмотръ.

А сколько дней до отъѣзда пропало у меня на бѣганье по учрежденіямъ, на хлопоты за полученіемъ десятка разрѣшительныхъ бумагъ, на составленіе и засвидѣтельствованіе копій! Сколько силъ наши представители ухлопали на переговоры съ Г. П. У., управляющими таможней, финансовой частью, на сношенія съ Москвой, съ цензурой! Борьба шла изъ за лишней простыни, изъ-за лишняго золотника золотыхъ вещей. Все это казалось настолько серьезнымъ, что я не взялъ многихъ необходимыхъ вещей, своевременно не занесенныхъ въ списки. О книгахъ, рукописяхъ и замѣткахъ нечего и говорить. Памятуя, сколько этого, цѣннаго для меня одного, матеріала, погибло при прошедшихъ обыскахъ, арестахъ и этапныхъ путешествіяхъ, я не взялъ съ собой ничего. А можно было все вывезти...

Разсказывали, что этотъ день былъ, вообще, легкимъ для всѣхъ пассажировъ. Не только у административно-высылаемыхъ заграницу ничего не отобрали, но и у «штатскихъ» взяли лишь банку икры у одной дамы и кольцо съ камнями у другой. Не всегда, говорятъ, такъ бываетъ...

У меня сложилось впечатлѣніе, что были даны особыя указанія не чинить намъ никакихъ притѣсненій. Совѣтская власть точно хотѣла подчеркнутой вѣжливостью украсить наше разставаніе съ родиной и тѣмъ—облегчить или отяготить наши послѣднія минуты.

Противорѣчива душа человѣческая. Я лично эту подчеркнутую мягкость властей почувствовалъ какъ горечь. Высылаютъ безъ злобы. Это хуже, меньше шансовъ на скорое возвращеніе...

* *
*

Послѣ «посадки» мы еще нѣсколько часовъ оставались въ Петроградѣ и двинулись только на разсвѣтѣ. Десятка два людей успѣли прибѣжать, — трамваи еще не ходили, — чтобы крикнуть намъ съ пристани послѣднее «прости». Солнце освѣтило для насъ отходящую столицу и еще часъ, другой мы могли жадно вбирать въ себя послѣднія впечатлѣнія.

Затѣмъ долго плыли мы по водному кладбищу былой русской силы, русскаго богатства, русской славы. Суда, коммерческія и военныя, превращенныя въ желѣзный ломъ, не дымящія фабричныя трубы, не работающіе краны, полуразобранные лѣса у недоконченныхъ построекъ, пустые доки, заброшенныя баржи, пустые склады...

Подходимъ къ Кронштадту и его фортамъ, теперь игрушечнымъ для современнаго морского артиллерійскаго огня.

Толбухинъ маякъ. Сторожевыя военныя суда: русское и эстонское. Сосѣдняя независимая держава.

Какой-то пароходикъ подходитъ къ нашему «Preussen». Высланные пробуютъ шутить:

— Пароходикъ отъ «Чеки» съ приказаніемъ вернуть всѣхъ обратно до новаго распоряженія . . .

Нѣтъ, новыхъ распоряженій не послѣдовало. Пароходикъ снялъ только лоцмана. Мы въ открытомъ морѣ. Внѣ досягаемости для Госполитуправленія Р. С. Ф. С. Р., но и внѣ Россіи . . .

* *
*

Несмотря на середину ноября (1922 г.), погода была на рѣдкость хороша. Ни снѣга, ни дождя. Почти не качало. За эти три дня тихой морской прогулки я могъ вспомнить и продумать пять лѣтъ моей жизни въ коммунистическомъ раю, почти шесть лѣтъ революціи. Обрывки этихъ воспоминаній и мыслей я и пытаюсь нынѣ записать на этихъ страницахъ.

* *
*

Не видавшіе станутъ отрицать, а многіе изъ видѣвшихъ будутъ теперь спорить, что въ самомъ началѣ революціи были дни всеобщаго энтузіазма, необыкновеннаго подъема, подлиннаго слiянія всѣхъ въ одну душу. Вотъ и ген. Деникинъ, подобравшій знамя, выпавшее изъ мужественныхъ рукъ ген. Корнилова, пишетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: «Праздничные дни трогательнаго, радостнаго единенія между офицерствомъ и солдатами быстро отлетѣли, замѣнившись тяжелыми, нудными буднями. Но, вѣдь, они были, эти радостные дни... Сразу отпали какъ-то сами собой всѣ наносные, устарѣлые пріемы, вносившіе элементъ раздраженія въ солдатскую среду; офицерство какъ-то подтянулось, сдѣлалось серьезнѣе и трудолюбивѣе.»

Было, только длилось все это очень и очень недолго. Я, человѣкъ типа болѣе разсудочнаго, чѣмъ волевого или сантиментальнаго, тоже пережилъ эти чувства, только на мигъ еще болѣе короткій, чѣмъ другіе. Съ 1905 года у меня создалось вполнѣ опредѣленное представленіе о характерѣ русской революціи, которую я считалъ, къ несчастью, неизбѣжной, какъ только «внѣшній толчокъ» освободитъ связанныя силы. Такимъ «внѣшнимъ толчкомъ» и явилась война.

Часто спрашивалъ я себя: въ чемъ секретъ этого очарованія революціи, этого длящагося одну минуту всеобщаго энтузіазма? Революція — это освобожденіе отъ внѣшнихъ путъ. Въ этихъ путахъ есть, очевидно, нѣчто такое, что дѣйствительно изжито всѣмъ народомъ, превзойдено имъ въ своемъ духѣ, можетъ и должно быть сброшено. Но освобожденіе чрезвычайно быстро переходитъ за эти предѣлы. Освобождая себя отъ внѣшнихъ цѣпей и страха, человѣкъ уже не находитъ никакихъ сдержекъ въ своей душѣ. Энтузіазмъ, объединявшій всѣхъ, исчезаетъ. Одни попадаютъ во власть темныхъ силъ и служатъ имъ болѣе или менѣе изступленно. Другихъ гнететъ реакція, чувства раскаянія, мести и гнѣва.

Но какое-то святое зерно успѣло побывать въ душахъ всѣхъ. Я видѣлъ это на улицахъ Петрограда въ тѣ три-четыре дня, пока еще его тротуары и снѣжные сугробы не были заплеваны сѣмячками.

Коренное различіе между политическими революціями и религіозными движеніями въ томъ, что послѣднія, обусловленныя въ извѣстной долѣ тоже земными причинами, обращаются къ вѣчному въ душѣ человѣка. Ихъ освободительное

вліяніе на человѣческую душу длится поэтому и за предѣлами кратковременной спазмы энтузіазма. Освободительное вѣяніе революціи гаснетъ вслѣдъ за этимъ мигомъ. Поэтому-то такъ необъятно велико по сравненію со всѣми революціями міра воздѣйствіе христіанства на души милліардовъ человѣческихъ существъ.

* *
*

Энтузіазмъ, несомнѣнно царившій въ столицѣ въ февральско-мартовскіе дни 1917 г., спустя восемь мѣсяцевъ, въ концѣ октября, не ощущался никѣмъ, кромѣ тѣсной группы лицъ, спасшихъ себя захватомъ власти. Незнакомые люди не поздравляли другъ друга и не цѣловались на улицахъ. И если въ преддверіи весны 17-го года «всѣ были пьяны отъ восторга и не единый – отъ вина», то осенью не единый не былъ пьянъ отъ восторга и очень многіе – отъ вина. Было даже немало пьяныхъ, утонувшихъ въ винныхъ погребахъ, затопленныхъ водой. А сколько разстрѣлянныхъ новой властью!?

На большевиковъ въ октябрьскіе дни смотрѣли, какъ на захватчиковъ – авантюристовъ, царствіе которыхъ будутъ считать, если не недѣлями, то мѣсяцами. Пожалуй, такъ думало и большинство самихъ захватчиковъ, съ тоской смотрѣвшихъ на себя, какъ на обреченныхъ людей. Нынѣшнему петроградскому диктатору Зиновьеву пришлось испытать почти то же, что, по словамъ С. М. Соловьева, случилось со вторымъ Лже-Димитріемъ въ Стародубѣ. Пойманный крестьянами, онъ никакъ не хотѣлъ признаваться, что онъ – царь. Крестьяне пригрозили пыткой. Тогда Лже-Димитрій выхватилъ у одного палку и закричалъ: Ахъ, вы, с . . . с . . ., я вамъ покажу, какой я царь! Мужики повалились въ ноги . . . Зиновьева, какъ и Луначарскаго, солдаты штыками заставили взять обратно свою отставку. Зиновьеву, какъ и множеству другихъ, пришлось повторить знаменитыя слова: я – ихъ вождь и долженъ слѣдовать за ними. Другое дѣло – Ленинъ. Этотъ смотрѣлъ въ одну точку и видѣлъ яснѣе. Для него съ самаго начала соціализмъ, война и остальное были только средствомъ для овладѣнія властью и удержанія ея...

Я цѣнилъ шансы большевиковъ съ первыхъ же дней гораздо выше, чѣмъ даже они сами. Почти всѣ революціонеры проповѣдовали большевизмъ, не рѣшаясь осуществлять его. Было ясно, что тѣ большевики, которые на это рѣшатся, окажутся сильнѣе всѣхъ.

Газета «Рѣчь», попытавшаяся выходить послѣ большевистскаго переворота, была вскорѣ закрыта, какъ и вся не-коммунистическая пресса. Сразу покончить со свободой печати большевики не рѣшились. Черезъ нѣкоторое время намъ было дано знать, что мы можемъ возобновить изданіе. Политическаго руководителя «Рѣчи» – П. Н. Милюкова уже не было въ Петроградѣ. Мы стали выпускать «Нашъ Вѣкъ». Газета не находилась ни въ какой связи съ Центральнымъ Комитетомъ конституціонно-демократической партіи, уже раскалывавшейся въ то время по оріентаціямъ. Несмотря на это, несмотря даже на дѣлаемыя въ такомъ смыслѣ заявленія, газету упорно продолжали именовать кадетскимъ оффиціозомъ и въ ея статьяхъ видѣть настоящее отраженіе кадетской мысли. Большинство членовъ Центр. Комитета, проживавшихъ въ Москвѣ и крѣпко державшихся союзнической оріентаціи, были этимъ чрезвычайно недовольны. Основное ядро редакціи состояло изъ І. В. Гессена, редактировавшаго газету съ большими перерывами, но въ работахъ Ц. К. участія не принимавшаго, М. И. Ганфмана, замѣнявшаго отсутствовавшихъ редакторовъ П. Н. Милюкова и І. В. Гессена,

не состоявшаго даже членомъ к.-д. партіи, Д. В. Философова — тоже не кадета, наконецъ, К. Н. Соколова и меня. Мы двое были членами Центр. Комитета, его праваго крыла, но не имѣли въ партіи вліянія, какъ люди, не отражавшіе господствующихъ взглядовъ. Несмотря на это, когда говорили о кадетскихъ взглядахъ, ссылались только на «Нашъ Вѣкъ.» Ничего съ этимъ нельзя было подѣлать! Курьезный случай, свидѣтельствующій, какъ трудно бороться съ общественнымъ предразсудкомъ, превратившимся въ традицію. М. И. Ганфманъ неоднократно жаловался мнѣ:

— Ни о чемъ нельзя писать. Напишешь, — сейчасъ и подхватятъ: вотъ какъ думаютъ кадеты, а кадеты тутъ не при чемъ.

Любопытно, что когда появился «Нашъ Вѣкъ», большевистскія власти высказывали недовольство, почему газета не назвалась снова «Рѣчью».

*   *
*

Уже съ апрѣля 1917 г., когда темный Линде вызвалъ Финляндскій полкъ требовать отставки П. Н. Милюкова, а командующій войсками округа ген. Корниловъ лишенъ былъ Совѣтомъ права распоряжаться солдатами, для меня стало очевидно, что пришествіе большевиковъ только вопросъ времени. Правда, кадеты сдѣлали тогда попытку выйти на улицу и позвать ее за собой. Помню, какъ мы въ нашемъ прекрасномъ тогда помѣщеніи на Французской Набережной готовили наши зеленыя знамена и плакаты. Множество самоотверженной молодежи обоего пола откликнулись на зовъ. Скромная наша манифестація, тотчасъ же по выходѣ на Литейный, стала обрастать толпами народа, восторженно привѣтствовавшими патріотическіе лозунги. Тогда борьба была еще возможна съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ. Только нельзя было ее вести рука объ руку съ соціалистами изъ Совѣта Раб. и Солд. Деп.

Въ рядахъ Врем. правительства это понималъ едва ли не одинъ лишь П. Н. Милюковъ, противъ котораго велъ тонкую интригу Н. В. Некрасовъ, еще не вышедшій изъ Центр. Комитета партіи. Все, что было во Врем. Правительствѣ правѣе кадетъ, съ кн. Г. Е. Львовымъ во главѣ, льнуло къ соціалистамъ изъ Совѣта, чувствуя свое безсиліе. Въ самой кадетской партіи П. Н. Милюковъ не встрѣтилъ поддержки. Въ рѣшающемъ голосованіи Центральнаго Комитета 18 человѣкъ противъ 10 высказались за то, чтобы не настаивать на оставленіи за П. Н. Милюковымъ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ.

Интрига Н. В. Некрасова увѣнчалась успѣхомъ: партія предала своего вождя. Долженъ сказать, что тутъ игралъ роль не только страхъ порвать съ соціалистами, казавшимися тогда силой, но и сознательное недовольство многихъ политической линіей П. Н. Милюкова. В. Д. Набоковъ и нѣкоторые другіе, среди нихъ и очень вліятельныя лица, офиціально стоя на союзнической платформѣ, сознавали уже въ то время непосильность для страны продолженія войны, не дѣлая изъ этого пока логическаго вывода.

Я очень ясно помню тогдашнее положеніе. Конецъ апрѣля глубоко врѣзался въ мое сознаніе, такъ какъ тогда я понялъ неотвратимость пришествія большевиковъ. Я былъ въ числѣ десяти, настаивавшихъ на немедленномъ и полномъ уходѣ всѣхъ кадетовъ изъ всѣхъ министерствъ. Если огромное большинство русской интеллигенціи продолжаетъ пребывать въ духовномъ плѣну у соціалистовъ и одолѣть это настроеніе нѣтъ силъ, то не остается ничего другого, какъ поставить соціалистовъ у власти. Безъ тяжелаго предметнаго урока страна, очевидно, не

обойдется. Чѣмъ скорѣе онъ придетъ, тѣмъ лучше для Россіи: скорѣе закончится, сохранится больше нетронутыхъ силъ. Вреднѣе всего мнѣ казалась коалиція съ соціалистами. Страна испытала бы тогда весь вредъ соціалистическаго правленія, не осознавъ политическаго урока. Соціалисты мастерски прикрывались бы буржуазными министрами, продолжая свое дѣло разрушенія и обвиняя буржуазію и кадетъ въ его результатахъ. У нихъ всегда оставался бы доводъ: это отъ того, что эгоистическая буржуазія не пріемлетъ соціалистической программы и саботируетъ ея осуществленіе.

Мнѣ казалось, что уходъ П. Н. Милюкова долженъ повлечь за собой отставку всѣхъ буржуазныхъ министровъ и образованіе безпримѣснаго соціалистическаго кабинета. А въ соціалистической средѣ — я въ этомъ никогда не сомнѣвался, и въ 1907 г. говорилъ это въ полемикѣ съ Г. В. Плехановымъ, а въ 1911—1913 г. г. въ спорахъ съ А. Н. Потресовымъ — очень скоро взяли бы верхъ большевики. Я и теперь держусь того мнѣнія, что этотъ путь былъ единственно правильный. Конечно, и онъ обрекалъ Россію почти на тѣ же страданія, какія начались для нея съ октября. Но я убѣжденъ, что Россіи было бы гораздо лучше пережить господство соціалистовъ и большевиковъ безъ этого ужаснаго, гнилого коалиціоннаго промежутка, когда такъ безславно погибли наши и прогрессивно-либеральные общественные круги и соціалисты — не большевики.

Когда произошло знаменитое голосованіе Центральнаго Комитета, предавшее П. Н. Милюкова и открывшее эру «коалицій», я думалъ: послѣ первой революціи, въ 1909 году, семь авторовъ въ сборникѣ «Вѣхи» выступили со словомъ предостереженія, указавъ ясно, куда ведутъ страну господствующія интеллигентскія настроенія. Книгу объявили реакціонной злостной клеветой и во главѣ похода противъ насъ былъ П. Н. Милюковъ. Теперь П. Н. Милюкова поддерживаютъ «вѣхисты», патріоты и государственники, но преобладающее большинство либеральной интеллигенціи, имъ же воспитанное, идетъ противъ него, психически безоружное противъ революціонеровъ-соціалистовъ.

Когда черезъ нѣсколько дней послѣ нашей апрѣльской, первой кадетской уличной манифестаціи, ко мнѣ обратилась съ недоумѣнными упреками кадетская молодежь: «какъ? неужели партія оставляетъ Павла Николаевича и кадеты не уйдутъ изъ правительства?», я чувствовалъ себя чрезвычайно смущеннымъ. Что могъ я имъ сказать?! Надъ Россіей повисъ рокъ и пусть скорѣй придутъ большевики . . . У кадетской партіи не оказалось достаточно самостоятельной духовной силы. Идейно она была въ плѣну у соціалистовъ. Надо было готовиться къ тому, чтобы хоть съ достоинствомъ принять расплату. «Въ политикѣ нѣтъ мести, а есть послѣдствія» — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей П. А. Столыпинъ.

Въ концѣ апрѣля кадетская партія была разбита на-голову. Морально она получила ударъ, отъ котораго уже никогда не могла оправиться. Государственномыслящіе элементы русскаго общества лишились своего вождя. Никакой другой силы, кромѣ кадетовъ, не было. Кадеты же завязли въ тинѣ соглашеній съ соціалистами и никакого порыва ни вызвать въ странѣ, ни собрать вокругъ себя не могли. Министры-кадеты, посылаемые въ соціалистическія министерства, А. И. Шингаревъ, Ф. Ф. Кокошкинъ, А. В. Карташевъ — все это «жертвы вечернія». Ген. Корнилова окружили Завойко, Аладьинъ и другіе незнакомцы . . .

* * *

Былъ жаркій іюньскій вечеръ. Въ одной изъ комнатъ кадетскаго клуба у раскрытаго балкона съ чуднымъ видомъ на царственную Неву, передъ которой парижская Сена кажется скромной, домовитой провинціалкой, мы сидѣли съ А. Н. Рутценомъ и въ ожиданіи остальныхъ членовъ Ц. К. бесѣдовали о дѣлахъ текущихъ.

– Что будетъ дальше? какъ по вашему мнѣнію? Вы пророчествуете иногда не дурно.

– Теперь уже не надо быть пророкомъ. Надо только ясно видѣть. Революціи, когда удалось раскачать массы, имѣютъ свои законы. Теперь придутъ соціалисты, за ними большевики, погонятъ насъ отсюда, объявятъ терроръ, перевѣшаютъ тысячи людей и приведутъ за собой диктатора. Такъ всегда кончаются революціи, если странѣ, на которую онѣ обрушились, не суждено погибнуть...

* *
*

Наступилъ день 3 іюля – первой попытки большевиковъ къ захвату власти подъ флагомъ «вся власть совѣтамъ.» Наканунѣ ушли изъ министерства министры-кадеты изъ за оборудованнаго Н. В. Некрасовымъ за ихъ спинами «универсала» объ автономіи Украины даже безъ точнаго опредѣленія границъ этого государственнаго новообразованія. Министръ В. М. Черновъ привѣтствовалъ ихъ уходъ словами «скатертью дорога», а въ это же время, поднося къ его носу кулакъ, рабочій большевикъ ему кричалъ: «принимай, с. с., власть когда даютъ . . .» Та же «стародубская» сцена, что позднѣе съ Зиновьевымъ и Луначарскимъ . . .

Партійная дѣятельность съ іюля по октябрь оставила по себѣ слабое впечатлѣніе. Подготовка къ Учредительному Собранію, вѣры въ которое уже не было. Ежедневные удары съ фронта, свидѣтельствующіе о все большемъ и большемъ распаденіи нашей военной силы. Необходимость въ газетѣ все это нѣсколько сглаживать, ослаблять въ виду готовящагося наступленія. А въ Центральный Комитетъ являлись офицеры, въ томъ числѣ и предсѣдатель офицерскаго союза Новосильцевъ, и предостерегали: наступленіе невозможно, оно обречено на неудачу и кончится лишь тѣмъ, что будутъ перебиты лучшія части офицерства и солдатъ. Но «коалиція» была заключена на платформѣ наступленія. «Наступленіе» было тѣмъ трамплиномъ, съ котораго собирался прыгнуть Керенскій. Около же этого времени, если не ошибаюсь, и Троцкій усмотрѣлъ въ Керенскомъ «математическую точку русскаго бонапартизма» . . . Приходилось всячески поддерживать Керенскаго. Иногда мелькала надежда: а вдругъ? . . . Особенно громко заговорила она, когда пришли извѣстія о первыхъ успѣхахъ 18 іюня. Какъ-то сами собой начались народныя манифестаціи и кадетскіе зеленые плакаты снова появились на улицахъ Петрограда. Послѣдніе радостные петроградскіе дни . . . Длились они не долго, смѣнившись вѣстями о разгромѣ, о Тарнопольскомъ и Калушскомъ позорѣ. Громко прозвучалъ голосъ ген. Корнилова, слѣва котораго сталъ военный министръ Б. Савинковъ, а справа – комиссаръ Филоненко.

На авансценѣ металась истерическая фигура А. Ф. Керенскаго. Въ Центральномъ Комитетѣ все чаще и чаще обсуждались различныя министерскія комбинаціи. Основное разногласіе, по прежнему, сводилось къ принципіальному расхожденію во взглядѣ на коалицію съ соціалистами. Число противниковъ коалиціи уменьшалось по мѣрѣ того . . . какъ яснѣе и яснѣе вырисовывался вредъ коалиціи. Объяснялся этотъ парадоксъ очень просто. Дѣло было сдѣлано. Возврата назадъ

уже не существовало. Коалиція связала партію и внѣ коалиціи уже не представлялось возможности политической дѣятельности. Вино было раскупорено, его надо было пить.

За сотрудничество съ соціалистами особенно стояла «Москва» и «провинція». Лидеромъ этой части партіи являлся Н. М. Кишкинъ, уже въ то время разсчитывавшій убѣдить Керенскаго перебраться съ правительствомъ въ Москву, чтобы, высвободившись изъ подъ вліянія Совѣтовъ, сдѣлать послѣднюю попытку оздоровленія демократической Россіи. Московское направленіе считалось въ партіи болѣе «лѣвымъ». Въ немъ видѣли и выраженіе голоса «провинціи», черноземной Руси. Все это были иллюзіи. Московское направленіе также не имѣло за собой никакой силы, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, разсчитывавшихъ заговорить или обойти стихію. А она шла своимъ путемъ.

Кстати. Соціалисты и большевики вели въ то время агитацію противъ кадетъ, какъ партіи не только буржуазной, что, конечно, справедливо, но и капиталистической, что было полной неправдой. «Долой министровъ-капиталистовъ!» — кричала толпа, требуя отставки Шингарева и Кокошкина. Къ сожалѣнію, между капиталистами и кадетами связи не было. Ея не образовалось до революціи. Только лѣтомъ начались попытки болѣе тѣснаго сближенія, и представители московской торгово-промышленной группы изрѣдка появлялись въ засѣданіяхъ Центр. Комитета. Партія, какъ была, такъ и осталась до самаго конца интеллигентской. Она встрѣтила живой откликъ въ мелкой и средней городской буржуазіи, осторожно обошла капиталистическіе верхи и не смогла сдѣлать себѣ опоры изъ крестьянъ-собственниковъ. Между тѣмъ, только оттуда она могла почерпнуть настоящую силу.

Въ свое время я былъ, пожалуй, единственнымъ человѣкомъ въ партіи, рѣшавшимся утверждать, что «столыпинскіе хуторяне» должны быть сдѣланы партійнымъ фундаментомъ. Высказываніе этой ереси причинило мнѣ не мало непріятныхъ минутъ и не разъ заставляло подумывать объ уходѣ изъ партіи. Ошибка была не въ самой мысли — нынче нѣтъ кадета, который бы ея не раздѣлялъ, — а въ допустимости иллюзій, что наличный составъ верховъ партіи, подбиравшихся долгимъ историческимъ процессомъ, способенъ эту мысль осуществить. Съ этой точки зрѣнія я признаю правильными упреки соціалистовъ въ отсутствіи у кадетъ достаточной «демократичности». Да, было много «барскаго» въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ слова.

* *
*

Корниловскіе дни я провелъ въ Эстляндской губерніи, куда ѣздилъ за семьей въ виду упорныхъ слуховъ о предстоящемъ занятіи края нѣмцами. Въ маленькомъ эстонскомъ городкѣ Гапсалѣ я могъ наблюдать, какъ революція, довершая дѣло войны, расшатывала государственныя скрѣпы Россіи и подготовляла мѣстные сепаратизмы.

Съ 1910 г. ежегодно мы проводили по нѣсколько лѣтнихъ недѣль въ этомъ чистенькомъ эстонскомъ городкѣ, и я могъ слѣдить за кривой народныхъ настроеній. Эстонцы относились къ русской власти и къ русскимъ вполнѣ лойяльно, да и власть и русское населеніе ничѣмъ вражды эстонцевъ къ себѣ не вызывали. Только на желѣзныхъ дорогахъ преобладали русскіе, но во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ было очень много чиновниковъ-эстонцевъ и эстонскій крестьянинъ и на

почтѣ, и у воинскаго начальника, и въ казначействѣ, и у нотаріуса могъ объясняться на своемъ языкѣ. Русская власть являлась народу въ демократическомъ облаченіи защитника отъ нѣмецкихъ бароновъ. Эстонскія газеты, общества, научно-литературныя и спортивныя, политическія партіи, митинги — все это въ довольно широкихъ, по нынѣшнему, размѣрахъ было доступно эстонцамъ. Количество русскихъ въ краѣ медленно, но постепенно росло: они занимались ремеслами и кое-какой торговлей. Часть эстонцевъ исповѣдовала православную вѣру и въ Гапсальскомъ соборѣ шла двойная служба: на славянскомъ и на эстонскомъ языкахъ.

При объявленіи войны всѣ симпатіи эстонскаго населеніе были на сторонѣ Россіи. Кое-гдѣ начинались даже преслѣдованія нѣмцевъ, на почвѣ шпіономаніи. Надо отдать справедливость тогдашнему эстляндскому губернатору — онъ сдерживалъ эти проявленія національной вражды къ нѣмцамъ, выражавшейся у эстонцевъ вообще значительно слабѣе, чѣмъ у латышей.

Но военныя пораженія, съ одной стороны, начинавшійся еще до революціи распадъ арміи, съ другой, дѣлали свое дѣло. Въ 1916 году я видѣлъ уже явные признаки недовольства населенія русскими солдатами. Кражи въ Эстляндіи были явленіемъ очень рѣдкимъ. Въ Гапсалѣ еще въ 1912–1913 годахъ — не повѣрятъ! — можно было всей семьей уйти изъ дому, не заперевъ дверей. Наши солдаты быстро отучили отъ этого. Они крали картошку и овощи съ огородовъ, обирали фруктовые сады, растаскивали заборы на топливо. Они не только брали для собственныхъ нуждъ, но ломали и разрушали все, точно для процесса разрушенія, чтобы ни себѣ и ни другимъ. Занятые ими для постоя дома они оставляли въ ужасномъ видѣ, приводившемъ эстонцевъ въ отчаяніе. Дома превращались въ сплошные клоповники съ выломанными рамами, сожженными дверьми, разрушенными полами и печами.

— Почему — жаловалась мнѣ одна эстонка — русскій солдатъ не можетъ перепилить полѣно, а старается разбить печь, чтобы оно влѣзло?

Въ 1917 г. во время революціи, когда дисциплина рѣзко пала и офицеры лишились своего вліянія, эстонское населеніе стало прямо панически бояться русской арміи, своей защитницы. Слонявшіяся толпы солдатъ съ разстегнутыми воротами рубахъ, съ шинелями въ накидку, поплевывающихъ вокругъ себя неизбѣжными сѣмечками, наводили страхъ. Жители запирались на запоры, старались сидѣть дома послѣ сумерекъ, не выпускали однѣхъ дѣвочекъ. Каждую ночь происходили кражи, слышались по ночамъ крики, раздавались выстрѣлы. Въ тихомъ эстонскомъ городкѣ, въ которомъ убійство служило предметомъ многолѣтнихъ толковъ и воспоминаній, оно сдѣлалось явленіемъ обычнымъ, грозившимъ каждому. Въ іюлѣ и августѣ 1917 г. населеніе Гапсаля, какъ и всей Эстляндской губерніи, опредѣленно и нетерпѣливо ждало прихода нѣмцевъ, какъ избавителей, и создавало отряды самообороны, ячейки эстонскихъ войскъ.

Ген. Корниловъ былъ самымъ популярнымъ генераломъ... среди мирнаго населенія, но не среди войскъ, по крайней мѣрѣ тыловыхъ, которыхъ я наблюдалъ. Гапсальскіе солдаты его ненавидѣли, но и боялись. Боязнь, впрочемъ, скоро прошла, какъ только Керенскій и Совѣты объявили генерала измѣнникомъ. Притихшіе на минуту солдаты встрепенулись, пошли митинги, по адресу генераловъ и офицеровъ неслась ожесточенная брань. Никогда не забуду, что переживали въ то время офицеры, жившіе въ Гапсалѣ иногда съ семьями. Жены ихъ, на ряду съ мѣстными обывателями, молили Бога о скорѣйшемъ пришествіи нѣмцевъ. Занятіе острововъ возвѣщалось ежедневно. Нѣмцы заставили, однако, эстонцевъ подождать еще пять недѣль.

Мы выѣхали за день до разрушенія пути правительствомъ въ виду выступленія ген. Корнилова. Нашъ поѣздъ проскочилъ въ Петроградъ послѣднимъ, зато мы лишились всего бѣлья и платьевъ, украденныхъ желѣзнодорожниками по прибытіи багажа въ Петроградъ. Желѣзнодорожники тогда совершенно перестали стѣсняться, и кражи багажа сдѣлались заурядныть явленіемъ. Впрочемъ, черезъ годъ, уже при большевикахъ, въ маѣ или іюнѣ 1918 г., за чемоданъ и корзину мнѣ были выданы 200 рублей керенками при соотвѣтствующей перепискѣ. Какъ долго еще, несмотря на «реформы» Некрасова, на политическіе перевороты, продолжалъ работать почти прежнимъ темпомъ и порядкомъ старый технико-бюрократическій желѣзнодорожный аппаратъ! Долго надо было трудиться, чтобы разбить его до конца. Много усилій надо было для того, чтобы даже четыре года воевавшую Россію довести до голодовокъ и людоѣдства...

* *
*

Насыщенный эстляндскими впечатлѣніями, я пріѣхалъ въ Петроградъ съ совершенно опредѣленнымъ мнѣніемъ о выступленіи ген. Корнилова. Оно совпало съ мнѣніемъ большинства членовъ партіи. Всѣ высоко цѣнили личность ген. Корнилова, но считали его попытку осужденной на неуспѣхъ. Нѣкоторые думали, что дѣло кончилось бы иначе, если бы «струсившіе» Керенскій и Савинковъ не «предали» спровоцированнаго ими генерала. Среди части либеральной интеллигенціи съ большимъ довѣріемъ относились къ слухамъ, будто Керенскій и Савинковъ знали о планахъ ген. Корнилова, сочувствовали ему, подталкивали даже, пока Гоцъ, Церетели и другіе руководители Совѣта не принудили Керенскаго объявить генерала измѣнникомъ.

Послѣ неудачи Корниловскаго движенія началась агонія Временнаго Правительства. Не знаю, насколько вѣрны слухи, будто крайніе правые помогали большевикамъ его низвергнуть. Достовѣрно, что очень много бывшихъ полицейскихъ, жандармовъ и тайныхъ агентовъ вошли въ ряды большевиковъ. Несомнѣнно также, что съ того времени въ кругахъ правыхъ и умѣренныхъ начали крѣпнуть нѣмецкія симпатіи и желаніе мира, хотя бы сепаратнаго. Въ печати много писалось о позорѣ и низости сепаратнаго мира. Эта фраза сдѣлалась трафаретомъ для всѣхъ выступленій ораторовъ, отъ правыхъ до совѣтскихъ соціалистовъ. Но на самомъ дѣлѣ — надо признать это — тутъ было не мало благочестивой лжи. Въ частныхъ бесѣдахъ у многихъ проглядывала тоска по нѣмцамъ, водворяющимъ порядокъ. Всѣ жаждали мира. Иногда повторяли злыя слова, что союзники готовы воевать до послѣдней капли крови русскаго солдата.

Отъ недавняго еще восторга передъ Керенскимъ не осталось и слѣда. И справа, и слѣва, и въ центрѣ — его либо ненавидѣли, либо презирали. Въ народѣ пользовались большимъ успѣхомъ пущенные съ обоихъ крайнихъ фланговъ разсказы, сколько милліоновъ Керенскій получилъ отъ союзниковъ за наступленіе. Обывательскую массу особенно раздражало, что Керенскій поселился въ Зимнемъ Дворцѣ, спитъ въ царской кровати и проч. Интеллигентскіе круги, близкіе къ правительству, язвительно называли А. Ф. Керенскаго новой Александрой Федоровной, намекая на его чисто женскую истеричность. Военные ненавидѣли его за ген. Корнилова и другихъ «быховскихъ» узниковъ.

3 Сентября, явно предвосхищая волю Учр. Собранія, Керенскій объявилъ Россію республикой. На это никто не обратилъ никакого вниманія. Черезъ два

дня послѣ этого, впервые, Петроградскій Совѣтъ р. и с. д. принялъ предложенную большевиками резолюцію. А еще черезъ 10 дней тотъ же Совѣтъ избралъ своимъ предсѣдателемъ услужливо выпущеннаго Керенскимъ изъ тюрьмы Л. Троцкаго. Чхеидзе и Церетели поѣхали къ себѣ на родину, чтобы тамъ, цѣною предательства, основать самостоятельное государство, въ которомъ русскіе были сдѣланы гражданами второго разряда.

Режимъ погибалъ при всеобщемъ къ нему отвращеніи. Ясно было, что никто пальцемъ не шевельнетъ въ его защиту, а Керенскій продолжалъ успокаивать близко стоявшихъ къ нему Н. М. Кишкина и В. Д. Набокова, что всѣ мѣры приняты и онъ ждетъ выступленія большевиковъ, чтобы рѣшительно съ ними расправиться. Когда Н. М. Кишкинъ и В. Д. Набоковъ передавали Центр. Комитету партіи эту информацію, большинство только пожимало плечами. Кого Богъ захочетъ погубить, у того сначала отыметъ разумъ. Слѣпой поводырь тянулъ за собой въ яму другихъ, всю Россію.

Характерная подробность! Вскорѣ послѣ разгрома Корнилова, большевики устроили такое откровенное и назойливое шпіонство за Клубомъ партіи народной свободы на Французской набережной, что пришлось прекратить открытое устройство тамъ засѣданій Центр. Комитета. Мы собирались въ разныхъ мѣстахъ полуконспиративно, памятуя, что и во время бунта 3 іюля большевики одной изъ первыхъ мѣръ ставили захватъ кадетскаго центра.

*　　*
*

Захватъ власти большевиками 25 октября въ первые дни на широкіе круги петроградскаго населенія не произвелъ никакого впечатлѣнія. Мнѣ всегда припоминался этотъ фактъ, когда я читалъ въ документахъ временъ Французской Революціи свидѣтельства, что въ день казни Людовика XVI три четверти Парижа не знало объ этомъ событіи. Впрочемъ, когда лѣтомъ 1918 г. въ московскихъ газетахъ появились извѣстія о разстрѣлѣ Николая II, русское общество отнеслось и къ этому совершенно равнодушно. Обстрѣлъ Зимняго Дворца съ «Авроры», засѣданіе гор. думы, попытка гласныхъ ночью двинуться ко Дворцу — все это задѣвало очень тѣсный кругъ людей.

Въ слѣдующіе за 25-мъ октября дни, въ связи съ разгромомъ винныхъ лавокъ, обиліемъ пьяныхъ на улицахъ, стрѣльбой и опасеніемъ погромовъ, настроеніе стало болѣе возбужденнымъ. Слухи о движеніяхъ на большевиковъ Керенскаго, Савинкова, Краснова живо подхватывались населеніемъ, въ огромной массѣ враждебнымъ захватчикамъ. Къ нимъ относились полу-иронически. Передавались забавные разсказы, какъ ихъ встрѣчали въ министерствахъ, какъ организовывали они тамъ работу при помощи курьеровъ и швейцаровъ въ виду саботажа остальныхъ чиновниковъ. Мало кто вѣрилъ, что эта оперетка продлится болѣе двухъ-трехъ недѣль. Многіе изъ захватчиковъ сами были на смерть перепуганы тѣмъ, что сдѣлали. Зиновьевъ, Луначарскій, Рыковъ, Милютинъ и др. пользовались первымъ попавшимся случаемъ, чтобы, ссылаясь на разногласія съ большинствомъ своего Центр. Комитета, уклониться отъ власти и отвѣтственности. Не дрогнули Ленинъ, Троцкій, нѣсколько рядовыхъ военныхъ, входившихъ въ составъ Военно-Революціоннаго комитета.

Я не раздѣлялъ всеобщаго оптимизма, такъ какъ давно считалъ неизбѣжнымъ пришествіе большевиковъ. Въ первые же дни, помню, обратилъ вниманіе на то,

что большевикамъ удалось охранить общественный порядокъ и обезпечить снабженіе горожанъ хлѣбомъ. Они безпощадно разстрѣливали пьяныхъ и мародеровъ, героически уничтожали склады водки и винъ и добились того, что октябрьскія событія вначалѣ не сопровождались въ городѣ какими-либо чрезвычайными безчинствами, грабежами и убійствами. Зато въ провинціи и, особенно, въ арміи отголосокъ получился ужасный. Занятые борьбой съ разгромами винныхъ лавокъ, дипломатіей со съѣздами совѣтовъ, и въ особенности съ крестьянскимъ, гдѣ Ленинъ умѣло использовалъ лѣвыхъ эсъ-эровъ, большевики въ первые дни не могли организовать систематическаго преслѣдованія своихъ политическихъ противниковъ.

Движеніе Керенскаго на столицу скоро закончилось позорнымъ крахомъ. Казаки держали нейтралитетъ. Слабыя попытки юнкеровъ, преданныхъ на закланіе, были безъ труда подавлены большевиками. Уличное спокойствіе въ Петроградѣ возстановилось. По мѣрѣ того, какъ милитарно большевики укрѣплялись, усиливались и политическія преслѣдованія. Раньше всего члены Центральнаго Комитета партіи народной свободы были объявлены «врагами народа» и находящимися «внѣ закона». По смыслу воззваній каждый могъ насъ безнаказанно убить. П. Н. Милюковъ и нѣкоторые другіе лидеры выѣхали изъ Петрограда. Наши министры еще сидѣли въ тюрьмѣ, хотя министры-соціалисты и были освобождены. Но засѣданія Центр. Комитета еще не прекратились. Они только стали совершенно конспиративными. Въ какой мѣрѣ, однако, мы не ясно понимали еще положеніе вещей, видно изъ того, что на каждомъ изъ этихъ конспиративныхъ засѣданій присутствовалъ секретарь, составлявшій обширные протоколы. Эти протоколы переписывались нашими барышнями и въ декабрѣ чуть-чуть не вызвали катастрофу. Въ то время А. И. Шингаревъ былъ уже арестованъ и сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Наши партійныя барышни имѣли возможность посѣщать его, приносить ему передачи, ѣду, цвѣты. Одна изъ нихъ, дочь виднаго профессора-экономиста, передала какъ-то А. И. Шингареву по ошибкѣ вмѣсто пирога довольно толстую пачку протоколовъ, тоже завязанную въ бумагу. Стража, развернувъ этотъ «пирогъ», передала его не арестанту, а крѣпостному начальству. Вѣроятно, въ протоколахъ этихъ ничего криминальнаго не оказалось, такъ какъ никакихъ результатовъ весь инцидентъ не имѣлъ. Намъ всѣмъ пришлось, однако, пережить очень непріятныя минуты, а виновница «недоразумѣнія» была близка къ нервному разстройству, когда вскорѣ въ совѣтскихъ «Извѣстіяхъ» появилась глухая замѣтка, что въ руки властей попали документы, уличающіе кадетовъ . . . «Извѣстія» и «Правда» неоднократно печатали такого рода торжественныя сообщенія объ уличающихъ кадетскую партію документахъ. Все это оказывалось сущимъ вздоромъ – о кн. Кекуатовой, къ кадетамъ отношенія не имѣвшей, о черносотенномъ приватъ-доцентѣ Г., нелѣпыя измышленія о подкупѣ кадетами пьяницъ для разгрома винныхъ лавокъ и т. д.

Члены Ц. К. продолжали еще работать тайно, а городскія партійныя учрежденія дѣйствовали даже открыто, хотя въ отдѣльныхъ районахъ мѣстные совдеп въ порядкѣ полу-разбойничьихъ набѣговъ и громили ихъ, уничтожая литературу, захватывая, какъ добычу, пишущія машинки и мебель. Не былъ формально закрытъ и партійный клубъ на Французской набережной. Къ общей ликвидаціи партійныхъ учрежденій большевики, повидимому, еще не рѣшались приступить. Предстояли, вѣдь, выборы въ Учред. Собраніе, а однимъ изъ поводовъ къ низверженію «Временнаго Правительства» большевики въ началѣ выставляли обвиненіе въ затягиваніи созыва «Учредилки».

Моя работа носила, главнымъ образомъ, характеръ литературный. Выходила подъ разными названiями «Рѣчь». Существовало при Центр. Комитетѣ «литературное бюро» для снабженiя статьями провинцiальныхъ газетъ. Передъ самыми выборами въ Петроградѣ, среди всеобщаго молчанiя, такъ какъ большевики къ этому моменту закрыли всѣ газеты, мнѣ съ А. В. Тырковой удалось выпустить три номера боевой газеты «Борьба». Появленiе ея произвело на улицахъ большой эффектъ. Большевики гонялись за продавцами, рвали и уничтожали газеты, арестовывали мальчишекъ. Но до того еще плохо была у нихъ организована полицейская часть, что только послѣ выхода третьяго номера, они разузнали, гдѣ газета печатается. Когда отрядъ красноармейцевъ съ параднаго входа заходилъ въ помѣщенiе съ ордеромъ на закрытiе газеты и арестъ редакторовъ, я — по черному успѣлъ еще уйти изъ типографiи. Полицейскому искусству г. г. большевики научились довольно скоро. При дальнѣйшихъ обыскахъ и арестахъ они всегда прежде всего справлялись у домового уполномоченнаго, сколько въ домѣ выходовъ и спѣшили занять стражей всѣ. Но даже петроградскимъ чекистамъ потребовалось два года, чтобы догадаться о необходимости останавливать автомобиль за одинъ-два квартала до мѣста обыска. Гудѣнiе автомобиля среди жуткой тишины петроградскихъ улицъ неоднократно предупреждало намѣченныя жертвы, спѣшившiя принять необходимыя мѣры.

Наблюдалъ я, какъ большевики практически обучались искусству «полицiи прессы».

И тутъ, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, они довольно скоро догадались, что лучше царскихъ учрежденiй не выдумаешь. Володарскiй, Лисовскiй, Харитоновъ на разные лады копировали начальниковъ Управленiя по дѣламъ печати Феоктистова, Соловьева, съ разной степенью наглости и невѣжества. Они пытались возстановить даже знаменитую 144-ую статью сначала въ видѣ совѣта не касаться того или другого вопроса, а затѣмъ и прямого приказа. Даже соловьевская мысль о назначенiи редакторовъ была воспринята коммунистическимъ начальствомъ. Штрафы во все увеличивающемся размѣрѣ стали однимъ изъ любимыхъ орудiй воздѣйствiя на печать. Коммунистическiе цензора очень быстро сообразили и то, что надо бороться съ «духомъ» газеты, съ «подборомъ» фактовъ, съ «тономъ» отношенiя къ новой власти. Можно было и порицать, но это должно было дѣлаться съ оттѣнкомъ уваженiя, а, главнымъ образомъ, безъ скрытой подоплеки: «мы» и «они». У коммунистовъ-интернацiоналистовъ самое страстное желанiе сводилось къ тому, чтобы враждебная имъ печать обращалась съ ними, какъ съ властью нацiональной. Первый десятитысячный штрафъ (тогда еще очень большая сумма) наложенъ былъ на «Нашъ Вѣкъ» за мою передовицу, въ которой говорилось, что коммунистическiя мѣропрiятiя по домовладѣнiю приведутъ только къ единственному результату, къ замѣнѣ русскихъ домовладѣльцевъ иностранными капиталистами.

Такъ какъ въ этомъ, важнѣйшемъ для коммунистовъ, пунктѣ имъ не удавалось поработить печать, продолжавшую намеками и тономъ, подчеркиванiемъ интернацiоналистской словесности вождей, отрицать за коммунистической властью характеръ нацiональной, то ни о какомъ длительномъ существованiи независимой печати не могло быть и рѣчи. Десятитысячные штрафы смѣнились стотысячными. Монополизацiей объявленiй, вмѣшательствомъ въ снабженiе изданiй бумагой, давленiемъ типографскихъ рабочихъ было сдѣлано невозможнымъ появленiе новыхъ газетъ. Старыя закрывались одна за другой. Но нѣкоторыя все-таки держались и, несмотря на отсутствiе доходовъ отъ объявленiй, существовали только розничной продажей. Обыватель платилъ въ четыре-пять разъ дороже,

но не желалъ брать въ руки коммунистической газеты. Послѣдняя не могла выдержать конкурренціи ни съ какой, даже самой скверной газетой, но носившей хотя бы обликъ независимости. Было какъ-то время, когда большевики закрыли всѣ газеты, кромѣ «Петербургской Газеты», въ которой нѣкій художникъ Ѳома Райлянъ съ большимъ цинизмомъ и наглостью, подѣлываясь подъ коммунистическій стиль, восхваляя Ленина и Троцкаго, ругательски ругая Керенскаго и Милюкова, проводилъ, въ сущности, черносотенныя и антисемитскія идейки. Газетка сразу побила рекордъ и стала далеко впереди всѣхъ совѣтскихъ изданій. Коммунистическія власти, испугавшись, прихлопнули и ее.

«Теченія» среди правящихъ коммунистическихъ круговъ мѣнялись очень часто. Временами, когда властямъ грозила какая либо особая опасность, они прикрывали всю некоммунистическую печать, но сначала «временно». Затѣмъ, когда эта власть, болѣе чѣмъ всякая другая склонная къ паникѣ, нѣсколько «отходила», она разрѣшала тѣ или иныя изданія. Но какія? Тутъ-то и шла борьба мнѣній. Одни стояли за разрѣшеніе печати бульварной, безпринципной и порнографической, но безпартійной и аполитичной. Другіе, наоборотъ, стояли за необходимость оставленія только «серьезной политической печати» съ полнымъ упраздненіемъ бульварной. Была, напр., недѣля или двѣ, когда въ Петроградѣ выходилъ одинъ кадетскій «Нашъ Вѣкъ», всѣ другія изданія были закрыты, и коммунисты очень гордились своимъ либерализмомъ . . . Этотъ «либерализмъ» былъ таковъ, что нашъ редакторъ М. И. Ганфманъ, чрезвычайно выдержанный и осторожный человѣкъ, прекрасно изучившій «духъ» всѣхъ безчисленныхъ цензурныхъ режимовъ въ Россіи съ 90-хъ годовъ XIX вѣка, неоднократно вздыхалъ: хоть бы закрыли . . . Коммунистическій «либерализмъ» не выдержалъ переворота, произведеннаго гетманомъ Скоропадскимъ на Украинѣ. Снова вся газетная печать была закрыта. Затѣмъ, недѣли черезъ двѣ новый припадокъ либерализма. «Нашъ Вѣкъ» снова появился въ свѣтъ, пока, въ началѣ августа, испуганная коммунистическая рука не придавила его окончательно. Нѣкоторое время пытались выходить еще разные журналы и журнальчики. Овладѣвъ типографіями, совѣтская власть добралась и до нихъ. Съ конца 1918 до средины 1921 г. въ Россіи царилъ полный коммунистическій рай: кромѣ коммунистической – періодической печати никакой. И такъ она надоѣла и опротивѣла даже самимъ коммунистамъ, что и тѣ были рады, когда вмѣстѣ съ «Нэпомъ» стало воскресать подобіе независимой печати, хотя бы въ видѣ чисто-литературныхъ журнальчиковъ. Первый блинъ, впрочемъ, вышелъ комомъ. Получено было разрѣшеніе на выпускъ еженедѣльной «Литературной Газеты.» Но какой-то типографскій шпіонъ доставилъ корректурныя гранки предполагавшагося перваго номера въ Чеку. Тамъ прочли передовицу о Дельвиговской «Литературной Газетѣ», не выдержавшей гнета Николая I, усмотрѣли въ ней недозволительные намеки и послали отрядъ чекистовъ съ приказомъ разбить стереотипы, уничтожить матрицы и отобрать разрѣшеніе на выпускъ. Такъ «Литературная Газета» и не вышла.

Русскіе литераторы живучи. Они еще понизили свой тонъ, перешли на языкъ Николаевской прессы временъ Бутурлинскаго Комитета, стали сводить все на беллетристику и литературную критику. Коммунисты ввели прямую предварительную цензуру. Нѣсколько журналовъ все-таки появились на свѣтъ Божій, пока въ августѣ 1922 г. не было принято рѣшеніе всю старую литературу и вообще всѣхъ писателей, не вѣрующихъ въ Маркса и его «Капиталъ», выслать за-границу.

* * *

Съ окончаніемъ выборовъ въ Учр. Собраніе большевики прикончили и послѣдніе остатки открытой политической дѣятельности въ Петроградѣ. Центральный партійный клубъ и районныя отдѣленія были закрыты, разгромлены. Имущество расхищено. Нахожденіе при обыскахъ партійнаго кадетскаго билета становилось уже дѣломъ опаснымъ. Всѣ сколько-нибудь замѣтные кадеты вынуждены были скрываться, не ночевать дома. Выходилъ только время отъ времени «Нашъ Вѣкъ», при чемъ періоды закрытія, чередовавшіеся съ періодами выхода газеты въ свѣтъ, становились все длиннѣе. И все-таки партійные работники находили возможность иногда выступать, читая лекціи, доклады, безъ подчеркиванія партійной марки.

Мы вошли въ стадію похоронъ. Хоронили Г. В. Плеханова, хоронили Учредительное Собраніе, легальную политическую работу, Кокошкина и Шингарева, хоронили Россію — послѣ Брестскаго мирнаго договора . . .

На похоронахъ Г. В. Плеханова рядомъ со мной, несшимъ зеленый кадетскій вѣнокъ, шла маленькая депутація отъ Союза Михаила Архангела, обращавшая на себя всеобщее вниманіе. Двое юношей сложивъ стуломъ кисти своихъ рукъ, несли небольшой крестъ, красиво перевитый зеленымъ плющомъ. На крестѣ надпись:

Русь диктовала-бъ миръ своимъ врагамъ въ Берлинѣ,
Когда-бъ народъ нашъ шелъ путемъ, указаннымъ тобой.
В. Пуришкевичъ.

За двумя юношами съ крестомъ шла еще пара смѣнщиковъ.

Красныхъ вѣнковъ, красныхъ лентъ, красныхъ цвѣтовъ и красныхъ знаменъ на похоронахъ было очень много. Нѣсколько зеленыхъ кадетскихъ вѣнковъ и флаговъ тонули въ этомъ красномъ морѣ. Но рабочихъ не было на похоронахъ отца русской соціалъ-демократіи. Рабочіе не пришли демонстративно. Приказъ коммунистовъ оказалъ поразительное дѣйствіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по приказу тѣхъ же коммунистическихъ вождей на похоронахъ Володарскаго были не только войска всѣхъ родовъ оружія, чуть ли не весь петроградскій гарнизонъ, но и многія десятки тысячъ рабочихъ пришли проводить трупъ молодого, никому неизвѣстнаго еврея, съ годъ тому назадъ прибывшаго изъ Америки. Когда я слышалъ разговоры о классовомъ самосознаніи русскаго пролетаріата, я всегда припоминалъ врѣзавшееся въ мой мозгъ сопоставленіе двухъ похоронъ. Обо многомъ свидѣтельствуетъ оно, давая яркіе штрихи для характеристики психологіи русскаго рабочаго, но о классовомъ самосознаніи во всякомъ случаѣ не говоритъ.

Еще болѣе печальной вышла январьская демонстрація въ честь Учредительнаго Собранія. Люди дѣлали видъ, что не то торжествуютъ, радуются и привѣтствуютъ «сбывшуюся, наконецъ, столѣтнюю мечту русской интеллигенціи», не то «готовятся къ бою», а на самомъ дѣлѣ хоронили . . . идею Учредительнаго Собранія по всеобщему, прямому, равному и тайному.

Не безъ большихъ усилій удалось собрать со всего Петрограда 50—60 тысячъ человѣкъ, рѣшившихся шествовать по петроградскимъ улицамъ, несмотря на угрозу большевистскихъ штыковъ и пулеметовъ. Среди этихъ демонстрантовъ было тысячъ десять и рабочихъ, выступавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Но основную массу вышедшихъ на улицу людей составляла интеллигенція, студенчество разныхъ школъ. Не знаю, какъ держали бы себя эти совершенно безоружные демонстранты, если бы сбылись упорные толки о готовившемся на то же время вооруженномъ выступленіи соціалистовъ-революціонеровъ «для поддержки Учредительнаго Собранія». Хотя назывались и имена полковъ, будто бы рѣшившихъ «выступить», и названія заводовъ, уже выславшихъ свои боевыя дружины, я отлично

помню, какъ за всѣ четыре часа, проведенные въ рядахъ манифестантовъ, у меня ни на одну минуту не было сомнѣнія, что ничего не будетъ, что это только торжественные похороны по первому разряду. Въ толпѣ не чувствовалось ни малѣйшаго энтузіазма. Огонь жертвеннаго самозакланія не вѣялъ надъ толпой, хотя въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣча ея съ большевистскими отрядами сопровождалась стрѣльбой съ убитыми и ранеными. За «Учредительное Собраніе» не хотѣли умирать. Эта идея не была идеей—силой. Когда раннимъ утромъ слѣдующаго дня В. М. Черновъ по приказу матроса Желѣзнякова послушно покинулъ предсѣдательское мѣсто и, сопровождаемый остальными депутатами, пошелъ въ ночной темнотѣ бродить по петроградскимъ сугробамъ, отыскивая, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ, онъ наложилъ лишь послѣдній штрихъ на картину.

Столѣтняя мечта нѣсколькихъ поколѣній интеллигенціи. Что съ нею сталось! Въ какомъ видѣ она осуществилась! И не было возможности въ утѣшеніе себѣ сослаться даже на какого-либо Столыпина. Все сдѣлали кронштадтскіе матросы, тѣ, которые въ 1905 и 1906 годахъ умирали за Учредительное Собраніе. Знали ли они тогда, за что умирали?

* *
*

Раннимъ утромъ на слѣдующій день я вышелъ прогуляться. Помѣщеніе редакціи было недалеко и какъ-то незамѣтно я очутился на ул. Жуковскаго. Неожиданно на встрѣчу попадается замѣщавшій редактора М. И. Ганфманъ. На немъ лица нѣтъ.

— Идемте вмѣстѣ. Кажется, случилось большое несчастье.

— Въ чемъ дѣло?

— Сторожъ изъ Маріинской больницы только что прибѣжалъ въ редакцію и говоритъ, что тамъ ночью убили министровъ-кадетъ. Мнѣ дали знать.

М. И. Ганфманъ жилъ въ двухъ шагахъ отъ редакціи, Маріинская больница помѣщается тутъ же. Черезъ минуту мы уже были въ больницѣ и узнали отъ сестры, что ночью, когда недавно перевезенные А. И. Шингаревъ и Ф. Ф. Кокошкинъ уже спали, въ больницу ворвалось нѣсколько вооруженныхъ людей, прошли къ нимъ въ комнаты, взявъ фонари, и выстрѣлами изъ револьверовъ убили обоихъ. Насъ повели въ мертвецкую, куда уже снесли голые трупы. Они не были еще ничѣмъ прикрыты. Лицо Ф. Ф. Кокошкина было спокойно: его убили во время сна. А. И. Шингаревъ, видимо, мучился. Это убійство двухъ членовъ Учредительнаго Собранія довершало картину убійства самого учрежденія, долженствовавшаго воплощать народную волю.

Вернувшись въ редакцію, мы вызвали, кого могли. Прежде всего, кажется, гр. Панину. Трупы убитыхъ были обмыты, одѣты, перенесены въ часовню. Вѣсть о преступленіи быстро распространилась по городу. Часовъ съ девяти въ часовнѣ и около больницы толпился народъ. Тутъ же шныряли разные подозрительные субъекты, подслушивавшіе разговоры и агитировавшіе въ кучкахъ:

— Чего жалѣть! Двухъ буржуевъ убили. Всѣхъ бы ихъ такъ. Помогали Керенскому воровать и Россію вмѣстѣ продавали. Шингаревъ, министръ финансовъ, одинъ двѣнадцать милліоновъ взялъ...

Когда матросу стали возражать, что всѣ эти розсказни лживы, что убитые были бѣдные труженники, что Шингаревъ напр. съ большой семьей жилъ на Монетной въ 5 этажѣ въ квартирѣ изъ 4-хъ маленькихъ комнатъ, агитаторъ, точно одержимый, сталъ кричать:

— Извѣстно, прикидывался бѣднымъ, чтобы людей морочить. Знаемъ мы васъ. И вы такіе же, капиталиста-министра защищаете. Всѣхъ васъ кадетовъ давно пора въ штабъ Духонина. Объявлены внѣ закона пролетарской власти, значитъ, есть за что. Тоже у насъ на верху не глупѣе васъ люди сидятъ . . .

Онъ находилъ въ кучкахъ сочувствующихъ. Спорить съ нимъ становилось небезопасно. Всматривался я въ эти горящіе ненавистью глаза. Слушалъ эти слова, казалось бы красныя по звукамъ, но столь черныя по содержанію. Вспоминалъ мягкій образъ покойника, типичнаго русскаго земскаго врача-безсребренника и народника, во-истину жизнь и душу свою полагавшаго за темный народъ, который за это платитъ ему ненавистью и безсмысленной клеветой. Матросъ на вопросы въ концѣ концовъ отвѣтилъ, что 12 милліоновъ Шингаревъ взялъ отъ союзниковъ за содѣйствіе Керенскому въ устройствѣ наступленія . . .

Непосредственные виновники убійства были тотчасъ же обнаружены и нѣкоторые изъ нихъ даже посажены въ тюрьму. Ленинъ на первыхъ порахъ забилъ тревогу и началъ настаивать на «правосудіи». Но онъ не долго поролъ горячку. Были пущены въ ходъ какія-то пружины, и дѣло совершенно заглохло. Арестованныхъ, непосредственныхъ убійцъ, скоро выпустили. Вдохновителей искать перестали. Тѣ и другіе продолжаютъ и по сію пору служить въ чрезвычайкахъ и не разъ еще обагряли свои руки человѣческой кровью. Темные слухи продолжаютъ и по сіе время утверждать, что неизвѣстно, съ чьей стороны, съ лѣвой или съ правой, шло подстрекательство къ убійству. Какъ бы то ни было, коммунисты лишились права попрекать старую власть убійствами Герценштейна и Іоллоса. Не только предательскимъ характеромъ убійства больныхъ людей въ больницѣ, но и цинизмомъ неправосудія и безнаказанности убійцъ правительство Ленина еще на зарѣ своей туманной юности побило всѣ рекорды.

Понятно, въ какой сгущенной атмосферѣ происходили похороны убитыхъ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ да духовенство съ епископомъ во главѣ рѣшились проводить покойниковъ до Александро-Невской Лавры и отдать имъ послѣдній долгъ, несмотря на тревожные слухи о предстоящемъ нападеніи на процессію. Слухи не оправдались. Порядокъ все время соблюдался образцовый. Очевидно, власти никакого погрома не желали. Съ 1905 года я имѣлъ возможность неоднократно наблюдать наши уличные безпорядки и пришелъ къ глубокому убѣжденію, что принять сколько-нибудь большіе размѣры они могутъ только при попустительствѣ властей.

Сейчасъ же послѣ похоронъ убитыхъ мы стали готовить сборникъ, посвященный памяти Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Но выпустить въ свѣтъ удалось только «Дневникъ А. И. Шингарева», начатый имъ въ Петропавловской крѣпости. Большинство статей для сборника были написаны, отправлены въ Москву, тамъ поступили въ наборъ, но книга, вслѣдствіе разгрома «національзированной» типографіи, появиться не могла.

* * *

Послѣ убійства Шингарева и Кокошкина жить партійнымъ людямъ стало еще труднѣе. Видные кадеты спѣшно разъѣзжались. Кто оставался, долженъ былъ прятаться и гримироваться. Ф. И. Родичевъ, напр., принявъ обличье бѣднаго мѣщанина съ густой окладистой бородой, живя непрописанный, съ юморомъ разсказывалъ намъ, какъ онъ въ такомъ видѣ попалъ ночью въ комендатуру

и выскользнулъ оттуда только благодаря благодушію безграмотнаго помощника коменданта. Тотъ размышлялъ, не отправить ли ему арестанта на Гороховую, но рѣшилъ отпустить домой: простой, повидимому, человѣкъ...

Начались мирные переговоры. Въ тотъ моментъ, когда Троцкій сдѣлалъ свой жестъ: войны не вести, мира не заключать, въ Петроградѣ ждали пришествія нѣмцевъ и встрѣтили бы ихъ какъ избавителей. Симпатіи къ союзникамъ уступали мѣсто все рѣзче обозначавшемуся нѣмцепоклонству. Помню, какое впечатлѣніе производили разсказы о томъ, какъ Полоцкъ былъ взятъ взводомъ нѣмецкихъ солдатъ съ однорукимъ капитаномъ во главѣ, какъ тысячные отряды красногвардейцевъ бѣжали подъ натискомъ одного нѣмецкаго эскадрона и т. д. Въ печати, гдѣ только возможно было по внѣшнимъ условіямъ, еще продолжали говорить о національномъ позорѣ, о гибели родины, о патріотизмѣ. Но я беру на себя смѣлость утверждать, что кромѣ небольшихъ группъ офицерства и высоко развитой интеллигенціи, никто въ дѣйствительности этихъ чувствъ не испытывалъ. Можно, поэтому, себѣ представить, какъ мало популярны были всѣ попытки, прямо или косвенно имѣвшія въ виду возобновленіе войны съ нѣмцами. Русскій народъ не желалъ больше съ ними воевать, хотя и нашелъ еще въ себѣ силы для междоусобной братоубійственной войны. Какъ ни тяжело это для національнаго достоинства, но ни одинъ правдивый лѣтописецъ начала 1918 г., по крайней мѣрѣ изъ жившихъ тогда въ Петроградѣ, не станетъ отрицать господства въ немъ подобныхъ настроеній.

Къ большевикамъ по прежнему, несмотря на постепенное прекращеніе чиновничьяго саботажа, петроградцы относились съ ненавистью и презрѣніемъ. О власти говорили не иначе, какъ «они». Что тамъ еще «они» выкинули, что выдумали, какое новое злодѣйство совершили? А «они», склонные къ паникѣ и истерикѣ, сами не вѣря, что еще существуютъ, и недоумѣвая, почему это происходитъ, неслись куда-то въ неизвѣстное, повѣривъ въ Ленина и слѣдуя за каждымъ мановеніемъ его руки.

То, о чемъ съ 40-хъ годовъ мечтали славянофилы, чего требовалъ И. С. Аксаковъ въ 1881 г. и что рекомендовалъ въ своихъ первыхъ, еще марксистскихъ, статьяхъ въ «Новомъ Словѣ» 1897 г. П. Б. Струве, чего при всемъ своемъ желаніи не могли осуществить Н. М. Кишкинъ и А. Ф. Керенскій въ сентябрѣ–октябрѣ 1917 г., – то почти безъ затрудненій провели Ленинъ и Троцкій въ 1918 году. Они вернулись, какъ звалъ Ив. Аксаковъ, «домой», перенесли столицу изъ Петрограда въ Москву.

Исторія, вообще, не скупа на шутки. Если соціалистамъ она поднесла подарокъ въ видѣ Ленинскаго коммунистическаго государства, то и славянофиловъ она не обидѣла, давъ имъ изъ рукъ того же Ленина и возвращеніе въ «первопрестольную» и торжество древняго исконно-русскаго земско-соборнаго начала надъ гнилымъ западно-европейскимъ конституціоннымъ парламентаризмомъ.

Перенесеніе столицы не вызвало головокружительнаго потрясенія. Все обошлось гораздо спокойнѣе, чѣмъ ожидали. Совѣтскія учрежденія уже въ Петроградѣ привыкли къ постояннымъ переѣздамъ. Переселяться изъ одной квартиры въ другую, не всегда даже успѣвая мѣнять вывѣски соотвѣтственно перемѣнѣ названія, – было однимъ изъ ихъ любимѣйшихъ занятій. Ни особыхъ традицій, ни архивовъ они не накопили. Новое чиновничество было легко-подвижнымъ, старое – частью исчезло, частью притаилось. Освободившіяся за отъѣздомъ въ Москву учрежденія были тотчасъ же, даже въ избыткѣ, возмѣщены другими, дѣйствовавшими въ предѣлахъ то Сѣверной Коммуны, то Петрограда. Чиновничьей безработицы переводъ народныхъ комиссаріатовъ въ Москву не вызвалъ, и все обошлось благополучно.

Разжалованный Петроградъ былъ возглавленъ Зиновьевымъ и сдѣланъ центромъ Сѣверной области или Коммуны. Онъ очутился приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ Москва при генералъ-губернаторѣ вел. кн. Сергѣѣ Александровичѣ. Центральные законы дѣйствовали на территоріи Петрограда только съ дозволенія мѣстнаго градоправителя. Что же касается московскаго всероссійскаго начальства, то оно въ Петроградѣ власти вовсе не имѣло. «Намъ Москва не указъ» — отъ зиновьевскихъ чиновниковъ не разъ приходилось слышать такія слова. Петроградъ развивалъ свое коммунистическое законодательство, строилъ свое соціалистическое общество. Онъ, такъ сказать, шелъ впереди и былъ реалистичнѣе. Въ Москвѣ бредили всероссійскимъ учетомъ, сочиняли планы, въ силу которыхъ вся страна работала бы по указкѣ изъ Москвы, въ Москву присылала бы всѣ продукты своего труда и изъ Москвы получала бы слѣдуемую каждой мѣстности долю. Въ Петроградѣ смотрѣли на дѣло трезвѣе: надо брать откуда только можно, а свой соціализмъ проявлять при распредѣленіи, ущемляя буржуя. Петроградъ первый ввелъ распредѣленіе хлѣба «по категоріямъ», при чемъ Зиновьевъ старался лишь какъ можно сильнѣе подчеркнуть то, что было оскорбительнаго въ этой мѣрѣ. Такъ, установивъ 4-ую категорію гражданъ и пообѣщавъ выдавать ей по 1/8 фунта хлѣба на два дня, Зиновьевъ прибавилъ въ своей рѣчи: мы сдѣлали это для того, чтобы они не забыли запаха хлѣба. Всеобщая трудовая повинность нигдѣ не осуществлялась съ такой безсмысленностью и садизмомъ, какъ въ Петроградѣ. Тамъ иностранцы могли любоваться, какъ пьянистки и скрипачки изъ консерваторіи портили себѣ пальцы за непосильнымъ для нихъ трудомъ скалыванія льда съ тротуаровъ. Въ Петроградѣ въ день или наканунѣ какого-то революціоннаго празднества сотни «буржуевъ» были согнаны въ казармы для уборки конскаго и человѣческаго навоза подъ торжествующее гоготаніе солдатъ.

Всѣ эти мѣры однородны и продиктованы были однимъ желаніемъ демагогически поиграть на темнотѣ и злобѣ народной массы, злорадствующей надъ униженіями тѣхъ, кого вчера еще она считала выше себя.

Петроградскіе заводы дали коммунистической партіи численно наибольшіе и качественно наилучшіе ея пролетарскіе кадры. Петроградъ разсылалъ во всѣ стороны боевые и продовольственные отряды, для борьбы съ бѣлыми и для отбиранія у крестьянъ хлѣба. Что же касается производства, то объ этомъ много говорили, но ровно ничего не дѣлали. Кромѣ производства зажигалокъ изъ пустыхъ патроновъ, петроградская промышленность за коммунистическій періодъ ничѣмъ не обогатилась. Да и зажигалки рабочіе готовили крадучись, на вольный рынокъ, изъ ворованнаго казеннаго матеріала, а вовсе не во исполненіе всероссійскаго производственнаго плана, сочиняемаго Лурье-Ларинымъ.

Зато въ ущемленіи «буржуя», въ издѣвательствѣ надъ каждымъ образованнымъ, сморкавшимся въ платокъ и избѣгавшимъ матерщины, человѣкомъ Петроградъ шелъ впереди, указывая пути и Москвѣ, и всей Россіи. Впрочемъ, дороги были проложены еще раньше . . . законодательствомъ о евреяхъ. Когда коммунисты стали «строить» свои «домкомбеды», пріемы въ низшія, среднія и высшія школы, нормировку квартирной платы, и т. п., они взяли ограничительныя нормы противъ евреевъ и примѣнили ихъ ко всѣмъ «буржуямъ» въ самомъ распространительномъ и произвольномъ толкованіи слова. «Буржуй», какъ извѣстно, не могъ быть предсѣдателемъ домового комитета, а въ члены комитета допускался по проценту, какъ и въ школы. Квартирная плата съ «буржуя» бралась въ размѣрѣ отъ двухъ до десяти разъ большемъ, чѣмъ съ пролетаріевъ и совработниковъ.

Такъ же облагались дѣти «буржуевъ» въ школахъ. Для «буржуя» существовали специальные налоги и повинности. А главное, онъ былъ вообще существомъ, не пользовавшимся прямой защитой закона. Законъ примѣнялся къ нему лишь поскольку данный буржуй признавался полезнымъ для совѣтскаго государства, а признаніе этой полезности могло быть оспорено каждымъ учрежденіемъ и взято обратно въ каждую минуту. Въ этомъ же административномъ произволѣ заключалась, какъ извѣстно, сущность и русскаго законодательства о евреяхъ.

Таково было направленіе петроградскаго законодательства до самаго послѣдняго момента, т. е. и при «Нэтѣ». Можно легко себѣ представить, что было вначалѣ, въ 1918–1919 годахъ. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ укрѣплялась большевистская власть, ихъ органы политическаго сыска усиливались старыми безработными царскими агентами, ознакомившими коммунистовъ съ прогрессивной техникой дѣла. У большевиковъ въ Че-кѣ появились карточки, схемы, фишки. Увеличивался кругъ людей, подпадавшихъ подъ систематическое наблюденіе. Становилось очевиднымъ, что мое свободное проживаніе въ Петроградѣ подходитъ къ концу. Кругъ знакомыхъ, остававшихся здѣсь, все рѣдѣлъ и рѣдѣлъ.

Всякій разъ, когда въ коммунистическихъ газетахъ появлялось сообщеніе о раскрытіи новаго «кадетскаго заговора», встрѣчавшіеся со мной на улицѣ спрашивали:

– Какъ, вы еще здѣсь? Это неблагоразумно...

Я и самъ сознавалъ, что неблагоразумно. Но ѣхать за-границу, а оттуда куда-либо въ свободную Россію не было денегъ. Было и другое ощущеніе: я уже давно разочаровался въ союзникахъ, былъ убѣжденъ, что до Россіи имъ мало дѣла и – даже болѣе – сильная Россія кое-кому уже мѣшала. Если бы я былъ каменщикомъ или дровосѣкомъ, я могъ бы добывать себѣ хлѣбъ внѣ всякой политики. Для журналиста это немыслимо. Значитъ, пойти къ кому-либо на службу... Было тяжело. Рѣшиться на это я не могъ.

Благодаря вмѣшательству нѣмцевъ, Сов. власть офиціально находилась въ мирныхъ или полу-мирныхъ отношеніяхъ къ Украинской Державѣ гетмана Скоропадскаго. Жена моя–природная малороссіянка, дѣти родились въ Одессѣ – всѣ основанія для переѣзда на Югъ, гдѣ живутъ и родители жены. Надо ѣхать. Но это оказалось не такъ просто. Набережная у Украинскаго Консульства всегда переполнена многосотенными очередями, выстраивающимися съ 7 часовъ утра. Не мало и хорошихъ, и дождливыхъ, и холодныхъ утръ провелъ и я въ этихъ очередяхъ. Приносилъ украинскимъ властямъ и документы (все больше копіи, оставляя подлинники у себя на рукахъ, на всякій случай), и фотографическія карточки, платилъ деньги. Всего имъ было мало. Каждый разъ они находили, что еще чего-то не хватаетъ, и я снова долженъ былъ продѣлывать очередную кампанію, сперва на набережной, затѣмъ у дверей, послѣ во дворѣ и, наконецъ, въ самомъ помѣщеніи. Мнѣ такъ и не удалось собрать всѣ нужные документы и я это дѣло бросилъ.

* *
*

Наступалъ ноябрь 1918 г. по новому стилю. 7-го предполагалось съ особой торжественностью отпраздновать первую годовщину октябрьской революціи.

Программа была объявлена уже за недѣлю. На улицахъ – манифестаціи, шествія, иллюминаціи, передвижные театры подъ открытымъ небомъ, музыка, танцы, фейерверкъ. Митинги. Торжество на Марсовомъ полѣ съ рѣчами на моги-

лахъ жертвъ революціи. Но главное не тутъ. Главное, о чемъ писали въ совѣтскихъ газетахъ и говорили въ публикѣ, сводилось къ тому, что на этотъ день гражданамъ будетъ выдано кромѣ нормальной порціи въ $^1/_4$ или въ $^1/_2$ ф. чернаго хлѣба еще по... бѣлой булкѣ. Въ газетахъ былъ рядъ противорѣчивыхъ сообщеній о томъ, граждане какихъ категорій получатъ эту булку. Сначала сообщалось, что она будетъ выдана только ѣдокамъ 1-ой и 2-ой категоріи. Затѣмъ прибавили, что и гражданамъ третьей категоріи булка будетъ выдана, только позже и изъ муки худшаго качества. «Буржуи» 4-ой категоріи булки не получатъ. Солдатамъ она будетъ выдаваться въ казармахъ. О качествѣ булки говорили одни, что она напомнитъ старую пятикопѣечную французскую булку, другіе – что это будетъ старый ситный хлѣбъ съ изюмомъ. Пусть читатель не подумаетъ, что я шаржирую. Нѣтъ, совѣтскіе граждане уже въ то время въ такой мѣрѣ были ошарашены свалившимся на ихъ голову соціалистическимъ строительствомъ и голодовкой, что объ этой «бѣлой булкѣ», дѣйствительно, говорили днями, старательно комментируя всѣ свѣдѣнія совѣтской печати...

Городъ украшался, конечно, въ красный цвѣтъ. Все было затянуто красными полотнами. Футуристы выставили какіе-то плакаты: ноги шли отдѣльно, голова оставалась позади, руки, тоже независимо отъ туловища, болтались гдѣ-то на верху. Было красиво и красно. Особенно запомнился мнѣ огромный красный колпакъ, надѣтый на думскую каланчу: точь въ точь какъ у клоуновъ въ циркѣ. Колпакъ съ широкими полями, только все въ огромныхъ размѣрахъ.

Полюбоваться самимъ празднествомъ мнѣ не удалось. Въ ночь на 5-ое ноября къ дому подъѣхалъ автомобиль. Минуты черезъ три у меня уже были гости: студентъ-психоневрологъ, два-три комиссара изъ матросовъ, четверо солдатъ. Начали рыться въ бумагахъ, которыхъ у меня было не мало: рукописи, корректуры, оттиски журнальныхъ статей.

Ревностный студентъ отбираетъ все и откладываетъ въ сторону. Набралась уже цѣлая гора.

– Что вамъ собственно надо? Вѣдь это, большею частью, авторскіе оттиски статей, напечатанныхъ лѣтъ 10–15 тому назадъ, а то и раньше.

– Они намъ и нужны. Вы, вѣдь, писатель и мы хотимъ ознакомиться съ вашей литературной физіономіей.

– Въ первый разъ слышу, чтобы для этой цѣли надо было ночью пріѣзжать въ квартиру, подымать на ноги всю семью, производить обыскъ и грозить арестомъ. Гораздо проще пойти въ Публ. Библіотеку, взять старые журналы и газеты и прочесть, что я писалъ.

Студентъ завялъ: мы—люди маленькіе, дѣлаемъ, что намъ приказали.

– А я думалъ, что въ соціалистическомъ государствѣ нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ людей и каждый поступаетъ по своему разумѣнію.

Студентъ разсердился: я пріѣхалъ не выслушивать ваши насмѣшки, а обыскать и арестовать васъ...

– Дѣлайте зачѣмъ пріѣхали...

Обыскъ длился часа три. Затѣмъ мнѣ предложили одѣться и слѣдовать въ комендатуру. Одинъ изъ комиссаровъ успокоилъ жену: завтра же выпустятъ, не стоитъ и подушки съ собою брать.

Меня отвезли, дѣйствительно, въ комендатуру Суворовскаго района, провели по ряду просторныхъ свѣтлыхъ комнатъ въ подвальный этажъ, гдѣ и помѣстили въ темной, безъ всякой мебели, безъ оконъ, длинной и узкой комнатѣ, служившей когда-то барской кладовой при кухнѣ. Тутъ же рядомъ была и эта кухня, хотя

и расположенная въ полуподвалѣ, но съ окнами, свѣтлая и большая. Пустая кухня была заперта, а насъ все время держали, никуда не выпуская, въ кладовой, пока, наконецъ, сгрудившіеся въ ней 40 человѣкъ, почти задыхавшіеся, не стали шумѣть и требовать коменданта.

Наконецъ, явился и комендантъ, простой солдатъ. Послѣдовала сначала маленькая перепалка съ употребленіемъ крѣпкихъ словъ:

– Какая еще кухня! Гдѣ кухня? Что еще врете?

Его ткнули носомъ въ запертую кухню. Онъ почесалъ затылокъ и сдался:

– Ну, ладно, прикажу поискать ключи. Ежели найдутъ, открою . . . Полчаса искали ключи. Нашли. Къ разсвѣту мы размѣстились на полу обширной барской кухни и людской. Мы уже ознакомились другъ съ другомъ и поняли, почему были арестованы. Арестовывали по спискамъ кандидатовъ въ гласные петроградскихъ районныхъ городскихъ думъ 1917 г. Это были первые выборы по всеобщему, прямому, равному, тайному голосованію. Передъ выборами велась агитація. Партіи, желая блеснуть, выставляли, какъ говорилось, для «окраски списковъ», имена и своихъ знаменитостей и просто безпартійныхъ, но очень популярныхъ спеціалистовъ. Большевики тоже принимали участіе въ выборахъ, а теперь превратили ихъ въ западню. Взяли афиши отъ партій народной свободы, трудовиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ и, воспользовавшись указанными тамъ адресами кандидатовъ, произвели повальные обыски и аресты. Было, правда, нѣсколько человѣкъ, ни въ какихъ спискахъ никогда не значившихся. Но это видимое исключеніе только подтвердило правило. Такъ, дворникъ, убивавшійся, что у него осталось дома безъ матери шестеро ребятъ, оказался братомъ «кандидата», давно уѣхавшаго въ деревню. Одна изъ забранныхъ женщинъ была опредѣленно взята вмѣсто умершаго брата – «кандидата», взята «впредь до выясненія справедливости ея словъ». Наконецъ, горничная, долгое время не понимавшая, за что же ее взяли, вспомнила, что дѣйствительно какъ то лѣтомъ въ прошедшемъ году господа записали ее въ какой-то «трудовицкій списокъ». Эта случайно обнаружившаяся, маленькая тайна созиданія демократическихъ кандидатуръ партіи трудовиковъ встрѣчена была не безъ язвительныхъ насмѣшекъ. Были, понятно, и простые случаи чисто пошехонскихъ недоразумѣній. Такъ нѣкто Ш., вышедшій проводить своего отца, былъ въ комендатурѣ задержанъ, и, пока судъ да дѣло, просидѣлъ три недѣли вмѣстѣ съ нами. Когда его, наконецъ, освободили, слѣдователь не счелъ даже нужнымъ извиниться. Еще бы: могло быть и хуже.

Изъ арестованныхъ мало кто догадался взять съ собой постель и пищу. Поэтому уже съ утра родственники и знакомые стали осаждать комендатуру. Осада увѣнчалась успѣхомъ. Сперва разрѣшили передачи, затѣмъ свиданія на разстояніи, а потомъ и на лѣстницѣ, ведущей въ подвалъ. Стражи, получивъ кое-что изъ продуктовъ, совсѣмъ размякли. Мы узнали, что въ городѣ произведены массовые аресты гласныхъ. Коммунисты боятся возстанія, а потому рѣшили изъять всѣхъ лицъ, которыя могли бы возглавить мятежную попытку и создать органъ городского самоуправленія. Какъ только праздники пройдутъ спокойно, насъ немедленно выпустятъ. Среди арестованныхъ много академиковъ, профессоровъ, врачей, богатыхъ купцовъ, инженеровъ, много лицъ, нынѣ занимающихъ видные посты на совѣтской службѣ. Аресты вызвали въ городѣ большое волненіе. Въ Че-кѣ успокаиваютъ, говорятъ, что очень скоро выпустятъ.

Вечеромъ насъ подъ слабымъ конвоемъ отправили въ б. Военную Тюрьму, что на Нижегородской ул. Тюрьма оказалась уже переименованной въ какое-то исправительно-трудовое учрежденіе, при чемъ тюремные надзиратели тоже полу-

чили какое-то сантиментально-благодушное названіе, чуть ли не воспитателей. По существу же во главѣ тюремной администраціи остались старые служащіе, поддерживавшіе прежніе порядки, но про себя рѣшившіе, что особенно усердствовать не стоитъ, и за подачки охотно дѣлавшіе разныя поблажки. Но бывали минуты, когда старшему надзирателю, не то спьяна, не то по какому-то нагоняю, приходило на умъ навести порядокъ. Камеры тогда запирались на ключъ; по гулкимъ коридорамъ, выстроеннымъ изъ одного желѣза, неслась густая скверная ругань, бряцало оружіе, щелкали затворы. Затѣмъ воцарялось тяжелое молчаніе. Публика вначалѣ была, большею частью, интеллигентная и предпочитала въ такія минуты со стражей не говорить. Проходило часа два-три и снова открывались камеры, заключенные ходили другъ къ другу въ гости, даже въ другіе этажи. Три раза въ недѣлю намъ приносили передачи. Мы могли писать и получать письма. Кромѣ офиціальныхъ сношеній были и неофиціальныя. Словомъ въ первыя двѣ-три недѣли пребываніе въ Военной Тюрьмѣ напоминало жизнь въ гостиницѣ . . . для тѣхъ, у кого были средства получать съ воли, что ему было надо. Страдали не заключенные, а ихъ родные, вырывавшіе кусокъ у дѣтей, чтобы отнести томившемуся въ бездѣльи отцу.

Не успѣли насъ привести въ тюрьму, какъ уже начали освобождать. Первыми были освобождены, насколько я помню, В. В. Водовозовъ и М. Я. Пергаментъ. Всѣхъ арестованныхъ «по списку гласныхъ» въ тюрьмѣ на Нижегородской улицѣ было 212 человѣкъ. Изъ нихъ, какъ я уже сказалъ, далеко не всѣ были членами тѣхъ партій, по спискамъ которыхъ они шли. Было много видныхъ спеціалистовъ, врачей, педагоговъ, подрядчиковъ, купцовъ, инженеровъ, техниковъ, археологовъ, строителей, очень цѣнныхъ для развитія и поддержанія городского хозяйства, но совершенно не интересовавшихся политикой.

На нихъ арестъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

– Спасибо, научили. Нѣтъ, теперь уже меня ни на какіе выборы калачомъ не заманишь. Довольно! Показали намъ, что значатъ выборы . . .

Походило на самомъ дѣлѣ на то, будто крайніе правые, которые, по обывательской легендѣ, все время незримо работали за спиной большевиковъ, дали имъ заданіе отбить у нашей либеральной интеллигенціи охоту соваться въ общественныя дѣла. Избыткомъ гражданскаго мужества всѣ эти хорошіе спеціалисты, но смирные люди, никогда не отличались. А тутъ большевики имъ показали, что согласіе дать свое имя на помѣщеніе въ спискѣ кандидатовъ въ гласные вовсе не такая законная и невинная вещь, какъ казалось. Они даже въ гласные не прошли, а въ тюрьму попали и, что дальше будетъ, неизвѣстно.

То и дѣло приходилось слышать такія рѣчи: «Ну, я понимаю, взяли Васъ или Н. Н. Вы – видные кадеты, писали, говорили противъ большевиковъ. Но меня то за что? Я вѣдь ни слова не сказалъ и не написалъ. Только что далъ свое имя въ списокъ. Теперь ужъ, шалишь, умнѣе буду . . .»

* * *

Первую годовщину октябрьской революціи мы провели въ тюрьмѣ. Если память мнѣ не измѣняетъ, совѣтская власть и намъ даже выдала по знаменитой бѣлой (точнѣе сѣрой) булкѣ, о которой недѣлю говорилъ «весь Петроградъ». Вообще же кормили очень плохо. Хлѣба давали по полу-фунта, иногда три четверти. Супъ былъ пустой, безъ гороха – его выбирали себѣ надзиратели на кашу, съ селедочными головками, но безъ селедочнаго мяса. Давали зато кофе-суррогатъ

и сахару. Безъ передачъ нельзя было прожить и недѣли. Несчастныхъ, не имѣвшихъ передачъ, было не мало. Ихъ кормили болѣе состоятельные арестанты. Въ тюрьмѣ было чисто. Давали хорошій кипятокъ. Не было скученности: жили по одному, по-двое въ камерахъ, при возможности гулять по корридору. Желающіе вызывались на работы на чистомъ воздухѣ. Въ сущности, это былъ видъ прогулки. За недостаткомъ пилъ, колуновъ и лопатъ – работы по пилкѣ и ноской дровъ или по уборкѣ огорода хватало только на десятую часть желавшихъ. Библіотеки въ тюрьмѣ не было, церковь разорена и забита, но книги можно было получать изъ дому и возвращать ихъ обратно, а протоіерею Чельцову не препятствовали устраивать у себя въ камерахъ богослуженія для желающихъ.

Дня черезъ два пріѣхали въ тюрьму цѣлымъ табункомъ слѣдователи изъ Чеки. Камеры заперли и начались вызовы на допросъ. Слѣдователи были разные: рабочій, матросъ, интеллигентъ, полуинтеллигентъ. Одни допрашивали очень вѣжливо, не безъ язвительности, другіе–грубо, ругались и кричали. Было тутъ, какъ и въ старой Россіи, когда полиція вѣжливо разговаривала съ образованными и била по мордѣ простонародье. Слѣдователи-коммунисты позволяли себѣ еще кричать и на купцовъ, но передъ державшимъ себя съ достоинствомъ интеллигентомъ какъ то никли и пассовали.

Меня допрашивалъ слѣдователь Отто, изъ латышей, вѣроятно, съ среднимъ образованіемъ. Допросъ носилъ характеръ формальный. Изъ лежавшаго предъ нимъ «дѣла» Отто зналъ, что я – членъ Центр. Комитета к-д. партіи, сотрудничалъ въ «Рѣчи» и «Русской Мысли». Я не отрицалъ. Онъ спросилъ, было, у меня, каковы планы к-д-ской партіи и что я думаю о бѣлой арміи. Я отвѣчалъ, что, живя въ Сов. Россіи и читая только совѣтскія газеты, я не имѣю достаточно матеріала для отвѣта на эти вопросы. Онъ попытался еще спросить меня, какой я держусь «оріентаціи», но получивъ отвѣтъ: «русской», возразилъ: такой не существуетъ. – «Если я ея держусь, значитъ, для меня она существуетъ . . .»

Давъ мнѣ подписать краткій протоколъ, Отто сдѣлалъ на повѣсткѣ какой-то значекъ, позвалъ надзирателя и, сказавъ ему: «проводите», обратился ко мнѣ: о результатахъ скоро узнаете. Въ это время въ камеру зашли другіе слѣдователи, собиравшіеся уѣзжать, и одинъ изъ нихъ, высокій, въ папахѣ, указывая на меня пальцемъ, сказалъ: «Когда эти будутъ у власти, а мы въ тюрьмѣ, они, чорта съ два, къ намъ сюда не пріѣдутъ, а къ себѣ съ конвоемъ потянутъ».

Каждый день выпускали по нѣсколько человѣкъ. Ѣздили слѣдователи. Допрашивали недопрошенныхъ, а сидѣвшихъ купцовъ почему-то допрашивали по два и по три раза. Они нѣсколько волновались и тайкомъ признавались, что нажали, гдѣ слѣдуетъ, винты. Отпустили и ихъ. Изъ всей компаніи въ 212 человѣкъ, оставалось въ тюрьмѣ всего только 31 человѣкъ, преимущественно изъ бѣдняковъ-интеллигентовъ. Начали приводить въ тюрьму новыхъ сидѣльцевъ. Привели нѣсколько юныхъ морскихъ офицеровъ, компанію интеллигентовъ, взятыхъ за карточной игрой, большую группу крестьянъ Ново-Ладожскаго уѣзда, обвиняемыхъ въ бунтѣ, нѣсколькихъ студентовъ изъ студенческаго сельско-хозяйственнаго кооператива подъ Лугой, ставшихъ жертвою доноса, рабочихъ эсъэровъ и анархистовъ, кронштадтскаго анархиста Блейхмана, когда-то призывавшаго матросовъ «вспарывать животы офицерамъ», группу просто уголовныхъ преступниковъ.

Составъ тюрьмы рѣзко измѣнился. Стали мѣняться и порядки. Казенная пища была плоха по-прежнему, но строгости усиливались. Стража или воспитатели ругались гораздо чаще и рѣзче. Запрещено было ходить изъ одного этажа въ

другой. Мы всѣ, первые засельники по дѣлу «гласныхъ», сгруппировались въ четвертомъ, самомъ верхнемъ этажѣ и пользовались еще нѣкоторыми льготами. Но въ другихъ корридорахъ начинали уже на цѣлые дни запирать камеры, постепенно переводя арестованныхъ на настоящій режимъ одиночнаго заключенія.

«Результаты» допроса мнѣ все оставались неизвѣстными. А слухи ползли нехорошіе. Женѣ и хлопотавшимъ обо мнѣ отвѣчали, что не сегодня-завтра выпустятъ, а стороной меня извѣщали, что вышлютъ куда-то на сѣверъ, за Вологду. Изъ 212 арестованныхъ осталось всего четверо: я, одинъ очень богатый хлѣботорговецъ Г., бѣднякъ учитель А. и техникъ Ф., у котораго при обыскѣ конфисковано было 25 т. рублей царскими деньгами.

Былъ уже декабрь. Стояли морозы. Однажды, въ обѣдъ, вмѣсто обычной жидкой бурды, намъ дали густой супъ изъ чечевицы. И по тюрьмѣ поползли слухи: сегодня высылаютъ . . . Хлѣботорговецъ, у котораго были конспиративныя сношенія съ волей, шепнулъ мнѣ, что надо готовиться къ отъѣзду, повидимому, въ Вологду. У меня было теплое пальто съ башлыкомъ, но не было теплой обуви. Сообщить домой — поздно: ближайшая передача чрезъ два дня. Но мнѣ еще что! У меня хоть башлыкъ и пальто, а у другихъ, кромѣ лѣтняго пальто, буквально ничего нѣтъ. Неужели и ихъ погонятъ въ такомъ видѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Архангельскую губернію?

Погнали... Почти все населеніе тюрьмы, отъ 16-ти-лѣтняго «красноармейца» П., отпустившаго изъ подъ ареста какого-то заключеннаго, до семидесятилѣтняго беззубаго старика изъ новоладожскихъ крестьянъ, людей явно больныхъ, туберкулезныхъ, въ томъ числѣ и анархиста Блейхмана, отправляли, какъ «буржуевъ», на окопныя работы по Архангельско-Вологодской жел. дорогѣ. Освободили только одного «пролетарія»... милліонера-хлѣботорговца. Его вызвали, прочли ему жестокій приговоръ, что онъ собственно подлежитъ разстрѣлу, но впредь до выясненія освобождается на поруки для исполненія обязательныхъ работъ, которыя будутъ указаны совѣтской властью. Конечно, это стоило не дешево.

Вечеромъ меня вызвали въ контору тюрьмы. Лицо, собиравшее мои бумаги и записывавшее мои отвѣты, вдругъ ровнымъ голосомъ сказало: направо, въ будкѣ телефонъ. Я не заставилъ себя просить, осторожно зашелъ въ будку, быстро вызвалъ жену, къ счастью оказавшуюся дома, и успѣлъ сказать: сегодня къ ночи съ Николаевскаго вокзала въ Вологду...

II

ВЪ ССЫЛКѢ НА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ДОРОГѢ

Отъ тюрьмы на Нижегородской, черезъ весь городъ, въ морозъ, съ вещами на спинѣ, пѣшкомъ по снѣгу и ухабамъ, въ темнотѣ неосвѣщавшихся улицъ, гнали насъ на Николаевскій вокзалъ часа два. А въ это время моя жена и еще человѣкъ пять, случайно узнавшихъ объ отправкѣ близкихъ имъ людей въ Вологду, метались по огромному вокзалу и по путямъ въ поискахъ вагоновъ, въ которыхъ насъ повезутъ. Уже позднѣе, когда я вернулся, жена разсказала мнѣ, какъ съ валенками и хлѣбомъ въ рукахъ она бѣгала по рельсамъ, перелѣзала черезъ заборы, спотыкалась, падала, оцарапала лицо и руки, упрашивала солдатъ, получая отъ нихъ ругательства и толчки, пока, наконецъ, какой-то желѣзнодорожникъ не сжалился надъ нею. Прежде всего онъ провелъ ее въ будку, гдѣ она нѣсколько

успокоилась и обогрѣлась, а затѣмъ указалъ на мѣсто, гдѣ собирался составъ вологодскаго поѣзда. Оставалось только слѣдить за его передвиженіями т. е. бѣгать за нимъ по рельсамъ. Богъ, видно, миловалъ, не попала подъ вагоны и даже имѣла возможность видѣть, какъ провели меня для посадки. Проститься, конечно, не позволили, но валенки и хлѣбъ для передачи мнѣ взяли, а затѣмъ всѣхъ провожавшихъ прогнали прикладами...

Въ товарномъ вагонѣ были настланы въ два ряда доски. Считая съ поломъ, получалось три этажа, на которыхъ и размѣстилось человѣкъ 45. Въ вагонѣ, куда попалъ я съ учителемъ А., помѣщались еще ново-ладожскіе крестьяне, группа рабочихъ анархистовъ и просто хулигановъ, группа офицеровъ съ Клейгельсомъ, сыномъ бывшаго градоначальника. Сопровождать насъ назначенъ былъ особый комиссаръ изъ полуинтеллигентовъ-канцеляристовъ, человѣкъ съ недурно привѣшеннымъ языкомъ. Вагонъ чрезвычайно быстро «сорганизовался»: выбранъ былъ староста и его помощники. Староста былъ указанъ новоладожцами, но не изъ крестьянъ, а какой-то очень толковый и чрезвычайно практичный, бывалый господинъ, напоминавшій скрывающаго свое званіе прапорщика запаса изъ мелкихъ техниковъ. Въ помощь ему выбрали двухъ раздатчиковъ. На вагонъ полагалось по два конвойныхъ. Одинъ долженъ былъ всегда сидѣть въ вагонѣ, другой провожалъ арестованныхъ, когда имъ надо было отлучиться по нуждѣ или за покупками. Старосты пяти вагоновъ составили совѣтъ при комиссарѣ и пошли добывать провизію на дорогу. Если память мнѣ не измѣняетъ, вагонные старосты избрали изъ своей среды главнаго, вручивъ эту должность инженеру Л., племяннику одного изъ послѣднихъ Президентовъ Вольно-Экономическаго Общества.

Выгоды «организованности» сказались очень быстро. Прежде всего принесли въ вагонъ хлѣбъ, воблу и сахаръ, полагавшіеся намъ отъ казны по разсчету изъ двухъ дней пути. Затѣмъ нашъ вагонный староста гдѣ-то промыслилъ топоръ. Послѣ мы слышали, какъ возлѣ поѣзда бѣгала голосившая сторожиха и Христомъ-Богомъ молила возвратить топоръ. Какъ ни жалко намъ было плакавшей бабы, но своя рубашка ближе къ тѣлу. Всѣ предчувствовали, что безъ топора мы погибнемъ съ холоду и потому и знавшіе тайну топора, упорно ее хранили, не поддаваясь ни чувствительности, ни голосу совѣсти.

Нашъ вагонъ когда-то представлялъ собой теплушку. Отъ этого времени осталась труба, идущая черезъ вагонъ, но печка исчезла. Созрѣлъ планъ вернуть ее такимъ же путемъ, какъ она пропала. По соглашенію съ конвойнымъ на ближайшей станціи была отряжена небольшая экспедиція изъ молодежи, скоро вернувшаяся съ добычей. Силами вагонныхъ техниковъ украденная печь была прилажена къ остававшейся трубѣ. На станціяхъ мы помогали раскрадывать казенныя желѣзнодорожныя дрова и до Вологды ѣхали прекрасно: топили и варили, сколько надо было, и цѣлый день пили чай...

Комиссаръ по очереди навѣщалъ вагоны. Былъ веселъ и словоохотливъ (много времени спустя я узналъ, что онъ былъ преданъ суду за хищеніе продуктовъ у одной изъ порученныхъ ему партій!). Намъ онъ говорилъ то же самое, что и другимъ:

— Васъ отправляютъ по «мобилизаціи буржуевъ, враждебныхъ совѣтской власти». Ѣдете въ Вологду. Васъ или тамъ оставятъ, или отправятъ по близости. Арестантами вы считаетесь только до Вологды. Тамъ будете на положеніи рабочихъ. Станете получать паекъ: $1\frac{1}{2}$ ф. хлѣба, сахару, муки, масла, крупы, чаю, соли, казенный обѣдъ кромѣ того. Рабочій день 8 часовъ, въ Сов. Россіи нигдѣ больше не работаютъ. Жить можно будетъ и на вольныхъ квартирахъ.

Одежду, обувь, все, что кому надо, все казна дастъ. Мѣсяцъ работы считается за годъ. Отработаете положенный вамъ срокъ – кому три, кому пять лѣтъ т. е. мѣсяцевъ и станете уже не буржуи, а полноправные граждане Совѣтской Республики. Всѣ права. Хоть на мѣсто Ленина васъ выбирай, и на это у васъ полное право...

Арестанты слушали, развѣсивъ уши. Удивительно довѣрчивы русскіе люди. Въ вагонѣ было не мало образованныхъ людей, казалось бы, недурно знающихъ, какъ живется и что дѣлается въ Совдепіи. И тѣмъ не менѣе, даже они склонны были вѣрить росказнямъ комиссара. «Ну, конечно, онъ преувеличиваетъ, но если и половина – правда, то и тогда не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Можно будетъ жить и на «работахъ». Особенно привлекала возможность жить на вольныхъ квартирахъ.

На третьи сутки поѣздъ прибылъ въ Вологду. Тамъ насъ постигли первыя разочарованія. Вмѣсто горячаго обѣда и теплой квартиры, которые насъ, по словамъ комиссара, должны были тамъ ждать по его телеграммѣ, намъ пришлось не менѣе трехъ часовъ съ вещами слоняться взадъ и впередъ по городу. Одно учрежденіе отсылало насъ къ другому. Никто не хотѣлъ насъ принимать. Все чаще слышались слова: «веди ихъ въ тюрьму.» Наконецъ, послѣ того, какъ мы четыре раза взадъ и впередъ колесили по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ, комиссаръ привелъ насъ къ большому бѣлому каменному зданію, гдѣ и сдалъ по перекличкѣ на улицѣ очень свирѣпому конвою. Немедленно послѣ этого комиссаръ исчезъ – только мы его и видѣли.

Конвой съ матерной бранью и прикладами погналъ насъ въ зданіе реальнаго училища, хотя мы и не думали, конечно, отказываться туда идти. Огромные высокіе свѣтлые классы были, какъ полками въ магазинѣ, перегорожены трехъ-ярусными нарами. Но, Боже мой, во что было превращено прекрасное зданіе Реальнаго Училища, служившее этапомъ для арестантскихъ и воинскихъ командъ! Клопы и тараканы ходили стадами днемъ. На нарахъ, на полу, на окнахъ валялись остатки пищи, не убиравшіеся, видимо, мѣсяцами. Выбиты не только стекла, но и многія рамы. Въ стѣнахъ выколупаны отъ масляной краски огромныя плѣши. Гдѣ только можно, пахабныя надписи и рисунки. Водопроводъ нигдѣ не дѣйствуетъ. Краны сломаны. Когда по настилу изъ досокъ мы прошли въ мѣсто, называвшееся внутренней уборной, пришлось съ позоромъ ретироваться. Застойное озеро на полу заливало уже доски, а кое-гдѣ въ этомъ озерѣ торчали сопки вышиною въ аршинъ. Пришлось упрашивать конвой выпускать на улицу. Съ бранью конвойные собирали отрядъ и съ ожесточеніемъ «гнали»: «еще растеряешь васъ, сволочей, а послѣ отвѣчай за васъ...»

Кромѣ голыхъ стѣнъ и наръ на этапѣ намъ ничего не предложили. На вопросъ объ обѣдѣ конвойные отвѣчали: «Сейчасъ въ первѣйшемъ ресторанѣ вамъ закажемъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ, а вы пока своимъ закусите». Но среди нашихъ «буржуевъ» недаромъ было много и «рабоче-крестьянскаго» элемента. Онъ умѣлъ говорить съ конвоемъ на понятномъ для него языкѣ. Скоро послышалось:

– Ироды вы, душегубы, хоть кипятку то дайте, с. с., либо позвольте самимъ на свои деньги за чаемъ сходить!

Послѣ долгаго перуругиванія первая брешь была пробита, и человѣкъ десять заключенныхъ съ конвойными получили возможность пойти въ близлежащую чайную за кипяткомъ.

Дальше пошло дѣло все легче и легче. Сначала осторожно, а затѣмъ все смѣлѣе заглядывали къ намъ фигуры въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, предлагавшіе «на промѣнъ». Мѣняли все: хлѣбъ, сахаръ, папахи, валенки, рукавицы,

шинели. Самыми ходкими «деньгами» были папиросы и табакъ; охотно брали портмонэ, изъ рукъ рвали, если кто продавалъ, часы либо штатскій костюмъ. Не отказывались и отъ денегъ, но брали ихъ неохотно. Арестантскій этапъ превратился въ толкучку.

Около четырехъ часовъ, когда уже вечерѣло, смѣнился караулъ и стало совсѣмъ хорошо. Конвойные уже сами предлагали проводить въ городъ, въ лавочку, конечно — за нѣкоторую мзду. Мнѣ попался удивительно душевный парень изъ какой-то особой, носившей чуть ли не названіе «коммунистической», роты. Онъ не только свелъ меня на почту и далъ возможность отправить домой открытку и телеграмму, но и затащилъ меня къ себѣ въ гости въ казарму, угостилъ кашей, сладкимъ чаемъ и хлѣбомъ. Я впервые увидалъ тутъ, какъ живутъ привиллегированные красноармейцы. Эти помѣщались хорошо. У каждаго была своя кровать со столикомъ, въ который складывались продукты. На пищу красноармеецъ не жаловался. Когда я сидѣлъ у него въ гостяхъ, на кровати, казарма стала заполняться женщинами. Оказалось, что сегодня устраивается балъ, что балы, вообще, бываютъ не рѣдко, а женщины въ казармѣ постоянныя гости.

Доволенъ ли былъ красноармеецъ такими «свободами»? Нѣтъ. Ему казалось, что все это не настоящее, не серьезное, а потому и не прочное. «Свобода то оно свобода, да кто еще знаетъ, какъ оно обернется; продажныхъ шкуръ много, доносятъ; при томъ, если я коммунистъ, развѣ долженъ я крестьянина разорять, а мы ихъ потрошимъ здорово. Ну и они насъ не любятъ. Въ одиночку не встрѣчайся. Коммуниста непремѣнно убьютъ».

Предчувствія не обманули моего пріятеля. Обернулось не очень хорошо. Вскорѣ, сидя въ арестантскомъ вагонѣ на станціи Плесецкой, я узналъ, что вся вологодская «рота коммунистовъ» за послабленія арестованнымъ буржуямъ была предана суду и раскассирована.

Конвоиръ доставилъ меня къ семи часамъ на этапъ. Тамъ мы заночевали. Пробовалъ я было заснуть, конечно, въ одеждѣ и въ пальто, но аттаки клоповъ были столь стремительны и жестоки, что ночь пришлось бодрствовать. Утромъ кипятокъ снова пришлось покупать на собственныя деньги въ чайной. Но въ 11 часовъ намъ дали хлѣба и гороховаго супа. Не успѣли мы, однако, приняться за ѣду, какъ по камерамъ забѣгали конвойные: «Живо! со-би-райсь! Черезъ пять минутъ выступать!»

Бросили ѣду. Опорожнили котелки. Стали спѣшно собирать и укладывать вещи. Второпяхъ, конечно, кое-что и растеряли. А конвойные все подгоняли, скверно ругаясь и угрожая прикладами. Высыпали на улицу и построились въ ожиданіи провѣрки. Ждемъ четверть часа, никого нѣтъ. Разстраиваемъ ряды. Съ бранью велятъ вновь построиться. Опять ждемъ... Черезъ полчаса является начальство. Перекличка. Счетъ. Краткое внушительное слово: если кто изъ этой буржуйной сволочи вздумаетъ бѣжать или не повиноваться, немедленно стрѣлять; за побѣгъ кромѣ того отвѣчаетъ вся партія, потому смотрите другъ за другомъ сами, если хотите (такъ васъ и такъ!) остаться живы. Мы уже обстрѣлены и потому коммунистическая словесность на насъ не производитъ особаго впечатлѣнія.

Ведутъ на вокзалъ. Но поѣзда еще нѣтъ. Проходитъ длинныхъ четыре часа, пока подаютъ составъ и начинается посадка. Это время мы слоняемся по вокзалу. Конвой уже давно размякъ. Мы устали и замерзли. Танцуемъ съ ноги на ногу. Къ чему надо было «гнать» насъ съ такой спѣшкой, не давъ и поѣсть! Система. Вскорѣ я убѣдился, что это излюбленный пріемъ: надо бить арестованнаго по головѣ, не давая ему опомниться, чтобы онъ все дѣлалъ быстро, по военному, а

затѣмъ тянуть изъ него жилы. Для чего? Такъ. Говорятъ, система эта заимствована у стараго порядка и имѣетъ подъ собой солидныя психологическія основанія, какъ средство управленія массами.

Повезли на сѣверъ. Везли долго. Почти полныхъ двое сутокъ ѣхали мы до станціи Плесецкой, гдѣ были штабы VII арміи. Тамъ мы видѣли кое-кого изъ старыхъ ссыльныхъ, уже выбившихся въ люди и занявшихъ тѣ или иные посты при армейскихъ учрежденіяхъ. Они нѣсколько ознакомили насъ съ тѣмъ, что намъ предстоитъ. Посылаютъ по двумъ направленіямъ: или въ Емцы, или на деревню Кочмасъ (можетъ быть, немного перевралъ названіе). И тамъ, и тутъ фронтъ, на которомъ уже начинаются бои, а до весны ожидается серьезное наступленіе англо-американо-архангельско-бѣлогвардейскихъ войскъ. Въ Емцахъ очень скверныя условія жизни, зато туда доставятъ прямо по желѣзной дорогѣ. Въ Кочмасѣ немного лучше, но надо идти пѣшкомъ съ вещами 29 верстъ; подводъ не даютъ, половина людей, пока дойдетъ, замерзнетъ.

Сидѣли мы въ вагонахъ подъ карауломъ и ждали, кого куда пошлютъ. Вызывали насъ во врачебную комиссію на освидѣтельствованіе. Была тяжелая и оскорбительная комедія. Врачи изъ ссыльныхъ трепетали какъ осиновый листъ передъ ассистентами изъ коммунистовъ. Помню осмотръ одного діакона:

– Ну, раздѣвайся, жеребячья порода! Показывай твои болѣзни. Чѣмъ дѣвокъ портилъ, сифилисомъ или трипперомъ?

Врачъ молчалъ, пока, видимо важный, членъ комиссіи изощрялъ свое остроуміе. Другой членъ взглянулъ на насъ, распозналъ сквозь нашу хулиганскую внѣшность интеллигентское обличье, толкнулъ товарища и сказалъ:

– Перестань, не валяй дурака.

Дьякона признали «годнымъ». Но были и такіе, которыхъ и эта комиссія вынуждена была забраковать. Семидесятилѣтній старикъ изъ крестьянъ, нѣсколько чахоточныхъ, въ томъ числѣ и Блейхманъ, нѣсколько человѣкъ съ температурой выше 39° были изъяты изъ партіи и отосланы въ околодокъ. Развѣ не ясно было, что это слѣдовало сдѣлать уже въ Петроградѣ и въ Вологдѣ, гдѣ къ намъ тоже заходилъ врачъ, опрашивавшій, кто на что жалуется. Ему указали на лихорадящихъ, у которыхъ, повидимому, начинался тифъ. Врачъ сказалъ: приму мѣры, но больные послѣдовали съ нами до Плесецкой. Впослѣдствіи врачи въ разговорѣ со мной оправдывались, что они были буквально терроризированы военно-коммунистическими властями, грозившими разстрѣломъ за каждаго оставленнаго «буржуя», который окажется «не опасно больнымъ».

Меня комиссія спросила: Что у васъ? Я отвѣчалъ:

– Мнѣ пятидесятый годъ. Всю жизнь я занимался только умственнымъ трудомъ и къ окопнымъ работамъ не способенъ. Я почти слѣпъ и, если лишусь очковъ, то въ двухъ шагахъ ничего не увижу, да и въ очкахъ вижу плохо.

– Параграфъ о зрѣніи отмѣненъ. Грыжей не страдаете?

– Нѣтъ.

Написали: годенъ. А въ то же время во всѣхъ канцеляріяхъ отъ Вологды до Плесецкой и Емцовъ, какъ и въ доброе старое время, укрывались сотни здоровеннѣйшихъ верзилъ не умѣющихъ грамотно написать ни строки. Происходила соціальная революція: литераторы, учителя и чиновники рыли окопы, дворники, рабочіе и бойкіе купеческіе сынки писали и учили.

По дорогѣ отъ Петрограда до Вологды и въ самой Вологдѣ можно было еще купить хлѣба и кое-что изъ продуктовъ. Отъ Вологды стало совсѣмъ худо. Фронтъ все объѣлъ. За деньги достать хлѣба совсѣмъ нельзя было. Мѣняли только

на табакъ, да и то боясь, какъ бы не увидали солдаты или чекисты и не отняли бы хлѣбъ даромъ. Мы еще не «работали», а потому намъ давали только по фунту хлѣба на день безъ горячаго приварка. Начинался голодъ. Многіе изъ насъ ходили подъ вагонами и собирали выброшенныя поварами гнилыя, промерзшія картофелины и другіе объѣдки. Мнѣ — я помню — какой-то красный командиръ подалъ кусокъ хлѣба. Это была первая милостыня, которую я взялъ Христа ради. На старости лѣтъ научили меня коммунисты нищенствовать...

Изъ этой мерзлой картошки арестованные, какъ имъ совѣтовали, сдѣлали «пюре». Говорили, что ѣсть «пюре» безопаснѣе, чѣмъ не тертую картошку. Предосторожность не помогла. Той же ночью всѣ полакомившіеся этимъ «пюре», были жестоко наказаны. Дизентерія, впрочемъ, пришла позднѣе, въ Емцахъ...

* *

*

На Плесецкой мы пробыли дня три. Часть партіи отдѣлили куда-то, кажется, дѣйствительно въ Кочмасъ, а остальныхъ повезли на 426-ую версту, за полустанкомъ Емцы. Пріѣхали мы вечеромъ. Было уже темно и я совершенно не видѣлъ мѣстности, гдѣ мы остановились. Выгрузивши и пересчитавши, насъ повели куда-то по узкой дорогѣ. Изъ присланной партіи четыре-пять человѣкъ взяли меня подъ свое покровительство и сдѣлались моими няньками, иногда буквально водившими меня подъ руки. Къ сожалѣнію, проклятыя условія современности таковы, что я даже теперь, спустя 4 года, не могу вполнѣ откровенно говорить о тѣхъ людяхъ, которымъ я обязанъ спасеніемъ въ эти тяжкія минуты моей жизни. Но ихъ образы я сохранилъ въ своей душѣ и, если они находятся внѣ предѣловъ досягаемости совѣтской власти и мои строки дойдутъ до нихъ, пусть примутъ ихъ какъ горячую дань моей благодарности. Безъ ихъ содѣйствія, меня давно бы уже не было въ живыхъ. Это были: учитель А., высланный со мной изъ Петрограда по дѣлу гласныхъ, эстонецъ Э., два молодыхъ морскихъ офицера Щ. и Д. и инженеръ Л.

Эстонецъ Э. былъ натурой интересной. Человѣкъ большого роста, огромной физической силы, сильныхъ страстей и въ то же время чрезвычайной выдержки. Сынъ богатаго крестьянина, онъ получилъ небольшое образованіе, занимался въ Петроградѣ до революціи торговлей и жилъ, видимо, хорошо. Вмѣстѣ съ нимъ попалъ въ ссылку его соотечественникъ, бывшій его большой пріятель, представлявшій, какъ это бываетъ нерѣдко, разительную противоположность. Скорѣе низкаго роста, слабосильный, пріятель Э., — фамилію котораго я забылъ, производилъ впечатлѣніе человѣка очень умнаго и хитраго, гораздо болѣе образованнаго и интеллигентнаго. Онъ умѣлъ и любилъ поговорить на политическія темы, тогда какъ Э. изъяснялся по русски не безъ труда и говорилъ мало. Оба пріятеля служили въ Че-ка слѣдователями по дѣламъ спекулятивнымъ. Оба обратили эту службу въ доходный промыселъ. Вмѣстѣ попались и, переживъ на Гороховой непередаваемыя сцены «примѣрнаго разстрѣла», очутились въ тюрьмѣ на Нижегородской. Но тутъ начали обнаруживаться и нѣкоторыя различія. Жена Э. послѣ его ареста оказалась почти безъ средствъ и, кажется, не особенно интересовалась своимъ супругомъ. А жена пріятеля Э. имѣла въ рукахъ очень большія деньги и энергично хлопотала за своего мужа. Въ неповоротливомъ мозгу Э. сталъ тяжело шевелиться вопросъ: почему это такъ случилось? Въ душу, очевидно, запали тяжкія подозрѣнія. Дальше — больше. Въ тюрьму они попали вмѣстѣ

и въ ссылку пошли вмѣстѣ, но уже въ Плесецкой пріятель Э-а отъ него оторвался и судьба его явно пошла по другимъ рельсамъ. Э. сознавалъ, что его пріятель использовалъ его, какъ грубую физическую силу, обманулъ, а теперь и предалъ и выкарабкивается самъ, предоставляя ему тонуть. «Убить его надо» – сказалъ онъ мнѣ однажды, и это не были пустыя слова.

Окружающее его русское простонародье Э. не любилъ за грязь, скверную ругань (онъ съ большой любовью и почтительностью говорилъ о своихъ родителяхъ), за «необразованность». Большевики произвели на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе и подавили его психику. «Русскому народу – нерѣдко говаривалъ онъ мнѣ – только такое правительство и нужно. Другое съ нимъ не справится. Вы думаете, народъ васъ уважаетъ. Нѣтъ, онъ надъ вами смѣется, а большевика уважаетъ. Большевикъ его каждую минуту застрѣлить можетъ. Я помню, какъ онъ меня застрѣлить хотѣлъ. Они иногда правильно хотятъ – и мы имъ должны подчиняться», – неожиданно заканчивалъ Э. свою мысль.

Этотъ человѣкъ почувствовалъ ко мнѣ какую-то симпатію, совершенно безкорыстную. Онъ помогалъ мнѣ, какъ только могъ. Когда надо было взбираться въ вагонъ, подымавшійся на полтора аршина надъ насыпью, и я никакъ не могъ подтянуться на своихъ слабыхъ локтяхъ, онъ подталкивалъ меня и всаживалъ въ вагонъ своими могучими руками. Когда одинъ арестантъ изъ хулигановъ укралъ у меня казенную мотыку и мнѣ грозили непріятности, Э. заставилъ его угрозой переломать ребра вернуть украденное.

Какъ то я прямо спросилъ его:

– Вы человѣкъ сильный, любите и уважаете только силу, почему же вы помогаете и заботитесь обо мнѣ, воплощенной и ненужной слабости?

Онъ отвѣтилъ:

– Силы то у меня самого много. Мнѣ тоже иногда хочется умъ и правду видѣть. Вы думаете, что человѣкъ можетъ жить только какъ грязная свинья или голодная собака? Если бы не было образованныхъ, хоть слабыхъ, но честныхъ, совсѣмъ скучно было бы. А власти вамъ давать нельзя. Вы ничего не умѣете...

Э., человѣкъ очень аккуратный и обстоятельный, вывезъ съ собой немного продуктовъ, тѣмъ болѣе, что аппетитъ у него, сообразно комплекціи, былъ большой. Но припасовъ хватило только до Плесецкой. Въ лагерномъ баракѣ на 426-ой верстѣ, Э. уже сильно голодалъ и таялъ на моихъ глазахъ. Вообще, условія жизни были таковы, что обрекали всѣхъ насъ на медленную, но вѣрную смерть.

Вытянутое, узкое, низкое, темное днемъ и ночью, деревянное зданіе, безъ оконъ, съ дверью на одномъ концѣ и печкой – на другомъ. По обѣ стороны, у мокрыхъ стѣнъ – нары, посрединѣ – узкій столъ. Населеніе такъ густо, что при распредѣленіи мѣстъ буквально отмѣривали каждому его 8 вершковъ. Изъ-за каждаго лишне захваченнаго полу-вершка шли уже споры и даже драки. Спать надо было не раздѣваясь. Всѣ вещи, вообще, приходилось на ночь прятать подъ себя, такъ какъ крали немилосердно. Днемъ, когда вся партія отправлялась на работы, вещи въ запертомъ или завязанномъ видѣ оставлялись на отвѣтственности старосты и очередного дневальнаго. Ихъ надзоръ отъ кражъ не спасалъ. Кражи, вообще, служили источникомъ постоянныхъ ссоръ. Для освѣщенія служила лучина. Ее долженъ былъ нащепать дневальный въ такомъ количествѣ, чтобы хватило на утро, когда завтракали передъ отъѣздомъ на работы, и на вечеръ, когда обѣдали послѣ возвращенія съ работъ. Такъ какъ приготовить такое огромное количество лучины одинъ дневальный, обремененный и другими работами, никогда не могъ, то его всегда ругательски ругали. Дневальный послѣ отъѣзда

партіи долженъ былъ вымести камеру, наколоть и принести дрова, поддерживать огонь въ печи, нащепать лучину и помочь старостѣ доставить продукты.

Продукты (хлѣбъ, сахаръ, иногда чай, рыба и мыло) выдавались старостѣ каждаго барака по списку и дѣлились выбранными раздатчиками изъ арестантовъ по возвращеніи ихъ съ работъ. И старосту и раздатчиковъ обвиняли почти всегда въ кражахъ и мошенничествѣ, хотя заранѣе заготовленныя порціи раздавались по жребію. Староста долженъ былъ слѣдить за порядкомъ и всѣхъ подымать въ 6 ч. утра. Всѣ, исключая старосты и одного дневальнаго, должны были ежедневно, не исключая ни воскресенья, ни Рождества, ни Новаго Года, отправлятся на работы. Чувствовавшій себя больнымъ отправлялся старостой по запискѣ въ околодокъ въ 6¼ ч. утра. Если фельдшеръ признавалъ его больнымъ, онъ могъ остаться въ лагерѣ, но получалъ третью часть хлѣбнаго пайка и долженъ былъ все время лежать въ баракѣ, не выходя во дворъ. Бѣда, ежели кто изъ начальства замѣтитъ такого «лодыря» во дворѣ. Если же фельдшеръ не признавалъ его больнымъ, онъ, сломя голову, долженъ былъ бѣжать къ полотну, гдѣ въ 7 ч., передъ поѣздомъ уже выстраивались арестанты по баракамъ или, какъ говорили, «по ротамъ.» Такой неудачный больной лишался завтрака, — большею частью супа изъ селедки даже безъ крупы — который раздавался въ 6½ ч. утра. Безъ десяти минутъ семь мы должны были уже выходить къ полотну, имѣя на завтракъ не болѣе 15 минутъ. Завтракъ раздавался, смотря по представляемой посудѣ: на одного, на двухъ, на трехъ.

Хлѣба давали по 1½ фунта на человѣка съ малымъ недовѣсомъ. Сахару около 4 золотниковъ. Рыбы, сухой воблы или селедки, въ среднемъ по полу-фунту въ день. По пріѣздѣ съ работъ, между 7 и 8 часами вечера давался «обѣдъ», т. е. то же самое варево, что и утромъ, за исключеніемъ праздниковъ, когда вмѣсто супа давалась жидкая пшенная каша. Раціонъ въ общемъ былъ значительно меньше красноармейскаго: почти совершенно отсутствовали жиры. Его не хватало бы для поддержанія силъ и при сидячемъ образѣ жизни въ теплой тюрьмѣ. Мы же проводили все время, съ 7 часовъ утра до 7—8 ч. вечера, на морозѣ, за работой или въ холодныхъ вагонахъ и, конечно, выдаваемая намъ пища не составляла и половины того, чего требовалъ организмъ. Даже я испытывалъ чувство голода. Что же переживали болѣе молодые и здоровые, напр. Э., который на волѣ ежедневно потреблялъ одного хлѣба не менѣе 3 фунтовъ? Огромное большинство арестантовъ постоянно испытывали острое чувство голода, и всѣ мысли ихъ были поглощены заботой, какъ бы чего найти съѣстного. Поселеній по близости не было никакихъ. Оставалось красть либо въ казенныхъ складахъ и кухняхъ, либо у болѣе счастливыхъ товарищей, получившихъ какія-нибудь посылки. Посылки, особенно со съѣстнымъ, рѣдко доходили въ цѣломъ видѣ. Сначала содержаніе ихъ въ порядкѣ надзора просматривалось на почтѣ, затѣмъ въ штабныхъ учрежденіяхъ VII арміи, потомъ лагернымъ начальствомъ и, наконецъ, сожителями по бараку въ порядкѣ простой кражи.

Э. таялъ на моихъ глазахъ. Въ теченіе недѣли, которую я провелъ съ нимъ въ баракѣ, онъ потерялъ не менѣе 15 фунтовъ вѣсу. Охватившее его сначала возбужденіе начинало уже смѣняться апатіей...

Составъ арестованныхъ былъ очень смѣшанный, съ большой дозой уголовнаго элемента, не только воровъ, но и разбойниковъ и убійцъ. Нравы были дикіе. Одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній произвела на меня сценка, которую я наблюдалъ въ первую же ночь. Черезъ трехъ человѣкъ отъ меня возилась пара педерастовъ за своимъ дѣломъ. Сосѣди объяснили мнѣ, что хулиганы пригро-

зили имъ ножомъ, если они вздумаютъ протестовать. Сказали старостѣ: онъ разъединилъ парочку. Это не помогло.

Помню другую ночь, дня черезъ три послѣ того, какъ я поѣлъ выданной вяленой рыбы. Ночью я почувствовалъ, что у меня во рту что-то шевелится — и вытащилъ червя съ полъ-вершка величиной.

Другое сильное впечатлѣніе было вечеромъ, въ первый же день послѣ возвращенія съ работъ. Мои неподбитыя валенки не выдержали первой же прогулки по лѣсному бурелому. Я пробилъ ихъ о какой-то сукъ и они порядкомъ намокли отъ набравшагося снѣга. Вернувшись къ вечеру въ баракъ, я разулся и, замѣтивъ, что у печки есть свободное мѣсто, присѣлъ, какъ и другой арестантъ, на корточки и сталъ сушить передъ огнемъ валенокъ. Вдругъ, ко мнѣ подошелъ одинъ здоровенный верзила, толкнулъ меня такъ, что я покатился на полъ и занялъ мое мѣсто передъ каминомъ. За меня, было, заступились двое, но верзила имъ отвѣтилъ:

— Подите вы съ вашимъ бариномъ къ...

Долженъ прибавить, что это былъ первый и послѣдній разъ, когда меня обидѣлъ въ камерѣ свой братъ арестантъ. Обыкновенно относились ко мнѣ хорошо, по человѣчески. Но ругань въ баракѣ не прекращалась и драки были ежедневно.

Въ чемъ же состояли наши работы?

Насъ привезли на 426-ую версту вечеромъ, когда было темно и я не могъ даже разсмотрѣть мѣстности, въ которой расположенъ нашъ «лагерь принудительныхъ работъ». Когда на слѣдующій день въ 6¼ часовъ утра мы пошли за завтракомъ, я тоже ничего не видѣлъ кругомъ и слѣпо шелъ за товарищами гуськомъ на огонекъ у вагона-кухни. Возвращаясь обратно, я споткнулся въ темнотѣ и пролилъ часть драгоцѣнной жидкости. Въ 7 часовъ, когда насъ посадили въ вагонъ, было также темно. Вагонъ былъ съ нарами, но холодный, безъ печки. Во всемъ поѣздѣ на пять крытыхъ товарныхъ вагоновъ было только двѣ теплушки съ печами. Раза три эстонецъ или какой-либо другой пріятель вталкивали меня туда, но, большею частью, теплушки брались съ бою болѣе сильными и болѣе близко къ нимъ выстроенными «ротами», а остальнымъ приходилось кататься въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ.

Да, это было «катанье», которое мы, не попавшіе въ теплушку, проклинали отъ всей души. Пятнадцать верстъ въ декабрьскую стужу насъ везли не менѣе 3-хъ часовъ. Считалось, что нашъ рабочій день длится 8 часовъ, съ 8 часовъ утра до 4 вечера, когда уже спускались сумерки. Но на самомъ дѣлѣ на подвозъ насъ къ мѣсту работъ на 441 верстѣ уходилъ не часъ, а три часа. Шабашили мы ровно въ 4 часа, но везли насъ обратно ни разу не меньше трехъ часовъ. Такъ что, хотя мы «работали» всего 6 часовъ, но вмѣстѣ съ дорогой времени у насъ уходило 12 и 13 часовъ. Провезутъ насъ три версты, остановятъ поѣздъ, еще — двѣ, затѣмъ обратно подадутъ, опять стоятъ, а мы мерзнемъ и ругаемся. Дровъ возлѣ дороги было достаточно. Когда становилось невмоготу, набирали полѣньевъ, что потоньше, кололи ихъ казенными кирками и саперными лопатами и жгли прямо на полу вагона. Окутывало такимъ злымъ, ѣдучимъ дымомъ, что глаза не высыхали отъ слезъ. Приходилось широко раздвигать двери вагоновъ, чтобы не задохнуться отъ дыму. Все же теплѣе, чѣмъ только переминаться съ ноги на ногу.

Пріѣхали наконецъ. Насъ выгружаютъ и разбиваютъ на шестерки. Большею частью съ мѣста выгрузки мы должны были по лѣснымъ «тропкамъ» пройти на позиціи, полторы-двѣ версты, и снести то, что полагалось. Носили мы, главнымъ образомъ, мотки колючей проволоки, иногда доски для колодцевъ и блокгаузовъ. На шестерку выдавался мотокъ проволоки пуда въ три и длинная жердь. Жердь

продѣвалась сквозь мотокъ, и два человѣка, положивъ концы на плечи, несли ее по узенькой тропкѣ, идя гуськомъ за проводникомъ, безъ котораго въ этой чащѣ нѣтъ возможности найти надлежащія «тропки». Двое человѣкъ несутъ, четверо ихъ поочередно смѣняютъ.

Шестерки сбивались на-скоро, безо всякой системы. Въ одну набирались все сильные, какъ на подборъ, въ другую — самые слабые. Горько мнѣ было и совѣстно передъ арестантами, въ шестерку которыхъ я попалъ... Храбро положилъ я конецъ жерди на плечо и пошелъ. Пронесъ мотокъ саженей десять — и упалъ. На ровномъ мѣстѣ ноги скользили, въ снѣгу увязали, о корни и суки постоянно спотыкались. Приходилось снова подымать мотокъ съ земли — лишній и большой трудъ, не говоря уже о томъ, что, падая, тянешь за собой товарища и подвергаешь его опасности жестоко разбиться. Меня смѣнили. Спасибо, даже не ругались. Попробовалъ я послѣ еще разъ понести жердь. Прошелъ немного дольше, но результатъ тотъ же.

— Нѣтъ, отецъ (такъ называли меня арестанты и красноармейцы изъ народа), не для тебя это дѣло. Скажемъ уже десятнику, дастъ тебѣ, что полегче.

Десятникъ внимательнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня: не притворяюсь ли?

— Ну, хорошо, ставить его на жерди, скобы и гвозди.

Это было легче. Набиралъ я въ дырявый мѣшокъ скобъ и гвоздей, разсовывалъ по карманамъ, которые, конечно, немилосердно отъ этого рвались, но все-же было легче, а, главное, по силамъ. Носилъ и доски. Съ этимъ справлялся.

По приходѣ на позиціи, десятники распредѣляли насъ на разныя работы. Одни копали землю для окоповъ, блиндажей или колодцевъ, другіе — рубили деревья и обтесывали колья, третьи — забивали эти колья въ землю, четвертые — разматывали колючую проволоку и переплетали ею построенные загородки и частоколы. Мнѣ приходилось дѣлать все, кромѣ закладки и обшивки колодцевъ.

Грѣшно жаловаться на обремененіе работой. Десятники изъ молодыхъ саперовъ — славные, хорошіе юноши — относились ко мнѣ болѣе, чѣмъ терпимо. «Ну, какой ты, отецъ, намъ работникъ — сказалъ одинъ, видя, съ какимъ трудомъ подымаю я выше головы тяжелый деревянный молотъ, чтобы вбивать имъ въ землю непослушный колъ, входившій у меня только въ снѣгъ, — пойди лучше въ лѣсъ, посиди.

Я пошелъ. Сѣлъ на пень, оглянулся и душа моя радостно застыла отъ этой торжественной красоты и спокойствія вѣковѣчныхъ архангельскихъ лѣсовъ. Я сразу узналъ мѣстность, гдѣ нахожусь. Да, это тѣ самые лѣса, которые воспѣлъ А. Чапыгинъ въ своей замѣчательной повѣсти «Бѣлый скитъ», до сихъ поръ не оцѣненной въ нашей литературѣ. Вотъ передо мной эти гиганты, живые, осыпанные снѣгомъ, тянущіеся верхушками въ небо, и мертвые, на двадцать саженей перегородившіе всѣ дороги. Ходить по этимъ лѣсамъ можно только по тропкамъ, зная при томъ, куда какая тропка приведетъ. Собьешься, заблудишься, не выберешься вовѣкъ и попадешь либо медвѣдю, либо бѣлому сну въ лапы. Оступишься въ снѣгъ, сбоку дороги — хватайся сейчасъ за дерево: снѣгъ глубокъ, провалишься — не выбраться. На деревьяхъ бѣлки прыгаютъ, снѣгомъ тебя порошатъ, птицы различными голосами перекликаются. Издали доносятся удары топоровъ и молотовъ: наши работаютъ.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, орудійный, черезъ минуты три за нимъ — другой, еще и еще. Послышалась и ружейная стрѣльба, тоже не очень частая. Въ первый день я не могъ ясно разобраться, съ какой стороны выстрѣлы. Перестрѣлка

длилась около часа. Раненыхъ я ни разу не видѣлъ, хотя однажды очень близко отъ насъ зарылся въ снѣгъ подъ деревомъ на пригоркѣ трехъ-дюймовый снарядъ. Ходили его смотрѣть. Непріятно было, когда однажды насъ обстрѣляли ружейнымъ огнемъ на работѣ у блиндажа вблизи насыпи. Велѣли залечь. Затѣмъ прошли въ блокгаузъ, отсиживались тамъ вмѣстѣ съ взводомъ красноармейцевъ, которые ругали и коммунистовъ, и бѣлыхъ, и пѣли циничныя и кощунственныя пѣсни.

Я, конечно, былъ не работникъ. Но и другіе, долженъ правду сказать, работали не очень много и не очень усердно. И подневольные рабочіе, и командируемые на работы и для надзора красноармейцы и вольные начальники, всѣ относились къ работѣ какъ-то скептически и равнодушно. Строили колодецъ и смѣялись: «а воды то, вѣдь, тутъ нѣтъ, давно пора въ другомъ мѣстѣ рыть, да вотъ товарищъ Сергѣй упрямится». Рыли яму для блиндажа и говорили: «къ концу кампаніи будетъ готово». Про наши проволочныя загражденія всѣ въ одинъ голосъ утверждали: «весной, первымъ же потокомъ все снесетъ».

Очень часто различныя группы рабочихъ и солдатъ подходили къ костру погрѣться, вскипятить чайку. Завязывались разговоры. Меня особенно интересовало отношеніе красноармейцевъ къ бѣлымъ, какъ преломляется въ ихъ сознаніи междоусобная война. Общее впечатлѣніе было такое. Тѣ, что попроще, взятые отъ сохи или мало тронутые пропагандой, не вѣрили въ побѣду красныхъ.

– Гдѣ ужъ намъ! Какъ перейдутъ въ наступленіе, всю эту работу вашу снесутъ и насъ вмѣстѣ съ нею. Развѣ у насъ что настоящее? Государство, офицеры – все второй сортъ. Видѣлъ я американца: пальто мѣховое, теплое, короткое, ноги свободны, рукамъ легко, ружьецо у него игрушка, не какъ у насъ, на веревкѣ, бинокль, карта. Все у него есть, знаетъ, гдѣ находится, противъ кого воюетъ. Дѣйствуютъ они обходами. Мы вотъ тутъ работаемъ, а «онъ», можетъ быть, уже за тридцать верстъ насъ обошелъ, а завтра окружитъ и готово: сдавайся.

Полу-интеллигентные и распропагандированная молодежь изъ города и деревни на это горячо возражала:

– Не такъ ужъ это страшно. Конечно, если бы воевали съ нами англичане и американцы, намъ, словъ нѣтъ, противъ нихъ не устоять. Но ихъ мало, они только приданы бѣлымъ для твердости. А съ бѣлыми мы справимся. Офицеры ихъ лучше нашихъ, безъ спору, только они – господа, живутъ отъ своихъ солдатъ особо, ѣдятъ и пьютъ по особому. Пока бѣлый у офицера на глазахъ, онъ еще годенъ, а какъ одинъ остался, нашъ его голыми руками беретъ. «Ты» – говоритъ – «съ чего это вздумалъ – золотые погоны защищать? думаешь, тебѣ нашьютъ, князей и графовъ мало осталось?» Какая у бѣлыхъ сила, если одинъ нашъ агитаторъ можетъ у нихъ цѣлый батальонъ испортить. Возьмутъ, свяжутъ офицеровъ и намъ же ихъ и выволокутъ...

Наконецъ, одинъ изъ полукомандного состава сказалъ мнѣ какъ-то слова, въ первой части оказавшіяся пророческими:

– А я вамъ скажу, кончится такъ: мы – возьмемъ Архангельскъ, а «они» – Плесецкую. Неразбериха. Гражданская война.

Насколько я тогда понялъ, онъ своими словами хотѣлъ оттѣнить господствовавшій въ то время способъ веденія войны глубокими обходами.

Довольно часто въ разговорахъ слышались звуки ненависти и мести за родныхъ, за жестокости надъ товарищами. Тутъ было много сумбуру, но много и просто темнаго. Среди красныхъ было не мало и перекрашенныхъ, которые, вѣроятно, энергіей брани старались застраховать себя отъ подозрѣній. Такъ, во

время одной изъ «работъ» я около часу слушалъ у костра горячія рѣчи нѣкоего Б., въ прошломъ несомнѣнно офицера, разжалованнаго, какъ онъ говорилъ, въ рядовые во время войны. Онъ все собирался взять Архангельскъ и изощрялся въ придумываніи казней, которымъ подвергнетъ населеніе, вырѣзавшее какой-то отрядъ революціонеровъ, и одного офицера, еще въ царское время предавшаго его брата, будто бы устроившаго заговоръ въ Академіи Ген. Штаба. Послѣднее мнѣ показалось явнымъ вымысломъ, разсчитаннымъ на невѣжество слушателей. Заломивъ на затылокъ высокую черную смушковую папаху, распахнувъ полы шинели, Б. ораторствовалъ: — «Войду въ городъ, соберу буржуевъ, самыхъ жирныхъ, самыхъ чистыхъ, самыхъ, голубчики мои, образованныхъ. Построю ихъ въ рядъ. За то, скажу я имъ, господа мои хорошіе, что вы возстали противъ народа и предательски вырѣзали моихъ товарищей, назначаю я вамъ наказаніе. Пятый изъ васъ будетъ разстрѣлянъ. Четвертый изъ оставшихся — повѣшенъ. Третьяго изъ остающихся пристрѣлю я самъ. Послѣднихъ, такъ и быть, помилую, возьму съ нихъ выкупъ по милліону рублей кругомъ за всѣхъ, и за казненныхъ тоже, а затѣмъ пошлю на работы. Ну, а съ офицеромъ-предателемъ у меня другой разговоръ будетъ...»

Слушалъ я Б. и не могъ понять, кто онъ собственно, красный или только прикидывающійся имъ, черный. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчи его, совершенно невыносимыя для интеллигентнаго сознанія, вызывали въ рядовыхъ красноармейцахъ скверныя и злыя, кровожадныя чувства.

Всѣ признавали, что въ Россіи плохо и такъ продолжаться не можетъ. Нѣкоторые предлагали «не шебаршить», а прямо пойти къ иностранцамъ въ науку: все одно этого не избыть ни краснымъ, ни бѣлымъ, а за науку, конечно, платятъ. Раздавались и другіе голоса. Такъ впервые здѣсь, у костра, на 441-ой верстѣ услыхалъ я изъ устъ одного красноармейца: «дайте намъ только съ бѣлыми справиться, а тамъ объявимъ и всеобщую, прямую, равную борьбу противъ вши». Впослѣдствіи схожія фразы я читалъ въ совѣтскихъ газетахъ и вычиталъ ли ее красноармеецъ оттуда или своимъ умомъ дошелъ — не знаю.

* * *

Я не очень-то много вбилъ кольевъ въ землю и еще меньше намоталъ проволоки. Десятники и присматривавшіе за нами красноармейцы на меня не очень насѣдали и не особенно гнали на работу. Они видѣли, что я не уклоняюсь и не лодырничаю, а, дѣйствительно, не могу и не умѣю. Но все-таки разсчитывать на постоянное снисхожденіе стражи было рискованно. Надо было добиться какой-либо другой работы, для меня посильной. Въ это время насъ уже опрашивали о спеціальности. Мастеровыхъ, слесаря и сапожника, уже взяли куда-то отъ насъ на постоянныя работы. Большое впечатлѣніе произвело извѣстіе, что двухъ бывшихъ офицеровъ-кавалеристовъ взяли на станцію Плесецкую на конюшни для ухода за лошадьми. О положеніи «конюховъ» отзывались хорошо и всѣ въ нашемъ лагерѣ, причастные къ кавалеріи или къ конной артиллеріи, мечтали пристроиться на конюшнѣ. Рѣшилъ и я искать себѣ подходящей спеціальности: если первые, самые тяжелые, дни выжилъ, значитъ, надо жить и дальше.

Я посовѣтовался со старостой. Онъ говорилъ, что сдѣлать что-либо трудно. На канцелярскія работы есть приказъ неблагонадежныхъ интеллигентовъ не назначать. Есть работы внутри лагеря по уборкѣ, по завѣдыванію кубомъ, баней,

на кухнѣ. Назначеніе туда зависитъ отъ начальника. Староста посовѣтовалъ сходить завтра утромъ въ околодокъ, сказаться больнымъ, тогда оставятъ въ лагерѣ на день и можно будетъ присмотрѣть какую-либо работу. Четыре дня я уже былъ въ лагерѣ и до сихъ поръ не зналъ, гдѣ нахожусь. Уѣзжалъ на работы, когда было темно, и пріѣзжалъ обратно, когда уже ничего не могъ разсмотрѣть. Не могъ даже одинъ за водой сходить, такъ какъ не видалъ, гдѣ колодецъ. Мои попытки ночныхъ рекогносцировокъ для ознакомленія съ мѣстностью кончались тѣмъ, что попадалъ въ сугробъ и спѣшилъ по своимъ слѣдамъ выбраться обратно на дорогу. Это могло кончиться печально: стоило мнѣ, не зная дороги, забраться куда-либо въ сторону и караульный, заподозривъ бѣглаго, сталъ бы стрѣлять... Все вмѣстѣ взятое создало во мнѣ рѣшеніе непремѣнно остаться завтра въ лагерѣ. Странное психическое состояніе: когда я это рѣшилъ, я почувствовалъ, что не могу завтра ѣхать на работы и, что бы ни случилось, не поѣду...

На утро отправился вмѣстѣ съ другими кандидатами въ больные въ околодокъ. По очереди прошелъ къ фельдшеру, молодому симпатичному человѣку. Не обратилъ должнаго вниманія, что кромѣ фельдшера и его помощника въ комнатѣ былъ еще одинъ человѣкъ. Фельдшеръ ко мнѣ: «Что болитъ?» Я простодушно разсказалъ ему все, какъ есть, близорукъ, ничего не вижу, до сихъ поръ не знаю мѣста, гдѣ живу, работа на позиціяхъ для меня непосильна, отъ работы не уклоняюсь, но прошу дать, что по силамъ...

– Это меня не касается – прервалъ меня фельдшеръ. По этимъ причинамъ я не могу освобождать отъ работъ. Проситесь черезъ начальника лагеря на комиссію. Сегодня у васъ что болитъ? Голова?

– Голова у меня всегда тутъ болитъ.

Взялъ за руку, нашелъ пульсъ, сосчиталъ:

– Здоровы, ничего не могу сдѣлать. Сегодня должны ѣхать на работы.

– Я ѣхать не могу. У меня силъ нѣтъ.

– Должны.

Я почувствовалъ, что на меня что-то нашло. Вотъ ѣздилъ же четыре дня и ничего, а тутъ такое ощущеніе, что если силой потащутъ, и то не поѣду. Вмѣсто того, чтобы бѣжать къ полотну желѣзной дороги строиться, я ощупью побрелъ обратно, отыскивая помѣщеніе четвертой роты.

Свистнулъ поѣздъ, партія отъѣхала. Вернулся сдававшій ее староста. Ко мнѣ: что вы надѣлали? васъ, вѣдь, нѣтъ въ спискѣ оставленныхъ фельдшеромъ? Первый случай прямого неповиновенія, можетъ выйти скверная исторія. Я отвѣчалъ, что ѣхать психически не могъ, будь что будетъ, мнѣ все равно.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ я, къ сожалѣнію, долженъ кое-что опустить, не зная, гдѣ теперь люди, такъ или иначе принимавшіе участіе въ моей судьбѣ. Долженъ сказать, что старостѣ и еще нѣсколькимъ лицамъ удалось предотвратить отдачу меня подъ военно-полевой судъ. Меня призвало къ себѣ начальство лагеря и спросило:

– Въ чемъ собственно дѣло?

– Ѣхать вмѣстѣ съ остальными арестантами, молодыми и сильными людьми, я, старикъ, не могу, даже если меня и не будутъ принуждать работать. Не пикникъ же это для меня. А отъ посильной работы не отказываюсь.

– Хотите взять завѣдываніе кубомъ?

– Попробую.

Попробовалъ и увидалъ, что поступилъ легкомысленно. Во дворѣ стояла маленькая будка съ печкой и вмазаннымъ въ нее пятиведернымъ котломъ. Три

раза въ день надо было согрѣть по два куба и прослѣдить за раздачей приходящимъ кипятку. Дневная раздача, когда три четверти лагеря уѣзжали на работу, особыхъ трудностей не представляла, но утренняя и вечерняя были много сложнѣе.

Назначили мнѣ помощника, и сталъ я готовить съ ночи кубъ на утро. Принесъ не безъ труда, но благополучно, пять ведеръ воды, накололъ дровъ, нащепалъ лучины для освѣщенія и растопки. Закончилъ работу, хочу уходить, помощникъ, коловшій дрова, и говоритъ: такъ бросить кубъ нельзя, къ утру ни дровъ, ни лучины не найдемъ, даже хододную воду изъ куба выцѣдятъ. Правильно. Надо запереть. Смотритель говоритъ, что казеннаго замка у него нѣтъ, какъ нѣтъ и спичекъ. Бросился по лагерю добывать и то, и другое. На что-то вымѣнялъ. Заперли кубъ. Всталъ въ четыре часа утра. Помощникъ мой еще не приходилъ. Сталъ растапливать кубъ. Не безъ труда, но удалось: горитъ хорошо. Только опять старая бѣда: потѣютъ у меня стекла очковъ – ничего не вижу, а сниму ихъ – тоже ничего не вижу. Все-таки вскипаетъ у меня кубъ, а помощника нѣтъ, какъ нѣтъ. Идти за нимъ не хочется: скажетъ, не смогъ самъ съ дѣломъ справиться. Стали на дымокъ ко мнѣ заходить отдѣльные, рано проснувшіеся, арестанты. Тутъ я сдѣлалъ грубѣйшую ошибку. Наканунѣ мнѣ техники дѣла никто толкомъ не объяснилъ. Мнѣ бы надо запереть кубъ, сходить оповѣстить всѣ «роты», что кипятокъ готовъ, буду скоро раздавать, а я вмѣсто того прямо далъ первымъ пришедшимъ. Тѣ разнесли по «ротамъ»: кипятокъ даютъ. Заключенные бросились къ кубу. Я – одинъ. А раздавать воду надо осторожно, чтобы кубъ не опустѣлъ, не то распаяется – и тогда «крышка». Толпа набилась въ кипятильникъ и не хотѣла уходить. Мнѣ надо было обязательно его закрыть, чтобы пойти за водой. Началась перебранка. Толпѣ, видимо, доставляло удовольствіе поиздѣваться надъ интеллигентомъ:

– Наливай, глазастый чортъ, а то самъ нацѣжу!

– Очки напялилъ, такъ и командуешь!

– Ежели не за свое дѣло взялся, такъ молчи!

Я уже отлично понималъ, что взялся не за свое дѣло. Положеніе было критическое. Въ это время появился мой помощникъ изъ питерскихъ рабочихъ, медлившій приходомъ, видимо, не безъ психологическихъ расчетовъ. Онъ крѣпко выругался, схватилъ одного арестанта за шиворотъ, выкинулъ изъ кипятильника, вытѣснилъ остальныхъ. Для приличія они ругались, но своему брату уступили. Мы заперли кубъ, наносили воды и черезъ десять минутъ снова раздавали воду. Но какъ-только рабочій поѣздъ отошелъ, я явился къ начальству съ рапортомъ:

– Кипятильщикомъ быть не способенъ, прошу назначить другого.

Къ удивленію моему я встрѣтилъ очень хорошій пріемъ:

– Какой вы кипятильщикъ! Развѣ справиться вамъ съ этимъ народомъ! Хорошо еще, что кубъ не распаяли. Ну, мы вамъ нашли подходящую работу. Явитесь къ фельдшеру...

Смѣшно немного теперь обо всемъ этомъ вспоминать. Но неудача съ кубомъ такъ придавила мой духъ сознаніемъ моей непригодности къ этой суровой жизни, что я ничего не ждалъ и отъ бесѣды съ фельдшеромъ. Опять какая-нибудь тщетная попытка, новый конфузъ, новое отчаяніе. Вспомнились за тысячу верстъ оставшіяся жена и дѣти, которыя пьютъ свою чашу въ холодномъ и голодномъ Петроградѣ. Двадцать пять лѣтъ писалъ, училъ другихъ, – а теперь съ кубомъ и толпой арестантовъ справиться не можешь. Нужны ли такіе люди? Имѣютъ ли право существовать?

Завѣдываніе кубомъ передано было моему товарищу. Онъ нашелъ себѣ помощника изъ своей среды и дѣло у нихъ пошло. Потихоньку они начали поторговывать кипяткомъ для постирушекъ (это было строго запрещено), оказывали услуги кухоннымъ людямъ и начальству – и стали сыты. Встрѣтивъ меня какъ-то послѣ этой исторіи, мой помощникъ полу-признался, что не безъ намѣренія оставилъ меня съ толпой одного глазъ-на глазъ: «увидали вы, какіе это люди, и не захотѣли, правильно, съ ними возиться».

Пошелъ къ фельдшеру. Тутъ уже все перемѣнилось. И теперь не могу безъ чувства горячей благодарности вспомнить этого хорошаго русскаго молодого человѣка и двухъ его санитаровъ тоже изъ ссыльныхъ. Одного изъ нихъ, г. Б–ра я встрѣтилъ недавно въ Берлинѣ и въ его красиво меблированной столовой за хорошимъ обѣдомъ мы вспоминали дни и ночи, проведенные въ лагерѣ на 426-ой верстѣ. Тамъ наше знакомство началось съ того, что, конфузливо протягивая мнѣ горшокъ съ остатками пшенной каши, онъ сказалъ: «можетъ быть, не побрезгуете, теперь какъ разъ мы уже пообѣдали и ничего у насъ больше не осталось...» Надо ли добавлять, что я не побрезговалъ и вычистилъ горшокъ такъ, что его почти и мыть не надо было.

– Вы на меня, должно быть, разсердились, что я васъ тогда не оставилъ – сказалъ мнѣ фельдшеръ. Не могъ я этого сдѣлать. Тутъ шпикъ сидѣлъ, вы не замѣтили. И безъ того всякій день доносы. Коменданта лагеря уже смѣщаютъ, пока останется его помощникъ, хорошій человѣкъ...

Узнавъ объ условіяхъ жизни въ баракѣ, фельдшеръ предложилъ переселить меня къ себѣ въ комнату при околодкѣ. – «Конечно – сказалъ онъ – клоповъ и у насъ достаточно – съ потолка падаютъ; лучше, поэтому, спать на полу, а не на скамьѣ, – есть и мыши, но все-таки будетъ вамъ лучше». Понятно, съ какой благодарностью я принялъ предложеніе. Часа черезъ три я со всѣми вещами перебрался уже въ околодокъ. Въ первый разъ въ теченіе десяти дней я получилъ возможность раздѣться и хоть немного почистить себя отъ облѣпившихъ меня насѣкомыхъ. Вечеромъ ждала меня другая величайшая радость: фельдшеръ пригласилъ меня въ баню, вытопленную для красноармейцевъ...

Ночью, однако, на новомъ мѣстѣ спалось плохо. Уложили меня для почета на единственной кровати въ передней, служившей одновременно и кухней. По бревенчатымъ стѣнамъ были развѣшаны кастрюли и кружки. Едва я легъ, раздѣвшись и прикрывшись пальто, какъ почувствовалъ, что по лицу кто-то ползаетъ, а по ногамъ – бѣгаетъ. Я былъ аттакованъ клопами, падавшими съ потолка, и мышами, осторожно спускавшимися по стѣнкамъ, вычищавшими кастрюльки и шуршащими тамъ. Всталъ тихонько, чтобы не будить другихъ, одѣлся и часть ночи провелъ, сидя на стулѣ, наблюдая по звукамъ тихую, осторожную ночную жизнь крысъ и мышей. На слѣдующій день, извинившись, я легъ на полу и спалъ всю ночь, какъ убитый. На третью ночь спалъ совсѣмъ нормально, все время проникнутый чувствомъ глубокой благодарности къ фельдшеру и его товарищамъ, избавившимъ меня отъ жизни въ баракѣ.

Тѣмъ временемъ нашлась для меня и подходящая работа. Въ нашемъ лагерѣ былъ лишь околодокъ для амбулаторнаго пріема. Чуть только человѣкъ заболѣвалъ серьезнѣе, приходилось или отправлять его въ нетопленомъ скотскомъ вагонѣ на Плесецкую, или оставлять въ баракѣ, рискуя, что онъ заразитъ всю «роту». Рѣшено было, поэтому, устроить нѣчто въ родѣ пріемнаго покоя для сомнительныхъ, человѣкъ на 8, на 10. На окраинѣ лагеря стоялъ полуразвалившійся домикъ съ топкой. Печники въ лагерѣ были и печь можно было поправить. Въ домѣ съ

мѣсяцъ тому назадъ жили солдаты. Можно себѣ представить, въ какомъ онъ стоялъ видѣ. Мнѣ было поручено привести его въ порядокъ, вымести, вымыть, оборудовать и сдѣлаться, такъ сказать, смотрителемъ зданія будущаго пріемнаго покоя. Съ утра до вечера возился я тамъ. Никто меня не понукалъ. Не приходилось никуда спѣшить; дѣлалъ я то, что могъ и какъ могъ, но работалъ по совѣсти, очищая этотъ хлѣвъ отъ неимовѣрной грязи. Усилія мои увѣнчивались успѣхомъ. Стали уже чинить печку. На санкахъ возилъ я къ дому огромныя сосновыя колоды въ два-обхвата изъ прекраснаго строевого архангельскаго лѣса, истреблявшагося здѣсь на дрова. Мнѣ дали колунъ и научили колоть эти, съ виду столь страшныя, но на самомъ дѣлѣ легко колющіяся колоды: надо только умѣть выбрать линію для удара. У меня уже появилось небольшое хозяйство: съ полъсажени дровъ, нѣсколько табуретовъ, даже маленькій ночничекъ изъ бутылки съ драгоцѣнной жидкостью-керосиномъ. Когда печники кончили свою работу, я досталъ горячей воды и вымылъ хибарку. Наконецъ, затопилъ печь – и вся хижина наполнилась дымомъ. Пришли еще разъ печники и побѣдили: на другой день въ печкѣ весело трещали дрова, а въ избѣ становилось такъ тепло, что я скинулъ пальто...

Въ этотъ моментъ моего торжества меня позвали въ околодокъ. Фельдшера я засталъ въ большой тревогѣ. Коменданта лагеря убирали, помощника фельдшера переводили куда-то и, кромѣ того, только что получена телефонограмма, чтобы меня и одного прис. повѣреннаго Р. съ первымъ же поѣздомъ доставить на станцію Плесецкую. Въ чемъ дѣло? Не иначе, какъ доносъ. То, что въ телефонограммѣ ни слова не говорилось о вещахъ, толковалось одними оптимистически: значитъ, пустяки! Другіе же покачивали головами: безъ вещей хуже... Я сначала подумалъ, было, не на судъ ли за самовольный отказъ поѣхать на работы? Но одновременность вызова со мной и петроградскаго адвоката заставляла думать: не изъ Петрограда ли вѣсти? Только почему тогда «безъ вещей»?

Снарядили меня въ дорогу, дали съ собой хлѣба и пошелъ я въ контору. Оттуда дали мнѣ съ адвокатомъ Р. конвоира и отправили въ вагонъ. Везли долго. Было холодно и тоскливо. Что впереди?

* *
*

Впереди оказался арестантскій вагонъ. Пожалуй, это было самое лучшее помѣщеніе, которое я имѣлъ за послѣднія двѣ–три недѣли. Старый царскій арестантскій вагонъ III класса, съ рѣшетками, но освѣщенный, со скамьей, на которой можно было вытянуться. Заключенныхъ вначалѣ было немного, и въ моемъ распоряженіи оказалась цѣлая скамья. Рядомъ со мной помѣщалась крестьянка среднихъ лѣтъ, у которой на лицѣ все время стояли слезы.

– Что у тебя, тетушка? – спросилъ я ее.

– Дѣтушки у меня малыи – пѣвучимъ говоромъ заговорила она. – Трое ихъ, самой старшей девять лѣтъ, младшему – два года. Одни остались, какъ есть, одни, безъ единаго человѣка. Мужа сначала арестовали, теперь, значитъ, меня. Все хозяйство, лошади, коровки съ малыми дѣтьми бросила, а кругомъ только непріятели.

– Какіе непріятели?

– Смута у насъ такая пошла – шептала она сквозь слезы. Вражда началась. Одни говорятъ: мы – красные, а вы, что побогаче, – бѣлые и слѣдуетъ у васъ –

хозяйство отнять за помощь бѣлымъ и англичанамъ. На мужа довели, что онъ бѣлымъ подводы давалъ, а какъ онъ могъ не дать, когда ружьемъ заставили. Взяли его, а черезъ недѣлю пріѣхали за мной: ты, говорятъ, бѣлымъ сигналы показывала. А это уже сосѣди, красные, видя, что хозяйство при мнѣ, на меня выдумали. Я плачу: на кого же я дѣтокъ брошу? Они отвѣчаютъ: на кого хочешь, намъ дѣти твои не нужны, мы съ дѣтьми не воюемъ. Вотъ и не знаю я теперь, что съ дѣтушками моими. Обидятъ ихъ сосѣди, сведутъ послѣднюю корову. Чуетъ мое сердце... – и она заплакала навзрыдъ.

Я попробовалъ утѣшать. Но что могъ я сказать на это безмѣрное материнское горе! Гражданская война глянула на меня своими бездонными, злыми глазами.

Черезъ нѣкоторое время крестьянка совсѣмъ тихимъ подавленнымъ голосомъ зашептала:

– А какъ, вы не слыхали, не пойдутъ сюда англичане большими силами? А то, что дѣлаютъ? Придетъ небольшой отрядъ, постоитъ, уйдетъ, а затѣмъ красные и начинаютъ доказывать: этотъ помогалъ, этотъ сочувствуетъ. Сколько народу зря загубили! Когда, наконецъ, Господь Богъ насъ помилуетъ!..

Вагонъ мало по малу заполнялся. Появленіе одного высокаго, сильнаго человѣка въ полушубкѣ и папахѣ, по виду рабочаго, вызвало большой эффектъ въ группѣ сидѣвшихъ крестьянъ-маслодѣловъ:

– А Степка – комиссаръ! Коммунистъ! И ты тутъ очутился! Пришелъ и твой чередъ! Грабилъ ты насъ, мучилъ, сюда, мерзавецъ, засадилъ, а теперь съ нами посидѣть пришелъ. Посиди! Поѣшь нашу хлѣбъ-соль. мы тебѣ покажемъ! Помнишь, какъ ты у меня боченокъ масла укралъ. Налогъ, говоришь, на армію, а почему масло у твоей стервы оказалось?...

Степанъ сначала былъ оглушенъ, но скоро оправился:

– Если вы, бѣлогвардейская сволочь, ко мнѣ приставать станете, такъ я начальнику охраны скажу, онъ васъ мигомъ успокоитъ. Я арестованъ по недоразумѣнію. Мнѣ самъ слѣдователь сказалъ, что завтра выпуститъ.

– И мы по недоразумѣнію, по твоему доносу. И намъ сказалъ, что выпуститъ. Всѣмъ такъ говоритъ...

Перебранка продолжалась еще съ полъ-часа, постепенно спадая съ тона. А черезъ часъ я, къ величайшему изумленію, наблюдалъ, какъ комиссаръ и его жертвы уже довольно мирно бесѣдовали и готовились вмѣстѣ пить чай...

Прошла ночь въ вагонѣ. Арестантовъ приводили и уводили, а о насъ точно забыли. На утро мы напомнили о себѣ. Въ отвѣтъ узнали, что выписалъ насъ слѣдователь со странной фамиліей Самодѣдъ. Но Самодѣдъ уѣхалъ въ деревню Кочмасъ для дознанія объ обстрѣлѣ партіи арестантовъ (изъ прибывшихъ одновременно съ нами), потерявшей много народу убитыми и ранеными. Самодѣда все нѣтъ и нѣтъ, а безъ него съ нами ничего сдѣлать не могутъ.

Еще одинъ день въ арестантскомъ вагонѣ. Вечеромъ приходитъ юноша, видимо, изъ служащихъ въ канцеляріи, и тихо, стоя возлѣ меня, говоритъ:

– Вы писатель? Вы не бойтесь. Васъ освободятъ. Есть уже телеграмма. Отправятъ въ Петроградъ. Ваши вещи выписали съ Плесецкой.

Прошло, однако, болѣе сутокъ, пока меня съ прис. повѣреннымъ Р. позвали куда-то, что-то записали, выдали намъ вещи и, вызвавъ двухъ конвойныхъ красноармейцевъ, заявили, что мы отправляемся при пакетѣ въ Вологду въ распоряженіе предсѣдателя военно-революціоннаго трибунала. Самодѣда мы такъ и не дождались. Онъ застрялъ въ Кочмасѣ.

Прежде всего насъ поразила та почти любовная радость, съ которой насъ встрѣтили конвойные. Загадка скоро разъяснилась. Фронтъ всѣмъ до того осточертѣлъ, что люди только и мечтали, хоть не надолго, вырваться отсюда домой на побывку. Сопровожденіе арестованныхъ считалось лучшимъ видомъ отпуска, особенно, если нѣтъ опасности, что арестованные сбѣгутъ. Наши конвойные были изъ подъ Вологды. Мы, какъ они сразу поняли, арестанты смирные и благонадежные: лучшихъ не найти. Поэтому они прониклись къ намъ самой теплой симпатіей и дѣлали все возможное, чтобы превратить отправку насъ въ Вологду почти въ увеселительную поѣздку. Получилась какая-то шутовская гримаса на трагическомъ лицѣ гражданской войны.

Еще до сформированія поѣзда наши конвоиры ввели насъ въ вагонъ перваго класса, заняли четырехмѣстное купэ и заперли его изнутри. Мы расположились внизу на неотодранномъ еще бархатномъ диванѣ, а наши конвоиры на-верху. Когда поѣздъ подали на станцію, всѣ вагоны очень быстро переполнились пассажирами. Въ наше купэ то и дѣло ломились стоявшіе въ корридорѣ люди, но всѣ получали энергичный отвѣтъ:

-- Сюда нельзя. Веземъ важныхъ политическихъ преступниковъ. Никого не велѣно пускать.

А когда пассажиры становились черезчуръ настойчивы, конвоиры прибавляли:

— Не ломись. Стрѣлять будемъ. Приказъ имѣемъ — никого къ арестованнымъ не пускать.

Конвоиры поили насъ чаемъ, покупали на дорогѣ молока, угостили даже ватрушками, которыми сами запаслись на дорогу.

Такъ проѣхали мы полторы сутокъ. Съ 1916 года никогда я не путешествовалъ съ большими удобствами. Въ Вологдѣ на имѣвшіяся у насъ деньги мы наняли извощика и вмѣстѣ съ конвоирами отправились разыскивать Предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала. На нашъ стукъ въ дверь съ соотвѣтствующей надписью въ корридоръ вышелъ человѣкъ лѣтъ 30, безъ пиджака, въ подтяжкахъ, съ разстегнутымъ воротомъ синей мятой ночной рубахи:

— Кого надо?

— Предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала.

— Я самъ. Арестованныхъ съ Плесецкой привезли? Сдавай.

Въ двѣ минуты мы были «сданы». Конвойные, дружески съ нами распрощавшись быстро ушли, а насъ предсѣдатель повелъ въ какую-то комнату, зажегъ огонь, велѣлъ сѣсть, буркнувъ:

— Сейчасъ придетъ секретарь, напишетъ...

Минутъ черезъ двадцать пришелъ секретарь, читалъ нашъ пакетъ, ходилъ нѣсколько разъ совѣтоваться съ предсѣдателемъ. Тотъ вышелъ въ прежнемъ костюмѣ и вмѣстѣ они сочинили и выдали намъ по двѣ записочки. Въ одной удостовѣрялось, что такой-то являлся въ Трибуналъ и былъ имъ освобожденъ отъ принудительныхъ работъ. Въ другой заключался пропускъ на проѣздъ въ Петроградъ «по распоряженію В. Ч. К». Я тотчасъ же замѣтилъ, что ни въ одной бумажкѣ ничего не говорится объ обязательности для насъ по пріѣздѣ куда-либо явиться и, по соглашенію съ Р., мы рѣшили этого вопроса не углублять и ни о чемъ предсѣдателя не спрашивать. Точно не помню, но какъ будто онъ, отдавая намъ бумажки, сказалъ: «По прибытіи, явитесь въ В. Ч. К».

— Куда намъ теперь?

— На вокзалъ. Берите билеты и поѣзжайте.

Итакъ, мы уже свободные граждане на улицахъ Вологды... Намъ стоитъ только взять билеты и мы можемъ послѣ-завтра быть дома. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ для этого денегъ...

* *
*

Я до сихъ поръ точно не знаю, что въ это время происходило въ Петроградѣ и въ результатѣ какихъ вліяній Самодѣдъ получилъ телеграмму объ отправкѣ насъ въ Вологду. Нужно сказать, что вообще эта петроградская выдумка, «посылка буржуевъ на окопныя работы» вызвала большой шумъ. Въ Петроградѣ все дѣло очень быстро попало въ руки теплой компаніи жуликовъ, освобождавшихъ за деньги подлинныхъ «буржуевъ» и посылавшихъ на вѣрную смерть бѣдняковъ изъ интеллигенціи, учащейся молодежи, рабочихъ, мѣщанъ. Военныя власти постоянно жаловались, что имъ посылаютъ людей, для работъ совершенно негодныхъ, стариковъ и дѣтей, больныхъ, одѣтыхъ по-лѣтнему. Помимо трагедіи въ Кочмасѣ, присланные на работу заболѣвали массами и изъ нихъ многіе умирали. Сильное впечатлѣніе произвела, напримѣръ, смерть студента Л., брата одного близкаго сотрудника А. Луначарскаго. Съ этимъ симпатичнымъ юношей я познакомился довольно близко. Онъ былъ однимъ изъ членовъ сельско-хозяйственной коммуны, устроенной петроградскими студентами подъ Лугой для снабженія картошкой и овощами своего кооператива.

Студентъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о своемъ дѣлѣ. Онъ, дѣйствительно, полюбилъ сельско-хозяйственный трудъ и былъ очень доволенъ жизнью въ коммунѣ, хотя и признавалъ, что коммунистическіе пріемы организаціи труда себя не оправдали. Кто-то изъ сосѣднихъ крестьянъ, недовольный тѣмъ, что коммуна заняла 40 десятинъ земли, на которыя онъ разсчит валъ, послалъ доносъ въ мѣстную Че-ку, что коммуна разводитъ среди крестьянъ «контръ-революцію». При всей вздорности доноса, чекисты въ виду тревожнаго настроенія крестьянъ «на всякій случай», въ августѣ, передъ самой уборкой урожая, разгромили «коммуну», арестовавъ всѣхъ ея вожаковъ, т. е. всю администрацію. Арестованныхъ переслали въ Питеръ. Че-ка помѣстила ихъ въ военную тюрьму на Нижегородской, а оттуда они механически попали въ списокъ высылаемыхъ на принудительныя работы. Все это безо всякаго суда и разслѣдованія. Кто-то составлялъ списки, внесъ тѣ или другія имена арестованныхъ — и готово.

Братъ Л. черезъ Луначарскаго добился распоряженія объ экстренномъ пересмотрѣ дѣла студентовъ. Но въ тотъ самый день, когда распоряженіе состоялось, студентовъ со всей нашей партіей отправили на 426-ую версту. Тогда — разсказывали мнѣ — Луначарскій попросилъ одного своего знакомаго, виднаго военнаго, спеціально проѣхать отъ Плесецкой на Емцы, передать студенту посылку и узнать, что тамъ дѣлается. Двое посланцевъ отъ Луначарскаго, дѣйствительно, еще при мнѣ пріѣзжали на полустанокъ Емцы. Студентъ получилъ отъ брата посылку и письмо, извѣстіями котораго дѣлился съ нами. Но повидать лично ни одного изъ посланцевъ Л—у не позволили. Въ тотъ же вечеръ, впрочемъ, у него температура уже поднялась до 40, а дня черезъ три онъ скончался отъ воспаленія легкихъ, осложнившагося воспаленіемъ мозга...

Какъ я уже описывалъ, условія жизни на «работахъ» были таковы, что просто въ силу одного факта постояннаго недоѣданія и вѣчной вшивости, арестанты обречены были на смерть. Но здоровые молодые люди все-таки не сдавались. Всячески старались выбиться, кто въ конюхи, кто въ санитары, кто въ кубовщики

или мастеровые. Заболѣвшихъ отправляли на ст. Плесецкую, гдѣ была больничка и гдѣ кормили нѣсколько лучше и не заставляли работать. У насъ же въ лагерѣ, на 426-ой верстѣ, записанный больнымъ и не отправившійся на работы вмѣсто $1^1/_2$ фунта хлѣба получалъ всего $^1/_2$ фунта на день.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль около 25% подневольнаго населенія лагеря свалились съ ногъ. Высланные вмѣстѣ со мной, напр. учитель А. и техникъ Ф. въ безсознательномъ состояніи были отвезены сначала на Плесецкую, затѣмъ въ Вологду, гдѣ около двухъ мѣсяцевъ пролежали въ больницѣ. Чѣмъ бы завершился весь опытъ, сказать трудно, такъ какъ вмѣшались чрезвычайныя обстоятельства. Англо-американо-архангельскія бѣлыя войска рѣшили перейти въ наступленіе, безъ всякаго труда прошли черезъ тѣ окопы и проволочныя загражденія на 441-й верстѣ, на которыхъ я работалъ, взяли и сожгли и полустанокъ Емцы, и нашъ лагерь на 426-ой верстѣ, и даже станцію Плесецкую. Обо всемъ этомъ я узналъ, уже будучи на свободѣ. Что сталось съ большинствомъ моихъ сотоварищей по этимъ гиблымъ мѣстамъ, не знаю и по сей день...

За меня хлопотали литературныя организаціи Петрограда и М. Горькій. Обращались къ Зиновьеву, Ленину, Стасовой, Яковлевой, которая тогда фактически стояла во главѣ петроградской Че-ки. Нѣкоторое время меня, вообще, не могли найти, такъ какъ петроградская Че-ка отрицала самый фактъ моей высылки въ Вологду и на фронтъ. Оказалось, что распорядилась самостоятельно комиссія, составлявшая списки высылаемыхъ. Разсказывали мнѣ, что Яковлева, узнавъ объ этомъ, была крайне недовольна, такъ какъ я, въ качествѣ члена Центральнаго Комитета к.-д. партіи, подлежалъ отсылкѣ заложникомъ въ Москву.

Мое «освобожденіе» или точнѣе пребываніе на свободѣ съ января по августъ 1919 года объяснялось, какъ выяснилось позднѣе, простымъ недоразумѣніемъ, чрезвычайно характернымъ для тогдашней коммунистической администраціи. Мои друзья хлопотали о моемъ возвращеніи въ Петроградъ. Яковлева имъ обѣщала и вытребовала меня съ архангельской дороги... для отправки заложникомъ въ Москву. Предсѣдатель вологодскаго Военно-Революціоннаго трибунала отправилъ меня въ Петроградъ безъ конвоя и безъ письменнаго распоряженія о явкѣ въ Че-ку. Пріѣхавъ въ Петроградъ и зайдя къ М. Горькому поблагодарить его за хлопоты, я спросилъ его, какъ онъ думаетъ, надо ли мнѣ являться на Гороховую. Онъ далъ мнѣ благоразумный совѣтъ безъ спеціальнаго приглашенія въ это учрежденіе не ходить. Я такъ и сдѣлалъ, пожертвовавъ взятыми у меня при обыскѣ рукописями, письмами, портфелями и документами. Нѣчто въ родѣ вида на жительство мнѣ удалось получить безо всякаго участія въ этомъ дѣлѣ заведенія на Гороховой.

Благодаря этому я получилъ возможность около семи съ половиной мѣсяцевъ пробыть въ 1919 году въ кругу своей семьи и наблюдать въ Петроградѣ строительство коммунизма за это время. Прежде всего докончу разсказъ о томъ, какъ я попалъ домой...

* *
*

Выйдя отъ предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала въ темный декабрьскій вечеръ, мы съ Р. очутились на улицѣ совершенно незнакомаго города, безъ денегъ, безъ ночлега. Но это насъ мало смущало: впереди, хотя и далеко, маячили огни родного дома и энергіи было достаточно.

Я зналъ, что въ Вологдѣ жили нѣкоторые видные общественные дѣятели кадетскаго и меньшевистскаго толка, знавшіе меня хотя бы по печати, которые не откажутся намъ помочь. Но я понималъ, что едва ли они остались въ городѣ, сдѣлавшемся штабъ-квартирой большевистскихъ войскъ. Однако, я рѣшилъ попытать счастья. Остановивъ одного изъ рѣдкихъ вечернихъ прохожихъ, интеллигентнаго обывателя, я спросилъ его, не можетъ ли онъ указать мнѣ, какъ пройти къ М., Т. или В. Онъ съ недоумѣніемъ, не безъ тревоги, внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

– Я съ ними незнакомъ. Слыхалъ, что никого изъ нихъ тутъ давно нѣтъ. У прохожихъ лучше не спрашивать...

Я понялъ, что путь мой къ добру не поведетъ (двое изъ моихъ знакомыхъ, какъ я узналъ позднѣе, въ то время уже были арестованы). Тогда Р. вспомнилъ, что въ Вологдѣ жила его знакомая, когда-то очень извѣстная филантропка С., собиравшаяся уѣзжать, но, можетъ быть, еще не уѣхавшая. Во всякомъ случаѣ мы рѣшили найти ея квартиру. Кто-нибудь тамъ да остался. Этотъ «кто-нибудь» и послужитъ путеводной нитью для дальнѣйшихъ поисковъ.

Нашли. Р. пошелъ на развѣдки. Я остался на улицѣ съ вещами на спинѣ. Присѣлъ на крыльцо дома и сталъ ждать. Помню, на душѣ у меня было совершенно спокойно: ни на минуту не покидала увѣренность, что сегодня же буду въ поѣздѣ, а послѣ-завтра утромъ у своихъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ выбѣжала дѣвушка и попросила меня зайти. Мой спутникъ Р. уже преобразился: ему дали умыться и онъ даже пристегивалъ къ чистой рубашкѣ крахмальный воротничекъ. Я очень извинялся за свой неприличный видъ, просилъ, чтобы мнѣ позволили умыться на кухнѣ, искренно боясь, какъ бы не занести въ благодарность великодушной женщинѣ насѣкомыхъ въ ея спальню, гдѣ стоялъ умывальникъ.

Видъ у меня, должно быть, и на самомъ дѣлѣ былъ ужасный, если одинъ изъ знакомыхъ г.-жи С., извѣщенный о нашемъ прибытіи, когда я былъ ему представленъ, не удержался отъ своеобразнаго комплимента:

– И такого человѣка превратили въ хулигана!...

Онъ нѣсколько смутился, замѣтивъ улыбку на моемъ лицѣ.

Насъ накормили, напоили, дали денегъ, всякой снѣди на дорогу, въ томъ числѣ и вологодскаго масла въ подарокъ семьямъ въ голодный Петроградъ... Изъ разсказовъ за ужиномъ мы узнали о безчинствахъ, которыя дѣлались большевиками въ Вологдѣ: всѣхъ наиболѣе почтенныхъ въ городѣ лицъ, въ томъ числѣ духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій, не исключая и еврейскаго раввина, они направили на золотарныя работы. Но такъ какъ къ «коммунистическому строительству» вологодскіе коммунисты по какимъ-то причинамъ еще не приступили, то жизнь въ Вологдѣ сравнительно съ умиравшимъ Петроградомъ, несмотря на близость фронта, казалась раемъ. Петроградцы массами, не взирая на всѣ рогатки и запрещенія, наѣзжали на Вологду и, не останавливаясь ни передъ какими деньгами, вывозили всѣ продукты. Цѣны безумно росли. Населеніе негодовало. Пользуясь этимъ, на желѣзной дорогѣ свирѣпствовали и безчинствовали заградительные отряды съ большой пользой для себя, но безъ какого-либо вліянія на ростъ цѣнъ.

О желѣзнодорожномъ движеніи мы услыхали не очень пріятныя вещи. Большевики, правда, уже уничтожили безплатное катаніе людей въ сѣрыхъ шинеляхъ, бывшее въ такой модѣ до половины 1918 года. Но всѣ поѣзда буквально штурмуются мѣшечниками, сильными, рослыми, по солдатски одѣтыми людьми съ

пятипудовыми мѣшками за спиной. Частные пассажиры могутъ попасть только въ спеціальные вагоны, если имѣютъ какія-либо значительныя командировки или вліятельныя военныя знакомства.

Поѣздъ отходилъ въ 12 ч. ночи и намъ, несмотря на всѣ уговариванія переночевать, хотѣлось выѣхать сегодня.

– Попытайтесь – сказала радушная хозяйка – если не удастся, вернетесь, завтра похлопочемъ...

Мы попытались и съ огромными трудностями, нанявъ за большія деньги носильщика, были имъ втолкнуты въ какой-то разбитый зеленый вагонъ. Если отъ Плесецкой до Вологды мы въ качествѣ арестантовъ ѣхали съ величайшими удобствами въ купэ перваго класса, то теперь мы, какъ свободные россійскіе граждане, съ билетами 1-го класса, простояли часа три около уборной въ вагонѣ III класса, пока не пробились въ корридоръ и не усѣлись въ проходѣ между скамьями на своихъ вещахъ. Но мы должны были все-таки благодарить Бога, такъ какъ за нами всегда стоялъ еще большой хвостъ постепенно напиравшихъ людей. То и дѣло слышались жалобные голоса:

– Пустите, Бога ради, погрѣться. Ноги совсѣмъ застыли, стоять не могу больше...

Въ такой обстановкѣ мы ѣхали почти полторы сутокъ до Петрограда. Но мы ѣхали къ себѣ, домой, къ семьямъ – и доѣхали, наконецъ. Все было забыто. Одна мысль: что встрѣтитъ насъ дома?

Пройдя уже на вокзалѣ какой-то послѣдній таможенный осмотръ, мы очутились, наконецъ, на Маломъ Невскомъ. Извощиковъ уже не было. Ихъ мѣсто заняли мальчишки съ санками, запрашивавшіе большія цѣны.

До моей квартиры было близко.

Минутъ черезъ 25 я былъ уже у своихъ...

* *
*

Въ ночь на 5 Ноября 1918 г. я былъ арестованъ. Утромъ 6-го января 1919 г. нов. стиля вернулся домой. 6-ое января нов. стиля – 24-ое Декабря по старому т. е. Сочельникъ. Я вернулся въ свою семью въ Сочельникъ и вечеромъ, придя изъ церкви, мы вчетверомъ сидѣли за кутьей и въ разбивку радостно дѣлились впечатлѣніями о пережитомъ. Невольно, вся исторія моего перваго ареста и первой ссылки окрасилась въ цвѣта рождественскаго разсказа...

Впереди меня ждали новыя испытанія. Они закончились уже не рождественскимъ разсказомъ въ духѣ Диккенса, а подлинной трагедіей, разрушившей семью и совершенно обезцѣнившей для меня остатки моихъ дней.

Записки бѣлогвардейца

Лейтенанта N. N.

Революція 27-го Февраля застала меня въ Петроградѣ на работѣ въ одномъ изъ штабовъ. То, что мы всѣ въ это время переживали напряженное состояніе, что всѣми чувствовалась надвигающаяся буря, говорить не приходится. За 16-ый и начало 17-го года, когда чувствовалось, что война затягивается, и видно было, что настроеніе всей Россіи, въ особенности тыла, становится все болѣе и болѣе ненадежнымъ, приходилось опасаться, что нервы народа не выдержатъ до побѣдоноснаго конца и война будетъ проиграна. Это же, казалось, неминуемо поведетъ къ революціи, съ которой уже справиться будетъ нельзя, ибо тѣ вооруженные милліоны, которые стояли на фронтѣ, направляясь по домамъ, сметутъ все на своемъ пути. Но все же, что революція приметъ такіе размѣры, такую фантастическую картину ужаса и развала, почти никто изъ окружающихъ меня и я самъ не понимали.

Есть много людей, забывшихъ это время и говорящихъ теперь, что они это сознавали, предвидѣли, но я долженъ сказать, что будучи въ центрѣ работы, имѣя возможность читать многое изъ поступавшихъ донесеній секретныхъ развѣдокъ, могу удостовѣрить, что получившагося и, именно, въ такихъ размѣрахъ не предугадывалъ никто.

Несмотря на утомленіе войной, все же мысли страны были на фронтѣ, и она искала лишь виновниковъ въ неудачахъ и переносимыхъ ею тягостяхъ, подозрѣвая на каждомъ шагу измѣну.

Подъ этимъ лозунгомъ и началась революція.

Сейчасъ есть голоса, недоумѣвающіе, какъ это рабочіе, сидящіе у большевиковъ безъ хлѣба, молчатъ, а въ 17 году не удовлетворялись получаемымъ $1^1/_2$ фунтовымъ пайкомъ. Но, вѣдь, это происходитъ отъ психологіи; тамъ былъ кто-то отвѣтственнымъ, а теперь таковаго нѣтъ, или вѣрнѣе всѣ видятъ, что неоткуда его достать, такъ какъ всѣ такъ или иначе причастны къ власти, что ими и сознается.

А что дѣло съ продовольствіемъ было ужъ и тогда затруднено, для выясненія этого надо только вспомнить поѣздки министра земледѣлія Риттиха въ Январѣ и Февралѣ 1917-го года въ Поволжье за хлѣбомъ: безъ экстренныхъ мѣръ продовольственный вопросъ грозилъ арміи катастрофой. Нужно вспомнить хвосты, стоящіе въ Петроградѣ въ очередяхъ, нужно вспомнить съѣзды уполномоченныхъ по продовольствію

съ мѣстъ, обсуждавшихъ критическое положеніе въ связи съ разрухой транспорта. Можно еще указать на телеграммы командующаго Черноморскимъ флотомъ адмирала Колчака, гласящія, что имъ отпускается на нужды заводовъ города Николаева уголь изъ запасовъ боевого флота, ибо иначе заводы остановятся, что вызоветъ несомнѣнно безпорядки, почему требуется немедленная срочная доставка угля для пополненія запасовъ флота и обезпеченія заводовъ. Однако, за разрушеніемъ транспорта этого сдѣлать не представлялось возможнымъ. Я и потомъ слыхалъ отъ людей, работавшихъ въ центрѣ, что наладить доставку продовольствія и снабженія къ лѣту 17-го года не представлялось возможнымъ, аппаратъ началъ сдавать. Однимъ словомъ, тылъ въ этотъ моментъ оказался несостоятельнымъ и обезпечить фронта не могъ.

Начавшіяся, сперва мѣстами, уличныя выступленія 22—26 Февраля, вылившіяся затѣмъ въ болѣе опредѣленныя формы, проходили подъ національными лозунгами, лозунгами борьбы съ измѣной и т. д. Появившіяся мѣстами на окраинахъ города шествія рабочихъ съ плакатами «да здравствуетъ миръ» были одиночны и звучали какимъ то диссонансомъ среди общаго хора раздававшагося кругомъ.

Въ военной средѣ, люди, понимавшіе до извѣстной степени обстановку, испугались появившагося приказа № 1, подписаннаго Петроградскимъ Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Этотъ приказъ, шедшій снизу, былъ зловѣщимъ признакомъ, что почва изъ подъ ногъ арміи вырвана, и въ его тонѣ сразу почувствовалась рознь между солдатомъ и офицеромъ. Я сказалъ бы, что эта пропасть была искусственно углублена и внушена извнѣ, ибо люди, относившіеся раньше довѣрчиво, сразу послѣ этого преобразились. Вѣдь ясно, что не солдату показалось страшнымъ съ первыхъ же дней революціи призракъ контръ-революціи, таившейся въ офицерской средѣ, а, именно, партійнымъ дѣятелямъ надо было углубить революцію и внушить чувство недовѣрія.

Но въ общемъ, ни массы, ни большинство интеллигенціи не понимали обстановки. Много руководящихъ лицъ начали съ мѣста приспособляться, считая, что основной задачей остается веденіе войны, и, не отдавая себѣ отчета въ налетѣвшемъ вихрѣ событій, старались, не думая о своемъ личномъ достоинствѣ, вести дѣло лишь такъ, чтобы не повредить работѣ фронта. Но, конечно, были и исключенія, кое-кто и отдавалъ себѣ отчетъ. Такъ, я лично слыхалъ фразу В. А. Маклакова, когда я случайно былъ въ Государственной Думѣ по дѣламъ штаба, на 3 или 4 день революціи, еще до момента составленія кабинета Временнаго Правительства; Маклаковъ говорилъ, что теперь все пропало, власть удержать никому не удастся.

Крайніе правые сразу стали на точку зрѣнія афоризма, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; и въ теченіе первыхъ 6-ти мѣсяцевъ революціи дожидались съ нетерпѣніемъ большевизма и часто голосовали за ихъ вождей, ища въ этомъ исхода изъ создавшагося положенія; они разсчитывали на кратковременное существованіе большевиковъ и были увѣрены, что массы такъ преданы монархической идеѣ, что тотчасъ же пожелаютъ имѣть хозяина, который и возстановитъ весь старый строй.

Часть военныхъ, стоявшихъ ближе къ военной развѣдкѣ, учитывала работу нѣмецкихъ агентовъ въ первые дни революціи (напримѣръ, убійство

лучшихъ спеціалистовъ-офицеровъ въ Кронштадтѣ, разгромъ контръ-развѣдочныхъ отдѣленій, помѣщавшихся по частнымъ квартирамъ въ Петроградѣ и т. д.), понимала серьезную опасность положенія для войны и прятала всѣ секретные документы и военные матеріалы отъ различныхъ обысковъ, производимыхъ группами солдатъ, среди которыхъ, по имѣвшимся даннымъ, могли быть и непріятельскіе агенты.

Черезъ короткій промежутокъ времени послѣ совершившагося переворота, я, какъ работавшій раньше въ провинціи, былъ командированъ (согласно просьбы У. Земскаго Собранія) въ одну изъ черноземныхъ губерній средней Россіи, гдѣ я принялъ участіе въ происходящей тамъ административной и продовольственной работахъ въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, какъ комиссаръ Временнаго Правительства и предсѣдатель продовольственной управы. Будучи и раньше близко знакомъ съ работой на мѣстахъ, выросши въ деревнѣ и не потерявши связи съ провинціей и во время войны, мнѣ, по пріѣздѣ туда, пришлось сразу окунуться во всѣ частности жизни.

Первый мѣсяцъ революціи проходилъ въ деревнѣ исключительно подъ тѣми же лозунгами, какъ и въ центрѣ. Крестьянство почти всюду встрѣтило переворотъ совершенно спокойно. Я не знаю ни одного эксцесса за это время. Не будучи подготовленнымъ къ нему, оно и встрѣтило, и отнеслось къ нему съ осторожностью.

Въ мѣстныхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ происходили различныя собранія горожанъ, выносились единогласно патріотическія резолюціи, дѣлались крупные сборы какъ денежные, такъ и хлѣбомъ для поддержки фронта, организовывались комитеты и учреждалась милиція вмѣсто бѣжавшихъ полицейскихъ чиновъ, бросившихъ власть и оружіе. На эти должности выбирались почти вездѣ люди изъ буржуазныхъ слоевъ. Всѣ стремились лишь къ одному — удержать порядокъ.

Происшедшіе кое-гдѣ небольшіе безпорядки, вродѣ разгрома лавокъ, носили чисто хулиганскій характеръ.

Но уже въ это время начали появляться на сцену люди съ демагогическими пріемами, бывшіе до того въ тѣни, причемъ, большинство изъ нихъ были почти всегда лица съ весьма сомнительной прошлой репутаціей. Объявляли они себя въ большинствѣ случаевъ соціалистами-революціонерами, хотя было ясно, что они ни о программѣ этой партіи, ни о работѣ ея никогда не слыхали.

Въ этомъ отношеніи вскорѣ большую роль въ уѣздахъ начали играть появившіеся изъ окраинъ люди, сосланные въ свое время за участіе въ политическихъ партіяхъ. Они, прошедшіе извѣстный стажъ подпольной работы и политической ссылки, немедленно начали организовывать и руководить политической жизнью на мѣстахъ. Въ конечномъ итогѣ эти руководители, бывшіе преимущественно эс-эрами, принуждены были черезъ годъ уйти отъ дѣла, уступивъ мѣсто въ провинціи вновь народившимся дѣятелямъ, — вернувшимся распропагандированнымъ солдатамъ, которые, усиливая анархію, углубляли революцію все дальше и дальше, разрушая всякую устойчивость власти.

Въ губернскихъ городахъ и въ болѣе крупныхъ мѣстахъ движеніе послѣ переворота сразу приняло болѣе организованный характеръ, во главѣ его стала отчасти мѣстная интеллигенція преимущественно изъ

адвокатскаго міра, а толпа, предводительствуемая рабочими полуинтеллигентскаго вида, начала предъявлять требованія преимущественно экономическаго характера, въ которыхъ чувствовалась извѣстная программа.

Но все же надо опредѣленно сказать, что въ уѣздахъ и въ деревнѣ первые 2—3 мѣсяца ожидали указаній изъ центра, и первый составъ Временнаго Правительства совершилъ неисправимую историческую ошибку, не попытавшись сразу взять болѣе опредѣленный курсъ, давая указанія сверху, а не дожидаясь, чтобы вся власть внизу конструировалась по случайнымъ, самымъ разнообразнымъ признакамъ. Привычка работать, слушать ближайшія инстанціи была настолько вкоренившейся, что часто одна лишь телеграмма министерства или губернскаго комиссара мѣняла все дѣло. Кромѣ того, играла роль и боязнь быть обвиненнымъ въ допущеніи анархіи.

Въ концѣ Марта, циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, было дано указаніе о демократизаціи земскихъ собраній. (О городскихъ думахъ не говорилось, ибо предполагалось, что онѣ должны быть переизбраны на основаніи четыреххвостки въ самое ближайшее послѣ переворота время.) Но какъ должна была производиться эта демократизація собраній, на какихъ основаніяхъ, что считать демократіей, на это центръ не далъ никакихъ руководящихъ указаній. И потому, волей неволей, пришлось въ жизни весьма быстро столкнуться съ этимъ вопросомъ. Тогда то и начались потоки рѣчей и словъ въ различныхъ исполнительныхъ комитетахъ, ихъ бюро, съѣздахъ комитетовъ и т. д. Всякому руководителю хотѣлось тѣмъ или инымъ способомъ пролѣзть въ земское собраніе, а многихъ крестьянъ, какъ это бывало и раньше, тянуло попасть въ члены управы, чтобы сѣсть на платное мѣсто.

На мѣстахъ получилась страшная неразбериха, всякій считалъ, что лишь онъ является нужнымъ демократомъ, хотя бы онъ никакого отношенія не имѣлъ къ данной мѣстности и данному земству. Но это былъ способъ имѣть вліяніе, быть ближе къ денежному сундуку.

Одни настаивали, что должны быть введены 100 % гласныхъ изъ числа уѣзднаго Исполнительнаго Комитета, другіе настаивали, что весь Комитетъ, какъ выразитель подлинной демократической части населенія, долженъ войти; кое кто полагалъ, что для демократизаціи земства достаточно его пополнить 100 % земскихъ служащихъ, какъ не имѣвшихъ до того голоса, а Исполнительный Комитетъ, какъ власть, тутъ не при чемъ. Словомъ рецептовъ и желаній было много. Изъ-за этого созывъ собранія откладывался, собранія срывались; кто обращался за разъясненіемъ къ губернскому комиссару, кто къ Губернскому Исполнительному Комитету, а кто и прямо въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое въ отвѣтъ на эти попытки грозило закрыть кредитъ въ казначействѣ. Мѣстами вопросъ этотъ такъ и не получилъ разрѣшенія и только уходъ Кн. Львова въ Іюлѣ развязалъ руки на мѣстахъ, и Исполкомы, почувствовавъ неограниченную свободу, силой разогнали Управы, выбравъ на ихъ мѣсто своихъ людей.

Деревня за первые 2—3 мѣсяца, гдѣ мнѣ часто приходилось бывать на сходахъ, или какъ тогда ихъ начали называть — собраніяхъ, предъявляла мнѣ требованія на землю, пользованіе лѣсами, лугами и пастбищами, требовали кое-какихъ измѣненій въ общемъ укладѣ жизни, но это почти вездѣ

происходило безъ грубыхъ насилій и, если иногда и чувствовалась скрытая угроза, то она явно не проявлялась; слишкомъ еще вліяли старые устои. Вообще, вездѣ можно было услышать фразы, что «мы грабить не хотимъ, а желаемъ получить по согласію», и т. д. Въ этомъ отношеніи, конечно, имѣло большое значеніе то, что власть сначала попала въ руки болѣе сознательныхъ, уравновѣшенныхъ, буржуазно-настроенныхъ людей и демагогамъ рѣдко давали ходъ. Но появившіеся черезъ мѣсяцъ два партійныхъ эс-эра, начавшіе объѣздъ и пропаганду, предъявляя заранѣе выработанную программу, сильно двинули движеніе впередъ. Однако, я повторяю, въ началѣ шли только разговоры о землѣ, о принятіи на учетъ имѣющагося хлѣбнаго запаса и раздачи его неимущимъ, и только иногда поднимали вопросъ объ инвентарѣ и почти никогда не касались домашней обстановки, признавая опредѣленно, что это крестьянъ не касается.

Это настроеніе продолжалось приблизительно до мая — іюня мѣсяца, послѣ чего сталъ замѣтенъ рѣзкій поворотъ, появилась тенденція спорить съ губернскими установленіями, вершить дѣла по своему усмотрѣнію, отдавать власть исключительно соціалистамъ, которые разъѣзжали по всѣмъ селеніямъ, агитируя, если не за прямое неподчиненіе властямъ, то критикуя лицъ, стоящихъ близко къ ней и, въ особенности, борясь съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Все это сыграло большую роль въ развитіи анархіи; въ особенности роковую роль сыграла позиція, занятая Черновымъ и, затѣмъ, и всѣмъ кабинетомъ Керенскаго, за время власти котораго — лозунгъ «полноты власти на мѣстахъ» фактически осуществился. Поэтому, переходъ управленія въ руки большевиковъ практически на мѣстахъ, и, въ особенности, въ деревнѣ, совершенно не почувствовался, ибо главное въ отношеніи уравненія всѣхъ и разоренія всѣхъ уже было сдѣлано и господствовала настоящая анархія. Результатъ перехода отъ весенняго, сравнительно тихаго періода, началъ сказываться къ концу Августа, а затѣмъ и осенью 17-го года, когда вся черноземная полоса запылала, шли погромы и осуществлялся идеалъ Чернова — «сравнять помѣщичьи усадьбы съ землей».

Однако, за это переходное время, въ теченіе лѣта, въ сознаніи народа признавалось право собственниковъ (въ какихъ то предѣлахъ) на землю, которое будетъ точно опредѣлено Учредительнымъ Собраніемъ. Это подтверждается тѣмъ, что большинствомъ землевладѣльцевъ были засѣяны безпрепятственно съ осени 1917 года озимые хлѣба, право на которые въ сознаніи крестьянъ они потеряли лишь въ 18 году.

Стараніе партійныхъ руководителей къ организаціи на мѣстахъ массъ несомнѣнно сыграло свою роль. Созывъ различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ, на которые въ большинствѣ случаевъ ѣздила лишь молодежь или крикуны, дѣйствовалъ какъ средство пропаганды. Болѣе умѣренное крестьянство, зажиточные и крѣпкіе хозяева избѣгали ѣздить на эти съѣзды, ибо съ одной стороны имъ, какъ хозяйственнымъ людямъ, было жаль терять время, а съ другой стороны, они и не особенно довѣряли устанавливающимся порядкамъ и побаивались отвѣтственности. По послѣднему мотиву многіе изъ нихъ и въ послѣдующее время, когда мѣстные сельскіе комитеты или совѣты устраивали аукціоны на все помѣщичье хозяйство, не брали для себя ничего. Деревня жила надеждой на Учредительное Собраніе, ожиданіе его созыва успо-

каивало, а когда подошли выборы, то вездѣ они были произведены съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Но до чего народъ все же не былъ подготовленъ къ четырехвостной системѣ выборовъ, видно изъ того, какъ серьезно спрашивала одна старуха передъ выборами мѣстнаго земскаго врача, что, правда-ли, тѣхъ, кто будетъ подавать за кадетскій списокъ, будутъ арестовывать или даже ссылать. Въ данномъ случаѣ агитаторы и мѣстные демагоги не стѣснялись въ средствахъ для достиженія цѣли, и злоупотребленія самаго наглаго свойства примѣнялись постоянно.

Но, конечно, послѣ первыхъ мѣсяцевъ революціи, когда надъ крестьянами не оказалось никакой власти, а своихъ выборныхъ они легко могли безъ всякихъ формальностей смѣнять, положеніе стало обостряться и толпа, почувствовавъ безнаказанность, стала проявлять грубость, постоянно вмѣшиваться во все, опекать черезъ свои комитеты землевладѣльцевъ и кончилось тѣмъ, что начали слѣдить, чтобы не расхищалось «народное добро», т. е. стали запрещать распоряжаться своимъ имуществомъ.

Если въ первые дни революціи крестьянство не слишкомъ рѣзко проявляло себя въ сферѣ соціальныхъ отношеній, не будучи увѣреннымъ, во что все это выльется, то по отношенію къ мѣстнымъ интеллигентнымъ силамъ, сельскому учительскому персоналу и духовенству, оно сразу стало проявлять свое неуваженіе. Своимъ грубымъ отношеніемъ крестьянство сразу оттолкнуло отъ себя почти безъ исключенія всѣхъ учителей, которые сразу же оказались не у дѣлъ. А ужъ кому, казалось бы, ближе жизнь деревни со всѣми ея нуждами и психологіей, какъ не сельскому учителю и учительницѣ, знающимъ поголовно всѣхъ мѣстныхъ жителей, составъ ихъ семей и не могущихъ въ то же время вызывать чувство зависти своей убогой, по истинѣ, жизнью. Я не имѣю въ виду здѣсь молоденькихъ барышень, прямо со школьной скамьи попавшихъ въ глушь, въ медвѣжьи углы и потому подавленныхъ обстановкой и чувствующихъ себя безпомощными.

Я помню, какъ на одномъ изъ съѣздовъ учителей, учительницъ и священниковъ, собранныхъ земствомъ въ маѣ 1917 года въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ, было заявлено масса жалобъ учительницъ объ ихъ беззащитности и просьба оградить ихъ отъ грубости и вмѣшательствъ въ ихъ частную жизнь. Онѣ опредѣленно говорили, что комитетъ, почувствовавъ себя хозяиномъ, распоряжался школьными зданіями для устройствъ сельскихъ собраній и засѣданій безъ всякихъ стѣсненій, являясь и въ классное, и, вообще, въ любое время и мѣшая занятіямъ. Приходили и по вечерамъ, стучались упорно къ нимъ, вваливаясь въ ихъ частныя квартиры, требуя различныя объясненія въ ихъ дѣятельности, упрекая въ нерадивости, по ихъ мнѣнію, въ школьныхъ занятіяхъ, указывая на неуспѣхъ своихъ дѣтей въ ученіи, обвиняя ихъ въ пристрастіи, и сводя личные счеты.

Это было послѣ $2^1/_2$ мѣсяцевъ революціи, а соберись съѣзды немного ранѣе, мѣсяца за $1^1/_2$ до этого, когда еще переживались медовые мѣсяцы свободы, нареканій и жалобъ такого рода, конечно, не было бы. Трудно себѣ и представить, до чего недооцѣнивалась грубость и дикость среды, даже людьми близко стоявшими къ народу.

Такое же отношеніе было и къ духовенству. Не пострадали въ большинствѣ случаевъ лишь священники, не проявлявшіе совершенно интереса къ общественнымъ дѣламъ, или люди взявшіе заискивающій передъ крестьянами тонъ, хотя и это, въ конечномъ итогѣ, мало помогало. Случаевъ требованія крестьянами увольненій изъ прихода священника было очень много. Дѣло дошло до того, что священники начали сорганизовываться и бойкотировать тѣ приходы, откуда насильственно были удалены священники прихожанами.

Что касается отношенія къ войнѣ, то первые мѣсяцы послѣ революціи всѣ относились къ ней съ большимъ интересомъ, считали, что ее нужно довести до конца, ловили дезертировъ и, арестованными отправляли ихъ по этапу къ военнымъ властямъ, и если война крестьянамъ и надоѣла и казалась тяжелой, то все же лозунгъ «до побѣднаго конца» пользовался популярностью. Воззваніе Шингарева о доставкѣ продовольствія для арміи читалось вездѣ со вниманіемъ и вызывало сочувствіе.

Первыми занесшими въ деревню мысль о необходимости или желаніи прекратить войну были солдаты, и я вновь удостовѣряю, что въ средней черноземной полосѣ Россіи, эти разговоры среди крестьянъ успѣхомъ не пользовались и только постепенно, послѣ 5—6 мѣсяцевъ, крестьяне начали воспринимать мысль, что такъ воевать дальше нельзя. Но я неоднократно слыхалъ фразу еще и въ концѣ лѣта 17 года, что сперва надо кончить съ однимъ дѣломъ т. е. войной, а затѣмъ ужъ браться и за уравненіе землей и устраивать жизнь на свободныхъ началахъ.

Большевистскій переворотъ, какъ я уже указывалъ, въ средней Россіи долго не ощущался. Большевизмъ въ деревнѣ началъ проявляться болѣе наглядно къ самому концу декабря 17 года и началу января 18 г., когда пришедшіе къ этому времени солдаты съ фронта, распропагандированные большевистскими агентами до послѣдней степени, стали выступать, открыто называя себя «большевиками», что считалось до того въ деревнѣ позорнымъ. Вернувшіеся съ фронта солдаты начали предъявлять свои права на раздѣленную безъ нихъ добычу, грозили отнятіемъ у болѣе зажиточныхъ и успѣвшихъ пріобрѣсти за это время имущество; одновременно приступили къ организаціи своихъ «сельскихъ солдатскихъ совѣтовъ», начали сноситься съ сосѣдними селами и, вообще, проявлять себя дѣятельно, иногда и безпокойно. Они въ большинствѣ случаевъ прошли въ слѣдующій періодъ движенія и въ комитеты бѣдноты, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ жили съ своими семьями не въ раздѣлѣ, и отцы ихъ часто были одними изъ самыхъ богатыхъ въ селѣ. Солдаты же внесли извѣстную организацію, воспринятую ими въ войсковыхъ частяхъ, избирались на различные съѣзды, куда крестьяне ихъ охотно пускали. Но это уже относится болѣе къ первой половинѣ 18 года.

Характернымъ явленіемъ за первую зиму большевистскаго владычества было крайне развитое мѣшечничество. Крестьяне, переодѣвшись въ солдатскую форму, загружали всѣ вагоны, увозя изъ хлѣбныхъ мѣстъ самогонку, разграбленный спиртъ съ винокуренныхъ заводовъ, а иногда и просто хлѣбъ и продовольствіе, везя все это въ Москву или болѣе сѣверныя губерніи, получая въ обмѣнъ мануфактуру или выручая сравнительно по тому времени большія деньги. Борясь съ этимъ явленіемъ и вообще съ продовольственной разрухой, совѣтское правительство начало обра-

зовывать продовольственные отряды, изъ которыхъ впослѣдствіи были выдѣлены, такъ называемые, заградительные, цѣлью созданія которыхъ было содѣйствіе реквизиціямъ, а также и обыскамъ въ поѣздахъ. Отряды эти родились изъ «красной гвардіи» и, благодаря своей энергичной дѣятельности, пріобрѣли страшную ненависть со стороны крестьянъ. Ненависть эта была до того сильна, что весной 1918 года, крестьянскіе сходы выносили приговоры о лишеніи земельнаго надѣла тѣхъ семей, члены которыхъ состояли на службѣ въ «красной гвардіи». Надо отдать справедливость, что въ отряды эти шли хулиганы и вообще отбросы молодого крестьянства, и вели себя весьма вызывающе. «Красную армію», образованіе которой относится къ веснѣ и лѣту 18 года, долго смѣшивали съ «красной гвардіей» и въ ней крестьянство долго видѣло продовольственные отряды и потому относилось враждебно; къ тому же, усвоивъ принципъ «власти на мѣстахъ», крестьянство не хотѣло никому подчиняться. Я помню, какъ я присутствовалъ на одномъ изъ сельскихъ сходовъ въ Августѣ 18 года, когда обсуждался вопросъ о мобилизаціи одного года кавалеріи и артиллеріи для красной арміи. Молодыхъ людей, подлежащихъ призыву, было всего двое, и они, сговорившись со своими товарищами, просили сельскій сходъ дать имъ удостовѣреніе на разрѣшеніе не идти въ городъ, полагая, что власть не на столько крѣпка и авторитетна, что ея приказанія нужно исполнять. Сходъ, который безусловно весь сочувствовалъ своимъ односельчанамъ, высказывался, что, если идти, такъ всѣмъ достигшимъ 40 лѣтняго возраста, разсчитывая, что такая постановка вопроса испугаетъ власть, и только послѣ долгаго обсужденія присоединился къ голосу одного солиднаго крестьянина, заявившаго, что все это неисполнимо, а поддерживать призываемыхъ и дать свою подпись на приговорѣ онъ отказывается, ибо противъ пулеметовъ, которые вѣроятно явятся съ карательнымъ отрядомъ, онъ голыми руками сражаться не будетъ, подписавшись же на приговорѣ, онъ обязуется поддержать призываемыхъ.

Какъ на проявленіе психологіи подчиненія, я могу указать и на рѣшеніе другого схода, на которомъ во избѣжаніе реквизиціи хлѣба, было постановлено добровольно обложить каждую душу небольшимъ количествомъ пудовъ, разсчитывая, что этимъ они откупятся отъ присылки продовольственнаго отряда.

Это приспособленіе къ новой центральной власти, отнявшей самодѣятельность «власти на мѣстахъ», проходитъ яркой чертой въ психологіи массъ народа, который не вѣрилъ въ ея устойчивость.

Сельскіе комитеты бѣдноты, а передъ этимъ «красная гвардія», пополнялись изъ хулиганствующей молодежи. Печать какъ то мало сейчасъ обращаетъ вниманіе на явленіе, называемое раньше «хулиганствомъ» и которое въ свое время, съ 1910—14 годъ тревожило правительство и общественное мнѣніе. Это явленіе еще въ то время требовало примѣненій особыхъ мѣръ въ борьбѣ съ нимъ и изученіе этой крайне вредной, безнравственной черты въ жизни нашей молодежи. Я помню, какъ тогда еще въ юридической литературѣ появлялись статьи, стремившіяся опредѣлить и формулировать это новое понятіе. И теперь, оглядываясь на все это время, несомнѣнно приходится признать глубокую духовную связь хулиганства съ большевизмомъ среди массъ. Какъ то,

такъ и другое, питалось отсутствіемъ нравственныхъ устоевъ, стремленіемъ къ разрушенію и проявленію самыхъ дикихъ, необузданныхъ инстинктовъ, и бороться съ ними уже было трудно и тогда.

НАЧАЛО БѢЛАГО ДВИЖЕНІЯ

Революція, начавшаяся подъ національнымъ лозунгомъ, была принята почти всѣмъ русскимъ народомъ, какъ военнымъ такъ и гражданскимъ населеніемъ, какъ надежда на доведеніе войны до успѣшнаго конца. Однако, вмѣшавшійся интернаціональный соціалистическій элементъ, раздувшій классовый антагонизмъ, а съ другой стороны, паденіе дисциплины и всякихъ тормозящихъ центровъ началъ усиленно разлагать спайку и единство, съ которыми только было возможно продолжать вооруженную борьбу съ противникомъ.

Офицерство, начиная съ командующихъ и кончая самыми молодыми офицерами, почти безъ исключенія подчинилось совершившемуся перевороту, понимая, что всякій раздоръ или несогласіе, выявленные въ его рядахъ, будетъ имѣть самое пагубное вліяніе на фронтъ. Это, конечно, понималось и многими другими, но боязнь, что революція отъ этого можетъ пострадать, недостаточно углубиться, заставляла русскихъ партійныхъ дѣятелей, выросшихъ преимущественно за границей и чуждыхъ русскому народу, — рѣшить, что революція выше фронтовыхъ дѣлъ, почему все вниманіе и было направлено на укрѣпленіе позицій для достиженія лелѣянныхъ ими идеаловъ. О разлагавшихъ родину съ спеціальными намѣреніями нечего и упоминать. Благодаря этому, получилось совершенно недопустимое положеніе: все офицерство упорно оставалось на фронтѣ и своихъ мѣстахъ, въ тылу же толпы разнузданныхъ солдатъ расправлялись съ ихъ товарищами, а крестьяне оскорбляли и грабили ихъ родныхъ, всячески издѣваясь надъ ними. Положеніе офицерства вслѣдствіе этого становилось подчасъ невозможнымъ. При этомъ, негдѣ было искать защиты, ибо зачастую власть въ лицѣ комитетовъ была источникомъ всего этого, но долгъ передъ родиной, какъ онъ понимался большинствомъ, заставлялъ все съ горечью переносить. Это бывало иногда поистинѣ трагедіей! И въ итогѣ, на душѣ у офицеровъ накоплялась злоба противъ революціонныхъ массъ, и противъ правительства, играющаго, какъ иногда казалось, двойную игру, и противъ комитетовъ, поощрявшихъ это, — злоба, обострявшаяся еще тѣмъ, что ясно было, что все идетъ къ разрушенію, что родина гибнетъ.

Неудавшееся выступленіе Корнилова показало, что гражданская война неизбѣжна, и, какъ только паденіе Риги выяснило, что фронтъ фактически не существуетъ, что война, объединяющая и заставляющая офицерство честно сидѣть на своихъ постахъ, окончена, невольно началось бѣлое движеніе. Оно началось безъ общаго предварительнаго сговора, все потянулось на Донъ, на Кубань, гдѣ положеніе казалось болѣе надежнымъ. Къ этому же времени большевики, захватившіе силой власть въ руки, оттолкнули отъ себя и чиновничество.

Одновременно съ концентрированіемъ военныхъ на Дону, начались организовываться контръ-революціонные центры и ячейки по всей Россіи.

Отсутствіе опыта въ подпольной работѣ осложнялось природной мягкотѣлостью и скупостью буржуазіи, не отдававшей себѣ отчета въ происходящемъ, и упорно цѣплявшейся за остатки своего имущества и капитала; организаціонное дѣло шло весьма туго. Приходилось начинать все съ азовъ, устанавливать между ячейками связь, находить ихъ, объединять платформами и т. д.

Сейчасъ не время касаться этой работы въ полной ея мѣрѣ, но надо засвидѣтельствовать, что много людей, несмотря на всѣ затрудненія, честно выполняли свой долгъ передъ родиной, какъ они его понимали, стараясь находить общій языкъ, откидывая партійныя разногласія, ставя родину выше всего, выше революціи, своихъ кастовыхъ интересовъ или какого либо отвлеченнаго лозунга. Много теперь изъ этихъ честныхъ сыновъ Россіи погибло, но придетъ время, когда имъ будетъ воздано по заслугамъ.

Полный недостатокъ средствъ очень осложнялъ работу. Благодаря этому активныя части организацій, состоящія изъ вооруженныхъ людей, не могли долго выдерживать и дождаться момента выступленія, ибо, за отсутствіемъ средствъ, люди принуждены были расходиться, ища себѣ заработка на сторонѣ. Правда, они старались совмѣстить свою платную работу съ борьбой съ большевизмомъ, но это, конечно, удавалось рѣдко.

Мнѣ пришлось принять участіе въ этихъ организаціяхъ совершенно случайно. Все мало-мальски живое, активное и не настроенное демагогически не могло спокойно мириться съ окружающей обстановкой, когда всякій, такъ называемый, «революціонный солдатъ», а въ сущности просто разнузданный, потерявшій человѣческій обликъ вооруженный типъ былъ воленъ надъ вами, вашей честью и близкими. Такъ, организаціи создавались не по письменной, обдуманной программѣ или уставу, а просто образовывались вездѣ, гдѣ приходилось; и въ столицахъ, и въ большихъ городахъ, и въ малыхъ, и даже въ захолустныхъ мѣстечкахъ были свои ячейки, состоящія изъ людей или видящихъ гибель всего цѣннаго кругомъ, или пострадавшихъ тѣмъ или инымъ способомъ отъ революціи и потому не могущихъ ею восторгаться.

Группировка происходила вездѣ по двумъ главнымъ признакамъ: съ одной стороны, общественные элементы, болѣе знакомые съ политическими вопросами, а съ другой — военные круги, гдѣ находились люди, стоявшіе ближе къ оружію, къ возможности оказывать сопротивленіе насильникамъ, узурпировавшимъ власть и разрушавшимъ родину. Были, конечно, люди и изъ указанныхъ категорій, не принимавшіе участіе въ этомъ движеніи, но это происходило по какимъ либо чисто индивидуальнымъ причинамъ.

Какъ бы то ни было, ячейки организацій возникали къ зимѣ 1917 года повсемѣстно. Въ мелкихъ центрахъ политическія и военныя составляли одно цѣлое, въ крупныхъ же образовывались раздѣльно и только лишь съ теченіемъ времени переходили на совмѣстную координированную работу.

Я былъ въ январѣ 1918 года проѣздомъ въ Москвѣ и, уже принимая въ то время близкое участіе въ работѣ одной изъ провинціальныхъ ячеекъ Поволжья, разыскалъ въ Москвѣ людей, которые, по моимъ соображеніямъ,

должны были сочувствовать переживаемому нами и потому не сидѣть со сложенными руками.

Найдя интересующихъ меня людей, я увидалъ, что они, отбросивъ тогда всякую партійность, уже признали, какъ единственное государственное начало — Добровольческую армію, начавшую тогда свою дѣятельность на Дону, и старались направлять свою дѣятельность въ соотвѣтствіи съ ея.

Мнѣ было дано порученіе, какъ ѣхавшему въ Петроградъ и знакомому по войнѣ съ нѣкоторыми центральными учрежденіями, связаться съ ними. Это было мной исполнено, но тогда Петроградъ уже работалъ самостоятельно и потому практически это имѣло мало значенія. По возвращеніи черезъ довольно короткій промежутокъ времени въ Москву, я былъ посланъ однимъ изъ крупныхъ политическихъ объединеній, начавшимъ тогда принимать болѣе опредѣленныя формы, въ Среднее Поволжье, куда въ теченіе марта 18 года и съѣздилъ, побывавъ въ Самарѣ, Саратовѣ и Пензѣ.

Вездѣ въ этихъ мѣстахъ ячейки нашлись, но носили онѣ различный характеръ. Такъ, напримѣръ, въ Саратовѣ была хорошая военная организація, и, начнись тогда, какъ многіе и ожидали, возстанія въ столицахъ или приблизься части генерала Алексѣева съ Дона, эта ячейка могла бы сыграть серьезную роль, захвативъ въ свои руки городъ Саратовъ, который тогда игралъ для большевиковъ серьезную роль, какъ база въ ихъ борьбѣ съ Уральскими казаками, не признавшими до того времени власти коммунистовъ.

Эта же группа держала связь съ Ураломъ.

Въ Самарѣ политическая организація, которую мнѣ пришлось нащупать, была близка къ мѣстнымъ соціалистическимъ кругамъ и впослѣдствіи, при обстрѣлѣ Самары лѣтомъ 1918 году, эта организація выявилась, оказавъ при занятіи города помощь въ борьбѣ съ мѣстными красными войсками.

Въ Самару я попалъ въ моментъ выступленія анархистовъ, матросовъ и мѣстныхъ извозчиковъ противъ совѣтовъ. Это оригинальное соединеніе произошло вслѣдствіе того, что извозчики, предъявившіе экономическія требованія къ власти, были поддержаны матросами, находящимися въ городѣ и на Волжскихъ пароходахъ, а также анархистами, игравшими почти вездѣ въ это время по городамъ довольно серьезную роль. Это вообще былъ моментъ анархіи, совѣты устанавливали свою власть, въ городахъ происходили налеты различныхъ бандъ, дѣйствовала еще самоохрана изъ городскихъ жителей; власть же большевиковъ проявлялась въ требованіи съ обывателей контрибуцій и въ арестахъ обывателей за ея неуплату.

Изъ Самары я проѣхалъ въ Пензу. Пенза въ ту пору производила съ виду болѣе спокойное впечатлѣніе. Эс-эровскіе и другіе комитеты временъ послѣдняго періода власти Временнаго Правительства были замѣнены совѣтами лишь въ январѣ мѣсяцѣ и притомъ это произведено было большевиками такъ несмѣло, что власть ихъ, казалось, будетъ весьма недолговѣчной. Кромѣ этого, мѣстный губернскій комиссаръ по фамиліи Кураевъ, повидимому, болѣе идейный человѣкъ, чѣмъ какіе встрѣчались въ другихъ городахъ, оказался довольно культурнымъ и дикостей проявлялось значительно менѣе.

А это клало извѣстный отпечатокъ на весь городъ.

За то въ слѣдующій періодъ, къ осени того же года, говорятъ, этой мѣстности пришлось перенести всѣ ужасы жестокаго террора, проявленнаго предсѣдательницей чрезвычайной комиссіи, видимо извращенной садисткой, еврейкой по фамиліи, кажется, Бошъ. Она такъ звѣрствовала, что самъ Троцкій обратилъ на нее вниманіе и отозвалъ ее оттуда.

Пензенскій кружокъ оказался довольно незначительнымъ и особенно страдалъ изъ за отсутствія денежныхъ средствъ, но имѣлъ хорошія связи съ окружающими губерніями, организовалъ въ свое время ячейки, помѣщая ихъ въ различные продовольственные отряды и части милиціи, имѣлъ связь съ крѣпкими крестьянами. При наступленіи арміи съ Дона эта мѣстность должна была играть роль плацдарма передъ Волгой и казачьими войсками, кои въ Оренбургѣ организовывалъ атаманъ Дутовъ, а на Уралѣ генералъ Мартыновъ, мобилизовавшій своихъ казаковъ, и не допустившій туда большевиковъ.

Однимъ словомъ, работа вездѣ шла, и она могла бы принести существенную помощь, если бы добровольческая армія была въ состояніи перейти въ наступленіе. Однако, этого не произошло, деньги, которыя обѣщали дать французы, даны не были.

Путешествіе, которое мнѣ тогда пришлось совершить по желѣзнымъ дорогамъ, было почти невообразимымъ. Не говоря уже о разбитыхъ окнахъ и дверяхъ, опозданіи поѣздовъ на $^1/_2$ сутокъ и болѣе, страшномъ холодѣ въ теплушкахъ вслѣдствіе отсутствія печей и дровъ, что то неописуемое творилось изъ за огромнаго наплыва пассажировъ.

По направленію къ Волгѣ тянулись тогда солдаты съ Кавказскаго фронта. Вслѣдствіе дальности разстоянія, непровозоспособности желѣзныхъ дорогъ по Кавказу, они отъ Батума и Трапезунда ѣхали до Новороссійска моремъ. Выгрузившись тамъ, имъ приходилось или дожидаться безъ конца очереди, или проѣзжать съ неимовѣрными трудностями черезъ мѣста, гдѣ шли бои казаковъ съ красной гвардіей. Путь у Ростова тогда былъ мѣстами разрушенъ и потому возвращающимся домой солдатамъ приходилось ѣхать окружнымъ путемъ черезъ Царицынъ, что ихъ очень задерживало.

Настроеніе солдатъ, я бы сказалъ, было довольно спокойное и не столь большевистское, какъ у солдатъ съ западнаго фронта. Но разсказы ихъ о распродажѣ полкового и казеннаго имущества и запасовъ съ присвоеніемъ денегъ въ свою пользу — были по истинѣ потрясающими. Между прочимъ, они говорили, какъ они погрузили на пароходъ гдѣ то на Анатолійскомъ берегу нѣсколько тысячъ пудовъ муки и сахару изъ своихъ полковыхъ запасовъ для продажи ихъ въ Россіи, гдѣ цѣна на эти продукты была выше, и по уговору съ матросами военнаго транспорта, на которомъ они шли, грузъ долженъ былъ быть между ними подѣленъ. Однако, когда они дошли до мѣста назначенія, матросы отказались признать договоръ и, высадивъ солдатъ на берегъ, груза имъ не выдали, а увезли его куда то еще въ другое мѣсто, гдѣ думали получить еще большую прибыль.

Часть уцѣлѣвшихъ винтовокъ, которыя по приказанію Троцкаго должны были быть оставлены на рукахъ солдатъ, продавались ими на узловыхъ станціяхъ. Покупатели находились, плата въ это время колебалась отъ 25 до 40 рублей за штуку. Настроеніе, повторяю, у большинства

солдатъ, въ особенности, у запасныхъ, было довольно миролюбивое и стремились они лишь домой.

Зато, попавъ случайно въ вагонъ 4-го класса, который былъ полонъ возвращающимися делегатами съ крестьянскаго съѣзда, я получилъ совершенно другое впечатлѣніе. Это было что то невозможное! Видно было, что люди наэлектризованы до послѣдней степени руководителями съѣзда и возвращаются они какъ настоящіе разсадники большевизма.

У этихъ людей все спуталось въ головѣ, для нихъ всѣ міровые вопросы были ясны и рѣшались они весьма просто. Съ этими надо было быть осторожнымъ, ибо неудачная фраза могла повести къ тому, чтобы быть выкинутымъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, за дверь вагона.

Въ это время проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ разрѣшался еще безпрепятственно. Билеты выдавались свободно, мѣшечники преслѣдовались мало, и ими, и солдатами поѣзда были переполнены. Тогда только впервые появилась на станціяхъ желѣзно-дорожная милиція, старавшаяся проявлять свою дѣятельность, не давая публикѣ спать на вокзалахъ и т. д. Но мѣстами уже началось воспрещеніе вывоза съѣстныхъ припасовъ въ багажѣ и требовалось имѣть разрѣшеніе отъ станціоннаго продовольственнаго комиссара.

Въ своихъ разъѣздахъ въ концѣ марта мѣсяца я столкнулся по линіи Рязано-Уральской желѣзной дороги съ чехо-словацкими войсками, тянувшимися черезъ Самару на Востокъ. Видъ былъ у нихъ хорошій, дисциплинированный, и они разительно отличались отъ растерзанныхъ нашихъ солдатъ, оставшихся еще до того времени по гарнизонамъ.

По дорогѣ и на станціяхъ я слыхалъ, что появленіе ихъ въ этихъ мѣстахъ произвело на мѣстныхъ крестьянъ потрясающее впечатлѣніе и тотчасъ же разнесся слухъ, что пришли нѣмцы для возстановленія порядка. Это сразу сбавило у всѣхъ тонъ.

Нѣкоторыя мѣстныя организаціи пытались войти въ контактъ тогда же, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, съ чешскимъ командованіемъ и начальникомъ ихъ корпуса генераломъ русской службы — Шохоръ-Троцкимъ, но изъ этого ничего не вышло, ибо чехи отказывались отъ переговоровъ, ссылаясь на объявленный ими нейтралитетъ и на то, что они находятся въ зависимости отъ французскаго правительства, которое предполагаетъ ихъ отправить на западный фронтъ во Францію. На роли чехо-словаковъ я еще остановлюсь дальше.

Вернувшись въ Москву, я доложилъ Комитету организацій о мною видѣнномъ и сдѣланномъ.

Въ политическихъ кругахъ раздавались тогда разсужденія объ оріентаціяхъ, т. е. на чью помощь надо Россіи базироваться (Антанты или Германіи) для возстановленія государственности въ странѣ, ибо ясно ужъ тогда стало, что русскимъ внутреннимъ силамъ съ этимъ справиться нѣтъ возможности.

Надѣявшіеся на помощь Германіи, какъ въ виду ея географической близости, такъ и въ виду ея нужды въ нашемъ сырьѣ, называли себя «реальными политиками» и считали необходимымъ завести съ ней переговоры или во всякомъ случаѣ прозондировать эту возможность (это фактически и было сдѣлано). Они считали, что германскія войска, стоявшія тогда въ Псковѣ и подъ Смоленскомъ, могутъ легко, съ силой одного лишь корпуса, подойти

къ обѣимъ столицамъ и помочь водворить твердую власть. Но для этого нужно было, чтобы Берлинъ порвалъ съ большевиками и понялъ, что ему не по пути съ ними, а надо мириться и искать сближенія съ русскими государственными элементами. При этомъ Германія должна была опредѣленно признать, какъ базу, слѣдующія условія: 1) оказаніе реальной помощи въ сверженіи большевистской власти, 2) полное аннулированіе Брестъ-Литовскаго мира и 3) предоставленіе Россіи самой установить себѣ образъ правленія.

Необходимость обратиться къ помощи Германіи политическіе дѣятели видѣли въ томъ, что веденные до того времени переговоры съ Антантой реальныхъ успѣховъ не достигали, главнымъ образомъ, оттого, что Антанта не понимала сущности большевизма и, напримѣръ, представитель С. А. Штатовъ — сэръ Фрэнсисъ давалъ своему правительству такую картину о положеніи Россіи, что ясно было, что онъ совершенно не отдаетъ себѣ отчета въ происходящемъ. Это вліяло и на рѣшеніе Франціи придти на помощь генералу Алексѣеву денежной субсидіей, что тормозило дѣло съ организаціей Добровольческой Арміи, и заставляло только по напрасну терять время.

Противники же этой постановки вопроса исходили изъ того мнѣнія, что Антанта продолжала быть нашей союзницей и что вести дѣло съ Германіей, заставившей принять позорныя условія Брестъ-Литовскаго мира — невозможно, и порывать съ Антантой для Германіи, искренности желанія которой возстановить Россію нельзя было вѣрить, было бы нецѣлесообразно.

Вопросъ оставался въ стадіи «академическихъ разсужденій» и обострился болѣе къ началу лѣта того же года, къ какому времени и относится знаменитое письмо Милюкова, написанное имъ изъ Украйны. Разногласіе между членами организацій повело къ выходу группы лицъ, присвоившихъ себѣ названіе «Національнаго центра». Не касаясь политической платформы этихъ группъ или объединеній, могу лишь указать, что они шли подъ лозунгомъ неизбѣжности активнаго, насильственнаго сверженія коммунистической, террористической власти Совѣтовъ.

Москва обвиняла нѣмецкихъ дипломатовъ, не желавшихъ идти на переговоры съ анти-большевистскими элементами.

Подѣлившись добытымъ мной, я разсказалъ о появившемся чехословацкомъ корпусѣ, и тутъ же начались попытки договориться съ французами, которые, однако, что то медлили, обѣщали снестись съ Парижемъ и т. д. Въ общемъ, въ тотъ моментъ мы не смогли добиться ничего реальнаго.

А жаль! Уже въ это время чехи могли сыграть роль, а этимъ выиграно было бы 2 мѣсяца, а за 2 мѣсяца красная армія, съ легкой руки генерала Шварца, положившаго ея основаніе, сдѣлала много успѣховъ. Намъ казалось тогда заманчивымъ остановить чеховъ, появившихся головнымъ своимъ эшелономъ въ Самарѣ, захватить въ свои руки губерніи (Самарскую, Пензенскую Саратовскую и часть Симбирской) и положить этимъ начало помощи Донской арміи, опираясь на Заволжье съ ея Уральскими и Оренбургскими казаками. Прельщало насъ еще то, что въ Пензѣ, ввиду угрозы нѣмцевъ Петрограду, была эвакуирована часть Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, а имѣть сразу аппаратъ, печатающій

деньги, и получить заготовленный уже запасъ было болѣе чѣмъ важно, и, главное, легко осуществимо: развернуться можно было бы шутя.

Однако, все это разбилось о непониманіе обстановки союзниками, да и наши круги дѣйствовали не достаточно энергично, не дерзали, — чѣмъ такъ сильны всегда большевики.

Къ концу апрѣля я уѣхалъ изъ Москвы и поселился у своихъ родственниковъ въ имѣніи Саратовской губерніи, гдѣ, хотя все уже было давно отобрано крестьянами, но была возможность оставаться жить въ домѣ и гдѣ хозяева обрабатывали землю своими руками. Для хозяйства было оставлено еще старымъ комитетомъ 2 лошади, телѣга безъ колесъ и одинъ большой экипажъ. Остальное все было продано, кончая послѣдней курицей, еще при Черновѣ съ аукціона сельскимъ комитетомъ на глазахъ у хозяевъ; деньги же подѣлены между крестьянами. Въ домѣ на имущество была составлена опись, часть обстановки снесена въ отдѣльное помѣщеніе и на двери наложена печать, дабы нельзя было расхитить «народнаго достоянія». Но жить пока все же разрѣшалось. Не желая служить у большевиковъ и принимать участіе въ ихъ работѣ, я предпочиталъ лучше заниматься личнымъ трудомъ и обрабатывать своими руками землю.

Мужчинъ въ домѣ не было и потому моя помощь была кстати, тѣмъ болѣе, что я сельское хозяйство зналъ хорошо. Временами я уѣзжалъ въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ, почему имѣлъ возможность наблюдать за происходящимъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и слѣдить за работой нашихъ организацій, принимая въ нихъ посильное участіе. Газеты въ то время приходили довольно аккуратно.

Деревня въ это время повсемѣстно додѣливала растащенное, нажитое не однимъ поколѣніемъ добро, но оставшихся единичныхъ къ этому времени помѣщиковъ не трогала, не являлась, какъ это было въ предшествующій періодъ, и днемъ, и ночью съ требованіями, и переходила въ лицѣ своихъ комбѣдовъ и комитетовъ на борьбу съ такъ называемыми кулаками и болѣе зажиточнымъ крестьянствомъ.

На отношеніе ко мнѣ крестьянства я жаловаться не могу, они видѣли, что я справляюсь съ полевыми работами удовлетворительно и потому обвиненій въ дармоѣдствѣ не заслуживаю. Но лучше расположенные крестьяне побаивались обвиненія со стороны своихъ руководителей, а также и уѣзднаго начальства въ дружбѣ съ помѣщиками, почему не препятствовали проявленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ опеки выражавшейся въ разслѣдованіи, зачѣмъ пошла лошадь на станцію безъ разрѣшенія сельскаго совѣта, а также въ требованіи отвода мнѣ земли по жребію наравнѣ со всѣми односельчанами и при томъ непремѣнно въ разныхъ участкахъ, по лоскутамъ. Это все, конечно, надоѣдало, тѣмъ болѣе, что при безтолковости, на ожиданіе рѣшенія уходило масса времени. Вообще, кому не приходилось имѣть дѣло съ общиннымъ хозяйствомъ, тотъ не можетъ понять, что это за нелѣпая и стѣснительная на каждомъ шагу зависимость.

Красноармейцы въ село наѣзжали рѣдко, но успѣли надоѣсть и тогда ужъ крестьянству, какъ вообще и все совѣтское правительство, почему не рѣдко можно было услышать чаянія и ожиданія прихода чеховъ или Дутова, о которыхъ въ этихъ мѣстахъ доходили слухи.

* * *

Перехожу теперь къ описанію образованія восточнаго фронта, сыгравшаго затѣмъ такую серьезную роль во всемъ анти-большевистскомъ движеніи въ Россіи.

Моментомъ образованія восточно-большевистскаго фронта является занятіе чехо-словаками средней Волги съ городами Сызранью, Самарой, Уфой, когда былъ отрѣзанъ востокъ отъ цѐнтра Россіи. Эти событія относятся къ началу іюня мѣсяца 1918 года. Они имѣли огромное значеніе въ томъ отношеніи, что способствовали развитію борьбы съ большевиками въ отрѣзанныхъ отъ центра Россіи раіонахъ; и накоплявшіяся до этого анти-большевистскія силы въ Сибири получили возможность вылиться въ формы, годныя для борьбы съ большевизмомъ.

Появленіе чехо-словацкихъ войскъ въ Приволжскихъ губерніяхъ относится, какъ я уже указывалъ, къ первой половинѣ марта 18 года и появленіе ихъ въ этой мѣстности объясняется осуществленіемъ договора ихъ командпаго состава съ совѣтской властью, по которому чехо-словацкій корпусъ, начало формированія котораго относится еще къ дореволюціонному періоду и насчитывавшій при появленіи его на Волгѣ до 60 000 человѣкъ, долженъ былъ быть эвакуированъ въ Чехію черезъ Сибирь.

По первоначальному плану, эвакуація должна была быть произведена черезъ Архангельскъ, но какія то осложненія, а, можетъ быть, и всегдашняя путанность и нерѣшительность въ союзническихъ дѣйствіяхъ помѣшали приведенію этого плана въ исполненіе, почему чехи изъ предѣловъ Украйны были направлены къ Волгѣ. Эвакуація производилась съ большими затрудненіями, какъ изъ за возникновенія различныхъ препятствій, чинимыхъ чехамъ комиссарами, требовавшими отдачи оружія, снаряженія, аэроплановъ и т. д., такъ и вслѣдствіе малой пропускной способности желѣзныхъ дорогъ, которыя, какъ напр. Самаро-Златоустовская, могли пропускать лишь по 1 эшелону въ сутки.

Однако, не смотря на все это, чехи постепенно продвигались и къ 20 числамъ мая по новому стилю головные эшелоны уже достигали Челябинска, хвостъ же ихъ подходилъ къ городу Балашову, стоящему на Ряз. Уральской жел дор. Независимо отъ этого, небольшой отрядъ находился въ Забайкальѣ.

Но къ этому времени отношеніе совѣтской власти къ чехамъ, по настоянію германскаго посла въ Москвѣ гр. Мирбаха, стало проявляться все въ болѣе и болѣе настойчивомъ требованіи пріостановки ихъ передвиженія и разоруженія. Повидимому, Мирбахъ, по указанію изъ Берлина, долженъ былъ препятствовать усиленію союзной арміи чехо-словацкимъ корпусомъ и потому задачей его было остановить корпусъ въ предѣлахъ Россіи, разоружить его, а личный составъ перевести на положеніе военно-плѣнныхъ. Уступчивость чеховъ, проявленная ими въ началѣ весны въ центральныхъ губерніяхъ и приведшая къ отдачѣ части своего оружія, прекратилась, и они стали выказывать явное желаніе не подчиняться.

Тогда изъ Москвы было отдано распоряженіе отобрать оружіе силой, и въ городѣ Пензѣ, гдѣ въ это время ихъ находилось около 4 тысячъ, послѣ безрезультатныхъ уговоровъ мѣстнаго комиссара, былъ посланъ большевиками отрядъ мадьяръ для приведенія московскаго приказа въ исполненіе. Послѣднее обстоятельство страшно возмутило чеховъ, появленіе мадьяръ оскорбило ихъ національное достоинство, и солдаты

потребовали у своего командованія дать отпоръ. 20-го мая большевики открыли изъ орудій огонь по поѣздамъ, чехи же начали подтягивать свои отставшіе эшелоны, выдержавшіе за это время тоже бой около ст. Ртищево Рязанско-Уральской жел. дороги. Не надѣясь удержать городъ въ своихъ рукахъ, ввиду высылки краснымъ командованіемъ изъ Москвы тяжелой артиллеріи и войскъ, они черезъ 3 дня оставили Пензу и ушли на востокъ, гдѣ въ это время шли бои у Самары и Уфы.

Создавшееся положеніе вызвало у большевистскихъ комиссаровъ страшную панику. Они, какъ мнѣ говорили очевидцы, видимо, совершенно не ожидали быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій со стороны чешскаго командованія, а также не предвидѣли и не разсчитали неспособности своихъ частей оказывать сопротивленіе; небоеспособность же ихъ дѣйствительно оказалось феноменальной. Потери чеховъ за этотъ бой выразились что то цифрой около полутора десятка, тогда какъ у красныхъ она достигала болѣе полутораста человѣкъ, въ числѣ коихъ попалось и нѣсколько комиссаровъ.

Мѣстный совѣтъ обратился съ воззваніемъ за помощью къ населенію, призывая его стать на защиту крестьянскаго и рабочаго правительства.

Но отношеніе крестьянъ было самое отрицательное или въ лучшемъ случаѣ — выжидательное. Часть селъ просто отказалась дать помощь, часть же, послѣ долгихъ обсужденій, рѣшила послать ходоковъ узнать, какъ обстоитъ на самомъ дѣлѣ дѣло. Испугали еще крестьянъ прибѣжавшіе изъ города односельчане, служившіе въ красной арміи, дезертировавшіе во время паники и разсказывавшіе различные ужасы о происшедшемъ боѣ: будто бы, часть города сравнена съ землей и т. д. Комиссаровъ, удиравшихъ на поѣздахъ, провожали по дорогѣ на станціяхъ со свистомъ и улюлюканіемъ.

То, что дѣлалось въ освобожденныхъ чехами городахъ, какъ напр. въ Пензѣ, Сердобскѣ, Кузнецкѣ, Сызрани нельзя себѣ и представить. Всѣ облегченно вздохнули, чувствовали себя какъ на Свѣтломъ Праздникѣ.

Въ городахъ собрались немедленно думы выборовъ временъ Керенскаго. Но въ Пензѣ, напримѣръ, открыто взять на себя власть опасались, ограничиваясь лишь спеціальной работой, организаціей продовольственной помощи или милиціи, словомъ той, безъ которой обойтись нельзя было. Это происходило оттого, что чехи предупредили, что они оставаться въ городѣ не предполагаютъ изъ за военныхъ соображеній, но думаютъ все же скоро вернуться. Однако, побывать имъ въ этой мѣстности больше не было суждено.

Отойдя по Сызрано-Вяземской жел. дорогѣ по направленію на Сызрань, которая въ это время уже была въ ихъ рукахъ, они остановились примѣрно верстахъ въ 70 отъ Волги.

Самара, получивъ соотвѣтствующее распоряженіе изъ Москвы объ обезоруженіи чешскаго корпуса, пробовала тоже сопротивляться, но гарнизонъ ея былъ на голову разбитъ. Чехи начали обстрѣливать городъ, затѣмъ, сдѣлавъ видъ, что отступаютъ, неожиданно отрѣзали красныхъ отъ города и загнали ихъ въ рѣчку Самарку. Поднявшееся въ это время въ Самарѣ возстаніе помогло освобожденію города. Часть комиссаровъ была растерзана разсвирѣпѣвшей толпой, при чемъ ловили и спасшихся изъ воды красныхъ, вбѣгавшихъ въ городъ голыми.

Зато въ городахъ, оставленныхъ чехами, водворившимися назадъ большевиками былъ учиненъ судъ и расправа надъ всѣми горожанами, такъ или иначе проявившими симпатiю къ чехамъ. Такъ, напримѣръ, буфетчикъ одного изъ вокзаловъ въ Пензѣ отсидѣлъ подъ арестомъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ за то, что далъ какому то чеху напиться чаю. Павшiе во время боя красноармейцы были торжественно похоронены, какъ жертвы контръ-революцiи, при чемъ жители подъ угрозой обвиненiя въ сочувствiи чехамъ должны были присутствовать на этомъ торжествѣ.

Послѣ освобожденiя Самары отъ большевиковъ, тамъ начала организовываться народная армiя, мобилизуя офицеровъ и призывая добровольцевъ. Приблизительно черезъ мѣсяцъ палъ Симбирскъ, а вскорѣ и Рязань. Внизъ по Волгѣ очищенъ былъ Хвалынскъ, а также и Вольскъ, въ которомъ при приближенiи бѣлыхъ произошло офицерское возстанiе. Въ теченiе лѣта были полностью очищены мѣстности къ востоку отъ Самары, взята Уфа, Екатеринбургъ, Челябинскъ. Одновременно шли бои и въ Западной Сибири, и въ Забайкальи, и на Дальнемъ Востокѣ. Въ особенности стоило много трудовъ очищенiе отъ красныхъ Байкальскаго раiона, гдѣ, благодаря горной мѣстности, они долго оказывали сопротивленiе, сильно разрушивъ Кругобайкальскую жел. дорогу. Все же, къ концу августа желѣзная дорога была отъ красныхъ очищена и Владивостокъ съ Самарой соединился.

Какъ я указалъ выше, я жилъ въ это время въ деревнѣ. Жилось тамъ сравнительно спокойно и разсчитывали на скорое приближенiе чеховъ, къ чему было полное основанiе, ибо красные отскакивали съ невѣроятной легкостью и быстротой, оставляя нейтральную зону въ 50 и болѣе верстъ.

Какъ то въ iюлѣ мѣсяцѣ красная печать оповѣстила, что большевиками взята Сызрань, черезъ 2 дня появилось по Сызранской ж. д. много раненыхъ и оказалось, что чехи, заманивъ большевиковъ, вновь перешли въ небольшое наступленiе, при которомъ Кузнецкъ, находившiйся на полъ-пути между Сызранью и Пензой, былъ красными очищенъ, хотя чехи и не думали къ нему подходить. Пенза же стала экстренно эвакуироваться, для чего большевики пользовались ночами, въ теченiе которыхъ выходъ на улицу запрещался.

Бои конечно шли преимущественно по линiямъ жел. дорогъ, фронтъ же обозначался лишь развѣдочными отрядами, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Внутренняя политика совѣтовъ къ этому времени выражалась въ учрежденiи по деревнямъ комитетовъ бѣдноты, въ стремленiи черезъ продовольственные комитеты получить оставшiйся отъ помѣщиковъ хлѣбъ, въ реквизицiяхъ у городского населенiя продовольственныхъ запасовъ. Въ составы комитетовъ бѣдноты, однако, не попадали одни лишь бѣдняки, какъ это проектировалось декретами, крестьяне ухитрялись зачастую ставить туда середняковъ. Вообще же, власть чувствовала себя, по крайней мѣрѣ въ прифронтовой полосѣ, весьма не прочно. Изъ городовъ и со станцiй эвакуированы были всѣ запасы и подвижной составъ, а комиссары въ городахъ неоднократно были на готовѣ къ бѣгству, для чего всегда держались паровозы подъ парами.

Однако, видя, что чехи не наступаютъ, что донская армiя, взявъ Новохоперскъ, на Балашовъ не двигается, большевики постепенно начали

успокаиваться и чувствовать себя увѣреннѣе и къ концу іюля стали появляться симптомы болѣе аггресивной дѣятельности, и въ связи съ этимъ по городамъ Россіи начались требованія различныхъ регистрацій, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, между прочимъ, судейскихъ чиновъ; была также объявлена офицерская мобилизація.

Таковы были, повидимому, заданія изъ центра.

Все это кончилось появленіемъ по всѣмъ уѣзднымъ городамъ особыхъ чрезвычайныхъ комиссій по борьбѣ съ контръ-революціей, состоявшихъ изъ петроградскихъ и московскихъ рабочихъ. Въ томъ уѣздѣ, гдѣ я былъ, во главѣ ея стоялъ мѣстный молодой еврей, а въ помощь ему даны были два петроградскихъ рабочихъ. Пріѣхавъ на мѣсто, эта комиссія сразу произвела аресты самыхъ видныхъ людей въ городѣ, при чемъ въ началѣ ограничивались только задержаніемъ болѣе извѣстныхъ своей предыдущей дѣятельностью на общественномъ поприщѣ и потому, повидимому, казавшихся имъ болѣе строптивыми.

Это происходило до раненія Ленина и убійства Урицкаго. Эти два эпизода узаконили борьбу съ контръ-революціей, и тутъ же съ объявленіемъ террора началась вакханалія, не поддающаяся описанію и казавшаяся въ то время мирному русскому обывателю невыносимой. Въ городахъ хватали въ ночь по нѣскольку десятковъ человѣкъ сразу, преимущественно офицеровъ, чиновниковъ, промышленниковъ; на мѣста же была разослана телеграмма съ приказомъ волостнымъ совѣтамъ немедленно арестовать всѣхъ б. офицеровъ, помѣщиковъ, кулаковъ, б. полицейскихъ чиновъ, священниковъ и вообще всѣхъ контръ-революціонеровъ съ угрозой въ случаѣ неисполненія этого приказа — предать составы волостныхъ совѣтовъ суду трибуналовъ. Фраза, упоминающая о контръ-революціонерахъ, могла трактоваться весьма свободно и подъ это понятіе могъ подойти всякій и каждый, и потому ждать добра не приходилось.

Я лично въ это время былъ уже на чеку, чуть не попался за нѣкоторое время до этого на одной изъ станцій жел. дороги, гдѣ былъ случайно проѣздомъ и избѣгъ ареста лишь благодаря пьяному комиссару изъ мѣстныхъ хулигановъ, который, вмѣсто того чтобы задержать меня сразу, какъ это вѣроятно ему полагалось, пошелъ съ кѣмъ то совѣтоваться и снестись по телеграфу, какъ со мной поступить. Я воспользовался удобнымъ моментомъ и скрылся со станціи.

Мѣры предосторожности были не излишни; черезъ нѣсколько дней послѣ инцидента на станціи, примѣрно дней черезъ 7—8 (это было 25 августа по старому стилю), къ усадьбѣ, въ которой я жилъ, подъѣхали неожиданно вечеромъ двое членовъ мѣстнаго волостного совѣта съ цѣлью меня арестовать. Сообразивъ, что ихъ пріѣздъ не спроста, я выскочилъ въ садъ черезъ окно. Узнавъ, что я въ отсутствіи, одинъ изъ совдепщиковъ высказалъ извѣстное удовлетвореніе по этому поводу: дескать, имъ самимъ непріятно участвовать въ такомъ «конфузномъ дѣлѣ», но должны подчиняться, боясь отвѣтственности. И они отправились арестовывать другихъ лицъ, кои значились у нихъ въ спискахъ.

Оставаться нельзя было, все равно, мое присутствіе было бы обнаружено кѣмъ-нибудь изъ сельской молодежи большевистскаго толка, находящихся въ связи съ уѣзднымъ совѣтомъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, вся первая партія арестованныхъ въ уѣздномъ городѣ была звѣрски собственноручно разстрѣляна пріѣхавшей комиссіей; и у меня не было никакихъ основаній дѣлать себѣ иллюзіи, что мнѣ удалось бы выскочить изъ этой исторіи.

Что касается арестованныхъ сельскихъ кулаковъ, то за нихъ повсемѣстно начали заступаться мѣстные сходы, которые выносили удостовѣрительные приговоры, что эти люди не являются кулаками и паразитами; словомъ, появилась защита въ своихъ же кругахъ, которая въ большинствѣ случаевъ и увѣнчивалась успѣхомъ благодаря тому, что списки контръреволюціонеровъ въ концѣ концовъ составлялись своей же волостью, гдѣ сидѣли, конечно, свои люди. При этомъ нужно отмѣтить, что чѣмъ данная деревня находилась дальше отъ своего уѣзднаго города или мѣстечка, гдѣ хозяйничали пріѣзжіе коммунисты, тѣмъ волостная власть была мягче, менѣе подчинялась.

Теперь мнѣ оставалось рѣшить вопросъ, куда идти? У меня былъ фальшивый паспортъ, приготовленный на всякій случай заранѣе и до 600 рублей въ карманѣ, но это была слишкомъ небольшая сумма, чтобы на нее можно было долго продержаться. Я рѣшился перейти въ другой уѣздъ, гдѣ у меня былъ знакомый священникъ и гдѣ меня не знали. Я все время придерживался того взгляда, что организаціи разсыпаться не слѣдуетъ: мы несравненно больше могли принести пользы, поддержавъ наступленіе внутреннимъ возстаніемъ, и, будучи въ связи съ жел.-дорожниками, могли захватить подвижной составъ и не дать вывезти запасы изъ этого района, а тутъ мѣстами были запасы нефти, которые были очень нужны и для населенія.

Рѣшивъ двигаться, я взялъ смѣну бѣлья въ солдатскій мѣшокъ за спину и отправился въ путь.

Проживъ 2 дня въ безопасности въ другомъ уѣздѣ, я убѣдился, что ничего хорошаго не выясняется; начали появляться изъ мѣстнаго уѣзднаго города спасавшіеся отъ пріѣхавшей тоже и туда чрезвычайной комиссіи.

Бѣжали люди самыхъ различныхъ профессій: были учителя — служившіе на войнѣ прапорщиками, были лавочники, бѣжали купцы, чиновники, быв. полицейскіе, агрономы и другіе интеллигентные и полуинтеллигентные люди. Все это стремилось либо къ чехамъ, либо въ болѣе глухія мѣста въ надеждѣ пережить первый шквалъ.

Убѣдившись, что есть арестованные и среди близкихъ мнѣ по конспиративной работѣ людей, что организація разгромлена и что фактически дѣло наше пропало и помощи оказать нельзя, я, увѣдомивъ друзей, рѣшился идти къ чехамъ, фронтъ которыхъ былъ отъ меня по прямой линіи верстахъ въ 350. Направившись на востокъ, я шелъ въ полной увѣренности, что иду не надолго; все такъ говорило за успѣхъ бѣлаго дѣла, всѣмъ такъ ненавистенъ былъ красный режимъ и такимъ безсмысленнымъ и уродливымъ онъ казался по своему существу и основаніямъ, что тянуть его, казалось, нѣтъ никакой возможности. Да и логика, и обѣщанія союзниковъ о необходимости возстановить на Волгѣ противонѣмецкій фронтъ въ виду связи Германіи съ большевиками были такъ убѣдительны.

Однако, всѣ надежды обманули.

Сперва я шелъ по довольно знакомой мнѣ мѣстности, заходя къ извѣстнымъ мнѣ хуторянамъ, мелкимъ землевладѣльцамъ, мельникамъ,

которые давали мнѣ рекомендаціи и направляли къ своимъ роднымъ и пріятелямъ. Тогда большинство изъ нихъ еще сидѣло на мѣстахъ, но впослѣдствіи много и изъ нихъ погибло, сидя въ тюрьмахъ за неуплату контрибуцій. Всѣ эти люди входили въ мое положеніе, способствовали всѣми силами, давали совѣты, указанія. Мѣстность, по которой я шелъ, была довольно глухой, я избѣгалъ большихъ дорогъ, проѣзжихъ или торговыхъ селъ, хотя это, конечно, удлиняло значительно путь, но зато давало возможность идти, гдѣ терроръ еще не успѣлъ проявиться. По дорогѣ мнѣ называли и другихъ лицъ, бѣжавшихъ тѣми же днями по тому же направленію.

Общее мое впечатлѣніе отъ соприкосновенія не только съ сельской буржуазіей, но и вообще съ населеніемъ, попадавшимся мнѣ по дорогамъ и селамъ, выражалось въ опредѣленномъ недовольствѣ совѣтскимъ режимомъ. То, что власть перешла въ руки болѣе бѣдныхъ крестьянъ и молодежи, вызывало извѣстный протестъ. Вѣдь въ большинствѣ случаевъ бѣдными въ селахъ являются неудачники въ хозяйствѣ или пьяницы и лодари. Неудачники вслѣдствіи несчастій не являются подходящими для руководства совѣтами, въ большинствѣ случаевъ они тихіе и скромные мужики. Плохой же хозяинъ, лодырь, уваженіемъ села не пользуется. хотя временно онъ и можетъ выплыть на поверхность.

Ближе къ фронту, можно было услышать разговоры о различныхъ боевыхъ дѣйствіяхъ; населеніе было въ курсѣ дѣла происходящихъ столкновеній, знало линію фронта.

Тутъ пришлось услышать много разсказовъ о преслѣдованіи священниковъ со стороны красныхъ, въ связи съ борьбой и преслѣдованіемъ лицъ, сочувствующихъ бѣлогвардейцамъ. Эти разсказы имѣли повидимому одни и тѣ же основанія и молва шла изъ устъ въ уста, повторяя тѣ же случаи. У меня еще и сейчасъ на памяти разсказъ, какъ къ діакону какого то села близъ ст. Барышъ Моск. Казанской жел. дороги пришли вечеромъ какіе то люди и, назвавшись бѣлыми, попросились у него переночевать. Діаконъ этотъ, узнавъ, что его гости бѣлые, съ удовольствіемъ впустилъ къ себѣ, началъ угощать, сказавъ, что для нихъ у него хватитъ провизіи хоть на цѣлую недѣлю. Черезъ нѣкоторое время вновь послышался въ окно стукъ и, опасаясь за своихъ гостей, діаконъ спряталъ ихъ подъ полъ. Отъ пришедшихъ онъ скрылъ присутствіе находящейся компаніи, но тѣ вдругъ появились и заявили, что они красные и тутъ же, выведя на дворъ діакона, разстрѣляли его за сочувствіе бѣлогвардейцамъ.

Пройти эти 350 верстъ пришлось по Пензенской и Симбирской губерніямъ. У линіи фронта мнѣ стали попадаться подводы, а иногда и цѣлые обозы, шедшіе изъ Сызрани и обратно съ товаромъ и продовольствіемъ. Въ Сызрань везли преимущественно табакъ, производства котораго на Волгѣ нѣтъ, а обратно везли изъ чехословацкаго района соль и керосинъ, въ которомъ тутъ ощущался острый недостатокъ. Къ этому времени, т. е. къ началу сентября по ст. ст., пропускъ черезъ фронтъ былъ свободенъ.

Однако, когда я подошелъ къ линіи, положеніе неожиданно обострилось. Еще по дорогѣ я услыхалъ разговоры о полученныхъ въ волостяхъ свѣдѣньяхъ, что Симбирскъ и Казань пали и, хотя это извѣстіе казалось невѣроятнымъ въ силу тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на чеховъ, тѣмъ не менѣе приходилось вѣрить.

Послѣднюю часть пути я шелъ съ попутчиками, какими то рязанскими мужиками и бабой, пробиравшимися въ Сибирь къ родственникамъ, ближе къ хлѣбу. Одинъ изъ нихъ старикъ, прожившій въ Петроградѣ въ качествѣ приказчика въ зеленной на Сѣнной площади и купившій послѣ долгихъ лѣтъ упорнаго труда гдѣ то домъ за Вырицой, никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что большевики реквизировали у него этотъ домъ, а его изъ него выгнали. Съ этими спутниками мы случайно встрѣтились по дорогѣ и наняли шедшую въ Сызрань за солью подводу съ тѣмъ, чтобы иногда подсаживаться на телѣгу, но по пескамъ и въ гору былъ уговоръ идти пѣшкомъ.

За нѣсколько десятковъ верстъ до послѣдней деревни, находившейся въ то время въ рукахъ красныхъ, мы справлялись у встрѣчающихся относительно возможности проѣхать въ Сызрань и получали неизмѣнный отвѣтъ, «идите смѣло, никакой задержки по пути нѣтъ».

Однако, при въѣздѣ въ это послѣднее село, за которымъ уже въ 12 верстахъ находились чехи, насъ неожиданно задержалъ разъѣздъ, только что въѣхавшій въ деревню. Послѣ короткаго разговора, осмотра паспортовъ, убѣдившись, что оружія нѣтъ, задержавшій насъ рослый красноармеецъ, повидимому латышъ, разрѣшилъ идти дальше.

Обрадовавшись, мы всѣ усѣлись на подводу и поѣхали рысью, надѣясь до ночи проскочить фронтъ.

Но не тутъ то было.

При поворотѣ въ переулокъ, мы увидали, какъ какія то тѣни замелькали въ окнѣ углового дома и затѣмъ выбѣжавшій на дорогу красноармеецъ приказалъ намъ вслѣдъ остановиться.

Пришлось подчиниться, ибо чувствовалось, что шутить не будутъ. Тогда подошли къ намъ человѣкъ пять вооруженныхъ «товарищей», и одинъ изъ нихъ въ бѣлой папахѣ, на видъ совершенно молодой, съ удивительно ясными голубыми глазами, принялся насъ допрашивать, откуда и куда ѣдемъ, зачѣмъ, кто мы такіе и. т. д. Послѣ предварительнаго допроса, который онъ велъ въ весьма повышенномъ, совершенно не шедшимъ къ его дѣтскому облику, тонѣ, насъ повели въ угловую избу, гдѣ находился штабъ. Тамъ сидѣло и стояло человѣкъ 8—10 красноармейцевъ и ихъ начальникъ, въ гусарскихъ красныхъ чакчирахъ, началъ выслушивать докладъ насъ приведшаго. Въ докладѣ упоминалось, что въ виду полученнаго 2 дня тому назадъ приказа о запрещеніи проѣзда черезъ фронтъ, насъ надлежитъ отправить въ ближайшій штабъ отряда, находившійся въ 50 верстахъ на станціи жел. дороги, лошадь у возчика реквизировать для нуждъ арміи, телѣгу же пусть подводчикъ везетъ на себѣ. При этомъ телѣга называлась все время «повозкой», что показывало, что говорившіе были не изъ этой мѣстности. Начальникъ, однако, не долго нами занимался, его отвлекли вопросами фуража для лошадей, который реквизировался у крестьянъ для только что пріѣхавшаго отряда. Оказалось, что этотъ разъѣздъ въѣхалъ въ село всего за часъ до нашего появленія.

Вмѣсто начальника принялся за насъ матросъ, важно развалившійся и начавшій весь допросъ сначала. Въ концѣ концовъ, не вынеся никакой резолюціи, человѣка четыре пошли обыскивать телѣгу и наши вещи.

Я имъ говорилъ, что ѣду къ семьѣ, находящейся за Волгой, показывалъ паспортъ и удостовѣреніе отъ какой то мастерской, гдѣ раньше я будто служилъ, при чемъ доказывалъ неосновательность нашей задержки, убѣждалъ, что запрещеніемъ проѣзда черезъ фронтъ они подрываютъ отношеніе къ совѣтской власти, ибо при недостаткѣ соли и керосина это запрещеніе будетъ учитываться съ недоброжелательствомъ.

Такіе разговоры были мыслимы еще въ то время!

Доводы мои въ концѣ концовъ подѣйствовали на бѣлокураго, и онъ отступился, сказавъ, что съ его стороны препятствій къ нашему пропуску нѣтъ, и онъ рѣшеніе передаетъ на усмотрѣніе товарищей. Тогда подошелъ къ намъ второй и началъ обыскъ снова, при чемъ снялъ съ меня куртку, обшарилъ карманы, выворотилъ кошелекъ, ощупалъ всего, однако, не взялъ ничего, на что онъ съ гордостью указывалъ.

Во время этого обыска слышно было, какъ одинъ изъ красноармейцевъ говорилъ другому: а, можетъ быть, и правда, что пролетарій, отпустимъ ихъ. Они вообще на меня, какъ на самаго молодого, обращали вниманіе больше. А, можетъ быть, и физіономія моя казалась имъ болѣе подозрительной.

Въ итогѣ, на четвертомъ допрашивающемъ насъ, было рѣшено въ виду поздняго времени задержать, а утромъ уже рѣшить, что дѣлать съ нами. Послѣ этого отвели насъ въ избу какого то чувашина (село оказалось чувашскимъ), гдѣ и предложили расположиться. Караульнаго не приставили, а только съ вечера раза два къ намъ понавѣдались.

Вскорѣ послѣ того какъ стемнѣло, стало слышно пѣніе со стороны штабной избы, стали раздаваться выстрѣлы, бѣшеный лай собакъ. Оказалось, красноармейцы достали самогонки и загуляли. Пѣніе продолжалось довольно долго и только начавшійся дождь загналъ гуляющую публику по избамъ.

Мнѣ, конечно, было не до сна.

Къ утру когда еще было совершенно темно, часа, вѣроятно, въ четыре, я разбудилъ своихъ спутниковъ и сталъ доказывать имъ необходимость немедленно трогаться дальше. Возница, боявшійся реквизиціи лошади, присоединился ко мнѣ и всѣ согласились.

Во избѣжаніе задержки у штаба мы рѣшили проѣхать задами, а ввиду незнанія дороги я началъ уговаривать нашего хозяина, явно несочувствовавшаго краснымъ, проводить насъ до лѣса, начинавшагося верстахъ въ четырехъ отъ села. Однако, боязнь отвѣтственности заставила его наотрѣзъ отказать.

Ощущеніе сырости, незнаніе мѣстности, возможность быть вновь задержаннымъ патрулями красныхъ, было весьма непріятно. Въ каждомъ кустѣ, каждой точкѣ чернѣющейся на начинающемся свѣтиться горизонтѣ, чудился верховой.

Лошадь мы гнали, насколько могли, но, благодаря грязи, пришлось все же идти пѣшкомъ. Черезъ нѣкоторое время, уже недалеко отъ лѣса, мы нагнали какія то подводы. Это оказался довольно большой обозъ, шедшій съ бѣженцами изъ гор. Кузнецка Саратовской губерніи, откуда они бѣжали со своимъ скарбомъ ввиду происшедшаго налета на городъ анархистовъ, сопровождавшагося страшно кровавой бойней.

Всѣ эти бѣженцы стремились на востокъ, думая найти убѣжище и безопасность у чеховъ.

Узнавъ отъ насъ, что мы вырвались отъ краснаго разъѣзда, весь этотъ обозъ, растянувшійся на порядочное разстояніе, всполошился, дремавшіе люди встрепенулись и, въ испугѣ повторяя «красные, красные», начали стегать лошадей; пассажиры спѣшились и бѣжали рядомъ съ телѣгами. Картина была до того курьезная, что, не смотря на довольно серьезное положеніе, безъ смѣха нельзя было смотрѣть на эту растянувшуюся по дорогѣ ленту лошадей телѣгъ и бѣгущихъ, съ поднятыми на голову подолами отъ шедшаго довольно сильнаго дождя, людей.

Какъ вся эта компанія проскочила мимо заставъ, одинъ Богъ знаетъ. Вѣроятно, загулявшіе съ вечера красноармейцы подъ утро крѣпко заснули и прозѣвали обозъ.

Добравшись до лѣса, тянувшагося до села, занятаго по слухамъ чехами, верстъ на шесть, мы вздохнули свободнѣе. Тутъ уже легче намъ было спастись, свернувши въ нужный моментъ съ дороги въ чащу. Однако, опасенія оказались напрасными и мы никакихъ разъѣздовъ или дозоровъ болѣе не встрѣчали.

Въ деревнѣ, находящейся на чешской сторонѣ, тоже никакихъ дозоровъ не оказалось и только уже дальше, верстахъ въ 25 за этимъ селомъ, намъ попались двое верховыхъ съ бѣлой повязкой на рукавѣ, принадлежавшихъ къ составу народной арміи, собственно же чеховъ не было въ этомъ раіонѣ совсѣмъ.

Приближаясь къ Сызрани, мы видѣли въ сторонѣ линіи желѣзной дороги, какъ вышедшій броневой или просто вооруженный поѣздъ обстрѣливалъ шедшій на встрѣчу паровозъ красныхъ. Какихъ нибудь частей войскъ мы не встрѣчали по дорогѣ совершенно.

Впечатлѣніе было такое, что идетъ споръ за обладаніе полотномъ желѣзной дороги и занятіе или оставленіе деревень происходило исключительно по этимъ соображеніямъ. Населеніе къ бѣлымъ или, какъ оно говорило, къ «чекамъ» было благожелательно и только мѣстами говорили, что бѣлые уже нѣсколько мѣсяцевъ не платятъ добровольцамъ жалованія. За то указывалось на обиліе на Волгѣ продуктовъ, бѣлаго хлѣба, на свободную торговлю, и послѣдняя, въ особенности, казалась населенію цѣнной.

Такимъ образомъ, я добрался на 12 день на Волгу. Это было 6 сентября по старому стилю.

При въѣздѣ у насъ спросили документы, но это дѣлалось болѣе для формальности.

Вообще картина представлялась отнюдь не боевой, и жизнь во всемъ этомъ раіонѣ имѣла самый мирный, безразличный характеръ.

У БѢЛЫХЪ

Если прилегающая мѣстность къ Сызрани не была занята войсковыми частями и не имѣла вида театра военныхъ дѣйствій, то самъ городъ Сызрань былъ настоящимъ военнымъ лагеремъ.

Вся власть, какъ въ городѣ, такъ и на станціи желѣзной дороги, была въ рукахъ чехо-словаковъ, образовавшихъ свои штабы, комен-

датуры, контръ-развѣдки. Русскія части были въ этотъ моментъ на фронтѣ и жизнь населенія руководилась чехами.

Порядокъ въ городѣ былъ сравнительно хорошій, т. е. никакихъ, поражающихъ глаза, ненормальностей или уклоненій отъ общаго типа прежней жизни русскихъ городовъ замѣтно не было. Въ магазинахъ товары были, продажа съѣстными продуктами шла вездѣ. На базарѣ на площади, въ лавкахъ по городу, можно было видѣть и бѣлый хлѣбъ, и сливочное масло и при томъ по весьма недорогимъ цѣнамъ. Урожай 1918 года былъ очень хорошій и потому недостатка продуктовъ при свободной торговлѣ не было.

Ощущеніе возможности ходить, свободно ходить по городу, быть равноправнымъ съ другими гражданами, послѣ порядковъ Совдепіи, было исключительно пріятное, и кто не пережилъ этого контраста между моральной подавленностью и внѣшней, хотя бы, свободой передвиженія по городу, соединенной съ чувствомъ защиты и возможностью искать ее у властей, вѣроятно, не пойметъ переживаемаго мной въ тотъ моментъ.

Но въ это время населеніе уже переживало непріятные дни, такъ какъ послѣ паденія Казани, Симбирска, Хвалынска фронтъ сталъ постепенно приближаться и къ Сызрани. Появились слухи о продвиженіи красныхъ на степномъ берегу Волги, въ предѣлахъ Николаевскаго уѣзда. Рѣчная Волжская флотилія вела въ эти дни бои съ красными пароходами всего въ 30—70 верстахъ по рѣкѣ къ низу и, въ виду серьезности положенія, было отдано распоряженіе рыть окопы вокругъ Сызрани. Для этой цѣли было мобилизовано населеніе, и можно было видѣть лавочниковъ и мѣстныхъ буржуевъ, нанимающихъ для работы за себя охотниковъ изъ чернорабочаго люда, на что стояла цѣна около 12 рублей за день.

Сдавать Сызрань врагу, видимо, въ разсчетъ чеховъ не входило и потому принимались мѣры для ея удержанія.

Сызрань, какъ охранявшая подступы къ Александровскому желѣзнодорожному мосту черезъ Волгу, имѣла большое значеніе, такъ какъ съ отдачей его, невозможно было бы удержать Самары и вообще всего лѣваго берега.

Однако, слухи о неудачахъ ползли, съ Волги передавали о происходящихъ перестрѣлкахъ пароходовъ и по наименованіямъ селъ было видно, что красные имѣютъ успѣхъ. Населеніе, т. е. та часть его, которая не желала оставаться въ рукахъ красныхъ, стала собираться за Волгу.

Въ первый же день своего пріѣзда въ Сызрань, я случайно встрѣтилъ въ чешской контръ-развѣдкѣ двухъ своихъ пріятелей изъ анти-большевистской организаціи, бѣжавшихъ, какъ оказалось, отъ арестовъ въ тѣ же дни, что и я.

Въ виду нахожденія штабовъ и центра власти въ Самарѣ мы втроемъ рѣшили двинуться туда. Пришлось брать у чеховъ пропускъ на проѣздъ и, получивъ его, мы отправились на пароходную пристань, гдѣ очередного парохода пришлось ждать ровно сутки, ибо на только что ушедшій мы опоздали.

Волга представляла изъ себя тихое зрѣлище; и кто ее помнилъ по экскурсіямъ довоеннаго времени, дававшимъ такое наслажденіе и отдыхъ всѣмъ городскимъ жителямъ, теперь не узналъ бы ея. Она была совершенно мертва. У пристаней стояло нѣсколько маленькихъ буксировъ и съ

десятокъ баржей. Часть баржей, пришедшихъ при насъ съ верху, была полна бѣженцами западныхъ губерній, попавшихъ еще на Волгу въ теченіе 15—16 г.г. На эти баржи они были посажены не то въ Казани, не то въ Симбирскѣ еще при весеннемъ владычествѣ большевиковъ для отправки ихъ на родину, а ввиду мѣшавшаго по дорогѣ фронта, ихъ направили на Саратовъ, откуда, якобы, они должны были ѣхать по жел. дор. дальше. Судьбы этихъ несчастныхъ я не знаю, но видъ ихъ и положеніе было ужасное, болѣе чѣмъ тяжелое.

7-го вечеромъ я со своими спутниками попалъ на шедшій вверхъ пароходъ и 8-го сентября по старому стилю мы добрались до Самары.

Самара кипѣла народомъ. Мѣста, гдѣ можно было бы остановиться, абсолютно не было. Гостинницы были всѣ переполнены. Въ конечномъ итогѣ, послѣ долгихъ скитаній, случайно, въ одной изъ грязныхъ, находящихся на берегу Волги у пристаней гостинницъ, намъ сказали, что мѣсто можно найти на пароходахъ, находящихся въ распоряженіи комендатуры рѣчной флотиліи.

Отправившись на пароходъ «Харьковъ», стоявшій у пристани «Кавказъ и Меркурій», я нашелъ штабъ боевой флотиліи; тамъ я встрѣтился со знакомыми моряками, тутъ же давшими намъ пріютъ на одномъ изъ пароходовъ, гдѣ мы и прожили до момента эвакуаціи Самары. Вскорѣ насъ зачислили въ списки флотиліи, давъ мнѣ напр. работу по службѣ связи съ береговыми учрежденіями и штабомъ сухопутныхъ войскъ, гдѣ у меня оказались сотрудники по анти-большевистской работѣ.

Военное Управленіе области было раздѣлено между чехо-словацкимъ командованіемъ (державшимъ въ своихъ рукахъ главное командованіе и управленіе по оперативной части, желѣзнодорожное сообщеніе съ телеграфомъ) и штабомъ народной арміи.

Народная армія была организована на добровольческихъ началахъ, при чемъ обязательность службы была объявлена на 3 мѣсяца. Офицерство было мобилизовано. Во главѣ народной арміи стоялъ полковникъ Галкинъ, находящійся до освобожденія Самары въ конспиративной организаціи, поднявшей при приближеніи чехо-словаковъ возстаніе.

Части, входящія въ составъ народной арміи и находящіяся на фронтѣ, состояли изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ отрядовъ или группъ. Во главѣ этихъ отдѣльныхъ группъ въ теченіе лѣта и осени 1918 года между прочими находились: полковникъ генеральнаго штаба Махинъ, тяготѣвшій къ эс-эрамъ и командовавшій отрядомъ, оперировавшимъ къ югу и юго-востоку отъ Самары; затѣмъ, капитанъ Степановъ, оперировавшій подъ Казанью; подполковникъ ген. штаба Каппель на Бугульминской жел. дор.; Волжской флотиліей командовалъ мичманъ Ершовъ, Камской — капитанъ 2-го ранга Феодосьевъ; были еще отдѣльныя части Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ. Самой популярной частью изъ вышеназванныхъ былъ безспорно отрядъ Каппеля. Каппелевцы признавались всѣми самой стойкой и цѣльной частью, они позже безъ перерыва защищали позиціи вплоть до паденія Уфы при необычайно тяжелыхъ условіяхъ, почти раздѣтыми при сильныхъ морозахъ, и своимъ поведеніемъ внесли не одну красивую страницу въ борьбу за освобожденіе родины.

Вообще почти всѣ, какъ стоящіе во главѣ боевыхъ частей, такъ и сами части вели себя съ большой доблестью.

Во главѣ чехо-словаковъ стоялъ полковникъ Чечекъ который и считался главнокомандующимъ всѣми военными силами.

Къ моменту борьбы, въ которой я принялъ участіе, начался періодъ неудачъ. Занявъ на сѣверѣ Казань и Симбирскъ, а на югѣ Хвалынскъ, красные перешли за Волгу и своимъ движеніемъ на Николаевскъ и Самару обнаруживали стремленіе перерѣзать Самаро-Златоустовскую линію желѣзной дороги, отрѣзавъ Самару.

Одновременно красные двигались отъ Симбирска по правому берегу Волги, угрожая отрѣзать Сызрань, а съ сѣвера изъ Казанскаго раіона отъ Чистополя нажимали на ст. Нурлаты — Бугульминской жел. дороги.

Народная армія оказалась не стойкой, частью изъ за плохого обмундированія и полнаго недостатка снаряженія, пополнявшагося исключительно отбираніемъ его отъ красныхъ въ бою, частью же благодаря неспайкѣ фронтовыхъ отрядовъ, формировавшихся по случайнымъ признакамъ, съ пріемами временъ Керенскаго, что, конечно, устойчивости и боеспособности не давало.

Вслѣдствіе этого, несмотря на весьма низкое состояніе тогда красной арміи, бывшей лишь въ стадіи формированія, все же преимущество оказалось на сторонѣ послѣдней.

Чехо-словацкій корпусъ, проявившій столько доблести въ началѣ лѣта, къ этому времени началъ проявлять усталость; въ существовавшихъ у нихъ при частяхъ комитетахъ появилось разложеніе, начали учащаться случаи неподчиненія боевымъ приказаніямъ, стали обнаруживаться разговоры объ усталости, о нежеланіи воевать за Россію, что является обязанностью самихъ русскихъ и т. д.

Колоссальную роль въ этомъ отношеніи сыграла неустойчивая, колеблющаяся политика Антанты. Съ одной стороны, все говорило, что союзники рѣшили поддержать антибольшевистское движеніе, какъ продолженіе борьбы съ Германіей, и потому поддержка руководителей и лойяльныхъ элементовъ, не допускающихъ пріятіе позорнаго Брестъ-Литовскаго договора, казалась и естественной, и логичной. При этомъ такіе факты, какъ работа французскаго консула (Гине) въ Самарѣ, позиція англичанъ (сэра Эліота, Нокса) и японцевъ во Владивостокѣ и на Дальнемъ Востокѣ, высадка дессанта на Мурманѣ, поддержка арміи ген. Алексѣева, говорили за желаніе союзниковъ оказывать помощь въ этой борьбѣ, и потому распространявшіеся по городу слухи, какъ напримѣръ, слухъ объ ожидаемомъ на дняхъ прибытіи тяжелой артиллеріи, снаряженія и т. д. вызывали вполнѣ естественныя надежды, создавая извѣстные разсчеты на эту, казалось, законную въ общемъ дѣлѣ, поддержку.

Одновременно съ этимъ, явное покровительство и имѣющіяся данныя объ активной роли Германіи въ лицѣ гр. Мирбаха, въ связи съ проявленнымъ имъ весной отношеніемъ при разоруженіи чеховъ опредѣленно дѣлило и идеологическую и практическую сторону дѣла на двѣ части: анти-большевистскую съ союзниками, съ одной стороны, и германо-большевистскую, съ другой.

Эта сторона дѣла очень важна и можно видѣть, какъ она проходитъ красной чертой во всемъ послѣдующемъ періодѣ, вплоть до 1920 года.

До чего помощь Германіи большевикамъ считалась безспорнымъ фактомъ, видно хотя бы изъ того, что моментъ происшедшей революціи

въ Германіи, въ ноябрѣ 1918 года, учитывался всѣми дѣятелями бѣлаго движенія и печатью какъ скорый разгромъ красной арміи, остающейся безъ нѣмецкой помощи. Однако, проявленный уже тутъ явный разбродъ мысли и многогранная политика союзниковъ, считавшихъ себя окончательно застрахованными отъ нѣмцевъ, привела къ тому печальному положенію, въ которомъ оказалась Европа въ періодъ послѣ Версальскаго договора, къ гибели стольких русскихъ людей и культурныхъ силъ, къ обезкровленію на долго Россіи.

Это положеніе всецѣло отразилось на чехо-словакахъ, уронило сперва ихъ боеспособность и привело ихъ затѣмъ въ такое состояніе, которое вызвало презрѣніе и негодованіе среди русскихъ въ Сибири и Владивостокѣ. Между тѣмъ, лѣтомъ 18 г. отношеніе къ нимъ было болѣе чѣмъ восторженное и благодарное.

Что касается времени, о которомъ я говорю, то поколебавшаяся дисциплина среди чеховъ привела къ преждевременному оставленію Ставропольскаго раіона (къ сѣверу отъ города Самары), что немедленно отразилось на общемъ положеніи фронта и, въ частности, Самары.

До чего дисциплина поколебалась и до какой степени разложеніе стало прогрессировать, видно изъ того факта, что полковникъ Швецъ, командиръ одной изъ чешскихъ боевыхъ группъ, не перенесъ создавшагося положенія и, незадолго до оставленія Уфы, кончилъ самоубійствомъ. Фактъ этотъ произошелъ въ серьезный моментъ, когда приказаніе его не было исполнено подчиненной ему частью во время сраженія и онъ тутъ же, не выходя изъ вагона, гдѣ находился его штабъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Швецъ считался однимъ изъ выдающихся и лучшихъ чехо-словацкихъ военноначальниковъ.

Говоря объ общемъ положеніи дѣла на волжскомъ фронтѣ, нужно указать, что, при занятіи чехо-словаками Самары, бывшіе въ это время тамъ члены Учредительнаго Собранія Брушвитъ, Вольскій, Фортунатовъ и др. взяли гражданскую власть въ свои руки. Въ скоромъ времени примкнули къ нимъ и другіе ихъ товарищи, выдѣлившіе изъ себя Комитетъ, получившій сокращенное названіе «Комучъ», члены котораго и подѣлили между собой министерскіе портфели. Не останавливаясь на томъ, какъ у нихъ шла работа по управленію области, могу лишь указать, что напр. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ завѣдовалъ Климушкинъ, бывшій въ свое время волостнымъ писаремъ и, конечно, оказавшійся совершенно не подготовленнымъ ко взятымъ на себя обязанностямъ. Что это такъ, видно изъ того, что, несмотря на всю его развязность, ему пришлось обратиться къ бывшему Самарскому губернатору, проживавшему тамъ (кн. Голицыну) за частичными указаніями для дѣлъ, въ которыхъ Климушкинъ запутался.

Само собой понятно, что направленіе «Комуча» было совершенно соціалистическое, ибо почти всѣ члены Учредительнаго Собранія не большевики принадлежали къ партіи эс-эровъ. Знаменательно при этомъ, что одновременно съ Комучемъ существовалъ въ городѣ «Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ».

Изъ состава учредильщиковъ главное участіе принимали: Вольскій (прис. повѣренный изъ Твери), Фортунатовъ и Климушкинъ отъ Самары (первый штабсъ-капитанъ), Авксентьевъ (отъ Пензы), Лебедевъ (б. Морской

министръ временъ Керенскаго), Брушвитъ, Федоровичъ и кое-кто другіе, фамиліи которыхъ сейчасъ не помню. Лебедевъ больше разъѣзжалъ по фронту. Отличался еще нѣкій Мейстрахъ, выступавшій въ Самарѣ по сбору денегъ на нужды анти-большевистской работы. Этотъ Мейстрахъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ теченіе слѣдующаго лѣта (1919 г.) онъ уже при большевикахъ занимался усиленной критикой работы Комуча, писалъ ярыя статьи въ Самарской красной печати въ защиту совѣтской власти, однимъ словомъ, продался ей совсѣмъ, принеся повинную за свою дѣятельность.

Викторъ Черновъ появился только къ концу августа и, конечно, былъ принятъ учредилкой нескончаемыми оваціями, занявъ мѣсто предсѣдателя. Общее число учредильщиковъ къ этому времени, если не ошибаюсь, достигало 70.

Какъ велось дѣло, а также всѣ тонкости, тренія и отдѣльные эпизоды, довольно трудно теперь вспомнить. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, событія же слишкомъ быстро мѣнялись, причемъ они развертывались около фронта и потому услѣдить за всѣмъ было очень трудно.

Однако, какъ на характерный фактъ отношенія гражданской власти къ военной, можно указать на то, что при начальникѣ штаба народной арміи полковникѣ Галкинѣ былъ приставленъ въ качествѣ его помощника (по крайней мѣрѣ, такъ говорили среди военныхъ) нѣкій поручикъ Взоровъ, партійный с. р. (мало похожій съ виду на офицера), на обязанности котораго лежалъ надзоръ за работой Галкина и чиновъ его штаба и не допущеніе проявленія контръ-революціи въ командованіи. Онъ ни минуты не оставлялъ Галкина одного, и, даже при пріемахъ постороннихъ, фигура Взорова неотступно слѣдовала по пятамъ Галкина, обходившаго пріемную залу.

Насколько позиція учредильщиковъ сдѣлалась среди военныхъ непопулярной, видно изъ того, что многіе изъ офицеровъ въ прилегающихъ къ Волгѣ мѣстностяхъ (я слыхалъ это незадолго до бѣгства своего къ чехамъ), предпочитали идти на югъ въ добровольческую армію, не смотря на ея отдаленность, а не въ народную, въ надежность которой не вѣрили, усматривая въ общемъ курсѣ политики опредѣленное партійное теченіе.

Въ началѣ, по освобожденіи Самары, какъ говорили, этого не было замѣтно, но чѣмъ дальше, тѣмъ нагляднѣе начала проскальзывать та тенденціозность, которую особенно ярко проводилъ предсѣдатель комитета учредительнаго собранія — Вольскій въ своихъ крикливыхъ, полныхъ демагогіи воззваніяхъ.

Въ конечномъ итогѣ, крѣпкой арміи создать не удалось, чехо-словакамъ сражаться надоѣло и, вмѣсто движенія на Москву (на чемъ настаивали въ своихъ сношеніяхъ агенты Антанты), начался общій отходъ, рядъ неудачъ. Сперва пали Симбирскъ и Казань, немного погодя отдали Вольскъ и Хвалынскъ, затѣмъ стали очищать Сызранскій раіонъ, а потомъ Самарскую и Уфимскую губернію. Такъ блистательно начатая операція, на которую возлагали надежды мыслящіе, остававшіеся въ Россіи круги, постепенно начала сходить на нѣтъ. Единственный отрядъ крѣпко державшійся, и отступавшій шагъ за шагомъ съ боемъ — былъ отрядъ доблестнаго полковника Каппеля.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что въ теченіе лѣта, какъ отряды чеховъ, такъ и народной арміи проявляли чудеса храбрости и

самоотверженія. Но общая обстановка въ связи съ неоказаніемъ помощи союзниками, неправильной позиціей партійныхъ руководителей, не сумѣвшихъ поддержать главную опору арміи — офицеровъ и не полученіемъ съ другой стороны серьезной, длительной помощи и сочувствія у крестьянства, дала возможность большевикамъ не только занять Приволжскій районъ, но даже продвинуть свой фронтъ на 60 верстъ за Уфу.

Отношеніе населенія къ бѣлому движенію я бы охарактеризовалъ такъ: наступающія, освободительныя части встрѣчались вездѣ восторженно. Городское населеніе — мѣщанская, чиновничья часть его, пригородъ чаяли получить усиленное продовольствіе, свободную торговлю, извѣстный порядокъ стараго уклада, личную безопасность. Однако, невозможность удовлетворить всѣ эти чаянія и надежды дѣлало городское населеніе пассивнымъ къ борьбѣ.

Крестьянское населеніе въ своей массѣ относилось съ мѣста болѣе инертно, какъ вообще болѣе недовѣрчивое, менѣе къ тому времени пострадавшее отъ краснаго режима, чѣмъ городское, и, кромѣ того, боявшееся до извѣстной степени отвѣтственности за учиненные имъ грабежи и самовольство. Не малую роль, конечно, играли и репрессіи, производимыя красными въ случаѣ ихъ успѣха. Кромѣ того въ Самарскихъ степяхъ, большевики къ тому времени своей власти вполнѣ проявить еще не успѣли, а степное населеніе, какъ я буду имѣть еще случай указать впослѣдствіи, до извѣстной степени всегда было склонно къ анархіи или, вѣрнѣе, нежеланію подчиняться властямъ.

Если меня спросили бы, въ чемъ разница между народной и красной арміями, и почему въ то время, въ первый періодъ борьбы, преимущество оказалось у красныхъ, я бы кромѣ вышеуказанныхъ причинъ указалъ бы на слѣдующее: преимущество красной арміи заключалось въ томъ, что она опиралась, какъ ни какъ, на нѣкоторыя организованныя части (напр. латышскія, красногвардейскія, матросскія и другія), либо не потерявшія офицерскій кадръ, либо уже испытанныя, спѣвшіяся въ своихъ дѣлахъ, состоявшія изъ фанатичныхъ, искренно увлекающихся, распропагандированныхъ людей оказывающихъ потому огромное сопротивленіе. Кромѣ того, эти части, какъ ни какъ, были хорошо снабжены и экипированы.

Народная армія этихъ свойствъ не имѣла. Достаточно указать на различную идеологію ея элементовъ, не понимавшихъ военнаго духа, не дававшихъ возможности спаяться, а затѣмъ и на отсутствіе, какъ административнаго аппарата, такъ и воинскаго снаряженія, въ особенности, винтовокъ. Кромѣ того, большевики принуждали выполнять намѣченное, не стѣсняясь средствами, здѣсь же думали о правахъ, демократическихъ требованіяхъ, искали поддержки у людей мягкихъ по своему существу. Послѣднее относится ко всему бѣлому движенію, за весь періодъ этихъ 2 лѣтъ.

Народная армія держалась пока были чехо-словаки, служившіе извѣстной канвой, но какъ только сдали они, то все остальное, руководимое партійностью, неопытными людьми — начало распадаться. А условія начала борьбы, въ первой ея стадіи, были во всѣхъ отношеніяхъ весьма благопріятны. При всемъ этомъ, среди руководителей и въ управленіи бѣлыхъ было много авантюристовъ, а также людей, стремящихся вводить немедленно порядки и нормы правового уклада, что, конечно, послѣ пережитого было невозможно

Въ лучшемъ положеніи была Сибирская армія, заслоненная отъ Москвы Волжскимъ фронтомъ; она вела у себя борьбу не всѣми кадрами сразу, почему смогла сорганизовать ядро, удержавшее въ итогѣ красныхъ на Уралѣ, и даже взять къ веснѣ 1919 года иниціативу въ свои руки. Разложилась она лишь послѣ затяжки гражданской войны, вслѣдствіе атаманческихъ тенденцій, руководящихся лишь мѣстными цѣлями, а также эсэровской большевистской разрушительной работы въ тылу, по всей необъятной Сибири.

Казачьи войска, какъ болѣе однородныя, оказались болѣе способными для борьбы, и городъ Уральскъ, напримѣръ, гордился, что онъ не зналъ большевистскаго режима и системы вплоть до весны 1919 года, то есть $1^1/_2$ года послѣ 25 октября. Но отсутствіе снаряженія погубило и его.

Вернемся, однако, къ описываемому мною времени.

Дѣла Волжскаго фронта, какъ я упоминалъ, стали къ этому времени все ухудшаться. Въ послѣднихъ числахъ сентября по н. ст. пала Сызрань и, несмотря на уничтоженіе одного ихъ пролетовъ Александровскаго, желѣзнодорожнаго моста, наступленіе большевиковъ развивалось, въ результатѣ чего, въ первыхъ числахъ октября, рѣшено было оставить Самару.

Я былъ по эвакуаціи штаба рѣчной флотиліи оставленъ для связи штаба арміи съ пароходами, державшими линію фронта вверхъ и внизъ по Волгѣ. Въ городѣ въ это время уже чувствовалось нервное напряженіе, появились кучки шушукающихся, ночью раздавались по улицамъ выстрѣлы, а затѣмъ уже начались грабежи складовъ пристаней на Волгѣ, оставшихся къ этому времени безъ хозяевъ.

6-го октября, въ воскресенье, остатки войскъ двинулись по направленію ст. Кинель, находящейся въ 40 верстахъ къ востоку отъ Самары. Къ вечеру сложился и штабъ народной арміи, передавъ защиту города полковнику Махину, только что вернувшемуся съ южной линіи фронта.

Грохотъ орудій въ этотъ великолѣпный лѣтній день, отдѣльныя части съ обозами, тянувшіяся по улицамъ города, которыя были полны народа, усиливали напряженность момента. Но радости на лицахъ я не видалъ. Чувствовалась у большинства тревога, какъ отъ неизвѣстности, такъ и отъ связанныхъ съ перемѣной хозяевъ неизбѣжныхъ репрессій.

Придя на вокзалъ, откуда долженъ былъ отправляться штабъ арміи, я увидѣлъ полную невозможность эвакуироваться съ нимъ. Тогда я рѣшилъ уговорить нѣсколько офицеровъ, не попадавшихъ тоже на поѣздъ, идти самостоятельно по большой дорогѣ догонять свои части. Мнѣ, прошедшему передъ этимъ почти что 400 верстъ, это путешествіе казалось пустяшнымъ, тѣмъ болѣе, что дивная погода способствовала этой прогулкѣ.

Взявъ винтовку и мѣшокъ со смѣной бѣлья за плечи, мы двинулись въ путь. Настроеніе было хорошее, вѣрилось въ правоту дѣла, рисовалось, что все происходящее плодъ какого то недоразумѣнія, и лишь тревожила оттяжка освобожденія Россіи, гдѣ томились несчастные оставшіеся подъ игомъ негодяевъ и грабителей, калѣчившихъ страну во имя своихъ интернаціональныхъ экспериментовъ.

Пройдя Бугурусланскимъ трактомъ верстъ 15, мы подошли къ полотну Самаро-Златоустовской жел. дороги, по которой проходили каждые $^1/_4$ часа эшелоны изъ Самары.

Желѣзно-дорожное сообщеніе было, какъ я указывалъ выше, въ рукахъ чеховъ и потому, естественно, они заботились сперва объ эвакуаціи своихъ, отстраняя и мало интересуясь нуждами русскихъ. Въ особенности трудно было жителямъ, стремящимся къ выѣзду и не могущимъ получить мѣста въ поѣздахъ и потому принужденнымъ выбираться изъ Самары самыми разнообразными способами. Но интересно было то, что настроеніе бѣженцевъ было такое, что будто они оставляютъ насиженныя мѣста на 2—3 недѣли и потому большинство ѣхало налегкѣ. Я знаю людей, зимовавшихъ затѣмъ въ Сибири, оставившихъ даже теплую одежду дома, и бѣдствовавшихъ потомъ отъ холода.

Но сравнительно жители Самары и Сызрани все же эвакуировались съ большимъ удобствомъ, чѣмъ, напримѣръ, жители Казани, которымъ пришлось бросить городъ неожиданно въ теченіе 2-хъ часовъ и бѣжать пѣшкомъ, ибо другого сообщенія ни водой, ни желѣзной дорогой, не было. Однихъ бѣженцевъ изъ Казани, по большевистскимъ свѣдѣніямъ, насчитывалось 78 тысячъ. Путь, какъ говорятъ, между Казанью и Лаишевымъ (на Камѣ) представлялъ изъ себя черную ленту отъ массы людей тянувшихся по дорогѣ. Бѣдствовали эти люди ужасно, ибо хлѣба или, вообще, питанія получить въ селахъ почти было нельзя. Отъ Лаишева ихъ везли на баржахъ до Уфы, что также принесло много горя, но страхъ передъ властью красныхъ, уже разъ пережитой, гналъ этихъ несчастныхъ, хоть на край свѣта.

Добравшись 7-го до Кинели, я разыскалъ эшелонъ Волжской флотиліи и кое какъ пристроился къ нему. Движеніе по жел. дорогѣ было трудное; недоставало паровозовъ и потому всякій эшелонъ, заполучившій таковой, тутъ же и ставилъ на него часовыхъ съ винтовками, дабы не завладѣлъ имъ кто либо другой.

Эвакуація вообще дѣло трудное, а тутъ при плохо функціонирующемъ аппаратѣ, массѣ хозяевъ, недостаткѣ всего, дѣло шло изъ рукъ вонъ плохо и, кромѣ того, каждая часть стремилась захватить, какъ можно болѣе вагоновъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ не принимать къ себѣ постороннихъ. Въ вагонахъ можно было напр. видѣть жел. дорожныхъ служащихъ вывезшихъ изъ Сызрани все свое имущество, вплоть до рогатаго скота, — рядомъ же военныя части оставались безъ мѣста.

Чехи въ этомъ отношеніи побили рекордъ. Они захватили подвижной составъ, расположились жить въ немъ съ большимъ комфортомъ, поставили кровати съ пружинными матрацами и такъ прочно засѣли въ нихъ, что и въ слѣдующій періодъ не оставили вагоновъ, загромоздивъ, въ особенности въ теченіе слѣдующей зимы, всѣ станціи Сибирской желѣзной дороги своими эшелонами, и не уступая недостающаго для транспорта подвижного состава. Ихъ эшелоны можно было узнать по различнымъ украшеніямъ и эмблемамъ, вывѣшеннымъ на дверяхъ теплушекъ. Вели они себя, конечно, полными хозяевами.

Эшелонъ флотиліи, въ который я попалъ, двигался съ трудомъ. На всѣхъ станціяхъ были постоянныя задержки. То пропускали какой-либо спеціальный поѣздъ, то еще что-либо мѣшало. Въ итогѣ съ большимъ трудомъ добрались мы на 12-й день до Челябинска. Тутъ начались хлопоты о пропускѣ эшелона въ другое царство, въ Сибирь. Что это совсѣмъ другой раіонъ, что это чужое владѣніе, не входящее въ составъ

Самарской области, говорило все. Офицерство на станціяхъ и въ эшелонахъ мечтало уѣхать въ Западную Сибирь, гдѣ, какъ имъ казалось, нѣтъ партійнаго начала, гдѣ крѣпка работа практическаго Сибирскаго Правительства. Поднимало духъ въ средѣ моряковъ, въ которой я былъ, свѣдѣніе о пріѣздѣ съ Дальняго Востока въ Омскъ адмирала Колчака.

Но общій выводъ былъ тотъ, что Самарскія неудачи надо приписывать исключительно тенденціозному веденію дѣлъ и партійному составу с. р. правительства, рѣшившему скорѣе предать дѣло, чѣмъ отступить отъ своихъ соціалистическихъ идеаловъ.

Всей подоплеки, конечно, никто не зналъ и общая обстановка была неясна, въ особенности нашему брату, жившему и питавшемуся слухами, а не подлинными данными, но всѣмъ военнымъ казалось, что давно желаемому и требуемому природой вещей — установленію твердой власти сознательно мѣшаетъ курсъ партіи Чернова, предавшей въ свое время и Корнилова, и всю Россію. Пусть это былъ психозъ, несоотвѣтствіе дѣйствительности, но оно характерно съ той точки зрѣнія, что вѣдь одни военные кадры могли противостоять краснымъ: они являлись реальной силой и неумѣніе на нихъ опереться лежитъ на отвѣтственности «Комуча». Однимъ словомъ, у всѣхъ была вѣра въ Сибирь и стремленіе попасть въ тѣ ряды, гдѣ рисовалось нѣчто другое, сильное, могучее, идущее по пути спасенія родины. Въ это время Сибирская армія не только не сдала, какъ народная, а наоборотъ вела бои съ успѣхомъ, да и видъ ея частей формировавшихся и обучавшихся повсемѣстно, начиная съ Челябинска, невольно бодрилъ, говоря объ успѣхѣ и правильности взятой линіи.

Здѣсь приходится немного остановиться на окончившемся къ этому времени Уфимскомъ совѣщаніи.

Не пытаясь дать подробной картины политическаго положенія, предшествовавшаго этому этапу историческихъ событій, я остановлюсь лишь вкратцѣ на образованіи власти Временнаго Правительства или, какъ ее называли, Директоріи.

Какъ извѣстно, одновременно съ образованіемъ правительства изъ членовъ Учредительнаго Собранія въ Самарѣ, возникло самостоятельное Западно-Сибирское правительство въ Омскѣ, Дерберское и Хорватское на Дальнемъ Востокѣ, казачьи — на своихъ войсковыхъ земляхъ.

Въ Западной Сибири было создано многое въ смыслѣ укрѣпленія государственныхъ началъ въ теченіе перваго лѣтняго періода: правительство успѣло сорганизоваться изъ людей дѣла и взяться за него твердо. Вологодскій, ставшій во главѣ его, Михайловъ, Гришинъ-Алмазовъ, Бѣловъ и другіе, работая настойчиво, сумѣли создать крѣпкую армію, освободившую Сибирь до Байкала, и въ то время, какъ Народная армія уже стала разлагаться, Сибирская была только на пути къ своему развитію.

Во всякомъ случаѣ, на Волгѣ изъ приходящихъ газетъ, а также по слухамъ чувствовалось, что именно въ Сибири растетъ нѣчто здоровое и надежное. Отношенія между Самарскимъ и этими правительствами были не особенно дружныя; центры дѣятельности были отдалены и между областями чуть ли ни была таможенная граница (въ Челябинскѣ).

Однако, къ концу лѣта стало яснымъ, что нѣсколько правительствъ существовать рядомъ не могутъ, тѣмъ болѣе, что Владивостокъ являлся единственной для всѣхъ базой питанія, и потому надо было искать какого-нибудь начала для сближенія и общей работы. Это совпало съ очищеніемъ отъ красныхъ всей Сибирской линіи до Тихаго океана включительно. Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было созвать совѣщаніе въ Уфѣ. Конструкція его сейчасъ у меня ускользаетъ, но, насколько помню, на немъ участвовали представители всѣхъ почти правительствъ, какъ казачьихъ, такъ и другихъ, представители политическихъ партій и національностей, члены профессіональныхъ союзовъ, учредиловцы, промышленники и союзъ землевладѣльцевъ. Въ итогѣ, была выбрана Директорія изъ 5 членовъ и столько же къ ней замѣстителей. Это были: ген. Алексѣевъ, Чайковскій, Астровъ, Авксентьевъ, Вологодскій и кандидаты: ген. Болдыревъ, Виноградовъ, Аргуновъ, Зензиновъ, проф. Сапожниковъ. Директорія должна была осуществить верховную власть во всей освобожденной области. Къ исполненію должности вступили: проф. Виноградовъ (кадетъ, чл. 3-й и 4-й думы), Авксентьевъ (с. р., бывшій министръ внутр. дѣлъ при Керенскомъ), Зензиновъ и Аргуновъ (оба с. р.), ген. Болдыревъ. Послѣдній принялъ званіе главнокомандующаго всѣми вооруженными силами, взявъ къ себѣ начальникомъ штаба ген. Розанова. Резиденціей сперва намѣчался Екатеринбургъ, однако, неудачи на фронтѣ и отходъ народной арміи принудилъ переѣхать въ Омскъ, хотя это и не соотвѣтствовало желанію директоріи.

22-го октября эшелонъ флотиліи, въ которомъ я находился, прибылъ въ Омскъ. Путь отъ Челябинска до Омска былъ пройденъ нами въ теченіе $2^1/_2$ сутокъ, т.-е. въ 5 разъ быстрѣе предыдущаго равнаго съ нимъ разстоянія. Желѣзнодорожный путь оказался свободнымъ и у всѣхъ отлегло на сердцѣ. Казалось, что первая трудная часть пройдена, что мы вступили во второй фазисъ и окрѣпшей Сибири суждено стать источникомъ возрожденія родины. Какъ ни тяжело теперь вспоминать все прожитое и пройденное за эти 2 года, тѣмъ не менѣе Сибирскій періодъ, казалось, давалъ такія опредѣленныя надежды на возстановленіе нормальной, человѣческой жизни въ Россіи, что и сейчасъ вспоминаешь съ теплымъ чувствомъ это время.

Путь до Омска былъ пройденъ нами быстро и лишь была задержка въ Куломзинѣ (послѣдней станціи передъ Омскомъ), которая, ввиду переполненія тогда уже Омска, пропуска не давала.

Омскъ видомъ войсковыхъ частей производилъ хорошее впечатлѣніе. Можно было видѣть вездѣ по улицамъ города марширующихъ солдатъ, которые выправкой и молодцеватымъ своимъ видомъ говорили о дисциплинѣ и возрожденіи боевой силы, безъ которой явно въ это время Россія возродиться не могла. Это, впрочемъ, относится и къ другимъ городамъ, какъ напр., Челябинску, Кургану, Петропавловску, гдѣ вездѣ шло интенсивное обученіе. По даннымъ штаба Сибирской арміи къ тому времени подъ ружьемъ насчитывалось 105 тысячъ солдатъ и около 5 тысячъ офицеровъ. Эта армія формировалась въ теченіе лѣта 1918 года въ западной Сибири, имѣя первоначально (до Омска) штабъ формированія въ Новониколаевскѣ, состояла изъ 2-хъ призывныхъ возрастовъ и была, въ полномъ смыслѣ этого слова, на высотѣ. По освобожденіи своего края, въ

слѣдующій періодъ, она перешла въ наступленіе и къ Рождеству заняла Пермь, гдѣ взяла въ плѣнъ болѣе 30.000 человѣкъ и огромную военную добычу на заводахъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, при общемъ наступленіи, она продвинулась впередъ, достигнувъ въ конечномъ итогѣ города Глазова Вятской губерніи, и только уже послѣ постигшихъ неудачъ всей восточной арміи, стала отходить назадъ.

Организація Сибирской арміи была построена на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ народной, и въ значительной степени болѣе походила на регулярную. Сибирская армія была очень хороша, пока она состояла изъ однихъ лишь молодыхъ возрастовъ, не бывшихъ раньше на призывѣ, и ея успѣхи подъ Пермью были сказочны. Но тогда уже вопросъ о необходимости пополнять ее, ввиду предстоящихъ задачъ, началъ безпокоить правительство и ясно вырисовывалась опасность, что пополненіе новыми контингентами изъ лицъ болѣе старшихъ возрастовъ, принимавшихъ участіе въ Германской войнѣ, переживших Керенщину и потому въ большей своей массѣ деморализованныхъ, можетъ испортить дѣло.

Для смягченія этого, молодымъ Сибирскимъ генераломъ Пепеляевымъ, героемъ взятія Перми, былъ поднятъ вопросъ о призывѣ сперва сибирской интеллигенціи для составленія изъ нея извѣстной основы, которую можно было бы, въ ближайшемъ будущемъ, пополнить мобилизованными солдатами. Вопросъ этотъ возникъ при участіи общественныхъ круговъ. Онъ былъ обсужденъ всѣми политическими группами, имѣвшимися въ то время въ Омскѣ, послѣ чего былъ внесенъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ и прошелъ. Однако, этотъ планъ въ жизнь не претворился, вслѣдствіе опозданія прибытія обмундированія отъ союзниковъ, а также полученія свѣдѣній о намѣреніи красныхъ перейти въ наступленіе. Послѣднее же обстоятельство было весьма серьезно, ибо при гражданской войнѣ инціатива играетъ несомнѣнно роль гораздо болѣе серьезную, чѣмъ въ обыкновенной, что и слѣдовало учитывать, даже при сознаніи, что своя армія къ этому не готова.

Походъ, какъ извѣстно, начатъ былъ блестяще. Армія, пройдя болѣе 400 верстъ въ теченіе мѣсяца, находилась въ 60 верстахъ отъ Самары и только весенній разливъ заставилъ ее остановиться. Послѣднее обстоятельство ее и погубило, ибо краснымъ удалось, сдѣлавъ отчаянное усиліе, собрать ударныя части со всей Россіи — прорвать фронтъ къ Сѣверу-западу отъ Оренбурга и, вырвавъ иниціативу, остановить дальнѣйшее наступленіе всей огромной арміи, насчитывавшей нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ.

Жизнь въ Омскѣ къ моменту моего туда пріѣзда была не дорога; продукты были въ изобиліи. (Цѣны примѣрно стояли такія: пшеничный хлѣбъ менѣе рубля за фунтъ, масло $3^1/_2$ — 4 рубля за фунтъ, обѣдъ въ ресторанахъ съ неограниченнымъ количествомъ хлѣба 4—5 рублей). Зато съ квартирами было болѣе, чѣмъ трудно. Городъ, вмѣщавшій въ мирное время немного болѣе 100 тысячъ жителей, долженъ былъ принять бѣженцевъ количествомъ превышающимъ 500, и потому буквально нельзя было найти себѣ мѣста. Даже сама директорія, какъ и иностранныя миссіи, помѣщалась въ вагонахъ. Мнѣ пришлось поселиться въ вагонѣ адмирала Колчака, только что пріѣхавшаго съ Востока.

Послѣ переѣзда директоріи въ Омскъ, что произошло, какъ я говорилъ, въ десятыхъ числахъ октября, отношеніе ея къ Сибирскому правительству создались довольно странныя и были мало урегулированы; все время чувствовалось, что роль директоріи какая то вымученная, неестественная. Авторитета власти у нея не было, дѣловитости тоже. Искать объясненія этого надо въ искусственномъ ея созданіи, вынужденномъ компромиссѣ. Надо отмѣтить, что Сибирскіе представители на Уфимскомъ Совѣщаніи порывались неоднократно уѣхать, предвидя, что реальныхъ и полезныхъ результатовъ достигнуто не будетъ. Слишкомъ разно представляли себѣ разрѣшеніе вопросовъ дѣловые сибиряки и, искушенные въ программахъ, члены учредительнаго собранія. Даже главнокомандующій генералъ Болдыревъ и его штабъ не чувствовали себя хозяевами въ своемъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, вся обстановка сложилась неблагопріятно и въ скоромъ времени въ поискахъ выхода изъ создавшагося положенія, а именно, въ 25 числахъ октября, былъ поднятъ вопросъ о реорганизаціи правительства.

Тутъ начинаетъ фигурировать имя адмирала Колчака. Колчакъ появился въ Омскѣ незадолго передъ тѣмъ, проѣздомъ изъ Японіи въ Евр. Россію. Во время остановки своей въ Омскѣ, онъ былъ приглашенъ мѣстными кадетами, съ предсѣдателемъ комитета нѣкимъ Жардецкимъ во главѣ, а также и другими близкими къ нимъ кругами для обсужденія общаго политическаго положенія. Въ конечномъ итогѣ правительствомъ было предложено Колчаку занять сперва постъ морского министра, а черезъ нѣсколько дней и военнаго. Переговоры эти затянулись въ связи съ общей реконструкціей кабинета болѣе, чѣмъ на двѣ недѣли. Вопросъ осложнился тѣмъ, что Колчакъ высказался категорически противъ сохраненія с. р. Роговскимъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ по завѣдыванію полиціей, находя, что Роговскій, какъ членъ партійнаго комитета, не долженъ занимать этой должности, ибо вооруженная сила, каковой является полиція, должна непремѣнно быть въ нейтральныхъ, а не партійныхъ рукахъ. Этотъ фактъ я могу лично удостовѣрить, такъ какъ случайно мнѣ пришлось помогать въ концѣ октября переписывать указанные имъ доводы въ секретномъ письмѣ, адресованномъ на имя генерала Болдырева. Послѣ долгихъ переговоровъ, удалось убѣдить Колчака принять портфели военнаго и морского министра, оставивъ с. р. Роговскаго на мѣстѣ. Его вступленіе въ составъ кабинета, какъ и назначеніе инженера Устругова на должность министра путей сообщенія, считались весьма желательными въ цѣляхъ поднятія извѣстными именами престижа сибирскаго правительства за границей. Въ составъ правительства усиленно приглашался на постъ министра иностранныхъ дѣлъ и кн. Кудашевъ, нашъ посолъ въ Пекинѣ, а также Щепьинъ, совѣтникъ посольства въ Токіо. Однако, эти приглашенія не увѣнчались успѣхомъ, ибо дипломаты наши предпочитали безъ риска, съ комфортомъ, сидѣть въ посольскихъ домахъ.

Такимъ образомъ, было переформировано Сибирское правительство и 6-го ноября оно въ обновленномъ составѣ вступило въ исполненіе обязанностей, имѣя надъ собой въ качествѣ верховной власти — директорію.

Во время существованія директоріи было много толковъ, какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ печати о созывѣ Сибирской об-

ластной думы. Въ конечномъ итогѣ ея работа была признана вредной и было принято компромиссное рѣшеніе о созывѣ ея для объявленія объ ея роспускѣ. Произвести это долженъ былъ предсѣдатель директоріи Авксентьевъ, что и было имъ исполнено въ Томскѣ, кажется, въ концѣ октября, послѣ чего областная дума и не собиралась. Я нарочно объ этомъ упоминаю, ибо въ печати попадаются указанія, что якобы она была распущена Колчакомъ, между тѣмъ, этотъ фактъ произошелъ еще во время директоріи, и кажется, въ тотъ періодъ, когда еще Колчакъ въ составъ кабинета совсѣмъ и не входилъ.

Отношеніе сибирскаго правительства къ директоріи было неясное, но чувствовалось опредѣленно, что искусственное созданіе всей этой комбинаціи тормозитъ созидательную работу. Политика директоріи по отношенію къ лѣвымъ теченіямъ, появлявшимся въ арміи, была явно нерѣшительна, чуть ли не благожелательна. Это отношеніе во всѣхъ кругахъ, мечтавшихъ объ укрѣпленіи и созданіи арміи (что было вообще лейтъ-мотивомъ), вызывало недовольство. Конечно, проявлялось оно болѣе ярко въ военныхъ сферахъ, но и общественные круги опредѣленно выражали свое недовольство, объясняя себѣ подобное поведеніе вр. правительства зависимостью нѣкоторыхъ изъ его членовъ (какъ Зензинова, Авксентьева) отъ партіи с.-р., въ комитетъ которыхъ они входили. Это показываетъ до какой степени вышеупомянутыя лица не отвѣчали моменту. Взявъ на себя такое отвѣтственное дѣло, они не сочли даже нужнымъ хоть на время снять съ себя партійную зависимость. Между тѣмъ, слухи и газеты приходившіе въ Омскъ изъ Екатеринбурга, гдѣ основался Комитетъ Учредительнаго Собранія, говорили опредѣленно о недружелюбномъ его отношеніи къ Омску. Мало того, комитетъ с. р. выпустилъ въ 20 числахъ октября листовки съ призывомъ къ вооруженной борьбѣ и созданію особыхъ с. р. военныхъ частей, какъ для охраны своихъ комитетовъ, такъ и вообще для созданія своихъ военныхъ ячеекъ, т.-е., другими словами, среди антибольшевистскихъ войскъ создавалось разслоеніе въ то время, когда война съ красными еще не была окончена. И на это директорія не только не реагировала, но продолжала сноситься съ Екатеринбургомъ и давать отчетъ о своей дѣятельности центральному комитету партіи с.-р.

Тогда даже самымъ лояльнымъ элементамъ казалось, что дальше идти некуда.

Въ результатѣ, въ ночь на 18 ноября три члена директоріи — Авксентьевъ, Зензиновъ и Аргуновъ, а также тов. министра внутрен. дѣлъ Роговскій были группой офицеровъ во главѣ съ казаками Волковымъ, Красильниковымъ и Катанаевымъ неожиданно арестованы. Молва говорила, что за ихъ спиной якобы принималъ дѣятельное участіе въ арестѣ министръ финансовъ — Михайловъ.

Тотчасъ же, по полученію свѣдѣній о совершившемся, собрался совѣтъ министровъ и, ввиду создавшагося остраго положенія и боязни эксцессовъ въ эту трудную минуту, рѣшилъ, взявъ всю полноту власти въ свои руки, передать ее затѣмъ въ руки военнаго, который только одинъ могъ поддержать порядокъ. Намѣченныхъ кандидатовъ оказалось двое: генералъ Болдыревъ и вице-адмиралъ Колчакъ. Первый получилъ, однако, лишь одинъ голосъ, почему Колчаку была вручена верховная

власть, которую онъ принялъ послѣ блестящей патріотической рѣчи, произведшей огромное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

Арестованныхъ чиновъ директоріи Колчакъ хотѣлъ тутъ же выпустить на свободу, взявъ лишь обязательство съ нихъ о немедленномъ выѣздѣ изъ предѣловъ Сибири, на что, однако, арестованные не согласились, боясь эксцессовъ со стороны военныхъ, настроеніе которыхъ было повышено. Черезъ нѣсколько дней, арестованные подъ иностранной охраной были вывезены въ Китай. Какъ говорятъ, Колчакомъ было имъ ассигновано по 75 тысячъ рублей на дорогу каждому, что по тогдашнему курсу составляло солидную сумму и на иностранную валюту.

Колчакъ, считая недопустимымъ покушеніе на верховную власть, предалъ офицеровъ, произведшихъ «coup d'état», — военному суду, который, однако, вынесъ имъ оправдательный приговоръ.

Конечно, во всемъ этомъ было много неестественнаго, явно несообразнаго и логически непослѣдовательнаго, но не нужно забывать той нервозности, окружающей центръ политической жизни, того недовѣрія, которымъ были проникнуты многіе борющіеся съ большевизмомъ въ то время, и опасеній предательства со стороны лицъ, допустившихъ Ленина, почти безъ сопротивленія, къ власти.

Верховнымъ Правителемъ Колчакъ признанъ былъ окраинами не сразу. Атаманъ Дутовъ, командующій Пріамурскимъ корпусомъ на Дальнемъ Востокѣ, генералъ Ивановъ-Риновъ, атаманъ Анненковъ ему подчинились, генералъ Хорватъ, находившійся въ Харбинѣ, тоже его призналъ, выговоривъ лишь себѣ автономное положеніе и названіе Верховнаго уполномоченнаго. Но атаманъ Семеновъ и Калмыковъ долго боролись противъ его власти, не желая признавать его, и лишь къ лѣту 1919 года этотъ вопросъ уладился, но, конечно, это принесло не мало вреда ходу послѣдующей борьбы. Въ Читѣ была выпущена спеціальная брошюра (изд. русск. патріотовъ) подъ заглавіемъ «Адм. Колчакъ и атаманъ Семеновъ». Одна изъ статей этой брошюры говоритъ объ отношеніи къ Омску. Она озаглавлена «Что дѣлать съ Колчакомъ?» и гласитъ: «Граждане! Теперь тяжелый политическій моментъ и не такимъ грязнымъ и больнымъ людямъ, какъ адмиралу Колчаку, быть нашимъ Верховнымъ Правителемъ . . . Долой его! Самъ Колчакъ — это олицетвореніе честолюбія — добровольно не уйдетъ, нужно его убрать . . . Помните граждане, что съ появленіемъ у власти Колчака большевизмъ уже поднимаетъ голову . . .»

Конечно, такое отношеніе къ центральной власти служить къ ея укрѣпленію не могло.

Само собой понятно, что Колчака не призналъ и комитетъ учредительнаго собранія, но фактически тогда ни территоріи, ни организованнаго аппарата, ни военной силы въ его распоряженіи не было и потому сопротивленіе комитетъ оказывалъ лишь прокламаціями, призывающими къ возстанію.

Структура управленія сложилась слѣдующимъ образомъ: верховная власть была въ рукахъ Верховнаго правителя адмирала Колчака (онъ же былъ и верховнымъ главнокомандующимъ) исполнительная власть оставалась у совѣта министровъ, постановленія котораго утверждались верх. правителемъ. Наложеніе имъ «вето» въ теченіе зимы 18—19 г. было всего лишь 2 раза. Всѣ законоположенія, ассигновки и высшія персо-

нальныя назначенія (кромѣ боевыхъ) проходили черезъ Совѣтъ министровъ. Центръ государственнаго аппарата, нужно сказать, дѣйствовалъ хорошо, конституціонныя гарантіи были на лицо, но на мѣстахъ вліяніе центра чувствовалось слабо; тамъ царилъ произволъ и дѣло абсолютно налажено не было.

Совѣтъ министровъ въ теченіе зимы 18—19 г. былъ съ небольшими измѣненіями слѣдующій: Предсѣдатель совѣта министровъ, онъ же министръ иностран. дѣлъ — П. Вологодскій (быв. с. р., сибирякъ), министръ внутрен. дѣлъ — Гаттенбергъ (безпартійный, быв. страховой агентъ, мировой судья выборовъ 17 г.), министръ финансовъ — Михайловъ (секретарь Шингарева), земледѣлія — Петровъ (безпарт., сибирякъ), мин. продовольствія — Зефировъ (безп., сибирякъ), мин. путей сообщенія — Уструговъ (безп.), юстиціи — Старынкевичъ (бывш. с. р.), государ. контролеръ — Красновъ (соціалистъ), мин. труда — Шумиловскій (с. д.), мин. почтъ и телегр. — Щеслинскій (н. с.), военн. министръ — ген. Степановъ, морск. мин. — адмиралъ Смирновъ. Управляющій дѣлами сов. министровъ — Тальбергъ (к. д.). Изъ сотрудниковъ, игравшихъ болѣе видную роль, можно назвать: доктора медицины изъ Томска — Граціанова (парт. с. д.), — тов. министра внутрен. дѣлъ по завѣдыванію мѣстнымъ самоуправленіемъ, ген. Хорошкина, пом. воен. министра по казачьимъ дѣламъ (с. р.), Мельникова, тов. мин. продовольствія (октябристъ, членъ 3-й думы); Киндякова, завѣд. конозаводствомъ (окт., членъ 3-й думы), проф. Гинса и Сукина, тов. мин. иностран. дѣлъ, Пепеляева, тов. мин. внутр. дѣлъ (к. д.).

Какъ видно изъ перечисленныхъ лицъ, составъ правительства былъ весьма разнороденъ, какъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, такъ и по прежней дѣятельности. При этомъ надо учитывать, что въ Сибири существовало стремленіе къ самостоятельности, и, хотя оно было весьма незначительное, но все же извѣстное вліяніе оно имѣло.

Для выполненія высшей судебной власти и надзора за закономѣрностью дѣятельности правительства, былъ въ январѣ мѣсяцѣ учрежденъ Сенатъ. На его открытіи адмираломъ Колчакомъ и составомъ правительства была принесена торжественная присяга въ вѣрности родинѣ.

Для освѣщенія положенія, возстановленія экономической жизни и разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ, въ области создано было экономическое совѣщаніе, состоявшее изъ правительственныхъ лицъ, представителей промышленныхъ группъ и кооперативовъ. Въ этой работѣ, въ качествѣ замѣстителя предсѣдателя совѣщанія, принималъ участіе быв. государственный контролеръ царскаго правительства — С. С. Феодосьевъ.

На Востокѣ, какъ упоминалось выше, былъ верховный уполномоченный правительства — ген. Хорватъ. При немъ былъ особый Совѣтъ. Хорватъ, какъ извѣстно, игралъ огромную роль на Д. Востокѣ, пользовался большой силой и въ особенности въ началѣ, послѣ переворота 18 ноября, выставлялся группой лицъ, считавшихъ Колчака слишкомъ умѣреннымъ, — въ качествѣ его замѣстителя. Репутаціей онъ пользовался опредѣленно крайне правой; работалъ въ контактѣ съ атаманомъ Семеновымъ и пользовался поддержкой японскихъ круговъ.

При объединеніи власти въ Омскѣ, ввиду всего этого, пришлось встрѣтиться съ этимъ весьма серьезнымъ фактомъ, что Владивостокъ

находился подъ вліяніемъ Хорвата, а онъ былъ нашимъ единственнымъ портомъ съ большимъ количествомъ складовъ самыхъ различныхъ техническихъ и матерьяльныхъ припасовъ, ввезенныхъ туда еще во время германской войны. Снабженіе фронта, такимъ образомъ, зависѣло отъ спокойствія Владивостока и вообще Забайкалья.

Самостоятельное управленіе было еще въ Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ. Управленіемъ вѣдалъ войсковой кругъ изъ выборныхъ отъ станицъ лицъ и выборный же атаманъ. Въ первомъ былъ Дутовъ, во второмъ же они мѣнялись; извѣстны имена Мартынова, Савельева, Толстого. Въ предѣлахъ Уральскаго войска оригинально велась война. Какъ только красные насѣдали, то немедленно призывались всѣ очереди вплоть до стариковъ, но, когда общими усиліями красные изгонялись изъ предѣловъ области, мобилизованные расходились по домамъ, до слѣдующей опасности, когда собирались вновь.

Всѣ эти обстоятельства, сопровождавшія освобожденіе страны отъ большевиковъ, во время которыхъ образовались отдѣльныя мѣстныя правительства, весьма затрудняли развитіе и укрѣпленіе правового государственнаго аппарата, функціонировать которому, основываясь на правѣ и законѣ, было болѣе, чѣмъ трудно. Вѣдь окраины не только не подчинялись признанному ими же Омскому правительству, но даже вступали, какъ напр. атаманъ Семеновъ, въ открытую борьбу, нарушая правильность и планомѣрность политической жизни.

Какъ упоминалось выше, власть на мѣстахъ была поставлена значительно хуже центральной. Правильнѣе сказать: власть центра на мѣстахъ часто совсѣмъ не ощущалась. Представители мѣстной власти вели свою, въ большинствѣ случаевъ крайне вредную, политику. Проявленіе сильной, твердой власти, о которой такъ мечтало населеніе, находившееся подъ игомъ большевиковъ, по освобожденію отъ нихъ области, не ощущалось. Военные отряды, какъ и гражданская власть въ небольшихъ городахъ и мелкихъ мѣстечкахъ, дѣйствовали по своему усмотрѣнію, не руководствуясь ни закономъ, ни часто моральными побужденіями. Съ другой стороны, гдѣ не было твердой военной власти, шла пропаганда большевистскихъ агентовъ; зачастую различные съѣзды кооператоровъ, профессіональныхъ союзовъ, использовывались этими агентами для внесенія раздора и искусственнаго обостренія отношеній.

Вообще, работа по разложенію тыла шла напряженно. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу слѣдующій фактъ: Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1919 года въ политехникумѣ въ Москвѣ собранъ былъ митингъ подъ названіемъ «Колчаковщина», устроенный Мартовымъ, состоящимъ якобы въ легальной опозиціи къ совѣтской власти, и, конечно, съ ея разрѣшенія, если не благословенія. На этомъ митингѣ фигурировалъ только что вернувшійся изъ Сибири меньшевикъ «товарищъ» Голосовъ. Изъ его доклада выяснилось, что онъ былъ командированъ въ Сибирь для образованія объединенныхъ центровъ с. д. (повидимому, интернаціоналистовъ). Лозунгомъ была борьба съ Колчакомъ. Работу свою онъ оцѣнивалъ, какъ весьма продуктивную, указывалъ на увеличивающуюся въ Сибири дороговизну, недочеты, недовольство желѣзнодорожниковъ, на запрещеніе митинговъ, стѣсненіе печати и т. д. Все это докладывалось, какъ будто въ Совдепіи всѣ эти свободы имѣлись на лицо.

Результатомъ подобной работы было нѣсколько возстаній за зиму 18—19 г. и поддержка внутреннихъ фронтовъ. Послѣдніе образовывались изъ оставшихся послѣ очищенія Сибири еще въ теченіе лѣта 18 года, красноармейскихъ бандъ. Ихъ уничтоженіемъ никто не интересовался, и потому, въ очень короткій срокъ имъ удалось сконцентрироваться въ нѣсколькихъ мѣстахъ, образовавъ, такъ называемые, фронты. Въ Енисейской губ. они удачно воспользовались имѣвшимися тамъ латышскими выселками и удобствомъ гористой мѣстности при рѣдкости населенія, почему выбить ихъ оттуда къ нужному моменту оказалось не легкимъ дѣломъ. У Благовѣщенска же оперировалъ отрядъ германскихъ военноплѣнныхъ, численностью въ нѣсколько тысячъ человѣкъ подъ командой полковника бар. Таубе; при неудачахъ этотъ отрядъ уходилъ въ Манджурскія степи. Въ мартѣ 19 года ими были вырѣзаны 2 японскихъ роты, численностью болѣе 300 человѣкъ. Затѣмъ, въ самомъ Омскѣ было два большевистскихъ выступленія, одно 20 декабря 18 г. и другое въ концѣ января 19 г.

Мѣстное самоуправленіе въ видѣ земскихъ учрежденій состояло изъ лицъ выбранныхъ еще во времена Керенскаго. Срокъ ихъ полномочій истекалъ къ январю 1919 г.; въ связи съ этимъ естественно возникалъ вопросъ о допустимости назначенія новыхъ выборовъ; возникали сомнѣнія въ цѣлесообразности въ это трудное время заниматься предвыборной кампаніей. Но, такъ какъ съ мѣстъ стали поступать заявленія о желаніи производства новыхъ выборовъ, то, послѣ обсужденія этого вопроса, они были назначены на начало весны 19 года.

Люди, принимавшіе участіе въ политической работѣ, дѣлились на мѣстныхъ жителей и бѣженцевъ изъ Россіи. Послѣдніе появились въ Сибири съ отходомъ народной арміи съ Поволжья, и были преимущественно дѣятелями средне-волжскихъ губерній. Мѣстныя сибирскія группы кромѣ партійныхъ ячеекъ, существовавшихъ въ Сибири еще въ дореволюціонный періодъ, выступали преимущественно въ кооперативныхъ организаціяхъ, а также казачьихъ объединеніяхъ. Группировки, имѣвшія значеніе въ политической жизни страны и выявлявшіяся въ печати, какъ то кадеты, торгово-промышленники и союзъ возрожденія Россіи, группа Единства, несоціалистическое объединеніе, союзъ кооператоровъ, поддерживали тѣсныя между собой сношенія, объединялись въ блоки, ставя всегда задачей поддержку Колчака, заявляя ему свои взгляды на политическое положеніе и указывая на необходимыя коррективы. Вообще, надо отмѣтить, что политическая жизнь въ Сибири кипѣла, и власть не была въ томъ положеніи, въ какомъ она была напр. въ Сѣверо-западной арміи, гдѣ въ правительство попадали неизвѣстные для мѣстнаго населенія имена, а военныя власти чуждались общенія съ какими бы то ни было группами. Но, къ сожалѣнію, недостатокъ въ государственныхъ людяхъ, людяхъ опыта, могущихъ побороть и умѣрить всѣ теченія и желанія, остро чувствовался.

Если Колчакъ, этотъ величайшій патріотъ, безукоризненный человѣкъ, культурный и энергичный дѣятель, стоялъ выше всѣхъ головой, то около него лѣпились всевозможные авантюристы, мелкіе по душѣ людишки, губящіе своимъ вмѣшательствомъ дѣло.

Давая краткую характеристику общаго положенія дѣла въ Сибири съ ноября 18 года по мартъ 19, могу указать, что я лично, кромѣ работы

въ одномъ изъ министерствъ, принималъ участіе въ дѣятельности несоціалистическаго объединенія земскихъ и городскихъ дѣятелей Россіи, которое считало, что оно ведетъ преемственность отъ Московскаго совѣщанія общественныхъ дѣятелей, собиравшихся въ августѣ 17 года.

Это объединеніе было внѣпартійное, но выступало на сцену довольно рѣдко, занимаясь больше подготовительной работой по освѣщенію общаго положенія дѣла и курса политики, стараясь парализовать неожиданныя выступленія и колебанія отдѣльныхъ лицъ, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ контактъ съ родственными по духу организаціями, разбросанными по Сибири.

Однимъ изъ очень крупныхъ и имѣвшихъ большое значеніе въ Сибири вопросовъ, былъ вопросъ пріятія помощи отъ иностранцевъ. Въ началѣ борьбы съ большевиками ген. Хорватъ и эсаулъ Семеновъ получали поддержку отъ японцевъ и стали вслѣдствіе этого въ огромную зависимость отъ нихъ. Когда принялъ власть Колчакъ, отрицательно относившійся къ алчности японцевъ, проявляемой ими на Востокѣ, ему пришлось тутъ же столкнуться реально съ этимъ вопросомъ и реагировать на него. Положеніе было трудное въ томъ отношеніи, что Соединенные Штаты, а также и Антанта, вообще, боялись пустить въ Сибирь Японію одну, обусловливая помощь Колчаку оказаніемъ ее всѣми державами сразу. Поэтому, завися отъ Антанты и политики нашихъ представителей въ Европѣ, помощи у японцевъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, каковую они могли бы дать, — не просили. Эту точку зрѣнія поддерживалъ товарищъ министра иностр. дѣлъ — Сукинъ, что оспаривалось какъ Семеновымъ, такъ и кругами, понимавшими, что союзники своей нерѣшительностью, колебаніями въ оказаніи помощи могутъ погубить все дѣло, ибо однимъ изъ залоговъ успѣха въ первый періодъ русской гражданской войны была быстрота, а отнюдъ не длительность военной кампаніи. Но повторяю, благодаря давленію Антанты, помощь Японіи не была использована до максимума, что, конечно, имѣло колоссальное вліяніе на борьбу съ красными.

Что касается экономической жизни Сибири, то, благодаря свободной торговлѣ и имѣвшимся на мѣстахъ продуктамъ, она была сравнительно удовлетворительна, но разстройство транспорта, прогрессировавшее съ каждымъ днемъ нарушало дѣло, и создавшееся въ началѣ осени положеніе, о которомъ я говорилъ, не могло долго держаться. Какъ извѣстно, питаніе арміи военными и техническими матерьялами шло исключительно съ Востока по имѣвшейся въ наличіи одной линіи Великаго Сибирскаго пути. Мануфактура и вообще продукты производства, не вырабатывавшіеся на мѣстахъ, тоже шли оттуда. Благодаря этому, хотя все и было въ наличіи, но не въ той степени, какъ это нужно было населенію, мечтавшему о положеніи 14 года, а кромѣ того спекуляція развивалась катастрофически, поднимая ежедневно стоимость всего. Однимъ словомъ, возстановить экономическую жизнь, въ полномъ смыслѣ этого слова, не удалось и надо въ этомъ искать одну изъ причинъ неустойчивости Правительства. Для урегулированія желѣзнодорожнаго дѣла былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи международной комиссіи подъ предсѣдательствомъ инженера американца Стевенса и при участіи другихъ союзныхъ представителей, но вопросъ этотъ безконечно задерживался. Онъ крайне безпокоилъ

правительство, но сгладить разногласія было весьма трудно. При этомъ желѣзнодорожные служащіе будировали, увеличивая этимъ трудности.

Вотъ, вкратцѣ, общая обстановка въ Сибири въ первые мѣсяцы правленія Колчака.

Что касается военной стороны дѣла, то сибирскія войска были осенью 18 года на правомъ флангѣ фронта, имѣя штабъ сибирской арміи въ Екатеринбургѣ. Войска въ это время были въ великолѣпномъ состояніи, молодые солдаты были выше похвалъ. Арміей этой командовалъ генералъ Гайда, принятый правительствомъ на русскую службу, связанный съ Колчакомъ личными отношеніями, знакомый ему по борьбѣ съ большевиками на Востокѣ. Характеристики ген. Гайды дать не сумѣю, но, видимо, въ немъ преобладало авантюристическое стремленіе надъ всѣми остальными. Ближайшимъ его помощникомъ по военной спеціальности былъ нѣкій полковникъ Богуславскій, бывшій нѣкогда на Кавказѣ и имѣвшій репутацію человѣка выдающихся военныхъ дарованій. Кромѣ Гайды, на сѣверномъ участкѣ славились два молодыхъ генерала — Пепеляевъ и Голицынъ.

Такъ называемая Западная армія (средняя) состояла изъ остатковъ бывшей народной. Неудачи заставляли ее постепенно отходить къ Уральскому хребту, и остановилась она лишь въ 60 верстахъ къ востоку отъ Уфы въ раіонѣ станціи Иглино. Много доблести было проявлено за этотъ періодъ Ижевской и Воткинской бригадами, состоявшими изъ рабочихъ съ заводовъ того же наименованія. Это все были добровольцы, и предшествовавшій красный режимъ сдѣлалъ ихъ ярыми антибольшевиками. Участкомъ этого фронта сперва командовалъ ген. Дитерихсъ, а затѣмъ ген. Ханжинъ. Ко времени весенняго наступленія 19 года, армія эта была пополнена частями изъ сибирскихъ армій (ген. Голицына). Части эти, хотя и были, какъ я указывалъ выше, отмѣнными, но онѣ. вслѣдствіе пополненія ихъ къ этому времени мобилизованными — сибиряками и плѣнными красноармейцами, свою боеспособность скоро потеряли.

Южная группа состояла почти сплошь изъ казачьихъ войскъ — Оренбургскаго и Уральскаго. Группа эта была въ трудномъ положеніи, такъ какъ, послѣ паденія узловой станціи Кинели (октябрь 18 г.), Оренбургъ (вѣрнѣе Орскъ) долженъ былъ снабжаться гужевымъ путемъ, ибо городъ Кустанай, соединенный съ Сибирской магистралью, находился отъ него въ 250 верстахъ, что, конечно, страшно затрудняло положеніе. Уральскъ былъ еще въ худшихъ условіяхъ и, въ сущности говоря, былъ почти совсѣмъ самостоятельнымъ.

Кромѣ этой западной линіи, тянувшейся на 600—700 верстъ, былъ еще отдѣльный Семирѣченскій фронтъ, защищавшій Сибирь отъ Туркестанской Красной арміи. Тамъ сидѣлъ атаманъ Анненковъ съ 30.000 отрядомъ.

Однимъ изъ характерныхъ явленій при борьбѣ съ большевизмомъ является такъ называемая «атаманщина». Явленіе это сопровождаетъ настоящую гражданскую войну и есть естественное слѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ ведется борьба. Партизанскіе отряды образовываются съ обѣихъ сторонъ и какъ иррегулярныя части естественно притягиваютъ къ себѣ людей, отличающихся извѣстнымъ авантюризмомъ, удалью, давая имъ возможность выявлять свои индивидуальныя ка-

чества. На Востокѣ, гдѣ имѣются до десяти отдѣльныхъ казачьихъ войскъ, это явленіе получило весьма большое развитіе. Поэтому, касаясь антибольшевистской войны, нельзя пройти мимо этого явленія. На дальнемъ Востокѣ самымъ крупнымъ атаманомъ являлся, конечно, Семеновъ, затѣмъ извѣстный Калмыковъ въ Пріамурьѣ, Анненковъ въ Семирѣчьи, Красильниковъ и Волковъ въ Иркутскѣ и еще нѣкоторые другіе. Начальники нѣкоторыхъ отрядовъ старались присваивать себѣ названія и титулы вродѣ «воеводъ» и т. д. Насколько полезны были эти самостоятельные отряды въ началѣ очищенія мѣстностей отъ большевиковъ, настолько же они осложняли при налаживающемся строѣ и государственномъ порядкѣ политическую жизнь. Такъ, напримѣръ, атаманъ Семеновъ долго не признававшій Омска, самостоятельно распоряжался подъ Читой, задерживая военные грузы, предназначавшіеся для фронта, арестовывая пассажировъ, осложняя и безъ того сложное и запутанное положеніе. Другіе, не столь крупные, какъ Калмыковъ, просто въ этотъ періодъ представляли изъ себя разбойниковъ. Совладать съ ними, съ ихъ своевольными шайками и добиться отъ нихъ уваженія къ законности и порядку было почти невозможно.

О чехословацкомъ корпусѣ, игравшемъ въ началѣ бѣлаго движенія на востокѣ преобладающую роль, я говорилъ. Сперва чехи принимали въ борьбѣ активное участіе, но постепенно они начали оттягиваться въ тылъ съ намѣреніемъ отдохнуть и переформироваться, но въ результатѣ совершенно отошли отъ активныхъ дѣйствій. Фактически они оставили фронтъ въ ноябрѣ — декабрѣ 18 года, а съ весны на нихъ была возложена охрана Сибирскаго пути.

Изъ другихъ національныхъ формированій, принимавшихъ активное участіе въ борьбѣ, отмѣчу поляковъ подъ Уфой, а затѣмъ сербовъ. Послѣдніе были все время выше всякой похвалы.

Французскій батальонъ пытался выступить въ декабрѣ подъ Уфой, но, попавъ подъ 30 градусный морозъ, потерявъ большой % замерзшими, принужденъ былъ немедленно ретироваться. Находившіеся еще въ Сибири канадцы (около 5 тысячъ), американцы, англичане и итальянцы участія въ бояхъ не принимали, а служили скорѣе моральной опорой правительству. Японцы были въ Забайкальи, и имѣли постоянныя стычки съ большевиками подъ Благовѣщенскомъ и на Амурѣ. Объ ихъ желаніи или намѣреніи принять активное участіе въ борьбѣ на Уральскомъ фронтѣ говорилось не мало, иногда называли въ правительственныхъ сферахъ чуть ли не точное количество бойцевъ и время ихъ выступленія, но дальше разговоровъ и слуховъ это не шло.

Роль иностранныхъ представителей все время была неясна и вносила все время массу осложненій и затрудненій; стоитъ лишь вспомнить предательскую роль французскаго ген. Жанена.

Останавливаясь на положеніи дѣлъ въ Сибири въ теченіе зимы 1918—1919 г. я не собирался нарисовать этимъ историческаго обзора, а лишь дать общую картину, какъ она рисовалась мнѣ, видавшему и народную армію, и Сибирь, а затѣмъ и сѣверо-западную армію. Мнѣ приходилось въ Омскѣ ежедневно видѣть людей, пріѣзжавшихъ съ самыхъ различныхъ мѣстностей, офицеровъ и чиновниковъ, близко стоявшихъ къ арміи и управленію, соприкасаться съ политическими организаціями и членами

ихъ, интимно и коротко знать людей, бывшихъ близкими къ адмиралу Колчаку. Вся обстановка говоритъ, что было необычайно трудно и сложно установить какой-либо порядокъ по огромному пространству Сибири, дѣлившейся на столько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ частей, разрѣшавшихъ вопросы по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, мало заботясь о болѣе далекихъ перспективахъ.

Можно одно лишь сказать, что единственно стоявшимъ на высотѣ — былъ Колчакъ. Я не знаю человѣка, видавшаго его и не проникнувшагося къ нему безграничнымъ уваженіемъ, преклоненіемъ къ его рыцарской личности. Его честность была исключительна. Энергія и желаніе нести съ честью взятый на себя крестъ — были очевидны.

Но есть, видимо, моменты исторіи, когда не въ силахъ одного человѣка преодолѣть окружающаго. Первоначальный моментъ для изгнанія большевиковъ силой былъ нашей мягкой, дряблой интеллигенціей упущенъ; слѣдующій же періодъ еще не наступилъ. Но во всякомъ случаѣ имя А. В. Колчака должно у всѣхъ любящихъ Россію остаться навсегда девизомъ честности и высокаго патріотизма. Онъ не погибъ бы такъ трагически, если кругомъ него было больше людей, дѣйствительно любящихъ родину и ставящихъ ея спасеніе выше всего остального.

14 марта 19 г. я выѣхалъ изъ Омска. На меня было возложено порученіе побывать въ Москвѣ для установленія связи съ находящимися тамъ государственно настроенными группами людей для ознакомленія съ положеніемъ въ Совдепіи, жизнь которой становилась все болѣе и болѣе для Сибири отдаленной.

Отправился въ Совдепію я не одинъ, а вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ, человѣкомъ интеллигентнымъ, бывалымъ, смѣлымъ, на котораго можно было всецѣло положиться. Всякія такія эскапады сопряжены, конечно, съ большимъ рискомъ и обдумать все предпріятіе, предвидѣть всѣ возможности поэтому дѣло довольно сложное. Эта задача тѣмъ болѣе была трудна, что ничего подъ руками не было, помощи оказать почти никто не могъ. Начать хотя бы съ паспорта, отыскиванія адресовъ знакомыхъ, надежныхъ людей, рекомендацій для остановокъ и оріентировокъ по дорогѣ вплоть до самой Москвы — все это лежало на насъ самихъ, ибо различныя развѣдочныя отдѣленія, обыкновенно опытныя во время войны, тутъ оказывались совершенно кустарными, при этомъ и надѣяться на составъ ихъ, быть увѣренными въ отсутствіи предательства почти не было возможности. Приходилось быть сугубо осторожнымъ еще вслѣдствіе того, что всякій лишній разговоръ, посвященіе въ планы новаго лица подвергало возможности быть открытымъ большевистскими агентами, попасть подъ ихъ наблюденіе при переходѣ черезъ фронтъ.

Все это, повторяю, страшно затрудняло подготовительную работу и я безъ преувеличенія скажу, что, рѣшившись принять на себя исполненіе возложеннаго порученія, по крайней мѣрѣ полтора мѣсяца подготовки заставлялъ себя напрягать мысль къ предстоящему путешествію. Вѣдь нужно только вникнуть въ детали этого дѣла, чтобы понять, какъ оно сложно. Не говоря о полной разобщенности съ тѣмъ міромъ, куда я шелъ, и, слѣдовательно, абсолютнаго незнанія обстановки, правилъ порядка передвиженія, предъявленія документовъ и ихъ повѣрки, еще надо было предвидѣть отвѣты на всѣ предлагаемые по пути вопросы, при чемъ

эти отвѣты должны были логически вытекать изъ обстановки и даваемыя объясненія должны были совпадать съ намѣреніемъ продвигаться въ извѣстномъ направленіи и соотвѣтствовать моему облику, профессіи и т. д.

Остановились же на выборѣ меня и моего пріятеля, какъ на людяхъ, знакомыхъ съ штабной работой, а также и потому, что у меня были персональныя связи съ Волгой и Москвой, а у него кое-какія въ другихъ мѣстахъ. Мы не являлись обыкновенными агентами, посылаемыми развѣдочными учрежденіями въ прифронтовой полосѣ съ какимъ либо однимъ опредѣленнымъ заданіемъ, а на насъ возлагалась работа по общему освѣдомленію, изученію, возможно болѣе широкому, положенія вещей, переговоровъ съ компетентными людьми и кругами, авторитетъ которыхъ былъ для Омска несомнѣненъ. Это не значило, конечно, исчерпать все и дать законченную картину, но выводы должны были быть объективными и опираться на матеріалъ, добытый у сознательныхъ круговъ, понимающихъ цѣли правительства въ Омскѣ.

12-го марта, какъ сейчасъ помню — въ среду, передъ отъѣздомъ мы были приняты адмираломъ Колчакомъ для полученія отъ него окончательныхъ указаній.

Адмирала Колчака мнѣ приходилось видѣть и раньше, до Сибирскаго періода, и всегда его личность производила впечатлѣніе сильными, правильными чертами лица, взглядомъ и рѣшительностью во всей его фигурѣ. Въ былое время онъ отличался, какъ, между прочимъ, и многіе изъ моряковъ (вспомните Станюковича), своей малой сдержанностью, распущенностью и горячностью въ рѣчи, но за это время, несмотря на его нервность, люди, близко знававшіе его и раньше, находили въ немъ большую перемѣну. Обвиненіе его теперь въ неустойчивости во мнѣніяхъ, отсутствіи якобы твердости въ рѣшеніяхъ и чуть ли не характера, я объясняю лишь слишкомъ сложной обстановкой, недостаточностью знанія мѣстныхъ народныхъ требованій, съ которыми ему приходилось на каждомъ шагу сталкиваться. Я, напримѣръ, слыхалъ отъ одного изъ близко стоящихъ къ нему людей, что получить объективное освѣщеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, въ области коопераціи или другихъ практическихъ вопросовъ, гдѣ государственныя задачи сталкивались съ мѣстными требованіями, было весьма трудно; если прибавить еще къ этому партійность, отъ которой дѣятели не могли избавиться, то станетъ яснымъ невозможность быть категоричнымъ.

Высказавъ краткія положенія о коньюнктурѣ, онъ намъ далъ порученіе передать благодарность нѣкоторымъ русскимъ кругамъ и группамъ, выразившимъ ему довѣріе и солидарность въ работѣ, а затѣмъ высказалъ программу, которую онъ клалъ въ основу дѣятельности и которая сводилась къ слѣдующему:

Послѣ очищенія Москвы вооруженными силами, единственно въ чемъ онъ видѣлъ возможность освободить страну отъ поработившаго ее ига, должна быть введена твердая военная власть, задача которой сводится къ недопущенію анархіи и введенію порядка, а также къ защитѣ населенія отъ грабежей и произвола. Послѣ водворенія, хотя бы относительнаго, порядка и спокойствія, можно немедленно приступить къ выборамъ въ Учредительное или Національное собраніе, которое и уста-

новитъ образъ Правленія въ государствѣ. При открытіи Собранія, какъ онъ подчеркнулъ, онъ и возглавляемое имъ Правительство немедленно заявятъ о сложеніи съ себя полномочій и тогда уже будетъ дѣло Собранія рѣшить кому передать бразды правленія до окончательнаго установленія рѣшенія о принципахъ государственнаго Верховнаго Управленія. Но до момента открытія собранія, онъ намъ сказалъ, власть передана никому другому быть не можетъ, такъ какъ иначе это немедленно вызоветъ новую гражданскую войну въ странѣ, не успѣвшей еще оправиться отъ первой, и никакіе претенденты допущены не будутъ; персональныя перемѣны въ правительствѣ, конечно, возможны. Тутъ, повидимому, онъ намекалъ на Парижъ, гдѣ въ это время Авксентьевъ и другіе зашевелились и подняли голову. На мой вопросъ, не будутъ ли допущены какіе-либо выборы до паденія Москвы, онъ заявилъ, что до успокоенія страны считаетъ всякіе выборы и связанную съ ними агитацію крайне вредной, такъ какъ она отражается на крѣпости и цѣльности арміи. Его же все стремленіе направлено къ созданію твердой дисциплинированной военной силы, могущей принести спокойствіе и защиту населенію. Онъ прибавилъ еще, что ему нужны честные люди, какъ военные, такъ и гражданскіе, и потому онъ проситъ организаціи, раздѣляющія его программу, направлять къ нему живыя силы, а также освѣщать ему положеніе внутри страны и не терять съ нимъ и его правительствомъ связи.

Въ заключеніе онъ намъ передалъ кое-какія спеціальныя указанія, о которыхъ пока не время еще говорить. Далъ также порученіе проѣхать къ ген. Юденичу и далъ указаніе относительно морского командованія на Балтійскомъ морѣ (назвавъ нѣсколько именъ, какъ адм. Пилкина, Бахирева, Развозова); это видимо его интересовало, онъ уполномочилъ насъ все вышесказанное передать отъ его имени и, пожелавъ счастливаго исполненія, отпустилъ насъ.

Та твердость и сила проявившіяся въ его глазахъ, во время этого разговора, оставили во мнѣ очень сильное впечатлѣніе, заражали своей искренностью, и я ушелъ отъ него съ еще болѣе жгучимъ желаніемъ исполнить взятое на себя дѣло.

Повидавъ передъ отъѣздомъ близкихъ людей и политическихъ друзей, посвященныхъ въ предпринимаемое мной путешествіе, и получивши полномочіе на освѣщеніе общей обстановки нашимъ политическимъ единомышленникамъ, я тронулся въ путь.

Въ это время все кругомъ ликовало.

9-го марта пала Уфа и Чешмы, затѣмъ Бирскъ, Стерлитамакъ и вообще успѣхи на фронтѣ были огромные. Это, конечно, поднимало настроеніе послѣ зимней спячки и воодушевляло всѣхъ участниковъ бѣлаго дѣла, казавшагося такимъ правымъ и справедливымъ.

Успѣхи же эти совпали съ предложеніемъ Лойдъ-Джорджа о Принцевыхъ островахъ, и казалось, что этими побѣдами и успѣхами брошенъ отвѣтъ на его недостойное отношеніе къ Россіи. Однимъ словомъ, чувствовались сила и вѣра въ себя, въ возможность освобожденія Москвы. Попавъ въ вагонъ, пришлось намъ сразу принимать мѣры предосторожности, чтобы своими лицами на станціяхъ не привлекать вниманіе лишнихъ свидѣтелей, съ которыми, можетъ быть, придется еще встрѣтиться и на фронтѣ, почему благоразуміе требовало смѣшаться съ толпой.

Въ вагонѣ третьяго класса, въ который мы попали, ѣхала компанія пьяныхъ офицеровъ, направлявшихся на фронтъ; она вела себя самымъ безобразнымъ образомъ. Не говоря объ ихъ ссорахъ, дракахъ съ пьяными же писаремъ и фельдфебелемъ, часть изъ нихъ еще везла съ собой запасы сахара и другіе предметы, купленные ими по болѣе дешевымъ цѣнамъ въ Манджуріи и Иркутскѣ, съ разсчетомъ перепродать все это по болѣе высокой цѣнѣ на фронтѣ. Словомъ, впечатлѣніе производили они недостойное, не отвѣчающее офицерскому званію, что, конечно, невольно заставляло думать о ненадежности этой опоры для Колчака.

Черезъ двое сутокъ прибыли мы въ Челябинскъ. Въ немногихъ верстахъ отъ него, стояло нѣсколько сотенъ паровозовъ, находившихся въ самомъ печальномъ состояніи. Большинство изъ нихъ были такъ называемые — замерзшіе, т.-е. испорченные выпускомъ изъ котловъ воды въ сильный холодъ, другіе стояли безъ трубъ, были и просто исковерканные. Эти остатки отъ прежнихъ еще боевъ 18 года, или вывезенные изъ-подъ Уфы при ея сдачѣ, представляли изъ себя видъ какого то кладбища, говорившаго о прежнемъ богатствѣ Россіи и указывавшаго на ту колоссальную работу, каковую предстояло произвести, чтобы хоть немного вернуться къ прежнему положенію.

Въ Челябинскѣ я отыскалъ знакомаго мнѣ особоуполномоченнаго Краснаго Креста Западной арміи, князя Голицына (быв. самарскаго губернатора, погибшаго затѣмъ въ большевистской тюрьмѣ отъ тифа), который и помогъ мнѣ двинуться дальше. Работа Кр. Креста шла весьма оживленно, но поражалъ полный недостатокъ всего самаго насущно-необходимаго, какъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, такъ и всякаго другого оборудованія.

Пробывъ въ Челябинскѣ нѣсколько дней, съ трудомъ дождавшись возможности двинуться дальше, поѣхали на Уфу черезъ Златоустъ. Въ Уфѣ мы разсчитывали оріентироваться и получить указанія для дальнѣйшаго продвиженія. Насъ все время очень стѣсняло то обстоятельство, что мы должны были избѣгать выявлять свое лицо и цѣль, которую преслѣдовали. Это мѣшало во всѣхъ отношеніяхъ, на каждомъ шагу; тутъ же въ это время шло усиленное передвиженіе на фронтъ военныхъ частей для усиленія и укрѣпленія подвигавшихся весьма быстро впередъ армій и потому вольныхъ людей, одѣтыхъ при томъ довольно неопрятно, ни одинъ комендантъ поѣзда брать къ себѣ не хотѣлъ. Попадая же въ военный эшелонъ, приходилось слышать упреки, что одни идутъ умирать, въ то время какъ другіе прячутся отъ пуль.

Это хорошее отношеніе къ дѣлу и фронту, конечно, исходило лишь отъ частей, имѣвшихъ военный видъ и отъ молодежи — офицеровъ, бывшихъ все время въ бояхъ. Но зато попавъ въ эшелонъ запасной части, шедшей на пополненіе, пришлось наблюдать совсѣмъ другую картину. Во первыхъ, эти части оказались совсѣмъ раздѣтыми; на нихъ были не сѣрыя солдатскія шинели, какъ на кадровыхъ, а собственныя, толстыя, чуть ли не доморощенныя куртки и пиджаки, самыя разнообразныя шапки и, главное, что было самое скверное, — вмѣсто сапогъ были валенки, раскисавшія отъ начавшейся оттепели и мокроты, а ихъ все время вызывали изъ вагоновъ на самыя различныя погрузки и выгрузки. Какъ выяснилось изъ разговоровъ, это все были запасные изъ различныхъ

раіоновъ Зап. Сибири, только что мобилизованные передъ самымъ наступленіемъ, — безъ какихъ либо предварительныхъ обученій, втягиванія въ военное дѣло, — они были просто посажены на поѣзда и отправлены на фронтъ — сражаться. Это все были люди 25—28 лѣтъ, бывшіе ранѣе на военной службѣ, развращенные за время войны и революціи и потому явно не желавшіе идти воевать. Недовольство ихъ усиливалось еще тѣмъ, что приближалось время весенняго посѣва, а они по принужденію шли сражаться, не зная куда и за что. Вообще, эта картина вселила сразу въ насъ испугъ за начатое наступленіе.

На одной изъ станцій, гдѣ нашъ эшелонъ застрялъ, кажется въ Златоустѣ, мы обратились къ генералъ губернатору этой мѣстности, генералу Вишневскому, перебиравшемуся въ Уфу, и черезъ его помощника П. П. Башилова мы получили мѣсто въ ихъ поѣздѣ. Однако, не дождавшись его отправки, мы устроились на бронированный поѣздъ, шедшій по тому же направленію, который своимъ личнымъ составомъ и хорошимъ настроеніемъ команды опять внушалъ довѣріе.

Вообще, надо было признать, что на ряду съ хорошими испытанными частями были и скверныя, несжившіяся, не имѣвшія того, съ чѣмъ можно было ожидать довершенія дѣла до славнаго конца, избавленія первопрестольной отъ красной нечисти.

Что внушало еще опасеніе, такъ это значительное количество попадавшихся намъ на большихъ станціяхъ — отъ самаго Омска — какихъ то темныхъ личностей съ наглыми лицами, явно не принадлежащихъ къ бѣлымъ частямъ. Особенно подозрительны мнѣ были нѣкоторыя изъ нихъ въ Челябинскѣ, среди которыхъ я увидалъ на толкучкѣ около станціи типы лицъ, дающіе полную увѣренность, что это матросы, только снаружи снявшіе съ своихъ бушлатовъ отличительные знаки, сбросившіе свою одежду и фуражки, и только этимъ отличавшіеся отъ тѣхъ, которыхъ можно было видѣть послѣ революціи по всему Петрограду.

О своихъ наблюденіяхъ мы тутъ же дали знать въ Омскъ для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ черезъ Пепеляева, завѣдывавшаго тогда полиціей, при чемъ также указали, что по дорогѣ отъ Омска у насъ никто ни разу не провѣрялъ документы и небрежность въ этомъ отношеніи чувствовалась большая. Характерно, какъ мало вообще налажено было дѣло и какъ все велось спустя рукава, что особенно поражало насъ впослѣдствіи при продвиженіи по Совдепіи.

Я забылъ еще упомянуть объ обращеніи денежныхъ знаковъ въ Сибири. Вѣдь тамъ, кромѣ царскихъ, думскихъ, керенокъ, купоновъ отъ займовъ, ходили еще Сибирскіе, выпущенные правительствомъ въ концѣ 18 года. Всѣ эти деньги, напримѣръ въ Омскѣ, котировались до лѣта 1919 г. по одной цѣнѣ и лишь иногда ощущался острый недостатокъ въ размѣнной монетѣ, благодаря чему по ресторанамъ, парикмахерскимъ и т. д. ходили еще свои доморощенные боны, принимавшіеся лишь постоянными посѣтителями. Но по дорогѣ въ вагонѣ, гдѣ то около Кургана, мнѣ пришлось столкнуться съ существованіемъ различной разцѣнки денежныхъ знаковъ, при чемъ сибирскіе, какъ оказалось, котировались ниже думскихъ, которые въ свою очередь шли дешевле царскихъ. За пудъ партіи пшеницы, только что проданной по 22 рубля керенокъ, было

уплочено частью по 25 сибирскихъ, а частью 20 царскими. Это объяснялось близостью фронта, гдѣ керенки ходившія по обѣ его стороны считались болѣе удобными, чѣмъ сибирскія, имѣвшія лишь одностороннее хожденіе. И тутъ большевики, не считавшіеся съ населеніемъ и различными этическими и справедливыми требованіями и просто принуждавшіе къ исполненію своихъ желаній, достигали того, что преимущество было не на сторонѣ бѣлыхъ.

Добравшись до Уфы, мы сдѣлали окончательныя приготовленія для дальнѣйшаго пути, остановились на маршрутѣ и двинулись къ фронту. Намъ приходилось возможно торопиться, чтобы еще по снѣжному пути, до распутицы, перебраться черезъ фронтъ и достигнуть станціи желѣзной дороги, ведущей къ центру Россіи. Положеніе дѣлъ указывало, что намъ предстоитъ подняться къ сѣверу отъ линіи желѣзной дороги на 80—100 верстъ, къ этому надо было прибавить обратный спускъ, плюсъ различныя задержки въ дорогѣ. Я же, по опыту зная, что значитъ мартъ въ степныхъ мѣстахъ Поволжья, надежнымъ снѣжнымъ покровомъ себя не убаюкивалъ.

Уфа только что, двѣ недѣли передъ этимъ, была быстрымъ маршемъ отрѣзана отъ станціи Чешмы (узловой пунктъ на линіи — Самара и Симбирскъ) и взята была, благодаря этому, безъ боя нашими частями, почему и желѣзно-дорожный мостъ черезъ рѣку Бѣлую остался въ порядкѣ. Жизнь въ Уфѣ еще не наладилась, чувствовался во всемъ недостатокъ; базаръ только что началъ торговать, рѣдкіе магазины открылись, ибо торговать было почти нечѣмъ. За зиму красными все было очищено, изъ Сибири привозъ еще не наладился, а окружающія деревни начали доставлять лишь съѣстные припасы. Отношеніе населенія было къ намъ благожелательно, за исключеніемъ лишь части рабочихъ, враждебно настроенныхъ къ бѣлымъ, — что объяснялось особымъ бережливымъ отношеніемъ къ нимъ красныхъ. Приходилось наталкиваться и на единичные случаи недоброжелательства и не рабочихъ. Напримѣръ, везшій меня извозчикъ жаловался, что съ уходомъ красныхъ ему стало хуже, такъ какъ при нихъ онъ получалъ $1^1/_2$ фунта хлѣба за 1 р. 20 коп. и сколько-то овса для лошади, теперь же, съ крушеніемъ аппарата красныхъ, выдачи хлѣба нѣтъ, базарныя же цѣны на хлѣбъ были сначала по 8 р. и лишь теперь спали до 4 р. за фунтъ. Правда, за тѣ 3 дня, которые мы пробыли въ Уфѣ, цѣна пала еще, но во всякомъ случаѣ это показывало, что разрѣшеніе свободной торговли съ прекращеніемъ выдачи продуктовъ по карточкамъ не могло удовлетворять ту часть населенія, которая при большевикахъ находилась въ привилегированномъ положеніи, и безъ принятія соотвѣтствующихъ мѣръ даже въ такихъ хлѣбныхъ мѣстахъ, какъ Уфѣ, это вызывало неудовлетворенность, чего упускать изъ вида нельзя было. Между тѣмъ, этотъ вопросъ военное начальство мало интересовалъ, да и обсужденія его я нигдѣ и въ Омскѣ не слыхалъ.

25-го мы двинулись съ эшелономъ дальше на Чешмы, находившіеся въ 40 верстахъ отъ Уфы, куда къ слѣдующему утру и прибыли. Въ эшелонѣ повторилась та же тревожная картина съ запасными, и даже еще въ болѣе рѣзкихъ тонахъ, изъ которой было ясно и нежеланіе и даже нескрываемое, переходящее въ враждебное настроеніе, отношеніе къ властямъ, принуждавшимъ ихъ куда то двигаться.

Въ Чешмахъ мы, послѣ долгихъ хлопотъ и то только благодаря указаніямъ, полученнымъ нами отъ частныхъ лицъ еще въ Уфѣ, въ порядкѣ информаціи, съ трудомъ нашли себѣ за плату возчика, взявшагося насъ доставить верстъ за 15 къ сѣверу. Мѣняя такъ возчиковъ, мы проѣхали болѣе 120 верстъ и на слѣдующій день къ вечеру прибыли въ большое село Бакалы, которое уже считалось на линіи фронта и въ которомъ стояли передовыя части 2-го сибирскаго корпуса. Хотя нашъ путь совершенъ былъ въ полной безопасности, непосредственно за линіей бѣлаго фронта, но опять таки, по тѣмъ же причинамъ, что и раньше, приходилось избѣгать какихъ-либо лишнихъ сношеній съ властями, дабы меньше о себѣ распространяться и меньше касаться причины поѣздки.

Въ деревняхъ, въ избахъ при смѣнахъ лошадей или отдыхѣ, мы говорили лишь, что ѣдемъ къ рѣкѣ Бѣлой для розыска баржей и учета хлѣба, собраннаго красными у пристаней за истекшую зиму.

Татары, у которыхъ мы останавливались, были настроены всѣ поголовно противъ только что ушедшихъ красныхъ, разсказывали о различныхъ хулиганствахъ комиссаровъ, притѣсненіяхъ и съ удовольствіемъ описывали ихъ неожиданное бѣгство при приближеніи бѣлаго фронта. Это настроеніе, по моему глубокому убѣжденію, какъ знающему хорошо характеръ нашего степного земледѣльческаго населенія, было вполнѣ искренно, и я не думаю, чтобы отрицательныя черты бѣлой власти могли бы сыграть въ этомъ раіонѣ слишкомъ большое значеніе. Тутъ же смѣна властей произошла такъ быстро, что тяготы ощущаемыя всегда въ прифронтовой полосѣ, благодаря быстрому движенію армій, перескочили черезъ голову населенія почти неощутимо.

Въ Бакалахъ мы разыскали коменданта, и, открывшись ему, спросили указаній и совѣтовъ, какъ намъ двигаться дальше. Оказалось, что мы избрали правильное направленіе, ибо къ этому моменту красные отскочили въ этомъ мѣстѣ, какъ не находящемся вблизи линіи полотна желѣзной дороги, далеко, и сплошной линіи или деревень, занятыхъ частями, не было. Благодаря этому, передъ Бакалами оказалось пустое пространство и только развѣдка ходила въ нѣкоторые пункты и села, которыхъ приходилось остерегаться.

Выѣздъ изъ Бакаловъ въ сторону красныхъ разрѣшался лишь подводчикамъ и жителямъ ближайшихъ деревень. Поэтому приходилось опять ловчиться, чтобы не возбудить подозрѣнія у подводчиковъ за полученное разрѣшеніе отъ коменданта на выѣздъ изъ села, ибо открыться мѣстнымъ жителямъ, конечно, не было никакой возможности. Подрядивъ подходящаго мальченка доставить насъ верстъ за 15, мы тронулись въ разсчетѣ добраться до небольшого села, гдѣ можно уже было спутать дальнѣйшія карты.

Этотъ переѣздъ и ближайшіе этапы при прохожденіи фронтовой полосы былъ для насъ самымъ серьезнымъ. Съ одной стороны документы бѣлыхъ нужны были для бѣлой развѣдки и заставъ, а съ другой стороны эти же документы при случайномъ столкновеніи съ краснымъ разъѣздомъ губили все дѣло, и мы рисковали головой, какъ шпіоны.

Отличить же красныхъ отъ бѣлыхъ, въ особенности зимой, въ случаѣ неожиданной встрѣчи, было почти невозможно и потому приходилось исподволь, аккуратно разспрашивать населеніе о возможности встрѣтить

кого-либо изъ вооруженныхъ разъѣздовъ, дабы и принять своевременно соотвѣтствующія мѣры. Поэтому, удаляясь отъ линіи фронта, мы постепенно уничтожали документы, разрывая и пуская ихъ лепестки по вѣтру, оставляя лишь самые необходимые, при чемъ держали ихъ все время въ рукахъ, чтобы въ случаѣ опасности успѣть ихъ уничтожить.

Но съ Божьей помощью первое препятствіе мы одолѣли и верстъ черезъ 25 мы убѣдились, что находимся въ нейтральномъ раіонѣ, куда бѣлые еще не дошли, красные же за недѣлю передъ этимъ въ спѣшномъ порядкѣ отступили, грозя населенію по своему возвращенію показать свою силу. Тутъ мы уничтожили всѣ компрометирующія насъ бумаги, оставивъ лишь при себѣ спеціально заготовленныя для Совдепіи.

Послѣ нѣсколькихъ перепряжекъ, мы въѣхали въ большое село, которое оказалось тоже брошеннымъ красными войсками и мѣстными представителями власти, боявшимися отвѣтственности за свою дѣятельность. Такимъ образомъ, село осталось буквально безъ всякой власти и оно отдыхало отъ подводныхъ и другихъ повинностей. Но стоило бы лишь одной изъ воюющихъ сторонъ дойти до такого села, хотя бы единичнымъ разъѣздамъ, какъ сейчасъ же сходъ выставилъ бы и подводы и все другое безъ сопротивленія. Это обстоятельство, именно эта легкая подчиняемость и страхъ за свою шкуру заставлялъ жителей, явно съ отвращеніемъ говорящихъ о большевикахъ, замолкать при входѣ въ избу кого либо посторонняго или сосѣда. Съ нами тоже на первыхъ порахъ въ избѣ, куда насъ привезъ возница, боялись говорить, и лишь успокоеніе извозчика, свыкшагося съ нами за время переѣзда, развязывало языки, что, конечно, еще подкрѣплялось вѣрой въ надежность освобожденія отъ краснаго режима. По словамъ нашихъ хозяевъ, самое страшное для нихъ была мѣстная молодежь, душой преданная большевикамъ и потому считавшая своей обязанностью слѣдить за настроеніемъ населенія, чтобы потомъ выслужиться передъ тѣми же волостными комиссарами, выказавъ свое усердіе и причастность къ дѣлу управленія и къ коммунизму.

Кое-какъ доставъ лошадь, мы двинулись дальше. Не рискнувъ взять съ собой карты мѣстности, приходилось называть лишь болѣе отдаленные крупные пункты, что отдавало насъ во власть ямщиковъ, считавшихъ себя болѣе компетентными и авторитетными въ дѣлѣ безпрепятственнаго передвиженія. Приходилось лишь высказывать желаніе, чтобы везли болѣе глухими селами, гдѣ меньше риску встрѣтить «красноармейцевъ» и въ особенности ихъ штабы, ибо встрѣча съ ними по нашему объясненію, грозила потерей времени, а весна, вступая въ свои права, замѣтно портила санный путь и возможность свободнаго передвиженія.

Ямщики и возчики вполнѣ раздѣляли съ нами желаніе быть дальше отъ военныхъ, старались въ совѣтахъ съ своими сосѣдями и домашними изыскивать болѣе спокойныя мѣста, разспрашивая только что вернувшихся подводчиковъ, отвозившихъ отступающихъ красноармейцевъ. Намъ задавали только вопросъ, имѣются ли совѣтскіе документы и въ порядкѣ ли они, потому что боялись, что при допросѣ не пришлось бы отвѣтить за насъ и имъ самимъ.

Къ вечеру же перваго дня мы попали въ татарское село, откуда ямщикъ брался насъ доставить за 50 верстъ въ село М. уѣзда, гдѣ у него

были знакомые или родственники, и гдѣ онъ помогъ бы намъ оріентироваться для дальнѣйшаго продвиженія. Онъ убѣждалъ насъ положиться на него и не жалѣть денегъ. Поставилъ самоваръ, наладилъ закуску и мы принялись за обсужденіе. Для вящего успѣха мы вытащили приготовленную для подобнаго случая бутылку казенной водки, взятую еще въ Омскѣ, что несомнѣнно должно было поддать духу нашему возницѣ. Моментъ былъ серьезный и нужно было пустить всѣ средства, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи для достиженія успѣха.

Часовъ въ 9 вечера на парѣ добрыхъ коней, запряженныхъ гусемъ, съ колокольчикомъ на дугѣ, подъ неистовый лай собакъ, этой необходимой принадлежности всякаго татарскаго селенія, мы тронулись въ путь. Повезъ насъ ямщикъ дѣйствительно глухими небольшими деревнями. Подъѣхали, наконецъ, къ тому селу, гдѣ предполагалось смѣнить лошадей; оно оказалось довольно большимъ, съ волостнымъ правленіемъ и базаромъ; не доѣзжая до села, ямщикъ рѣшилъ остановиться и подвязалъ колокольчикъ, считая это болѣе осторожнымъ при въѣздѣ въ околицу спящаго, какъ думали, села. Однако, во время этой остановки, мы вдругъ ясно услыхали по морозной ночи впереди, въ селѣ, неистовый собачій лай и затѣмъ нѣсколько громкихъ выстрѣловъ.

Сомнѣнія не было, въ селѣ были красноармейцы.

Я началъ немедленно настаивать на недопустимости въѣзда въ него ночью, безъ предварительной развѣдки, считая, что попасть въ руки шатающейся по улицѣ, можетъ быть, пьяной красноармейской банды было прямо безразсудно. Хотя спутникъ мой и сопротивлялся возвращенію обратно, жалѣя потеряннаго времени, но все же удалось его уговорить вернуться въ ближайшую деревушку къ знакомому ямщика, черемису, дабы у него оріентироваться. Время же было около полночи.

Черемисъ, къ которому мы пріѣхали, разсказалъ, что дѣйствительно въ селѣ стоятъ красные и при томъ штабъ какой то крупной части и ночью ввиду тревожнаго состоянія переживаемаго властями, ѣхать опредѣленно не совѣтовалъ, обѣщая на утро помочь достать лошадь.

Изба нашего хозяина оказалась безобразно грязной и вонючей, но лошади послѣ 50 верстъ быстрой ѣзды, настолько утомились, что благоразуміе требовало ночевать.

Не найдя къ утру смѣны лошадямъ, ибо по селу былъ объявленъ десятникомъ нарядъ на подводы для красноармейцевъ, мы рѣшили вернуться къ татарину ямщику въ исходное положеніе, гдѣ въ переговорахъ и обсудить дальнѣйшій образъ дѣйствія, такъ какъ намъ, по правдѣ сказать, взятое направленіе довѣрія не внушало; мы лѣзли прямо въ раіонъ кишащій войсками и обстановка говорила за необходимость держать курсъ болѣе на западъ, чтобы скорѣе выйти изъ фронтовой полосы. То, что насъ остановилъ лай собакъ, и мы не въѣхали въ село, вѣроятно, спасло насъ, какъ потомъ выяснилось, отъ весьма скверныхъ послѣдствій.

Пріѣхавъ на слѣдующій день на станцію, лежащую на Бугульминскомъ трактѣ, мы рѣшили ѣхать на Чистополь, такъ какъ подъ Бугульмой шли въ это время сильные бои и пропуска туда не было. Здѣсь мы впервые встрѣтили большевистскія власти въ лицѣ пролеткульта, коменданта-матроса и т. д.

Обойдя ихъ и предъявляя документы, мы просили пропуска на Казань; однако, власти посылали насъ изъ одной инстанціи въ другую, никто толкомъ не зналъ, нуженъ ли письменный пропускъ для пути и вообще, чувствовалась большая неувѣренность среди начальства. Кое-какъ мы въ итогѣ получили краткую записку, послѣ чего хозяинъ станціи согласился намъ дать лошадь. Вообще, какъ я и позже неоднократно убѣждался, связи и цѣльности распоряженія у властей абсолютно не было.

Въ «пролеткультѣ», который оказался на гастролѣ тутъ, насъ поразили какія-то служащія тамъ молодыя дѣвицы, одѣтыя во все солдатское и весьма не двусмысленно заговаривавшія съ нами въ тѣсной канцеляріи, въ которую мы попали. Впечатлѣніе отъ всей этой обстановки даже у насъ, бывалыхъ людей, создавалось весьма странное и, я бы сказалъ, отталкивающее.

Между прочимъ, на базарѣ открыто торговали бѣлымъ хлѣбомъ, кренделями и копчеными продуктами по весьма сноснымъ цѣнамъ. Повидимому, въ этомъ глухомъ мѣстѣ, за истекшую зиму власти порядковъ своихъ еще ввести не успѣли, такъ какъ дальше по пути мы нигдѣ ничего подобнаго не встрѣчали.

По дорогѣ, по которой мы ѣхали на Чистополь, пролегающей, кстати сказать, по весьма красивой мѣстности, обсаженной еще кое-гдѣ березами Екатерининскаго времени, остались еще отъ стараго цензового земства — ямскія станціи. Къ этому времени онѣ переходили въ вѣдѣніе уѣздной совѣтской власти и хозяева-ямщики въ одинъ голосъ говорили, что они не дождутся нарушенія съ ними контрактовъ, которые были заключены раньше и которые ихъ заставляютъ все еще выполнять; а хозяйство, между тѣмъ, стало вести невозможно, нельзя достать корма, починить сбрую, подковать лошадь и, вообще, все дѣло выбилось окончательно изъ рукъ, разъѣздовъ же за зиму проѣзжавшихъ делегатовъ, ревизоровъ, комиссаровъ, эмисаровъ было масса.

Проѣхавъ по тракту нѣсколько станцій, мы стали чувствовать уже нѣкоторый надзоръ за проѣзжающими. По селамъ какіе-то молодые люди лѣтъ 18—20, вооруженные винтовками и охотничьими ружьями, насъ останавливали, опрашивали документы и, хотя въ результатѣ не задерживали, но говорили, что по ночамъ ѣздить не полагается и проявляли при этомъ начальствующій тонъ, почему мы въ итогѣ рѣшили добраться до первой же слѣдующей станціи, гдѣ и заночевать. На вопросъ о солдатахъ послѣдній насъ везшій возница заявилъ, что о нихъ ничего не слышно, и мы со спокойной душой подъѣхали къ ямской станціи.

Это было часовъ въ 10—11 вечера, въ ночь на 1-е апрѣля. Ночь эту я до конца своей жизни не забуду.

Едва мы успѣли вылѣзти изъ саней у крыльца ямщика, къ которому насъ все еще по старой ямской традиціи подвезли съ колоколами, какъ вышедшій къ намъ на шумъ новый хозяинъ вполголоса заявилъ съ нескрываемой тревогой, что у него ночуетъ въ избѣ карательный отрядъ, но что, однако, теперь дѣлать нечего, надо входить.

Хозяинъ провелъ насъ сперва въ черную часть избы, гдѣ мы и раздѣлись, послѣ чего спутникъ мой вошелъ въ отдѣленіе, предназначенное

для ночевки, гдѣ расположилось на полу 7 человѣкъ солдатъ, составлявшихъ часть отряда, начальство котораго расположилось въ другомъ концѣ села.

Какъ только мой товарищъ къ нимъ взошелъ, красноармейцы, по его словамъ сразу же, какъ змѣи, подняли головы и тутъ же принялись за разспросы, откуда и куда ѣдемъ, зачѣмъ, по какимъ документамъ, есть ли пропускъ и такъ далѣе.

Немного погодя, вышли и ко мнѣ съ тѣми же разспросами.

Нашъ отвѣтъ, что мы изъ Уфы и служебныхъ документовъ на рукахъ не имѣемъ, имъ не понравился. Одинъ изъ нихъ одѣлся и, повидимому, пошелъ съ докладомъ въ штабъ. Хозяинъ наладилъ было намъ самоваръ и пока мы оставались въ комнатѣ одни, успѣлъ шепнуть, что отрядъ этотъ состоитъ изъ 15 человѣкъ, звѣри, а не люди, ѣдутъ изъ какого то сосѣдняго села, гдѣ расправлялись съ народомъ, не желавшимъ подчиняться ихъ распоряженію по доставкѣ для красноармейцевъ какихъ то продуктовъ. Расправа по его словамъ была самая жестокая, подверглось избіенію много жителей и въ голосѣ его чувствовалось негодованіе.

Вскорѣ ходившій въ штабъ солдатъ вернулся и намъ рѣзкимъ начальствующимъ тономъ сказалъ: «ну, новые товарищи, одѣвайтесь» и подойдя къ винтовкамъ, стоящимъ въ углу, велѣлъ еще двумъ своимъ соратникамъ взять ихъ. Тѣ это и сдѣлали, щелкая затворами. Я спросилъ тогда, далеко ли идти намъ и нужно ли одѣвать полушубокъ.

У меня заработала мысль въ томъ направленіи, что, видимо, поведутъ на разстрѣлъ и потому, если быть безъ теплой одежды, то, въ случаѣ и ранятъ, а не убьютъ, можетъ быть, какъ нибудь уползу, отъ шубы же попавшая въ тѣло шерсть при выстрѣлѣ вызоветъ неминуемое зараженіе. Тутъ я еще вспомнилъ почему то случай съ нѣкимъ прис. повѣр. Малиновскимъ, предсѣдателемъ Симбирской кадетской группы, который, будучи раненымъ во время разстрѣла, уползъ и затѣмъ былъ даже въ Омскѣ оберъ-секретаремъ Сената. Получивъ приказаніе одѣваться, мы одѣлись и вышли. Была метель, дороги не было видно и мы пошли гуськомъ. Впереди шелъ одинъ изъ конвоировъ, за нимъ мой спутникъ, потомъ я, а двое остальныхъ провожатыхъ — сзади. У командовавшаго была отвратительная физіономія; онъ былъ съ рыжей бородой; на видъ было ему лѣтъ 35.

Немного спустя, когда мы шли уже посреди села, вдругъ, одинъ изъ шедшихъ сзади отошелъ въ сторону шаговъ на 25—30 и снялъ съ плечъ винтовку. Сообразивъ, что онъ будетъ стрѣлять, я инстинктивно замедлилъ шагъ, дабы быть на створѣ съ моими провожатыми (товарища же моего закрывалъ своимъ туловищемъ идущій впереди) и такимъ образомъ помѣшалъ стрѣльбѣ. На это оставшійся сзади меня закричалъ, зачѣмъ я отстаю и скинулъ тоже винтовку съ плечъ. Тогда, возвысивъ голосъ, я твердо спросилъ отошедшаго въ сторону: «а что, товарищъ, стрѣлять будешь?», на что получилъ послѣ минутной паузы отвѣтъ: «нѣтъ, не буду». Я со словами «вѣрю вамъ, товарищи», пошелъ дальше.

Вся обстановка и впечатлѣніе до сихъ поръ мнѣ говорятъ, что отошедшій безусловно хотѣлъ стрѣлять, но какъ часто бываетъ — окрикъ измѣнилъ психологію, моментъ былъ упущенъ и дѣло обошлось. По крайней мѣрѣ, онъ надѣлъ вновь ремень винтовки на плечо и присоединился къ намъ. Придя въ избу, гдѣ находился ихъ штабъ, мы застали человѣкъ

5—6 сидящихъ за освѣщеннымъ столомъ. Самый молодой изъ компаніи оказался комиссаромъ-коммунистомъ и начальникомъ отряда. Начался разговоръ съ осмотра документовъ, съ повтореніемъ уже заданныхъ намъ вопросовъ въ первой избѣ. Заинтересовались они въ результатѣ тѣмъ, что мы прошли фронтъ и ѣдемъ изъ Уфы. Помощникъ комиссара, не мальчишка, повидимому изъ прежнихъ полицейскихъ, занялся паспортами, крайне внимательно изучая ихъ, заинтересовался подписями, заподозривъ ихъ фальшивыми, старался сбить насъ переспросомъ фамилій и т. д. Но все это дѣлалось такъ грубо, а съ другой стороны такъ логичны были даваемые нами отвѣты съ мотивировкой о цѣляхъ поѣздки къ своимъ семьямъ, что мы изъ первой части искуса вышли совершенно чистыми. Въ результатѣ комиссару надоѣли эти разспросы, онъ отвлекся нашими разсказами, какъ мы вырвались изъ Уфы, о сдачѣ которой бѣлымъ онъ даже и не зналъ. Поэтому онъ отклонилъ предложенія своего помощника обыскать насъ и арестовать, а началъ снимать съ насъ показанія о бѣлыхъ войскахъ, ихъ расположеніи, наименованіи частей, количествѣ людей и т. д., которыя своей общностью, конечно, существенными и вредными для дѣла быть не могли. Все это онъ внимательно записывалъ, видимо для донесенія. Попутно разспрашивалъ о слухахъ про Колчака, его дѣятельности, вообще интересовался нашими свѣдѣніями о бѣлыхъ.

Въ концѣ концовъ, насъ отпустили, спросили, найдемъ ли дорогу обратно. Кто-то изъ провожающихъ сказалъ: «ну, счастіе ваше, что живы остались, а небось струсили?»

Придя въ избу ямщика, мы расположились было спать, какъ вдругъ появился помощникъ комиссара въ сопровожденіи рыжаго, и еще какого то другого товарища и заявили, чтобы мы показывали всѣ наши вещи, что они произведутъ обыскъ. Вновь потребовали документы. Этотъ обыскъ былъ верхомъ тщательности. Они вывернули абсолютно все, прощупали каждую складку одежды, раздѣли до гола, высыпали чай, сахаръ, табакъ, однимъ словомъ, въ теченіе 3—4 часовъ такъ обыскали нашъ незатѣйливый багажъ, что мы могли быть спокойными послѣ, что чего-либо компрометирующаго на насъ абсолютно нѣтъ. Измучивши насъ вдоволь, отчего заплакала даже съ жалости находящаяся въ сосѣдней комнатѣ хозяйка дома, намъ позволили лечь спать, а мучители ушли.

При обыскѣ у насъ не взяли ничего. Къ счастью, денегъ съ нами было немного, у одного тысячи четыре, у другого около пяти. Это было нами предусмотрѣно, такъ какъ мы понимали, что большое количество денегъ наводило на насъ подозрѣніе, а также и вводило въ искушеніе. Зарились они все на имѣвшуюся у меня ½ бутылки коньяку, но, разыгрывая изъ себя честныхъ, неподкупныхъ коммунистовъ, они отбирать ничего не хотѣли. Да думаю и многочисленность ихъ, считая и находившуюся въ комнатѣ ихъ команду, удерживала ихъ отъ конфискацій.

На утро, чуть свѣтъ, пока еще солдаты спали, мы двинулись дальше. Пока мы собирались, къ намъ вышелъ одинъ изъ красныхъ, съ виду совершенно деревенскій парень, и въ разговорѣ началъ плакаться на судьбу, что эта жизнь ему опротивѣла, что служба его угнетаетъ и онъ ждетъ лишь случая, какъ бы отъ нея избавиться, уйти домой въ деревню. Говорилъ это онъ искреннимъ тономъ, видимо, дѣйствительно эта служба ему опротивѣла.

Пріѣхали на слѣдующую станцію. Нашъ новый хозяинъ принялъ большое участіе въ пережитомъ нами ночью, кляня на чемъ свѣтъ стоитъ карательный отрядъ, передавъ, что солдаты, поступающіе въ него, приносятъ присягу, расписываясь кровью, что не будутъ жалѣть родного отца и мать и т. д., рисуя людей, идущихъ на такого рода службу, какъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ. Характеристику эту по отношенію къ карательнымъ отрядамъ приходилось слышать мнѣ не разъ и впослѣдствіи.

Выяснилось тутъ изъ разговоровъ, что мы находимся всего въ 40 верстахъ отъ того села, въ которое мы было заѣхали наканунѣ ночью, гдѣ, какъ оказалось, стоялъ и штабъ самого карательнаго отряда, дѣйствовавшаго въ ближайшемъ тылу арміи, и стало ясно, что намъ не поздоровилось бы; спасъ насъ прямо таки Богъ.

Послѣдующій путь мы совершили благополучно, ѣхали частью большимъ трактомъ и, хотя рисковали нѣсколько разъ быть обысканными, но это уже относилось къ дѣятельности карательныхъ заставъ, не пропускавшихъ въ Казань продуктовъ. Вся дорога отъ Чистополя была загромождена крестьянскими обозами, перевозившими въ спѣшномъ порядкѣ хлѣбъ съ ссыпныхъ пунктовъ въ степи — къ Волгѣ. Это заставляли дѣлать большевики, опасаясь наступленія Колчака, торопясь вывезти заготовленный ими за зиму хлѣбъ къ пристанямъ какъ Волги, такъ и низовьевъ Камы, разсчитывая успѣть его двинуть, до занятія Волги бѣлыми, въ центральныя губерніи. Оставшіеся склады хлѣба рѣшено было ими сжечь, а не сдавать, для чего былъ заготовленъ керосинъ. Надо при этомъ замѣтить, что, по словамъ крестьянъ, хлѣбъ лежалъ подъ открытымъ небомъ, безъ подстилки, частью покрытый дырявыми брезентами и грозилъ быть сгноеннымъ отъ весенней сырости.

Вообще, хлѣбная заготовка, произведенная красными въ теченіе этой зимы, была сдѣлана въ крупныхъ размѣрахъ, такъ какъ вообще масштабомъ они никогда не стѣсняются. За пудъ ржи платили они съ доставкой отъ 10 до 13 рублей и навезли его огромное количество. Но зимой за недостаткомъ вагоновъ для продвиженія этихъ запасовъ къ центру, они мобилизовали крестьянскія подводы въ такомъ количествѣ, что, напримѣръ, въ Бугульмѣ сосредоточивалось до 9 тысячъ лошадей, занятыхъ исключительно перевозкой хлѣба на Самару. Ввиду же разрушенія желѣзнодорожнаго моста въ Сызрани, они положили рельсы по льду и передвигали вагоны въ ручную. Знающіе Волгу въ этихъ мѣстахъ поймутъ, что за трудъ и какія препятствія имъ пришлось при этомъ преодолѣть, и невольно, несмотря на все презрѣніе, съ которымъ къ нимъ относишься, приходится констатировать ихъ безумную и неутомимую энергію. И не будь она направлена лишь на разрушеніе и переливаніе изъ пустого въ порожнее, она была бы достойна подражанію и со стороны бѣлыхъ.

По дорогѣ мы неоднократно останавливались и ночевали въ избахъ съ возчиками, и нужно сказать, что на большевиковъ всѣ поголовно ворчали. Татарское населеніе относилось еще болѣе опредѣленно отрицательно къ власти, ожидало съ нетерпѣніемъ освобожденія, готово было встрѣчать бѣлыхъ съ распростертыми объятіями, ожидая отъ нихъ облегченія въ экономической жизни, ослабленія режима вмѣшательства въ укладъ ихъ деревенскаго обихода. Но желанія проявить активную

помощь совсѣмъ не было замѣтно; все должно было идти помимо ихъ. И всякой новой, крѣпкой власти они стали бы вновь слушаться съ такимъ же смиреніемъ, какъ и предыдущей, приспосабливаясь лишь къ новымъ требованіямъ и условіямъ. Во всемъ этомъ сквозило, что респрессіи и безразличіе были главнымъ основаніемъ для управленія ими, что большевистская власть великолѣпно и учитывала. Разговоры при этихъ остановкахъ, конечно, были самые разнообразные, касаясь все же почти исключительно условій жизни деревни.

Въ одномъ изъ селъ, примѣрно верстахъ въ 40—50 отъ Казани, я взялъ въ руки христоматію, принесенную изъ школы 12-лѣтнимъ мальчикомъ, сыномъ хозяина избы нашего ночлега. Это оказалась книга изданія 12-го года, гдѣ на первой страницѣ былъ перечисленъ составъ царствующаго дома. Тутъ же зашелъ разговоръ и о мѣстной церкви. Оказалось, что красные какъ-то въ теченіе зимы хотѣли взять на учетъ церковное имущество, съ намѣреніемъ часть его куда-то вывезти, но крестьяне сходомъ вынесли приговоръ о протестѣ, послали въ городъ депутацію и въ результатѣ защитили священника и не подверглись репрессіямъ.

Воспоминанія курьера

Мичмана А. Гефтера

«Еремѣевская ночь»

Кронштадтъ лежалъ въ полутьмѣ, когда пароходъ изъ Петербурга причалилъ къ пристани. Какъ и всегда, онъ, даже въ эти ужасные трагическіе дни начала большевистской власти, производилъ неотразимое, жуткое и величественное впечатлѣніе. Огромный размахъ творческой иниціативы чувствовался на каждомъ шагу. И все какъ въ сказочномъ спящемъ царствѣ! Все замерло и, будучи не въ силахъ очнуться отъ летаргическаго сна, молчаливо переходило въ небытіе, умирало безъ сопротивленія.

Мнѣ, сентиментально настроенному въ этотъ вечеръ, какъ Евгенію въ «Мѣдномъ Всадникѣ», казалось, что за мною слѣдуетъ грозная фигура Петра, только не на конѣ, а въ такомъ видѣ, какъ его изобразилъ Сѣровъ, — на Невской пристани. — Онъ идетъ безъ шляпы съ развѣвающимися волосами, огромными шагами, такъ что свита едва за нимъ поспѣваетъ, гнѣвно стуча дубинкой въ тактъ своему шагу.

Нервы у меня сильно разыгрались. Да и не мудрено. Съ «Красной Колокольни» — въ стихахъ, и съ прочихъ газетныхъ столбцовъ — въ прозѣ, взывали къ мщенію за смерть Урицкаго. Господи, неужели опять будутъ въ Кронштадтѣ лить кровь и мучить людей!

Сейчасъ-же за скверомъ, гдѣ по пути къ Военной Гавани начинались склады досокъ и бревенъ, было совсѣмъ темно. Далеко впереди, тамъ, гдѣ стояли корабли, слабой звѣздочкой свѣтился фонарь. Въ этомъ мѣстѣ было особенно жутко. Я не боялся реальной опасности, я боялся того, что можетъ создать воображеніе; измученные всѣмъ пережитымъ нервы стали плохо служить. — Вдругъ выйдетъ изъ-за груды бревенъ огромная костлявая фигура въ плащѣ и треуголкѣ! Спотыкаясь о протянутые съ судовъ на стѣнку тросы и корабельные канаты, гремя порой по наваленнымъ въ безпорядкѣ желѣзнымъ листамъ, я вскорѣ былъ у цѣли. На темносѣромъ ночномъ небѣ вырисовался высокій и стройный силуэтъ стараго корабля, крейсера «Память Азова». Раньше онъ ходилъ и подъ парусами, и поэтому мачты его, по сравненію съ нынѣшними, были необычайно высоки. Когда покойный Государь былъ еще Наслѣдникомъ, онъ совершалъ на этомъ кораблѣ кругосвѣтное плаваніе.

Сейчасъ «Память Азова» напоминалъ своимъ обликомъ стараго родовитаго вельможу, впавшаго въ ужасную нищету. Онъ былъ грязенъ, некрашенъ,

исцарапанъ во время послѣдняго совершенно невѣроятнаго перехода черезъ ледяныя поля изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ. Свѣтъ получали съ берега, чтобы не тратить угля на освѣщеніе, и теперь, вѣроятно, контактъ былъ прерванъ, такъ какъ на кораблѣ царила абсолютная темнота. Чтобы пробраться на «Азовъ», надо было спуститься на стоявшаго рядомъ «Сибирскаго Стрѣлка», недавно еще блестящаго представителя одного изъ славныхъ дивизіоновъ миноносцевъ. Онъ стоялъ теперь съ развороченнымъ льдами носомъ и снятыми по случаю долговременнаго ремонта трубами. Его пѣсня, какъ и «Памяти Азова», была окончательно спѣта.

Черезъ стоявшую рядомъ баржу, по наскоро сколоченному изъ нестроганнаго дерева трапу, я поднялся на бортъ «Памяти Азова», на которомъ былъ вахтеннымъ начальникомъ. Съ верхней палубы хорошо былъ виденъ мощный и граціозный въ то-же время «Андрей Первозванный», на которомъ было много огней, а подальше — распластанная гигантская масса «Гангута». Пахло сыростью моря, смолой, желѣзомъ, влажный вѣтеръ порой мягко прижимался къ щекѣ, возбуждая сладкую грусть.

Прямо по носу видны были огни «Лѣсныхъ Воротъ», выхода на свободу. — Пора бѣжать! Выработанный планъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Я подошелъ къ борту и посмотрѣлъ внизъ. Далеко внизу стоялъ на водѣ, едва покачиваясь, огромный баркасъ. — Онъ выдержитъ какой угодно походъ подъ парусами. О томъ, — куда бѣжать, — это не представлялось мнѣ особенно важнымъ. Нужно выбраться изъ этого ада, передохнуть на свободѣ и приняться за борьбу.

Я подошелъ къ трапу и сталъ спускаться въ кромѣшную тьму.

Всѣ каюты, выходящія въ каютъ-кампанію, были раньше запечатаны, за исключеніемъ двухъ-трехъ, гдѣ жили еще офицеры. Но понемногу, въ эти каюты стали просачиваться матросы, печати срывались, и маленькій уголокъ, гдѣ можно еще было отдохнуть и забыться отъ матросскаго ада, звѣрскихъ голосовъ, дикой ругани, всей этой вакханаліи развалившейся дисциплины, потерялъ свое значеніе.

Баронъ Ф., командиръ корабля, предложилъ мнѣ пустовавшую адмиральскую каюту, куда я и перешелъ, зная, что вообще недолго еще буду оставаться на кораблѣ.

Это было огромное отдѣленіе, изъ большой столовой, кабинетъ-салона и спальни. Лѣтъ 30 назадъ это помѣщеніе занималъ Наслѣдникъ, и каждый предметъ въ немъ говорилъ о прошломъ.

Я ощупью пробрался въ столовую, зажегъ спичку, и съ ея помощью нашелъ аккумуляторный фонарь, прошелъ съ нимъ въ кабинетъ и, поставивъ его на столъ, принялся шагать по каютѣ взадъ и впередъ. Изъ фонаря выходилъ узкій треугольникъ свѣта, подобно маленькому прожектору, раздѣляя темноту на двѣ половины.

Въ открытый иллюминаторъ ритмично врывался шопотъ воды, происходящій отъ едва замѣтнаго покачиванія судна.

«Да, дѣла были очень плохи! Кроми убитъ, Локкартъ въ Москвѣ попался со всей организаціей глупѣйшимъ образомъ, а наводненіе потопило моторы въ Гаванскомъ Яхтъ-Клубѣ. Вся активная и положительная сторона дѣла сошла на нѣтъ, а оставшаяся отрицательная, какъ напримѣръ — опасность быть арестованнымъ и преданнымъ мучительной смерти съ предварительными пытками, — оставалась на лицо. Въ 1918 году война съ нѣмцами еще продолжалась, и по

инерціи русское офицерство чувствовало себя еще in statu belli. Ожидался приходъ нѣмцевъ въ Петербургъ, который былъ очень нежелателенъ для союзниковъ, такъ какъ Кронштадтъ былъ бы великолѣпной базой для нѣмцевъ, не говоря уже о единственномъ въ мірѣ дивизіонѣ 26.000 тонныхъ кораблей — «Гангутъ», «Полтава», «Севастополь» и «Петропавловскъ», о миноносцахъ типа «Новикъ», о подводныхъ лодкахъ и прочихъ морскихъ богатствахъ, которыя попали бы въ ихъ руки.

Въ ту пору въ Петербургѣ работала англійская организація, связанная съ русскими морскими и армейскими офицерами, цѣлью которой было продолженіе борьбы съ нѣмцами, противъ большевистской власти. Тѣ, кто работалъ тамъ, были наивно увѣрены, что, отдавъ свои силы, а, можетъ быть, и жизнь борьбѣ союзниковъ противъ нѣмцевъ, — въ случаѣ побѣды надъ ними получатъ изъ рукъ Антанты свою, спасенную изъ большевистскаго хаоса, несчастную родину. Много хорошихъ и смѣлыхъ людей погибло, работая въ этихъ организаціяхъ Антанты, а лучшій изъ нихъ, благородный, смѣлый и образованный Колчакъ, былъ подлымъ образомъ выданъ французомъ, генераломъ Жаненомъ, его убійцамъ.

Теперь, въ моментъ, къ которому относится разсказъ, дѣло обстояло такъ: Локкартъ попался въ Москвѣ самымъ глупымъ образомъ. Говорили, что въ этой исторіи была замѣшана женщина. (Къ слову сказать, въ Россіи женщины во время борьбы съ большевиками играли особенно фатальную роль.) Огромное количество лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Локкарту, было либо арестовано, либо принуждено было скрываться.

По чьему-то доносу большевики узнали, что въ Британскомъ Посольствѣ есть документы, представлявшіе для нихъ интересъ. Смѣлый англичанинъ, капитанъ Кро̀ми, во время послѣдняго періода войны командовавшій англійскими подводными лодками въ Балтійскомъ морѣ, защищалъ входъ въ Посольство на нижней площадкѣ лѣстницы съ маленькимъ карманнымъ Браунингомъ въ рукахъ. Въ это время, хранившіеся на чердакѣ документы были уничтожены. Большевики ворвались съ чернаго хода, и Кро̀ми былъ убитъ винтовочной пулей въ затылокъ.

Смерть Кро̀ми, раскрытіе организаціи Локкарта сдѣлали существованіе морской организаціи по существу невозможнымъ, а небывалое августовское наводненіе, затопившее подвѣдомственные мнѣ моторы, стоявшіе въ Гаванскомъ Яхтъ-Клубѣ, сводило мою дѣятельность къ нулю.

Въ самомъ Кронштадтѣ было два-три вѣрныхъ матроса, которые служили на моторахъ, и отъ ихъ настроенія зависѣла моя жизнь. Въ пьяномъ видѣ или въ высокомъ коммунистическомъ подъемѣ они могли меня выдать, заслуживъ, быть можетъ, себѣ награду.

Дѣлать въ Петербургѣ было больше нечего, нужно было бѣжать.

Безусловно, кардинальной и общей всѣмъ, участвовавшимъ въ такъ называемыхъ контръ-революціонныхъ организаціяхъ, ошибкой, была ставка на союзниковъ и вѣра въ ихъ помощь, въ случаѣ ихъ побѣды.

Поэтому, то, что въ Петербургѣ дѣло было провалено, казалось, не должно было меня обезкураживать, такъ какъ я собирался работать за-границей, гдѣ должны были концентрироваться силы активныхъ работниковъ. Однако, на душѣ у меня не было увѣренности въ успѣхѣ, чувствовалась подавленность, и надеждъ на будущее было немного.

Но и съ другой стороны, со стороны большевиковъ также не замѣчалось опредѣленнаго руководящаго плана. Пока, они только подняли желѣзныя рѣшетки, за которыми сидѣли звѣри и выпустили ихъ на свободу. И теперь, особенно въ Кронштадтѣ, шелъ кровавый шабашъ.

На счетъ сегодняшней ночи ходили мрачные слухи. Говорили о «Еремѣевской» ночи для всѣхъ офицеровъ. — Месть за смерть Урицкаго.

Перебирая матросовъ «Азова», я не могъ найти кого-либо, кто былъ особенно озлобленъ противъ своего начальства. Былъ, правда, матросъ Ткаченко, котораго, за его необыкновенно громкій голосъ и болтливость, прозвали на кораблѣ Горлопаномъ. Когда меня команда выбрала предсѣдателемъ дисциплинарнаго суда на «Памяти Азова» и я предупредилъ своихъ избирателей, что буду строгъ, Горлопанъ заявилъ, что онъ придетъ на судъ съ дубиной. Но это былъ безвредный человѣкъ. Отношенія между офицерами и командой были въ общемъ хороши. Былъ, однако, непріятный инцидентъ у командира корабля, барона Ф. съ помощникомъ комиссара Кронштадта, нѣкимъ Атласевичемъ изъ-за перископовъ съ англійскихъ подводныхъ лодокъ. Послѣ воцаренія большевиковъ подводная кампанія англійскихъ лодокъ должна была быть ликвидирована. Лодки были выведены къ Грахарѣ и тамъ были взорваны барономъ Ф., который во время войны былъ флагманскимъ штурманомъ у англичанъ-подводниковъ.

Передъ взрывомъ съ лодокъ были сняты цѣнные предметы, а мѣдныя трубы перископовъ были подарены барону Ф. въ личную собственность. Эти трубы въ 1918 году представляли собой большую драгоцѣнность, такъ какъ мѣдь въ то время цѣнилась уже очень высоко.

Къ сожалѣнію, продать ихъ представлялось дѣломъ абсолютно невозможнымъ, такъ какъ тайкомъ вывезти ихъ изъ Кронштадта никогда бы не удалось, а разрѣшенія большевистскія власти не дали-бы. Баронъ Ф. вышелъ изъ этого затрудненія, подаривъ трубы флоту, о чемъ далъ знать куда слѣдуетъ.

Черезъ нѣсколько дней на корабль прибыла комиссія для пріемки трубъ, а съ ней и Атласевичъ, неразвитой и грубый человѣкъ, державшій себя заносчиво и вызывающе.

Баронъ Ф., притворившись, что онъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, въ нѣсколькихъ короткихъ и энергичныхъ морскихъ выраженіяхъ указалъ ему его мѣсто. Завязалось дѣло. Предстоялъ судъ, атмосфера была чрезвычайно сгущена, и барону Ф. было предложено не выѣзжать изъ Кронштадта.

Ему также нужно было бѣжать. Въ случаѣ-же бѣгства командира, должны были бѣжать всѣ, иначе оставшіеся отвѣтили бы за его бѣгство. Поэтому было рѣшено бѣжать барону Ф., лейтенанту С. и мнѣ. Остававшійся прапорщикъ Яковлевъ, бывшій въ дружескихъ, даже товарищескихъ отношеніяхъ съ командой, не былъ посвященъ въ дѣло, а механикъ, милѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, нѣкто Минненичъ, который всѣхъ называлъ «Касатикомъ», и за это самъ получилъ это прозвище, вышелъ изъ матросской среды и былъ среди команды своимъ и поэтому ничѣмъ не рисковалъ, оставаясь на кораблѣ послѣ бѣгства командира.

Тяжело было оставлять Россію и итти навстрѣчу неизвѣстности, но, съ одной стороны, другого выхода не было, а съ другой, казалось невѣроятнымъ, что нынѣшній хаосъ останется надолго.

Я долго шагалъ по каютѣ. Въ открытый иллюминаторъ была видна знакомая вечерняя картина, и понемногу воспоминанія стали вытѣснять тяжелыя мысли. Шумъ голосовъ за стѣнкой прервалъ потокъ воспоминаній. Зайдя туда, засталъ

у командира нѣсколько офицеровъ съ сосѣднихъ кораблей. Всѣ держались сдержанно, но чувствовалось, что есть какая-то непріятная и большая новость. – По кораблямъ, какъ выяснилось, ходили агенты Чека и по указанію команды выбирали офицеровъ, которыхъ уводили на разстрѣлъ.

Можетъ быть, сейчасъ явятся на «Память Азова».

И въ командирской каютѣ не горѣло электричество, взамѣнъ котораго стоялъ аккумуляторный фонарь. Его свѣтовой треугольникъ упирался въ большую фотографію «Памяти Азова»; въ иллюминаторъ съ сѣраго неба тускло смотрѣлась звѣзда.

Никто изъ присутствующихъ не выражалъ страха. Сухо констатировали факты, называли цифры. Баронъ Ф. не терялъ веселаго и бодраго тона, за который его всѣ любили.

«Сегодня опять получили вмѣсто рыбы перья и хвостъ», сказалъ онъ. «Господи, какъ бы хотѣлось покушать хорошенько мясца!» — Да, у васъ кормежка слабая — отозвался кто-то изъ угла, — у насъ на «Андреѣ» столъ очень сытный.

Въ это время за комодомъ что-то пискнуло, и тяжелое мягкое тѣло провалилось куда-то.

«Теперь она не уйдетъ отъ насъ», торжествующе заявилъ баронъ Ф., «эта проклятая крыса не даетъ мнѣ покоя!» Была организована охота по всѣмъ правиламъ, съ загонщиками и охотниками. Крыса была ранена палашомъ и искала спасенія подъ диваномъ. Туда направили свѣтъ фонаря и, о чудо, — рядомъ съ обезумѣвшей отъ травли крысой подъ диваномъ была обнаружена большая банка съ Corned beef'омъ. Крысѣ немедленно была дарована жизнь за оказаніе существенной услуги въ дѣлѣ добычи провіанта, все содержимое банки съ Corned Beef'омъ было выложено на сковородку, отнесено въ камбузъ, гдѣ и было изжарено на хлопкожарѣ, а затѣмъ, съ большимъ вниманіемъ съѣдено.

Этотъ инцидентъ немного развлекъ публику, но донесшіеся издалека выстрѣлы опять перевели разговоръ на серьезныя темы. Говорили о томъ, что матросы съ «Александра III-го», отправившіеся на рыбную ловлю, вытащили изъ воды вмѣсто рыбы гирлянду труповъ Соловецкихъ монаховъ, связанныхъ другъ съ другомъ у кистей рукъ проволокой, — о двухъ баржахъ заложниковъ, затопленныхъ недалеко отъ Кронштадта и — совсѣмъ потихоньку — о Колчакѣ, собиравшемъ вокругъ себя силы.

Чьи-то громкіе голоса раздались за стѣнкой.

Тамъ остановились какіе-то люди и совѣщались.

Въ каютѣ наступила тишина. Казалось, что смерть тихонько остановилась у двери и ждетъ.

Потомъ голоса смолкли. Очевидно, ушли. Я вышелъ на верхнюю палубу. На фонѣ ночной тишины отчетливо были слышны далекіе выстрѣлы. Каждый выстрѣлъ уносилъ жизнь!

Я прислонился къ кормовому якорю-верпу и задумался. Недавно, пробуя новый моторный катеръ, я проходилъ мимо красавцевъ-кораблей, которыхъ по тайному приказу организаціи надо было потопить въ случаѣ прихода нѣмцевъ. Объ этомъ знало лишь нѣсколько человѣкъ. Какъ тяжело было-бы это сдѣлать, если-бъ пришлось — и, пожалуй, лучше, что катера потоплены наводненіемъ, а организаціи лопнули.

Чего добился несчастный студентъ, Каннегисеръ, убившій Урицкаго? Сколько тысячъ жизней по всей Россіи теперь даютъ отвѣтъ за его смерть, а самъ онъ преданъ утонченной казни. — Какъ найти вѣрный путь къ спасенію родины?

И, мало по малу, тревожная мысль стала просачиваться въ мое сознаніе. — «Anima servilis», какъ опредѣлялъ Петражицкій, котораго я слушалъ въ студенческія времена. — Классъ, неспособный къ сопротивленію! Сколько разъ приходилось видѣть, что сотню арестованныхъ вели три-четыре оборванныхъ мерзавца, не умѣвшихъ даже держать винтовокъ, — вели на смерть, и никто не старался уйти отъ этой смерти, хотя бы изъ инстинкта самосохраненія. Только что крыса, окруженная десяткомъ, для нея — великановъ людей, билась за свою жизнь, геройски бросилась на грудь мичману Н., хотя одна нога ея была уже отрублена палашомъ, а тамъ — безсильные китайцы гонятъ цѣлое стадо, какъ барановъ на смерть! Сколько разъ арестованные отдавали свое оружіе, изъ котораго ихъ тутъ-же убивали! А звѣри, не видя сопротивленія, становятся все жесточе и жесточе. «Да, мы не финны, создавшіе единственный въ мірѣ Schutzkär! Среди насъ есть столько сильныхъ и смѣлыхъ людей, но нѣтъ вѣры другъ въ друга». Мнѣ не хотѣлось возвращаться больше въ командирскую каюту, и я пошелъ къ себѣ, гдѣ еще не скоро уснулъ.

Когда утромъ, вставши пораньше, я поднялся на мостикъ — я увидѣлъ страшное зрѣлище. Откуда то возвращалась толпа матросовъ, несшихъ предметы офицерской одежды и сапоги. Нѣкоторые изъ нихъ были залиты кровью.

Одежду разстрѣлянныхъ въ минувшую ночь офицеровъ несли на продажу.

Сѣверныя воспоминанія

Это было въ 1918 году.

У маленькаго таможеннаго зданія, стоявшаго у пароходной пристани финскаго города Ваза, въ шесть часовъ туманнаго ноябрьскаго утра собралось нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ совершенія таможенныхъ формальностей. Я, бывшій въ группѣ, заинтересовался пароходомъ, который долженъ былъ отвезти всю компанію, состоявшую изъ меня, братьевъ С., бывшихъ гвардейскихъ казаковъ, и жены одного изъ нихъ — въ Швецію, гдѣ въ то время концентрировались силы сѣверной антибольшевистской группы.

Обѣщанный пароходъ представлялъ изъ себя маленькій финскій буксиръ шхернаго типа, — настолько маленькій, что труба его едва возвышалась надъ пристанью. На немъ нужно было пересѣчь Ботническій заливъ въ самомъ его узкомъ мѣстѣ, между Вазой — на финской, и Умеа — на шведской сторонѣ. «Если не будетъ шторма, то весь путь можно будетъ продѣлать часовъ въ 7».

Когда вышли изъ порта и пошли узкими шхерами, плаваніе обѣщало быть прелестнымъ. Буксиръ мчался, какъ на гонкѣ, бороздя своей крѣпкой и широкой грудью совершенно зеркальную поверхность. Но за грядой, гдѣ начинался свободный заливъ, ясно были видны буруны и пестрое отъ бѣляковъ море.

Я стоялъ у низкаго борта, смотря на быстро мчавшуюся вспѣненную воду . . . — Скорѣй-бы — къ дѣлу! Но, къ сожалѣнію, нѣтъ ясной и выработанной цѣли, а люди, съ которыми придется итти объ руку, мало извѣстны, какъ самостоятельныя иниціативныя единицы. — Вотъ со мною ѣдутъ братья С., — образованные (оба окончили университетъ), смѣлые и честные люди, а старшій братъ С. — даже исключительнаго мужества. Но, что они дадутъ и что могутъ дать?

Въ Стокгольмѣ будутъ люди, которые будутъ руководить движеніемъ и поддерживать его съ матерьяльной стороны. Нити новой организаціи начинались въ Гельсингфорсѣ. Она, повидимому, обладала крупными средствами.

Инженеръ Г., устроившій перевозку изъ Вазы въ Умеа, произвелъ на меня на первыхъ порахъ очень выгодное впечатлѣніе. — Плотный, съ большой головой и крутымъ лбомъ, умно и логично разсуждавшій. Патріотизмъ его не носилъ квасного характера и былъ очень послѣдователенъ.

Надъ нимъ стоялъ англичанинъ Личъ, въ распоряженіи котораго были, казалось, неисчерпаемыя средства. Онъ, какъ говорили, былъ «коммерческимъ совѣтникомъ» при Британскомъ посольствѣ. Про него разсказывали, что, послѣ революціи, онъ скупилъ всѣ большія газеты въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ одномъ крупномъ товариществѣ на Сѣверѣ Россіи, а именно, на Мурманѣ, гдѣ предполагалось поднять упавшее рыболовство, которое было совершенно забито норвежцами, построить верфи для рыболовныхъ судовъ, склады, расширить Мурманскій портъ и т. п.

Однако, большевики мѣшали Личу въ осуществленіи его плановъ. Ему нужны были руки и мясо, и вотъ, онъ съ инженеромъ Г. образовалъ организацію, занимавшуюся переброской офицеровъ черезъ Швецію на Мурманъ.

Къ этому времени Мурманъ былъ уже занятъ союзниками, — англичанами, французами, американцами, итальянцами и сербами. Оккупаціонная линія опускалась къ югу на половину пути Мурманско-Петроградской желѣзной дороги. Такимъ образомъ, на Сѣверѣ была твердая база, откуда съ помощью иностранцевъ можно было начать борьбу . . . Но что за люди начальники иностранныхъ оккупаціонныхъ отрядовъ, какія у нихъ полномочія, каковы ихъ истинныя намѣренія?

У меня еще свѣжъ былъ въ памяти развалъ Петербургской организаціи, неустойчивость и невыработанность ея плановъ и полное отсутствіе вѣры другъ въ друга ея членовъ. Что было еще худо, — это то, что иностранцы обыкновенно были совершенно неосвѣдомлены о сути дѣла и слушались съ полной вѣрой того, кто говорилъ хорошо на ихъ языкѣ, благодаря чему получилось, что очень часто они, обладая неограниченными возможностями, либо ничего не дѣлали, либо даже вредили дѣлу.

— Между тѣмъ, буксиръ стало сильно покачивать. — Онъ вышелъ изъ шхеръ и теперь шелъ уже заливомъ, на которомъ гуляли частыя и злыя ноябрьскія волны. — Черезъ полчаса буксиръ стало изрядно заливать, и онъ сильно убавилъ ходъ. Небо стало затягивать темными тучами, и вѣтеръ все крѣпчалъ. Въ миляхъ 2-хъ къ западу виднѣлся какой-то низкій островъ. Капитанъ буксира рѣшилъ стать подъ его прикрытіе. Добрались до острова уже съ большимъ трудомъ и съ залитымъ водой машиннымъ отдѣленіемъ.

Въ маленькой бухтѣ было совсѣмъ спокойно.

— Это былъ островъ Вальгрундъ, съ лоцманской станціей и тремя-четырмя фольварками.

Къ ночи вѣтеръ превратился въ настоящую бурю. На слѣдующій день — то же. Выйти въ море не представлялось ни малѣйшей возможности. Такимъ образомъ, намъ пришлось провести на Вальгрундѣ четыре дня. За это время вынужденнаго сидѣнья на лѣсистомъ небольшомъ островѣ, среди бушующаго моря, питаясь здоровыми и вкусными крестьянскими продуктами, мы отдохнули и набрались силъ больше, чѣмъ въ любой санаторіи.

Вечеромъ, при слабомъ свѣтѣ маленькой керосиновой лампочки мы сидѣли въ бревенчатой кухнѣ лоцманскаго домика и вели бесѣды. Много говорили о Личѣ. Младшій С., проведшій съ Л. цѣлый мѣсяцъ въ одномъ отелѣ, въ Гельсингфорсѣ, разсказывалъ много о немъ. — Въ послѣднее время у Лича, по профессіи горнаго инженера, были нефтяные фонтаны въ Трансильваніи. Во время войны онъ какимъ-то образомъ пристроился къ дикой дивизіи. До войны онъ, принимая участіе въ золотоискательныхъ экспедиціяхъ въ Манчьжуріи, побывалъ на Аляскѣ, въ Америкѣ, пережилъ какое-то необыкновенное происшествіе на носившемся въ безпомощномъ состояніи пароходѣ безъ паровъ, въ теченіи 2-хъ недѣль, словомъ, представлялъ изъ себя фигуру незаурядную.

Что было особенно интересно, — это вопросъ, представляетъ-ли Личъ изъ себя самостоятельную величину, входитъ-ли въ какой-либо частный синдикатъ, или является замаскированнымъ представителемъ англійскаго правительства. Но пока, было слишкомъ мало данныхъ, для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Однако, если даже онъ и былъ представителемъ правительства, то во всякомъ случаѣ, онъ былъ заинтересованъ и въ рядѣ крупныхъ личныхъ предпріятій.

На четвертый день къ вечеру погода стала утихать и было рѣшено на слѣдующій день утромъ выйти въ море.

Утромъ вѣтеръ сильно спалъ, и, хотя на морѣ было довольно свѣжо, выйти представлялось возможнымъ. Часовъ черезъ 6 открылся шведскій берегъ. Навстрѣчу вышелъ лоцманскій катеръ, который по узкому фарватеру привелъ насъ въ Умеа.

Черезъ сутки, получивъ разрѣшеніе на проѣздъ въ Стокгольмъ, мы выѣхали туда. На одной изъ большихъ узловыхъ станцій, приблизительно на полъ-дорогѣ къ Стокгольму, насъ встрѣтилъ нѣкій В-лярскій, выѣхавшій къ намъ по распоряженію Лича. Передавъ С-ву письмо отъ Лича, В. поѣхалъ дальше къ Хапаранта, пограничной станціи между Швеціей и Финляндіей, куда должны были прибывать члены будущей добровольческой арміи, которой предстояло дѣйствовать на Сѣверѣ.

В. принадлежалъ къ сильно скомпрометированной фамиліи, извѣстной, между прочимъ, печальной исторіей съ бриллiантами. Самъ В. провелъ очень бурную молодость. Во время войны онъ былъ летчикомъ, а до войны блуждалъ по свѣту, добывалъ золото и скитался на Камчаткѣ.

На Стокгольмскомъ вокзалѣ мы были встрѣчены княземъ О., также принадлежавшимъ къ организаціи Лича. До революціи онъ занималъ постъ товарища прокурора въ Царствѣ Польскомъ. Въ настоящій моментъ онъ жилъ въ Grand Hôtel Royal. Самъ Личъ занималъ также тамъ помѣщеніе.

Въ 1918 году, благодаря пріѣзду огромнаго количества русскихъ, въ то время бывшихъ со средствами, а многихъ — даже съ очень большими средствами, большіе отели Стокгольма переживали пышный Renaissance.

Русскія деньги размѣнивались чрезвычайно выгодно, на Швецію русскіе смотрѣли какъ на временный этапъ и поэтому не стѣснялись ихъ разбрасывать. Съ другой стороны, шведы также не могли еще себѣ представить, что Россія развалилась и погибла и по инерціи продолжали въ нее вѣрить.

Я нѣсколько разъ ходилъ въ Grand Hôtel съ С., у котораго тамъ бывали дѣловыя встрѣчи. Тамъ кристаллизовалась дѣловая группа финансистовъ.

За короткій мѣсячный періодъ, протекшій со дня бѣгства изъ Кронштадта до прибытія въ Стокгольмъ, я не отвыкъ чувствовать себя связаннымъ съ тѣмъ дѣломъ, которому былъ преданъ въ Петербургѣ. Въ Гельсингфорсѣ сразу при-

шлось столкнуться съ эмигрантами. Это были представители аристократіи, начиная съ Великаго князя Кирилла Владиміровича, и плутократіи. Среди нихъ шныряли дѣльцы маленькаго калибра, устраивавшіе займы людямъ съ большими именами, и едва, едва пошевеливались личности новой формаціи, впослѣдствіи достигшей въ своей дѣятельности гигантскихъ размаховъ, — люди, ведущіе сношенія съ Россіей черезъ голову большевиковъ, а иногда — и съ ихъ помощью. Нѣкоторые пытались завязывать торговлю (конечно — контрабандную), другіе посвятили себя опасному промыслу переправки бѣженцевъ черезъ финскую границу, — опасному, главнымъ образомъ, для нихъ самихъ, такъ какъ они находились въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ большевиками, и достаточно было произойти между двумя сторонами простой ссорѣ, дѣло кончалось разстрѣломъ. Такъ, между прочимъ, былъ разстрѣлянъ камергеръ Стояновскій, очень многихъ переправившій за-границу.

Въ 1918 г. бѣженцы, прибывавшіе въ Гельсингфорсъ, останавливались въ «Сосьете Хюзетъ», ни о чемъ на первыхъ порахъ не думая. Необходимо было притти въ себя, отдохнуть, а, главнымъ образомъ, подкормиться. Черезъ нѣкоторое время начинали слегка покучивать, а затѣмъ, соскучившись, понемногу перекочевывали дальше, — въ Стокгольмъ, Копенгагенъ, а тѣ, кто имѣлъ связи — въ Парижъ. Лица, имѣвшія большія деньги, раздѣлились. Часть, какъ Меликовы и Ліанозовъ, осталась въ Гельсингфорсѣ, другая перебралась въ Стокгольмъ.

При этомъ наблюдалось слѣдующее любопытное явленіе. По мѣрѣ увеличенія теченія въ какую-нибудь страну, увеличивались строгости по части выдачи разрѣшеній въѣзда, что только увеличивало общее стремленіе. Казалось, что масса была заражена стаднымъ психозомъ, тѣмъ-же непонятнымъ инстинктомъ передвиженія, что овладѣваетъ вдругъ полевыми мышами или муравьями. Почему бы, казалось, было не оставаться въ Финляндіи, по близости отъ Петербурга, въ особенности въ 1918 году, когда каждую минуту ожидали конца большевиковъ?

Кромѣ того, изъ Гельсингфорса легко было поддерживать связь съ оставшимися въ Петербургѣ родными и близкими, а при помощи контрабандистовъ-финновъ получать оставленныя драгоцѣнности или документы.

Однако же, бѣженцы уходили дальше, уходили съ трудностями, теряя на размѣнѣ, изъ лучшихъ условій — въ худшія. Бѣженская толпа, помимо всего, отличалась крайнимъ легкомысліемъ, и часто можно было наблюдать, какъ люди, пережившіе только что въ Россіи тяжелыя драмы, наполняли кабаре и кафешантаны.

Въ общей массѣ не наблюдалось стремленія сомкнуться и итти на борьбу, но этого буквально требовали отъ офицеровъ, изъ которыхъ 99% провели четыре года ужасной войны на поляхъ сраженій.

И это происходило здѣсь, подъ бокомъ финскаго народа, выдѣлившаго изъ себя единственный въ мірѣ Schutz-Càr, то-есть, «бѣлую гвардію». Часто приходилось слышать, какъ родители доказывали, что ихъ сынъ не военный, слѣдовательно, онъ не долженъ итти воевать съ большевиками. Простой, чисто животный инстинктъ защиты своего логовища и семьи не былъ свойственъ этимъ людямъ, а въ это-же время они могли видѣть разводъ караула у дворца на Эспланадной, который производился часто 45—55-лѣтними представителями свободныхъ профессій, докторами, юристами, инженерами, не военными фигурками, подчасъ съ солиднымъ брюшкомъ. Но это были финны. Небольшое число

офицеровъ, находившихся въ то время въ Гельсингфорсѣ было уже взято на учетъ и при первой оказіи должны были быть переправлены въ Швецію, а оттуда — на Мурманъ.

Они-то уже совсѣмъ не знали, кто ихъ посылаетъ, знали только — зачѣмъ и вѣрили въ то, что все будетъ устроено, какъ слѣдуетъ. Безотвѣтные, какъ и при царѣ, они покорно шли, куда приказывали, и во время всѣхъ бывшихъ антибольшевистскихъ авантюръ дали кровавую ниву разстрѣлянныхъ, замученныхъ, растерзанныхъ, — всѣ эти Ивановы и Петровы, не говорившіе на иностранныхъ языкахъ, не имѣвшіе знатныхъ родственниковъ, которые выхлопатывали бы имъ визы въ Парижъ, Лондонъ и Берлинъ, а оставались на мѣстахъ, покинутые сначала — союзниками, а потомъ и своими начальниками...

У С. было свиданіе съ Личемъ въ роскошномъ, мраморомъ облицованномъ кафе Стокгольмскаго Grand Hôtel'я. Въ честь огромнаго количества русскихъ, занимавшихъ чуть не три четверти гигантскаго отеля, прекрасный оркестръ игралъ цыганскіе романсы, а вокругъ — пальмы, фонтаны, мавританскіе мраморные балкончики, запахъ духовъ, масса красивыхъ женщинъ, ищущихъ добычи, дорогія сигары, величественные лакеи...

Я за однимъ изъ столиковъ поджидалъ С. — Сегодня онъ долженъ былъ узнать день отправки на Мурманъ. Изъ Гельсингфорса прибыла партія офицеровъ изъ 15 человѣкъ и тоже ждали очереди. Бывшіе въ то время въ Стокгольмѣ моряки ѣхали къ Колчаку. Но это было еще не окончательно рѣшено, и я рѣшилъ ѣхать на Мурманъ. Моряки должны были ѣхать черезъ Канаду, затѣмъ въ Японію, и оттуда — въ Сибирь. Это было очень долгое и дорогое путешествіе. Во главѣ ихъ стоялъ капитанъ 1-го ранга И. И. Ладыженскій. Послѣ разгрома арміи, онъ съ небольшимъ отрядомъ бѣжалъ въ Маньчжурію, гдѣ умеръ отъ тифа.

Мнѣ пришлось ждать С. довольно долго. Очевидно, засѣданіе финансистовъ затянулось. Но возможно, что собраніе было занято и вопросомъ о Юденичѣ. Изъ всѣхъ генераловъ, кандидатура которыхъ выдвигалась, какъ руководителей добровольческой арміей въ Европейской Россіи, безусловно на первомъ мѣстѣ былъ Юденичъ. На всѣхъ буквально гипнотическое вліяніе оказывала фраза, которую всегда про него говорили: «Генералъ, который никогда не зналъ ни одного пораженія».

Пріѣздъ его въ Стокгольмъ устроилъ младшій С. Однако, по пути онъ останавливался въ Гельсингфорсѣ, гдѣ принималъ участіе въ засѣданіяхъ съ тамошними финансистами, возглавляемыми Ліанозовымъ. Тамъ и былъ созданъ планъ кампаніи на Сѣверо-Западномъ фронтѣ, причемъ базой являлся Ревель. Однако, въ первое пребываніе Юденича въ Гельсингфорсѣ, вопросъ этотъ не былъ выработанъ, и генералъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ. Его штабъ составлялъ — полковникъ Даниловскій, бывшій во время войны адъютантомъ при одномъ изъ великихъ князей. Онъ обладалъ дивнымъ цвѣтомъ лица и бородой, но на ходъ событій вліянія не оказывалъ. Другимъ спутникомъ Юденича былъ Покатиловъ, штабсъ-капитанъ, очень милый молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Я нѣсколько разъ встрѣчался съ Юденичемъ въ Стокгольмѣ. Генералъ держался очень увѣренно, говорилъ, что если ему не будутъ мѣшать, то онъ большевиковъ «раскидаетъ». Если не будутъ мѣшать!

Пришелъ С. — «У русскаго консула Боссе черезъ 2 дня будутъ готовы англійскія (на въѣздъ въ Мурманскій районъ) и транзитныя норвежскія визы».

— Итакъ, вотъ онъ приходитъ, желанный моментъ. До этихъ поръ мнѣ еще не приходилось встрѣчаться съ «оккупаціонными иностранцами», и я былъ преисполненъ радужныхъ надеждъ. — «Изъ Италіи ѣдетъ генералъ Миллеръ, который приметъ на себя командованіе русскими частями. Обоснуется онъ въ Архангельскѣ».

Про Миллера говорили, что онъ очень порядочный человѣкъ; какъ о военной величинѣ, о немъ ничего не говорили, извѣстно только было, что онъ очень интересуется формами. При нынѣшнихъ условіяхъ это было скорѣе противопоказаніемъ. Разсчитывали, однако, на его связи у иностранцевъ. Это было, не надо забывать, — въ 1918 году, когда думали, что иностранцы, кромѣ своего пріѣзда въ Россію съ орудіями, оружіемъ, обозами и Cantine Board'ами будутъ и воевать. При этомъ послѣднемъ условіи Миллеръ, конечно, былъ-бы очень полезенъ, являясь руководителемъ, при которомъ состоитъ штабъ свѣдущихъ русскихъ офицеровъ.

Въ серединѣ декабря я вмѣстѣ съ еще однимъ морякомъ, старшимъ лейтенантомъ фонъ Т., выѣзжалъ на Мурманъ черезъ Швецію и Норвегію, конечнымъ пунктомъ которой являлся Нарвикъ. Изъ Нарвика уже русское судно должно было перевезти насъ на Мурманъ.

Передъ отъѣздомъ Личъ угощалъ С., нынѣ покойнаго графа Шувалова и меня виски.

Графъ П. Шуваловъ, извѣстный среди друзей подъ ласковымъ именемъ «Павлика», представлялъ изъ себя совершеннаго рыцаря, благороднаго, всегда готоваго на самопожертвованіе. У него былъ туберкулезъ берцовой кости, почему его нога всегда была въ желѣзной шинѣ. Это обстоятельство не помѣшало ему продѣлать всю русско-нѣмецкую кампанію въ качествѣ добровольца, а во время большевиковъ дважды ходить въ Петербургъ секретнымъ курьеромъ.

Онъ, между прочимъ, вывезъ княгиню Палѣй, супругу вел. князя Павла Александровича, разстрѣляннаго большевиками. Какъ и многіе другіе, Шуваловъ также подпалъ подъ вліяніе Лича и самъ просилъ С. устроить его въ личевскую организацію. Личу было очень лестно имѣть графа Шувалова, но онъ почему-то у Лича не остался.

Впослѣдствіи, мѣсяца черезъ 3, Шуваловъ вернулся въ Гельсингфорсъ, былъ очень полезенъ тамъ своими связями, между прочимъ съ Маннергеймомъ, съ которымъ былъ на «ты», ходилъ въ Петербургъ, откуда привезъ очень цѣнныя свѣдѣнія, такъ какъ бывалъ тамъ повсюду, — въ казармахъ, штабахъ, присутствовалъ даже на партійныхъ засѣданіяхъ, шелъ съ Юденичемъ въ августѣ на Петербургъ и былъ убитъ подъ Краснымъ осколкомъ шальной шрапнели, когда бой уже прекратился. Онъ оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія у всѣхъ его знавшихъ, такъ какъ враговъ у него не было.

Виски у Лича было прекраснаго качества, выпито его было изрядно, и поэтому настроеніе у присутствующихъ было оптимистически приподнятое; у всѣхъ была твердая увѣренность въ успѣхѣ, у всѣхъ свѣжо было въ памяти впечатлѣніе о большевистскихъ войскахъ, представлявшихъ изъ себя толпу оборванцевъ, почти несвязанныхъ по виду дисциплиной (1918 годъ!).

Не учитывали совершенно связанности и чисто инстинктивной спаянности народной массы, повинующейся простому физическому закону сцѣпленія однородныхъ частицъ, которой противопоставлены чуждые барскіе элементы, этому закону сцѣпленія однородныхъ частицъ не повинующіеся и настоящимъ чувствомъ патріотизма не обладающіе, — патріотизма, то-есть единственнаго начала

общности, которое могло-бы быть противопоставлено связанности народныхъ массъ, шедшихъ подъ большевистскимъ флагомъ . . .

О Мурманѣ всѣ почему-то думали, какъ объ исключительно холодной странѣ, почему въ дни, предшествующіе отъѣзду, я усиленно экипировался, какъ для поѣздки на сѣверный Полюсъ.

Четыре дня предстояло ѣхать до Vardø, одного изъ самыхъ сѣверныхъ обитаемыхъ пунктовъ Норвегіи, — черезъ Швецію, затѣмъ Гаммерфестъ, мимо Лафотенъ, столь дорогихъ сердцу, благодаря Гамсуновскимъ описаніямъ и тому, что самъ писатель продолжалъ тамъ жить.

Въ Нарвикъ мы прибыли вечеромъ и, въ ожиданіи парохода, снимавшагося утромъ, принуждены были переночевать въ одной изъ крошечныхъ, но уютныхъ норвежскихъ гостинницъ. Тутъ мы впервые увидѣли норвежскій камелекъ, о которомъ съ душевнымъ сокрушеніемъ не разъ вспоминали потомъ на Мурманѣ. Утромъ въ Нарвикъ прибыла догнавшая насъ партія изъ 15-ти офицеровъ. Съ ними шла рота солдатъ, до сихъ поръ бывшая въ шведскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ. Солдаты рвались въ Россію и, искренно или нѣтъ, но выражали желаніе драться противъ большевиковъ.

Утромъ они проходили мимо оконъ гостинницы на пароходъ, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Вардё, — построившись стройными рядами; слѣва съ боку орломъ шелъ унтеръ-офицеръ, бойко покрикивая порой: «атъ, два, атъ, два». Русскіе всюду самобытны и за-границей обращаютъ на себя вниманіе, если ихъ много, но можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на норвежскихъ рыбаковъ, молчаливыхъ и медленныхъ, это маленькое русское войско, здѣсь на сѣверѣ Норвегіи, на фонѣ фіорда, жердей для сушки трески, моторныхъ рыболовныхъ ботовъ у синяго, никогда не замерзающаго, благодаря Гольфстрему, океана, сдавленнаго въ этомъ мѣстѣ снѣговыми горами! — Еще болѣе слѣпо, чѣмъ ведшіе ихъ офицеры, шли эти солдаты черезъ неизвѣстныя имъ земли и моря въ родную страну биться съ большевиками, сохранивъ, благодаря плѣну, былую дисциплину и «вѣру въ начальство».

Это былъ прекрасный военный матерьялъ, который, при умѣніи имъ воспользоваться, могъ бы принести большую пользу; но воспользоваться имъ, благодаря послѣдовавшей чудовищной неразберихѣ, не пришлось.

Около 10-ти часовъ утра погрузились на бѣлый, маленькій, сіяющій чистотой пароходъ, «Haakon Adelstein», и пошли по кружевному архипелагу Лафотенъ. Совсѣмъ не чувствовалось, что въ сущности — это океанъ, угрюмый и холодный Сѣверный Океанъ. — Спокойная, синяя вода, только вокругъ — горы покрыты снѣгомъ. И повсюду, обгоняемые пароходомъ, навстрѣчу, наперерѣзъ — рыболовные боты, крѣпкіе, съ круглыми формами, моторные двухмачтовые рыболовные боты. Только въ Средиземномъ японскомъ морѣ приходилось мнѣ видѣть такое количество рыболовныхъ судовъ.

Въ очень узкихъ проходахъ Лафотенъ порой бывало эхо, и тогда звуки двухтактныхъ керосиновыхъ моторовъ слышны были со всѣхъ сторонъ, будто эти «та-та», «та-та» гнали рыбу, какъ загонщики на охотѣ.

Въ Гаммерфестѣ сѣлъ на пароходъ также ѣхавшій на Мурманъ молодой еще совсѣмъ человѣкъ, князь М. Всѣмъ своимъ наружнымъ и внутреннимъ обликомъ онъ напоминалъ Петю Ростова изъ «Войны и Мира». Необыкновенно услужливый, предупредительный, воспитанный и по дѣтски еще веселый, онъ привлекалъ къ себѣ. Онъ свободно владѣлъ иностранными языками, особенно англійскимъ и, приходясь племянникомъ генералу Миллеру, могъ-бы легко

устроиться либо переводчикомъ при какой нибудь иностранной особѣ, либо состоять при штабѣ дядюшки. Онъ, однако, не пожелалъ этого, а пошелъ на передовыя линіи, образовавъ драгунскій отрядъ своего имени.

На «Haakon Adelstein» сѣла въ Hammerfest'ѣ молодая дѣвица, нѣкая Франциска Вагнеръ, направлявшаяся также на Мурманъ. Въ Петербургѣ въ 1918 году среди англичанъ она играла большую роль, такъ какъ являлась единственнымъ связующимъ звеномъ между англичанами, сидящими въ тюрьмахъ и скрывающимися отъ ареста. Первыхъ она кормила, порой на деньги, вырученныя отъ продажи собственныхъ драгоцѣнностей, а вторымъ передавала корреспонденцію и устраивала ихъ бѣгство черезъ границу.

Она омыла трупъ несчастнаго Кроми и была единственнымъ человѣкомъ, провожавшимъ его гробъ на кладбище. Впослѣдствіи она получила отъ англійскаго правительства награду, military medal, но до этого нѣкоторыя докучныя формальности, съ которыми сопряжено полученіе различныхъ разрѣшеній и визъ, для нея не были устранены. Во время ея пребыванія на Мурманѣ съ ней произошелъ трагическій эпизодъ. Она случайно убила англійскаго майора, который самъ ей подалъ револьверъ, будучи увѣренъ, что онъ не заряженъ.

Въ Vardø мы были встрѣчены и. о. русскаго вице-консула, нѣкимъ Розановымъ. До революціи онъ былъ на сѣверѣ капитаномъ коммерческаго судна. Не получая никакого содержанія, онъ занимался по мѣрѣ своихъ силъ спекуляціей, дававшей ему нѣкоторые доходы.

До Мурманска мы шли на могучемъ буксирѣ «Русланъ». Въ его трюмѣ, при довольно плохихъ условіяхъ, помѣщалось воинство. 15 человѣкъ офицеровъ скопилось въ маленькой штурманской рубкѣ, гдѣ невѣроятно страдало отъ морской болѣзни во время перехода по довольно свѣжей волнѣ, черезъ Варангерфіордъ.

Утромъ, около 9-ти часовъ, мы вошли въ глубокій фіордъ, которымъ шли часа два. Это былъ Кольскій заливъ, въ глубинѣ котораго лежали Семеновы острова съ расположеннымъ на нихъ Мурманскомъ.

Показался огромный портъ. На «большомъ рейдѣ» стоялъ стройный пятитрубный крейсеръ, — нашъ Аскольдъ, подъ англійскимъ флагомъ. На немъ держалъ свой флагъ адмиралъ Green. Тамъ-же стоялъ гигантъ-ледоколъ Святогоръ, также подъ англійскимъ флагомъ.

На внутреннемъ рейдѣ стоялъ у самой стѣнки линейный корабль «Чесма» подъ Андреевскимъ флагомъ и два маленькихъ миноносца стараго типа, также подъ Андреевскими флагами.

Большинство буксировъ были подъ иностранными флагами, главнымъ образомъ — подъ англійскими и французскими. Крупные ледоколы, вродѣ «Микулы Селяниновича», «Ильи Муромца», «Соловья Будимировича», были подъ французскими флагами.

Кромѣ этихъ судовъ, стояло еще много норвежскихъ моторныхъ ботовъ и парусныхъ кораблей, изъ которыхъ два поражали своими размѣрами. Это были океанскіе пятимачтовые корабли, «Катанга» и «Лористонъ», огромной грузоподъемности, съ невѣроятно высокими мачтами.

Въ душѣ каждаго моряка живетъ желанье поскитаться по свѣту на парусномъ кораблѣ по волѣ вѣтровъ, и мое сердце забилось при видѣ этихъ парусныхъ красавцевъ.

Въ Кольскомъ заливѣ также сильны приливы и отливы, какъ и въ Ледовитомъ Океанѣ, и достигаютъ высоты 15 футовъ, почему палубы кораблей то воз-

вышаются надъ стѣнкой пристаней, то проваливаются въ пропасть. Во время отлива сваи пристаней обнажаются, а во время прилива — сплошь покрываются водой, но дольше всего остается въ водѣ середина сваи, почему на ней и намерзаетъ maximum льда; вотъ почему во время отлива, сваи, съ намерзшимъ на нихъ льдомъ, похожи на гигантскія, прозрачныя кегли, и весь портъ кажется построеннымъ на ажурныхъ изящныхъ подставкахъ, что, взятое вмѣстѣ съ полумракомъ сѣверной страны, оставляемой солнцемъ на четыре мѣсяца, даетъ сказочный колоритъ.

Размѣры Мурманскаго порта поражали. Размахъ строителя былъ взятъ во всю широту, какъ это подсказывается безпредѣльностью края.

Благодаря близко протекающему Гольфстрему, приблизительно на 100 съ лишнимъ верстъ отъ берега вода не замерзаетъ и представляетъ исключительное удобство для непрерывающагося въ теченіи всего года водяного сообщенія.

Послѣ перваго удара революціи, весь районъ Мурмана застылъ и погрузился въ мертвый сонъ. Теперь его пытались разбудить. Повсюду видны были огромные склады, рельсовые безконечные пути, на водѣ — безчисленныя сваи и бревна для постройки, пригнанныя изъ Архангельска оленьи нарты съ лопарями, грузовые автомобили, вагонетки, сани и телѣги съ крупными англійскими лошадьми и мулами, русскіе и иностранные матросы и солдаты, рабочіе; въ воздухѣ стоялъ стонъ отъ всевозможныхъ смѣшанныхъ звуковъ, отъ рева сиренъ, пароходныхъ гудковъ и свиста паровозовъ, рычанья грузовиковъ, людскихъ возгласовъ и грохота товарныхъ вагоновъ.

У самой пароходной сходни стоялъ матросъ съ «Чесмы» въ валенкахъ, и съ повязанными башлыкомъ ушами. Онъ небрежно опирался на винтовку, и во всей его позѣ и выраженіи было столько величаваго презрѣнія къ прибывшимъ изъ Норвегіи офицерамъ, что ясно было, что о прежней дисциплинѣ надо было постараться поскорѣе забыть.

Рядомъ, съ сосѣдняго судна сгружали бидоны съ бензиномъ. И опять, здѣсь, въ манерѣ бросать ящики, какъ попало, «пусть разобьется, пусть вытекаетъ бензинъ», было столько печально знакомаго по недавнему Кронштадтскому прошлому, что сердце сжималось отъ тоскливаго предчувствія.

Никто не встрѣтилъ прибывшихъ, несмотря на то, что объ ихъ отъѣздѣ изъ Vardø было дано знать телеграммой. Только находившійся на англійской полицейской службѣ русскій морякъ провѣрилъ документы.

Фонъ Т. и я пошли въ городъ, разсчитывая встрѣтить знакомыхъ моряковъ, и, дѣйствительно, — съ «Чесмы» спускался лейтенантъ Т. Онъ сообщилъ, что въ получасѣ ходьбы, подъ домомъ морского штаба, стоитъ на рельсахъ салонъ-вагонъ, въ которомъ устроилъ столовую бывшій кокъ «Варяга», котораго звали Мишей. Фамилія его было Невражинъ.

Рѣшили пойти туда похарчить. — Встрѣчавшіеся по дорогѣ дома были выстроены изъ крупныхъ бревенъ, солидно, въ два этажа, повсюду проведено электричество, телефонъ; у маленькаго зданія вокзала перекрещивалось множество желѣзнодорожныхъ путей.

Вода въ заливѣ испарялась, благодаря маленькому ударившему морозу, и бѣлесая густая пелена покачивалась надъ портомъ, какъ театральная декорація.

Пока дошли до вагона-столовой, короткій полярный день уже угасъ, и въ окнахъ свѣтились тусклыя электрическія лампочки. Поваръ Миша оказался здоровеннѣйшимъ матросомъ съ сиплымъ низкимъ басомъ. Онъ былъ очень гордъ своимъ умѣньемъ дѣлать «слойку», то-есть слоеное тѣсто, но мнѣ

показалось, что не это составляло главное основаніе его гордости. — Невражинъ былъ на «Варягѣ» въ то время, какъ разразилась революція. «Варягъ» находился въ Англіи, откуда не уходилъ, такъ какъ были получены изъ Россіи извѣстія о кровавыхъ расправахъ въ Кронштадтѣ. Командиръ крейсера рѣшилъ переждать. Однако, благодаря агитаторамъ, команда узнала о всемъ происходящемъ.

Былъ составленъ заговоръ перебить офицеровъ. Къ счастью, офицерамъ удалось предупредить англійскія власти, и всѣ матросы были посажены въ тюрьму, гдѣ и просидѣли 5 мѣсяцевъ.

Невражинъ о причинѣ такой расправы со стороны англичанъ выражался очень туманно — такъ, по его словамъ, они всѣ были посажены въ тюрьму безвинно. Меня очень интересовало, что именно заставляло его находиться въ станѣ бѣлыхъ, а не перейти на сторону большевиковъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ старый кадровый матросъ, очень скоро нашелъ бы себѣ примѣненіе. Невражинъ отвѣчалъ, что примкнуть къ большевикамъ онъ не можетъ, такъ какъ исповѣдуетъ «не убій». Впослѣдствіи, однако, пришлось убѣдиться, что на собраніяхъ Невражинъ держался опредѣленно большевистской программы.

Прислуга въ столовой была невѣроятно груба, развязна и грязна. Когда я сдѣлалъ замѣчаніе, что поданный мнѣ стаканъ чаю безъ блюдца былъ слишкомъ грязенъ, чай былъ вовсе принятъ у меня въ наказаніе.

Вообще, первый день принесъ съ собой много разочарованій. — У вокзала мы слышали, какъ кочегаръ поѣзда ругалъ площадной руганью начальника станціи, сдѣлавшаго ему замѣчаніе, — подъ общій хохотъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, и видно было, что несчастная жертва уже обтерпѣлась. Чувствовалось, что дисциплины въ этомъ краѣ, откуда должно было начаться спасеніе Россіи — нѣтъ, надо было только доискаться причины этого явленія. Немного времени понадобилось, чтобы ее найти. А между тѣмъ, въ Сѣверномъ районѣ было 30.000 боевыхъ иностранныхъ войскъ, англичанъ, побывавшихъ у Соммы, французовъ, бывшихъ подъ Верденомъ, итальянцевъ, — изъ подъ Изонцо!

У нихъ-то была и дисциплина, и довѣріе къ начальству, погнавшему ихъ во мракъ полярной ночи.

Но на первыхъ-же порахъ ясно почувствовалось, что никакой связи между иностранцами и русскими — нѣтъ. Мнѣ не хотѣлось довѣрять своему первому впечатлѣнію, но потомъ оказалось, что оно было совершенно правильно.

Какъ разъ противъ вагона-столовой, на невысокомъ пригоркѣ стоялъ большой одноэтажный домъ. Въ одной половинѣ его помѣщался морской штабъ, гдѣ сидѣлъ начальникъ его, капитанъ 2-го ранга А. А. Зиловъ, а въ другой — вдова контръ-адмирала Кетлинскаго съ двумя дочерьми. Покойный адмиралъ былъ убитъ въ началѣ революціи присланными на Мурманъ отъ большевиковъ убійцами, еще до утвержденія въ Россіи большевизма. Трупъ убитаго зарыли въ саду, передъ окнами дома.

Впослѣдствіи г-жа Кетлинская могла не разъ выѣхать съ Мурмана заграницу, благодаря ея большимъ связямъ съ англичанами и французами, но оставалась, не будучи въ силахъ разстаться съ могилой, для нея дорогой.

Первую ночь фонъ Т. и мнѣ пришлось ночевать въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ. При попыткѣ его натопить произошелъ пожаръ, причемъ крышу его разобрали, такъ что ночевать пришлось фактически подъ открытымъ небомъ. Когда на слѣдующій день я познакомился съ представителями власти, то убѣдился, что людей не было, хотя народу было очень много. Въ общемъ, съ русской стороны, Мурманскъ не представлялъ изъ себя военнаго лагеря, и жизнь въ немъ,

благодаря присутствію дамъ, носила городской, а точнѣе — узко-сплетническій, буржуазный характеръ. На каждаго жителя Мурманска выдавался опредѣленный паёкъ, при условіи, если онъ будетъ гдѣ-нибудь служить. Дамы получали такіе-же пайки, слѣдовательно также должны были работать. Подъ работой имѣлась въ виду канцелярщина, благодаря чему Мурманскъ кишѣлъ канцеляріями, а канцеляріи — служащими, въ 75 случаевъ изъ ста совершенно безполезными.

На первыхъ-же порахъ я съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, что собственно дѣлаютъ въ Мурманскѣ всѣ эти люди, русскіе и иностранцы. — Зачѣмъ строятся пути для вагонетокъ, прямо на затвердѣвшемъ снѣгу, телефонныя будки, безчисленныя барки, амбары изъ волнистаго желѣза, обшитые изнутри деревомъ, зачѣмъ составляются разборные норвежскіе дома, если совсѣмъ не думаютъ о большевикахъ и о томъ, что они могутъ придти. Разговоровъ о нихъ совсѣмъ и не было. Говорили о «другихъ» большевикахъ, тамъ — въ Петербургѣ, въ Москвѣ, вообще — въ Россіи, но не объ этихъ, которые были на разстояніи 200 верстъ. А иностранцы — тѣ пришли сюда какъ на огромный сѣверный пикникъ, причемъ, какъ всегда, — англичане больше другихъ подготовились къ этому пикнику. У нихъ были особыя шапки, парусиновые сапоги съ исландскимъ мохомъ внутри, вѣтронепроницаемыя одежды, рукавицы и чулки, кожаныя безрукавки, и у нихъ былъ Cantine Board, замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ учрежденіе на Мурманѣ, — маркитантская лавка, огромнѣйшее помѣщеніе.

Здѣсь были огромные окорока, зашитые въ парусину и залитые въ какую-то эластичную массу — изъ Австраліи, пятифунтовыя банки съ аргентинскимъ коровьимъ масломъ, сушенныя яйца въ порошкѣ, молоко, сыры, паштеты, вина, портеръ, джинъ, виски всѣхъ марокъ, костюмы, обувь, лыжи, — въ общемъ — Мюръ и Мерилизъ на крайнемъ сѣверѣ, и вотъ этотъ-то Мюръ и Мерилизъ поглощалъ 9/10 интересовъ обывателей, а остающуюся десятую братски дѣлили между собой карты, попойки и бабьи сплетни.

Оккупаціонные иностранцы не смѣшивались съ русскими, въ особенности замкнуто держались англичане, менѣе другихъ — итальянцы. Но это совсѣмъ не потому, что эти господа были недовольны пассивностью населенія, а просто потому, что съ нимъ вовсе не считались, какъ не считаются съ дикарями вновь открытыхъ земель. Англичанъ больше всего интересовалъ лѣсъ и мѣха. И то, и другое въ огромныхъ количествахъ вывозилось изъ края. Затѣмъ ихъ интересовалъ портъ. Но тутъ они столкнулись съ французами и американцами, которымъ также нравился Мурманскій портъ. Всѣ они дѣлали «заявки» на участки земли, ближе къ порту. Очень много сдѣлалъ ихъ бывшій французскій посолъ Нюлансъ, котораго въ ноябрѣ 1918 года Шевелевъ увезъ во Францію на яхтѣ «Ярославна». Такъ во время оно охотились за участками въ Калифорніи, но здѣсь дѣло было не такъ рисковано и значительно проще. Среди англійскихъ офицеровъ было много бывшихъ московскихъ и петербургскихъ коми, вродѣ майора Казалеттъ, бывшаго директоромъ у Мюра и Мерилиза въ Москвѣ.

Въ декабрѣ 1918 г. онъ уѣхалъ съ Мурмана, обидѣвшись, что его все не производятъ въ высшій чинъ. Всѣ эти господа были присланы сюда не для войны. Казалось непонятнымъ, къ чему-же артиллерія, обозы съ впряженными мулами и крупными лошадьми, автомобили и пулеметы?

Американцы, — тѣ поступили гораздо проще. Они прислали консула Пирса, который со столбцовъ мѣстной газеты, «Мурманскій Вѣстникъ», обстоятельно и умно заявилъ, что американцы ищутъ сближенія съ русскими, здоровыхъ отношеній и торговли.

— Въ декабрѣ 1918 года въ Архангельскъ прибыло три американскихъ парохода. Всѣ ждали что съ ними придетъ военное снаряженіе, — увы, — это была marchandise, а также предметы спорта, кинематографы, піанино и проч.

Если англичане увѣковѣчили свое имя въ благодарныхъ сердцахъ русскихъ учрежденіемъ Cantin'ы, то американцы сдѣлали это, создавъ въ Мурманскѣ организацію «христіанской молодежи», — У. М. С. А. чрезвычайно жизненную, умную и гуманную.

Объ американцахъ никто не думалъ, какъ о военной силѣ, но они сами мало объ этомъ печалились, хотя даже флотъ ихъ былъ представленъ, правда очень маленькимъ кораблемъ.

Итакъ, американцы тоже не думали о войнѣ серьезно. Правда, въ Архангельскомъ районѣ они что-то пытались сдѣлать подъ Шенкурскомъ, но, послѣ одного печальнаго случая во время «Куринаго праздника», перестали думать о лаврахъ.

— Въ Америкѣ существуетъ день, когда празднуется избавленіе отъ какого-то голода, и въ ознаменованіе благополучія ѣдятъ куръ. Этотъ день называется «Куринымъ праздникомъ». Двѣ недѣли до него не производилось развѣдокъ подъ Шенкурскомъ, а между тѣмъ кругомъ кишѣло большевиками. Очень многіе были изъ Шенкурска родомъ и, часто случалось, что они ночевали дома у себя, пробравшись знакомыми имъ тайными путями. Большевикамъ также было извѣстно про этотъ праздникъ, когда въ американскомъ отрядѣ ожидалось большое пьянство. Извѣстно было большевикамъ не только, гдѣ стоятъ караулы, но даже и кто въ нихъ стоитъ.

Наступилъ праздникъ, а съ нимъ и великое пьянство. Перепившись, воинственные янки рѣшили напасть на большевиковъ и, «Goddam», проучить ихъ хорошенько. А кончилось дѣло тѣмъ, что изъ 80-ти воиновъ вернулось 12, а остальнымъ отряды «топорниковъ» отрубили головы начисто. На сѣверѣ люди хорошо работаютъ топорами.

Послѣ этого эпизода американцы воевали только въ смѣшанныхъ отрядахъ, вмѣстѣ съ русскими, а вскорѣ — и совсѣмъ перестали.

Французскіе офицеры и солдаты были первоклассны, настоящее войско, но они не воевали и не хотѣли воевать. Французы стояли въ Александровскѣ; присылаемое имъ красное вино въ боченкахъ поддерживало ихъ бодрость. За ними шли итальянцы. Главная ихъ сила стояла въ Колѣ, старинномъ городѣ, ведущемъ начало чуть не со времени Іоанна IV. Тамъ медленно и вяло бродили ихъ сонныя фигуры въ пледахъ, напоминая собой войско Наполеона при отступленіи его отъ Москвы по Смоленской дорогѣ.

Но настоящей скотинкой были сербы. Англичане третировали ихъ, какъ вьючный скотъ, и окончательно уже съ ними не считались, а они бы воевали.

Наибольшей самоувѣренностью обладали англичане, наибольшей предпріимчивостью — американцы. Пока англичане и французы дѣлали заявки на участки, испещряли мурманскій планъ красными крестиками, американцы наняли русскихъ рабочихъ и стали вбивать сваи въ морское дно, фактически предрѣшая вопросъ о правѣ собственности. Мало того, они даже вытребовали къ себѣ командира коммерческаго порта, Шнейдера, и спросили его, гдѣ лучше будетъ вбивать. Наглость въ данномъ случаѣ доходила до граціи.

Хотя помѣщенія изъ волнистаго желѣза, обшитыя изнутри деревомъ, были очень хороши, но англичанамъ больше нравились старыя бревенчатыя русскія

постройки, — въ нихъ было теплѣе, такъ-же какъ и въ русскихъ валенкахъ было теплѣе, удобнѣе и легче, чѣмъ въ парусиновыхъ сапогахъ, носившихъ названіе Шакельтоновскихъ, по имени ихъ изобрѣтателя, Шакельтона, полярнаго изслѣдователя. Но въ большихъ бревенчатыхъ домахъ помѣщались русскія учрежденія, школы, техническія конторы съ интернатомъ для служащихъ.

Тогда англичане, если помѣщеніе имъ подходило, водружали на крышѣ свой флагъ, а русскіе могли итти, куда хотѣли. Былъ случай, когда народный учитель, вернувшись домой, не могъ войти къ себѣ въ комнату, такъ какъ передъ дверью стоялъ часовой, а вещи его валялись въ корридорѣ.

Это были первыя впечатлѣнія, полученныя мною объ иностранцахъ, и они были очень тяжелы, главнымъ образомъ по своей неожиданности. Въ Россіи при большевикахъ привыкли ко всему, но здѣсь были англичане «культурные мореплаватели», какъ говорилъ Расплюевъ. Выводить заключенія, однако, было еще слишкомъ рано, надо было узнать дѣловую сторону отношеній, которая, быть можетъ, была такъ значительна, что внѣшнимъ видомъ можно было бы и пренебречь.

Но и эта сторона была не сложна и цинична.

Не много времени понадобилось мнѣ, чтобы постичь ее.

— Мурманскъ являлся промежуточнымъ звеномъ между Европой и Архангельскимъ райономъ, гдѣ шла собственно война съ большевиками. Главнымъ, если не единственнымъ, способомъ сообщенія служили ледоколы, но сѣсть на нихъ нельзя было безъ разрѣшенія «Embarcation office». Въ свою очередь, «Embarcation office» было безсильно безъ распоряженія «Intelligence office», у котораго были двѣ branches, А. и В. Эти вѣтви были не всегда въ гармоніи, поэтому, если русскому офицеру было необходимо поѣхать въ Архангельскъ, или обратно — въ Мурманскъ, то приходилось продѣлать длинную волокиту полученія визъ и разрѣшеній, которая не всегда кончалась положительно.

Такъ получилось, что офицеры-артиллеристы, которые пріѣхали со мной изъ Стокгольма, въ теченіи 3-хъ недѣль не могли выѣхать въ Архангельскъ. Были случаи, что пріѣхавшіе въ Мурманскъ изъ Архангельска члены комиссіи для пріема минъ и артиллеріи, не могли выѣхать обратно, такъ какъ вовсе не получили разрѣшенія отъ «Embarcation office». Такъ, старшій лейтенантъ, К. Неупокоевъ, не могъ вернуться въ Архангельскъ въ теченіи чуть-ли не двухъ мѣсяцевъ, и ему пришлось тайкомъ погрузиться на ледоколъ «Канада», гдѣ онъ двое сутокъ просидѣлъ запертымъ въ капитанской каютѣ. Англичане двое-же сутокъ держали «Канаду» на рейдѣ, такъ какъ до нихъ дошли слухи, что Неупокоевъ всетаки попалъ на ледоколъ.

Былъ еще способъ сообщенія съ Архангельскомъ черезъ Колу, почтовымъ трактомъ на лошадяхъ, но онъ былъ очень продолжителенъ, опасенъ, такъ какъ проходилъ недалеко отъ театра войны, и очень дорогъ.

Шакельтонъ, посланный правительствомъ на Сѣверъ, какъ спеціалистъ по «полярновѣдѣнію», отъ всей души хотѣлъ быть полезенъ и придумывалъ изобрѣтенія, то полярную шапку такой формы, какъ сибирскій малахай, но подъ своимъ именемъ, то вѣтронепроницаемую одежду, въ которой люди зябли, то сообщеніе на собакахъ устроитъ тамъ, гдѣ существуетъ сотни лѣтъ прекрасный почтовый трактъ и бѣгутъ крѣпкія сѣверныя лошади.

Я, относившійся съ уваженіемъ къ имени крупнаго полярнаго изслѣдователя Шакельтона, не могъ себѣ уяснить, что собственно заставляло его принимать участіе въ опереткѣ. Хотѣлъ-ли онъ своими изобрѣтеніями оправдать фактъ

своего присутствія на Мурманѣ, въ то время какъ самъ присматривался къ залежамъ угля и провѣрялъ свѣдѣнія о присутствіи серебра, или присматривался къ рыболовству?

Во всякомъ случаѣ для него все это было не ново, такъ какъ большинство угольныхъ участковъ на Шпицбергенѣ принадлежало ему.

Съ каждымъ днемъ моего пребыванія на Мурманѣ приходилось все больше убѣждаться въ правильности возникшаго предположенія о цѣли прибытія англичанъ. — Они прибыли не для помощи русскимъ, а для овладѣнія богатымъ райономъ. Для нихъ было безразлично, кто такіе русскіе, съ которыми они имѣли дѣло, большевики, или нѣтъ — и тѣ, и другіе должны быть подъ эгидой англійской власти.

Порой, отношенія къ русской власти и русскому достоинству носило характеръ прямого издѣвательства. — Такъ, въ день заключенія перемирія былъ устроенъ парадъ союзныхъ войскъ, были и русскія части. Сыграли всѣ союзные гимны. Вмѣсто русскаго гимна должны были играть «Коль Славенъ», ноты котораго были заранѣе переданы капельмейстеру. Однако, вмѣсто русскаго гимна, англичане сыграли «Казачка».

Надо все-таки сказать и про командира русской части, что онъ не поддержалъ чести; вмѣсто того, чтобы скомандовать своей части «налѣво кругомъ маршъ», онъ продолжалъ стоять на мѣстѣ съ позорной пощечиной.

Когда губернаторъ Мурманскаго района, Ермоловъ, отправился съ визитомъ къ англійскому командующему морскими силами, адмиралу Green'у, на его корабль, бывшій русскій крейсеръ «Аскольдъ», то англичане сочли, что для русскаго губернатора вполнѣ будетъ достаточно штормъ-трала, то-есть веревочной лѣстницы, по которой глубоко сухопутный правитель поднялся съ очень большимъ трудомъ, раза три сорвавшись. Всякій разъ, какъ голова его показывалась надъ бортомъ, англичане играли встрѣчный тушъ, Ермоловъ скатывался внизъ, — музыка прекращалась, — снова показывалась голова, снова тушъ, и такимъ образомъ — раза три. На этотъ разъ англичане очень повеселились.

Фонъ Т. ѣздилъ въ Архангельскъ и возвращался оттуда сухопутьемъ. Нѣсколько станцій отъ Архангельска нужно было проѣхать по желѣзной дорогѣ. Здѣсь онъ видѣлъ, какъ одинъ офицеръ Іоркширскаго полка вытолкалъ въ шею изъ купэ бывшаго тамъ русскаго инженера-путейца, ѣхавшаго по дѣламъ службы, потому что хотѣлъ оставаться тамъ одинъ. Когда обратились за помощью къ коменданту ближайшей станціи, сербскому офицеру, тотъ отказался помочь, говоря, что безсиленъ протестовать противъ дѣйствій англичанъ.

Но и сербамъ приходилось плохо. Англичане сдѣлали изъ нихъ чернорабочихъ и до такихъ аристократическихъ мѣстъ, какъ Мурманскъ, ихъ даже не допускали. Они были на самыхъ крайнихъ позиціяхъ Мурманскаго района и жили въ тяжелыхъ условіяхъ. Продѣлавши тяжелую героическую войну съ великимъ исходомъ изъ родной страны, они были погнаны на крайній сѣверъ подъ лозунгомъ помощи братьямъ-славянамъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы помочь сильнымъ союзникамъ расхватать богатый край.

Недовольны были англичанами и итальянцы. Во-первыхъ, ихъ отослали подальше отъ Мурманска, въ Колу, а затѣмъ не дали имъ взять съ собой обозныхъ лошадей и муловъ, говоря, что на Мурманѣ они все получатъ. Но здѣсь имъ ничего не дали, и повозки итальянцамъ пришлось тащить на людяхъ.

Надо отдать справедливость англичанамъ, что попавъ на Мурманъ, они не предавались меланхоліи и не жаловались каждому встрѣчному на то, что ихъ послѣ утомительной войны притащили въ печальный край полярной ночи, какъ это дѣлали французы и итальянцы. — Каждый свободный отъ работы часъ они посвящали лыжамъ и спорту, почему не болѣли цынгой и были бодры. Изъ французовъ «альпійскіе стрѣлки» держались также хорошо, но итальянцы совершенно сдали, такъ что въ декабрѣ 1918 года ихъ начали отправлять на родину.

Вышло, что совсѣмъ незачѣмъ было отправлять итальянцевъ на этотъ сверхъестественный пикникъ, гдѣ довольно много ихъ умерло не отъ руки врага, а отъ цынги и тоски, невольно промѣнявъ каналы Венеціи и ширь неаполитанскаго залива на трагическую тишину Сѣвернаго Полярнаго Круга.

Съ англичанами мнѣ было очень трудно разговаривать по существу, такъ какъ они очень сдержанны и говорятъ неохотно по дѣламъ службы, но въ декабрѣ пріѣхалъ въ Мурманскъ проѣздомъ на Архангельскъ старшій С., у котораго среди здѣшнихъ англичанъ было нѣсколько знакомыхъ по Петербургу. Благодаря ему, я, между прочимъ, познакомился съ начальникомъ «Branch A» Intelligence offic'а, нѣкимъ капитаномъ Small'омъ, которому С. рекомендовалъ меня съ лучшей стороны. Впослѣдствіи Small былъ мнѣ очень полезенъ.

Тѣ немногіе англичане, которые раньше жили въ Россіи и любили ее, какъ любятъ ее всѣ иностранцы, прожившіе тамъ хоть нѣсколько лѣтъ, не понимали своего правительства и сами ощупью старались найти оправданіе и объясненіе его дѣйствіямъ. По ихъ мнѣнію, планъ союзниковъ былъ таковъ: необходимо дать русскимъ, осѣвшимъ въ Мурманскомъ и Архангельскомъ районахъ подъ знаменемъ антибольшевистскаго движенія, возможность передохнуть и выкристаллизоваться въ войско, которое затѣмъ уже, какъ самостоятельная группа, пойдетъ на большевиковъ.

Но при такомъ планѣ нельзя было предполагать, что онъ увѣнчается успѣхомъ, такъ какъ изъ однихъ офицеровъ, которымъ удалось пробраться на Сѣверъ, въ количествѣ 2-хъ, 3-хъ сотенъ, нельзя было набрать войска, слѣдовательно, необходимо было объявить мобилизацію мѣстнаго населенія, то-есть того самаго населенія, которое нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было большевиками и на всю жизнь разложено большевистской доктриной. Мобилизованные еще, пожалуй, нѣкоторое время оставались бы въ повиновеніи, пока были бы цѣлы запасы консервовъ, но затѣмъ дѣло должно было-бы окончиться трагедіей, — тѣмъ-же отданіемъ офицерства на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, какъ это потомъ случилось съ Колчакомъ, преданнымъ Жаненомъ, и офицерами, преданными французами при эвакуаціи Одессы въ началѣ 1919 года.

— Такъ оно и случилось, дѣйствительно, на Мурманѣ черезъ годъ, въ 1920 году, послѣ того какъ союзники эвакуировали сѣверъ. Ясно, что безъ союзниковъ нѣсколько сотъ офицеровъ не могли разбить большевиковъ и освободить Петербурга.

Неизвѣстно, удалось-бы Маннергейму очистить Финляндію, еслибъ нѣмцы, героически жертвуя своими людьми, не проложили ему пути къ побѣдѣ, оставаясь въ Финляндіи до послѣдняго необходимаго момента.

Однако, и съ такимъ объясненіемъ поведенія англичанъ я не могъ согласиться: еслибъ цѣлью прибытія союзниковъ была только поддержка русскихъ на первыхъ порахъ и доставка провіанта и снаряженія, то незачѣмъ было являться на Сѣверъ 30.000-ой арміи подъ общей командой Ironside'а, можно

было-бы удовлетвориться присылкой въ 10 разъ меньшаго количества, цѣль была-бы достигнута въ той-же степени. — Дѣло было, очевидно, не такъ.

Такъ обстояло дѣло со стороны иностранцевъ, что-же касается русскихъ, то оно представлялось въ такомъ видѣ. Для Мурманскаго района представителемъ власти являлся Ермоловъ, бывшій до революціи въ мѣстныхъ краяхъ земскимъ начальникомъ. Онъ, по виду, въ данный моментъ, былъ либеральнымъ дѣятелемъ и правилъ очень осторожно, стараясь оставаться популярнымъ среди низшихъ слоевъ населенія. Его циркуляры были написаны добрымъ казеннымъ языкомъ прежняго времени, когда начальники губерніи отыгрывались, и передъ властью, и передъ населеніемъ. Однако, чтобы найти новые пути правленія безъ помощи циркуляровъ, ему не хватало ни таланта, ни энергіи. Онъ шелъ по знакомой торной дорогѣ, не будучи личностью исключительной. Но не надо забывать, что дѣйствовать ему приходилось при необыкновенно тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ у настоящихъ носителей власти — иностранцевъ, авторитетомъ онъ не пользовался и былъ связанъ по рукамъ и ногамъ на каждомъ шагу своей дѣятельности. Впослѣдствіи, по оставленіи союзниками края, несчастный былъ повѣшенъ.

Огромнымъ механизмомъ управленія портомъ завѣдывалъ инженеръ-механикъ, лейтенантъ Богатыревъ, молодой человѣкъ безъ особаго административнаго таланта. Всѣ-же служащіе, половина которыхъ состояла изъ бѣженокъ, дѣвицъ и дамъ, какъ того и слѣдовало ожидать, относились и къ дѣламъ, и къ собственной судьбѣ абсолютно безразлично. Это гнетущее безразличіе ко всему на свѣтѣ составляло характернѣйшую черту настроенія загнаннаго на Мурманскъ русскаго, — большею частью, Петербургскаго обывателя.

Совершенно подавленные мракомъ хаоса, царившаго въ Петербургѣ, нравственно и физически замученные — бѣженцы, свившіе себѣ непривѣтливыя и холодныя гнѣзда въ Мурманскѣ, образовали изъ себя тотъ опасный тылъ, боязливый и гнилой, какой не разъ уже сыгралъ въ Россіи свою трагическую роль.

Тамъ, гдѣ стоятъ военныя суда и формируются воинскія части, тамъ не должно быть бѣженцевъ. Но, кромѣ чисто психическаго воздѣйствія своей подавленностью, у пассивной части бѣженцевъ была еще одна отрицательная сторона. — Въ Мурманскѣ было нѣсколько домовъ, поставленныхъ на вполнѣ приличную ногу. Это были дома лицъ, занимавшихъ высшее служебное положеніе, — теплые старые дома, меблированные сравнительно прилично, гдѣ были и гостинная, и столовая, и піанино, гдѣ можно было по человѣчески посидѣть, — не на ящикахъ, а на стульяхъ, безъ валенокъ, снявъ съ себя мѣховыя одежды.

Эти дома стали играть роль клубовъ, съ руководящимъ значеніемъ не только во внутренней, но и во внѣшней политикѣ. Если иностранцы и встрѣчались съ русскими, то только въ такихъ домахъ, и поэтому ихъ мнѣнія — съ одной стороны, и взгляды — съ другой, составлялись на основаніи видѣннаго и слышаннаго тамъ. Въ одномъ домѣ, напримѣръ, бывали англичане, — это былъ домъ съ англійскимъ вліяніемъ, въ другомъ — французы, — съ французскимъ вліяніемъ, въ третьемъ, наконецъ, — итальянцы, но это былъ домъ, увы, безъ вліянія, но за то просто пріятный домъ.

Къ сожалѣнію, англійскій домъ совсѣмъ не думалъ о томъ, чтобы обратить свое вліяніе на общую пользу, не дѣлалъ того и французскій, вліяніе не выходило изъ сферы узкой личной пользы.

Что-же касается вліянія во внѣшней политикѣ, то оно клонилось къ тому, чтобы повредить, но не большевикамъ, тамъ на фронтѣ, а кому-нибудь изъ знакомыхъ здѣсь, въ Мурманскѣ, путемъ прямого или косвеннаго доноса.

Какъ и всегда, руководящую роль играли дамы, мирившіяся, ссорящіяся другъ съ другомъ, вмѣшивающіяся и критикующія служебныя назначенія, называя каждаго, непришедшагося имъ по вкусу, большевикомъ и совершенно сбивая съ толку иностранныя бюро развѣдки. Такими домами, напримѣръ, былъ домъ начальника службы связи, капитана II ранга К. — съ англійскимъ вліяніемъ, инженера С. (нынѣ, по слухамъ убитаго большевиками) — съ французскимъ вліяніемъ.

Иногда травили человѣка просто такъ, безъ оттѣнка личнаго чувства неприязни, а потому что уже очень эффектно все складывалось. Такъ, напримѣръ, въ конецъ затравили одного скромнаго офицера, нѣкоего Москалева, объявивъ его большевикомъ, который, къ тому-же вырабатываетъ взрывчатыя вещества, — только потому, что какая-то любопытная дама нашла на его письменномъ столѣ тротиловую шашку, привезенную имъ съ войны. Сплетня пошла въ отсутствіе М. и окрѣпла такъ, что, когда М. вернулся въ Мурманскъ, никто съ нимъ не хотѣлъ кланяться. Впрочемъ, М. повернулъ дѣло серьезно, подавъ на клеветниковъ въ судъ. Такова была атмосфера Мурманска, откуда должно было начаться спасеніе и «оздоровленіе» Россіи.

Пока я ждалъ назначенія, прошло около мѣсяца. Мнѣ былъ предложенъ постъ коменданта одного изъ пароходовъ, мирно стоящаго въ порту. Это было очень выгодное мѣсто, отъ котораго я отказался. А мобилизація все медлила своимъ объявленіемъ. Повидимому, пока, союзники не думали уходить, по крайней мѣрѣ — англичане. Они и въ дѣйствительности пробыли въ Мурманскомъ районѣ цѣлый годъ. Чѣмъ раньше была бы объявлена мобилизація, тѣмъ больше времени можно было продвигаться подъ защитой англичанъ. Правда, неизвѣстно, какъ бы реагировали бы они на значительное продвиженіе русскихъ впередъ, возможно, что они эвакуировали бы районъ раньше, однако, во всякомъ случаѣ, русскими время пропускалось.

Въ концѣ января 1919 года пріѣхалъ изъ Архангельска подполковникъ генеральнаго штаба Костанди, которому было поручено Миллеромъ провести мобилизацію. К. остановился въ домѣ съ англійскимъ вліяніемъ, гдѣ въ честь его устраивались вечера. Дамы приняли его подъ свое покровительство и помогали ему при составленіи плана мобилизаціи. Впослѣдствіи, послѣ эвакуаціи и краха добровольческой арміи, Костанди умѣлымъ вольтомъ перешелъ на сторону большевиковъ, гдѣ находится и по сіе время.

Изъ всѣхъ «дѣловыхъ» русскихъ обращали на себя вниманіе два человѣка — коммерческій командиръ порта — Шнейдеръ, и завѣдывавшій угольными погрузками полковникъ по адмиралтейству, вышедшій когда-то изъ кондукторовъ флота — Самойловъ, человѣкъ необычайной энергіи и кипучей дѣятельности. Хотя онъ не зналъ англійскаго языка, англичане относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Мичманъ-же Шнейдеръ былъ полезенъ англичанамъ и какъ командиръ коммерческаго флота, и какъ человѣкъ, свободно владѣвшій англійскимъ языкомъ. Оба они, Самойловъ и Шнейдеръ, были постоянно заняты и дѣйствительно много работали.

Гражданскій инженеръ изъ Архангельска Каретниковъ издавалъ газету «Мурманскій Вѣстникъ», причемъ матерьялъ ему доставлялся изъ союзническаго информаціоннаго бюро печати, во главѣ котораго стоялъ англичанинъ, нѣкто Стокъ, бывшій до войны въ Россіи химикомъ на заводѣ взрывчатыхъ веществъ

Винера. Я бывалъ у Стока, гдѣ мнѣ не разъ приходилось удивляться огромному количеству даромъ потраченнаго труда, энергіи и матерьяла. У Стока были брошюры, напечатанныя на прекрасной мѣловой бумагѣ, излагавшія сущность революціоннаго переворота въ Россіи и опасность большевизма, причемъ, какъ въ прежнее время въ брошюрахъ Богдановича лейтъ-мотивомъ служило вѣрноподданничество и доказывалось, что народъ долженъ жить главнымъ образомъ для Царя, такъ и въ изданныхъ англичанами брошюрахъ говорилось, главнымъ образомъ, о вѣрности союзникамъ, которые уже не ошибутся и дадутъ Россіи именно то, что ей нужно.

Кромѣ брошюръ было еще множество воззваній къ народу аналогичнаго содержанія, календарей, гдѣ были на каждый мѣсяцъ картинки, указывающія, что нужно русскому крестьянину дѣлать въ опредѣленное время, чтобы онъ не ошибся.

Вся эта дребедень была напечатана на превосходной бумагѣ, лучшими сортами красокъ.

Вкратцѣ литература могла сойти подъ общимъ названіемъ «Samowar russe».

Что-же касается Каретникова, то онъ былъ изъ тѣхъ горемыкъ-писателей, мечта которыхъ всю жизнь состоитъ въ томъ, чтобы увидѣть себя «напечатаннымъ». До революціи ему это не удавалось, а въ Мурманскѣ ему необычайно повезло, ибо теперь-то онъ могъ писать сколько угодно, и передовицы, и критическій отдѣлъ.

При писательской опытности онъ могъ-бы, пожалуй, принести краю извѣстную пользу своей газеткой, такъ какъ населеніе изголодалось по печатному слову, особенно рабочіе, тѣмъ болѣе, что на время пребыванія союзниковъ существованіе ея было обезпечено, но Каретникову это было не по силамъ. Первое время существованія газеты онъ убилъ на споръ съ какимъ-то издателемъ энциклопедическаго словаря и газетная баталія лишала его сна и покоя. Однако, благодаря ему, у Мурманцевъ все-же былъ печатный листокъ.

Изъ дамъ обращала на себя вниманіе вдова адмирала Кетлинская, фанатически, въ память своего мужа, отдавшая себя благотворительности. Она была постоянно въ работѣ, организуя сборы въ пользу школъ, больницъ, бѣдныхъ и настолько заслужила любовь простого народа, что и послѣ прихода большевиковъ не испытала ухудшенія своей участи. Она осталась въ Мурманскѣ, не желая разставаться съ могилой мужа.

Такова, приблизительно, была картина жизни въ Мурманскѣ.

По просьбѣ фонъ Т., уѣхавшаго къ тому времени въ Архангельскъ, я отправился въ Александровскъ, чтобы осмотрѣть тамъ океанографическій музей, которымъ завѣдывалъ приватъ-доцентъ Ланге.

Александровскъ, куда надо было ѣхать Кольской бухтой на пароходикѣ, представлялъ изъ себя на рѣдкость интересный уголокъ. Онъ расположенъ на берегу узкаго фіорда, темносиняя незамерзающая вода котораго представляетъ поразительный контрастъ со снѣговыми горами, его окружающими. Населеніе состоитъ изъ богатырей поморовъ. Избы тамъ выстроены изъ аршинныхъ бревенъ, теплы и помѣстительны. Народъ привѣтливый, но молодежь уже была испорчена большевизмомъ и съ большой лѣнцой.

Океанографическая станція обладала оборудованной для экскурсій двухъмачтовой яхтой, но безъ команды, такъ какъ не было средствъ, и очень приличнымъ двухъэтажнымъ домомъ, бо̀льшая часть котораго была занята лабо-

раторнымъ помѣщеніемъ. Къ сожалѣнію, Ланге былъ настолько безъ средствъ, что самъ долженъ былъ топить домъ, колоть и носить дрова, а о такой роскоши, какъ покупка chemicalia, онъ не могъ мечтать. Благодаря этому, большинство препаратовъ начали портиться, новыхъ приготовлять нельзя было, и станція приходила въ упадокъ. Она должна была бы имѣть большое значеніе въ нормальное время въ процессѣ развитія нашего рыболовства и рыбоводства.

Мнѣ пришлось побывать и въ Колѣ, куда надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ къ югу отъ Мурманска. Я былъ приглашенъ туда знакомыми офицерами-итальянцами.

Городъ Кола насчитываетъ около 4-хъ столѣтій. Не въ первый разъ уже видитъ онъ союзниковъ. Во время Крымской кампаніи сюда приходилъ англійскій крейсеръ, обстрѣлявшій его. Слѣды выстрѣловъ до сихъ поръ видны на колокольнѣ мѣстной церкви.

Одна древняя старушка помнила англичанъ того времени, когда они, по ея словамъ, «много дѣвушекъ испортили», почему и теперь относилась къ нимъ съ враждой, не понимая, какъ они могли стать нашими союзниками.

Въ Колѣ жилъ богатый поморъ, Чертовъ, съ которымъ мнѣ совѣтовали познакомиться. Когда я пошелъ туда, то былъ пораженъ солидностью постройки двухъэтажнаго каменнаго дома и обширностью двора съ сараями, гдѣ стояли крупные быки (самцы) — олени. Цѣлый рядъ одиночныхъ саней-челноковъ лопарей пріѣхавшихъ къ Чертову по дѣлу загромождалъ дворъ. Самъ Ч. казался патріархомъ, воскресшимъ изъ Іоанновыхъ временъ. За столомъ сидѣло больше 12 собственныхъ дѣтей и столько-же родственниковъ. Всѣ сидѣли чинно, въ абсолютной тишинѣ и ѣли колоссальные пироги съ семгой. Вообще по части стариннаго уюта и гостепріимства Ч. не могъ быть превзойденнымъ.

Говорилъ онъ мало, но умно, и хитро слушалъ. Онъ показалъ мнѣ фотографическую карточку Нюланса съ его собственноручной надписью, гдѣ французскій государственный умъ воздавалъ должное мудрецу изъ Колы.

Какъ ни старался я вывѣдать у Чертова, что онъ думаетъ о союзникахъ, вѣритъ-ли въ нихъ, видитъ-ли въ нихъ спасеніе, Ч. чрезвычайно дипломатически уклонялся отъ вопросовъ.

Въ Колѣ уже пережили большевиковъ до прихода иностранцевъ и, какъ передавали, знаменитые черные жемчуга Чертова при этомъ уменьшились въ количествѣ. (Тамошнія женщины до сихъ поръ носятъ старинные шугаи и кокошники, шитые жемчугомъ).

Время между тѣмъ шло, и мнѣ становилось все яснѣе, что дѣлать въ Мурманскѣ нечего. Пріѣзжавшіе изъ Архангельска разсказывали о чудовищномъ разгулѣ и неразберихѣ въ томъ районѣ. Плановъ не составляли никакихъ, просто прожигали жизнь въ оргіяхъ и кутежахъ. Иностранцы во многихъ изъ нихъ принимали личное участіе, и все опредѣленнѣе вырисовывалась безнадежность положенія. Шенкурскъ былъ позорно сданъ, благодаря предательству союзной части, большевики продвинулись впередъ.

Въ Мурманскѣ поговаривали о мобилизаціи. Но такъ какъ она не могла быть проведена скорѣе, чѣмъ въ 3—4 недѣли, и столько-же времени пришлось бы еще гнить въ Мурманскомъ болотѣ дрязгъ и сплетни, я рѣшилъ выйти хотя на время на свѣжій воздухъ. Я воспользовался предложеніемъ Small'я съѣздить развѣдчикомъ въ Петербургъ, найти связи и познакомиться съ настроеніемъ антибольшевистскихъ круговъ.

Казалось-бы, что мой отъѣздъ никого не касался, однако, скучающая русская колонія приняла извѣстіе объ отъѣздѣ съ живѣйшимъ интересомъ. На фонѣ этого событія объединились доселе враждующіе лагери, и на пленарномъ засѣданіи была вынесена резолюція, что я — большевикъ, возвращающійся въ Петербургъ для того, чтобы предать Мурманцевъ. Хотя дѣло сильно попахивало Щедринымъ, но клевета нашла себѣ ходъ даже у англичанъ, и мнѣ пришлось съ представителемъ другой branch'и маіоромъ Scotch-Léendze повоевать.

Домъ съ англійскимъ вліяніемъ, соединившись съ домомъ съ французскимъ вліяніемъ, такъ инспирировали маіора, что понадобилось вмѣшательство начальника англійскаго штаба, чтобы разрѣшить инцидентъ.

Въ этомъ случаѣ русская часть населенія оказалась на высотѣ защиты Мурманска отъ большевиковъ.

Три мѣсяца: декабрь, январь и февраль 1919 года пришлось мнѣ провести на Мурманѣ. Полярная ночь была побѣждена солнцемъ, и въ серединѣ февраля оно показалось на мгновенье, пообѣщавъ на слѣдующій день дольше оставаться на небосклонѣ, но не было просвѣта въ сознаніи обитателей Мурманска. Попрежнему непонятны союзники, попрежнему бездѣятельны, апатичны и равнодушны ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственнаго благополучія, соотечественники.

Я предполагалъ черезъ мѣсяцъ вернуться обратно, но что-то говорило мнѣ, когда я стоялъ на спардекѣ отходящаго парохода, что больше мнѣ не придется увидѣть ни гигантскаго порта, ни англійскихъ солдатъ въ Шакельтоновскихъ шапкахъ, ни русскаго часового, распущеннаго, съ дегенерированнымъ лицомъ, ни этого сѣвернаго солнца, улыбающагося фіордамъ со снѣговыми скалами, отражающимися въ синемъ, незамерзающемъ проливѣ.

На этомъ-же пароходѣ отбывалъ изъ Мурманска начальникъ американскаго морского штаба, Commander Bertholf, уѣзжавшій навсегда. На его мѣсто прибылъ мирный консулъ Pears. — Америка не будетъ воевать въ Россіи!

* *
*

Въ Финляндіи

Въ началѣ мая 1919 года я былъ въ Терріокахъ. Только что въ Финскомъ заливѣ прошла главная масса льда, и онъ въ своей сѣверной части былъ совершенно чистъ, только подъ самымъ Кронштадтомъ, съ его южной стороны встрѣчались отдѣльныя льдины. Погода стояла благопріятная, и я хотѣлъ быть первой ласточкой изъ курьеровъ, идущихъ морскимъ путемъ, пока большевики не усилятъ охраны береговъ.

Я сговорился съ двумя контрабандистами-финнами перейти заливъ на маленькой рыбачьей шлюпкѣ, ходкой и легкой.

Пока я управлялся бы со своими дѣлами въ Петербургѣ, финны ждали бы меня на русской сторонѣ. Одинъ изъ нихъ остался-бы тамъ и вернулся бы сухимъ путемъ самостоятельно, а другой долженъ былъ вернуться обратно вмѣстѣ со мной.

Одинъ изъ контрабандистовъ К. былъ человѣкъ лѣтъ 55, съ бородой съ просѣдью. Раньше, онъ служилъ въ придворныхъ лакеяхъ, въ Гатчинскомъ

дворцѣ. Неизвѣстно, что толкнуло его на скользкій и опасный путь контрабандиста. Отъ солидности, которая предполагается въ придворномъ лакеѣ, у него не осталось и слѣда, несмотря на возрастъ. Это былъ ловкій и смѣлый человѣкъ.

К. долженъ былъ быть полезенъ своимъ родствомъ на русской сторонѣ залива и связями съ контрабандистами-матросами. Другой финнъ — Н. — являлся собственникомъ лодки, по профессіи рыбакомъ, по занятію — контрабандистомъ. Онъ былъ на видъ сильнымъ человѣкомъ, и я считалъ свой выборъ удачнымъ, такъ какъ, въ случаѣ отсутствія вѣтра или въ случаѣ бури, пришлось бы сдѣлать подъ веслами не меньше 12 морскихъ миль.

Послѣ перваго свиданія съ контрабандистами должна была пройти недѣля. За это время я предполагалъ, что заливъ совершенно очистится отъ льда. Щетина на щекахъ моихъ, которыхъ я не брилъ уже недѣли двѣ, должна была пріобрѣсти еще болѣе внушительный видъ за это время. Я также шелъ подъ видомъ финна-контрабандиста.

Когда черезъ недѣлю вечеромъ всѣ сошлись у лодки, то я въ вязанной синей рубашкѣ, въ старомъ пиджакѣ съ чужого плеча, въ высокихъ рыбачьихъ сапогахъ и въ рыбачьемъ картузѣ мало чѣмъ отличался отъ своихъ спутниковъ.

Вечеръ отъѣзда былъ мягкій и теплый, — совсѣмъ не для начала финскаго мая. У берега вѣтра не было, но подальше, темнѣла въ лунномъ свѣтѣ полоса ряби, — дулъ бризъ, а его-то и надо было.

Провожать пришелъ бывшій семеновецъ, капитанъ N., еще совсѣмъ молодой человѣкъ по виду. N. отличался чрезвычайнымъ мужествомъ и за минувшую зиму совершилъ семь походовъ на Петербургъ по льду. Послѣдній уже во время начавшагося ледохода. Благодаря работѣ N., Семеновскій полкъ перешелъ къ бѣлымъ, и много народу было спасено. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть такихъ сдержанныхъ и спокойно-мужественныхъ людей, какъ N. Къ описываемому времени атмосфера вокругъ него стала сгущаться. — Другая опасность, со стороны тѣхъ, кого онъ считалъ своими. Поползла клевета. Русская колонія произвела N. въ нѣмецкіе шпіоны, такъ какъ въ большевистскіе — было-бы уже слишкомъ явной нелѣпостью. Началась травля, и жизнь для N. сдѣлалась невыносимой. Англичане (для кого собственно и была пущена клевета), какъ всегда въ этихъ случаяхъ, повѣрили, и N. пришлось уѣхать въ Польшу, какъ только его мать и сестра, посаженныя большевиками въ тюрьму за работу сына были освобождены.

. . . Сѣли на весла и быстро пошли впередъ. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени оказалось возможнымъ поставить парусъ, и попутнымъ вѣтромъ лодка понеслась. Ночь была лунная, и на прозрачномъ горизонтѣ четко горѣли огни Кронштадтскихъ фортовъ.

Планъ былъ таковъ. На разсвѣтѣ подойти къ Толбухину маяку и высадиться. У К. были тамъ знакомые матросы, занимавшіеся зимой контрабандой. Подъ щитомъ профессіональной дружбы можно будетъ провести на маякѣ время до вечера, и подъ покровомъ сумерокъ дойти до Малой Ижоры, переночевать тамъ въ домѣ чухонца, родственника К., а утромъ дойти до станціи «Спасательная», сѣсть въ поѣздъ и высадиться на Балтійскомъ вокзалѣ. Я шелъ въ Петербургъ безъ всякихъ документовъ, въ расчетѣ лишь на то, что мнѣ удастся избѣжать контроля. Со стороны Балтійской дороги я не предвидѣлъ опасности, такъ какъ обычный путь курьеровъ былъ черезъ финляндскую границу, и врядъ-ли на южной дорогѣ контроль былъ налаженъ.

Что-же касалось самаго пребыванія въ Петербургѣ, то я поставилъ стрѣлку своего мозгового аппарата на «не думай», не желая терять необходимаго спокойствія. Сидя на рулѣ быстрой парусной шлюпки, идущей веселымъ бризомъ въ лунную ночь, я чувствовалъ себя какъ па оригинальномъ ночномъ пикникѣ, и единственная мысль, которая меня занимала, это о Толбухинѣ маякѣ, котораго нельзя было пропустить, чтобы не сдѣлать лишняго пути. Но въ туманѣ луннаго свѣта его пока еще не было видно.

Между тѣмъ, направленіе на него было взято точно, по компасу. Возможно было, конечно, что шлюпку, безъ киля, съ круглымъ дномъ, сноситъ теченіемъ въ сторону, однако, я разсчитывалъ, что маякъ останется все-же въ предѣлахъ видимости.

Надо прибавить, что Толбухинъ маякъ къ этому времени былъ маякомъ лишь по названію, такъ какъ огня на немъ не держали, почему надо было пройти отъ него очень близко, чтобы увидѣть его башню ночью. Оба финна увѣряли, что, идя какъ разъ по взятому курсу, мы встрѣтимъ маякъ.

Прошло часа два, но маяка все не было видно. Вѣтеръ сильно посвѣжѣлъ и развелъ порядочную волну. Ходу прибавилось. Теперь я уже не сомнѣвался, что маякъ мы пропустили. Однако, ничего не оставалось дѣлать, какъ идти впередъ. На разсвѣтѣ найти маякъ будетъ значительно легче. По волнѣ можно было судить, что мы ушли уже очень далеко отъ финской стороны. На юго-западѣ были видны огни. Я почти не сомнѣвался, что это были огни «Красной Горки». П. утверждалъ, что это — Ораніенбаумъ. Но нелѣпость утвержденія была слишкомъ очевидна. Выходило, что теченіемъ насъ относило въ противоположную сторону и что, слѣдовательно, маякъ мы должны открыть справа, а не слѣва.

Стало разсвѣтать. Волны были настолько велики, что пришлось убавить парусъ. Черезъ минутъ 30 горизонтъ сдѣлался довольно яснымъ, и тогда, миляхъ въ 4—5-ти, далеко позади, къ сѣверу, я увидѣлъ предметъ, который могъ быть и мачтой корабля, и маякомъ.

Обладая очень острымъ зрѣніемъ, я вскорѣ различилъ характерный для Толбухина маяка сдвинутый на бокъ куполъ.

Финны, однако, утверждали, что это идущее въ полъ-вѣтра судно. Однако, я больше не сомнѣвался въ томъ, что я видѣлъ, и приказалъ повернуть обратно. Идти обратно пришлось прямо противъ волны, довольно свѣжей, и выгребать было очень трудно. Когда окончательно разсвѣло пришлось убѣдиться, что мы были на одной высотѣ съ фортомъ «Сѣрая Лошадь», вынесеннымъ впередъ отъ «Красной Горки», непосредственно на траверзѣ деревни «Хярмилева», лежащей въ глубинѣ Капорской губы. Понадобилось около 5-ти часовъ, чтобы выгрести противъ высокой и частой волны къ Толбухину маяку.

За каменной грядой, далеко уходящей въ море, было спокойно. Никто не обратилъ вниманія на прибывшихъ, маякъ казался необитаемымъ. К. пошелъ на развѣдки. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся обратно съ не особенно довольнымъ видомъ. Оказалось, что команда матросовъ перемѣнилась въ полномъ составѣ, и знакомыхъ не нашлось. Онъ назвалъ себя контрабандистомъ и предложилъ подѣлиться выручкой.

Возвращаться на лодку и бѣжать съ маяка было-бы безцѣльно, такъ какъ, несомнѣнно, на маякѣ имѣлись плавучія средства, и усталымъ людямъ не удалось-бы скрыться. Пришлось идти «va banque».

Среди команды нѣсколько человѣкъ оказались чухонцами-карелами, говорящими на томъ-же языкѣ, что и финны.

К. представилъ меня, какъ своего дворника. Боясь, что со мной будутъ говорить по фински, я схватился за щеку, притворяясь, что страдаю отъ зубной боли. Теперь нечего уже было и думать о томъ, чтобы отдохнуть на маякѣ до вечера, атмосфера была слишкомъ напряженная. Высокій матросъ, русскій, показался мнѣ особенно подозрительнымъ. Онъ очень пристально нѣсколько разъ посмотрѣлъ на мои руки, не успѣвшія пріобрѣсти достаточно рыбачьяго вида. Затѣмъ онъ поднялся и вышелъ, но въ дверяхъ остановился и еще разъ пристально посмотрѣлъ на меня.

Дѣло было не въ порядкѣ. Я вышелъ также, чтобы, въ случаѣ, если матросъ предприметъ что-либо, по возможности помѣшать ему въ этомъ. Однако, выйдя изъ помѣщенія, я матроса не увидѣлъ, но зато увидѣлъ готовую къ отплытію большую парусную шлюпку съ поднятымъ парусомъ. Два весла лежали на пристани. Мнѣ очень важно было узнать, когда были принесены весла. Если только что, то, очевидно, собирались уѣзжать, чтобы дать знать на ближайшій фортъ о присутствіи на маякѣ подозрительныхъ незнакомцевъ.

Въ этомъ случаѣ пришлось бы рискнуть и постараться вытащить изъ дна шлюпки пробку, чтобы наполнить ее водой.

На пристани была дѣвочка лѣтъ 6-ти, дочь боцмана. Я спросилъ ее, когда были принесены весла, недавно-ли? — Недавно, отвѣчала дѣвочка. — А когда именно? — Вчера вечеромъ.

Отвѣтъ успокоилъ меня. Въ это время изъ жилого помѣщенія вышелъ К. «Нехорошо, надо ѣхать», — были его слова.

Когда мы были уже въ лодкѣ и отъѣхали довольно далеко отъ маяка, К. разсказалъ, въ чемъ дѣло. — Русскій матросъ пошелъ телефонировать въ Кронштадтъ, чтобы на маякъ былъ присланъ моторный катеръ, такъ какъ прибыли подозрительные люди, но телефонъ оказался испорченнымъ. Это спасло насъ. Чухонцы-матросы защищали прибывшихъ, но помѣшать говорить по телефону не рѣшались. Преслѣдовать-же отъѣхавшихъ на лодкѣ въ одиночку матросъ не могъ.

Усталые отъ тяжелой гребли противъ волны мы медленно подвигались впередъ. Я сталъ держать прямо на берегъ, для того чтобы потомъ пойти на Малую-Ижору параллельно ему, не возбуждая подозрѣнія у патрулей, которые при этомъ курсѣ могли-бы насъ счесть за мѣстныхъ рыбаковъ. Вообще приходилось идти на удачу, такъ какъ на Толбухиномъ маякѣ не удалось узнать, ни — гдѣ ходятъ патрули, ни — когда. Вѣтеръ совершенно спалъ, и море заснуло. Кое-гдѣ попадались тонкія льдины. Неожиданно показался тюлень, и его блестящая черная голова слѣдовала за нами почти до Ижоры.

Показалась широкая песчаная полоса ея берега со множествомъ вытащенныхъ лодокъ. — Увы, было воскресенье, и, если на берегу былъ бы хоть одинъ внимательный часовой, намъ не пришлось бы выйти благополучно. Наша лодка была единственной находящейся на водѣ. Но такого внимательнаго часового на наше счастье не оказалось.

Подтащивъ лодку до мелкаго мѣста, мы оставили стоять ее на якорѣ, а сами перешли по водѣ, перенеся на берегъ сѣти и весла.

Домъ родственника К. стоялъ какъ разъ противъ мѣста нашей высадки и оказался небольшой чрезвычайно старой избой, выстроенной изъ небывало широкихъ бревенъ. Самъ хозяинъ по виду имѣлъ не меньше 80-ти лѣтъ. Приблизительно такого-же возраста была и его жена, женщина съ распухшими, колодообразными ногами, охавшая при каждомъ движеніи. Оба они, казалось,

позеленѣли отъ старости. Кромѣ нихъ былъ еще карликъ съ огромной головой и рѣдкой бородой, сквозь которую просвѣчивала кожа. Всѣ они, въ почернѣвшей отъ копоти избѣ, выстроенной изъ аршинныхъ бревенъ, казались безплотными персонажами «Калеваллы».

Но я не могъ больше бороться со сномъ. Я не нашелъ въ себѣ даже силы смыть кровь съ измученныхъ 11-ти часовой греблей рукъ и, пластомъ растянувшись на полу, моментально заснулъ.

Когда я проснулся, были уже сумерки. Какое-то новое лицо находилось въ избѣ и съ любопытствомъ меня разглядывало. Осѣдланная лошадь была видна въ окно. Лицо обладало эмблемами власти, въ видѣ красной звѣзды, серпа и молота. Я съ удовольствіемъ убѣдился, что долгій сонъ успокоилъ нервы и возстановилъ силы. Въ заднемъ карманѣ брюкъ пріятно чувствовалъ тяжесть Маузера. — Въ случаѣ попытки арестовать — немедленно стрѣлять съ самой близкой дистанціи въ комиссара, а затѣмъ бѣжать на холмъ и тамъ скрываться.

Но вновь прибывшій не обнаруживалъ признаковъ враждебныхъ дѣйствій, наоборотъ, его взглядъ былъ чрезвычайно дружелюбенъ и даже заискивающъ. Комиссаръ не былъ изъ породы грабителей, это былъ человѣкъ, интересовавшійся коммерческой стороной большевизма и искавшій «дѣловыхъ» связей. Не была исключена и та возможность, что онъ былъ уже посвященъ финнами въ сущность дѣла и получилъ соотвѣтствующую мзду. Я пересталъ имъ интересоваться и, оставивъ его своимъ гребцамъ-финнамъ, вышелъ на берегъ. Благодаря тому, что онъ былъ очень низменный, чрезвычайно сокращалась перспектива воды, и противолежащіе форты и Кронштадтъ казались совсѣмъ близкими.

— Вотъ фортъ Александра III, вотъ — Меньшикова!

— Сколько разъ я смотрѣлъ на нихъ съ мостика «Памяти Азова»!

Тогда я мечталъ о бѣгствѣ изъ Кронштадта, тогда мнѣ казалось, что, попавъ за границу, я выполню тѣмъ самымъ главную часть программы, а тамъ дѣло пойдетъ само собой, удастся собрать честныхъ и смѣлыхъ людей, найти помощь у союзниковъ и легко и быстро войти побѣдителями въ Петроградъ. Тогда еще жива была въ моей душѣ патетическая шумиха печати о долгѣ Европы передъ культурой, о братствѣ народовъ, съ виду такая безкорыстная и прямая шумиха, но на дѣлѣ — грозный подлогъ! — Прошло только 8 мѣсяцевъ со дня бѣгства изъ Кронштадта, и за это время у меня создались совершенно новыя перспективы и по отношенію къ союзникамъ, и по отношенію къ соотечественникамъ...

Въ Кронштадтѣ и на фортахъ затрепетали огни, на прозрачномъ небѣ нѣжно вырисовался лунный серпъ. Надвигалась ночь. Я вернулся въ душную избу съ никогда не открывавшимися окнами и тучами мухъ. Но долго еще не удавалось мнѣ заснуть. Старикъ разсказывалъ о своихъ планахъ вернуться въ Финляндію, гдѣ онъ родился и гдѣ ему хотѣлось умереть. Голодъ и нищета царили въ его мрачномъ обиталищѣ. Онъ хочетъ поѣсть передъ смертью. Старуха ему печально поддакивала.

Ладони стали нарывать и горѣли, что тоже мѣшало мнѣ заснуть.

Утромъ, съ первымъ поѣздомъ мы, вмѣстѣ съ К., отправились со станціи «Спасательная» въ Петербургъ. Н. долженъ былъ четыре дня ждать насъ на Малой-Ижорѣ.

Поѣздку въ Петербургъ удалось продѣлать благополучно. Документовъ, какъ я и разсчитывалъ, не провѣряли въ дорогѣ. На перронѣ Балтійскаго вокзала я столкнулся съ матросомъ, на ленточкѣ котораго стояла: «Памятъ Азова».

Это былъ кочегаръ съ моего корабля. Однако, маскировка была настолько удачна, что я не былъ узнанъ.

Четыре дня въ Петербургѣ пролетѣли, какъ одинъ, — мнѣ удалось узнать много важнаго относительно Кронштадта. Взятіе его при поддержкѣ англійскаго флота рѣшало бы судьбу Петербурга. Надо было возвращаться и торопиться начинать.

Обратный походъ на Терріоки удалось продѣлать благополучно. К. остался въ Петербургѣ по личнымъ дѣламъ, но зато въ лодкѣ были новые пассажиры — двѣ изящныя дамы въ мѣховыхъ манто съ новыми англійскими чемоданами въ рукахъ. Везти ихъ представлялось довольно рискованнымъ, такъ какъ стиль ихъ одѣяній далеко не подходилъ къ рыбачьей лодкѣ, но я не нашелъ въ себѣ силы отказать имъ, когда К. привелъ ихъ на Балтійскій вокзалъ.

Прямо въ Терріоки намъ все-же не удалось попасть, благодаря противному вѣтру и сильному теченію къ западу. Высадились въ «Пумаля», еще западнѣе форта «Ино», откуда въ телѣгѣ прибыли въ Терріоки.

Въ «Пумаля» солдатами финской морской пѣхоты мы были отведены къ коменданту, штабъ котораго помѣщался на дачѣ П. Н. Милюкова, гдѣ и провели 4 часа, пока комендантъ сносился съ Терріоками и ждалъ распоряженій. Большой кабинетъ ученаго былъ пустъ. Книжные шкафы были открыты и необитаемы.

Въ Терріокахъ были осмотрѣны тюки, привезенные финнами.

Одинъ изъ проживавшихъ тамъ русскихъ офицеровъ, нѣкто А-евскій, просилъ меня привезти ему маленькій пакетъ. Я предложилъ обратиться къ финну, ѣхавшему вмѣстѣ со мной. Въ Петербургѣ, въ день отъѣзда, я встрѣтился съ К., буквально изнывавшимъ подъ тяжестью двухъ тюковъ. Пришлось мнѣ одинъ изъ нихъ взять на себя. Въ вагонъ трамвая насъ не пустили, такъ какъ тюки были слишкомъ велики, пришлось идти пѣшкомъ на Балтійскій вокзалъ, подвергаясь риску быть задержанными милиціей, какъ мѣшечники.

Въ Терріокахъ я поинтересовался, что за вещи были въ тюкахъ, изъ-за которыхъ я рисковалъ собой, и въ Петербургѣ, и въ пути. — Тамъ были костюмы А-евскаго и его жены, ея корсеты и даже — балетныя туфли . . .

Теперь мнѣ приходилось возвращаться на Сѣверъ. Въ Сѣверную операцію мнѣ, однако, что-то плохо вѣрилось. Не говоря уже о томъ, что отъ Мурманска до Петербурга нужно было продѣлать почтенную дистанцію при самыхъ скверныхъ условіяхъ даже въ случаѣ успѣха, необходима была увѣренность въ солдатахъ въ теченіе такого долгаго промежутка времени. Вождя — не было, то-есть такого вождя, вокругъ котораго было бы объединено офицерство, и имя котораго было-бы популярно среди солдатъ. Цѣлый рядъ другихъ сложныхъ вопросовъ былъ еще связанъ съ продвиженіемъ сѣверной арміи, какъ то: доставка фуража, транспортъ, вліяніе мѣстнаго населенія, иногда поставленнаго между двухъ огней — бѣлаго и краснаго, не говоря уже о томъ, что Мурманская армія къ тому времени была еще въ зародышевомъ состояніи и нужно было долго ждать въ томъ случаѣ, когда нельзя было терять ни минуты времени.

Въ Петербургѣ къ тому времени уже имѣлись свѣдѣнія о готовности Кронштадта и Красной Горки перейти къ бѣлымъ. Тогда подъ защитой ихъ орудій даже небольшое войско могло имѣть успѣхъ.

Огромнымъ моральнымъ факторомъ, и для большевиковъ, и для населенія было бы появленіе на Невѣ, въ центрѣ Петербурга кораблей подъ старымъ

флагомъ. Со входомъ англичанъ въ Кронштадтъ была бы рѣшена участь «Красной Горки», и я рѣшилъ переговорить по этому поводу съ англійскимъ военнымъ агентомъ въ Швеціи, маіоромъ С-ломъ.

Во время пребыванія въ Гельсингфорсѣ, въ маѣ 1919 года, мнѣ удалось познакомиться и сойтись съ русскимъ полковникомъ Д-хановымъ, интеллигентнымъ офицеромъ, окончившимъ Михайловскую артиллерійскую академію.

Д-хановъ былъ однимъ изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ организаціи сѣверо-западной арміи. Онъ зналъ о моемъ отъѣздѣ и предлагалъ мнѣ вернуться послѣ поѣздки на Мурманъ обратно въ Гельсингфорсъ, на совмѣстную работу.

Въ указанный періодъ времени настроеніе офицеровъ финновъ было явно на сторонѣ русскихъ. Тогда жива была надежда на совмѣстныя дѣйствія противъ большевиковъ. Большинство, если не всѣ финскіе офицеры, служили раньше въ русской арміи и проявляли по отношенію къ ней живѣйшую симпатію. Исключеніе составляли лишь егеря, служившіе во время войны въ нѣмецкой арміи, но и они желали войны съ большевиками.

Къ С-лу въ Стокгольмъ я ѣхалъ уже съ готовымъ планомъ и разсчитывалъ на то, что мнѣ удастся убѣдить его въ необходимости возвращенія въ Финляндію.

Въ Стокгольмѣ я провелъ 3 недѣли. С-лъ согласился оставить меня пока тутъ, ожидая, какую форму примутъ работы русскихъ въ Гельсингфорсѣ. Ему былъ лично извѣстенъ Д-хановъ, съ которымъ онъ познакомился въ Финляндіи. Кромѣ того, С-лъ ждалъ свѣдѣній изъ Петербурга отъ своихъ.

Черезъ 2 недѣли мнѣ было сообщено, что я могу возвратиться въ Гельсингфорсъ. Для меня это было праздникомъ.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ черезъ Стокгольмъ прослѣдовала партія морскихъ офицеровъ, направляемыхъ въ Архангельскъ на предметъ укомплектованія судовъ, входящихъ въ рѣчныя флотиліи. Но мнѣ было ясно, что судьба большевиковъ должна рѣшиться не подъ Архангельскомъ, а подъ Петербургомъ, съ переходомъ флота на сторону бѣлыхъ, при поддержкѣ англійскихъ кораблей.

За нѣсколько дней до отъѣзда въ Гельсингфорсъ, въ серединѣ іюня въ Стокгольмскихъ газетахъ были помѣщены телеграммы о томъ, что Кронштадтъ сдался.

Потомъ выяснилось, что Кронштадтъ дѣйствительно выбросилъ бѣлые флаги, но англійскій флотъ, стоявшій въ Койвисто, ничѣмъ не реагировалъ на сигналъ. Кронштадтъ дважды выбрасывалъ бѣлые флаги, но оба раза — безрезультатно. Очевидно, у англичанъ были свои планы.

Черезъ недѣлю я выѣхалъ въ Гельсингфорсъ.

Къ этому времени въ Гельсингфорсѣ дѣла обстояли слѣдующимъ образомъ:

Въ «Societets-Huset» сидѣлъ Юденичъ со штабомъ и вырабатывалъ планы наступленія на Петербургъ изъ Ревеля, совмѣстно съ эстонцами. Въ одномъ изъ отелей Brönde сидѣлъ командующій англійскими оккупаціонными силами, генералъ Гофъ, котораго за его исключительное пристрастіе къ танцамъ прозвали «танцующій генералъ» (dancing general). У финско-русской границы были скоплены большія силы финновъ, съ пулеметами и орудіями полевой, а отчасти и крѣпостной артиллеріи. Части были укомплектованы, главнымъ образомъ, Schutzcar'омъ, то-есть «бѣлой гвардіей». Въ Койвисто стоялъ англійскій флотъ подъ командой адмирала Кована. Таковы были «внѣшнія возможности», что-же касается ихъ содержанія, то повсюду встрѣчались препятствія.

Юденичъ совершенно не интересовался планомъ овладѣнія Кронштадтомъ, у Гофа были свои собственныя соображенія, а финское командованіе не могло

начать наступленія безъ разрѣшенія сейма, который долженъ былъ вотироватъ кредиты на веденіе войны. Сеймъ же не хотѣлъ войны.

Что-же касается англійскаго флота, насчитывавшаго въ Койвисто до 82 вымпеловъ, то онъ былъ въ абсолютномъ бездѣйствіи, и единственными живыми судами въ немъ были моторныя лодки гидропланнаго типа, тренировавшіяся въ заливѣ.

На слѣдующій день по своемъ пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ я явился къ адмиралу Пилкину и просилъ разрѣшенія изложить свой планъ овладѣнія Кронштадтомъ. Адмиралъ сообщилъ, что этотъ планъ занимаетъ уже нѣсколько моряковъ и предложилъ мнѣ побесѣдовать по этому поводу съ ними лично. Одинъ изъ нихъ былъ капитанъ I-го ранга В-кенъ, человѣкъ извѣстный своей исключительной храбростью. Другой былъ капитанъ II-го ранга Б-ссеръ, жившій въ Теріокахъ и находившійся въ контактѣ съ французскимъ командованіемъ. Я отправился къ В-кену. Насколько я могъ понять своего собесѣдника, В-кенъ не очень разсчитывалъ на англичанъ, а, главнымъ образомъ, лишь — на собственныя силы.

Однако, онъ предложилъ мнѣ попытаться сдѣлать что-нибудь и съ помощью англичанъ.

Къ этому времени я сдѣлалъ уже нѣсколько пробѣговъ на гидропланныхъ моторныхъ лодкахъ въ Петербургъ между фортами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и подъ обстрѣломъ, и убѣдился въ ихъ превосходныхъ качествахъ.

— Еслибы можно было дѣйствовать самостоятельно, получивъ эти лодки въ свое полное распоряженіе, то, пользуясь создавшимся настроеніемъ въ средѣ Кронштадтскихъ матросовъ, при совершенно свободномъ входѣ въ Военную Гавань черезъ Лѣсныя Ворота (боны стали заводиться лишь послѣ 18-го августа, послѣ налета англійскихъ лодокъ, окончившагося для Кронштадта пустяками, а для англичанъ — плачевно), человѣкъ 25 моряковъ, проникнувъ въ Кронштадтъ, легко-бы могли поднять недовольныхъ и овладѣть городомъ. Что партіи недовольныхъ были сильны и значительны, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что Кронштадтъ дважды выбрасывалъ бѣлые флаги. Огромнымъ положительнымъ факторомъ въ сторону успѣха предпріятія было присутствіе англійскаго флота, что дѣйствовало на матросовъ устрашающе и многихъ изъ нихъ заставило опомниться.

Необходимое число людей, готовыхъ рискнуть собой при этой попыткѣ, много разъ покрывалось числомъ желающихъ; всѣ необходимыя свѣдѣнія, какъ-то: имена кораблей, готовыхъ перейти, имена комиссаровъ-большевиковъ, съ ихъ характеристикой — все имѣлось на рукахъ, единственное чего не хватало — быстрыхъ моторныхъ лодокъ, и онѣ-то и были у англичанъ.

Казалось, самъ Богъ послалъ эти лодки сюда. При ихъ молніеносной быстротѣ — 40 узловъ, то-есть семьдесятъ верстъ въ часъ, отрядъ могъ влетѣть въ Кронштадтъ, неожиданный, какъ ударъ грома съ яснаго неба, и за кратчайшее время планъ могъ-бы быть выполненнымъ.

Достаточно было-бы нѣсколькимъ англійскимъ кораблямъ подойти къ Кронштадту на предѣлъ видимости, для того, чтобы упрочить за собой захватъ.

Планъ былъ простъ и логиченъ, и я началъ переговоры съ англичанами въ радужной надеждѣ на успѣхъ.

Но меня ожидало разочарованіе.

Мнѣ дали понять, что у англичанъ есть люди, которымъ поручено разработать вопросъ безъ участія русскихъ.

«Моторныя лодки могутъ выйти только съ командиромъ-англичаниномъ, а послѣдній не сможетъ дѣйствовать самостоятельно, безъ разрѣшенія адмирала Кованъ. Насколько-же извѣстно, Кованъ этого разрѣшенія не дастъ».

Я понялъ, что у англичанъ есть свои особые планы, мнѣ недоступные. Понялъ я ихъ только въ августѣ, вернувшись изъ Петербурга, куда я былъ посланъ вывезти сэра Поля Дьюкса.

18-го августа 11 англійскихъ моторовъ ворвались въ Кронштадтскую Военную Гавань.

Это былъ, дѣйствительно, лихой налетъ. 7 моторовъ было потоплено «Гавріиломъ», которымъ командовалъ замѣчательный морякъ и артиллеристъ, Севастьяновъ. Послѣдній не могъ видѣть равнодушно, какъ атакуютъ минами дредноуты, не могъ видѣть ихъ гибели. Очевидцы передавали, что его миноносецъ буквально танцовалъ среди 11-ти англійскихъ моторовъ, и въ короткое время потопилъ семь изъ нихъ. Остальные бѣжали. Результатомъ атаки было поврежденіе дредноута «Петропавловскъ», скоро исправившаго свои поврежденія, да гибель отжившаго свой вѣкъ учебнаго суда «Память Азова», въ котораго мина попала случайно, такъ какъ предназначалась она пловучему доку, стоявшему рядомъ.

Къ чести русскихъ матросовъ «Гавріила», хотя и большевиковъ, надо сказать, что къ разбитому врагу они отнеслись милосердно, подобравъ всѣхъ до одного.

Итакъ, — вотъ каковъ былъ планъ англичанъ. Они предпочли пожертвовать, и своими людьми, и своими лодками, для того, чтобы уничтожить бригаду единственныхъ въ мірѣ по своей однотипности и боевымъ качествамъ русскихъ линейныхъ кораблей, играя на войнѣ съ большевиками. Они не пожелали взять сдающагося имъ Кронштадта, не пожелали воспользоваться работой русскихъ моряковъ, взявшихъ бы Кронштадтъ, не прибѣгая къ потопленію прекрасныхъ кораблей, которые пригодились бы еще Россіи, и, какъ это не въ первый разъ случалось уже съ ними, сдѣлали колоссальную глупость: погубили свои лодки, погубили своихъ людей, сдѣлали совершенно невозможной мирную сдачу Кронштадта, озлобили матросовъ, а, главное, показали, что англичане не страшны и что ихъ можно легко расколотить.

Къ чему было все это? Какое значеніе имѣлъ этотъ налетъ для освобожденія Россіи отъ большевиковъ?

Но все это выяснилось впослѣдствіи, спустя мѣсяцъ послѣ полученія отъ англичанъ отказа дать свои лодки. Пока-же, надо было изобрѣтать что-либо новое. Необходимо было занять Кронштадтъ, пока англичане были еще въ Финскомъ заливѣ.

Былъ созданъ новый планъ: высадки дессанта на одномъ изъ фортовъ Кронштадта при поддержкѣ любого англійскаго крейсера. Буксиръ и баржу представлялось возможнымъ достать. Вопросъ былъ лишь въ поддержкѣ корабля. Поддержка эта должна была имѣть чисто моральное значеніе и выразиться — лишь въ громѣ орудійныхъ выстрѣловъ.

Этотъ планъ былъ значительно сложнѣе предыдущаго, требовалъ бо̀льшаго количества людей и средствъ.

Полковникъ Д-хановъ и бывшій офицеръ Преображенскаго полка М. взялись за дѣло доставки оружія. Вскорѣ выяснилось, что черезъ финскаго генерала И-уса добыто 20.000 ружей.

Хуже шло дѣло съ поддержкой со стороны англичанъ.

Генералъ Гофъ, являвшійся начальникомъ всѣхъ англійскихъ силъ, былъ очень тугъ на быстрое рѣшеніе вопроса и большею частью — неуловимъ.

Къ этому времени на русско-финской границѣ положеніе было довольно обострено. Большевики ожидали наступленія финновъ, но сами не рѣшались начинать. Обѣ стороны скопили къ іюлю 1919 г. большія силы на границѣ. Со стороны финновъ было много бѣлой гвардіи, и всѣ отвѣтственныя мѣста были заняты ею. У границы стояли блиндированные поѣзда и орудія крѣпостной артиллеріи. Въ свою очередь, финны также не хотѣли начинать наступленія. Необходимо было заставить большевиковъ двинуться первыми.

Всѣ Schutz-Car'исты рвались впередъ. Разгромомъ большевиковъ разрѣшалась бы напряженная атмосфера, царившая въ Финляндіи.

На свои войска финны въ 19-мъ году не особенно полагались. Среди нихъ была сильная пропаганда красныхъ. Schutz-Car являлся единственнымъ объединяющимъ армію элементомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ его составъ входили главнымъ образомъ представители свободныхъ профессій, принужденные все свое время отдавать военной службѣ; имъ нужна была рѣшительная война, для того чтобы выйти изъ создавшагося положенія. Къ тому времени финская армія имѣла несомнѣнный перевѣсъ надъ русской и, въ случаѣ, еслибъ былъ созданъ прецедентъ и начались враждебныя дѣйствія, она, перейдя границу, легко-бы овладѣла Петербургомъ.

Но опять, какъ и на Сѣверѣ, на Мурманѣ, такъ и здѣсь происходило что-то непонятное. Опять кто-то путалъ, не разрѣшалъ, подговаривалъ, уговаривалъ, жаловался на то, что правительство не понимаетъ положенія вещей, а, какъ потомъ выяснилось, только издѣвался и надъ финнами и надъ русскими.

Бывшій русскій гвардеецъ Э., теперь финскій офицеръ, долженъ былъ разрубить Гордіевъ узелъ, самостоятельно поведя наступленіе на большевиковъ съ добровольцами. Было рѣшено, что онъ будетъ поддержанъ пулеметами англійскихъ моторныхъ лодокъ. Въ назначенный часъ лодки должны были обстрѣлять Сестрорѣцкъ и прилежащіе районы, а Э. — перейти границу къ сѣверу отъ Райойоки.

Въ началѣ предполагалось вооружить моторныя лодки 75-ти-миллиметровыми орудіями, чтобы обстрѣлять также и номерные форты и навести панику. Но, къ сожалѣнію, легкая конструкція лодокъ не допускала установки орудій.

При выполненіи плана произошло расхожденіе, и каждая часть выполнила свою задачу самостоятельно. Лодки обстрѣляли Сестрорѣцкъ, но результаты обстрѣла остались невыясненными.

Лодка № 7 повредила себѣ винтъ о камень, подойдя слишкомъ близко къ берегу, и надолго вышла изъ строя.

Э. успѣшно перешелъ границу и занялъ пять деревень.

Но этимъ все и окончилось. Большевики остались стоять на своихъ мѣстахъ. Дѣло не вышло. Э. постигли за самовольный переходъ границы большія непріятности по службѣ.

Въ случаѣ войны финновъ съ большевиками облегчался бы значительно вопросъ о дессантѣ, о занятіи Кронштадта и о поддержкѣ корабельными орудіями наступающихъ армій.

Послѣ-же неудачнаго дня наступленія на большевиковъ, вопросъ о дессантѣ стоялъ съ прежней остротой.

Большая военная масса обладаетъ гипнотическимъ вліяніемъ. Казалось-бы очевидной нелѣпостью присутствіе такой силы, какъ англійскій флотъ въ Кой-

висто, — лишь для простого наблюденія за событіями. Мнѣ твердо вѣрилось, что англійскія силы что-либо предпримутъ.

Изъ бесѣды съ англійскими моряками, стоявшими въ Терріокахъ на гидропланныхъ лодкахъ, я узналъ, что Кронштадтъ будетъ занятъ во что-бы-то ни стало.

Лично мнѣ казалось, что въ данномъ случаѣ играло роль англійское самолюбіе, въ силу котораго Кронштадтъ долженъ былъ быть занятъ англичанами самостоятельно. Возможно, что здѣсь имѣли значеніе и призы. Дѣло въ томъ, что англійскіе моряки получали, кромѣ орденовъ, еще и денежныя награды, по числу экипажа захваченнаго корабля. Имъ, слѣдовательно, было важно захватить русскіе корабли лично, безъ посторонней помощи.

Я очень сошелся съ нѣкоторыми изъ моряковъ, дѣля опасности походовъ вмѣстѣ съ ними. Всѣ они казались мнѣ удивительно милыми и искренними людьми. Такой моментъ, какъ аттака и занятіе Кронштадта, представлялся мнѣ исключительнымъ, и командиръ отряда, лейтенантъ Эгаръ, далъ мнѣ слово, что я буду также взятъ на лодку.

Казалось, что вопросъ о дессантѣ получаетъ все-же благопріятное рѣшеніе. Такъ называемые «политическіе англичане», принимавшіе участіе въ его разрѣшеніи, не видѣли новыхъ препятствій.

Что за жертвы несли-бы въ этомъ случаѣ англичане? Добровольцы состояли изъ русскихъ, баржа и буксиръ должны были быть доставлены не англичанами, и единственнымъ, въ чемъ бы выразилась ихъ забота, это — демонстративный походъ какого-нибудь крейсера и демонстративная-же пальба изъ орудій.

Но вышло иначе. Въ началѣ августа я былъ экстренно вызванъ. Мнѣ было предложено поѣхать курьеромъ въ Петербургъ. Я вначалѣ опѣшилъ. Я былъ увѣренъ, что вызываютъ меня въ связи съ благопріятнымъ рѣшеніемъ вопроса о дессантѣ, поэтому предложеніе отправляться въ Петербургъ было для меня большимъ ударомъ.

Въ предыдущія свиданія я находилъ открытое сочувствіе плану, и вдругъ, сразу, такое рѣзкое измѣненіе отношенія!

Казалось, что до сихъ поръ со мной просто мило играли и лишь теперь, когда меня отправляли въ Петербургъ, заговорили серьезно.

— Уже три недѣли ни одинъ курьеръ не переходилъ границы со стороны Финляндіи. Послѣдній былъ раненъ въ лѣсу на русской сторонѣ, сейчасъ-же по ту сторону Сестры-рѣки. Ему удалось спастись. Но до него курьеры были убиты. Мнѣ предстояло совершить походъ по морю, на моторѣ, съ высадкой подъ Петербургомъ; съ одной стороны, это было проще, но съ другой — пути отступленія были для меня отрѣзаны въ тотъ моментъ, какъ моторъ возвращался въ Финляндію.

Въ бумагѣ, полученной изъ Стокгольма отъ С-ла было сказано, что надо найти «a strong man» для выполненія порученія. Мнѣ льстило съ одной стороны, что былъ избранъ я, но съ другой было невыносимо тяжело уѣзжать отъ развертывающихся событій. Юденичъ къ этому времени (августъ 1919 г.) успѣлъ уже выкристаллизоваться, съ Красной Горкой дѣла шли успѣшно и каждый день могла произойти сдача Кронштадта.

При своемъ послѣднемъ свиданіи съ помощникомъ С-ла въ Гельсингфорсѣ, я получилъ завѣреніе, что экспедиція, на которую я посылаюсь, необходима для русскаго дѣла, и что Англія никогда не забудетъ ея участниковъ. При этомъ, Le-M., который разговаривалъ со мной, провелъ на моей груди крестъ.

Въ этотъ-же день я узналъ отъ Эгара, что меня посылаютъ въ Петербургъ вывезти оттуда застрявшаго Paul Dukes'а, впослѣдствіи за свою работу получившаго Sir'а.

Я простился съ капитаномъ Б-ссеромъ, участникомъ въ созданіи плановъ завладѣнія Кронштадтомъ, и выразилъ надежду вернуться черезъ недѣлю, когда снова можно будетъ взяться за дѣло.

Черезъ нѣсколько дней, часовъ въ 9 вечера въ большой столовой новой дачи въ Терріокахъ, занятой иностранными моряками, собралось нѣсколько человѣкъ. Въ послѣдній разъ разсматривалась морская карта той маленькой части Финскаго залива, которая у моряковъ именуется Маркизовой Лужей.

Все было уже много разъ пересмотрѣно и вывѣрено, глубины и опасныя мѣста выучены наизусть, но все хотѣлось бросить еще разъ взглядъ на эти тоненькія карандашныя линіи курсовъ, по которымъ надо держаться, чтобы уцѣлѣть, а не разбиться на бѣшеной скорости, превышающей 70 километровъ въ часъ, или не взлетѣть на воздухъ отъ собственной мины.

Во время обсужденія вопроса нѣсколько разъ вызывали сидѣвшаго въ другой комнатѣ финна-лоцмана, знавшаго, по его словамъ, родныя мѣста, какъ полъ собственной комнаты.

Онъ былъ рыбакомъ и контрабандистомъ.

На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ съ коньякомъ и виски, на нихъ никто не обращалъ вниманія. Разговаривали тихо, — какая-то опасная тайна какъ-бы скрывалась по угламъ комнаты.

Предпринималось серьезное дѣло.

Надо было пойти на быстроходномъ моторномъ ботѣ мимо номерныхъ Кронштадтскихъ фортовъ, къ Лахтѣ, спустить на воду яхтенный тузикъ, посадить въ него меня, одѣтаго въ красноармейскую шинель. Я долженъ былъ догрести до Лахтинскихъ тростниковъ и скрываться въ нихъ до утра, а утромъ, когда раздастся свистокъ перваго поѣзда — пойти къ станціи желѣзной дороги, сѣсть въ поѣздъ, пріѣхать въ Петроградъ, отправиться по указанному адресу, встрѣтить тамъ Дьюкса и черезъ недѣлю обратнымъ путемъ добраться до Лахты, сѣсть въ спрятанную въ тростникахъ шлюпку и въ опредѣленный часъ, — въ 12 ч., ночи быть въ одной милѣ разстоянія къ югу отъ Елагинскаго маяка. Къ этому времени долженъ подойти изъ Терріокъ моторъ и, обмѣнявшись свѣтовыми сигналами, снять насъ со шлюпки и забрать обратно въ Финляндію.

Недавно, нѣсколько дней назадъ, былъ сдѣланъ пробный пробѣгъ къ Каменному Острову въ Петроградѣ. Онъ прошелъ вполнѣ благополучно. Правда, изъ одного изъ фортовъ стрѣляли, но при такой скорости, да еще и ночью, эта стрѣльба не представляла особенной опасности.

Время близилось къ одиннадцати часамъ. Въ открытыя окна просилась войти душистая и нѣжная прохлада августовской сыроватой ночи. На сосѣдней дачѣ отчетливо и мягко играли на рояли. Оттуда, съ другой стороны залива, отъ Красной Горки неподвижно повисъ въ воздухѣ, какъ вонзившееся съ размаху въ другой берегъ копье, — лучъ прожектора. Пора было идти. Встали.

— «Сегодня васъ повезетъ Сòндалъ», сказалъ мнѣ высокій и тонкій морякъ. — «Но, я все-таки провожу васъ до яхтъ-клуба. Совѣтую вамъ выпить на дорогу, сегодня ночью свѣжо на морѣ».

Я нѣсколько разъ уже ходилъ черезъ заливъ при болѣе трудныхъ условіяхъ, а потому предстоящій походъ на 250-сильномъ моторномъ ботѣ въ пріятной компаніи молодого и веселаго народа не казался мнѣ особенно опаснымъ. Третьегодняшній пробѣгъ изъ Терріокъ въ Петроградъ и обратно, когда все обошлось такъ гладко и, главное, — быстро (пробѣгъ былъ сдѣланъ въ $1\frac{1}{2}$ часа, туда и обратно), настраивалъ на очень оптимистическій ладъ. О томъ-же, что будетъ, когда меня спустятъ на воду съ палубы мотора въ маленькомъ тузѣ, я старался не думать, для того, чтобы сохранять душевныя силы.

Итакъ, — еще одинъ прорывъ. Впрочемъ, сегодня начало похода ужасно напоминаетъ скорѣе спортивную эскападу — нѣчто вродѣ гонки моторныхъ ботовъ.

— Идемъ!

— Мы сошли съ террасы, освѣщенной большимъ шаромъ лампы въ бѣломъ полотняномъ абажурѣ и углубились въ темноту сада. Было сыровато и тепло, тѣмъ тепломъ августовской ночи, которое печалитъ, какъ послѣднія минуты милой встрѣчи.

Отъѣзжающихъ было четверо, да провожало столько-же народу. Шли попарно, на большомъ разстояніи одна пара отъ другой. Изрѣдка въ первой парѣ освѣщали дорогу электрическимъ фонаремъ.

Скоро запахло сыростью отъ большой водной поверхности, — море было совсѣмъ близко. Когда вышли изъ подъ навѣса деревьевъ, сразу посвѣтлѣло и далеко-далеко, налѣво, затеплился маленькими и нѣжными золотыми звѣздочками Кронштадтъ. Направо, попрежнему серебрянымъ копьемъ вонзался въ Красную Горку лучъ прожектора. Волны, длинныя и невысокія, набѣгали на отлогій песчаный берегъ, съ шумомъ, напоминающимъ фугу огромнаго скрипичнаго оркестра. Ноги увязали въ глубокомъ песку. На берегу стояла глубокая тишина. Изъ-за поворота открылся огонекъ. Это былъ яхтъ-клубъ и скоро тускло забѣлѣла его длинная стѣна, ограждающая гавань. Въ гавани слегка покачивалось только одно, довольно большое, парусное судно шведскаго типа, да еще какая-то гичка, стоявшая на якорѣ.

Но по другую сторону брейкватера, изъ темноты, порой раздавалось прерывистое рычанье мотора, подобно пофыркиванію гигантскаго коня.

— Тамъ механикъ проворачивалъ моторъ.

Стали прощаться. Молодой и веселый Сòндалъ балагурилъ, садясь въ перевозную шлюпку. Она была такъ мала, что могла взять лишь трехъ человѣкъ. Я остался ждать ея возвращенія.

— Ночь очень хороша, — сказалъ мнѣ высокій морякъ, — ни луны, ни звѣздъ, и очень маленькій вѣтеръ. Я увѣренъ, что Сòндалъ васъ благополучно доставитъ въ $\frac{1}{2}$ часа. Помните-же, что черезъ недѣлю я самъ приду за вами на моторѣ. Не ошибитесь только во времени, помните, что четыре часа разницы между нашимъ и большевистскимъ временемъ. Не забудьте также, что я долженъ получить отъ васъ по свѣтовому телеграфу 3 «т». Чтобы вамъ не скучно было ночью на берегу — вотъ вамъ ваша любимая марка, — и онъ сунулъ мнѣ въ карманъ бутылку.

Перевозная вернулась съ мотора. Надо было садиться. Веселый молодой матросъ, Пейпоръ, который былъ знакомъ мнѣ по послѣднему пробѣгу, привѣтствовалъ меня.

«Счастливаго пути», раздалось съ берега, «до свиданья черезъ недѣлю».

Черезъ нѣсколько минутъ, вдругъ сразу, совсѣмъ близко вырисовался большой и плоскій по виду предметъ. Это былъ выкрашенный въ защитный цвѣтъ моторъ. Моторъ былъ гидропланнаго типа съ лѣстничнымъ дномъ. По мѣрѣ увеличенія скорости, его носъ подымался все выше надъ поверхностью воды, и моторъ уже не шелъ по водѣ, а скользилъ, порой почти отдѣляясь отъ ея поверхности. Получалось нѣчто вродѣ камешка, пущеннаго плашмя по водѣ. Поэтому, въ свѣжую погоду, моторъ бы разбился о воду отъ собственной скорости.

Въ то время, когда перевозная подошла къ борту, механикъ опять пустилъ моторъ, который такъ могуче фыркнулъ, что одинъ изъ сидѣвшихъ въ лодкѣ отъ неожиданности опустился на дно.

«Сегодня мы налегкѣ», сказалъ мнѣ веселый Сѝндалъ, «нельзя было взять и мину, и тузикъ». Дѣйствительно, въ длинномъ минномъ туннелѣ стоялъ лишь маленькій изящный тузикъ.

Механикъ далъ малый ходъ. Но и этотъ малый былъ 8 узловъ, то-есть 14 верстъ въ часъ, несмотря на то, что моторъ работалъ порывами. Пэйпоръ на перевозной подержался нѣсколько мгновеній съ моторомъ, уцѣпившись за него крюкомъ. Онъ еще разъ хотѣлъ пожелать добраго пути. Затѣмъ моторъ рвануло, и бѣлый верхъ фуражки Пэйпора моментально пропалъ изъ виду. Шли прямо отъ берега, чтобы избѣжать подводныхъ камней. Моторъ шелъ половиннымъ ходомъ, но и этотъ половинный ходъ были добрые 35 километровъ въ часъ. Позади кормы въ водѣ образовалась глубокая яма, а по бортамъ, мчались двѣ высокія стеклянныя стѣны. Весь моторъ дрожалъ мелкой дрожью, какъ-бы отъ чудовищнаго напряженія. Порой, столкнувшись со встрѣчной волной, онъ подлеталъ кверху, будто поднятый со дна моря рукой великана. Сѝндалъ переложилъ руль право на бортъ, и сразу огни Кронштадта стали расти и приближаться. Я стоялъ въ минномъ туннелѣ, опершись на привязанную шлюпку. Двѣ мысли занимали мое вниманіе. — Правильно-ли полученныя свѣдѣнія о томъ, что за 1-мъ и 2-мъ номерными фортами стоятъ въ дозорѣ угольщики, то-есть миноносцы стараго типа, жгущіе уголь, и, если правда, то что̀ они могутъ сдѣлать мотору. А вторая мысль, — дѣйствительно-ли такъ высоки тростники у Лахты, какъ это утверждалъ лоцманъ Каряляйненъ, что въ нихъ можно легко спрятаться съ лодкой. Отъ этой мысли начинало тихонько посасывать на сердцѣ. Положеніе тогда выйдетъ неважное, если негдѣ будетъ приткнуться у берега. Тѣмъ болѣе, что какъ разъ у Лахты бродятъ большевистскіе патрули.

Но вотъ Сѝндалъ ставитъ телеграфъ на «полный ходъ». Моторъ подымается на дыбы, бьетъ носомъ по волнѣ такъ, что звенятъ всѣ металлическія части и начинаетъ летѣть надъ водой, глубоко таща въ водѣ конецъ кормы. Волны неистово закрутились позади, низвергаясь въ глубокую яму, которую оставлялъ за собой моторъ, а по бокамъ, съ бортовъ поднялись два урагана. Ливень воды обдавалъ меня. Я набросилъ на себя брезентъ. Направо, со стороны Кронштадта вырвалась изъ темноты короткая молнія, потомъ еще и еще. Начинался обстрѣлъ.

Это была разновидность игры въ кукушку, только обстрѣлъ былъ орудійный, а не изъ револьверовъ.

Сѝндалъ не мѣнялъ курса. Большевики ошибались, вѣтеръ ихъ обманывалъ, и имъ казалось, что рычанье мотора несется къ Кронштадту, тогда какъ оно шло къ номернымъ фортамъ. Больше нечего было прибавлять скорости. Моторъ изнывалъ отъ хода. Двѣ низкія, черныя линіи фортовъ 4-го и

5-го, между которыми предстояло проскочить, росли на глазахъ и скоро превратились въ грозныя черныя массы.

Тамъ было тихо. Что было за ними? Сторожили-ли угольщики? Сòндалъ держалъ прямо посерединѣ. На фортахъ было темно, ни одного огонька. Черезъ минуту моторъ поровняется съ ними. — Какая длинная, безконечная минута. Моторъ опять сдѣлалъ прыжокъ, споткнувшись о встрѣчную волну, и съ новой яростью бросился впередъ. На фортахъ темно, и они все еще видны въ профиль.

— Скорѣй-бы увидѣть ихъ en face! Скорѣй-бы быть между ними! А моторъ какъ бы стоитъ на мѣстѣ. Какъ медленно ползутъ навстрѣчу эти черныя массы! Я машинально приподнялся на цыпочки, впившись въ бортъ пальцами, какъ бы стараясь швырнуть моторъ впередъ. Но вотъ мы уже межъ фортовъ, и тогда сдѣлалась замѣтна бѣшеная скорость мотора.

— Форты промелькнули, какъ желѣзнодорожная станція мелькаетъ въ окнахъ курьерскаго поѣзда. Я оглянулся. — Нѣсколько молній изъ двухъ фортовъ перекрестились въ воздухѣ. — Опоздали!

Передъ моторомъ былъ широкій просторъ.

Сòндалъ сбавилъ половину хода. Немного справа, рѣдкими серебряными огнями затрепеталъ Петроградъ, когда-то родной и милый, а теперъ — вражескій. Прямо по носу былъ огонь Сѣвернаго Елагинскаго маяка, а на лѣво — огоньки Лахты. Скоро будемъ у мѣста. Сòндалъ перешелъ на малый ходъ. Стало возможнымъ слышать другъ-друга.

Тотчасъ-же на моторѣ сдѣлалось шумно и весело. Пожимали другъ-другу руки, хлопали по плечу. Сòндалъ бросилъ руль. Машина нѣсколько разъ вздохнула и умолкла. Сдѣлалось тихо. Съ берега донесся свистъ локомотива приморской дороги. Я оглянулся. — На темносѣрой массѣ воды были видны лишь черныя черточки фортовъ. Миноносцевъ не было видно. Подъ Лахтой темными пятнами шли тростники. Какъ далеко были они отъ берега? Темная полоса на берегу могла быть кустарникомъ, и тогда моторъ былъ близко, но эта полоса могла быть и лѣсомъ, тогда онъ былъ отъ берега въ 10 разъ дальше. И, какъ на зло, — ни одного огонька на берегу. Лоцманъ и матросъ спустили по туннелю тузикъ на воду. Онъ легко и плавно сошелъ. Положили весла. Все было готово. Теперь я долженъ былъ начать свою работу. Я пожалъ всѣмъ руки и перелѣзъ въ шлюпку. — Спокойной ночи!

Опять зарычалъ моторъ, но уже не для меня. — «Они» шли къ отдыху, комфорту, а меня ждали тростники и то, что за ними скрывается.

— Уже три недѣли ни одинъ курьеръ не переходилъ благополучно границы. Правда, они шли сухимъ путемъ . . . Я сдѣлалъ нѣсколько гребковъ впередъ. Моторъ разворачивался по красивой, плавной дугѣ. Оттуда махали фуражками. Затѣмъ моторъ выравнялся и быстро помчался прочь.

Я остался одинъ. Да, вокругъ было удивительно красиво. На горизонтѣ показывалась поздняя луна, порой скрываясь за облаками. Впрочемъ, луна была лишней для меня. Здѣсь, подъ защитой Лисьяго Носа, не было даже ряби, и море напоминало собой огромный заснувшій прудъ. Я гребъ, стараясь безшумно опускать весла. — Кто знаетъ, какъ близко берегъ, а звуки такъ разносятся по водѣ!

Было такъ тихо, что, когда выглядывала изъ-за облаковъ луна, видно было, какъ эти облака отражаются въ водѣ. Вдругъ лодка съ шумомъ зацѣпила за что-то. — Это были едва прикрытые водой тростники — хвощи, которые никогда не растутъ высоко. Это было для меня большимъ ударомъ. Если все

хвощи въ этомъ мѣстѣ, то негдѣ будетъ ни самому скрыться, ни спрятать лодку!

Лодка стала задѣвать все чаще и чаще, и скоро показался большой тростниковый островъ. За нимъ другой, и скоро я былъ въ корридорахъ.

Увы, тростники были не выше аршина. Не больше, чѣмъ въ 1/2 верстѣ, былъ берегъ. Итакъ, лодку придется бросить. Луна перестала уже скрываться въ облакахъ, а свѣтила полно и ярко. Грести можно было чуть-чуть, такъ чтобы съ берега было трудно судить, движется-ли по водѣ лодка или стоитъ на мѣстѣ. Я передвигался мучительно долго. Можетъ быть съ берега уже наведена на меня винтовка, караулящая каждое мое движеніе? И почему-то мнѣ пришли въ голову приключенія героевъ Майнъ-Рида, когда какой-нибудь Соколиный Глазъ пересѣкаетъ въ челнокѣ рѣку, скрываясь отъ блѣднолицыхъ. Однако, и эта томительная переправа окончилась, и тузъ ткнулся носомъ въ песчаный берегъ, прямо подъ тѣнь какого-то большого дерева, окруженнаго сочной высокой травой. Я выпрыгнулъ на сушу и расправилъ затекшія ноги. Теперь-бы отдохнуть; и, какъ всегда — по выработанной еще предыдущими походами практикѣ, я отбросилъ мысли о томъ, что будетъ дальше, а занялся непосредственнымъ дѣломъ. Надо было повыше подтащить лодку и попытаться скрыть ее въ кустахъ. Но больше, чѣмъ на половину, мнѣ не удалось ее вытащить.

Значитъ, надо было бросить объ этомъ думать. Я вынулъ уключины, снялъ весла и отнесъ ихъ подальше, гдѣ спряталъ въ травѣ.

Оставаться здѣсь, на самомъ берегу, я не счелъ для себя безопаснымъ, такъ какъ по берегу могли ходить патрули, надо было идти въ кусты и тамъ ждать утра, чтобы выйти на Приморскую дорогу и добраться до Петрограда. Я вернулся къ лодкѣ и вынулъ оттуда кожаный портфель съ чертежными инструментами и предписаніями технику В. произвести осмотръ прибрежныхъ укрѣпленій. Это было нѣсколько наивно и разсчитано, конечно, лишь на низшихъ чиновъ охраны.

Сейчасъ-же отъ берега начинался кустарникъ и болотныя кочки. Надо было, однако, набраться силъ къ завтрашнему дню. Я выбралъ мѣсто посуше, снялъ съ себя шинель, положилъ подъ себя и растянулся. Сонъ не приходилъ. Нервы были слишкомъ взбудоражены недавно пережитымъ. Во всемъ тѣлѣ еще чувствовалась ужасная тряска мотора, а потомъ, — этотъ, такой маленькій, но долгій переѣздъ съ мотора на берегъ. — Обязательно необходимо заснуть. Я вспомнилъ о бутылкѣ съ коньякомъ, которая была въ карманѣ шинели. — Она была предусмотрительно откупорена. Я сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

Кругомъ царила невозмутимая тишина. Какъ будто мнѣ было знакомо это мѣсто. — Да, лѣтъ 8 назадъ, когда я былъ еще совсѣмъ молодымъ студентомъ, мы веселой компаніей пріѣзжали на лодкахъ пикникомъ къ часовенкѣ у Лахты. Тогда все было свое кругомъ, и взморье, и Лахта, и Петербургъ, какъ онъ тогда назывался, а теперь все чужое.

Я отпилъ еще немного, легъ, и незамѣтно уснулъ.

На восходѣ солнца меня разбудили птицы. Была прекрасная погода, тихая и теплая. Тѣло было въ сладкой истомѣ, такъ не хотѣлось вставать. Я оглянулся: мѣсто для ночевки было удачно выбрано. Кругомъ были кусты, скрывавшіе меня густой стѣной. Сейчасъ идти на станцію было-бы очень подозрительно. Надо подождать до 2-го или 3-го поѣзда, когда ѣдутъ въ городъ служащіе различныхъ учрежденій. Тогда удобно будетъ смѣшаться съ ихъ толпой. Значитъ, можно еще поспать часика 2, и я съ наслажденіемъ заснулъ. Проснулся, когда

солнце начинало уже грѣть. Было 8 часовъ. Я поднялся, взялъ по маленькому компасу направленіе на станцію Раздѣльная и пошелъ отъ одной группы кустовъ къ другой, стараясь избѣгать открытыхъ полянъ. Надо было постараться скорѣй выбраться изъ опасной зоны патрулей.

Линія желѣзной дороги оказалась неожиданно ближе, чѣмъ я думалъ. Я былъ въ сравнительной безопасности. Когда я подошелъ къ Раздѣльной, тамъ было уже довольно много служилаго люда. Но, Боже, какъ она измѣнилась, эта Петербургская публика! Какая тоска въ глазахъ, какія бѣдныя одежды! На меня многіе смотрѣли съ ненавистью, принимая за комиссара, а одна старушка даже громко сказала: «ишь, толстомордый, отъѣлся!» Это обрадовало меня, — значитъ мой видъ не внушалъ опасеній. Я благополучно прибылъ на Приморскій вокзалъ. Маленькое смятеніе было лишь при выходѣ, во время провѣрки агентами чрезвычайки документовъ у публики. Я не особенно надѣялся на сфабрикованныя въ Финляндіи удостовѣренія о принадлежности къ какой-то несуществующей технической комиссіи, а потому предпочелъ пройти другимъ, извѣстнымъ мнѣ ходомъ, черезъ товарное отдѣленіе вокзала.

Итакъ, бóльшая часть предпріятія была уже выполнена. — Я былъ въ Петербургѣ. Оставалось выполнить порученіе, то-есть найти Дьюкса, передать ему письмо, зашитое въ платьѣ, купить новую лодку, если оставленную на Лахтѣ увели и, если Богъ поможетъ, и будетъ на морѣ тихо, подплыть ровно черезъ недѣлю къ сѣверному Елагинскому маяку въ 12 часовъ ночи и, если также будетъ судьба благопріятствовать, и моторъ благополучно пройдетъ между фортами, сѣсть въ него, для того, чтобы снова черезъ 45 м. быть въ Европѣ, уютѣ, комфортѣ и безопасности . . . Да, было довольно много «если» на пути!

Дьюкса я встрѣтилъ въ тотъ-же день, правда, не безъ затрудненій, — пароль былъ выговоренъ на англійскій манеръ, тогда какъ имя было французское, что и привело къ взаимному непониманію, довольно скоро уладившемуся. Дьюксъ оказался очень милымъ молодымъ человѣкомъ, хорошо говорившимъ по русски, съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ. Его можно было принять по выговору за латыша, за каковаго онъ, впрочемъ, себя и выдавалъ.

Въ тотъ-же день Дьюксомъ были посланы на Лахту люди искать лодку. Какъ я и предполагалъ, ее угнали. Надо было заняться покупкой новой. За недѣлю, остававшуюся до rendez-vous, Дьюксъ долженъ былъ привести въ порядокъ свои дѣла, для того, чтобы окончательно распроститься съ Петроградомъ.

Этотъ городъ въ 19 году навѣвалъ тоску невѣроятную. Свобода торговли еще не начиналась, — торговали главнымъ образомъ паштетныя, и вся огромная площадь Петрограда напоминала собой огромный разоренный муравейникъ. Но что поразило меня, — это огромное количество плакатовъ, художественно исполненныхъ, призывавшихъ на борьбу съ бѣлой гвардіей, — видно было, что надъ плакатами работали хорошіе художники, — поразили меня и милиціонерки, сравнительно изящно одѣтыя. Въ томъ году большевикамъ было плохо. Юденичъ продвигался на западѣ, на югѣ — Деникинъ, а Колчакъ былъ еще силенъ на востокѣ. Въ массѣ наблюдалось ожиданіе и тревога.

Вѣрили въ англичанъ, въ союзниковъ, и никто изъ петроградцевъ не былъ бы удивленъ, еслибы въ одно прекрасное утро онъ увидѣлъ весь англійскій флотъ стоящимъ на Невѣ, хотя, какъ извѣстно, въ Неву могутъ войти только миноносцы и легкіе крейсера.

Я всѣ эти дни находился въ тревожно-веселомъ ожиданіи. Я зналъ, что англійскіе аэропланы гвоздятъ уже Кронштадтъ, что онъ непроченъ, зналъ,

какое огромное значеніе имѣло бы для Петрограда паденіе его, зналъ, что въ Койвисто стояла англійская эскадра изъ 82 вымпеловъ, зналъ, что эта эскадра сейчасъ-же вошла-бы въ Кронштадтъ, а часть, и въ Петроградъ, зналъ, какое огромное моральное и матерьяльное значеніе имѣло бы это въ процессѣ сокрушенія большевизма и чувствовалъ себя какъ наканунѣ большого праздника.

Наконецъ, лодка была куплена. При ея покупкѣ нужно было проявить большую осторожность, чтобы не возбудить подозрѣній. Мы нашли одного желѣзнодорожнаго служащаго, бывшаго содержателя трактира въ хорошія времена. Это былъ «сочувствующій». За три мѣшка картофеля онъ пріобрѣлъ у одного рыбака лодку.

Къ сожалѣнію, я не могъ осмотрѣть ее предварительно лично, такъ какъ въ береговую полосу можно было проникнуть лишь вечеромъ. Пришлось повѣрить на слово, что лодка хороша. Единственнымъ непремѣннымъ условіемъ, которое я поставилъ, это было, чтобы лодка не текла.

Въ четыре часа была назначена встрѣча съ Дьюксомъ у Приморскаго вокзала. За недѣлю, проведенную въ Петроградѣ, я совсѣмъ обжился и чувствовалъ себя превосходно, имѣя добытыя черезъ Дьюкса блистательныя большевистскія удостовѣренія.

Мы сошлись на перронѣ, усѣлись въ вагонъ 2-го класса и стали уплетать принесенные Дьюксомъ пироги съ вареньемъ. Окружающіе съ завистью смотрѣли на «комиссаровъ», поѣдающихъ лакомства.

Прибывши на «Раздѣльную», мы отправились въ условленную дачу. Тамъ рѣшено было оставаться до 10-ти часовъ, затѣмъ осторожно пробраться черезъ лѣсъ къ Лисьему Носу, куда должны были подать лодку. 2-хъ часовъ съ избыткомъ должно было хватить на переѣздъ къ Елагинскому маяку для встрѣчи съ моторомъ.

Я вышелъ на крыльцо. Оттуда видна была широкая свинцовая гладь залива, но то мѣсто, гдѣ былъ Кронштадтъ, было заволокнуто густыми непроницаемыми клубами дыма.

Кронштадтъ горѣлъ. — «Очевидно, это дѣло англійскихъ летчиковъ», подумалъ я. Но я ошибался, — на самомъ дѣлѣ это горѣли лѣсные и интендантскіе склады, которые, какъ говорили, были подожжены комиссарами, напутавшими въ отчетности.

Небо на горизонтѣ не было безупречно, можно было ожидать къ ночи непріятностей, въ видѣ штормовыхъ полосокъ. Я не думалъ о томъ, что мнѣ лично что-нибудь можетъ помѣшать выйти въ море, я боялся больше всего, что свѣжая погода помѣшаетъ придти изъ Терріокъ мотору.

Время тянулось довольно медленно. Мнѣ хотѣлось быть скорѣе на водѣ, тамъ я чувствовалъ себя спокоійнѣе. Къ 10-ти часамъ сталъ накрапывать дождикъ и вѣтеръ спалъ. Пора было идти. Дьюксъ, я и племянникъ нашего хозяина пошли осторожно черезъ лѣсъ, подальше отъ дороги, гдѣ намъ могли встрѣтиться патрули, а хозяинъ пошелъ прямо на Лисій Носъ, откуда онъ долженъ былъ пригнать къ условленному мѣсту лодку. Минутъ черезъ 20 довольно быстраго хода мы пришли на берегъ моря. Съ этого мѣста не было видно огней Елагинскихъ маяковъ, не было видно и огней Петрограда, только большое Кронштадтское зарево высоко подымалось на небосклонѣ.

Раздались всплески веселъ. Было такъ тихо, что чуть не полъ-часа слышны были они, пока не вырисовалась совсѣмъ близко темная масса лодки. Это былъ

хозяинъ. Мы подошли ближе къ лодкѣ. Я не пришелъ въ восторгъ отъ нея. Это была большая смоленная рыбачая лодка, широкая, съ низкими бортами. Сидѣла она въ водѣ необычайно глубоко, настолько, что я даже заподозрилъ течь. Но при осмотрѣ течи не было обнаружено. Между банками былъ неподвижно укрѣпленъ большой ящикъ, и на него-то я преступно не обратилъ вниманія.

Мы сѣли въ лодку, оттолкнулись отъ берега и сразу пошли хорошимъ ходомъ. Дьюксъ гребъ на первой банкѣ, я гребъ по итальянски, сидя на кормѣ лицомъ къ носу, для того, чтобы легче было править. Черезъ минутъ 5 открылся сѣверный Елагинскій маякъ. Я сталъ держать прямо на него.

На горизонтѣ становилось скверно. И оттуда, изъ подъ тучъ пошелъ свѣжій вѣтеръ. По сторонамъ стали вскипать порой барашки. Но можно было уже держать параллельно берегу, и волны тогда били прямо въ корму, сдѣлавшись попутными.

Вѣтеръ все крѣпчалъ. Это была типичная штормовая полоса, которая скоро проходитъ, но все же успѣваетъ сильно напакостить. Порой, несмотря на то, что шли по попутной волнѣ, волна обдавала спину. — Значитъ, дѣло было не вполнѣ ладно, — лодка слишкомъ глубоко сидѣла. — «Отчего-бы это могло быть», думалъ я, — «два человѣка для такой большой лодки, это форменная пустяковина, лодка должна легко всходить на волну!» Мой взглядъ упалъ на большой ящикъ между банокъ, откуда изрѣдка доносилось бульканье, какъ изъ большой бочки, наполовину наполненной водой. Я бросилъ грести, поднялся съ мѣста и подошелъ къ ящику. — «Какой промахъ! Отчего я не посмотрѣлъ раньше!» — Это былъ огромный рыбный садокъ, наполненный водой. — Финскіе рыбаки не имѣютъ обыкновенно особыхъ садковъ. Въ своихъ лодкахъ они устраиваютъ перегородки, пространство между которыми по возвращеніи съ рыбной ловли наливается водой, куда пускается пойманная рыба. Конечно, когда лодка стоитъ у берега, не страшно налить ее водой хоть до верха. И вотъ лодка была подана съ этимъ безумнымъ грузомъ!

О томъ, чтобы выкачать воду, нечего было и думать. Ея могло быть сто ведеръ, а подъ руками не было даже и черпака. Была какая-то банка изъ подъ консервовъ и, если бы пришлось работать, то понадобилось-бы столько времени, сколько нужно для того, чтобы вычерпать наперсткомъ полную ванну. Я вернулся на мѣсто и сталъ снова грести. — Будь, что будетъ! А вѣтеръ свѣжѣлъ, и теперь уже не брызги, а волны ласкали мою спину.

И, какъ на зло, Елагинскій маякъ былъ уже совсѣмъ близко, не больше мили! Но вотъ одна волна заглянула внутрь лодки и сейчасъ-же вслѣдъ за ней другая и третья. Лодка сѣла еще глубже. Мои ноги были въ водѣ. Но я все еще не могъ рѣшиться повернуть къ берегу, — маякъ былъ такъ близко. Тогда я завелъ внутренній контрольный аппаратъ. — По степени поднятія воды въ лодкѣ, (о чемъ я судилъ по холоду въ своихъ ногахъ), относимой къ разстоянію отъ маяка, я получалъ сужденіе о возможности держаться принятаго курса. Я посмотрѣлъ на фосфорисцирующій циферблатъ своихъ часовъ. Было четверть двѣнадцатаго. Если обоимъ бросить грести, лодка будетъ меньше брать воду, и можно будетъ попробовать откачивать воду фуражками, но моторъ насъ не приметъ съ неуказаннаго мѣста, хотя бы сигналы и были правильны, боясь, что его завлекаютъ въ западню.

Я рѣшилъ идти впередъ. Дьюксъ держался удивительно спокойно. Такъ-же ритмично онъ гребъ теперь, какъ и часъ назадъ, когда намъ еще ничего не угрожало. — Еще одна волна влилась во внутрь; это былъ уже не набѣгъ

волнъ, а методичное размѣренное наполненіе лодки водой. Она была уже мнѣ по колѣно. Черезъ нѣсколько минутъ мы пойдемъ ко дну. Нельзя было больше держаться въ открытомъ мѣстѣ. А маякъ былъ такъ близко!

— «Дьюксъ, я принужденъ отказаться отъ мысли доставить васъ къ указанному мѣсту. Насъ заливаетъ, мы должны повернуть къ берегу!» — «Дѣлайте, какъ будетъ лучше», былъ спокойный отвѣтъ.

Кормовое отдѣленіе такъ глубоко ушло въ воду, что носъ поднялся надъ водой, и Дьюксъ сидѣлъ тамъ, какъ птичка, продолжая по прежнему хладнокровно работать веслами. Я повернулъ къ берегу. Вѣтеръ стихалъ. Если мы успѣемъ настолько подойти къ берегу, чтобы быть подъ защитой Лисьяго Носа, волнъ тамъ уже не будетъ, и мы, можетъ быть, спасемся. Въ этотъ моментъ тотъ-же садокъ, который насъ погубилъ, сталъ насъ выручать. Онъ сыгралъ роль непроницаемой переборки, непозволявшей водѣ перекатываться въ носовое отдѣленіе. Еще нѣсколько волнъ влилось въ лодку. Тогда корма совсѣмъ сравнялась съ водой, уключины были въ ея уровень, и грести стало невозможно, такъ какъ волны вымывали изъ нихъ весла. Тогда я бросилъ грести парой, бросилъ одно весло прочь и сталъ грести однимъ весломъ, стоя по поясъ въ водѣ.

Шансовъ дойти до берега оставалось очень мало. Очевидно, придется добираться до берега вплавь. Я быстро сбросилъ съ себя высокіе сапоги, предложивъ Дьюксу сдѣлать то-же самое. Но Дьюксъ не могъ этого сдѣлать, — онъ былъ въ башмакахъ и оберткахъ, а снимать ихъ не было времени. Едва я положилъ сапоги на кормовую банку, какъ ихъ смыло волной.

Но вотъ волны сразу стали меньше. — Мы были подъ защитой Лисьяго Носа! Черезъ нѣсколько минутъ стало тихо, какъ въ озерѣ.

— Штормовая полоса прошла!

Мы были еще сравнительно недалеко отъ курса, по которому долженъ былъ идти моторъ.

До 12-ти часовъ оставалось 15 минутъ.

Если бы мы могли продержаться на водѣ эти несчастныя 15 минутъ!

Лодка все глубже и глубже садилась. Чтобы выиграть время, я перешелъ на носъ къ Дьюксу и мы оба осторожно, стараясь не дѣлать рѣзкихъ движеній, стали тихонько грести къ берегу. Вода была уже на уровнѣ верхняго края садка, какъ только она перешагнетъ его, лодка уйдетъ подъ воду.

Въ это время показалась луна и освѣтила берегъ. До него было недалеко. Бѣлымъ пятномъ выдѣлялась Лахтинская часовенка. Мы тонули на томъ мѣстѣ, гдѣ 200 съ лишнимъ лѣтъ назадъ Петръ Великій спасалъ погибающихъ. — «Значитъ, здѣсь должна быть отмель, подумалъ я, если-бъ только попасть на нее . . . Однако, вѣдь дѣло еще далеко не кончено, если даже намъ и удастся добраться до берега. Не наведены-ли на насъ винтовки новаго патруля, который лишь наканунѣ вступилъ, и, по всей вѣроятности, еще бодрствуетъ!»

Во всякомъ случаѣ, если намъ придется погибать, то надо продѣлать это тихонько, чтобы на берегу не услышали.

Мы пожали другъ другу руки.

Носъ все подымался, корма уходила въ воду.

Однако, мы все-же шли впередъ. Но вдругъ сразу, тогда, когда этого совсѣмъ не ожидали, вода съ шумомъ перелилась черезъ садокъ, ворвалась въ носовое отдѣленіе и затопила лодку. И сразу холодная вода приняла насъ въ свои объятья.

Я прекрасно плаваю, поэтому свое весло я отдалъ Дьюксу. Другія два весла исчезли. Бумаги, безъ которыхъ мы не могли бы вернуться въ Петроградъ, были въ нашихъ фуражкахъ

Я плылъ въ шинели, — теперь было уже поздно ее снимать въ водѣ. Пока она не очень затрудняла мои движенья и было даже тепло. Но вдругъ, очень скоро, Дьюксъ пересталъ плыть, — онъ стоялъ. — Мы были на отмели.

Спасшись отъ непосредственно угрожавшей смерти, мы инстинктивно подумали объ удобствахъ. — Въ лодкѣ остался мѣшокъ съ консервами и коньякомъ. Дьюксъ, будучи высокаго роста, свободно дошелъ до лодки, которая въ затопленномъ состояніи была у самой поверхности воды. Онъ погрузился въ воду и сталъ шарить въ ней, но найти мѣшка ему не удалось.

Осторожно, стараясь не шумѣть и не разбрызгивать воду, мы пошли къ берегу. Тамъ было все тихо. Очевидно, все происходившее на морѣ прошло не замѣченнымъ. Я очень пожалѣлъ о пропажѣ сапогъ.

Какъ мнѣ объяснить свой видъ, въ случаѣ, если насъ откроетъ патруль? Оставалось тихонько пробираться чащей лѣса обратно къ Лисьему Носу. До дачи было километровъ 9.

Мы отошли подальше отъ береговой полосы, гдѣ проходила дорога и гдѣ можно было встрѣтить патруль. Я опредѣлился по компасу, взялъ курсъ прямо на Раздѣльную, и мы пошли. Мнѣ съ первыхъ же шаговъ пришлось плохо. Тяжело было идти по лѣсной чащѣ безъ сапогъ въ тонкихъ носкахъ, спотыкаясь о сучья. Черезъ нѣсколько уже минутъ мои ноги были изранены въ кровь, а носки изорваны.

Однако, настроеніе у насъ было превосходное, какъ всегда послѣ большой опасности, которую удалось избѣжать. Когда мы отошли километра три, съ моря донеслось знакомое мнѣ рычанье мотора. — Это мчался за нами изъ Терріокъ моторъ. Эгаръ сдержалъ свое слово! Весь освѣщенный луной, въ высокомъ облакѣ водяной пыли, моторъ пролеталъ, какъ птица, между фортами, быть можетъ, подвергаясь обстрѣлу, — точно, въ назначенное время, чтобы не опоздать на rendez-vous.

У меня забилось сердце. Какимъ роднымъ и близкимъ показался онъ мнѣ! Еслибъ не проклятая штормовая полоса, черезъ нѣсколько минутъ мы были-бы на его палубѣ, а черезъ ¾ часа — въ прекрасной дачѣ въ Терріокахъ, за обильнымъ столомъ, высушенные, обогрѣтые, а я былъ бы героемъ, блестяще выполнившимъ опасное порученіе.

Мы подошли ближе къ берегу и, скрывшись за деревомъ, слѣдили, какъ съ бѣшеной быстротой неслось по водѣ водяное облако, описывая огромную дугу. — Онъ сворачивалъ къ Елагинскому маяку.

Дьюксъ хотѣлъ сигнализировать, но я удержалъ его. — Моторъ все равно не могъ бы подойти къ берегу изъ-за камней, а, въ то-же время, подвелъ бы себя подъ винтовочный огонь, не говоря о томъ, что и мы выдали бы свое присутствіе.

Мы пошли дальше. Нашъ путь пересѣкалъ довольно широкій ручей. Я попробовалъ палкой его глубину. Было приблизительно по поясъ. Не хотѣлось идти снова въ холодную воду. Мы рѣшили обойти его противъ теченія и перейти въ мелкомъ мѣстѣ. Но дальше начиналось топкое и глубокое мѣсто.

Раздался винтовочный выстрѣлъ. Патруль насъ открылъ.

Тогда быстро, стараясь не шумѣть, мы бросились въ сторону. Позади былъ патруль, кругомъ — болото. Вода доходила до колѣнъ, а мѣстами по поясъ.

Иногда намъ удавалось взобраться на кочку, но она качалась, и мы соскальзывали обратно въ воду. Мы остановились. Надо было переждать. Выстрѣловъ больше не было. Окружаетъ-ли насъ патруль или оставилъ преслѣдованіе?

Мнѣ было тяжело безъ сапогъ. Ноги совсѣмъ окоченѣли. Страшный холодъ пошелъ по всему тѣлу. Тогда Дьюксъ сталъ быстро сгибать и разгибать мои руки, разстегнулъ шинель и гимнастерку, и губами, и дыханьемъ сталъ согрѣвать мою спину и грудь. Онъ возился со мной часа два.

Мало-по малу я сталъ чувствовать свои члены. Можно было пробираться дальше.

Но сколько мы ни шли, кругомъ было болото. Возможно, что, стараясь выбирать мѣста посуше, мы уклонялись отъ прямой и кружили. Приходилось ждать разсвѣта. Мы выбрали большую кочку, сѣли спина къ спинѣ, положили другъ къ другу головы на плечи и моментально уснули.

Насъ разбудили птицы. Солнце еще не всходило, но было свѣтло. Ни откуда не доносилось ни одного звука, который заставлялъ бы думать, что за нами слѣдятъ или что мы окружены.

Я опредѣлился по компасу, и мы опять пошли. Черезъ нѣсколько саженей болото кончалось и начинался лѣсъ. Еслибъ мы это знали ночью!

Мы тихонько шли. Мои ноги были изранены, и одна кровоточила. Когда изрѣдка трещала сухая вѣтка, мы останавливались и ждали, не покажется-ли сѣрая шинель.

Направо, совсѣмъ недалеко выглянула высокая труба; это былъ кирпичный заводъ. Значитъ, Раздѣльная была въ 4-хъ километрахъ. Въ это время я увидѣлъ большой шалашъ изъ срубленныхъ еловыхъ вѣтокъ. Дьюксъ шелъ въ шагахъ 20-ти направо. Я осторожно заглянулъ во-внутрь. Тамъ лежали три солдата и храпѣли. Это былъ ночной патруль.

Выйдя на большую дорогу, идущую параллельно Приморской желѣзной дорогѣ, мы пошли спокойно и быстро. Я только вымазалъ свои носки грязью, чтобы не бросалось въ глаза, что я безъ сапогъ.

Черезъ часъ мы были на нашей дачѣ.

Дьюксъ отправился въ Петроградъ, прямо къ знакомому врачу, а меня вытерли спиртомъ, напоили чаемъ съ малиной и уложили подъ шубами въ постель. Когда черезъ 3 часа я проснулся, я былъ свѣжъ и бодръ.

Я вернулся въ Петроградъ въ большихъ сапогахъ нашего хозяина.

Дьюксъ рѣшилъ поѣхать еще въ Москву, а меня съ большимъ пакетомъ донесеній онъ отправилъ окружнымъ путемъ на Ново-Сокольники, Рѣжицу и Ревель въ Гельсингфорсъ.

Я совершилъ этотъ путь въ 7 дней. Со мной вмѣстѣ шелъ русскій офицеръ, который уже раза 4 продѣлалъ этотъ путь. (Это былъ послѣдній походъ офицера. На слѣдующій разъ онъ былъ разстрѣлянъ). У насъ были прекрасныя бумаги за настоящими подписями и печатями. На одномъ участкѣ намъ пришлось сопровождать ящикъ съ динамитомъ, который направлялся на ст. «Дно», гдѣ въ это время происходилъ бой между бѣлыми и красными.

Нечего и говорить, что въ ящикѣ былъ простой песокъ.

Но слово «динамитъ» играло волшебную роль во время нашего путешествія, и нашъ вагонъ, гдѣ стоялъ ящикъ, былъ пустъ. На станціи «Дно» ящикъ былъ брошенъ.

Отъ ст. «Рѣжица» до озера Лубань, составлявшаго естественную границу между латышами и красными, шли пѣшкомъ. Здѣсь приходилось скрываться, порой въ сараѣ, порой на сѣновалѣ, а гдѣ и просто въ копнѣ сѣна.

Передъ переправой черезъ озеро Лубань насъ ожидало крупное препятствіе. На берегу Лубани была на высокомъ холмѣ вѣтряная мельница, на которой большевики устроили наблюдательный постъ. Это былъ постъ «Кваланъ». Чтобы обойти его, приходилось сдѣлать 17 верстъ по топкому болоту, а одну версту трясиной, изобиловавшей окошечками. Надо было набраться силъ передъ походомъ, но отдохнуть было негдѣ, надо было спѣшить впередъ. Въ маленькой деревушкѣ, неподалеку отъ озера намъ удалось найти одного рыбака, который взялся перевезти насъ черезъ озеро, съ тѣмъ, чтобы ему былъ выхлопотанъ у латышей пропускъ. Ему необходимо было запастись въ Латвіи сапогами.

Въ 6 часовъ вечера мы пошли. Только сознаніе, что мы беремъ послѣднее препятствіе, придавало мнѣ силы совершить этотъ ужасный походъ по топи. Послѣдняя верста была особенно тяжела. Ее шли два часа. Я проваливался въ окошки разъ 20. Послѣдній разъ я уже не хотѣлъ вылѣзать. Было такъ сладко отдохнуть въ этой вязкой тинѣ, успокоиться навсегда. Мои спутники, ушедшіе впередъ, вернулись и вытащили меня.

Въ 1 часъ ночи мы были на песчаномъ берегу Лубани. Кругомъ сухо шумѣли камыши. На озерѣ дулъ сильный вѣтеръ, и гуляли сердитыя волны. Слѣва отъ насъ, верстахъ въ 10 шелъ бой. Свѣтящіяся ракеты освѣщали и безпокоили облачное ночное небо.

Рыбакъ пошелъ искать челнокъ, скрытый въ камышахъ. Черезъ полъ часа онъ вернулся, говоря, что не можетъ его найти. Ясно было, что онъ не рѣшался пересѣкать озеро по 25-ти верстной прямой, втроемъ, въ душегубкѣ. Но ничего не оставалось дѣлать. На зарѣ мы были-бы замѣчены съ Квапана, а возвращаться черезъ трясину у насъ не хватило-бы силъ.

Я послалъ своего спутника съ рыбакомъ отыскивать лодку. Ихъ не было долго, около часу. Когда они вернулись, то выяснилось, что лодка была спрятана неподалеку, шагахъ въ 20, и непонятно было, зачѣмъ рыбакъ уходилъ такъ далеко. Однако, ѣхать все-же нельзя было, такъ какъ рыбакъ не могъ найти веселъ.

Мнѣ надоѣла эта комедія. Я вынулъ револьверъ и предложилъ рыбаку найти весла немедленно. Весла нашлись, а вмѣстѣ съ ними и шестъ, которымъ нужно отталкиваться на небольшихъ глубинахъ.

Мы сѣли въ душегубку и быстро пошли. Волны были почти попутными и гнали легкую лодку съ невѣроятной быстротой. Я правилъ зигзагами, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы волны не заглядывали во-внутрь.

Позади насъ на небѣ стояло сильное зарево. Либо латыши, либо красные подожгли деревню.

Черезъ 2 часа съ небольшимъ мы были у другого берега, и восходъ солнца засталъ насъ въ широкомъ корридорѣ камышей, среди водяныхъ лилій и безчисленныхъ стадъ дикихъ утокъ.

Походъ былъ оконченъ.

Черезъ 2 дня я былъ опять въ Терріокахъ. Нужно было опять идти за Дьюксомъ въ Петроградъ на моторѣ.

Теперь обстоятельства измѣнились, и условія похода были тяжелѣе. — Дѣло въ томъ, что большевики установили рядъ сильныхъ береговыхъ прожекторовъ на Лисьемъ Носѣ, на Красной Горкѣ, въ Кронштадтѣ, на фортѣ Обручева и въ Ораніенбаумѣ.

Весь заливъ былъ въ ихъ свѣтовой власти.

Они были слишкомъ растревожены безчисленными налетами англійскихъ летчиковъ, для того чтобы спокойно спать ночью. Все это лишало Эгара его спокойной увѣренности въ благополучномъ исходѣ похода.

Однако, нужно было отправляться, Дьюксъ ждетъ сегодня ночью въ 12 часовъ у Каменнаго Острова!

Уходя вечеромъ изъ дачи, Эгаръ распорядился, чтобы въ его комнатѣ была поставлена кровать для Дьюкса. Но для судьбы это было слишкомъ дерзкимъ вызовомъ, и она выдрала за уши.

«Знаете, мнѣ ужасно не нравится, какъ работаютъ эти прожектора», сказалъ мнѣ Эгаръ, идя по мягкому сырому песку. — «Если насъ поймаютъ 3 штуки сразу, намъ не уйти. — Имъ чертовски удобно будетъ стрѣлять въ насъ».

Я былъ иного мнѣнія. Кто сможетъ причинить что-либо худое нашему чудному, быстрому, какъ коверъ-самолетъ, мотору! — Другое дѣло — старая смоленная лодка, полная до краевъ водой!

Когда мы вышли въ море, узкой и, какъ казалось, слабой полосой висѣлъ въ воздухѣ одинъ неподвижный лучъ прожектора на Лисьемъ Носу. Но это не былъ безобидный лучъ!

Мы были уже на траверсѣ Сестрорѣцка, когда вдругъ, неподвижно стоявшій лучъ, прыгнулъ, рванулся, и пошелъ метаться по водѣ. Онъ не искалъ въ небѣ, онъ зналъ, что нужно искать на водѣ.

Нѣсколько разъ онъ скользнулъ по мотору, не замѣчая его. И каждый разъ мнѣ хотѣлось смахнуть его рукой, какъ бы прогоняя страшный призракъ. Эгаръ далъ полный ходъ. Моторъ застоналъ и сталъ яростно срѣзать верхушки волнъ. И вдругъ — огромная водяная стѣна всѣхъ цвѣтовъ радуги, ослѣпительно сверкающая, стала съ его лѣваго борта. Глаза не выносили ея ослѣпительнаго блеска. — Мы были пойманы прожекторомъ. И сразу, какъ-бы по условленному знаку, — спереди, сзади и съ праваго борта зажглись гигантскія электрическія солнца. — Насъ накрыли еще три прожектора. Спереди, изъ форта вылетѣла горизонтальная молнія, и низкій отдаленный громъ, мягко сотрясъ воздухъ.

Начинался обстрѣлъ.

Эгаръ на полномъ ходу повернулъ направо.

На нѣсколько мгновеній мы оторвались отъ лучей. Они забѣгали по водѣ, какъ щупальцы марсіянина Уэльса, и снова накрыли моторъ. Эгаръ опять переложилъ руль.

Теперь нечего было думать о томъ, чтобы прорываться между фортами. — Надо было попытаться, оторвавшись отъ лучей прожекторовъ, обойти Кронштадтъ вдоль южнаго берега залива, мимо Ораніенбаума и Стрѣльны, къ Каменному Острову. — Вѣдь Дьюксъ ждалъ насъ!

На сравнительно продолжительное время Эгару удалось оторваться отъ лучей, обманувъ ихъ перемѣной курса. Моторъ былъ между фортомъ Обручева и Толбухинымъ маякомъ. Лучи шарили въ направленіи его прежняго курса.

Моторъ чудесно шелъ впередъ. Его машины работали безупречно. На толчеѣ Толбухина маяка его подбросило такъ сильно, что всѣ были сброшены

съ ногъ, дно, казалось, должно было разлетѣться отъ этого дикаго удара. Но все обошлось благополучно.

Недалеко отъ форта Обручева мы были накрыты прожекторомъ изъ Кронштадта. Онъ казался такимъ близкимъ и буквально ослѣплялъ своимъ сіяньемъ.

Эгаръ бросился въ сторону. Лучъ слѣдовалъ за нами. Эгаръ еще раза два переложилъ руль, но оторваться отъ луча онъ не могъ больше. Лучъ висѣлъ на насъ, какъ борзая на волкѣ. Онъ былъ слишкомъ близко.

Курсъ былъ потерянъ во время этого безпорядочнаго метанья.

Раздался страшный толчокъ, и грохотъ развороченнаго желѣза, сопровождаемый какъ бы звономъ массы разбитаго стекла, послышался съ этимъ ударомъ. Моторъ сталъ, а лучъ прожектора, шедшій съ его быстротой, умчался впередъ. Онъ потерялъ насъ, — на этотъ разъ навсегда. Моторъ сидѣлъ на чемъ-то.

Настала мертвая тишина.

Я ждалъ, что каждую минуту ворвется вода, и мы пойдемъ ко дну. Но этого не происходило. Воды не прибавлялось.

Гдѣ мы были? Я оглядѣлся: огни справа, слѣва и позади.

Это былъ большой Кронштадтскій рейдъ! — Огни Ораніенбаума, форта Александра III и форта Обручева.

Я перешелъ на корму. Моторъ держался самымъ концомъ кормы — на невысокомъ бревенчатомъ брейквартерѣ; какъ скаковой конь, онъ взялъ барьеръ.

Я уперся крюкомъ, и моторъ легко сошелъ на воду. Разбитая часть кормы поднялась надъ водой, въ другомъ мѣстѣ нигдѣ не оказалось пробоины.

Попробовали завести машину. — Не пойдетъ-ли она, не произойдетъ-ли чуда? — Со стартера моторъ не бралъ. Тогда рѣшили пустить въ ручную. Это не шутка пустить въ ручную 250-ти-сильный моторъ. Отчаянье придаетъ силы.

«Попробуйте вы! У васъ силы довольно», обратился ко мнѣ Эгаръ. Но у меня дѣло не пошло. Рѣшили осмотрѣть машину. Завернули въ платокъ электрическій фонарь и пошли въ машину.

Надежды не было. — Машина отъ страшнаго удара была расколота на двѣ части.

Было 12 часовъ ночи. Черезъ 4 часа — разсвѣтъ, а черезъ 4½ мы будемъ сняты большевиками. Очень маленькій кусочекъ жизни оставался на нашу долю. Хотя я и былъ въ англійской морской формѣ, но у меня не было шансовъ остаться неузнаннымъ въ Кронштадтѣ. Очевидно, мнѣ предстояло раздѣлить общую участь потопленныхъ съ баластиной на ногахъ моряковъ. Но и мои спутники сами не ждали ничего хорошаго и, послѣ короткаго совѣщанія, вынесли слѣдующую резолюцію: утромъ, когда придутъ за нами большевики, — взорваться.

На моторѣ былъ динамитный патронъ, — стоило дернуть за рукоятку рычага — произошелъ бы взрывъ.

Мнѣ былъ предложенъ спасательный кругъ, съ которымъ я могъ бы плыть къ берегу, но отъ котораго я отказался.

Въ такіе моменты мною овладѣвало странное спокойствіе и ясность духа. — Въ нашемъ распоряженіи было 4 часа. Я предложилъ лечь спать, хотя бы на два часа, чтобы сберечь силы, которыя, быть можетъ, еще понадобятся для борьбы. И я легъ дѣйствительно, и сладко уснулъ. Я проснулся отъ покачиванія мотора.

Положительно, огни были смѣщены, они были дальше. Я протеръ себѣ глаза. — Неужели произошло чудо? Да, ораніенбаумскіе огни были больше

слѣва и почти перешли на линіи огней форта Александра III. Насъ несло, правда, медленно, но все-же несло.

— Прямо съ юга дулъ сильный вѣтеръ, и съ этимъ вѣтромъ неслось наше спасеніе! Надо было создать парусъ, но передъ этимъ повернуть моторъ носомъ по волнѣ.

Въ нашемъ распоряженіи не было не только весла, но даже простой доски, съ помощью которой можно было бы развернуться.

— Плавучій якорь!

Немедленно было опорожнено съ десятокъ бидоновъ изъ подъ бензина и снова герметически закупорено. На длинномъ концѣ бидоны были заведены съ кормы и, постепенно подтягивая и отпуская конецъ, я добился того, что моторъ развернулся и сталъ, какъ слѣдуетъ, по волнѣ.

Затѣмъ былъ поднятъ съ палубы длинный матъ, то-есть сплетенный изъ веревокъ коверъ, и на двухъ флагштокахъ укрѣпленъ на моторѣ. Получился неказистый, но довольно ёмкій парусъ, съ которымъ моторъ довольно весело пошелъ впередъ.

Восходъ солнца засталъ насъ далеко отъ форта Обручева. Былъ свѣжій, вѣтренный, солнечный день. Далеко, въ миляхъ 3-4 показались вышедшіе на рыбную ловлю финны. Моторъ на волнахъ расшаталъ свои кормовыя пробоины и сталъ давать течь, довольно изрядную. Нервы стали сдавать. Экипажемъ, ни на минуту не сомкнувшимъ глаза, стала овладѣвать усталость.

Минный офицеръ и механикъ трупами лежали на палубѣ.

Я оглянулся. Позади висѣлъ надъ водой фортъ Обручева. Висѣлъ — благодаря утренней рефракціи. Это меня обрадовало, такимъ-же, даже еще въ большей степени страннымъ предметомъ долженъ былъ казаться съ Обручева — моторъ. Кромѣ того, моторъ былъ защитнаго цвѣта, мачты у него не было, значитъ опасенія, что мы будемъ замѣчены — напрасны.

Я успокоился. Нехорошо было только то, что вода все прибывала, несмотря на то, что помпа работала безпрерывно. Но не вѣрилось, что, избѣжавши чудомъ такой опасности, можно будетъ погибнуть днемъ, въ ясную погоду, въ виду рыбаковъ. Небо было ясно, ни одного облачка, но зато оттуда, сверху, насъ ожидалъ сюрпризъ. Какъ показалось мнѣ, со стороны Кронштадта — прямо на насъ летѣлъ аэропланъ.

Я разбудилъ Эгара, дремавшаго надъ рулевымъ колесомъ. Тотъ посмотрѣлъ по указанному направленію, и проклятіе вырвалось у него.

Это было уже слишкомъ. — Полузатопленный моторъ съ разбитыми машинами съ измученными ночной гонкой людьми долженъ былъ принимать бой съ аэропланомъ!

Разбудили спавшихъ на палубѣ. Механически, ничего не выражая на лицахъ, принялись за работу.

Установили Люисовскіе пулеметы, навели ихъ на аэропланъ. Когда онъ поравняется, откроютъ огонь. И вдругъ, чудо! Аэропланъ снижается, оттуда машутъ. И тогда мы ясно увидѣли на крыльяхъ круги союзниковъ. — Это былъ аэропланъ, высланный адмираломъ изъ Койвисто, на поиски пропавшаго мотора. Всѣ стояли на палубѣ, махали фуражками и кричали ура. Приливъ энергіи овладѣлъ всѣми. Вышибли у нѣсколькихъ бидоновъ донья и стали отливать воду въ 8 рукъ. Финнъ-лоцманъ былъ поставленъ на носу съ мегафономъ, Джильми-механикъ махалъ оттуда-же флагомъ. Лодки стали подходить. Но, дойдя до

извѣстнаго разстоянія, онѣ опять стали. Пришлось пригрозить имъ пулеметами, лишь тогда онѣ подошли.

Оказалось, что моторъ былъ принятъ рыбаками за упавшій большевистскій аэропланъ, и они боялись, что ихъ заставятъ везти людей въ Кронштадтъ.

Немедленно, съ одной изъ лодокъ была снята мачта съ парусомъ, самъ моторъ былъ взятъ на буксиръ двумя лодками. Третья лодка подъ парусомъ понеслась къ берегу, чтобы дать знать о случившемся.

Черезъ 2 часа всѣ были на берегу.

Днемъ явилась русская депутація, поздравившая англичанъ со спасеніемъ.

Дьюкса привели сухопутъемъ черезъ недѣлю.

Оказывается, что въ ночь, когда прожекторы гонялись за моторомъ, у Каменнаго Острова его ждала баржа съ пулеметами, и Дьюксъ молилъ Бога, чтобы что-нибудь помѣшало мотору явиться къ назначенному сроку.

Когда 3-го сентября я вернулся въ Гельсингфорсъ, дѣло съ Кронштадтомъ было окончательно погублено безцѣльной атакой лодокъ. Правда, надъ Кронштадтомъ продолжали виться англійскіе летчики, но вреда они никакого ему не причиняли. Позади было и крушеніе подъ Лахтой, и болота и трясины Лубаньскаго озера и, въ довершеніе, аварія на Кронштадтскомъ рейдѣ. Нервная система нѣсколько сдала, и я сталъ галлюцинировать: все время передъ глазами качались тростники и плыли лодки. Пришлось отправиться въ санаторію. Къ счастію, это было вызвано сильнымъ общимъ переутомленіемъ и скоро прошло. Мнѣ было ужасно обидно чувствовать себя внѣ строя въ то время, когда такъ скоро должна рѣшиться судьба Петербурга.

Предписанный врачемъ двухмѣсячный срокъ пребыванія въ Санаторіи я сократилъ до двухнедѣльнаго и такимъ образомъ снова вступилъ въ ряды.

Это были пятнадцатыя числа сентября. Англичане ждали мониторовъ для бомбардировки Красной Горки, то-есть той самой крѣпости, которая сама переходила къ бѣлымъ и которую не удалось получить, благодаря эстонско-англійской неразберихѣ.

Ждали двухъ мониторовъ, пришелъ одинъ «Эребусъ» — Пострѣлялъ, и ушелъ. Не хватило снарядовъ. Да и стрѣлялъ съ такой дистанціи, съ которой былъ minimum шансовъ на попаданія. Вообще, особаго стремленія поднять мѣткость своихъ орудій при стрѣльбѣ по большевикамъ у англичанъ не наблюдалось.

Когда впослѣдствіи, а именно 29 октября, большевистскіе миноносцы подошли къ Койвисто, англійскій корабль, «Клеопатра», открылъ огонь, но изъ массы выпущенныхъ снарядовъ было лишь попаданіе осколками снарядовъ въ бакъ одного изъ миноносцевъ.

Баронъ Ф., занимавшій у англичанъ постъ по службѣ связи въ Ревелѣ, разговаривалъ на «Madston'ѣ» * по этому поводу съ англійскимъ артиллеристомъ съ «Клеопатры». Въ отвѣтъ на шутку барона Ф., что англичане не умѣютъ стрѣлять, англичанинъ цинично сказалъ: «а, можетъ быть, мы не хотѣли попадать въ цѣль?»

* «Madston» былъ флагманскимъ кораблемъ въ Ревелѣ.

Какъ правильно уже давно предвидѣлъ капитанъ 1-го ранга П. В. В-кенъ, совмѣстная работа съ англичанами не имѣла шансовъ на успѣхъ, такъ какъ стороны преслѣдовали не одинаковыя, а порой даже и прямо противоположныя цѣли.

В-кену удалось раздобыть цѣлый отрядъ быстроходныхъ морскихъ катеровъ, въ количествѣ 12 штукъ. Всѣ они стояли въ разобранномъ видѣ на заводѣ Крогіуса въ Гельсингфорсѣ. Заказаны они были еще до революціи въ Норвегіи для службы связи. Эти катера обладали превосходными морскими качествами, могли принять на палубу каждый до 100 человѣкъ дессанта и, благодаря крѣпкой конструкціи, могли быть вооружены 75 мм. орудіями.

Къ сожалѣнію, ихъ не было раньше, — въ противномъ случаѣ, они сыграли бы большую роль въ іюлѣ и августѣ 19 года.

Катера рѣшено было выпускать съ завода очередями. Въ первую очередь должны были быть готовы 4 катера, на одинъ изъ которыхъ, а именно на № 4, былъ назначенъ я. Катера были назначены для совмѣстныхъ дѣйствій съ арміей Юденича, съ моря.

Сборка механизмовъ подвигалась чрезвычайно медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ того требовали обстоятельства. Катеръ № 1 былъ готовъ лишь въ началѣ октября, но приходилось ждать остальныхъ трехъ. Они были готовы въ 20-тыхъ числахъ. При пробѣ скорости на «мѣрянную милю» наилучшій ходъ далъ катеръ № 4. Это очень обрадовало меня, ибо лучшая скорость позволяла быть впереди другихъ катеровъ. Въ концѣ октября катера рѣшили отправить въ Ревель, а оттуда — въ Нарву, для дѣйствій по рѣкѣ Наровѣ. Но предназначались они собственно не для этого, а для атаки фортовъ Кронштадта.

Такъ какъ финны не разрѣшили бы выйти изъ Гельсингфорса отряду русскихъ моторныхъ катеровъ, то необходимо было выйти контрабанднымъ путемъ. Рѣшено было, что катера пойдутъ не подъ своими машинами, а поведетъ ихъ сильный буксиръ. Въ назначенный день погода не очень благопріятствовала, было градусовъ 5 мороза, и на морѣ довольно свѣжо. Однако, не хотѣлось откладывать больше дня отъѣзда. Катера были соединены буксиромъ попарно, буксирный конецъ былъ заведенъ вокругъ корпуса каждаго катера, такъ-называемой «брагой», для крѣпости. Къ сожалѣнію, дальше Эренсгрунда дойти въ этотъ разъ не удалось. Вѣтеръ и волны не позволяли буксиру идти дальше. Пришлось повернуть обратно. Но по попутной, очень свѣжей волнѣ держаться катерамъ въ порядкѣ было очень трудно. — Волны сбивали ихъ въ кучу, со страшной силой бросая другъ на друга. — Руля катера, не обладая собственнымъ ходомъ, не слушались, и почти не представлялось возможнымъ предупредить столкновенія. Первая пара катеровъ пробила другъ другу борты, къ счастью — выше ватеръ-линіи. Въ очень плачевномъ состояніи катера дотащились уже поздно вечеромъ до Свеаборга, гдѣ пришлось переночевать. Утромъ катера были переведены къ заводу «Соколъ» на ремонтъ. № 4 былъ невредимъ, однако, идти самостоятельно въ Ревель для него не имѣло смысла. Нужно было ждать остальныхъ. Прошло 2 недѣли, пока катера были готовы. Выйти оказалось возможнымъ лишь къ 1-му ноября. Если-бъ катера шли подъ собственными машинами, они бы благополучно дошли и въ первый разъ до Ревеля, нужно было только изобрѣсти что-либо, что бы давало финнамъ формальное право не знать, куда они идутъ.

На этотъ разъ рѣшили идти самостоятельно, но взять сначала курсъ на востокъ въ шхеры, какъ-бы для того, чтобы сдѣлать пробный пробѣгъ, а затѣмъ сразу повернуть на Ревель.

Этимъ значительно удлинялся путь, но зато было много шансовъ на то, что удастся удрать изъ Гельсингфорса. Такъ и вышло. Погода во время похода была свѣжая, при сильномъ морозѣ. Я простоялъ у штурвала 7 часовъ, безпрерывно борясь съ волнами. Но кренъ катеръ держалъ превосходно. Палуба въ рулевой рубкѣ быстро обледенѣла, обкатываемая волнами, тутъ-же замерзавшими Когда клало на бокъ, мнѣ приходилось принимать самыя фантастическія положенія, не выпуская рукоятокъ штурвала. Благодаря большой мускульной работѣ, мнѣ было не только не холодно, но даже настолько жарко, что потъ струился по лбу.

№ 4 шелъ головнымъ. Въ кильватеръ ему шелъ № 3 съ лейтенантомъ Б., а за нимъ № 2, съ капитаномъ 2-го ранга, барономъ К. № 4 несъ на себѣ и В-кена, создателя плана работы моторныхъ катеровъ.

Вскорѣ № 4 долженъ былъ убавить ходъ, такъ какъ, благодаря большому ходу, онъ слишкомъ рыскалъ и зарывался на попутной волнѣ, да и другіе катера стали сильно отставать. Вскорѣ катеръ № 2 съ барономъ К. пропалъ изъ виду. Отыскивать его не представлялось возможнымъ, такъ какъ № 4 не могъ повернуть въ разрѣзъ огромной волнѣ, и заранѣе, еще передъ выходомъ изъ Гельсингфорса, было рѣшено, что каждый командиръ будетъ дѣйствовать «по усмотрѣнію».

Надвигались уже сумерки. Пришлось помѣстить на кормѣ фонарь для облегченія слѣдованія № 3-му. Онъ шелъ позади, миляхъ въ 2-хъ разстоянія.

Солнце недавно опустилось за горизонтъ, окрашенный еще красными лучами заката. Когда я оглядывался, чтобы провѣрить разстояніе между катерами, то невольно любовался удивительно красивыми обводами слѣдующаго за мной катера. Подымаемый высокой волной, онъ скользилъ внизъ съ удваиваемой быстротой, почти на половину зарываясь въ воду.

— Маленькіе, пятидесятитонные катера были единственными русскими кораблями, не носящими краснаго большевистскаго флага. Въ случаѣ удачи — имъ предстояло поднять старый Андреевскій флагъ на остальныхъ.

Но уже остановился Юденичъ въ своемъ продвиженіи къ Петербургу, и надежды на входъ въ него стали сильно колебаться. У меня было неспокойно на сердцѣ. Я зналъ, для какой именно цѣли предназначаются катера. — Они должны были атаковать Кронштадтскіе форты, но не все было въ порядкѣ. Машины катеровъ не были превосходны. На нихъ стояли американскіе моторы «Buffalo» со штампованными частями. Полагаться на нихъ нельзя было. Они могли измѣнить въ любую минуту, какъ и случилось это только что. — Вырвало пробку въ одномъ изъ цилиндровъ, и пожаръ удалось предотвратить лишь благодаря тому, что механикъ, лейтенантъ Ц., моментально выключилъ цилиндръ. Благодаря тому, что катеръ шелъ наполовину подъ водой, пришлось наглухо закрыть машинное отдѣленіе, отчего оно наполнилось бензиновыми парами. Почему взрывъ цилиндра не вызвалъ пожара и почему деревянный, 65 футъ въ длину, катеръ не превратился въ пылающій факелъ, — можно было объяснить лишь чудесной случайностью.

№ 3 черезъ нѣкоторое время также пропалъ изъ виду, когда открылся Вульфъ. Тяжело было думать, что съ катерами случилось несчастіе, но вернуться и искать ихъ не было возможности.

Въ 8 часовъ вечера № 4 вошелъ въ Ревельскую гавань и сталъ рядомъ съ англійскимъ кораблемъ «Madston», на которомъ помѣщался штабъ.

Черезъ полчаса я съ радостью услышалъ знакомое рыканье мотора. Это былъ № 3 съ Б. Не было лишь № 2.

Ночь прошла тревожно. Несмотря на то, что было извѣстно о приходѣ катеровъ, не было приготовлено для офицеровъ помѣщенія, сухого и теплаго, гдѣ можно было-бы отдохнуть отъ тяжелаго перехода. Пришлось спать въ холодной каютѣ катера, насквозь пропитанной бензинными парами.

Ни у кого изъ прибывшихъ не было теплой одежды, такъ какъ было обѣщано, что въ Ревелѣ будетъ выдано офицерское англійское зимнее обмундированіе, но оно исчезло и появилось лишь на эстонскомъ «вшивомъ рынкѣ», гдѣ и продавалось за 2.000 рублей комплектъ. Зато всѣ служащіе канцелярій были въ офицерскихъ «френчахъ», а на вѣшалкахъ ихъ теплыхъ помѣщеній висѣли англійскія пальто на байковыхъ подкладкахъ.

На утро № 4 былъ посланъ къ Вульфу на поиски пропавшаго № 2. Море значительно успокоилось, хотя было еще свѣжо. № 4 по мѣрѣ возможности осмотрѣлъ берега, но ничего не обнаружилъ. Одновременно былъ посланъ аэропланъ съ летчикомъ, лейтенантомъ Б., которому также не удалось ничего обнаружить. Рѣшено было, что К. погибъ.

Однако, черезъ сутки онъ нашелся. — У Кокшхера у него вышла изъ строя одна машина, а скоро и двѣ другія. Онъ потерялъ способность управляться и сталъ игрушкой волнъ. Его несло, какъ щепку, и въ такомъ печальномъ видѣ выбросило на скалы Наргена, гдѣ К. и просидѣлъ сутки. Къ счастью, стало успокаиваться. Вахтенный начальникъ, мичманъ К., сошелъ въ воду и при морозѣ свыше 10 градусовъ, по горло въ водѣ, дошелъ до берега, гдѣ и далъ знать о случившемся. Къ счастью, онъ даже не простудился, какъ слѣдуетъ, принявъ коньяку внутрь.

На слѣдующій день я отправился къ барону Ф., своему бывшему командиру на «Памяти Азова». Ф. служилъ у англичанъ на «Madston'ѣ» офицеромъ связи. Онъ сообщилъ мнѣ мало утѣшительнаго.

— Англичане ликвидируютъ дѣла, и въ Эстоніи, и въ Финляндіи.

Происходило то-же, что и на Мурманѣ. Опять колоссальный пикникъ въ Россію, стоившій такихъ денежныхъ затратъ и жертвъ людьми.

Дѣла Юденича были изъ рукъ вонъ плохи. Онъ быстро отступалъ, почти бѣжалъ изъ Царскаго Села, Павловска, Краснаго Села. Его танки, бывшіе въ ремонтѣ въ Нарвѣ, не могли послѣдніе дни его экспедиціи работать, такъ какъ мостъ черезъ рѣку Нарву не былъ исправленъ, и ихъ нельзя было перевезти на ту сторону. Но не въ танкахъ только было дѣло.

Юденичъ дошелъ только до Царскаго Села, но дальше онъ не могъ продвинуться изъ-за обстрѣла орудій «Севастополя» и «Петропавловска». Царское Село было какъ разъ райономъ достигаемости морскихъ орудій, тѣхъ самыхъ, которыя при добромъ желаніи и пониманіи дѣла могли быть обращены противъ большевиковъ.

Бѣлая армія быстро таяла и разлагалась. Катера же совершили тяжелый переходъ только для того, чтобы присутствовать при ликвидаціи.

Ровно черезъ годъ такая-же участь постигла крошечный героическій корабль «Китобой», подъ командой лейтенанта Ферсмана, ста пятидесяти тоннъ измѣщенія, продѣлавшій удивительный переходъ изъ Ревеля въ Крымъ, черезъ Бискайскій заливъ и Средиземное море, для того, чтобы присутствовать при эвакуаціи въ ея послѣдній день.

Какой-то рокъ нависъ надъ всѣми морскими начинаніями противъ большевиковъ, которыя были логично задуманы, насущно необходимы для успѣха дѣла борьбы съ ними и которымъ всегда что-либо мѣшало осуществиться.

Однако, еще цѣлый мѣсяцъ пришлось провести въ Ревелѣ участникамъ экспедиціи на катерахъ.

Черезъ нѣсколько дней по ихъ прибытіи, пришелъ катеръ № 1, подъ командой лейтенанта Л., въ свѣжую погоду при 15⁰ мороза.

Эстонцамъ катера очень понравились, и они готовы были въ каждый моментъ объявить ихъ своей собственностью. Приходилось думать объ ихъ спасеніи. Было составлено два плана. Одинъ — бѣжать въ Швецію или Данію, а другой — перейти на Балтійскій заводъ, поднять катера на стѣнку, а машины разобрать и перенести въ сарай. Прошелъ 2-ой планъ.

Мнѣ было больше нечего дѣлать въ Ревелѣ.

Среда офицерства, проживавшаго въ городѣ, была глубоко деморализована. Меньшинство занималось коммерческими дѣлами, большинство — картами и кутежами. Обстановка была слишкомъ тяжела для личной жизни, и я рѣшилъ идти въ Европу.

Финскую визу, однако, не представлялось возможнымъ достать, пришлось обратиться къ привычному способу — отправиться контрабанднымъ путемъ.

Подъ видомъ эстонца кочегара на маленькомъ буксирѣ (изъ тѣхъ, что во время войны оперировали въ Рижскомъ заливѣ), я совершилъ послѣдній переходъ изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ. Былъ туманный, морозный день. Я съ наслажденіемъ стоялъ на рулѣ, въ послѣдній разъ идя знакомыми мѣстами. Какъ просто было послѣ безпокойнаго бензиноваго мотора на паровомъ буксирѣ, нырявшемъ какъ утка въ высокихъ волнахъ. Вокругъ были минныя поля, почему нужно было строго держаться курса.

Теперь онѣ никому не были нужны, эти мины. Чьи-то другія, не русскія руки очистятъ отъ нихъ заливъ, для спокойнаго прохода иностранныхъ кораблей!

Сумрачно мелькнулъ въ туманѣ Эренсгрундъ. Вскорѣ загорѣлся огонь Грахары, а близко за нимъ — свободный, нарядный Гельсингфорсъ. Онъ прошелъ сквозь красную стихію побѣдителемъ, правда, — при благосклонной помощи нѣмцевъ, но блеснувъ желѣзной выдержкой, дисциплиной и рѣдкимъ патріотизмомъ сыновъ Финляндіи.

Три встрѣчи

(А. В. Колчакъ и Госуд. Дума)

Н. Савича

Въ Ноябрѣ 1907 г. собралась третья Государственная Дума. Настроеніе большинства было повышенное, ярко патріотическое. Однимъ изъ первыхъ актовъ народнаго представительства было образованіе комиссіи по государственной оборонѣ, подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова, куда вошли наиболѣе дѣятельные, боевые члены фракцій, составлявшихъ большинство Гос. Думы. Названіе комиссіи опредѣляло кругъ ея вѣдѣнія, а ея составъ предопредѣлялъ направленіе работъ всего законодательнаго учрежденія. Конечно, депутаты были либо штатскіе, либо отставные военные, давно отставшіе отъ военнаго и морского дѣла. Поэтому, прежде чѣмъ взять на себя смѣлость серьезныхъ рѣшеній, прежде чѣмъ предопредѣлить свое отношеніе къ ряду вопросовъ очень спеціальныхъ и всегда чрезвычайно отвѣтственныхъ, имъ пришлось много и спѣшно учиться, жадно впитывать въ себя массу свѣдѣній. Правительство Столыпина пошло намъ навстрѣчу. По указанію свыше, военное и морское министерства дѣлали все, чтобы освѣтить поставленные на очередь вопросы членамъ комиссіи, предоставить въ ихъ распоряженіе весь имѣющійся у вѣдомствъ матеріалъ. Въ квартирѣ ген. Редигера (военнаго министра) мы впервые изъ первоисточника узнали о томъ ужасающемъ, поистинѣ катастрофическомъ, положеніи, въ которомъ находилось дѣло матеріальнаго снабженія и техническаго оборудованія арміи – послѣдствія неудачной войны и тяжелаго внутренняго кризиса. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ представлены были проекты постепеннаго возстановленія военной мощи государства, разсчитанные на рядъ извѣстныхъ періодовъ, при чемъ каждый періодъ знаменовалъ опредѣленный, имѣющій самостоятельное крупное значеніе фазисъ развитія военныхъ силъ. Для подробнаго, въ деталяхъ, изученія входящихъ въ эти планы вопросовъ былъ организованъ длинный рядъ засѣданій членовъ комиссіи по оборонѣ съ назначенными министерствомъ чинами вѣдомства. То же самое происходило и въ области изученія положенія морской обороны и плана развитія морскихъ силъ. Докладчиками и свѣдующими лицами выступали молодые офицеры спеціалисты, чаще всего изъ состава Генеральнаго Штаба, военнаго или морского по принадлежности. Занятія шли отдѣльно по обоимъ вѣдомствамъ, но параллельно, т. к. намъ нужно было составить общій планъ финансированія дѣла развитія обороны государства. По морскимъ вопросамъ мы собирались то въ

Таврическомъ Дворцѣ, то въ болѣе тѣсномъ кружкѣ, въ болѣе интимной обстановкѣ, на частныхъ квартирахъ, помнится, у Ю. Н. Милютина и у А. А. Столыпина. Здѣсь офицеры морского штаба могли выступать съ полной откровенностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Въ числѣ наиболѣе боевыхъ и спорныхъ тогда вопросовъ было требованіе морского вѣдомства объ отпускѣ суммъ (120 милл.) на постройку четырехъ балтійскихъ дреднаутовъ. Около этого вопроса и въ обществѣ, и въ прессѣ, и въ военной средѣ, и даже среди самихъ моряковъ происходили горячіе споры. Естественно, эта неразбериха мнѣній имѣла живой откликъ среди членовъ законодательныхъ палатъ. Положеніе депутатовъ было трудное. Денегъ было мало, проектъ бюджета былъ сведенъ съ дефицитомъ въ суммѣ около 200 милліоновъ. Поэтому испрашиваемая морскимъ вѣдомствомъ сумма казалась колоссальной. При этомъ же позоръ японской войны, страшный ударъ, нанесенный нашему флоту при Цусимѣ, глубоко уязвили національное чувство общества, возлагавшаго всю отвѣтственность за происшедшее на «шпицъ», на порядки и привычки, прочно гнѣздившіеся въ центральномъ учрежденіи морского министерства и въ его береговыхъ органахъ. Все, казалось, осталось тамъ по прежнему, отвѣтственнѣйшія мѣста продолжали занимать старики или люди, имя коихъ было связано съ недавнимъ не доброй памяти прошлымъ. Единственнымъ новшествомъ былъ организованный адм. Брусиловымъ новый органъ, Морской Генеральный Штабъ. Тутъ собралось все то лучшее изъ молодежи, что смогли выдѣлить уцѣлѣвшіе остатки боевого флота. Тутъ кипѣла жизнь, работала мысль, закладывался фундаментъ возрожденія флота, вырабатывалось пониманіе значенія морской силы, законовъ ея развитія и бытія. Вотъ съ этими то элементами морского вѣдомства намъ и пришлось впервые столкнуться въ ноябрѣ 1907 года. Морское министерство умѣло, когда нужно, показать товаръ лицомъ, пустить пыль въ глаза. Дѣйствительно, первое впечатлѣніе отъ этихъ встрѣчъ было подкупающимъ. И среди этой образованной, убѣжденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выдѣлялся молодой, невысокаго роста офицеръ. Его сухое, съ рѣзкими чертами лицо дышало энергіей, его громкій мужественный голосъ, манера говорить, держаться, вся внѣшность — выявляли отличительныя черты его духовнаго склада, волю, настойчивость въ достиженіи, умѣніе распоряжаться, приказывать, вести за собой другихъ, брать на себя отвѣтственность. Его товарищи по Штабу окружали его исключительнымъ уваженіемъ, я бы сказалъ даже, преклоненіемъ; его начальство относилось къ нему съ особымъ довѣріемъ. По крайней мѣрѣ во всѣ для вѣдомства тяжелыя минуты — а такихъ ему пришлось тогда пережить много — начальство всегда выдвигало на первый планъ этого человѣка, какъ лучшаго среди штабныхъ офицеровъ оратора, какъ общепризнаннаго авторитета въ разбиравшихся вопросахъ. Этотъ офицеръ былъ капитанъ 1-го ранга Александръ Васильевичъ Колчакъ. Трудно было найти болѣе блестящаго защитника столь неблагодарной задачи, каковая тогда была возложена морскимъ вѣдомствомъ на Колчака, именно отстоять требованіе объ ассигнованіи суммъ на постройку 4 броненосцевъ. Вся его блестящая эрудиція, знаніе вопроса, ораторскій талантъ, страстная убѣжденность фанатика своего дѣла, все это разбивалось о факты печальной дѣйствительности. Армія была въ буквальномъ смыслѣ раздѣта и лишена оружія (конечно, принимая въ разсчетъ составъ военнаго времени, послѣ мобилизаціи), дефицитъ въ бюджетѣ, пустая государственная казна, все это заставляло насъ относиться съ величайшей осторожностью къ расходованію тѣхъ крохъ, кои мы надѣялись наскрести. Передъ нами было два требованія, двѣ задачи, два плана дѣйствій.

Одинъ былъ представленъ военнымъ вѣдомствомъ и требовалъ отпуска 300 милліоновъ, чтобы сдѣлать нашу армію хотя бы относительно боеспособной, другой – морского министерства, заключавшійся въ постройкѣ 4 кораблей. А если принять во вниманіе, что оздоровленіе, реорганизація береговыхъ учрежденій морского вѣдомства тогда еще ни во что реальное не вылилось, что тамъ все оставалось по старому, всѣ старые привычки, навыки, пороки и даже люди были все тѣ же, что единственная свѣжая струя – морской генеральный штабъ – не успѣлъ еще получить рѣшающей, даже просто значительной, роли въ жизни и работѣ вѣдомства – то выборъ нашъ былъ простъ и рѣшителенъ. Все, что мы могли дать на дѣло обороны, мы рѣшили дать въ первую очередь военному вѣдомству.

На этой почвѣ произошло столкновеніе Гос. Думы съ морскимъ министерствомъ. И въ этомъ вопросѣ вся энергія морского генеральнаго штаба въ цѣломъ и Колчака въ частности, всѣ его дарованія и личное обаяніе не могли измѣнить принятаго рѣшенія. Комиссія по оборонѣ внесла опредѣленное и категорическое рѣшеніе – средства на постройку современнаго броненоснаго флота будутъ даны лишь тогда, когда прекрасныя слова и благія намѣренія морского генеральнаго штаба воплотятся или, по крайней мѣрѣ, начнутъ воплощаться въ дѣло, въ дѣйствительность, въ реальное осуществленіе реорганизаціи и реформы вѣдомства, всѣхъ его техническихъ и береговыхъ органовъ. Сами они, молодые моряки, очень убѣдительно показали и доказали намъ, что надо въ этомъ отношеніи сдѣлать, чего добиваться, каковы должны быть условія, при которыхъ отпущенныя народныя средства пойдутъ дѣйствительно на дѣло развитія мощи государства, а не для кормленія береговыхъ и тыловыхъ учрежденій. То, что такъ блестяще доказывалъ А. В. Колчакъ, нами въ значительной степени было усвоено. Но для момента выводъ нашъ былъ діаметрально противоположный его выводу. Онъ и его товарищи рисовали картину, при которой начнется правильное развитіе морской силы, и для начала этого процесса требовали кредитовъ, говоря, что остальное само собой устроится. Мы требовали, чтобы процессъ реорганизаціи, возрожденія вѣдомства начался немедленно, вылился въ осязаемыя формы, и только тогда мы согласились давать деньги. Колчакъ былъ страстнымъ защитникомъ скорѣйшаго возрожденія флота, онъ буквально сгоралъ отъ нетерпѣнія увидѣть начало этого процесса, онъ вкладывалъ въ созданіе морской силы всю свою душу, всего себя цѣликомъ, былъ въ этомъ вопросѣ фанатикомъ. И естественно съ нимъ происходили наиболѣе жаркія словесныя схватки; чаще всего ему оппонировать приходилось мнѣ. Мы оба – онъ и я – шли къ одной завѣтной цѣли – созданію боевого флота, способнаго выполнить тѣ заданія, кои на него будутъ возложены стратегической обстановкой вѣроятнаго конфликта. Но шли къ этой цѣли мы разными путями и отсюда неизбѣжность остраго конфликта мнѣній. При всемъ томъ наши личныя отношенія ни на одинъ мигъ не помрачались. Онъ былъ для меня авторитетомъ въ его спеціальности, человѣкомъ энергіи и знанія, качествъ столь рѣдкихъ у насъ вообще, а въ его средѣ въ особенности. Весною 1908 года Колчакъ проигралъ бой въ Гос. Думѣ. Но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ внесъ горячую свѣжую струю въ вѣдомство, его мысли стали достояніемъ многихъ, его знанія просвѣтили среду его сослуживцевъ и внесли опредѣленность и ясность въ вопросъ реорганизаціи флота. Я долженъ признать, что на мое, напримѣръ, отношеніе къ дѣлу развитія у насъ морской силы (мнѣ пришлось быть докладчикомъ по морской смѣтѣ вплоть до войны, вѣрнѣе, вплоть до революціи), Колчакъ того времени имѣлъ громадное вліяніе. Мнѣ пришлось на первыхъ порахъ съ нимъ бороться, но всѣ его аргументы, всѣ его

взгляды, всѣ его идеи глубоко запали въ душу и въ свое время принесли опредѣленные плоды. Но если таково было вліяніе идей Колчака на его тогдашняго противника, лишь изрѣдка съ нимъ встрѣчавшагося, то можно судить, каково оно было на его сотрудниковъ и соратниковъ по оружію, на его подчиненныхъ и даже на старшихъ чиновъ, съ которыми онъ имѣлъ постоянное, регулярное общеніе. Можно считать несомнѣннымъ, что, когда закладывались основные камни будущей реконструкціи вѣдомства и возстановленія флота, Колчакъ внесъ свой крупный и плодотворный вкладъ въ дѣло, которое ему было такъ дорого.

Прошло много лѣтъ. Колчака давно уже не было подъ шпицемъ, онъ перешелъ въ плавающій флотъ. Многое измѣнилось въ морскомъ вѣдомствѣ. Измѣнились рѣзко въ благопріятную сторону взаимоотношенія между вѣдомствомъ и Г. Думой. Давно замолкли отзвуки былой борьбы. Вѣдомство широко шло навстрѣчу требованіямъ законодательныхъ учрежденій въ дѣлѣ реорганизаціи и реформъ вѣдомства. Подъ шпицемъ сидѣли новые люди, а новые люди — новыя пѣсни. Давно отпущены были колоссальныя средства морскому министерству, о которыхъ ни оно само, ни самые пылкіе его защитники, съ Колчакомъ во главѣ, въ 1907 году не смѣли даже мечтать. Работа шла полнымъ ходомъ. Старые заводы, заново перестроенные, были завалены заказами, спѣшно строились новые заводы и верфи, флотъ много плавалъ, учился, стрѣлялъ. Ясно было, что флотъ усиленно готовится къ войнѣ. Да и въ воздухѣ что то чуялось недоброе. Уже давно, со временъ балканской войны 1912 года, тревожныя вѣсти доходили до насъ изъ Берлина и Вѣны. Было извѣстно, что большая программа германскихъ вооруженій спѣшно заканчивается, что нѣмцы въ тайнѣ завершатъ ее годомъ раньше, чѣмъ то предполагалось, что къ лѣту 1914 года нѣмецкая армія будетъ во всеоружіи. Правда, Австрія не могла поспѣть за своей союзницей, ея программа должна была быть закончена лишь къ концу 1917 года. Но мы то хорошо знали, каковъ былъ размахъ работы, шедшей у насъ. Мы понимали, что отложи сосѣди конфликтъ до 1917 года — вѣроятно, войны не будетъ вовсе. Слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ стало бы тогда нападеніе на Россію. Никогда Россія не работала такъ, какъ въ эти годы, никогда ростъ ея силъ финансовыхъ, экономическихъ, культурныхъ, особенно военныхъ и морскихъ, не шелъ такими гигантскими шагами. И съ замираніемъ сердца мы ждали, используютъ ли сосѣди ближайшіе два года нашей относительной слабости и своего временнаго превосходства и готовности. Ясно, что, если сами мы кое что знали о томъ, что дѣлается за нашимъ рубежемъ, тамъ то уже навѣрное знали превосходно все, что дѣлалось у насъ. Развѣдка у нѣмцевъ была поставлена превосходно. И казалось невѣроятнымъ, что они пропустятъ благопріятный моментъ. А если таково ихъ рѣшеніе, то и срокъ мірового конфликта былъ ясенъ. Что дѣлало наше высшее правительство, мы не знали. Со смертью П. А. Столыпина порвалась связь между властью и народнымъ представительствомъ. Но мы знали, что грозный часъ, быть можетъ, уже близокъ, что наступленіе его зависитъ не отъ насъ и не отъ нашего правительства, что поэтому каждый изъ насъ долженъ быть готовъ исполнить свой долгъ передъ родиной. Зналъ все это прекрасно и плавающій флотъ, и, въ особенности, командующій центръ балтійскаго флота, адм. Эссенъ и его штабъ. Вѣдь на нихъ съ первыхъ дней войны долженъ былъ обрушиться натискъ далеко превосходныхъ силъ противника. Въ серединѣ іюня 1914 года я поѣхалъ въ Ревель съ цѣлью повидать адмирала, осмотрѣть работы по укрѣпленію позицій Наргенъ-Поркалаушъ, присутствовать на стрѣльбахъ флота. Я засталъ тамъ приподнятое настроеніе. Никто не сомнѣвался, что ближайшее будущее можетъ

принести суровыя испытанія, что борьба, разъ она начнется, будетъ роковой, что шансовъ уцѣлѣть въ этой борьбѣ мало, что смерть будетъ глядѣть имъ все время въ глаза. И тѣмъ не менѣе, всѣ были бодры и веселы, всѣ вѣрили въ будущее Россіи и родного флота, всѣ радостно готовились къ подвигу, на который ихъ призоветъ долгъ передъ родиной. Работа кипѣла и по подготовкѣ личнаго состава, и по подготовкѣ театра войны, и, особенно, по разработкѣ основныхъ идей возможной борьбы. Пріятно и радостно было видѣть эту дружную семью, окружающую любимаго и уважаемаго адмирала такою бодрою, такою рѣшительною, такою радостною возможностью жертвеннаго подвига. Среди этого кружка лицъ – мозга нашего балтійскаго флота – я встрѣтилъ, опять на первыхъ роляхъ, капитана 1-го ранга А. В. Колчака. Онъ работалъ больше всѣхъ, былъ душою и мозгомъ оперативнаго отдѣла штаба. И въ дружескихъ интимныхъ бесѣдахъ въ каютѣ адмирала, гдѣ разговаривали и спорили послѣ ѣды офицеры его штаба, обращаясь къ хозяину, какъ къ любимому отцу или старшему уважаемому брату, опять голосъ Колчака звучалъ наиболѣе вѣско, съ его мнѣніемъ больше всего считались, онъ опять пользовался всеобщимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Видно было, что имъ гордятся, имъ восхищаются. Эта репутація была вполнѣ заслужена. Тутъ онъ былъ въ своей сферѣ, онъ зналъ, чего онъ хочетъ, зналъ прекрасно людей, своихъ товарищей, начальниковъ и подчиненныхъ, отлично понималъ, что отъ каждаго изъ нихъ можно ожидать. Онъ ставилъ себѣ опредѣленныя, подчасъ очень смѣлыя, но всегда продуманныя цѣли, правильно оцѣнивалъ обстановку и умѣлъ настоять на выполненіи разъ поставленныхъ заданій. Онъ былъ правою рукою адмирала, его ближайшимъ и дѣятельнѣйшимъ помощникомъ. Его роль въ періодъ подготовки балтійскаго флота къ войнѣ была громадна.

Черезъ нѣсколько недѣль началась война. Я былъ прикованъ къ Петрограду, Колчакъ безвыходно жилъ на кораблѣ. Намъ не приходилось встрѣчаться. Но о его работѣ я зналъ, его роль въ войнѣ была мнѣ отлично извѣстна. То, что нашъ слабый матеріально флотъ съ первыхъ дней мобилизаціи все время былъ на высотѣ и на чеку, что всѣ его операціи развертывались по строго опредѣленному плану, доказывало, что тутъ нѣтъ мѣста импровизаціи, что все было предусмотрѣно заранѣе, все продумано, все подготовлено. Чуялась большая, длительная организаціонная работа, видно было, что Эссенъ и его штабъ много и продуктивно работали. Особенно отвѣтственна была, конечно, работа оперативнаго отдѣла штаба и его вдохновителя, капитана Колчака. Затѣмъ Колчакъ всталъ во главѣ минной обороны и здѣсь опять выдвинулся. Поэтому для меня не было сюрпризомъ, когда онъ былъ назначенъ на отвѣтственный постъ командующаго Черноморскимъ флотомъ съ производствомъ въ вице-адмиралы. Онъ уѣхалъ на югъ, гдѣ и оставался вплоть до революціи.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ еще разъ, правда, мелькомъ, при очень грустной обстановкѣ. Колчакъ пріѣхалъ въ Петроградъ и пришелъ въ Таврическій Дворецъ. Его едва можно было узнать. Это былъ уже другой человѣкъ. Исхудавшій, осунувшійся, видимо, глубоко потрясенный тѣмъ разваломъ, который разложилъ уже балтійскій флотъ и успѣлъ перекинуться въ Черное море. Все, чѣмъ онъ жилъ, надъ чѣмъ онъ работалъ, что такъ любилъ, такъ старательно создавалъ, все разомъ рухнуло, обратилось въ прахъ и разложеніе. Онъ былъ слишкомъ образованный военный морякъ, слишкомъ хорошо зналъ исторію другихъ флотовъ, слишкомъ понималъ сущность морской силы и поэтому отлично отдавалъ себѣ отчетъ, что такой сложный и тонкій организмъ, какимъ является флотъ, не можетъ выдержать, и никогда не выдерживалъ ударовъ революціонной

грозы. Для флота революція – гибель. Я обмѣнялся съ нимъ лишь немногими фразами, мы другъ друга отлично поняли, крѣпко пожали другъ другу руку и поспѣшили разойтись.

Было слишкомъ тяжело на душѣ, какъ на похоронахъ родимой матери.

ДОКУМЕНТЫ

Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака

чрезвычайной слѣдственной комиссіей въ Иркутскѣ 21 января — 7 февраля 1920 г.

Вступительныя замѣчанія*

Сдача Омска (14 ноября 1919 года) открываетъ послѣдній періодъ исторіи правленія адмирала Колчака. Катастрофичность паденія Омска была подчеркнута еще тѣмъ, что за нѣсколько дней до этого, 1-го ноября, въ торжественномъ засѣданіи Совѣщанія при начальникѣ добровольческихъ формированій адмиралъ Колчакъ заявилъ, что Омскъ сданъ не будетъ. «Сдача Омска, — сказалъ онъ, — невозможна. Потеря этого центра явилась бы тяжелымъ ударомъ всему дѣлу возрожденія русской государственности, допустить котораго нельзя.» (Газета «Русь», № 96.) И на слѣдующій день сибирскія газеты вышли съ аншлагомъ: «Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ заявилъ, что Омскъ сданъ не будетъ». Тогда же, въ первыхъ числахъ ноября, Главнокомандующимъ, вмѣсто ген. Дитерихса, былъ назначенъ ген. Сахаровъ, единственный изъ генераловъ, высказавшійся за возможность обороны Омска.**

Правительство 10 ноября выѣхало изъ Омска въ Иркутскъ, адмиралъ Колчакъ остался при арміи, отступая вмѣстѣ съ ней. 18 ноября Правительство прибыло въ Иркутскъ. Наканунѣ его пріѣзда, въ «Чехо-Словацкомъ дневникѣ» появился меморандумъ, рѣзко нападающій на произволъ и безпорядки. царящіе въ тылу.

ЧЕШСКІЙ МЕМОРАНДУМЪ

«Невыносимое состояніе, въ какомъ находится наша армія, вынуждаетъ насъ обратиться къ союзнымъ державамъ съ просьбой о совѣтѣ, какимъ образомъ чехо-словацкая армія могла бы обезпечить собственную безопасность и свободное возвращеніе на родину, вопросъ о чемъ разрѣшенъ съ согласія всѣхъ союзныхъ державъ.

«Войско наше согласно было охранять магистраль и пути сообщенія въ опредѣленномъ ему районѣ и задачу эту исполняло вполнѣ добросовѣстно.

---

* Вступительныя замѣчанія составлены на основаніи сибирскихъ и дальне-восточныхъ газетъ. Текстъ чешскаго меморандума приводится по книгѣ Г. Гинса: «Сибирь, союзники и Колчакъ», Пекинъ 1921 г. Любопытныя по робности о «Политическомъ Центрѣ» и переговорахъ съ нимъ В. Н. Пепеляева можно найти въ воспоминаніяхъ N.: «Послѣдніе дни Колчаковщины», помѣщенныхъ въ № 2 «Сибирскихъ Огней», Новониколаевск, 1922 г.

** 11-го декабря онъ былъ замѣненъ ген. Каппелемъ.

«Въ настоящій моментъ пребываніе нашего войска на магистрали и охрана ея становятся невозможными просто по причинѣ безцѣльности, равно какъ и вслѣдствіе самыхъ элементарныхъ требованій справедливости и гуманности. Охраняя желѣзную дорогу и поддерживая въ странѣ порядокъ, войско наше вынуждено сохранять то состояніе полнаго произвола и беззаконія, которое здѣсь воцарилось.

«Подъ защитой чехо-словацкихъ штыковъ, мѣстные русскіе военные органы позволяютъ себѣ дѣйствія, передъ которыми ужаснется весь цивилизованный міръ. Выжиганіе деревень, избіеніе мирныхъ русскихъ гражданъ цѣлыми сотнями, разстрѣлы безъ суда представителей демократіи, по простому подозрѣнію въ политической неблагонадежности — составляютъ обычное явленіе, и отвѣтственность за все передъ судомъ народовъ всего міра ложится на насъ: почему мы, имѣя военную силу, не воспротивились этому беззаконію.

«Такая наша пассивность является прямымъ слѣдствіемъ принципа нашего нейтралитета и невмѣшательства во внутреннія русскія дѣла, и она-то есть причина того, что мы, соблюдая полную лойяльность, противъ воли своей становимся соучастниками преступленій. Извѣщая объ этомъ представителей союзныхъ державъ, мы считаемъ необходимымъ, чтобы они всѣми средствами постарались довести до всеобщаго свѣдѣнія народовъ всего міра, въ какомъ морально трагическомъ положеніи очутилась чехо-словацкая армія, и каковы причины этого.

«Мы сами не видимъ иного выхода изъ этого положенія, какъ лишь въ немедленномъ возвращеніи домой изъ этой страны, которая была поручена нашей охранѣ, и въ томъ, чтобы до осуществленія этого возвращенія намъ была предоставлена свобода къ воспрепятствованію безправія и преступленій, съ какой бы стороны они ни исходили.

Иркутскъ, 13 ноября 1919 года.

Б. Павлу, д-ръ Гирса.»

Ударъ, нанесенный этимъ меморандумомъ, былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что Правительство ознакомилось съ нимъ впервые въ печати.

17 ноября во Владивостокѣ вспыхнуло возстаніе ген. Гайда, поддерживаемаго с-рами и сибирскими областниками. Возстаніе было на слѣдующій день подавлено ген. Розановымъ.

Въ послѣдніе дни пребыванія Правительства въ Омскѣ и сейчасъ же по переѣздѣ въ Иркутскъ, три вопроса стояли въ центрѣ его вниманія. Во-первыхъ, вопросъ о новомъ составѣ Правительства, во-вторыхъ, вопросъ о подчиненіи военныхъ властей въ тылу властямъ гражданскимъ, и наконецъ, въ третьихъ, вопросъ о созданіи представительнаго органа, который могъ бы поддержать авторитетъ Правительства и вернуть ему довѣріе широкихъ круговъ населенія. Основныя положенія такого представительнаго органа, который долженъ былъ называться «Государственнымъ Земскимъ Совѣщаніемъ», были выработаны еще въ Омскѣ, и Верховный Правитель въ указѣ, опубликованномъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ отъ 16 ноября 1919 года (въ Иркутскѣ), повелѣлъ выборы въ Земское Совѣщаніе произвести не позже 1 января 1920 г

23 ноября адмиралъ Колчакъ подписалъ слѣдующія двѣ грамоты объ отставкѣ Вологодскаго и назначеніи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ В. Н. Пепеляева.

ГРАМОТА НА ИМЯ В. Н. ПЕПЕЛЯЕВА

«Викторъ Николаевичъ. Признавъ необходимымъ въ тяжелыхъ условіяхъ, переживаемыхъ страной, образованіе власти гражданской, твердой въ стремленіи къ водворенію правопорядка и проникнутой единой волей въ борьбѣ съ большевизмомъ до окончательнаго его искорененія и въ этихъ цѣляхъ внутренно объединенной, зная вашу несокрушимую энергію, стойкость въ проведеніи мѣропріятій истинно-государственныхъ, я призвалъ васъ на постъ предсѣдателя совѣта министровъ.

Одновременно съ симъ я поручаю вамъ образованіе состава вашихъ сотрудниковъ по управленію страной, отвѣчающаго указаннымъ требованіямъ, и предлагаю представить на мое одобреніе списокъ лицъ, намѣченныхъ Вами на посты членовъ совѣта министровъ. Съ вѣрой въ свѣтлое будущее нашей великой родины призываю всѣхъ ея вѣрныхъ сыновъ сплотиться въ настоящее тяжелое время вокругъ власти, полнымъ моимъ довѣріемъ облеченной.

Дано въ гор. Новониколаевскѣ 23 ноября 1919 года.

Адмиралъ Колчакъ.»

ГРАМОТА НА ИМЯ П. В. ВОЛОГОДСКАГО

«Глубокоуважаемый Петръ Васильевичъ. Въ условіяхъ тягостныхъ, не менѣе чѣмъ нынѣ переживаемыя страной, приняли вы постъ предсѣдателя временнаго сибирскаго правительства лѣтомъ 1918 года. Подъ вашимъ руководствомъ оно объединило весь освобожденный отъ совѣтской власти востокъ, и когда, за распыленіемъ образованнаго на уфимскомъ совѣщаніи всероссійскаго временнаго правительства, я воспріялъ отъ совѣта министровъ, коего вы были предсѣдателемъ, всю полноту верховной власти, вы неизмѣнно облегчали мнѣ вашимъ опытомъ, многообразными занятіями тяжелое бремя правленія, всегда пользуясь неограниченнымъ моимъ довѣріемъ. Нынѣ, когда ваше утомленіе отъ непрерывныхъ тяжкихъ государственныхъ заботъ лишаетъ васъ возможности отдать служенію родинѣ и борьбѣ за нее столь энергіи и силы, какъ вы того желали бы, я, съ сожалѣніемъ разставаясь съ вами, какъ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, считаю своимъ долгомъ высказать вамъ мою признательность за услуги, оказанныя вами родинѣ, и увѣренъ, что и на новомъ посту,* мною вамъ порученномъ, вы будете продолжать служеніе единой, великой, свободной Россіи, отдавая этому служенію въ обстановкѣ спокойной, творческой, необходимой для свѣтлаго будущаго нашей родины, работы весь свой государственный опытъ, всю силу любви великому русскому народу.

Дано въ г. Новониколаевскѣ 23 ноября 1919 года.

Искренно уважающій васъ,
адмиралъ Колчакъ.»

Вновь назначенный В. Н. Пепеляевъ началъ немедленно переговоры о вхожденіи въ кабинетъ представителей оппозиціи. Въ это время оппозиція группировалась вокругъ такъ называемаго «Политическаго Центра», который объединялъ партійныя организаціи с-ровъ и меньшевиковъ и находился въ контактѣ съ земскими и городскими самоуправленіями, большинство гласныхъ которыхъ были соціалистически настроены. Лозунгами Политическаго Центра были: бойкотъ земскаго Совѣщанія, созывъ земскаго Собора, отрѣшеніе адмирала Колчака, преданіе его и его министровъ суду и, наконецъ, миръ съ большевиками. В. Н. Пепеляевъ велъ переговоры съ членомъ Политическаго Центра с-ромъ Волосовымъ, при посредничествѣ Яковлева, занимавшаго должность управляющаго

---

* П. В. Вологодскій былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе; отъ этой должности онъ отказался въ пользу Н. В. Чайковскаго.

Иркутской губерніей. Переговоры не привели къ желательнымъ результатамъ и въ послѣднихъ числахъ ноября В. Н. Пепеляевымъ былъ организованъ кабинетъ, въ составъ котораго вошли С. Н. Третьяковъ (мин. иностр. дѣлъ и министръ-замѣститель), А. А. Червенъ-Водали (мин. внутр. дѣлъ), Бурышкинъ (мин. финансовъ), ген. Ханжинъ (военный министръ) и др. По сообщенію русскаго телеграфнаго агентства (Рта) программа новаго кабинета въ основныхъ чертахъ сводилась къ слѣдующему: «1. управленіе страной только черезъ министровъ, приглашаемыхъ по выбору Пепеляева и утверждаемыхъ верховнымъ правителемъ; 2. отказъ отъ системы военнаго управленія страной; 3. борьба съ произволомъ и беззаконіемъ, кѣмъ бы они ни чинились; 4. расширеніе правъ государственнаго земскаго совѣщанія; 5. приближеніе власти къ народу, сближеніе съ оппозиціей, объединеніе всѣхъ здоровыхъ силъ страны; 6. сближеніе съ чехо-словаками; 7. всемѣрная поддержка добровольческаго движенія; 8. радикальныя мѣропріятія въ борьбѣ съ кризисомъ продовольствія и снаряженія арміи и населенія; 9. дальнѣйшее сокращеніе вѣдомствъ. Вся программа построена на лозунгѣ борьбы съ большевизмомъ до возрожденія государственно-народныхъ силъ. Въ заключеніе своего доклада Пепеляевъ подчеркнулъ, что главное значеніе онъ придаетъ не перемѣнамъ въ личномъ составѣ совѣта министровъ, а скорѣйшему планомѣрному проведенію программы въ жизнь.»

1 декабря (по сообщенію Рта) состоялось первое засѣданіе новаго кабинета, послѣ котораго В. Н. Пепеляевъ отбылъ въ ставку къ адмиралу Колчаку. Новое правительство въ публичныхъ заявленіяхъ рѣзко подчеркивало, что оно готово сдѣлать все находящееся въ предѣлахъ возможности для удовлетворенія оппозиціонныхъ элементовъ. Въ частности, Правительство измѣнило положеніе о Государственномъ Земскомъ Совѣщаніи въ томъ смыслѣ, что въ составъ его должны были входить только члены по избранію. Въ бесѣдѣ съ представителемъ «Сибирской жизни» въ Томскѣ, В. Н. Пепеляевъ назвалъ имѣющее собраться Земское Совѣщаніе Земскимъ Соборомъ. Однако, настроеніе оппозиціи нисколько не смягчилось и новый кабинетъ былъ встрѣченъ такъ же враждебно, какъ и старый. 25 ноября Иркутская Городская Дума вынесла постановленіе о необходимости образованія единаго соціалистическаго правительства и принятія мѣръ къ окончанію гражданской войны.

Хорошо характеризуютъ политическую обстановку слѣдующія выдержки изъ рѣчи министра-замѣстителя, С. Третьякова, произнесенной 8 декабря 1919 года на з. сѣданіи Государственнаго Экономическаго Совѣщанія въ Иркутскѣ.

«Вы знаете, что взаимоотношенія Ставки и Главнокомандующаго на фронтѣ были не всегда удовлетворительны. Въ этой организаціи было много ошибокъ. Этотъ Гордіевъ узелъ долженъ быть разрубленъ. Скажу открыто: не распутанъ, а разрубленъ... Вопросъ экономики, товарообмѣна, развитія производительныхъ силъ страны — старые, избитые лозунги. Тутъ я буду безпощаденъ. Старая позиція правительства не можетъ продолжаться дальше. То, что дѣлалъ министръ снабженія и продовольствія — скажу прямо — есть величайшее преступленіе по отношенію къ странѣ. Работать такъ нельзя. Это не есть правильная экономическая политика, это есть разореніе, это — развращеніе страны, при которомъ не возможно честному человѣку работать для страны... Вопросы внутренней политики. Предсѣдатель Совѣта Министровъ сказалъ уже, что тамъ, гдѣ существуютъ двѣ власти, — нѣтъ ни одной. Смѣшеніе гражданской и военной власти производитъ хаосъ Мы должны заявить, что въ вопросахъ гражданскаго правленія страной власть военная да подчинится власти гражданской. Только тогда можно будетъ найти выходъ изъ тяжелаго положенія...»

Оппозиціонное настроеніе выразилось на этомъ же засѣданіи въ рѣчи представителя Закупсбыта, Емелина, потребовавшаго «открыто признать необходимость установленія гражданскаго мира на всей территоріи Россіи», а въ обла-

сти внѣшней политики — «полное невмѣшательство иностранцевъ въ наши дѣла, за исключеніемъ того момента, когда такое вмѣшательство понадобилось бы для веденія мирныхъ переговоровъ». А на вопросъ съ мѣста, «съ кѣмъ миръ, съ большевиками?» — Емелинъ отвѣтилъ: «Да, съ большевиками».

Такова была политическая обстановка, создавшаяся въ первой половинѣ декабря 1919 года. Руководимое Политическимъ Центромъ возстаніе вспыхнуло 21 декабря на Черемховскихъ угольныхъ копяхъ и вскорѣ перекинулось на Иркутскъ. Въ ночь съ 21 на 22 былъ поврежденъ мостъ, соединяющій городъ Иркутскъ съ пригородомъ, въ которомъ находился вокзалъ. Союзное командованіе запретило обстрѣливать прилегающія къ вокзалу части города, объявивъ эту зону нейтральной. 24 декабря приказомъ адмирала Колчака, атаманъ Семеновъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ всѣми воинскими силами въ тылу, съ подчиненіемъ ему командующихъ военными округами. 25 декабря Правительство обратилось со слѣдующими двумя воззваніями къ населенію и войскамъ:

ОБРАЩЕНІЕ КЪ АРМІИ

Офицеры и солдаты! Враги государства хотятъ соблазнить васъ миромъ. Мира они не дадутъ. Будетъ холодъ, голодъ, будутъ грабежи и звѣрства. Если вы повѣрите прокламаціямъ, вы погубите и всѣхъ тѣхъ, кто честно выполнялъ свой долгъ на фронтѣ, и всѣхъ больныхъ и раненыхъ, которые выполнили свой долгъ и ждутъ заслуженнаго пріюта. Кому могутъ быть сейчасъ полезны возстанія, кромѣ большевикамъ? Неужели вы, какъ Іуда, предадите тѣхъ несчастныхъ, измученныхъ страдальцевъ, которые еще борятся съ большевиками? Нѣтъ, вы не окажетесь измѣнниками! Не сегодня-завтра придутъ силы съ Востока, которыя помогутъ вамъ защитить порядокъ, спасутъ насъ всѣхъ отъ большевизма и отъ голода. Помните, что хлѣбъ идетъ сейчасъ только съ Востока. Правительство выполняетъ свой долгъ и призываетъ васъ честно исполнить присягу.

За предсѣдателя совѣта министровъ
А. Червенъ-Водали.

Военный министръ, генералъ отъ артиллеріи
Ханжинъ.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ НАСЕЛЕНІЮ

Правительство новаго состава, принявъ власть въ тяжелые дни военныхъ неудачъ, смѣло, открыто признало ошибки, допущенныя омской властью. Правительство поставило своей задачей утвержденіе законности и порядка въ странѣ, обезпеченіе для населенія всѣхъ гражданскихъ свободъ, снабженіе его продовольствіемъ, предметами первой необходимости. Съ этой цѣлью правительство съ полной искренностью и довѣріемъ призвало къ государственной работѣ представителей городскихъ и земскихъ самоуправленій, всѣхъ круговъ общественности, предлагало имъ войти въ составъ совѣта министровъ. Правительство подготовило также скорѣйшій созывъ земскаго государственнаго совѣщанія, которое должно будетъ явиться выраженіемъ воли и мысли народа и издавать законы. По новому закону въ совѣщаніе войдутъ только выборные члены. Число представителей крестьянскаго и городского населенія удвоено. Но вмѣсто того, чтобы помочь власти въ ея честныхъ стремленіяхъ, часть общества, сочувствуя большевизму, и забывъ долгъ передъ родиной и арміей, организовала смуту, заду-

мала перевороты, расчищающіе путь большевистскимъ бандамъ, ихъ грабежамъ и насиліямъ. Правительство, искренне вѣря въ государственный разумъ населенія, нѣкоторое время не примѣняло жестокихъ мѣръ противъ возставшихъ, ожидая, что они одумаются и не захотятъ быть предателями. Дальнѣйшее развитіе смуты грозитъ невѣроятными бѣдствіями и лишеніями арміи, которая продолжаетъ бороться на фронтѣ, раненымъ и больнымъ, которые тянутся безконечными эшелонами на линію желѣзныхъ дорогъ, женщинамъ и дѣтямъ, которыя ищутъ пріюта, наконецъ, всему населенію, продовольствіе котораго сейчасъ идетъ только съ Востока и которое, конечно, ни во время безпорядковъ, ни, тѣмъ болѣе, въ случаѣ успѣха мятежниковъ, получаться не будетъ. Тѣ, кто мѣшаетъ правительству работать, совершаютъ тягчайшее преступленіе. Открывъ дорогу большевикамъ, погубивъ армію, остановивъ транспортъ, отдать измученную страну еще новымъ тяжелымъ лишеніямъ — это могутъ дѣлать только враги государства и народа. Поэтому правительство, призывая населеніе къ полному спокойствію и подчиненію закону и власти, къ поддержанію порядка и исполненія долга передъ родиной и арміей, твердо заявляетъ, что съ настоящаго момента всякія попытки сопротивленія законной власти будутъ рѣшительно подавляться. Правительство располагаетъ достаточной силой, чтобы прекратить смуту и обезпечить порядокъ. Идущія съ Востока сильныя подкрѣпленія разъ навсегда положатъ конецъ подобнымъ выступленіемъ.

За предсѣдателя совѣта министровъ
мин. внутр. дѣлъ Червенъ-Водали.

Атаманъ Семеновъ снарядилъ карательную экспедицію въ Иркутскъ, подъ командой ген. Скипетрова, которая, однако, союзными войсками къ Иркутску пропущена не была, вслѣдствіе чего атаманъ Семеновъ обратился къ командующему союзными войсками, ген. Жанену, со слѣдующей телеграммой:

«Телеграмма во Владивостокъ изъ Читы, безъ номера, подана 27 декабря. Иркутскъ, командующему союзными силами Западной Сибири генералу Жаненъ, коп. чехо-штабу, Иркутскъ, комвойсками, ген.-лейт. Артемьеву, нач. гарнизона, генералъ-майору Сычеву, Владивостокъ, командующему союзными силами на Дальнемъ Востокѣ Оой, генералу Чечекъ, копія полковнику Магамаеву.

Генералы Вагинъ и Сычевъ донесли мнѣ, что вами объявлено нейтральной зоной все Глазковское предмѣстье города Иркутска, гдѣ находятся преступники и измѣнники родины — повстанцы, а когда правительственный командный составъ иркутскаго военнаго округа во имя выполненія лежащаго на немъ служебнаго долга и долга передъ родиной предпринимаетъ мѣры къ подавленію бунта и возстанія, то вы, ваше превосходительство, приказываете чешскимъ войскамъ открыть огонь по правительственнымъ войскамъ, по району, занятому мирнымъ гражданскимъ населеніемъ, которое осталось вѣрнымъ правительству. Разрѣшеніе находиться въ нейтральной зонѣ повстанцамъ, взбунтовавшимся противъ существующаго правительства и неудаленіе ихъ оттуда есть оказаніе имъ поддержки и покровительства, а препятствованіе подавленію возстанія путемъ вооруженнаго воздѣйствія чешскихъ войскъ есть актъ вооруженнаго выступленія союзныхъ войскъ противъ существующихъ законныхъ органовъ россійской государственной власти. Кромѣ этого, я усматриваю, что этимъ распоряженіемъ чешскія войска противопоставляются правительственнымъ войскамъ. Съ чешскими же войсками у меня установлены самыя дружественныя братскія отношенія. Своей предыдущей телеграммой я уже гарантировалъ свободный безпрепятственный проѣздъ на востокъ какъ союзнымъ миссіямъ, такъ и чешскимъ войскамъ. Категорически заявляя, что къ выполненію этого мною будутъ приняты самыя энергичныя мѣры, вновь настоятельно прошу ваше превосходительство или о немедленномъ удаленіи изъ нейтральной зоны повстан-

цевъ, или не чинить препятствій къ выполненію подчиненными мнѣ войсками моего приказа о немедленномъ подавленіи преступнаго бунта и о возстановленіи порядка. Этотъ приказъ отданъ мною во исполненіе повелѣнія верховнаго правителя и верховнаго главнокомандующаго и долженъ быть мною выполненъ, къ чему меня обязываетъ долгъ передъ родиной. Твердо вѣря, что высшій представитель благородной Франціи, неуклонно стоя на принципахъ дружбы Франціи и Россіи, и въ этомъ случаѣ останется вѣрнымъ той героической союзной помощи, которую Франція оказывала своей вѣрной союзницѣ Россіи.

346/II. Главнокомандующій войсками Дальняго Востока и иркутскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ атаманъ Семеновъ.»

Въ послѣднихъ числахъ декабря министръ-замѣститель Третьяковъ уѣхалъ изъ Иркутска въ Читу, главой Правительства въ Иркутскѣ оставался министръ внутреннихъ дѣлъ А. А. Червенъ-Водали; адмиралъ Колчакъ, вмѣстѣ съ министромъ-предсѣдателемъ В. Н. Пепеляевымъ, были въ Нижнеудинскѣ; связь между Верховнымъ Правителемъ, министромъ-предсѣдателемъ и министрами, остававшимися въ Иркутскѣ, поддерживалась только случайно. 2 января начались переговоры между министрами, оставшимися въ Иркутскѣ, и представителями повстанцевъ. (Протоколы этихъ переговоровъ опубликованы въ Харбинѣ въ 1921 г., подъ заглавіемъ: «Стенографическій отчетъ переговоровъ о сдачѣ власти Омскимъ Правительствомъ Политическому Центру въ присутствіи Высшихъ Комиссаровъ и Высшаго Командованія Союзныхъ Державъ.») Непріемлемымъ требованіемъ Политическаго Центра было выдача адмирала Колчака и его сотрудниковъ для суда надъ ними. Переговоры ни къ чему не привели и ничѣмъ не окончились. 4 января вечеромъ войска Политическаго Центра, т. наз. Сибирская Національная Армія, подъ командой капитана Калашникова, заняли Иркутскъ. Въ тотъ же день въ Нижнеудинскѣ адмиралъ Колчакъ подписалъ свое отреченіе.

УКАЗЪ
ВЕРХОВНАГО ПРАВИТЕЛЯ
4 января 1920 г., городъ Н.-Удинскъ

«Въ виду предрѣшенія мною вопроса о передачѣ Верховной Всероссійской Власти Главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи Генералъ-Лейтенанту Деникину, впредь до полученія его указаній, въ цѣляхъ сохраненія на нашей Россійской Восточной Окраинѣ оплота Государственности на началахъ неразрывнаго единства со всей Россіей:

1. Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа, Генералъ-Лейтенанту Атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территоріи Россійской Восточной Окраины, объединенной Россійской Верховной властью.

2. Поручаю Генералъ-Лейтенанту Атаману Семенову образовать органы Государственнаго Управленія въ предѣлахъ распространенія его полноты власти.

Верховный Правитель Адмиралъ Колчакъ.
Предсѣдатель Совѣта Министровъ В. Пепеляевъ.
Директоръ Канцеляріи Верховнаго Правителя
Генералъ-Маіоръ Мартьяновъ.»

5 января адмиралъ Колчакъ распустилъ свою охрану и вмѣстѣ съ В. Н. Пепеляевымъ перешелъ въ поѣздъ союзниковъ, которые гарантировали ему проѣздъ на Востокъ. Поѣздъ шелъ подъ всѣми союзническими флагами. На станціи

Иннокентьевской поѣздъ былъ задержанъ. Адмиралу Колчаку было заявлено, что его дальше не повезутъ, и онъ, вмѣстѣ съ В. Н. Пепеляевымъ, былъ отданъ представителямъ Политическаго Центра.

Для суда надъ адмираломъ Колчакомъ была организована чрезвычайная слѣдственная комиссія, протоколы допроса которой ниже приводятся. 25 января 1920 г. власть въ Иркутскѣ отъ Политическаго Центра перешла къ Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ. 7 февраля адмиралъ Колчакъ и В. Н. Пепеляевъ были казнены.

Печатаемый ниже текстъ точно воспроизводитъ копію протоколовъ допроса. (Протоколы были написаны по новой ороографіи.) Исправлены лишь не возбуждающія сомнѣній описки переписчицъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ поправки вводятся въ квадратныхъ скобкахъ ([ ]). Слова лишнія и искажающія смыслъ вставлены въ остроугольныя скобки (⟨ ⟩). Круглыя скобки, также, какъ и многоточія, обозначающія пропуски, воспроизведены съ копіи протоколовъ.

---

21 ЯНВАРЯ 1920 Г.

Председатель: Вы присутствуете перед Следственной Комиссией в составе ее Председателя Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Алексеевского для допроса по поводу Вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Адм. Колчак: Да, я адмирал Колчак.

Председатель: Мы предупреждаем Вас, что Вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайно-Следственной Комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Адм. Колчак: Я родился в 1873 [1874]* году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Председатель: Вы являлись Верховным Правителем?

Адм. Колчак: Я был Верховным Правителем в Омске Российского Правительства, — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней я вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

Председатель: Здесь добровольно арестовалась г. Тимирева. Какое она имеет отношение к Вам?

Адм. Колчак: Она моя давнишняя знакомая, она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам — больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней и затем, когда я должен был уехать, по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною.

Председатель: Скажите, адмирал, она не является Вашей гражданской женой, мы не имеем право зафиксировать этого?

Адм. Колчак: Нет.

Н. А. Алексеевский: Скажите нам фамилию Вашей жены.

Адм. Колчак: Софья Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году, здесь, в Иркутске, в марте месяце. Моя жена уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным деятелем или членом Каменец-Подольского Суда, он умер давно, я его не видал и не знал. Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в мор-

* Въ листовкѣ, выпущенной издательствомъ «Освобожденіе Россіи» въ 1919 г. въ Перми, подъ заглавіемъ: «Адмирал Александр Васильевич Колчак», приводятся слѣдующія даты: «А. В. Колчак родился в 1874 году, службу свою во флоте начал с 1891 года и в 1894 году был произведен в мичманы».

Подъ началомъ службы во флотѣ имѣется, повидимому, въ виду поступленіе въ гардемаринскіе классы.

ской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на уральском Златоустовском заводе, после того он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он оставался на этом заводе в качестве инженера или горного техника, там я и родился. Мать моя Ольга Ильинична, урожденная Посхова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны, он был в плену у французов и при возвращении из плена — женился, а затем он служил в артиллерии [....] в Горном Институте. Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный, до времени поступления в школу я получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра Екатерина, была еще одна сестра Любовь, но она умерла в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крыжановская. Она осталась в России, где она находится в настоящее время, — я не знаю. Жила она в Петрограде, но я не имею о ней никаких сведений с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-й Петроградской Классической Гимназии, где я пробыл до 3-го класса, затем в 1888 [86?] году я поступил в Морской Корпус 12 лет и окончил свое воспитание в Морском Корпусе в 1894 году. В Морской Корпус я перевелся по собственному желанию и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел я все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в Корпус, из Корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда. Мне тогда было 19 лет. В корпусе был установлен целый ряд премий для 5 или 6 первых выходящих и они получались по старшинству. По окончании Корпуса, я начал свою службу. По выходе из Корпуса в 1894 году я поступил в Петроградский 7-й флотский экипаж, пробыл там я несколько месяцев до весны 1895 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченном тогда постройкой и готовящемся к отходу заграницу броненосном крейсере «Рюрик». Затем я пошел в первое мое заграничное плавание. Крейсер «Рюрик» ушел на восток и здесь во Владивостоке я ушел на другой крейсер «Крейсер» в качестве вахтенного начальника в конце 1896 года. На нем я плавал в водах Тихого Океана до 1898 года, когда этот крейсер вернулся в Кронштадт. Это было первое мое большое плавание. В 1898 году, я был произведен в лейтенанты и вернулся уже из этого плавания вахтенным начальником. Во время моего первого плавания, главная задача была чисто строевая, на корабле, но кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами, я готовился к Южно-Полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время, писал списки, изучал южно-полярные страны, у меня была мечта найти Южно-Полярный Полюс, но я так и не попал в плавание на Южном Океане.

Н. А. Алексеевский: Как протекала Ваша служба по возвращении? Вы поступили в Академию?

Адм. Колчак: Нет, это мне не удалось сделать. Когда я вернулся в мае 1899 [98?] года в Петроград, я затем в декабре ушел опять на восток, уже на линейном корабле — на броненосце «Петропавловск». Лето я проплавал в Морском Кадетском Корпусе на крейсере «Князь Пожарский» и ушел на Дальний Восток.

Когда в 1899 году вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который ходил на «Ермаке» в свою первую Полярную экспедицию.

Я просил его взять меня с собой, но, по служебным обстоятельствам, он не мог этого сделать и «Ермак» ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую нибудь экспедицию — меня очень интересовала северная часть Тихого Океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла, на Командорские Острова, к Берингову морю, на Камчатку. С адм. Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам работал много по океанографии.

Тут произошли большие изменения в моем плавании. В сентябре месяце я ушел на «Петропавловске» в Средиземное море, чтобы через Суец пройти на Дальний Восток, и в сентябре я прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толя принять участие в организуемой Академией Наук под его командованием Северо-Полярной экспедиции в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толя, ему нужно было трех морских офицеров и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию Наук принять участие в этой экспедиции. Я это предложение принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям, и в декабре месяце Морское министерство меня откомандировало в распоряжение Академии Наук. Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград и в январе я явился к барону Толю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено кроме гидрологии принять на себя еще должность во второй магнитовой экспедиции, там был специалист по магнитологии Зейберг и мне было предложено, в качестве его помощника, и этим заняться. Для того, чтобы меня подготовить к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнитизма. Это было в 1900 году. С самого начала я проходил [курс] на Петроградской физической обсерватории, а детально я работал в Павловске. Наконец, экспедиция была снаряжена и она вышла в июле месяце из Петрограда на судне «Заря», которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителем «Фрама». Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании у Нансена, который был другом барона Толя. Он научил меня работать по новому методу.

Н. А. Алексеевский: Вы не можете ли сказать, кто из состава этой экспедиции в настоящее время жив и находится в настоящее время с Вами в сношениях?

Адм. Колчак: Теперь все сношения со всеми у меня порвались. Барон Толь погиб вместе с Зейбергом, д-р Вальтер умер, с зоологом Бируля я до войны постоянно поддерживал связь, где теперь Бируля, я не знаю. Затем был еще один большой приятель, товарищ по экспедиции, Волосович, который потом пошел геологом, где он находится теперь — я тоже не знаю. Из офицеров там был Коломийцев, он, кажется, здесь в Иркутске. Виделся я с ним, когда в 1917 году он опять уходил к устью Лены. Экспедиция ушла в 1900 году [на север], где она пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы в Таймыре, две зимовки на Ново-Сибирских островах, на острове Котельникове, затем на 3-ий год барон Толь, видя, что нам не удалось пробраться на север от Н.-Сибирских островов, предпринял самую экспедицию. Вместе с Зейбергом и 2-мя каюрами, он отправился на север Сибирских островов, у него была идея расположения большого материка, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было

такое, что мы могли проникнуть только к земле Бенета, а дальше не могли. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться и он ушел. В виду того, что у нас окончились запасы, он приказал нам пробраться к земле Бенета и занять ее, а, если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привести все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Н.-Сибирские острова, где мы оставили склады. В 1902 году, весною, барон Толь ушел от нас с Зейбергом, с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Бенета. Лето мы использовали на попытку пробраться на Север к земле Бенета, но нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали нам проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены и тогда к нам вышел старый пароход «Лена», снял всю экспедицию с устья Тикс[т]и, коллекции были перегружены на «Лену» и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 года мы прибыли в Петроград. На заседании Академии Наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толя. Его участь чрезвычайно встревожила академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное, шансов было очень мало, но барон Толь был человек, который верил в свою звезду и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на Землю Бенета для оказания помощи барону Толю и его спутникам, и так как на «Заре» это сделать было невозможно, был декабрь, а весною надо было быть на Н.-Сибирских островах, чтобы использовать лето — «Заря» была вся сбита — то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши, и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Бенета и, если нужно, даже за поисками барона Толя на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толя, но другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись чрезвычайно скептически, и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толя, но, когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия Наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным. Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце уехал в Архангельск, где я выбрал себе четырех спутников из мезенских тюлене-промышленников. Со мною согласились идти еще двое из моих матросов из экспедиции — Беличев и Орлов. Когда я приехал на с'езд тюлене-промышленников, они заинтересовались этим делом, выбрали мне 4-х охотников, привыкших в плаванию во льду и я с ними, с двумя матросами и 4-мя тюлене-промышленниками, в декабре выехали обратно в Иркутск для того, чтобы здесь подготовить на Север все необходимое, чтобы немедленно уехать на Н.-Сибирские острова, которые я избрал, как базу; я обратился по телеграфу в Якутск к одному политическому ссыльному П. В. Оленьину, с которым я познакомился. Он занимался изучением Якутского края. Я обратился к нему, чтобы он за время моего отсутствия проехал на Север, подготовил вещи, собак для перехода на Н.-Сибирские острова. Он на это согласился и все это выполнил. Затем из Иркутска я поехал обратно в Якутск, не теряя нигде ни одного дня, как можно скорее из Якутска поехал в Верхоянск,

где меня ожидал Оленьин, который закупил собак, затем на собаках я поехал к устью Тиксти, взял с «Зари» один из хороших китобойных вельботов, на собаках протащил обратно в Устьянск и в начале мая я вместе с своими 6-ью спутниками, Оленьиным и партией местных якутов и тунгузов, которые были, как каюры, с транспортом 160 собак, вышел из Устьянска на остров Котельников. Я перебрался на Н.-Сибирские острова, вышел около мыса Медвежьего, около острова Котельникова. Этот переход на Н.-Сибирские острова я делал в мае месяце. Там началась уже таль, разлив рек. Затем я остался ожидать вскрытия моря. Я оставил запас провизии, больше я не мог с собою взять, как на три месяца, мне надо было прокормить людей, собак и приберегать на обратный путь. Тогда мы разделились, Оленьин с туземцами остались летовать на островах и заниматься охотой для того, чтобы приготовить мяса. Часть собак пришлось убить, часть этой партии с собаками оставалась на летовку на Н.-Сибирских островах, а я с 6-ю спутниками остался на мысе Медвежьем ожидать вскрытие моря и занимался, главным образом, охотой, чтобы прокормить себя. Затем в июле месяце море вскрылось и я на вельботе, который был там подготовлен с 6-ю спутниками, когда тронулся лед от берега, в этот же день и пошли вдоль южного берега Сибирских островов, вдоль Котельникова, направились в Благовещенский пролив, между Новой Сибирью, затем, пробираясь через этот пролив, я вышел на северо-западную часть острова «Новая Сибирь». Это был ближайший пункт, с которого надо было идти в открытый океан на Землю Бенета. Затем передохнув, на Новой Сибири, мы отправились дальше на север. В противоположность предшествующему 1902 году, когда все море в этом месте было забито льдами, я встретил совершенно открытое море, не было даже льда достаточно большого, чтобы можно было вылезть на него и отдохнуть, приходилось сидеть все время в шлюпках, а все время был свежий ветер. Наконец мы добрались до земли Бенета 5 [6] августа, на Преображенье. Этот мыс я назвал мысом Преображенским, [там] я высадился на остров Бенета. Ближайшее же обследование этого берега очень скоро дало нам признаки пребывания там партии барона Толя. Мы нашли груду камней, в которой находилась бутылка с запиской со схематическим планом острова, с указанием, что там находятся документы. Руководствуясь этим, мы очень скоро, в ближайшие дни, пробрались к тому месту, где барон Толь со своей партией находились на этом острове. Там мы нашли коллекции, геологические инструменты, научные, которые были с бароном Толем, а затем и краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толя. Он говорил, что барон Толь прибыл в 1902 году летом на остров Бенета, где он в конце концов решился сначала зимовать, так как уже было поздно, а главное, что их чрезвычайно задержало там, это попытка охоты. Они старались там охотиться, чтобы пополнить свои запасы, но сделать [этого] им не удалось. Поэтому барон Толь сначала решил перезимовать, надеясь на весеннюю охоту, и продолжать уже дальнейшее движение весною с наступлением светлого времени, так как в августе уже становится темно. Охота эта была неудачна и в октябре месяце выяснилось, что партия перезимовать не может, что ей придется умереть там с голоду. Тогда в конце ноября 1902 года, барон Толь решился на отчаянное решение – идти на юг, в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до 40^0, когда море, в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться почти совершенно невозможно ни на собаках, ни на шлюпках, ни пешком. В такой обстановке в полярную ночь, он двинулся со своими спутниками на юг. Документ

его кончался такими словами: сегодня отправились на юг, все здоровы, провизии на 14 дней. Партия, конечно, вся погибла. Тогда я увидал, что ее [моя] задача разрешена, что Толь ушел на юг, значит, оставалось сделать последний переход на Сибирских островах и осмотреть все склады, которые были заложены, чтобы узнать, не оставался ли где нибудь барон Толь. Эту задачу выполнил, частью Оленьин. Затем я отправился обратно в августе на Н.-Сибирские острова. Осмотрел по дороге склады, которые были заложены, все было цело, никаких признаков возвращения барона Толя не было. Факт его гибели остался почти несомненным. Через 42 дня плавания на этой шлюпке я вернулся снова к своему первому исходному пункту, около мыса Медвежьего острова Котельникова; был конец [августа] и начало сентября. Там я оставался до замерзания моря, а в октябре я перешел обратно на материк в Устьянск. Все спутники мои остались живы, Оленьин выполнил свою задачу, сохранил собак, без крайних лишений. Мы вернулись все, не потерявши ни одного человека. Оттуда мы, обычным путем, поехали в Верхоянск, а затем в Якутск. Это было уже в 1903[4] году. В декабре месяце я ушел из Устьянска, в январе был в Верхоянске, а затем в конце января прибыл в Якутск, как раз накануне об'явления Русско-Японской войны. С тех пор я с Оленьиным не видался до прошлого года в Харбине, он потом работал на Амуре в золотопромышленной компании.

Н. А. Алексеевский: Он был политический ссыльный или уголовный?

Адм. Колчак: Он был политический ссыльный, он студент Московского Университета. У него была склонность к изысканиям, я бы сказал, к научному авантюризму. Его интересовал край и, когда он получил амнистию, за свою экспедицию, он вернулся обратно из Петрограда в Якутск.

Н. А. Алексеевский: А с другими ссыльными Вы в Якутской области не входили в сношения?

Адм. Колчак: Я встречался с ними в Верхоянске и в Устьянске, но не завязывал сношений, потому что я бывал временно; близко я ни с кем не знакомился, потому что я везде бывал по нескольку дней. Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре и вслед затем известие о том, что Адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом Океане, я по телеграфу обратился в Академию Наук с просьбой вернуть меня в морское ведомство, и обратился в морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в Тихоокеанскую Эскадру, для участия в войне. Затем, так как Оленьин был в курсе всех дел экспедиции, я ему мог сдать все дела, людей, заботы о них, ценности многие, научные коллекции, которые он главным образом составил и со всем этим поехал в Петроград для доклада в Академию Наук. А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпускать, но в конце концов, после некоторых колебаний Президент Академии В. Кн. Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила и передала в ведомство, а тут я получил приказание ехать в Порт-Артур. Тогда я выехал в Иркутск. В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом, должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала, затем наступила война и я решил, что надо жениться. Здесь в Иркутске я обвенчался со своей женой, после чего, пробывши несколько дней, я уехал вместе со своим другом Беличем, сказавшим, что он пойдет со мною дальше, поморы же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля, Макаров тогда еще был жив. Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу

Макарову, которого просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначил на крейсер «Аскольд», так как по его мнению, мне нужно было немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец, но он упорно не хотел назначать меня на минные суда. На этом «Аскольде» я пробыл до гибели адм. Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта. После гибели адм. Макарова, я был назначен на очень короткое время на минный заградитель «Амур», а затем на миноносец «Сердитый», в качестве командира. На этом миноносце, после того, как я вступил в командование, я не рассчитал своих сил, которые уже за все это время были подорваны, я получил очень тяжелое воспаление легких, которое меня заставило слечь в госпиталь. Там я провел около месяца, затем в июле, оправившись от воспаления легких, я снова продолжал командовать миноносцем до осени. К осени у меня снова начали сказываться последствия моего пребывания на крайнем севере, а именно – появились признаки суставного ревматизма.

А. Н. Алексеевский: Значит, Вы в выходе эскадры в июле не участвовали?

Адм. Колчак: Нет, в выходе эскадры я участвовал, я был уже на миноносце, но в боях наш миноносец не участвовал, шел другой отряд, мы только проводили выход эскадры, а затем вернулись, так как мой миноносец должен был оставаться в Порт-Артуре. Затем я осенью видел, что мне становится на миноносце все хуже и хуже. После того как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный фронт. Здесь последнее время мы уже занимались постановкой, главным образом, мин и заграждений около Порт-Артура и мне удалось, в конце концов, поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на котором взорвался японский крейсер «Такосадо». Результат пребывания на севере – ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный фронт, заставили меня в сентябре просить назначить меня на сухопутный фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня и едва даже не нарушил мира, потому что мне не дано было знать, что мир заключен. Я жил в Порт-Артуре до 20-х чисел октября [декабря]*, когда крепость пала. Когда была сдача крепости, я уже еле еле ходил, но держался еще, и когда было падение Порт-Артура, мне пришлось лечь в госпиталь, так как у меня развился в очень тяжелой форме суставной ревматизм. Ранен я был легко, так что это меня почти не безпокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног. Эвакуировали всех, кроме меня, тяжело раненых и больных, я остался лежать в госпитале в Порт-Артуре. В плену японском я пробыл до апреля месяца, когда я начал уже несколько оправляться, оттуда нас отправили в Дальний, а затем в Нагасаки. В Нагасаки партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим водами и лечебными учреждениями Японии или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров, через Америку, отправились в Россию. Это было в конце

* Портъ-Артуръ былъ сданъ 20 декабря 1904 г.

апреля 1905 года. Все мы через Америку вернулись в Петроград. В Петрограде меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая и признала меня совершенным инвалидом, дала мне 4-х месячный отпуск для лечения на водах, где я лечился все лето до осени. С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала обязанность перед Академией Наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была брошена мною, все мои труды по гидрологии и магнитологии, с'емке были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии Наук и осенью 1906[5] года я занимался в Академии Наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим Обществом, с которым я находился в связи. Затем в Географическом Обществе я получил свою высшую научную награду за свои последние экспедиции – Большую Константиновскую золотую медаль. Эта работа продолжалась до января 1906 года, затем я привел, до известной степени, в порядок, и передал в переработку свои научные труды и за эту экспедицию.

В 1906 г., в январе месяце произошли такого рода обстоятельства. После того, как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решила заняться самостоятельной работой с тем, чтобы снова подвинуть дело воссоздания флота и, в конце концов, тем или иным путем, как нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в эти годы: возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор. В сущности, единственным светлым деятелем флота был адмирал Макаров, а до этого времени флот был совершенно не подготовлен к войне, и вся деятельность была невоенная, несерьезная. Нашей задачей явилась идея возрождения нашего флота и морского могущества. Группа этих офицеров с разрешения морского министра образовала военно-морской кружок – полуоффициальный. Нам было предоставлено в Морской Академии помещение, средства кое-какие Морское министерство дало, так как оно относилось благожелательно к этой работе. Я был в числе основателей этого Военно-Морского кружка в Петрограде, где мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого, в конце концов мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания Морского Генерального Штаба, т. е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было; был морской штаб, который ведал личным составом флота и только. В этот кружок входили Щеглов, Римский-Корсаков, Пилкин, затем к этому кружку присоединились очень многие. Я долгое время был председателем этого кружка. К поданной записке отнеслись очень сочувственно и весною 1906 года было решено создать Морской Генеральный Штаб. План этот был одобрен и весною, приблизительно в апреле 1906 года он был осуществлен созданием Морского Генерального Штаба. В этот штаб вошел и я в качестве заведующего Балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых, назначенных в этот штаб. С этого времени и начинается период, обнимающий приблизительно 1906, 1907, 1908 гг. Период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение флота. В основании всего этого дела морским Генеральным Штабом была выдвинута морская судостроительная програм-

ма, которой до сих пор не было. Постройка судов шла без всякого плана, в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получились какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем. Таким образом, прежде всего была выдвинута планомерная судостроительная программа. Первая работа, которая была выполнена Морским Генеральным Штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки. Это был именно тот период, когда Морской Генеральный Штаб работал совместно с сухопутным. Во главе нашего штаба стоял генерал [адм.] Брусилов, а там генерал Палицын. Это был единственный период, который я знаю, когда оба штаба работали совместно и согласованно. Это — период изучения общей политической обстановки, и еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой Европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом, Германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г.; указывало, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать. После долгого и весьма деятельного изучения, исторического и военно-политического, было решено, как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя, и что эта война должна будет решить, в конце концов, вопрос о славянстве — быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание показывала, что война произойдет с союзом срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной и даже при определении начала ее ошибались только на полгода, да и немцы сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали. Таким образом, в связи с общим политическим положением и была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной к 1915 году. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов с Госуд. Думой, которая принимала в этом случае большое участие. В этот период 1906—07 гг. различные политические группы, политические организации — все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о водном и подводном флоте и вообще общество чрезвычайно интересовалось этой войной и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в этом смысле. К этому периоду относится чрезвычайно близкая связь между обоими штабами и Госуд. Думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались флота.

Чл. Комиссии Алексеевский: Были ли среди офицеров Морского Ведомства сторонники союза с Германией, хотя бы по соображениям чисто профессиональным, техническим?

Адм. Колчак: Я могу указать на Бернса, который был тогда нашим аген-

том в Германии и который теперь в Советской России (кажется, после Альтфатера, он выполняет обязанности командующего флотом). Он был определенным сторонником союза с Германией, указывая, что разрывать с Германией нельзя, что все вопросы, которые существуют, могут быть разрешены удовлетворительно и что, наоборот, союз с Англией и Францией не сулит России ничего, кроме дальнейших осложнений. Вы, может быть, помните одну книгу военно-политического содержания, сочинение Вандала: там проводилась эта точка зрения о необходимости союза с Германией. Это наделало много шума и разделило общество на 2 лагеря, один германской ориентации, другой союзнической ориентации. Крупными противниками этой точки зрения были адм. Эссен и Непенин. Адм. Эссен был определенно против немцев, хотя и был сам немецкого происхождения. Непенин был также их совершенным противником и ненавидел немцев. Среди крупных представителей морского ведомства не было представителей германской ориентации; большинство склонялось к союзнической ориентации, так как всем было видно, что приготовления Германии к войне идут, было видно, что она готовится к войне, и именно к войне с нами, о чем ясно говорили добытые документы. Конечно, могли быть ошибки, конечно, такие вещи легче говорить пост фактум, но тогда для меня, например, один Трейшке стоил откровения, так как ясно говорил об их отношении. Я думаю, что если у меня и были минуты колебания, то Трейшке их уничтожил. Ведь Трейшке исходил из изучения всей картины, всей исторической стороны этого дела, всей политики Германии.

Чл. Комиссии Алексеевский: Таким образом новому Морскому Генеральному Штабу приходилось составлять программу в смысле борьбы с Германией?

Адм. Колчак: Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен, как Германия. Новая судостроительная программа были принята и представлена в Гос. Думу, но здесь произошли события. Совершенно неожиданно морским министром был назначен Воеводский, предшественник Дикова. Тогда у Морского Генерального Штаба явилась большая идея: будучи противниками Германии, мы, в сущности говоря, признавали, что германская военная организация является образцовой, и оба Генеральные Штабы — Сухопутный и Морской стремились к созданию положения Генеральных Штабов, как независимых органов, подчиненных только верховной власти, а не министру; это вызвало смену Палицына, и ясно было по моменту, что смещен будет и Брусилов, но он тогда заболел и умер. Вслед за этим явилась реакция против тенденций, бывших в Морском Генеральном Штабе; министром был назначен Воеводский, который почему то начал борьбу с Гос. Думой, именно на почве этой судостроительной программы. Он старался препятствовать этому и повел борьбу с Гос. Думой в то время, когда дело у нас налаживалось. Между тем, время шло, не ждало, по нашему убеждению, и программу надо было проводить. В конце концов, Воеводским дело было поставлено так, что программа эта остановилась. На многих, для которых эта программа являлась всем смыслом, целью нашего существования, в том числе и на меня, это произвело ужасное впечатление. Я был одним из главных составителей этой программы, большую часть этой программы я писал и разрабатывал, наконец, с этой целью я ездил в Гос. Думу, к Гучкову и др. Чл. Гос. Думы. Я старался это дело сделать возможно быстро, прилагая все усилия, но сделать было ничего нельзя. Тогда я сказал себе, что при таких условиях, когда эта программа Мор-

ского Министерства не сможет быть проведена из за разногласий, которые были для меня непонятны, из за какой то борьбы, которую вел морской министр с Гос. Думой, оставаться в Генеральном Штабе я не могу. Я видел, что с этим ничего нельзя сделать, что дело погибнет и поэтому решил оставить военную работу, и вернуться к прежней научной работе и деятельности. Воеводский, назначенный министром, начал изменять и переделывать эту программу, задерживать вопросы [запросы], которые делались Гос. Думой и которые были необходимы для решения вопросов и т. д. Почему он это делал, было совершенно неизвестно, но вред этим делу был нанесен ужасный. В конце концов, это отразилось тем, что программу не выполнили к сроку, к которому она могла и должна была быть выполнена. В начале эта программа была тем, что было известно под именем «большой программы», затем она распалась на два проекта – большой и малый. Это было делом Воеводского. На меня это подействовало самым печальным образом и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал тогда работать над этим делом и начал читать лекции в Морской Академии, которая была образована. Я читал лекции несколько месяцев и решил, что лучше вернуться к научной работе. В это время начальник Главного Гидрографического Управления Вилькицкий, ‹как› я его хорошо знал (так как он был полярный исследователь), который меня хорошо знал и сочувствовал всей моей деятельности, предложил мне организовать экспедицию для исследования Северо-Восточного Морского пути из Атлантического Океана в Северный Океан вдоль берега Сибири. Встретившись и переговорив с ним, я решил заняться этим делом. Находясь в Генштабе, я разработал проект этой экспедиции и подал Вилькицкому. При разработке вопроса, как выполнить эту экспедицию, я на основании всего предшествующего опыта полярного плавания, на основании опыта плавания на севере остановился на организации новой экспедиции на стальных судах ледокольного типа, конечно, не таких, которые могли бы ломать полярный лед, так как опыт Ермака показал, что это невыполнимо и что активная борьба с океанским льдом невозможна. Но опыт показал, что конструировать судно, которое выдержало бы давление льдов вполне возможно, что это затруднений не вызывает и что, конечно, построить стальное судно большой вместимости легко. Я считал необходимым иметь два таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции. В конце концов, в 1908 году Главное Гидрографическое Управление выступило с проектом организации такой экспедиции для изучения вопроса о северном морском пути из Тихого в Атлантический океан кругом северного побережья Сибири. Я, оставаясь пока в штабе, принимал в разработке этого проекта активное участие, все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы этих судов. В этом принимал участие и мой бывший спутник Маттисен. Решено было построить два ледокольных стальных судна, которые были названы: «Таймыр» и «Вайгач». Командиром был назначен Маттисен. Когда это было решено, я просил отчислить меня от Генерального Штаба. Кружок офицеров продолжал функционировать до последнего времени и я продолжал там работать в качестве председателя кружка. Я смотрел на этот кружок, главным образом, как на образовательный, имеющий целью поднять уровень военного образования в офицерской среде. Там делались интересные доклады, производились научные работы и т. д. Решив заняться всецело делом экспедиции, я в 1908 году ушел из Генерального Штаба и всецело посвятил себя наблюдению за постройкой этих су-

дов на Невском судостроительном заводе. В 1909 году суда были спущены и мы осенью ушли на Дальний Восток с тем, чтобы летом 1910 года пройти через Берингов пролив на северную часть полуострова. Я командовал «Вайгачем», «Таймыром» же командовал сначала Маттисен. Это были суда ледокольного типа, идея их состояла в том, чтобы лед не ломал и не давил их. Поэтому, они обладали чрезвычайно сильным корпусом и сравнительно слабыми машинами, так как главный вопрос в данном случае это большой радиус действия, и ледокольного типа суда учитывают эту идею [....] ударов и сжатие льда. Таким образом, во второй половине 1909 года мы ушли на Дальний Восток и через Индийский Океан, Средиземное море, весной 1910 г., прибыли во Владивосток. Так как мы пришли во Владивосток уже поздно, то главным Гидрографическим Управлением была поставлена нам задача пройти в этом году Берингов пролив и обследовать район этого пролива, имея основным пунктом для с'емок и больших астрономических наблюдений мыс Лежнев, и затем вернуться обратно во Владивосток на зимовку и в следующем году идти дальше. Мы ушли из Владивостока и выполнили эту задачу. Вышли за Берингов пролив по направлению к мысу Лежневу. Экспедиция была очень хорошо оборудована для этой цели, в особенности «Вайгач», который был оборудован специально для картографических работ. Я, главным образом, работал по океанографии. Осенью мы вернулись во Владивосток на зимовку и для ремонта с тем, чтобы летом пораньше двинуться на север и продолжать систематическую работу. По прибытии во Владивосток, я получил телеграмму от того же Воеводского, бывшего морским министром, и Начальника Морского Генерального Штаба Кн. Ливена (Ливен был начальником Ген. Штаба после Брусилова) ⟨и⟩ [он] несмотря на свое немецкое происхождение был страшным противником немцев. В этих телеграммах Ливен и Воеводский просили меня приехать в Петроград и продолжать мою работу в Морском Генеральном Штабе для скорейшего проведения судостроительной программы. Решено было во что бы то ни стало проводить эту программу и приступить к постройке новых судов. После некоторого колебания, я дал свое согласие на возвращение. В 1910 г. я оставил экспедицию и вернулся. У меня опять явилась надежда, что, может быть, удастся дело направить. Поэтому я вернулся в Морской Ген. Штаб и был назначен на то же место заведывающего Балтийским театром. Меня все это время замещал мой помощник, и я принял дело почти в прежнем состоянии, так как за время моего полугодового отсутствия там ничего не делалось. Я прибыл в Петроград зимой 1910 года и оставался там 1911 г. до весны 1912 года. В Штабе я работал, главным образом, над программой и ее реализацией, установкой типа судов и, вообще, ведал всей подготовкой флота к войне. По этой должности я находился в очень тесной связи с адм. Эссеном и штабом командующего Балтийским флотом, так как мне приходилось постоянно ездить туда. Мне приходилось постоянно ездить на флот, принимать участие в маневрах, рассматривать задания для маневров его и т. д. Таким образом я находился в тесной связи с Балтийским флотом. Та должность, которая в сухопутном ведомстве носит название квартирмейстера, во флоте носит название флаг-капитана по оперативной или хозяйственной части. Таким флаг-капитаном по оперативной части в штабе адм. Эссена был Альтфатер, с которым я находился постоянно в связи по работе по подготовке флота к войне. В 1912 г. адм. Эссен заявил мне, что он хотел бы, чтобы я поступил в действующий флот. Меня самого очень тяготило пребывание на берегу, я чувствовал себя усталым и мне хотелось отдохнуть в обычной строевой службе, где все же было

легче. Я это откровенно высказал, сказал, что главную задачу я выполнил, что дело сделано и что теперь остается только следить технически, чтобы налаженное дело шло дальше. Последнее, что я сделал, это было участие в разработке деталей нового типа огромных крейсеров типа..., но они опоздали. В 1912 г. я ушел из Морского Генерального Штаба и поступил в Минную Дивизию командиром эскадронного миноносца «Уссуриец». Я командовал «Уссурийцем» год, затем был в Либаве, где была база минной дивизии. Через год адм. Эссен пригласил меня быть флаг-капитаном по оперативной части у него в Штабе. При адм. Эссене, который держал свой флаг на броненосном крейсере «Рюрик», состоял в распоряжении один из лучших эскадронных миноносцев «Пограничный». Он состоял в распоряжении адм. Эссена непосредственно, который на нем ходил постоянно по Балтийскому морю. Я, будучи флаг-капитаном в штабе Эссена, в то же время был командиром «Пограничного». Адм. Эссен все это время был то у меня на «Пограничном», то на «Рюрике». В этой должности командира «Пограничного», я оставался год, в должности же флаг-капитана оставался и на войне. В этом году все признаки военно-политической атмосферы чрезвычайно сгустились. Для всех была ясна близость войны. Адм. Эссена чрезвычайно заботила усиленная подготовка со стороны войск. Он всю душу вкладывал для подготовки флота к выполнению программы военных действий, которая существовала на случай разрыва с Германией. На «Пограничном», я оставался год. Затем чрезвычайно серьезные и грозные признаки, которые возникли весной 1914 года относительно войны, заставили адм. Эссена приказать мне сдать «Пограничный» и перейти в его непосредственный штаб на «Рюрик». Несмотря на то, что с весны до начала войны шла подготовка флота к войне, благодаря деятельности Воеводского, мы к войне не были готовы в смысле выполнения намеченной программы. Эта программа начиная с судостроительной, с которой было связано все остальное, была задержана Воеводским на два года. Что касается других причин задержки в выполнении этой программы, то, помимо людей, таких причин было много. Причиной этого была прежде всего самая организация морского министерства и, главным образом, его технических отделов с их страшной канцелярщиной и волокитой в сношениях с заводами, с утверждением чертежей с разрешением всевозможных вопросов, связанных с судостроением. Все это страшно отражалось на деле. Таким образом, одной из причин является также бюрократизм, бывший в этих учреждениях. Это было ужасное место, с которым Генеральный Штаб пытался вести борьбу, но тщетно.

Алексеевский: Помимо этих обстоятельств, лежавших в излишне бюрократическом характере учреждений морского ведомства, и помимо деятельности Воеводского, не было ли и намеренного задерживания этой программы?

Адм. Колчак: Конечно, такие были разговоры, но фактически это трудно было доказать. В морской среде это казалось подозрительным, об этом говорили, но фактически доказать это было невозможно. Об этом шли разговоры в кают-кампаниях, но оффициально сказать об этом я затрудняюсь. К тому же надо иметь в виду, что это общее свойство вооруженной силы, в том числе и строевого флота — обвинять тыл во всех грехах, которые непосредственно отражаются на этой строевой части. Персонально эти разговоры ни к кому не приурочивались. Таким образом, период 1914 г., с начала весны, в Балтийском флоте прошел в усиленной работе, в скорейшем утверждении программ стрельб, подготовке минных учений и т. д., так как война казалась все более и более приближающейся. Перед самым началом войны я был на отряде подводного плавания

в Балтийском флоте. Будучи флаг-капитаном, я ездил часто инспектировать по своей должности в Балтийском порту. Затем меня совершенно срочно потребовал Эссен в Ревель (это было примерно 16 июля), где он заявил, что разрыв с Германией и Австрией почти неминуем и что надо готовиться к выполнению того плана, который мы выработали; этот план базировался на том, чтобы в наиболее узкой части Финского залива, между Наркалаудом и Наргеном выставить сильное минное поле, которое защищалось бы наличными силами флота. Минные же и подводные лодки должны были стараться, если неприятель войдет в Финский залив, пользуясь Балтийским плацдармом, производить аттаки, нападать на противника и мешать его операциям, так как, конечно, силы Балтийского флота, бывшие тогда, конкурировать с Германским флотом не могли. После этих разговоров нужно было немедленно составить инструкции, нужно [было] составить распоряжение, сигналы, так как, хотя не было еще окончательного разрыва, но нужно было сделать решительно все, чтобы не терять ни одного часа, когда нужно будет выставить минные заграждения, составить особый отряд минных заградителей, одним словом, привести в такое состояние, чтобы все могло бы быть выполнено по первому сигналу. Сведения, получавшиеся нами в следующие часы, все более и более сгущали эту атмосферу открытия военных действий. В частности, на «Рюрике» в штабе нашего флота, был громадный под'ем и известие о войне было встречено с громадным энтузиазмом и радостью. Офицеры и команды все с восторгом работали и вообще начало войны был одним из самых счастливых и лучших дней моей службы. Таким образом обстановка складывалась самая серьезная: разрыв с Австрией фактически уже произошел, с Германией, как известно, он произошел позже. Адм. Эссен волновался и указывал, что все кончится тем, что германский флот прорвется в Финский залив, так как высланные в море крейсера, конечно, не удержат его и, не выставив минных заграждений, мы сможем задержать его только на несколько дней. Это обстоятельство его страшно волновало и в одну из поездок он заговорил со мною об этом. Я сказал ему, что надо принять решение и ставить минное поле, каковы бы ни были последствия, так как разрыв ясен, что надо взять на себя постановку поля, так как фактически всякие сношения уже были прерваны. Адм. Эссен согласился с этим. Мы прибыли на «Рюрик» и со всем флотом вышли к Наргену. Было решено с рассветом начинать постановку поля, не ожидая приказания из Петрограда. Вся операция состояла в том, что у Паркалауда был сосредоточен отряд заградителей с 6,000 мин. Они были на противоположном берегу Финского залива, а флот, который прикрывал заградители, сосредоточился у острова Наргена. По плану флот должен был выйти из Наргена, развернуться, а заградители, выйдя с ним, в два приема должны были поставить восемь линий заграждений, после чего они уходили в шхеры, а флот, возвращался в Ревель. Мы решили ставить поле, все равно, не ожидая приказания из Петрограда, но как раз в момент, когда подняли сигнал, начать постановку заграждений, когда показались дымы заградителей и флот снялся и вышел в море, на их прикрытие, в этот момент мы получили радио, условную телеграмму из Морского Штаба: «Молния» — ставьте минные заграждения. — Таким образом, это вышло чрезвычайно удачно. Через несколько часов была получена телеграмма с об'-явлением войны. Первые два месяца войны я оставался в должности флаг-капитана. Все это время я работал над всевозможными планами и всякими оперативными заданиями, причем старался, где это было возможно, непосредственно участвовать в их выполнении. Поэтому я постоянно переходил на ту или дру-

гую часть флота, которая выполняла различные задания, утвержденные, конечно, адм. Эссеном, но разработанные мною. Противник оказался против наших ожиданий неактивным, мы ожидали, что жизни нам осталось немного, что если он придет с достаточными силами, то, несмотря на заграждения, он сумеет прорвать их и уничтожить. И в этом случае положение Балтийского флота было бы чрезвычайно тяжелым. Дредноуты у нас еще не были готовы (они только осенью начали выступать). И у нас были только «Рюрик» и «Андрей Первозванный». Все силы заключались в минных судах, так как подводные лодки также еще не были готовы и было только несколько старых. Хотя вся программа была в ходу. Подводные лодки вступили в кампанию уже во время войны, и на дредноутах в первое время плавало по 300–400 рабочих с франко-русского завода. Все выходы в море, которые делал противник, оказывались, против всяких ожиданий, чрезвычайно пассивными, так как, повидимому, немцы были отвлечены английским флотом в Немецком море, и ограничивались только слабым наблюдением за нами. Это давало нам возможность продвинуться дальше и постепенно мы получили возможность не только защищать Рижский залив, но перенести нашу деятельность дальше ⟨до Рижского залива⟩ [.....] Прикрывать там вход и развить нашу деятельность в Ботническом заливе на Або..., которые по первоначальному плану, как бы отдавались немцам. Тут оказалось, что мы имеем возможность продвинуться дальше на запад, что немцы не только не предпринимают ничего, но ведут себя очень пассивно, ограничиваясь стрельбой по маякам и редкими демостративными действиями крейсеров и миноносцев у берегов. Тогда с наступлением зимы, мы решили перейти к более активным действиям в смысле выхода в море и нападениям на противника в открытом море. Для этой цели в море выходили несколько крейсеров, с ними выходил и сам Эссен, но это не давало ничего и обыкновенно мы никого не встречали. И только один раз мы встретили один крейсер, который ушел от нас, будучи более быстроходным. Тогда мы решили перейти к операциям с минными заграждениями уже в водах самого противника – начать заграждать его выходы и фарватер и этим стеснять его. Эта деятельность началась с постановки целого ряда заграждений у германских берегов вдоль побережья Балтийского моря. Это было выполнено целым отрядом крейсеров, в числе которых был крейсер «Рюрик», на котором я сам был лично, когда я пробрался за Борнгольм и прошел до Каколи, где и поставил заграждения как раз на новый 1915 год. Весной 1915 г. я просил Эссена дать мне возможность выполнить самостоятельно одну операцию – заградить Данцигскую бухту и поставить там у входа минные заграждения. Я взял 4 лучших миноносца – типа «Пограничника», временно вступил в командование этим минным отрядом и выполнил эту задачу. Главной трудностью было чрезвычайно суровое время года: в январе месяце там бывают........... Надо было вырваться из Ревеля, пробраться через лед в Финском заливе и пробраться к Данцигской бухте. Эта экспедиция увенчалась успехом и дала положительные результаты в смысле подрыва нескольких немецких судов. Таким образом я продолжал свою деятельность в качестве флаг-капитана, участвуя во всех почти предприятиях. При заграждении Либавы я был на отряде миноносцев и вообще ⟨смотрел как⟩ [считал], что, вырабатывая какой нибудь план, надо присутствовать и при его непосредственном выполнении. Адмирал Эссен разделял мою точку зрения и потому я проводил все время, участвуя в отдельных экспедициях, в отдельных предприятиях, боевых столкновениях, а в промежутках работал на «Рюрике», флагманском корабле, или ходил с Эссеном на «Рюрике». Осенью 1915 г.

адмирал Трухачев, командовавший минной дивизией, которая в это время была выдвинута в Рижский залив и защищала его (только перед этим был успешно ликвидирован прорыв немцев в этот залив), во время свежей погоды вывихнул ногу, заболел. Надо было назначить нового командира минной дивизией. Адмирал Эссен предложил мне временно вступить в это командование. Это было в начале сентября. К этому времени мы сосредоточили в Рижском заливе некоторые суда, так что там образовалась целая отдельная группа с линейным кораблем «Слава», там были также заградители, подводные лодки, транспорты, всего в общей сложности, кроме миноносцев, до 50 вымпелов. К этому времени немцы произвели высадку на южном берегу Рижского залива и угрожали непосредственными действиями Риге. Их позиции подошли к Рижскому штранду и были недалеко от Кеммерна. Предполагалось их большая операция на Ригу. В этот момент я был назначен командовать минной дивизией и всеми силами в Рижском заливе, на время [болезни] адмирала Трухачева. Я отправился в Рижский залив и вступил в командование дивизией. В первые же дни я разработал операции против немцев и их левого фланга, находящегося на южном берегу Рижского залива под Ригой. Прежде всего, я прошел в Ригу, чтобы повидаться с командующим 12 армией Радко Дмитриевым, чтобы сговориться относительно общего плана совместных действий на левом фланге немецкой армии. Условившись с ним относительно этого и разработавши детали, я вернулся обратно в Ригу, в Моонзунд, где были сосредоточены главные силы минной дивизии. После этого я вышел на юг Рижского залива. В это время началось наступление немцев, которые взяли Кеммерн и потеснили наши части, выставленные против них. Нами была разработана совместная операция флота и армии, там были выставлены сильные береговые батареи, надо было сбить их и действовать на немецкие войска, занявшие Кеммерн. Эта задача была выполнена, наступление на Ригу остановлено и немцы были выбиты из Кеммерна с громадными потерями. Батареи же их были приведены в молчание. Этим самым, операции немцев были приостановлены, может быть, в будущем они их и выполнили, но во всяком случае, они были на долгое время задержаны. Во время боя, был убит командир «Славы» Вяземский. После этого мной была произведена другая операция: я высадил десант на Рижское побережье в тыл немцам. Правда его пришлось снять, так как он был незначителен, но во всяком случае он привел немцев в панику, так как они совершенно не ожидали высадки этих сил, причем этим десантом был разбит немецкий отряд, прикрывавший эту местность. За эту работу я был представлен Радко-Дмитриевым, которому я подчинялся, как старшему во время операции, к Георгиевскому Кресту, и получил эту высшую боевую награду. В это время я был капитаном первого ранга (в эту должность я был произведен в Либаве в 1911 г.). До Ноября месяца – сентябрь и октябрь, я работал в Рижском заливе. К этому времени адм. Трухачев оправился, ему было снова предложено вступить в командование минной дивизией, и я снова вернулся на «Рюрик». Адм. Эссен тогда уже перенес свой флаг на «Петропавловск», где помещался и штаб. Я приступил к работам по выполнению программы, а также продолжал нести работу флаг-капитана в штабе Эссена. В конце декабря Эссен решил назначить адм. Трухачева командующим бригадой крейсеров, а меня начальником минной дивизии и командующим силами в Рижском заливе. Около 20-х чисел декабря я вступил в командование минной дивизией в Ревеле, как постоянно командующий этой дивизией. Перед моим вступлением в командование, минная дивизия по моему плану выполнила очень удачно минные за-

граждения Виндавы, на которых погибло несколько миноносцев и немецкий крейсер, совершенно не ожидавший, что они в Виндаве могут быть заграждены нашими минами. В этом предприятии мне не пришлось участвовать, но как только я вступил в командование этой дивизией, я решил пользуясь тем, что наступают последние дни декабря, после чего будет очень трудно повторить эту операцию, испросив на это разрешение Эссена, выйти на постановку минного заграждения к Либаве и Мемелю и заградить вход туда. 24-го, в сочельник я вышел из Ревеля с отрядом миноносцев, имея свой флаг на миноносце «Новик», но по выходе из Финского залива попал, повидимому, на неприятельское минное поле. Один из миноносцев взорвался, пришлось его спасать и, таким образом, это предприятие не удалось. Это первое предприятие, которое у меня не увенчалось успехом. Пришлось вернуться, таща за собою полузатопленный миноносец. Затем наступила зима 1915–16 г., чрезвычайно суровая. Была такая масса льда, что о выходе и думать не приходилось. Весной 1916 г., как только состояние льда позволило выйти ледокольным судам через Моонзунд в Рижский залив, я вышел туда из Ревеля, а, как только лед вскрылся, я вызвал минную дивизию и начал в Рижском заливе продолжать свою работу по защите его побережья и по борьбе с береговыми укреплениями Рижского залива и защиты входа в Рижский залив, причем уничтожил один дозорный корабль Виндавы. Тогда же, получивши сведения о выходе из Стокгольма немецких судов с грузом руды под защитой одного вооруженного, как крейсер, коммерческого судна, я с несколькими лучшими миноносцами типа «Новик», под прикрытием отряда крейсеров, под командой адм. Трухачева, вышел к Шведским берегам, ночью напал на караван, рассеял его и потопил конвоирующий его корабль. Это было моим последним делом в Балтике. Затем, не помню по какому делу, я был внезапно вызван из Моонзунда в Ревель, – это было приблизительно в 20-х числах июля [іюня]*. В Ревеле мне совершенно неожиданно была вручена телеграмма из ставки о том, что я назначаюсь командующим Черноморским флотом, с производством в вице-адмиралы.

23 ЯНВАРЯ 1920 г.

А. Н. Алексеевский: В прошлый раз Вы закончили тем, что получили в апреле [іюне] неожиданное производство в вице-адмиралы и телеграмму о назначении Вас Командующим флотом Черного моря.

Адм. Колчак: Получивши это назначение, я вместе с тем получил приказание ехать в ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море. Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась ставка, во главе которой стоял ген. Алексеев, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего: Верховным Главнокомандующим был бывший государь. По прибытии в Могилев, я явился к ген. Алексееву. Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно и детально инструктировал меня об общем военно-политическом положении на нашем западном фронте. Он детально об'яснил мне все те политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого об'яснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания,

* А. В. Колчакъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ командующимъ флотомъ Чернаго моря 28 іюня 1916 г.

сделанные мне Алексеевым, были повторены и Государем. Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обусловливалось тем, что весною 1917 года предполагалось выполнить так называемую босфорскую операцию, т. е. произвести уже удар на Константинополь. Все это находилось в связи с положением на нашем южном или левом фланге. Это было в начале июля, а осенью, приблизительно в августе, должна была выступить Румыния, и в зависимости от этих действий предполагалось лишь продвижение наших армий вдоль западного берега Черного моря, через пролив на Турцию и на Босфор, или в зависимости от положения предполагалось, что флот должен оказывать содействие этим продвижениям, либо выбросить десант непосредственно на Босфор и флот должен был постараться захватить Босфор. На мой вопрос, почему именно меня вызвали, когда я все время работал в Балтийском флоте, хотя я и занимался вопросом о проливах, они меня интересовали чисто теоретически, – ген. Алексеев сказал, что общее мнение в ставке было таково, что я лично, по своим свойствам, могу выполнить эту операцию успешнее, чем кто либо другой. Затем, после выяснения всех вопросов, я явился к Государю. Он меня принял в саду и очень долго, около часу, меня также инструктировал относительно положения вещей на фронте, главным образом, в связи с выступлением Румынии, которая его чрезвычайно заботила, в виду того, что Румыния, повидимому, не вполне готова, чтобы начать военные действия и ее выступление может не дать благоприятных результатов. Оно заставит только удлинить наш и без того большой фронт левого фланга и нам придется своими войсками занять Румынию и удлинить фронт почти до Дуная. Это явится новой тяжестью, которая ляжет на нашу армию и положительные результаты вряд ли даст. Я спросил относительно босфорской операции. Он сказал, что сейчас говорить об этом трудно, но мы должны подготовляться к ней и разрабатывать два варианта: будущий фронт, наступающий по западному берегу и самостоятельная операция на Босфоре, перевозка десанта и выброска его на Босфор. Тут еще было прибавлено Государем: «я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии, я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование: они требуют, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила, они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы, и приходится уступать давлению союзного командования.» Получив эти указания, я уехал в Черное море в тот же вечер. Прибывши в Севастополь, я принял Черноморский флот от вице-адмир. Эбергардта, который меня уже подробно в течение целого дня посвятил в действительное положение Черного моря. Положение в Черном море было таково: главнейшие вопросы, которые тогда стояли, были, во первых, обеспечение безопасности Черноморского побережья от постоянных периодических набегов быстроходных крейсеров «Гебена» и «Бреслау», ставившие в очень опасное положение весь транспорт на Черном Море. А транспорт на Черном море и перевозки имели главное значение для Кавказской армии, потому что подходы к Кавказской армии были чрезвычайно трудны и нужно было бы базироваться на море. Первой задачей было, как наиболее обезопасить и направлять транспорт и обеспечить побережье и порты, главным образом, восточной части Черного моря, откуда шел транспорт для снабжения Кавказской армии, от этих угроз, которые над ними висели в виду постоянных рейдов «Гебена» и «Бреслау». Все это осложнилось еще появлением подводных лодок, которые прошли Босфор. Несколько лодок вошли в Варну – Болгарский порт, а другие выходили из Босфора и начали свою работу, вы-

ражавшуюся в потоплении транспортов. Меры, которые принимались для этого, были явно недостаточны, т. е. конвой транспорта при помощи миноносцев страшно задерживал движение, потому что миноносцев было мало и обеспечить конвоирование этих транспортов было нельзя. Следующей задачей была подготовка к называемой босфорской операции, о которой я сказал раньше. Характерно следующее обстоятельство: в полночь я поднял свой флаг, Эбергардт спустил [свой] и я вступил в командование в Черном море. Через несколько минут после этого — теперь я могу говорить об этом совершенно открыто, тогда этого я не понимал, и думали, что это было исполнено мною случайно, а между тем все это проделывалось совершенно сознательно и определенно — было принято радио, которое было расшифровано, о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в море, — был указан точно час, кажется, 11 час. вечера. Я сейчас же призвал соответствующих чинов своего штаба, разобрал на карте вероятное положение, откуда он может идти, где он может быть, я приказал немедленно выходить своему флагманскому линейному кораблю, поднимать пары на «Императрице Марии», — другой дредноут, к сожалению, выйти не мог, — я взял еще крейсер «Кагул», пять или шесть миноносцев и с рассветом вышел в море. Это было 6 на 7-ое июля. Как раз при выходе, это было очевидно, он всегда это делал, «Бреслау» на Севастополь послал подводную лодку, но эта лодка была замечена с аероплана, который меня сопровождал, мне удалось увернуться от нее и выйти в открытое море, — это мне подтвердило, что неприятельское судно действительно там находится. В 3 часа дня я действительно заметил на горизонте дым и встретился с «Бреслау». По его положению и курсу я заметил, что он идет на Новороссийск, главную базу, откуда шло питание для нашей Кавказской армии. Увидевши меня, он сейчас же повернул обратно на Босфор, я гнался за ним до темноты, когда наступила тьма и гроза нас разделила. Я имел возможность открыть по нем огонь с предельной дистанции приблизительно 11–12 миль, насколько хватало орудие, но огонь этот действителен не был. Потом я узнал, что на нем было некоторое количество раненых осколками от рвущихся моих снарядов. Я потому подробно останавливаюсь на этом неважном случае, что это был единственный выход крейсеров «Гебена» и «Бреслау» за все время командования мною в Черном море. Потом я принял некоторые меры, которые парализовали их выход, они уже больше не появлялись в Черном море. Затем я вернулся обратно в Севастополь и через несколько дней приступил к выполнению уже серьезного заграждения Босфора минами по известному выработанному плану, как от выхода надводных судов, так и подводных лодок. Эта операция непосредственно под босфорскими укреплениями была выполнена нашими минными судами непосредственно под моим руководством. Я выходил на корабле в это время сам, и Босфор мы заградили настолько прочно, что в конце концов, установивши еще необходимый контроль из постоянного дежурства и наблюдения миноносца, чтобы эти мины не были уничтожены и вытралены и для того, чтобы укреплять снова эти заграждения, мы, в конце концов, совершенно обеспечили свое море от появления неприятельских военных судов. Правда, туркам и немцам удавалось под берегом очищать море от мин и они посылали транспорты очищать от мин Зугулдак. Они нуждались в угле, мы же эти транспорты ловили и уничтожали и это всегда благополучно проходило. Что касается подводных лодок, то с ними борьба была несколько труднее, но и те последние подводные лодки, которые осмеливались подходить к Севастополю, были замечены только в январе 1917 г. Весь транспорт на Черном море совершался так, как и в мирное время. Мин-

ные заграждения, дозорная служба, надлежащим образом организованная, и надлежащим образом развитая радио-связь дали возможность обеспечить нам черноморский бассейн совершенно спокойно от всяких покушений со стороны неприятеля и обеспечить совершенно безопасный транспорт для Кавказской армии. Несколько было сложнее с теми лодками, которые пробирались в Варну, и то часть их удалось пробить при помощи заграждений. Затем в декабре месяце из Константинополя прорвались несколько больших миноносцев в Варну и две канонерских лодки. Эти канонерские лодки были обнаружены крейсером «Кагул», были потоплены недалеко от Босфора, около мыса «Карагалу». Таким образом, в Черном море наступило совершенно спокойное положение, которое дало возможность уже употребить все силы на подготовку большой босфорской операции. По плану этой босфорской операции в мое непосредственное распоряжение поступила одна сухопутная часть, дивизия ударного типа, кадр которой мне был прислан с фронта и командиром ее был назначен один из лучших офицеров Генерального Штаба – ген. Свечин, начал. штаба был назначен полк. ген. штаба Верховский. Эта дивизия готовилась под моим непосредственным наблюдением и должна была быть выброшена первым десантом на неприятельский берег, для того, чтобы сразу на нем обосноваться и обеспечить место высадки для следующих войск, которые должны были идти за ними. Так вся эта подготовка работ шла до наступления государственного переворота в конце февраля месяца. В Черном море, как и для меня, этот переворот был совершенно неожиданный. Обстоятельства, которые застали меня, были следующие. Эта работа по подготовке Босфорской операции должна была окончиться по плану в марте или апреле месяце, но рядом с этим планом шла подготовка и других работ. В августе было выступление Румынии, значит, тогда у меня явилась забота на Дунае: образование флотилии на Дунае, – все это заставило меня принять ряд других военных действий в 1916 г., Босфорская же операция предполагалась весной 1917 г. Ко времени начала 1917 г. выяснилось уже окончательно, что из двух планов может быть приведен в исполнение только один, потому что неудачи на Румынском фронте мешали возможности босфорской операции и возможна была только дессантная операция.

Н. А. Алексеевский: А дивизия Свечина была передана Вам еще до выяснения возможности первого плана?

Адм. Колчак: Да, она тогда только начала серьезно формироваться, нами предполагалось перебросить туда и часть орудий с Севастопольской крепости, там шла подготовка всех материалов и т. д.

Н. А. Алексеевский: Мы подошли к той части Вашей деятельности, которая носит не только профессиональный и технический характер, но и политический. В связи с этим, Комиссия считает необходимым поставить Вам вопросы о Ваших политических взглядах в молодости, в зрелом возрасте и теперь, а также о политических взглядах Вашей семьи.

Адм. Колчак: Моя семья была семья чисто военного характера и военного направления. Я вырос в чисто военной семье. Братья моего отца были моряками, один из них служил на Дальнем Востоке, а другой был морской артиллерист и много плавал. Вырос я под влиянием чисто военной обстановки и военной среды. Большинство знакомых, с которыми я встречался, были люди военные. Какими нибудь политическими задачами и вопросами я почти не интересовался и не занимался. Как я говорил, когда я поступил в корпус, я начал заниматься исключительно военным делом и затем меня увлекали точные научные знания

т. е. математические и физические науки, но науками социального и политического характера я занимался очень мало. Был один период у меня, о котором я могу сказать несколько слов, когда меня интересовали эти вопросы, — это был период моего пребывания в корпусе уже последних старших выпусков, когда я начал работать на Обуховском заводе. Я вырос на этом Обуховском заводе и постоянно на нем бывал. Пребывание на заводе дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному делу и т. д., в корпусе мне не нужно было заниматься этими предметами, ибо я был знаком с ними гораздо лучше и более обширно, чем это преподавалось в корпусе, потому что самая обстановка и среда давали мне чрезвычайно много по этой части. Затем я увлекался заводским делом. Было даже такое время, когда приезжал ко мне на завод английский заводчик, известный по пушечному делу Армстронг, мой отец его знал хорошо, и он предлагал, зная мою работу по техническому делу, взять меня в Англию, чтобы я прошел школу там на его заводах и сделался инженером. Но желание плавать и служить в море превозмогли идею сделаться инженером и техником. Близость завода и возможность получить огромные знания меня, молодого человека, увлекали и у меня явилась тогда идея — в свободное время пройти курс заводской техники. Я начал дело с самых первых шагов, т. е. начал изучать слесарное дело и работа на этом заводе сблизила меня с рабочими. У меня было много знакомых рабочих, которые меня обучали, они знали меня и, благодаря этому соприкосновению с ними, работе в мастерских, постоянному общению с ними, меня заинтересовали на некоторое время вопросы политического и социального порядка. Кое что я читал по этому вопросу, долго занимался — не могу сказать изучением — меня тогда интересовал вопрос рабочий, интересовали вопросы заводского хозяйства, вопросы труда и т. д., но я повторяю, что я не изучал этого дела, я с ним знакомился, потому что был в такой среде, где об этом говорили и меня это до известной степени интересовало. Изучением же этих вопросов я не занимался, потому что у меня не хватало времени. Когда я перешел на последние выпуски, где я был занят другим, чисто специальным военно-морским делом, мне пришлось прекратить эти занятия и я больше не занимался этими вопросами. О вопросах политического и социального порядка — сколько я припоминаю, у меня вообще никаких воспоминаний не осталось, в моей семье этими вопросами никто не интересовался и не занимался. Мой отец, как я говорил, был военный, севастополец, вся среда была военная или техники-специалисты Обуховского завода.

Н. А. Алексеевский: Скажите, адмирал, в 1904–05 году, когда Вы участвовали в Русско-Японской войне, Вы, как человек, хорошо знающий морское дело и изучавший в деталях и на практике постановку его в России, не могли не видеть, что наши морские неудачи определились политическими обстоятельствами и в особенности тем, что во главе этого дела стоял Великий Кн. Алексей Александрович и что неудачи морские решили и сухопутную кампанию, — Вы тогда не пришли, как и большинство интелигентного русского общества, к выводу о том, что необходимы политические перемены во что бы то ни стало, хотя бы даже и путем борьбы.

Адм. Колчак: Я считал необходимым уничтожение должности генерал-адмирала и это совершилось как результат войны. Я считал это безусловно необходимым, но главную причину я видел в постановке военного дела у нас во флоте, в отсутствии специальных органов, которые бы занимались подготовкой флота к войне, отсутствии образования, флот не занимался своим делом — вот главная

причина, и из первого об'яснения Вы видите мое отношение к этому вопросу. Я считаю, что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено, как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно и она могла бы действовать.

Председатель: Каково было Ваше отношение, адмирал, к Революции 1905 г.?

Адм. Колчак: Мне с нею не пришлось почти сталкиваться. В 1905 г. я был взят в плен, затем я вернулся, я был болен и лечился, а остаток этого времени я был в Академии Наук, где до начала 1906 г. начал работать по созданию Генерального Штаба, так что я как раз в этот период не был в соприкосновении с событиями революции 1906 г. и в политической деятельности участия не принимал.

Председатель: Каково было Ваше идейное отношение к этому делу?

Адм. Колчак: Я этому делу не придавал большого значения. Я считал, что это есть выражение негодования народа за проигранную войну, и считал, что главная задача военная заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям.

Н. А. Алексеевский: Значит, Вы считали, что техническая профессиональная постановка военно-морского дела была причиной нашего поражения, но что самая постановка была ошибочна, т. е. Вы считали ее как бы добросовестной ошибкой и что она происходила не из условий политического строя, а из условий ошибок?

Адм. Колчак: Я приписывал именно этому, потому что я считал, что политика никакого влияния не могла иметь на морское образование, на военную организацию, — просто у нас настолько не обращалось внимания на живую подготовку во флоте, что это было главною причиной нашего поражения.

Н. А. Алексеевский: Далее, адмирал, позволителен еще вопрос. Ведь, не обращалось внимание потому, что тот, кто должен обращать внимание, не обращал. А кто должен был обращать? Главой всех военных сил России был Император и Императорская фамилия, и династия распределяла между собой все важнейшие роли, а над всеми, как глава военных сил, был Император.

Адм. Колчак: Тут были общие причины, я видел здесь на Востоке, как мы вели боевую подготовку, чем занималось командование, чем занимались командиры. Конечно, общая система была неудовлетворительна.

Н. А. Алексеевский: У нас есть поговорка, что рыба начинает разлагаться с головы. Не приходили ли Вы к убеждению что именно сверху нет ничего кроме слов в отношении ответственности и руководства?

Адм. Колчак: Я считал, что вина не сверху, а вина была наша, мы ничего не делали.

Председатель Чудновский: Скажите пожалуйста, были ли Вам указания и зависело ли от Вас выполнять определенный план. Я имею все в виду, все командование флота и потому спрашиваю, имели ли Вы какие нибудь указания сверху, что необходимы некоторые перетасовки для того, чтобы восстановить боевую единицу?

Адм. Колчак: Я не помню, я был слишком молодой офицер, чтобы иметь эти указания в тот период.

Председатель Чудновский: Когда Вы говорите, что виновато само командование, то получается впечатление, что командованию была дана определенная задача, которая командованием не выполнялась. Мне это непонятно,

потому что, если Верховное командование дает определенные боевые задачи и эти задачи не выполняются, то командование принимает меры.

Адм. Колчак: Я Вам на это скажу, что причины лежали, как мне они представлялись, в ином: возьмите постановку боевых стрельб, как они тогда были поставлены. Никаких научных оснований для этого не было разработано. Стрельбы производились только для отбывания номера. Инструкции, которые давались свыше, требовали с Вас выполнения боевой подготовки, но сами выполнители, благодаря своему невежеству и своей неподготовленности, не могли выполнить. Из этого ничего не получалось, наш флот стрелять не умел. Но, повторяю, конечно, сверху требовали, чтобы флот стрелял, в этом никакого сомнения быть не может, потому что не могли же исходить сверху другие требования, выполнение же этих требований было никуда негодное, благодаря нашему невежеству. Ведь программы, задачи, инструкции составлялись чрезвычайно резонно и логично и обоснованно, но выполнение их было ужасно, благодаря общему невежеству, отсутствию знаний у наших руководителей, отсутствию подготовленных людей для того, чтобы руководить флотом, потому что к этому времени уже флот представлял из себя такую сложную боевую машину, что он требовал других людей, более воспитанных и подготовленных. Я вспоминаю тот период и период последней войны — ведь ничего похожего не было, здесь, наконец, после этого страшного урока, у нас был флот, отзывы о котором были самые лучшие. Может быть, он был слаб и мал, но отзывы о нем английские адмиралы [давали] самые лестные. Я прямо скажу, что постановка артиллерийского дела у нас в последнюю войну была великолепно разработана и мы прекрасно стреляли. Минное дело у нас стояло, быть может, выше, чем где бы ни было. К нам приезжали учиться, меня американцы после посещения Черноморского флота вызвали к себе для того, чтобы я мог им дать данные о постановке нашего минного дела. Это меня больше всего заботило, и я думаю, что я был прав, потому что, когда после Японской войны группы офицеров взялись честно за свое дело, когда они прежде всего смотрели на то, на что им нужно было смотреть, т. е. на создание органа, который бы занялся подготовкой к войне, — когда у этого маленького кружка явился под'ем знаний и известное добросовестное отношение к своим обязанностям, которое явилось как известный результат событий, тогда мы создали флот, независимо от того, какой был политический строй. Так что я повторяю, что вооруженная сила может быть создана при каком угодно строе, если методы работы и отношение служащих к своему делу будут порядочные, наоборот, при каком угодно строе, если такого отношения не будет, Вы вооруженной силы не создадите.

Н. А. Алексеевский: А не было ли у Вас мысли о том, что удаление В. Кн. Алексея Александровича и устранение от руководства, от постановки боевого дела во флоте и адмиралтействе старых адмиралов было делом не группы молодых энергичных офицеров, которые образовали кружок и содействовали образованию Генерального Штаба, сколько делом общего политического настроения и тех политических перемен, которые создались наличием хотя бы такого учреждения, как Гос. Дума, и наличием общественного контроля?

Адм. Колчак: Несомненно.

Н. А. Алексеевский: Считали ли Вы, адмирал, что переменившиеся политические обстоятельства в значительной степени дали этому возможность?

Адм. Колчак: Конечно, да, хотя, повторяю, оценивая роль генерал-адмирала, которая тогда была, она всегда представлялась для меня совершенной

фикцией, которая не оказывала почти никакого влияния. Алексей Александрович решительно ни во что не входил, я его никогда не видел, и ни в какие дела он, в сущности, не вмешивался. Он имел настолько малое влияние, что по моему, это была чистая синекура. Фактического влияния Алексея Александровича на флот я, находясь во флоте, не чувствовал.

Н. А. Алексеевский: Но, может, Вы смешиваете влияние положительное и отрицательное. Положительного творческого влияния не было, отрицательное влияние было все время, потому что через него происходили все назначения, он представлял, рекомендовал, поддерживал, он создавал органы во флоте, он персонально подбирал лиц, которые, благодаря участию некоторых специалистов, могли составить инструкцию, но о том, как вести практическую стрельбу и проверить, исполняется ли все, что необходимо, или нет, они понятия не имели, и старые адмиралы не были способны даже это оценить.

Адм. Колчак: Несомненно могли быть и эти влияния; то управление флотом, которое было тогда, несомненно имело в этом смысле влияние.

Н. А. Алексеевский: В частности, могли ли быть отправлены эскадры Рождественского и Небогатова, если бы существовал Генеральный Штаб или какое нибудь руководство флотом.

Адм. Колчак: Трудно теперь сказать, но думаю, что они не были бы отправлены.

Н. А. Алексеевский: Таким образом, Вы из неудач войны с Японией не делаете таких политических выводов?

Адм. Колчак: Нет. Вспышку 1905–06 гг. я приписываю исключительно народному негодованию, оскорбленному национальному чувству за проигранную войну, но повторяю, что я, например, приветствовал такое явление, как Гос. Дума, которая внесла значительное облегчение во всей последующей работе по воссозданию флота и армии. Я сам лично был в очень тесном соприкосновении с Гос. Думой, работал там все время в комиссиях, и знаю, насколько положительные результаты дала эта работа.

Н. А. Алексеевский: Таким образом, в Вас неудачи в Японской войне не вызвали никаких сомнений в отношении политического строя, и Вы остались по прежнему монархистом?

Адм. Колчак: Я остался по прежнему.

Н. А. Алексеевский: И, в частности, никаки хсомнений в династии это не вызвало?

Адм. Колчак: Нет, я откровенно должен сказать, что ни в отношении династии, ни в отношении личности Императора это у меня никаких вопросов не вызвало.

Н. А. Алексеевский: Я думаю, что для комиссии было бы очень интересно, чтобы Вы раньше, чем перейдете к рассказу о Вашей деятельности, которая приняла оттенок политический, рассказали бы нам о Ваших личных отношениях к некоторым наиболее видным деятелям прошлого режима: к Императору Николаю, к тем Вел. Князьям, с которыми Вы имели отношения, к некоторым вдохновителям старого режима последнего царствования — Победоносцеву, Плеве, к некоторым министрам, например, к тому министру, который оставался все время при Императоре — барону Фредериксу.

Председатель: Иначе говоря, мирились ли Вы с существованием монархии, являлись ли Вы сторонником ее сохранения, или Японская война и революция 1905–06 гг. внесли изменение в Ваши политические взгляды.

Адм. Колчак: Моя точка зрения была точкой зрения служащего офицера, который этими вопросами не занимался. Я считаю, что при нашей присяге моя обязанность заключается в несении службы так, как эта присяга этого требовала. Я относился к Монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя; я был занят тем, чем занимался. Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял и этим исчерпывалось все мое отношение. И сколько я припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы.

Н. А. Алексеевский: Среди военных, как среди всего русского общества, условия и политические события, связанные с династией и в частности с семьей бывшего императора, события последних лет перед Революцией повлияли в значительной степени на разрушение тех симпатий, которые существовали раньше. Военная среда в этом отношении не была чужда этой перемены. В частности появление Распутина, его роль, насколько мне известно, повлияли на изменение отношений к династии и, в частности, к императору Николаю среди военных. Я имею сведения, что и в военно-морской среде существовали такие же настроения. Так вот, захватывали ли Вас эти настроения и в какой степени?

Адм. Колчак: Насколько мы получали эти сведения и, в частности, о распутинской истории, они глубоко возмущали ту среду и меня, и тех, которые об этом деле осведомлялись и получали какие нибудь известия. Я, напр., помню такой случай. В 1912 г., когда я плавал на «Уссурийце», – верно это или нет, – прошел слух, что Распутин собирается из Петрограда прибыть на место стоянки императорской яхты в шхеры и для этого будет дан миноносец. Я помню, со стороны офицеров было такое отношение: что бы там ни было, но я не повезу, пусть меня выгоняют, но я такую фигуру у себя на миноносце не повезу. Это было общее мнение командиров. Но дело в том, что мы в это время плавали, получали такие известия, но на самом деле и [этого] не было, и никого из нас не звали, и никакого Распутина не возили. Эта история глубоко возмущала нас, но непосредственно с ней мы не соприкасались, никто толком не знал, была масса слухов и разговоров.

В. П. Денике: Мы как будто бы остановились на том, как сложились Ваши воззрения к концу 1906 года. Что же в дальнейшем за этот период времени с 1906 г. по 1917 г. ко времени революции происходили ли изменения Ваших политических воззрений и принимали ли Вы какое нибудь прямое или косвенное участие в политической жизни страны?

Адм. Колчак: Нет. Я не принимал участия, я в это время был занят чисто технической работой, у меня не было времени, я соприкасался с ними, поскольку бывали разговоры.

Н. А. Алексеевский: Здесь уместен один вопрос, который касается вот чего: Вы сначала нам скажите, имели ли Вы личные отношения с бывшим Императором и с выдающимися членами и деятелями династии и, в частности, имели ли Вы хоть одно свидание с Распутиным.

Председатель: Я прибавлю, не изменились ли эти отношения до самой революции 1917 г.

Адм. Колчак: Я никакого участия в политической работе не принимал. Я скажу прежде всего о Государе. Нужно сказать, что до войны – меня выдвинула война – я был слишком маленьким офицером, слишком маленьким человеком, чтобы иметь соприкосновение вообще с какими нибудь высшими кругами,

и потому я непосредственных сношений с ними не мог иметь, по существу. Я не имел ни связей, ни знакомств, ни возможностей бывать в этой среде, среде придворной, среде правительственной. Соприкасался я с отдельными высшими правительственными лицами только тогда, когда я работал в Генеральном Штабе, когда я бывал в Думе, где мне приходилось встречаться с отдельными министрами, а кроме своего прямого начальства я непосредственно не мог ни с кем сталкиваться. Государя я видел в Могилеве, в Ставке, перед этим я видел его, когда он приезжал на смотры во флот. При дворе я никогда не бывал. В 1912 г. я видел Государя и царскую фамилию, когда царская фамилия стояла на рейде «Штандарт» – в шхерах. Туда были вызваны отряды заградителей для постановки пробных заграждений и отряд миноносцев для конвоирования этих заградителей. Я тогда командовал «Пограничным». Туда прибыл Эссен. Мой миноносец состоял в распоряжении Эссена. Характер постановки мин был такой, что заградители шли из строя и сбрасывали мины, но для того, чтобы видеть характер этой постановки, мой миноносец назначен был идти рядом с ними. Вот на мой миноносец прибыл Государь, свита его и адмирал Эссен. Мой миноносец шел рядом с одним из заградителей «Амуром», который ставил мины. Это был случай, когда Государь был у меня на миноносце, но так как я был командиром, стоял на миноносце и управлял им, то не мог с ним разговаривать. Затем после окончания постановки мин я пришел на «Штандарт».

Председатель: Вы уклоняетесь от прямого ответа: были ли Вы монархистом или нет?

Адм. Колчак: Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь. Тогда этого вопроса: «каковы у Вас политические [убеждения]», никто не задавал. Я не могу сказать, что монархия это единственная форма, которую я признаю, я считаю себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такого не существовало в природе. До революции 1917 г. я считал себя монархистом. Итак, я был на завтраке на «Штандарте», затем я второй раз видел Императора в Ревеле, когда Государь прибыл на смотр, на крейсер «Россия». Я тогда стоял во фронте, он пришел, обошел фронт, поздоровался с командой и уехал. Никаких других по своему положению я не мог иметь связей. Императрицу я видел единственный раз, когда я был на «Штандарте» – во время завтрака. Из Великих Князей до 1917 г. я встречался в Морской Академии с Кириллом Владимировичем, видел я также Великих Князей, когда были смотры.

Н. А. Алексеевский: С Распутиным Вы ни разу не видались?

Адм. Колчак: Нет ни разу не видал.

А. Н. Алексеевский: В числе вещей у Вас есть икона – золотой складень; там, как будто, есть надпись, что она Вам дана от Императрицы Александры Федоровны, от Распутина и какого то епископа.

Адм. Колчак: У меня есть благословение епископа Омского Сильвестра, которое я от него получил, это маленькая икона в голубом футляре. Эта икона принадлежит ему, он получил ее от каких то почитателей с надписью и, так как у него другой не было, то он мне эту и подарил.

А. Н. Алексеевский: Мы бы хотели, чтоб Вы нам сказали, не касаясь всех событий, какие произошли после февральского переворота, изменились Ваши политические взгляды за это время и какими они представляются в настоящее время?

Председатель: Какова была Ваша общая политическая позиция во время революции?

А. Н. Алексеевский: Если угодно, мы зафиксируем в протоколе, что с высшими представителями прошлого режима личных отношений Вы не имели.

Председатель Чудновский: Мы бы хотели знать в самых общих чертах Ваши политические взгляды во время революции, о подробностях Вашего участия Вы нам расскажете на следующих допросах.

Адм. Колчак: Когда совершился переворот, я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной Думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Для меня было ясно, как и раньше, что то правительство, которое существовало предшествующие месяцы, Протопопов и т. д., не в состоянии справиться с задачей ведения войны, и я вначале приветствовал самый факт выступления Государственной Думы, как высшей правительственной власти. Лично у меня с Думой были связи, я знал много членов Гос. Думы, знал, как честных политических деятелей, совершенно доверял им и приветствовал их выступление, так как я лично относился к существующей перед революцией власти отрицательно, считая, что из всего состава министров единственный человек, который работал, это был Морской Министр Григорович. Я приветствовал перемену правительства, считая, что власть будет принадлежать людям, в политической честности которых я не сомневался, которых знал и поэтому мог отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения Государя, ясно было, что уже монархия наша пала и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему Временному Правительству. Присягу эту я принял по совести, считая это правительство, как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать и первый эту присягу принял. Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, что я в конце концов [служу] не той или иной форме правительства, я служу родине своей, которую ставлю выше всего и считаю необходимым признать то правительство, которое об'явило себя тогда во главе Российской власти. Когда совершился переворот, я считал себя свободным от обязательств по отношению к прежней власти. Мое отношение к перевороту и к революции определилось следующим. Я видел, для меня было совершенно ясно уже ко времени этого переворота, что положение на фронте у нас становится все более угрожающим и тяжелым и что война находится в положении весьма неопределенном в смысле исхода ее. Поэтому я приветствую революцию, как возможность рассчитывать на то, что революция внесет энтузиазм, как это и было у меня в Черноморском флоте вначале — в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего, и образа правления, и политических соображений.

Председатель: Как Вы относились к самому существу вопроса свержения монархии и какова была Ваша точка зрения на этот вопрос?

Адм. Колчак: Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая то другая форма правления, которая может закончить эту войну.

А. Н. Алексеевский: Не смотрели ли Вы слишком профессионально на этот вопрос?

Адм. Колчак: Я не могу сказать, чтобы я винил монархию и самый строй,

создавший такой порядок; я откровенно не могу сказать, чтобы причиной была монархия, ибо я думаю, что и монархия могла вести войну. При том же положении дела, какое существовало, я видел, что какая нибудь перемена должна быть, и переворот этот я, главным образом, приветствовал, как средство довести войну до счастливого конца.

Н. А. Алексеевский: Но перед Вами должен был встать вопрос о дальнейшем: какая форма государственной власти должна существовать после того, как это будет доведено до конца.

Адм. Колчак: Да, я считал, что этот вопрос должен быть решен каким то представительным учредительным органом, который должен установить форму правления и что этому органу каждый из нас должен будет подчиниться и принять ту форму государственного правления, которую этот орган установит.

Председатель: На какой орган по Вашему мнению могла бы быть возложена эта задача?

Адм. Колчак: Я считаю, что это должна быть воля Учредительного Собрания или Земского Собора. Мне казалось, что это неизбежно должно быть, так как правительство должно было носить временный характер, как оно заявило.

Председатель: Какой образ правления представлялся Вам лично для Вас наиболее желательным?

Адм. Колчак: Я затрудняюсь сказать, потому что я тогда об этом не мог еще думать. Я первый признал Временное Правительство, считал, что как временная форма, оно является при данных условиях желательным, его надо поддерживать всеми силами, что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в Учредительном органе форму правления, и какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я считал, что монархия, вероятно, будет совершенно уничтожена, для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают, я считал, что с этим вопросом уже покончено, и думал, что вероятно, будет установлен какой нибудь республиканский образ правления, и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны.

А. Н. Алексеевский: Не возникала ли у Вас лично и вообще в офицерской среде мысль, что отречение Николая II произошло не совсем в тех формах, которые бы позволили военным людям считать себя совершенно свободными от обязательств по отношению к монархии. Я предлагаю этот вопрос потому, что Император Вильгельм, когда отрекался, специальным актом освободил военных от верности присяге, данной ему, не возникала ли у Вас о том мысль, что такого рода акт должен был сделать и Император Николай.

Адм. Колчак: Нет, об этом никогда не поднимался вопрос. Я считаю, — что раз Император отрекся, то этим самым он освобождает от всех обязательств, которые существовали по отношению к нему, и когда последовало отречение Михаила Александровича, то тогда было ясно, что с монархией дело было покончено. Я считал необходимым поддерживать временное правительство совершенно независимо от того, какое оно было, так как было время войны, нужно было, чтобы власть существовала, и, как военный, я считал нужным поддерживать ее всеми силами.

24 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

Адм. Колчак: Прошлый раз, когда я говорил о Черном море, я упустил одно событие, которое, может быть, представляет некоторый интерес. Затем, когда Вы

спросили, с кем из Великих Князей я виделся, я упустил из виду одну подробность. Одно из этих событий был взрыв происшедший 7 ноября на дредноуте «Марии». Что же касается свидания с Великими Князьями, то я упустил из виду, что я виделся с Николаем Николаевичем, который был тогда Главнокомандующим, в Барановичах, куда я ездил из Балтийского моря. Затем я виделся с ним перед Революцией в Батуме.

Алексеевский: Что касается взрыва, то было бы важно, чтобы Вы сказали, чему Вы, после расследования, приписывали взрыв и последовавшую гибель броненосца.

Адм. Колчак: Насколько следствие могло выяснить, насколько это было ясно из всей обстановки, я считал, что злого умысла здесь не было. Подобных взрывов произошел целый ряд и за границей во время войны — в Италии, Германии, Англии. Я приписывал это тем совершенно предусмотренным процессам в массах пороха, которые заготовлялись за время войны. В мирное время эти пороха изготовлялись не в таких количествах, поэтому была более тщательная выделка их на заводах; во время войны, во время усиленной работы на заводах, когда вырабатывались громадные количества этих порохов, не было достаточного технического контроля, и в этих порохах являлись процессы саморазложения, которые могли вызвать взрыв. Другой причиной могла явиться какая нибудь неосторожность, которой, впрочем, не предполагаю. Во всяком случае никаких данных, что это был злой умысел, не было.

Алексеевский: Как относились Вы к Николаю Николаевичу, как Главнокомандующему, и считали ли замену его, как Главнокомандующего, бывшим Императором полезным для войны событием, или вредным?

Адм. Колчак: У Николая Николаевича я был в первый раз в 1915 г., на второй год войны, когда я был послан Адм. Эссеном для доклада ему о положении дел в Балтийском море и о возможности совместных действий с армией на берегах этого моря. Ставка была тогда в Барановичах и я ездил туда. В Барановичах я пробыл 2–3 суток. С Николаем Николаевичем я говорил очень мало и работал, главным образом, по этим вопросам в его штабе. Второй раз я виделся с ним в Батуме. Как раз, первое известие о Революции в Петрограде я получил в Батуме. Николай Николаевич в это время был командующим Кавказской армией, и я был вызван туда для решения вопроса устройства портов побережья, устройства Трапезундского порта, где была главная база снабжения Кавказской армии, и вопросов о перевозках по Черному морю. Я тогда, как и раньше, считал Николая Николаевича самым талантливым из всех лиц Императорской фамилии. Поэтому я считал, что раз уж назначение состоялось из императорской фамилии, то он является единственным лицом, которое, действительно, могло нести обязанности главнокомандующего армией, как человек, все время занимавшийся и близко знакомый с практическим делом и много работавший в этой области. Таким образом, в этом отношении Николай Николаевич являлся единственным в императорской фамилии лицом, авторитет которого признавали и в армии, и везде. Что касается до его смены, то я всегда очень высоко ценил личность генер. Алексеева и считал его, хотя до войны мало встречался с ним, самым выдающимся из наших генералов, самым образованным, самым умным, наиболее подготовленным к широким военным задачам. Поэтому я крайне приветствовал смену Николая Николаевича и вступление государя на путь верховного командования, зная, что начальником штаба будет ген. Алексеев, это для меня являлось гарантией успеха в ведении войны, ибо фактически начальник штаба

верховного командования является главным руководителем всех операций. Поэтому я смотрел на назначение государя, который очень мало занимался военным делом, чтобы руководить им, только как на известное знамя, в том смысле, что верховный глава становится вождем армии. Конечно, он находится в центре управления, но фактически всем управлял Алексеев. Я считал Алексеева в этом случае выше стоящим и более полезным, чем Николай Николаевич. Насколько я помню, Алексеев последнее время был начальником штаба у Николая Николаевича.

Возвращаясь к рассказу о перевороте, должен сказать, что первые сведения о перевороте, происходящем в Петрограде, я получил, находясь в Батуме с двумя минными судами, куда пришел по вызову главнокомандующего Кавказским фронтом Николая Николаевича для решения вопросов о снабжении Кавказской армии морем и, в частности, вопроса об устройстве Трапезундского порта, который мы должны были принять на себя, устройство молов и т. д. С этой целью я прибыл в конце февраля в Батум, пройдя под Анотолийским побережьем и пройдя Трапезунд. Главнокомандующий Кавказской армией прибыл в Батум к этому времени со своим поездом. В течение первого же дня он познакомил меня со своими требованиями и пожеланиями. Мы затем обсуждали вопрос, в какой мере и в какой срок мы в состоянии выполнить их. Вечером на второй день, насколько помню, я получил шифрованную телеграмму из Севастополя от морского министра Григоровича, что в Петрограде происходит восстание войск, что существующая власть дезорганизована и что Комитет Гос. Думы взял на себя функции правительства. Вот содержание этой телеграммы. Насколько помню, последние слова этой телеграммы были успокоительного характера — в настоящее время волнение утихает. Это была первая телеграмма, которую я получил о событиях в Петрограде. Тогда я обратился к начальнику штаба Николая Николаевича ген. Янушкевичу и спросил его, имеет ли он какие нибудь сведения о событиях. Он сказал, что пока у него нет никаких сведений. Тогда я сказал ему: прошу доложить Великому Князю, что я должен идти в Севастополь, что я прошу меня больше не задерживать, так как хотел сейчас же выйти из Севастополя. Янушкевич доложил Великому Князю, который вызвал меня, и спросил телеграмму. Я показал ему телеграмму, он прочел телеграмму, пожал плечами и сказал, что ему ничего неизвестно, но что мне известны его основные пожелания и поэтому он меня не задерживает. Вечером в тот же день я вышел из Батума в Севастополь. По дороге я принял открытое немецкое радио из Константинополя, где была мощная радио-станция, которое рисовало потрясающую картину событий в Петрограде, что в Петрограде происходит Революция, идут страшные бои и кровопролитие. Словом, все эти сведения были сгущены и утрированы, как оказалось впоследствии. Суть, конечно, была справедлива. Но форма и тон, которым излагалось все это, не соответствовали действительности. Радио было немецкое на испорченном русском языке с болгарскими оборотами, очевидно, его передавал какой нибудь болгарин специально по русски с тем, чтобы его приняли все станции. Когда я пришел в Севастополь, то первым вопросом, который я задал начальнику штаба, был вопрос — имеются ли у него какие нибудь сведения о происходящих событиях. Он ответил мне, что никаких сведений у него нет и что он знает только, что в Петрограде происходит какое то восстание войск, что больше ничего он не знает и никаких данных относительно этого не имеет. Вечером я получил телеграмму от Родзянко, в которой он извещал, что правительство пало, что власть перешла к Комитету Государственной Думы и что он просит меня

соблюдать полное спокойствие, что все идет к благу родины, что прежнее правительство, оказавшееся несостоятельным, будет заменено новым и что он просит меня принять меры, чтобы не было никаких осложнений и эксцессов. Вот приблизительное содержание. Вслед за этим был получен целый ряд радио из Константинополя, которые сообщали, что на фронте и в армии происходят бунты, что немцы победоносно подвигаются вперед и что в Балтийском флоте происходит полное восстание и избиение офицеров. Я лично сразу же отнесся к этому Константинопольскому радио, как к совершенно определенной провокации, но препятствовать передаче было совершенно невозможно, так как все радио принимаются на судах дежурными телеграфистами. Тогда я издал приказ, в котором упомянул, что такие радио даются нашим врагом, очевидно, не для того, чтобы сделать для нас что нибудь полезное, и поэтому я обращаюсь ко всем командам с требованием верить только мне, моим сообщениям и что со своей стороны обещаю оповещать их о том, что будет мне известно, и прошу их не придавать никакого значения слухам, и что, если команды будут обращаться в случае каких либо сомнений ко мне, то я буду давать соответствующие раз'яснения. Этот мой приказ сыграл большую роль: команды не верили циркулирующим в то время слухам, оказав мне полное в этом смысле доверие, я со своей стороны сделал так, как обещал: все, что я ни получал, все дальнейшие подробности о происходящих событиях, я немедленно выпускал из штаба и широко распространял для сведения команд в городе. Таким образом, все вздорные сообщения, которые шли и тем и другим путем – и через неприятельское радио и изнутри никакого впечатления не производили, так как считались только с теми данными, которые я сообщал командам. Затем, совершенно неожиданно я получил телеграмму от Алексеева, в которой он сообщал текст телеграммы за подписью главнокомандующего и командующих армиями. Под этой телеграммой подписался Николай Николаевич, ген. Рузский, Эверт, сам Алексеев и, кажется, ген. Щербачев, бывший на юго-западном фронте. В этой телеграмме они предлагали государю отречься от престола. Я сейчас же оповестил всех об этой телеграмме. Вслед за этим получилось извещение, что произошло отречение от верховной власти в лице государя и наследника. Предполагали, что верховную власть возьмет Михаил Александрович. Вскоре и это недоразумение раз'яснилось, когда пришла телеграмма, сообщая об отказе Михаила Александровича. Вслед за этим была получена телеграмма от князя Львова об образовании первого министерства. Получивши эту телеграмму, я сейчас же разослал ее по всем судам, и так как я не мог об'ехать все суда, то собрал команды на моем флагманском судне «Георгий Победоносец»; когда они собрались, я прочел манифест и сказал, что в настоящее время прежней власти не существует, династия, видимо, кончила свое существование и наступает новая эпоха. При этом я обратился к ним и сказал, что каковы бы ни были у нас взгляды, каковы бы ни были наши убеждения, но мы ведем войну и потому мы имеем обязательства не только перед правительством или той властью, которая существует, но мы имеем большие обязательства и перед нашей родиной. Какое бы правительство ни существовало у нас, оно будет продолжать войну и мы будем выполнять свой долг так же, как и до того времени. Затем я указал, что в такое время, как то, в котором мы находимся, правительству будет чрезвычайно трудно и потому я считаю необходимым оказать ему всемерную поддержку, первый стою за это правительство и считаю необходимым в ближайшие дни присягнуть ему на службу. Вот та речь, с которой я обратился к командам. Она произвела, повидимому, чрезвычайно благоприятное

и спокойное впечатление. Среди команд в это время в силу предоставленных правительством прав, возникли комитеты, стали устраиваться митинги. Я бывал несколько раз на этих собраниях и раз'яснял командам то, что происходит, делился с ними своими соображениями относительно того, что будет дальше, но везде неизменно указывал на одно: «покуда война не закончена, я требую, чтобы Вы выполняли свою боевую работу так же, как выполняли раньше, чтобы в этом отношении всеми, начиная с командного состава, и кончая самым младшим матросом, мне была бы оказана помощь, чтобы у меня была уверенность, что каждое мое приказание относящееся до боевых действий флота, будет немедленно выполнено». Мне это обещали, я в этом отношении не могу сделать никаких упреков никому из команды.

Алексеевский: Я хотел бы [поставить] вопрос о Вашем отношении к приказу № 1.

Адм. Колчак: Приказ № 1 был сообщен Царско-Сельской радио-станцией за подписью Совета Рабочих и Солдатских Депутатов; когда на одном из митингов, на котором собралось огромное число свободных от службы команд, меня спросили, как относиться к этому приказу, я сказал, что для меня этот приказ, отданный Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, не является ни законом, ни актом, который следовало бы выполнять, пока он не будет санкционирован правительством, так как в силу настоящего положения Советы Рабочих и Солдатских Депутатов могут собираться в любом месте, в любом городе, и почему в таком случае приказ Петроградского Совета является обязательным, а не обязателен приказ Совета в Одессе или в другом месте. Во всяком случае, я считаю, что этот приказ не имеет для меня никакой силы, и я буду выполнять только те приказы, которые буду получать или от правительства, или от ставки. Команды к этому отнеслись совершенно спокойно и никаких вопросов мне не задавали. Когда пришло от Гучкова известное распоряжение, то оно было проведено в жизнь без возражений с моей стороны.

Алексеевский: Был ли образован Обще-флотский Комитет Совета матросских Депутатов для всего Черноморского флота?

Адм. Колчак: Комитеты были образованы в Севастополе и Одессе и др. портах, согласно предложению правительства. Первое время отношения между мною и Комитетами были таковы, что все постановления Комитета были легализированы. Моим приказом было назначено время выборов лиц в эти Комитеты, в состав которых входили офицеры и команда. Первое время отношения были самые нормальные. Я считал, что в переживаемый момент необходимы такие учреждения, через которые я мог бы сноситься с командами. Больше того, я скажу даже, что в начале эти учреждения вносили известное спокойствие и порядок. Дело было поставлено таким образом, чтобы все постановления Комитета мне докладывались: ко мне являлись периодически несколько раз в неделю либо председатель Комитета, либо его заместитель, приносили постановления Комитета и спрашивали меня, с каким я согласен или какие я считаю неприемлемыми, в силу известных обстоятельств. Некоторое время такой порядок и существовал. С некоторыми постановлениями я соглашался, некоторые предлагал снова пересмотреть, а некоторые считал невозможными для осуществления. Таким образом в этом отношении работа не вызывала никаких трений. Так продолжалось первый месяц. Затем произошло явление такого рода. Рабочие порта также образовали у себя Совет Рабочих Депутатов, но этот Совет не сливался с флотским Комитетом и существовал независимо, слияние произошло

позже, примерно в мае месяце. Нужно сказать, что рабочие Севастопольского порта прямо заявили мне, что они будут поддерживать меня во всех военных работах, что выполнят свои работы так же, как раньше, и даже в начале заявили мне, что они не признают 8-ми часового дня и будут работать, сколько потребуется для военных надобностей флота. Такое заявление установило самое лучшее отношение с рабочими Севастопольского порта, но во всех тех постановлениях, которые касались известных экономических вопросов, которые я мог своею властью разрешить, я всегда шел им навстречу. Обычно ко мне являлся Васильев -- Председатель Совета Раб. Деп. Севастопольского порта, и мы с ним очень долго обсуждали эти вопросы; некоторые я удовлетворял, другие направлял в дальнейшую инстанцию—ставку и сообщал правительству. Я был чрезвычайно обеспокоен тем обстоятельством, что, в связи со всеми этими радио, неприятель, предполагая, что у нас во флоте наступил полный развал, может выйти в море неожиданно. Поэтому в ближайшие дни раз'яснив командам, почему я это делаю, и указав на то, что я очень боюсь, что на нас совершенно неожиданно будет произведено нападение, я сделал демонстрацию и вышел с флотом в море. Я показался по обе стороны Босфора в виду берегов, чтобы противник знал, что революция революцией, а если он попробует явиться в Черное море, то встретит там наш флот; это имело повидимому положительные результаты, потому что в связи с этим неприятель никаких активных действий не проявлял: все оставалось так, как раньше. Так продолжалось приблизительно с неделю. Я не скрою, что в этом отношении много способствовал известному порядку и лойяльности, которую проявляли эти учреждения, в отношении меня и командования, начальник штаба ударной дивизии дессанта, который готовился у меня, Верховский, который впоследствии был вызван Керенским в Москву и был затем военным министром. Он был товарищем или заместителем председателя в этом Совете и внес много успокоения, много порядка во всю эту работу. Так продолжалось недели 2–3, затем начали проявляться тенденции несколько худшего порядка: начались прежде всего просьбы об увольнении в отпуск. В отпуск стали проситься целыми массами, так что я не знал, что делать с этим стихийным движением, приходилось чуть ли не выводить некоторые суда из строя. Затем начались различные несогласия с офицерами. Первое заявление мне было сделано по поводу некоторых офицеров с немецкими фамилиями, что немцев надо из'ять всех полностью. На это я ответил, что у нас в России существует масса людей с немецкими фамилиями, которые так же, и, может быть, даже [больше] работали для блага родины, чем люди, носящие русские фамилии, что у нас в России фамилия решительно ничего не значит и удалить офицера только потому, что он носит немецкую фамилию, нет решительно никаких резонов. Я сказал им, если они имеют какие нибудь конкретные факты, определенные поступки, то пусть доложат мне, и мы разберемся, но выгонять людей только за то, что они носят немецкую фамилию, нет решительно никаких оснований. Я указал им на того же адмирала Эссена, Ливена и др. С этим вопросом было быстро покончено и он больше не поднимался. Но вслед за этим начались всевозможные беспорядки с офицерами: требования об удалении их, перемещении и т. д., может быть, некоторые резонные причины здесь и скрывались в известных столкновениях между офицерами и матросами, но большая часть была лишена решительно всякого основания. Я делал в этом отношении, что возможно, что возможно старался улаживать. Боевая готовность флота в это время совершенно не прерывалась: все шло, как шло раньше. Я был настолько убежден в этом, что, разрешая какой нибудь

митинг, знал, что стоит только поднять сигнал, как все, кто нужен на судах, бросят этот митинг и явятся на корабли и пойдут куда угодно. Поэтому у меня была полная уверенность, и с этой стороны я считал себя совершенно спокойным. Так шло все первые несколько недель, пока к нам никто извне не являлся и пока мы оставались сами собой. Затем начался приезд всевозможных депутаций из Балтийского флота. Вместе с этим, к нам хлынула масса самых подозрительных и неопределенных типов, началось проведение совершенно определенной программы, направленной к развалу флота, начали обвинять офицеров в империализме, в обслуживании интересов буржуазии. Был, кажется, праздник подводного плавания, подводниками в числе других знамен было выставлено требование – Босфора и Дарданелл. Вокруг этого была страшная полемика: говорили, что Босфор и Дарданеллы нужны только буржуазии; вообще выставлялись те мотивы, которые выставлялись обычно при борьбе с первым правительством. Тогда уж начали появляться первые признаки развала, который быстро пошел среди команд. Меньше это сказывалось на рабочих; нужно сказать, что рабочие Черноморского флота стояли, если можно так выразиться, выше команд в смысле дисциплины, порядка и организованности. Я прямо докладывал правительству и приписывал улаживание конфликтов спокойствию именно внесенному со стороны рабочих и их органов. Когда под влиянием пропаганды Совет матросских Депутатов поднимал вопрос, что надо требовать ликвидации войны и т. д., рабочие приходили, успокаивали их и вносили известное успокоение своим трезвым спокойным отношением ко всем событиям. В половине апреля, мне стало ясно, что, если дело пойдет таким образом, то несомненно дело кончится тем же, как и в Балтийском флоте, т. е. полным развалом и невозможностью дальше продолжать войну. В половине апреля в Одессу приезжал Гучков, который вызвал меня. В апреле месяце, приблизительно 12–15 числа, я прибыл в Одессу, где Гучкова с большим под'емом демонстративно принимали, как нового военного министра. Гучков был болен, встретившись со мной, он обратился ко мне с вопросом, как у меня дела. Надо сказать, что в Одессе я был на судах, которые там стояли, и у них тоже был сравнительный порядок; на вопрос Гучкова, я сказал, что меня чрезвычайно заботит то направление, тот путь, по которому пошел Черноморский флот под влиянием измен, под влиянием пропаганды и появления неизвестных лиц, бороться с которыми я не могу, так как теперь, под видом свободы, может говорить кто угодно и что угодно. Гучков на это ответил: я надеюсь, что Вам удастся с этим справиться, у Вас до сих пор все шло настолько хорошо, что правительство выражает твердую уверенность, что Вам удастся справиться с этим направлением. Я ответил на это, что до сих пор для того, чтобы справиться с этим, у меня оставалось только одно средство – мое личное влияние, уважение ко мне, мои личные отношения к командам и рабочим, которые, я знаю, доверяют мне и верят. Но это средство является таким средством, которое сегодня есть, а завтра рухнет, и тогда у меня уже не будет никаких средств, так как постановлением правительства я, в сущности, лишен возможности влиять и бороться с этим, если бы и считал необходимым вступить в борьбу. Вот на чем держится пока Черноморский флот, но я считаю почву настолько шаткой, что завтра я, может быть, точки опоры и не буду иметь и тогда я уже не в состоянии буду что либо сделать. До этого времени мне доносили подробно о всех происходящих митингах, о ходе пропаганды, которая шла во флоте, так же как и в армии, но при этом я должен отметить, что за весь это период времени это меня не касалось и личности моей никто не задевал и не затрагивал. Так как Гучков в это время

был болен, то переговорить обо всем он со мной не мог и сказал мне, что в ближайшие дни вызовет меня в Петроград. Около 20-х чисел апреля я был в Петрограде, по вызову князя Львова, для доклада о положении вещей. Кроме того меня вызвал и генерал Алексеев, который приезжал в Петроград для обсуждения общего положения, для чего вызывались все командующие армиями. Перед уходом из Севастополя, я собрал все команды, сообщил им о своем от'езде и спросил их, имеются ли у них какие либо настоятельные нужды и требования, чтобы я мог передать их правительству; заявлений никаких не было сделано, и я уехал.

Алексеевский: Я бы хотел поставить вопрос, ведь за это время во флоте произошли большие события, в том числе большое возмущение матросов в Кронштадте, в результате которого погибло несколько сот офицеров, в том числе и адмирал Непенин. Какое впечатление произвели эти события на флот?

Адм. Колчак: Эти события были в начале марта. Непенин был убит в первые дни революции. В Черноморском флоте эти события не произвели особого впечатления, может быть потому, что сведения об этих событиях [пришли] с большим запозданием. Сначала об этом был только ряд слухов, оффициально же нам об этом никто не сообщал. Я узнал об этом только через неделю. До этого передавалось как слух, что в Балтийском флоте беспорядки, что убит Непенин, убиты офицеры. Может быть, благодаря этому, известия об этом не произвели особого впечатления. Насколько было лойяльно в начале настроение флота, можно видеть из того, что у меня весь флот принял присягу. Для этого все офицеры и судовые команды, свободные от службы, были собраны в одно место. Я первый произнес торжественную присягу на верность новому правительству, которую повторил весь наличный состав. Таким образом около 20-х чисел апреля я приезжал в Петроград. Прежде всего я явился к Гучкову, военному и морскому министру, который все еще продолжал болеть и не выходил из своей квартиры на Мойке и даже принимал меня первый день, лежа в постели. В это время настроение в Балтийском флоте было таково, что [когда] при свидании с офицерами я спросил их о положении вещей, то они ответили мне, что они ожидают на днях повторения того, что было, т. е. нового избиения офицеров. Большую роль в этом играл адмирал Максимов, деятельность которого носила почти преступный характер; он чрезвычайно быстро перекрасился, усвоив какую то скверную демагогическую окраску, и на этом все время вел игру, по существу не имея ничего подобного раньше и будучи, наоборот, убежденным милитаристом в демагогическом направлении. В связи со всеми этими событиями, Максимов не был даже принят Гучковым и вместо него представителем Балтийского флота был начальник штаба капитан 1-го ранга Чернявский. Максимов должен был приехать, как командующий Балтийским флотом, с докладом к Гучкову, но в виду того, что в Гельсингфорсе сгустилась атмосфера, в чем виноват был Максимов, то Гучков заявил, что он не желает видеть Максимова, и тогда с докладом к нему явился начальник штаба Чернявский. Гучков сообщил мне о создавшемся положении, и сообщил, что в Балтийском флоте назревают новые беспорядки, что с Кронштадтом ничего нельзя сделать, причем сказал, что главную вину и ответственность за происходящее в Балтийском флоте — он возлагает на Максимова, что его неприличная работа, направленная в демагогическом духе, привела и приводит к таким последствиям, которые не дают уверенности, что Балтийский флот будет существовать к весне. С моей точки зрения, может быть, вина была не столько Максимова сколько причина крылась в положении нашего флота, стоявшего в Ревеле и Гельсингфорсе. Я

совершенно определенно считал, что главной причиной этих событий была немецкая работа. Гельсингфорс буквально кишел тогда немецкими шпионами и немецкими агентами, так как по самому положению Гельсингфорса, как финского города, контроль и наблюдение над иностранцами были страшно затруднены, ибо фактически отличать немцев от финов или шведов почти не было возможности. Что касается того, что разница в настроении Балтийского и Черноморского флота могла находиться в зависимости от состава офицеров, то я считаю, что это существенного значения не могло иметь, ибо состав офицеров флота выходит из одного источника. Никаких особо привилегированных групп во флоте не существовало, так как офицерство в Балтийском и Черноморском флоте распределялось, главным образом, по месту рождения, южане шли на юг, те же, которые были с севера, шли в Балтику. Поэтому эта сторона никакого влияния на настроение флота иметь не могла. Разницу в настроении я приписываю согласно тем данным, с которыми я познакомился, исключительно работе неприятеля, которому в Балтийском флоте было гораздо легче влиять на настроение команд, чем в изолированном Черноморском флоте, который во первых – почти все время плавал и находился в движении. Балтийский же флот на несколько месяцев находился в портах, когда устанавливалась тесная связь с берегом. Вот главная причина этого явления. Все остальные являются уже несущественными. Затем Гучков выслушал доклад Чернявского о положении дел в Балтике. Чернявский сообщил о выставленном командами требовании, чтобы суда управлялись Комитетами, о том, что командование должно быть на выборных началах и о целом ряде требований относительно офицеров. Было выставлено требование относительно проведения полного выборного начала во флоте, чтобы офицеры могли бы оставаться на судах после санкционирования их командования и целый ряд других требований, о которых Чернявский подробно доложил. Я в свою очередь обрисовал то, что делается у меня на Черном Море; тогда Гучков сказал мне: «я не вижу другого выхода, как назначить Вас командовать Балтийским флотом». Я ответил: «если прикажете, то я сейчас же поеду в Гельсингфорс и подниму свой флаг, но, повторяю, что я считаю, что у меня дело закончится тем же самым, что у меня в Черном море события происходят с некоторым запозданием, но я глубоко убежден, что та система, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы, которые теперь проводятся, неизбежно и неуклонно приведут к развалу нашей вооруженной силы и вызовут те же самые явления, как и в Балтийском флоте». Я указал, что у меня во флоте вовсе не так благополучно, как кажется. Надо сказать, что перед этим правительство прислало мне благодарность и выражение доверия за мою работу в Черноморском флоте. Я указал, что дело обстоит не так благополучно, как кажется со стороны, и просто лишь в силу изолированного положения флота, в силу ряда причин, которых не было в Балтийском флоте, события протекают с задержкой, но я глубоко уверен, что, в конце концов, кончится тем же. Поэтому я сказал Гучкову: «если прикажете, я сейчас же вступлю в командование Балтийским флотом, но вряд ли я смогу помочь и сделать что нибудь». Гучков сказал, что он подумает еще раз и спросил меня: «ведь Вы не откажетесь принять это назначение?» Я сказал, что привык исполнять приказания и что, если прикажут, «я сейчас поеду в Гельсингфорс». На этом кончилось мое первое свидание с Гучковым. Тогда же я получил предложение приехать к Родзянко к завтраку. В разговоре Родзянко высказал оптимистический взгляд относительно положения в Черном море. Я сказал ему, что у меня идет такой же внутренний развал, как и везде; пока – мне

удается сдерживать это движение, действуя на остатки благоразумия, но что в настоящее время уже есть признаки, что это благоразумие исчезает и я нахожусь накануне такого же взрыва, который был в Балтийском флоте, и что совершенно не верю в благополучие, которое чисто внешнего свойства. Родзянко задал вопрос: «что же делать по Вашему мнению?» Я сказал, что [флот] разлагается пропагандой совершенно неизвестных безответственных типов, совершенно неизвестно откуда появившихся, которые ведут совершенно открыто работу против войны и против правительства. Пока меня еще не тронули, и я пользуюсь известным влиянием, которое у меня еще осталось, но, вероятно, на днях это кончится. Я сказал, что ‹и считаю› [не знаю] к кому мне обратиться, кто мог бы помочь мне в этом деле. Родзянко спросил меня, обращался ли я к каким нибудь политическим партиям, чтобы они помогли мне в этом деле. Я сказал, что пока еще не обращался. Родзянко предложил мне проехать к Плеханову и поговорить с ним, может быть он даст совет, даст указания, как лучше поступить в этом деле. Я поехал к Плеханову, изложил ему создавшееся положение и сказал, что надо бороться с совершенно открытой и явной работой разложения, которая ведется, и что поэтому я обращаюсь к нему, как к главе или лицу известному с-д партии с просьбой помочь мне, приславши своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться я не вижу в силу создавшегося положения, когда под видом свободы слова проводится все, что угодно. Насильственными же мерами прекратить, в силу постановления правительства, я этого не могу, и, следовательно, — только этот путь бороться с пропагандой. Плеханов сказал мне: «конечно, в Вашем положении, я считаю этот способ единственным, но этот метод является в данном случае ненадежным». Во всяком случае, Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, при чем указал, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его. «Вы знаете», спросил меня он, «что сегодня должно быть выступление войск, что сегодня около трех часов должны выступить войска с требованием смены части правительства». Это было 21—22 апреля, как раз в этот день, около 4-х часов, было назначено заседание правительства на квартире Гучкова на Мойке. Плеханов заметил, что это выступление будет пробой правительства: раз правительство не будет в состоянии справиться с выступившими против него, то какое же это правительство. По всей вероятности, оно должно будет пасть. «Я лично думаю», сказал Плеханов, «что не так [, как] мы хотели или предполагали, события принимают стихийный характер и в этом случае отдельные лица или отдельные группы могут только до известной степени задерживать или способствовать течению, но я сомневаюсь, чтобы мы могли в ближайшие дни что-нибудь сделать». Вот суть его отношения. Тогда все это выступление базировалось, главным образом, на почве империалистической политики правительства — стремлении получить Босфор и Дарданеллы, что вызвало требование смены Гучкова и Милюкова, как носителей этой тенденции. Плеханов, в разговоре со мной, сказал такую фразу: «отказаться от Дарданелл и Босфора, все равно, что жить с горлом, зажатым чужими руками. Я считаю, что без этого Россия никогда не в состоянии будет жить так, как она хотела бы». От Плеханова я отправился прямо на совещание совета министров, которое происходило на Мойке, в квартире Гучкова. Когда я проезжал по Невскому и Морской, то мне начали попадаться отдельные воинские части: там был Финляндский полк и, насколько помню, Измаиловский. Вся эта демонстрация стекалась на Мариинскую площадь, перед Мариинским дворцом, где обычно заседало правительство. В данном же случае,

демонстранты сделали ошибку, не зная, что из за болезни Гучкова правительство заседает не в Мариинском дворце, а на Мойке. Поэтому демонстрация происходила перед пустым, фактически, Мариинским дворцом. Здесь в присутствии всего правительства, заседавшего под председательством кн. Львова я подробно доложил все, о чем уже упоминал раньше, о положении на Черном море и о том, к чему это, по моему мнению, должно привести. В это время было получено известие об этой демонстрации и о требованиях убрать Гучкова и Милюкова из состава правительства. Как резюме этих разговоров, было сказано, как будто Милюковым: «Мы можем обсуждать здесь и говорить о чем угодно, а, может быть, через несколько времени, мы все инкорпоре будем сидеть в Крестах или в крепости». С разумностью такого взгляда нельзя было не согласиться. Как раз перед концом заседания, прибыл ген. Корнилов, кажется, из Царского Села (я его в первый раз тогда видел). Корнилов сказал, что в городе происходит вооруженная демонстрация войск против правительства, что он располагает достаточными силами, чтобы прекратить это выступление, и, в случае надобности, если бы произошло вооруженное столкновение, у него есть уверенность в возможности подавления этого движения. Поэтому он просил, чтобы правительство санкционировало это и дало возможность немедленно начать действовать. Это послужило поводом к обмену мнениями и дебатам, причем особенно против восставали Львов и Керенский, который заявил, что [«]наша сила заключается в моральном воздействии, в моральном влиянии и применить вооруженную силу значило бы вступить на прежний путь насильственной политики, что я считаю невозможным[»]. На этом заседание закончилось. Но Керенский долго еще беседовал с Корниловым. Затем Керенский обратился ко мне и спросил: «как у Вас в Черном море?» Я сказал, что дело идет все хуже и хуже, сообщил ему, что я был у Плеханова, просил его помощи, и что с своей стороны, я прошу его, так как он имеет связь с политическими партиями, с партией с-р и другими – прислать ко мне опытных руководителей митингов, опытных агитаторов, которые могли бы разбивать тех людей, которые у меня ведут разлагающую флот пропаганду. Керенский обещал мне, что пришлет. На этом совещание закончилось. Вечером я уехал в Псков, где в это время происходил совет командующих армиями, где были Алексеев, Рузский и целый ряд представителей армии – командующих армиями или начальников штаба всего фронта. Картина, выяснившаяся при этом, превзошла все мои худшие ожидания; я совершенно не ожидал, что в армии происходили события, о которых открыто докладывали представители командного состава – братание с немцами, продажа оружия, начавшийся стихийный уход с фронта. Словом, в армии происходил полный развал. Никаких мер, чтобы остановить этот развал и выйти из затруднительного положения, в сущности, никто не мог предложить. Что касается того, что, может быть, возникла мысль, что прекращение войны и есть этот исход, то должен сказать, что общее мнение было таково, что войну продолжать во что бы то ни стало нужно. Отдельных мнений в пользу прекращения войны я не помню, и, наоборот, общее мнение было, что войну прекратить мы не имеем право (возможности). Таким образом, совещание только констатировало факт развала в армии, не выработав никаких мер к борьбе с этим явлением.

Алексеевский: Ведь ген. Рузский после этого ушел в отставку. Не был ли его уход продиктован тем обстоятельством, что он склонялся к мысли, что войну мы не можем вести дальше и остается только заключить мир? Впоследствии эта мысль была определенно формулирована Духониным.

Адм. Колчак: В такой форме это не высказывалось; говорилось только, что при таких условиях вести войну нельзя, но все же продолжать необходимо. У всех был расчет на то, что революция вызовет под'ем в войсках, вызовет чувство патриотизма, желание победы, желание закрепить совершившийся переворот победой на театре военных действий. Я помню, что это было общее мнение людей, знакомых с историей. Взять хотя бы французскую Революцию, которая все победила коалицией. Между тем потом выяснилось, что все старались [использовать] революцию для своих личных целей. Во время же совещания в Пскове, общая точка зрения была такая, что продолжать войну необходимо, что мы связаны такими обязательствами с союзниками, что выход наш из войны вызовет такие последствия, что при этих условиях заключение мира с Германией будет означать полную победу Германии, которая немедленно разобьет союзников и затем продиктует нам свою волю в такой форме, которая вряд ли явится приемлемой.

Алексеевский: Было ли Вам известно тогда или после, что существует такое соглашение, заключенное 9-го сентября 1914 г. между Россией, Францией и Англией, относительно того, что при известных условиях, каждое из этих государств, не смотря на то, что в открытом тексте сказано, что никто не может [заключить] отдельного мира, – может заключить отдельный мир? В отношении России этим условием была революция.

Адм. Колчак: Я в первый раз слышу об этом.

Алексеевский: Слышали ли Вы, что товарищ министра иностранных дел Нератов перед большевистским переворотом увез с собой некоторые документы министерства иностранных дел? Он оставался в министерстве при первом и втором правительстве и был главной работающей силой в министерстве иностранных дел, потому что ни Милюков, ни, в особенности, Терещенко, не были достаточно подготовлены для руководства ведомством иностранных дел. Документ, о котором я говорю, Комиссия в руках [не] имела, но я слышал от лица, заслуживающего доверия, состоявшего [в близких сношениях] с министерством иностранных дел, что такой документ существует. В отношении Франции таким обстоятельством, разрешавшим заключение отдельного мира, являлось взятие Парижа, в отношении Англии высадка германского дессанта на островах и у нас — революция.

Адм. Колчак: Я с Нератовым не встречался, и о существовании такого соглашения не слыхал. После совещания в Пскове, было еще одно совещание у Гучкова, где рассматривался документ, известный под именем «Декларации прав солдата». Я вернулся в Петроград вместе с Алексеевым по предложению Гучкова – собраться у него на квартире для обсуждения вопроса о документе, известного под именем «Декларации прав солдата», под председательством Гучкова. Эта декларация вырабатывалась особой [ко]миссией при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов из представителей армии и флота. Доклад по этому поводу делал помощник военного министра, кажется, ген. Маниковский. При начале чтения декларации, [я] сказал: «Я должен доложить, что с выработанным в настоящее время такого рода документом, который предполагается провести в жизнь, я не согласен по существу, но я хотел бы чтобы каждый из присутствующих высказал свои замечания и, может быть, нам удастся внести некоторые поправки и исправления». Тогда Алексеев, который сидел по правую руку Гучкова, когда началось чтение, встал и сказал: «Я, как Главнокомандующий, не могу обсуждать вопроса о том, как окончательно развалить ту армию, которой

я командую. Поэтому обсуждать вопрос я не буду и от дальнейшего участия отказываюсь». После этого, все присутствующие заявили, что присоединяются к мнению командующего и считают бесполезным обсуждать этот документ: раз решено его ввести, пусть вводят, но рассматривать его они не будут. На этом чтение документа и закончилось. Ген. Маниковский говорил: «Я решил сдать доклад только в надежде, что удастся ввести некоторые поправки, удастся смягчить то, что здесь сказано, но раз все считают излишним обсуждать, то больше ничего не могу сделать». Тогда все встали, распрощались и ушли. Я остался еще несколько минут с Гучковым и спросил его, как он решил, должен ли я перейти в Балтику или вернуться в Черное море. Гучков подумал и сказал: «в сущности, это все равно, в таком случае, возвращайтесь в Черное море». На этом кончилось мое пребывание в Петрограде, и я уехал в Черное море.

Алексеевский: В эту поездку в Петроград Вы видели всех представителей временного правительства? Комиссия хотела бы знать Ваше отношение к этому правительству с точки зрения интересов военных и морских, в частности, к наиболее видным его представителям — Львову, Гучкову, Керенскому. Какие недостатки и достоинства видели Вы в этом правительстве?

Адм. Колчак: За время пребывания в Петрограде я убедился, что это правительство состоит из людей искренних и честных, желающих принести возможную пользу родине. Никого из них я не мог заподозрить, чтобы они преследовали личные или корыстные цели. Они искренно хотели спасти положение, но опирались при этом на очень шаткую почву, а именно, на какое то нравственное воздействие на массы, на народ, на войска. Для меня было так же совершенно ясно, что это правительство совершенно бессильно, что единственный орган, который выдвигается и совершенно определился, — Совет Солдатских и Рабочих Депутатов ведет совершенно открыто разрушительную работу в армии и, вообще, в отношении вооруженной силы, открыто выставляет лозунги прекращения войны с Германией и т. д. Правительство бороться с ним совершенно бессильно, хотя бы даже оно располагало силами, так как оно принципиально применять эту силу не хочет, а расчитывает на возможность чисто морального воздействия, и держится методов управления, основанных на чисто моральном воздействии. Такое впечатление на меня произвело правительство. Повидимому, такой точки зрения держалось все правительство, так как разногласий у них не было. Гучков, может быть, и понимал положение, но на меня он произвел впечатление человека, так далеко зашедшего по пути компромиссов, что для него не оставалось другого пути. Он сам говорил, что он больше работать не может и, повидимому, ясно видел, что должен уйти.

Алексеевский: Гучков держался того же мнения, как и выдающиеся генералы, что больше работать нельзя?

Адм. Колчак: Да, к этому времени все пришли к тому убеждению.

Алексеевский: Но это не есть исход — уйти ответственным людям и оставить на второстепенных персонажей ведение дела.

Адм. Колчак: Никто из нас ни от чего не отказывался, но мы ясно видели, что при такой обстановке мы ничего сделать не можем. Если бы нашлись люди, которые могли вы взять это дело, то пусть бы они брали его, но дело в том, что революция не выдвинула таких людей, их не было. Тем не менее, идеи кончить войну у меня никогда не возникало. Я считал, что лучше итти солдатом и выполнить ту роль, которую я найду возможной при данных условиях, но ни у кого из нас мысли об окончании войны не было.

Алексеевский: Что Вы думали тогда и впоследствии о предложении Корнилова сделанном на кв. Гучкова, что [он] обладает достаточной силой, чтобы поставить барьер этому движению, ведшему к прекращению войны? Действительно ли он обладал достаточными силами?

Адм. Колчак: Да, я считаю, что обладал достаточными силами, иначе он не сделал бы это предложение, это человек, отдающий себе отчет в окружающей обстановке и, конечно, в то время это можно было еще сделать.

Алексеевский: Вы, как будто, сказали, что с другой стороны Вы просили указаний для себя. Если бы были даны известные директивы ответственными руководителями, чтобы поставить барьер этому движению физическими репрессиями, считаете ли Вы, что это было бы возможно у Вас на Черном Море?

Адм. Колчак: Да, я считаю, что в это время это было возможно и у меня. В то время у правительства было достаточно дисциплинированных сил, чтобы подавить это движение. Это было мнение среди военных, которое было в частности высказано Корниловым; разделял его и я, так как считал, что в то время [это] было вполне возможно.

Алексеевский: Происшедшие в начале мая перемены в составе правительства, в результате чего было исключение из рядов его представителей буржуазии в лице Гучкова и Милюкова, не вызвали ли надежды на улучшение положения в смысле направления правительственной политики?

Адм. Колчак: Считали, что это есть ухудшение, что дальше все пойдет хуже и хуже.

26-ГО ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

А. Н. Алексеевский: В прошлый раз, адмирал, мы остановились на Вашем возвращении в Черное море после совещания в Пскове.

Адм. Колчак: По возвращении моем в Черное море из Пскова я был в Севастополе и должен сказать, что, находясь в Севастополе, я был не в курсе дел в смысле положения вещей на фронте, и не представлял себе такого потрясающего развала нашего фронта. Для меня стало ясно, что войну, в сущности говоря, надо считать проигранной, и я положительно затруднялся решать, что предпринять для того, чтобы продолжать эту войну. По приезде в Черное море ко мне явилась депутация от солдат Царско-сельского гарнизона, во главе которой стоял унтер-офицер Киселев, который командовал Сербской дружиной. Он был сначала на фронте, а потом в броневой автомобильной роте, он первый в первых числах марта. [...] После представления депутации он остался у меня. Это был человек глубоко убежденный в необходимости этого переворота, он первый выступил и говорил, что он действительно видит теперь, что путь, по которому пошла вся русская революция, ведет нас к гибели: «я был убежденный революционер, сам первый выступил, был ранен во время этого выступления, а теперь я вижу, что фронта у нас почти нет». Обсудивши с ним вместе этот вопрос, я ему сказал, что я тоже пришел к тому же убеждению. По его мнению, единственное средство, может быть, было бы, если бы я открыто заявил здесь в Севастополе о том, что такое положение погубит революцию и всю нашу родину. Тогда я решил поступить таким образом: я собрал все команды свободные в нескольких местах и, как я это делал раньше, совершенно откровенно высказал все то, что я узнал в Петрограде, обрисовал им положение вещей, указал на бессилие правительства, на то, что фронт у нас в настоящее время разваливается совершенно, удастся ли его вос-

становить, неизвестно, и что оказать сопротивление неприятелю будет [не] возможно. Я главным образом базировался на следующем положении: для меня, как человека военного и все время занятого исключительно только своими военными делами, казалось необходимым рассматривать происходящую у нас революцию с точки зрения войны. Для меня казалось совершенно ясным, что в такой громадной войне, в какой мы участвуем, проигрыш этой войны будет проигрышем и революции и всего того, что связано с понятием нашей Родины – России. Я считал, что проигрыш войны обречет нас на невероятную вековую зависимость от Германии, которая к славянству относится так, что ожидать хорошего от такой зависимости, конечно, не приходилось. Суть моего сообщения сводилась, во первых, к обрисовке полной картины, к характеристике Балтийского флота, к характеристике различных частей фронта; я не считал нужным ничего скрывать, изложил все это, что я узнал на Псковском Совете, обрисовав события, которые были в Петрограде, указав, что теперь начинается движение под лозунгом прекращения войны во что бы то ни стало. Тогда последствия от этого произойдут двоякие: во первых – зависимость от Германии, так как мы дадим ей возможность, заключивши с нею какое нибудь соглашение и выведя себя из театра военных действий, разбить союзников на западном фронте; Германия победит и мы попадем в полную от нее зависимость. Германия смотрит на нас, как на навоз для удобрения германских полей, и будет соответствующим образом третировать нас в будущем. Если мы выйдем из концерта согласия держав в этой войне и допустим даже, что Германия будет побеждена, что ей не удастся победа над союзниками, то тогда нам придется иметь дело с союзниками. Я указал, что сантиментальности в политике не существует, что в политике существуют чисто примитивные соображения о выходе из того или иного положения, указал, что с союзниками мы связаны обязательствами, что союзники потратили колоссальные средства для оказания нам помощи и что никогда раньше до 17-го года мы не были так сильны в смысле снаряжения и так подготовлены для окончания войны, что если мы сейчас бросим свое участие и будем в этом направлении что нибудь делать, то несомненно мы вооружим против нас союзников, счет которых будет чрезвычайно тяжелым, наша зависимость будет уже не от одной Германии, а может быть, от целого ряда государств. Чем же расплачиваться придется нам, – говорил я. Ни для кого не тайна, что мы находимся в самом бедственном положении, и придется расплачиваться натурой: территорией и нашими природными богатствами. И вот наступает в конце концов призрак раздела нашего, мы потеряем свою политическую самостоятельность, потеряем свои окрайны, в конце концов обратимся в так называемую «Московию», центральное государство, которое [будут] заставлять делать то, что им угодно, но то, что обуславливало нашу политическую самостоятельность и свободу, все будет от нас отнято. Суть сводилась к этому. Затем я указал, что союзники действительно в это время еще колебались, еще недостаточно ясно учитывали, какие последствия дадут у нас этот переворот и революция, как они отразятся на войне и они перешли в наступление <было> для того, чтобы дать возможность оправиться нашему фронту, т. е. оттянуть немцев на себя. Союзники выполняли это апрельское наступление; я указал на то, что прежде всего здесь мы связаны с союзниками не только какими нибудь обязательствами, а связаны с ними кровью и союзники нам не простят. Я указал на те перспективы, которые казались мне несомненными. И вот мое спокойное об'ективное и совершенно правдивое, без всяких каких нибудь недомолвок сообщение, произвело громадное впечатление на всех присутствующих.

Ко мне начали обращаться команды с тем, что команды желают сами отправиться и, если надо, послать свои делегации на фронт с призывом продолжать войну во что бы то ни стало, что подобное положение является позорным, что мы прежде всего должны закончить войну, что эту войну можно закончить и вот в результате моих сообщений явилась так называемая Черноморская Делегация, которая в мае месяце выехала на фронт и принимала там весьма деятельное участие. Я знаю, что многие деятели не вернулись с фронта, потому что активно старались бывать в передовой линии, — показывать пример. Вот эта Черноморская Делегация, которая поехала тогда по России, сейчас же вызвала у меня через неделю после своего от'езда реакцию, которая заключалась в той же самой пропаганде, которая уже получила характер пропаганды, направленной персонально против меня. Там не выставлялось лозунгов политического характера. Пропаганда эта велась на чрезвычайно примитивной почве; разбивать этих противников было бы в конце концов не трудно, но она в конце концов свое дело делала. Суть сводилась главным образом, насколько мне помнится, к тому, что я являюсь крупным собственником на юге России, что мое постоянное упорство и настойчивость в продолжении этой войны и освобождении свободного выхода и пролива в Средиземное море об'яснялось тем, что я являюсь крупным земельным собственником и для меня выгодно вывозить хлеб на тех условиях, которые представляют из себя эти открытые и свободные проливы — такие заявления делались на митингах на Черном море. В Севастополе затем уже появились признаки довольно скверного свойства: около половины мая один из миноносцев «Жаркий», который должен был итти к неприятельским берегам с каким то поручением, кажется, постановки мин, отказался выйти — это был первый случай [отказа] корабля исполнить боевое приказание, потому что в начале мая я выходил в море и никаких вопросов по этому поводу не возникало. Затем одновременно с этим потребовали смены командира миноносца, старшего лейтенанта Веселаго. Этот Веселаго был отличный молодой командир, прекрасно жил с командой, команда его сама выбирала на какие то выборные должности, от чего он отказывался. И тут совершенно неожиданно команда потребовала его смены. Мотивы сводились к тому, что Веселаго яко бы слишком смело ставит миноносец в опасное положение, — вот единственный мотив, который могла команда выставить против своего командира. Я сказал, что я его не сменю, а миноносец я вывожу из кампании, приказал ему спустить флаг и прекратить свою деятельность, т. е. окончить плавание. Так он и остался. Вместе с тем я послал своего флаг-офицера в Совет Матросских и Солдатских Депутатов. Совет в это время был тоже бессилен что нибудь сделать, хотя он совершенно разделял мою точку зрения, послал своих представителей, но в это время уже поднялась против того состава совета целая кампания. Этот случай был сам по себе не особенно потрясающим и катастрофическим, но он для меня был весьма симптоматичен: выяснилось, что я ничего сделать не могу и сам совет бессилен что нибудь предпринять, кроме разговоров. Веселаго заявил, что он при таких условиях просто не считает возможным оставаться и просил его списать. Пришлось удовлетворить его просьбу и убрать его с миноносца. Вслед за тем такой же случай произошел на другом миноносце «Новик» по совершенно нелепому поводу. Я поехал туда уже сам и, после переговоров с командой, этот инцидент был улажен, так как я им указал, что никаких оснований для подобных выступлений нет. Затем произошло еще одно весьма типичное явление. Какая то комиссия — я точно не знаю в каких отношениях она стояла к Совету, — обнаружила какие то злоупотребления, по крайней мере

так было доложено в порту, по поводу каких то кож, которые там должны быть сдаваемы для прокормления [?!] Черноморского флота, они должны были быть сдаваемы на кожевенный завод. Возникло обвинение против одного помощника заведующего портом. Он был генерал-майор по адмиралтейству, не помню его фамилии. Обвинялся он в том, что эти кожи не сдаются куда следует, они частным образом куда то продаются и ‹что› эта комиссия постановила требовать немедленного ареста этого помощника. Когда следственная комиссия при Совете ко мне явилась, она и раньше приходила ко мне и делала различные заявления по поводу непорядков, я клал свою резолюцию, направлял дело к прокурору, производилось следствие и [он] представлял Совету, в каком положении дело находится, — я вышел к ней и сказал: прошу дать мне список, я сейчас вызову главного военного прокурора и поручу произвести соответствующее расследование по этому делу. Тогда комиссия мне заявила, что она требует его ареста. Я сказал, что арест будет произведен тем лицом, которое будет производить следствие. Когда оно обнаружит признаки преступления, то от этого лица и будет зависить, какие меры пресечения следует приложить в отношении лица, на которое падает обвинение, так как я не знаю, виноват ли он или кто-нибудь другой, так как из доклада этого совершенно не видно. Поэтому я сказал, что я приказа об аресте не дам, покуда я не получу доклада от главного военного прокурора, и‹ли› я ничего не буду делать, и передам Ваше заявление туда. На этом мы разошлись. Затем я совершенно случайно узнал, что они арестовали этого офицера. Я потребовал его немедленного освобождения, я сказал, что я комиссии права не давал производить арест, что этот арест должен быть произведен только судебными властями. Это как раз совпало с переменой личного состава первого совета. Были произведены новые выборы, и в этот совет прошло значительное количество — я прямо это признаю, — солдат Севастопольского гарнизона. Это был элемент уже совершенно другого порядка. Он был там и раньше, но тогда он был в меньшинстве, там преобладали морские команды.

А. Н. Алексеевский: А в то время были у Вас политические комиссары?

Адм. Колчак: Нет, и не было во все время моего командования флотом. Эти обстоятельства в связи с тем, что результата тов. [?!] практических не было — я знаю, там были некоторые лица, которые выступали на митингах от партии с-р от партии с-д, но все это имело чрезвычайно малое влияние, — привели к тому, что дело шло хуже и хуже, и эти события заставили меня задуматься. Состав Совета изменился. Верховский оттуда ушел, часть людей, с которыми я работал в согласии, ушли и заменились другими, и, таким образом порвалась всякая связь у меня с этим Советом: я перестал бывать там, они перестали приходить ко мне. Взвесивши все эти обстоятельства, я признал по совести, что дальнейшее мое командование флотом является совершенно ненужным и что я могу по совести сказать, что я больше не нужен совершенно.

Председатель: Какого партийного состава был новый Совет?

Адм. Колчак: Тогда было разрешено и офицерам и командам записываться в какие угодно партии, но партийность состава Совета я боюсь характеризовать, но общее течение уже складывалось в пользу большевистской партии. Тогда еще официально такой партии большевиков не существовало, но настроение носило такой характер. Все же я затруднился [бы] назвать этот Совет большевистским, так как он не носил еще определенной окраски большевизма. Там было выборное начало для офицеров, контроль над действиями командования, т. е. приблизительно та же программа, какая была и в Балтийском флоте. Надо ска-

зать, что тогда в Черноморском флоте не было такого термина «большевик», потому я и не называл его так. Большинство, насколько мне помнится, записывалось в партию с-д, меньшая часть представляла из себя партию с-р. И вот, в конце концов, я решил просить освободить меня от командования по следующим мотивам: общее положение, полное бессилие что-нибудь сделать и совершенная моя бесполезность в той роли, в какой я нахожусь. Управлять флотом так, как я понимал, я считал невозможным и считал нелепым занимать место. Поэтому я обратился к Керенскому с просьбой освободить меня от командования. На это Керенский мне ответил, что он считает это нежелательным и просит меня подождать его приезда в Севастополь и надеется, что ему удастся устранить и уладить те трения, которые возникли в последнее время. Я согласился и второй раз уже не настаивал. В сущности говоря, в мае месяце быстро произошел общий и внутренний развал во флоте, тут явилась картина, что державшиеся до того времени рабочие порта, которые все время вели все работы по исправлению, ремонту и т. д. уже к тому времени стали разваливаться. Стали выставляться требования только экономического характера, а производительность все падала и падала с каждым днем, и каждое выведенное из строя судно уже оставалось в бездействии, потому что все работы в порту стали падать. Тем не менее я должен отметить, что известные части команды совершенно не разделяли нового настроения и сохраняли свои понятия о долге, службе. Я упоминал, что в самый печальный период уже окончательного развала флота мне нужно было, ввиду полученных сведений о новых подводных лодках, усилить заграждения Босфора и в самом Босфоре поставить заграждения. Для этого нужно было сделать очень опасное и рискованное предприятие и войти в Босфор на катерах с баркасами, нагруженными минами. Это предприятие носило характер чрезвычайной опасности и риска и потому я вызвал охотников; нашлось столько, что они превышали то число, которое мне нужно было для постановки этих заграждений. Это было в мае. Операция эта была выполнена, но с одним печальным происшествием: ночью на одном из баркасов взорвалась мина, произошло это в Босфоре, их заметили, произошла стрельба, было много раненых, но большинство людей успели вытащить и перенести на другой катер, — это было серьезное предприятие. Я это привожу как характеристику того, что был известный процент людей, которые шли на это, а наряду с этим другое явление—инцидент с миноносцем «Жаркий». К событиям этого времени относится приезд Керенского в Одессу. Я получил приказание прибыть в Одессу с миноносцем с тем, что Керенский из Одессы пойдет в Севастополь на миноносце. Это было около 20 чисел мая. Я к назначенному времени вышел с отрядом из 4-х миноносцев в Одессу и присутствовал там при тех торжествах, которые в честь Керенского были устроены в Одессе, и которые носили такой же характер, как и встреча Гучкова в Одессе месяц тому назад. Затем вместе с Керенским я перешел на свой миноносец и мы отправились в Севастополь. Во время перехода я долго и подробно, почти целую ночь, рассказывал Керенскому о тех обстоятельствах, которые произошли в Черном море, я указал, что считаю совершенно невозможным продолжать свою деятельность, потому что я коренным образом расхожусь в своих взглядах на командование, на дисциплину во флоте, которая теперь проводится, и что я неспособен работать в этой обстановке, что я не отказываюсь по существу от какой бы то ни было работы, и предоставляю себя в полное распоряжение Правительства, но я считаю совершенно бесполезным, может-быть, даже вредным для дела, если я останусь. Я сказал ему: «Я не понимаю, чего вы хотите; для республики во время

войны нужна вооруженная сила, я приложил все усилия, чтобы ее удержать, но раз это выходит из Вашего плана, и это не нужно, зачем я буду продолжать работать». Он на это ответил: «Я считаю наоборот, что правительство это, как и правительство прежнего состава, считает, что вы должны оставаться, что теперешнее правительство признательно Вам за сохранение Черноморского флота в его боевом состоянии, но вы понимаете, что мы переживаем время брожения, тут надо считаться и с возможностью эксцессов». Керенский, как и всегда, как то необыкновенно верил во всемогущество слова, которое, в сущности говоря, за эти два-три месяца всем надоело и общее впечатление было таково, что всякая речь и обращения уже утратили всякий смысл и значение, но он верил в силу слова. Я доказывал ему, что волей неволей к ней [дисциплине] придется вернуться и ему, что так наз. революционной дисциплины не существует и та партийная дисциплина, которую он проводит, это дело совершенно другое, потому что дисциплина, в сущности говоря, которая выражается в известных внешних формах дисциплинарного устава, которая характеризует взаимоотношение начальника и подчиненного, одна и та же во всех решительно армиях и флотах всего мира; и какой бы мы ни взяли дисциплинарный устав, наш или американский, мы найдем там одно и то же, никакой разницы по существу там нет, ‹это› есть детали, а то, что он говорил о примере партийной дисциплины, это есть дисциплина, которая не создается каким-нибудь регламентом, а создается воспитанием и развитием в себе чувства долга, чувства обязательств известных по отношению к родине, и в этом отношении эта дисциплина может быть у меня, может быть у него, может быть у отдельных лиц, но в массе такой дисциплины не существует, и опираться на такую дисциплину для управления массами нельзя. Так мы ни до чего договориться не могли, потому что стояли на совершенно исключающих друг друга точках зрения. По приезде в Севастополь, Керенский об'езжал суда, я был все время с ним. Он был встречен весьма торжественно, говорил речи, но на меня производило впечатление, что он на команды никакого впечатления не производит. Казалось, что все идет хорошо. «Вот видите, адмирал, все улажено, мало ли на что теперь приходится смотреть сквозь пальцы, на многие вещи; я уверен, что у вас не повторятся события, команды меня уверяли, что они будут исполнять свой долг...» После таких переговоров, он в конце концов еще раз обратился ко мне с просьбою от имени «Правительства» оставаться. «Сейчас вас заменить нежелательно, я прошу, чтобы вы продолжали оставаться». Я сказал: «Хорошо, останусь». После от'езда его положение нисколько не изменилось, все продолжалось в том же духе, в каком все это шло раньше и у меня было общее впечатление такое, что его приезд никаких результатов не дал и никакого серьезного впечатления ни в командах, ни в гарнизоне не оставил, хотя он был принят хорошо. Я на некоторое время уходил из Севастополя, ездил в Николаев на заводы посмотреть строющиеся там корабли. Там я узнал о положении вещей на судостроительных заводах: все в сущности шло к полной остановке, к полному прекращению работ. Тем не менее, я все таки продолжал делать то, что делал раньше, продолжал выходить в море, вести работу постановки заграждения, сетей против подводных лодок, по дозорной службе, конвоированию, поскольку это было возможно, поскольку это выполнялось. Затем в июне месяце начали происходить события уже более серьезного характера. Под влиянием агитации среди команд явилось совершенно неожиданное событие на почве вражды с офицерским составом — до того времени таких вопросов не существовало: начали уверять, что офицеры замышляют какую то к[онтр]-революцию. Ни-

какая к-революция со стороны офицерства, разделенного по судам, была не выполнима. Офицерские союзы существовали совершенно открыто, на них могли присутствовать команды и потому, конечно, вопрос о какой-нибудь к-революции совершенно исключался, а наоборот все усилия со стороны командного состава и офицерства заключались в том, чтобы поддерживать правительство и выполнять свой долг по отношению к службе. Это было неожиданно для меня, <которая> было совершенно ясно, что это есть работа провокационного характера, которая, конечно, клонится в конце концов к тем событиям, которые имели место в Балтийском море. Я сообщал об этом все время правительству, доносил ему о всех тех событиях и настроениях, которые у меня были в Черном море и предупреждал, что дело становится все хуже и хуже и что я считаю безнадежным положение дела в дальнейшем, но так как я обещал оставаться до последней возможности, то я и не поднимал вопроса о своей смене, так как считал, что она произойдет и без согласия правительства. Я очень часто выступал перед командами, постоянно приезжал и обыкновенно по заведенному ранее порядку меня извещали, что в таком то часу, в таком то месте будет собрание, чтобы я мог взять в учет в случае тревоги готовность флота, чтобы потребовать команду, и все это шло до этого события в совершенном согласии. Теперь же все пошло самочинным порядком, я получал известия стороной, не имея никакой связи ни с какими представителями командных органов. Наконец, случилось весьма характерная вещь. Киселев, оставаясь все время в Севастополе, где проживала его семья — отец, мать, сестра и брат, принимал очень большое участие и помогал мне. Он очень часто выступал, прекрасно говорил, и ему удавалось совершенно срывать ораторов своими выступлениями. Я считаю его одним из самых крупных деятелей на митингах и собраниях, где он оказывал известное влияние на команду своим уменьем говорить с большим воодушевлением. Он у меня часто бывал, я с ним подружился, потому что я видел в нем глубоко порядочного русского солдата, глубоко преданного идее блага родины, и в этом отношении у меня установилась с ним тесная близость. Это был человек совершенно бескорыстный. Затем произошли последние события в начале июля, которые заставили меня уйти с командования помимо желания правительства. В один прекрасный день состоялся митинг на дворе Черноморского экипажа — это огромная площадь, на которой было 15,000 народу, я был на этом митинге — для того, чтобы разбирать вопрос персонально относительно меня. Обвинялся я во первых в том, что являюсь в роде прусского агрария, во вторых, и это уже обвинение совершенно странного свойства, что я ослабляю Черноморский флот выводом из строя судов, при чем приводился в пример миноносец «Жаркий», о котором я сказал, что я его никуда не пошлю и считаю его, как судно, совершенно несуществующим. Было еще одно обстоятельство. Был один старый броненосец «Три святителя», который в виду того, что очень много людей просилось в отпуски и мне нужно было чем-нибудь компенсировать людей на транспортах, я решил вывести из кампании и командой этого броненосца «Три святителя» пополнить команды транспортной флотилии в Одессе. Отпусками к этому времени ведали уже комитеты и все отпуска шли без какого бы то ни было контроля со стороны командования, я же получал только извещения от командира, что не хватает людей, партии не возвращаются, а новые уходят, и это заставило меня прибегнуть к этой мере. В военном отношении это играло очень незначительную роль, это было старое судно, которое должно было осенью быть сдано в порт. Тогда я решил поехать на этот митинг, хотя меня не приглашали. Узнав время, когда будет этот митинг, около 4-х часов дня,

я один, вместе с своим дежурным флаг-офицером, поехал в этот экипаж. Там какие то неизвестные мне посторонние люди начали вести вопрос относительно прекращения войны, представляя его в том виде, в каком велась пропаганда у нас на фронте, что эта война выгодна исключительно известному классу. В конце концов перешли на тему относительно меня, причем я был выставлен в виде прусского агрария. В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое положение материальное определяется следующим: с самого начала войны с 1914 г. кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Либавы, я не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Либаве. Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей. В первые дни был обстрел Либавы, и моя жена, с некоторыми другими женами офицеров, бежала из Либавского порта, бросивши все. Впоследствии это все было разграблено, ввиду хаоса, который произошел в порту. И с 1914 г. я жил только тем, что у меня было в чемоданах в каюте. Моя семья была в таком же положении. Я сказал, что если кто-нибудь укажет или найдет у меня какое-нибудь имение или недвижимое имущество, или какие-нибудь капиталы обнаружит, то я могу их охотно передать потому, что их не существует в природе. Это произвело впечатление и этот вопрос больше не поднимался, затем пошел вопрос относительно инцидента с «Жарким», затем с броненосцем «Три святителя»; действительно, несомненно флот ослаблялся, в виду того, что уходящие периодически в ремонт миноносцы не поступали в срок просто потому, что работа шла отвратительно: такие работы, которые при нормальных условиях требовали трех-четырех часов, производились трое-четверо суток. Я приводил этот пример, сколько времени требовалось, чтобы винт вытащить из ящика и эти факты были приведены мною. Я совершенно определенно и не скрывая того положения, которое создалось в порту и во флоте, сказал, что ослаблять флот с моей стороны, конечно, совершенная бессмыслица, и совершенно бессмысленно возводить на меня такое обвинение. Если кто-нибудь заинтересован, чтобы во флоте был порядок, то, конечно, я первый, и следовательно, трудно мне пред'явить обвинение и заподозрить меня в том, что я умышленно ослабляю флот, ибо это значит рубить сук, на котором я сижу. После этого мне никаких возражений сделано не было. Я сел в автомобиль и уехал. Затем я вернулся к себе на «Георгий Победоносец» и, чем кончился этот митинг, я не знаю, повидимому, он кончился ничем. Вечером я получил в первый раз от нового Совета приглашение придти в Совет на заседание. Как раз приехал Киселев ко мне и сказал, что дело очень плохо, что теперь поставлен вопрос относительно разоружения офицеров и обвинения их в к-революционном заговоре. Данных почти нет никаких, но это теперь пущено кем то и среди команды идет по этому поводу брожение. Совет будет этот вопрос обсуждать, при чем прибавил: «Я советую вам не ехать туда, так как это совершенно бесполезно, делу не поможете, будете резкости говорить, и ничего из этого не выйдет». Он сказал, что он будет на этом собрании, но мне там делать нечего. Я все таки поехал. Я решил посмотреть, так как я никогда еще не видел этих заседаний. Когда я приехал, то увидал, что там идет уже разговор о к-революции, реакции, о реставрации и еще о чем то, и я увидел, что разговаривать об этом было совершенно бесполезно. Там был поднят, между прочим, вопрос о том, что всех офицеров надо немедленно разоружить, потому что иначе они устроят к-революцию. В какой форме, как они ее устроят, с оружием или без оружия, я не знаю, это было настолько бессмысленно и глупо, что я, прослушав несколько речей, обратился к председателю и спросил: «Нужно мне здесь быть и есть ко мне какие-нибудь во-

просы?» Он мне сказал, что вопросов никаких нет; на это я ответил, что если будет нужно, то меня можно будет вызвать, зачем я буду даром терять время, и уехал. Так меня тогда больше и не вызывали. Киселев известил меня, что, повидимому, завтра будет решение относительно разоружения офицеров. На другой день было сделано с одного из линейных судов радио в виде приказа о том, чтоб разоружить всех офицеров, — это было часа в 3–4 дня, — произвести обыски в квартирах и т. д. Сделано это было, нисколько меня не оповещая, и прежде чем можно было на это как нибудь реагировать или снестись и поговорить, это было выполнено, и на некоторых судах было потребовано оружие. Офицеры были на кораблях. Несколько офицеров застрелилось в знак протеста, но в общем никаких эксцессов и историй не произошло. Я сделал распоряжение на своем судне, чтобы никакого сопротивления не было, чтобы не было кровопролития и никакого безобразия на моем судне. Затем я потребовал собрать свою команду «Георгия Победоносца», я сказал им несколько слов по поводу бессмыслицы этого акта, о том, что если даже они боятся, то это бессмысленно совершенно, так как офицеров приходится по 1 на 15–20 человек команды, и никакой по существу опасности для них они представлять не могут. Затем я сказал, что вообще какой бы то ни было к-революции не существует в природе, потому что союз офицеров существует совершенно открыто, он мне лично известен, я знаю все его дела, и я бы сам не допустил в такое время какие бы то ни было выступления, потому что они приблизили бы нас к полной гибели. Я указал им, что мы — старшие офицеры были лойяльны в отношении к правительству, исполняли все его приказания, что, следовательно, вопрос о какой-нибудь к-революции никогда не поднимался. Затем я сказал, что я могу рассматривать это как оскорбление, которое наносится прежде всего мне, как старшему из офицеров, здесь находящемуся, и я сказал им: «с этого момента я командовать вами не желаю больше и сейчас об этом телеграфирую правительству». Затем, я взял свою саблю и бросил ее в воду. Я стоял около трапа и ушел вниз. После этого я послал телеграмму Керенскому об этом событии и указал, что я уже ни при каких обстоятельствах и ни при каких условиях командовать флотом больше не буду, что я передаю командование старшему после себя адмиралу, что в полночь я спускаю свой флаг, который будет заменен флагом старшего по мне. Я написал в письме, что выполнил все то, что я обещал, но командовать больше не могу, и совесть моя чиста. Затем ко мне явилась какая то депутация по поводу отпусков. Я сказал ей, что я больше не командую и просил ее по этим вопросам ко мне не обращаться, потому что я никаких распоряжений давать не буду; затем я вызвал к-адмирала Лукина, командующего линейными кораблями, старшего по мне, и сказал, что я, будучи фактически поставлен в невозможность командовать, приказываю ему вступить в командование флотом и поднять свой флаг. Затем ко мне вечером часов в 8 явилась какая то делегация от Совета, которая без всяких мотивов вынесла резолюцию, что она считает необходимым, чтобы я сдал свое команд. старшему. Я сказал, что командование уже сдал адмиралу Лукину, который вступит в командование; делегация просила, чтобы передали все секретные документы, я сказал: «Принимайте какие хотите документы, но имейте в виду, что это длительное дело. Вы, конечно, можете их принять и рассмотреть». Вместе с тем такое же постановление было относительно к-адмирала Смирнова, моего начальника штаба. Относительно других офицеров никаких постановлений не было сделано. Затем я сказал, что уезжаю к себе домой на берег.

А. Н. Алексеевский: Адмирал Лукин никаких возражений не сделал по этому поводу.

Адм. Колчак: Нет, он все видел и, конечно, возражал, но я сказал ему, что я приказываю, так как сегодня ночью возможна какая нибудь тревога или нападение и я фактически не могу командовать, а он обязан это сделать. Вечером я поехал к себе домой. Вскоре ко мне на городскую квартиру явились еще два три человека, с заявлением, что они уполномочены Исполнительным Комитетом посмотреть, нет ли у меня каких нибудь секретных документов, но так как я на квартире никогда не жил, приезжал туда по вечерам на несколько часов, а жил на корабле, то, конечно, никаких документов у меня быть не могло. Я предложил им осмотреть свой кабинет, они произвели обыск, но ничего не нашли. Я оставался дома. Смирнов пришел ко мне вечером. Когда ко мне явился один из флаг-офицеров и сообщил, что будто бы состоялось постановление о моем аресте, я сказал, что поеду на корабль и буду там ночевать, так как я не хотел, чтобы меня арестовали в моем доме в присутствии моей жены и ребенка. Я уехал на корабль, там я лег спать, а в 2–3 часа ночи меня разбудил флаг-офицер, который сообщил мне телеграмму от Керенского. Телеграмма была направлена по моему адресу и в Совет и еще, кажется, по командам [. Она была написана] в очень резких выражениях <, составленная> по поводу безобразия, которое произошло в Черном море, [; в ней говорилось] <что правительство считает, что если будет происходить подобные вещи,>, что правительство считает, что подобные выходки являются актом враждебным революции и родине и требует немедленного прекращения всех этих безобразий и возвращения оружия офицерам, а что касается меня, то правительство соглашалось, чтобы я временно передал командование и требовало моего немедленного приезда в Петроград для доклада. На другой день к моему чрезвычайному тяжелому состоянию прибавилось известие, что в Севастополь прибыла Американская Военная миссия адмирала Гленона, которая имела в виду оставаться некоторое время для изучения постановки у меня минного дела и методов борьбы с подводными лодками. Тогда же приехала в Петроград миссия Рута. При ней была морская миссия Гленона, которая приехала ко мне; эта миссия предполагала у меня проплавать несколько времени и познакомиться с положением дела. Я, конечно, немедленно уехал на берег и сказал, что я никого не принимаю и принять миссию не могу, и миссия, ознакомившись с положением вещей, немедленно решила уехать. Приказ правительства был выполнен, оружие было возвращено сейчас же и все опять пришло во внешнее благополучие и спокойствие. Я оставался целый день у меня дома, никто ко мне больше не являлся, ночью я беспрепятственно сел в поезд и поехал в Петроград. В этом же поезде ехала как раз американская миссия Гленона. По прибытии в Петроград я должен был явиться – Керенского тогда не было – к его помощнику Кедрову или Дудорову. Он мне сказал, что правительство в ближайшие дни соберется, что правительством назначается особая следственная комиссия, которая спешно выезжает в Севастополь для разбора всего дела. Председателями этой комиссии были А. С. Зарудный и Бунаков. Между прочим, Зарудный сказал, что все это вздор и все наладится, но я сказал, что это не наладится, так как я был целый месяц в этой обстановке, целый месяц старался всеми зависящими от меня способами как нибудь дело поправить, что я считаю, что дело пойдет все хуже и хуже, во всяком случае я назад не вернусь и командовать при таких условиях не буду. Затем я был принят в Мариинском дворце на заседании правительства. Я сделал доклад, изложил в деталях все то, что у меня было, и затем говорил уже не стесняясь резко, что все это я предвидел и обо всем заранее предупреждал, что я не могу иначе рассматривать деятельность правительства, как ведущую к раз-

рушению нашей вооруженной силы. Я говорил, что гораздо проще было итти совершенно открытым путем, просто напросто распустить команды и прекратить деятельность флота, потому что при таких условиях флот все равно никакой пользы не принесет. Вместе со мной был Смирнов, который тоже говорил на ту же тему. Я указывал, что считаю виною ту политику правительства, которую оно приняло в отношении вооруженных сил: подрыв и развал командования, подрыв его авторитета, постановка командования в совершенно бесправное и беспомощное положение, указывал, что под видом свободы собрания и свободы слова совершенно открыто ведется работа наших врагов. Я глубоко убежден, что во всех этих собраниях, как в Балтийском море, так и в Черноморском флоте, для меня совершенно ясно видна работа не русская, а работа германской агентуры. Указал на целый ряд совпадений и фактов, которые мне были известны по Балтийскому и Черному морям, что в течение революционного периода образцовое состояние Черноморского флота в отношении команды систематически разлагалось у меня на глазах, причем я был бессилен что либо сделать, я был только зрителем, и единственно чем мог я расправляться, это моим нравственным авторитетом и моим влиянием. Я указал, что долго на этом играть нельзя, что потом это все провалится, что про мои команды я в течение целого года ничего кроме хорошего сказать не могу, команды вели себя настолько хорошо, что у меня очень редко заходили дела до конфирмации, и большинство случаев были такого характера, что они разрешались в низших инстанциях. Я не говорю уже о том, что ни одного случая смертной казни не было; были проступки, но характера такого, что до командующего флотом они почти не доходили — и такие команды довели до такого состояния путем систематического планомерного развала. На это меня правительство, бывшее в глубоком молчании, поблагодарило за обстоятельный доклад и отпустило, никакого ответа мне никто не дал.

27 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

Адм. Колчак: Таким образом я остался в Петрограде ожидать возвращения из Черного Моря комиссии под председательством Зарудного, которая выехала туда в первые дни моего прибытия в Петроград. В ожидании этой комиссии я жил на частной квартире и почти никого не видел, пока ко мне не явился прикомандированный к миссии адмирала Гленона русский офицер, лейтенант, который передал мне пожелание адмирала Гленона видеть меня и переговорить со мною. Зная о целях миссии, я сказал, что пусть он назначит мне время, когда я могу приехать к нему. Адм. Гленон жил в Зимнем дворце. Там [я] был принят Рутом и адм. Гленоном. Гленон сообщил мне, что цель его миссии сделать визит нашему флоту, затем американское правительство интересуется некоторыми вопросами по минному делу и борьбе с подводными лодками и желало бы познакомиться с этим. Кроме [того] совершенно секретно он сообщил мне, что в Америке существует предположение предпринять активные действия американского флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Зная, что я занимался аналогичными операциями, адм. Гленон сказал мне, что было бы желательно, чтобы я дал все сведения по вопросу о дессантных операциях в Босфоре. [Я сказал] что я не отказываюсь от этого и готов поделиться всеми сведениями, которые у меня имеются. Тогда Гленон спросил меня: «Как бы Вы отнеслись, если бы я обратился с просьбой к правительству командировать Вас в Америку, так как ознакомление с этим вопросом потребует продолжительного времени, а ме-

жду тем мы на днях должны уехать». Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству, так как он будет просить правительство командировать меня в Америку, оффициально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками. Я сказал ему, что против командирования в Америку ничего не имею, что в настоящее время свободен и применения себе пока не нашел. Поэтому, еслибы правительство согласилось командировать меня в Америку, то я возражать не буду. В то время, как миссия сносилась с правительством, в ожидании ответа от правительства, я начал собирать все необходимые материалы, выписал одного флаг-капитана, который имел на руках все данные по босфорским операциям, словом начал подбирать все материалы, необходимые для этой задачи. Как раз в это время Керенский уехал и потому окончательного согласия со стороны правительства на американскую командировку нельзя было получить. Наконец, ответ получился в положительном смысле, вскоре после приезда Керенского с юго-западного фронта, после наступления 18-го июня. Насколько я знаю, этот вопрос обсуждался тогда в совете министров и совет министров без всяких возражений согласился на командирование меня в Америку. В это время приехал и Зарудный с комиссией. Зарудный заявил мне: «совершенно ясно, что все это работа немецкой агентуры, сколько мы ни расследовали этот вопрос, было ясно, что против Вас команда решительно ничего не имеет. Поэтому Вы должны принести жертву и снова вернуться во флот, так как большинство лучших элементов желает Вашего возвращения». Я сказал, что в Черноморский флот я больше не вернусь, что я считаю себя настолько сильно оскорбленным, что командовать им считаю ниже своего достоинства, и поэтому к командованию Черноморским флотом, ни при каких обстоятельствах, не вернусь. Вскоре после этого, в связи с приездом Керенского произошло положительное решение вопроса о моей поездке в Америку. За все это время я мало кого видел в Петрограде. Меня посещали знакомые офицеры, главным образом офицеры флота, которые упрашивали меня, чтобы я оставался во флоте и не уходил. Я сказал, что я уже принял на себя известное обязательство и что в России сейчас нет применения моим силам. Одно время я хотел уйти на фронт, чтобы меня назначили командовать тяжелой батареей, но после позорного наступления на Юго-Западном фронте 18 июня я решил отказаться от этой мысли. Затем одна группа офицеров обратилась ко мне с просьбой, ввиду невозможности ведения войны в России, но считая необходимым продолжать войну, – сформировать легион из добровольцев и с ним отправиться во Францию. Я одно время остановился на этой мысли, но затем я получил сведения об отношении за-границей к русским частям, ввиду их позорного поведения на французском фронте и отказа драться и участвовать в борьбе. Когда я получил сведения о том, что имя русского во Франции является чем то вроде брани, я пришел к мысли, что рассчитывать на такую работу, какую я имел ввиду, конечно, при этих условиях не приходится. Затем политические деятели, которые заседали в Таврическом дворце, кажется, по делам ликвидации, и с которыми я был знаком еще по Государственной Думе, узнав о моем приезде, пригласили меня. Я приехал и рассказал им о своем положении. Они также говорили мне, чтобы я не уезжал, что я нужен здесь. Я сказал, что я готов ехать куда угодно и делать что угодно, но пусть мне укажут определенно, что я должен делать, что таких указаний я не получаю, обстановка же, в которой я мог бы оказаться, если бы остался в России, такова, что исключает возможность какой-бы то ни было полезной работы

для родины. Я считаю, сказал я, что единственное, чем я могу принести пользу, это драться с немцами и их союзниками, когда угодно и в качестве кого угодно. Я считаю, что это будет единственная служба родине, которую я буду нести, принимая участие в этой войне, которую я считаю самой важной, самым существенным делом из всего того, что происходит, что революция пошла по пути, который приведет ее к гибели, но я не политический деятель; я солдат и поэтому считаю нужным продолжать свою службу, чисто военную. Раз я не могу в России принимать участие в этой борьбе, я буду продолжать ее за-границей (у меня была тогда надежда, что я буду принимать известное участие в Дарданельских операциях). Затем я был еще на нескольких заседаниях Национального Центра, образовавшегося в это время. Там я также сказал, что работать здесь больше не могу, так как уже принял известное обязательство Американскому Правительству и ожидаю только выдачи заграничного паспорта, чтобы ехать с миссией, возложенной на меня Правительством, в Америку. Еще до моего от'езда, произошло выступление большевиков, прибывших из Кронштадта. Как раз в это время я был очень близок к Правительственным сферам, хотя и не принимал непосредственного участия в делах. Кажется, 2 или 3 июля Керенский вернулся с фронта в Петроград. Я несколько раз приходил в Морское министерство с просьбой доставить мне возможность повидать его, но он все время был так занят и передвигался с одного места на другое, так что я не мог его видеть. Между тем, от нег озависело утверждение состава моей миссии: я подобрал специалистов 4 офицеров и надо было от Керенского получить санкцию на этот состав миссии, выдачу заграничных паспортов, средств для поездки и так далее. Поэтому 4 июля, когда вечером началось выступление большевиков, я пришел в приемную морского министра и решил ожидать ‹его›, пока Керенский не явится. Мне сказали, что он должен быть около 12 часов. Я ожидал его прибытия, пока Керенский не приехал. Керенский заявил мне, что он очень занят, должен позавтракать и сейчас же ехать на заседание Совета Министров и что времени у него нет. Я заявил тогда, что у меня также срочные дела, что мне надо получить санкцию на состав миссии и ее отправление. Тогда Керенский сказал мне: «Тогда пойдем завтракать и во время него мне доложите все ваши вопросы». Мы пошли завтракать и, так как Керенский очень торопился, то я рассказывал ему в общих чертах положение создавшееся относительно моей поездки. Во время этого разговора пришел дежурный ад'ютант и доложил, что к Керенскому явилась депутация уволенных старших возрастов, кажется, свыше 42-х летнего возраста (тогда Керенским были устроены периодические отпуски для полевых работ, но все это делалось довольно не систематически и вызывало неудовольствие. Вообще, эта тенденция ухода с фронта в армии и во флоте, особенно в Черноморском, была особенно заметна. Я уже подчеркивал несколько раз, что после первой недели Революции у всех наблюдалось стремление все бросить и уехать домой по своим делам). Когда явилась депутация, [он сказал,] что он не примет ее, так как у него нет времени. В ответ на это депутация заявила, что она не уйдет пока военный и морской министр не даст положительного ответа относительно продления срока отпуска. Тогда Керенский, не кончив завтракать, встал и вместе с присутствующими вышел в приемную и на лестницу, где находилось человек 30 солдат старшего возраста. Они заявили, что, хотя срок отпуска их и вышел, но что у них как раз теперь начинается уборка хлеба, что работников в деревне нет, и что поэтому они просят продлить срок отпуска до окончания уборки хлеба, что иначе они не в состоянии будут убрать хлеб. Керенский ска-

зал, что постановление относительно их возвращения есть постановление Совета Депутатов фронта, что он его утвердил и изменять его не может, не переговоривши с фронтовой организацией, так как продление их отпуска задерживает тех, которые ожидают своей очереди. «Поэтому», сказал Керенский, «я ни в каком случае не отменю этого распоряжения». Это в свою очередь вызвало чрезвычайно энергичные протесты среди депутатов, которые начали говорить, что их берут на фронт, так [тогда] как хлеб также нужен для ведения войны. Один из них обратился к Керенскому с таким заявлением: «Нас около сорока тысяч, а здесь в Петрограде имеется до ста тысяч бездельников, которые никуда не хотят идти. Вы нас посылаете на фронт, потому что мы люди старые, привыкшие к дисциплине, привыкшие исполнять приказания, а вот вместо нас вы послали бы части, которые находятся в Петрограде и которые ничего не делают. Между тем, вы их не можете послать, так как они не хотят идти и вы ничего с ними не можете сделать, от нас вы требуете этого, так как знаете, что мы привыкли исполнять приказания и будем их выполнять». На это Керенский что-то ответил, но в конце концов совершенно неожиданно повернулся ко мне (я стоял сзади его) и сказал: «Говорите с ними, адмирал», и сам ушел. Я остался, кажется, с Бунаковым и, так как был большой шум, раздавались протесты, то я обратился к депутации и сказал, что я не могу говорить сразу с 80–40 человеками. «Я вам не могу давать никаких обещаний, потому что я посторонний человек, но министр приказал мне говорить с вами и я буду говорить, но для этого выберите двух-трех человек, так как я не знаю, в чем заключается дело». Тогда ко мне вышел почтенный старый солдат с георгиевскими крестами и медалями, бывший на японской войне и участвовавший также и в этой войне. Я с ним пошел в приемную, и он начал мне подробно рассказывать о положении. Действительно, положение было трагическое: «Нас тянут на фронт», сказал он, «не для того, чтобы мы воевали, а для того, чтобы поставить нас в тылу на пилку дров, на все интендантские работы. Мы не отказываемся ни от чего, но войдите же в наше положение». Он обрисовал картину положения дома, крайне печальную. «Министр говорит нам, что мы должны выполнить наш долг», сказал мне он; «но мы свой долг выполнили; я веду уже вторую войну и воевал не даром — имею все знаки отличия. Теперь двое сыновей взяты на фронт, дома остались только жена и девочки. Хлеб удалось кое как засеять, собирать же его не дают и в таком положении находятся почти все остальные. Мы просим дать нам возможность собрать хлеб, а затем мы снова можем вернуться на фронт. При настоящих порядках мы могли бы и не являться и никто нас не потребовал бы, но мы привыкли к дисциплине и потому хотели действовать в законном порядке». Выслушав его, я сказал: «Конечно, по моему мнению вы могли бы быть уволены, но, конечно, я дать такого разрешения не могу». Тогда они сказали, что они хотели [бы] получить ответ от министра. Я пообещал им, что сделаю все, что могу, что я постараюсь повидать министра, чтобы выслушать от него тот или другой решительный ответ — положительный или отрицательный. Я вызвал дежурный автомобиль и поехал искать Керенского, я ездил по всему городу, но долго не мог его найти; наконец, случайно в одном из правительственных учреждений я узнал, что он находится в квартире Терещенко на Дворцовой набережной и что там происходит заседание Совета Министров. Я приехал туда, явился в приемную вместе с этим солдатом и стал ждать конца заседания. Когда заседание совета Министров кончилось и они начали выходить, я с солдатом подошел к Керенскому и сказал ему: «Вы приказали мне переговорить; я переговорил и мое мнение таково, что с точки

зрения военной можно было бы разрешить продление отпуска, но конечно я не в курсе дела. Я приехал сюда специально для получения определенного ответа, так как депутация до сих пор сидит в Морском министерстве и ждет от вас окончательного ответа». Керенский на это совершенно определенно ответил: «Нет, никаких отсрочек, никаких отступлений от тех распоряжений, которые были сделаны, не будет». В это время подошли к нам все министры и начали говорить с солдатом, но, повидимому, это на него не производило никакого впечатления. Этим дело и кончилось. Я сел в автомобиль и вернулся к депутации и сказал ей, что видел министра и все правительство и что вопрос о продлении отпуска решен отрицательно. «Я больше [ничего] сделать <я больше> не могу». На это мне солдаты заявили, что с этим ответом вернуться не могут и потому они пойдут не к своим, а куда глаза глядят. Между тем, Керенский опять уехал и я не мог с ним переговорить. После ухода депутации я обратился к Дудорову и сказал ему, что мне необходимо переговорить с Керенским. Дудоров сказал мне: «Я скажу вам по секрету, что сегодня в семь-восемь часов вечера Керенский должен уехать. Оффициально он уезжает с Варшавского вокзала, неоффициально же с Царскосельского. У меня также имеются срочные дела и единственный способ поймать Керенского — это сейчас же ехать на вокзал, сесть в поезд, в котором должен ехать Керенский, и на дороге, когда поезд тронется, переговорить с ним обо всем, так как здесь [он] слишком занят. Мы едем до Царского Села, откуда и вернемся». Мы так и сделали, приехали на Царскосельский вокзал, узнали от коменданта, где поезд Керенского, сели в поезд и стали ждать прибытия Керенского. Керенский прибыл, поезд тронулся и я на ходу поезда стал делать подробный доклад и он подписал бумаги, относящиеся к моей миссии. Дудоров также сделал доклад. В конце концов, когда поезд подошел к Царскому Селу, мы оставили его и вернулись в Петроград. Вечером этого дня началось первое выступление против правительства. На следующий день прибыли команды из Кронштадта и произошли те события, которые известны, вероятно, и Вам. Вот все, что я могу по этому поводу сказать.

Алексеевский: Какое впечатление произвели на Вас эти события, какие были причины выступления, какие меры приняло правительство и были ли это те меры, которые нужно было принимать?

Адм. Колчак: Я считаю, что это было выступление чисто большевистского характера. Это подчеркивало прибытие кронштадтских матросов и выступление частей петроградского гарнизона. В Петрограде в это время было около 12.000 войск, которые ничего не делали, только слонялись по улицам и не желали идти на фронт. Мотив был общеизвестный — прекращение войны и роспуск по домам, все же остальные мотивы были привходящими. В связи с событиями Правительство вызвало войска с фронта; эти войска вступили в город и уже после этих событий я видел их входящими в город в очень хорошем порядке. Это были, кажется, велосипедные части, кавалерия и казачьи части. Столкновения, которые были при этом в Петрограде, сводились к столкновениям большевистских частей с казаками. Единственно серьезное дело было около Литейного моста. В это время я как раз выходил от своих знакомых на Шпалерной, так что, хотя я непосредственно и не видел этого столкновения, но слышал стрельбу и видел матросов по Шпалерной. Вообще же, за все это время, никаких ужасов на улицах ни днем, ни ночью не было. Все это произвело такое впечатление, что если бы были взяты войска с фронта, то они бы могли свободно подавить все это движение, так как особых затруднений в этом отношении не

встретилось бы. Кронштадтские команды, пришедшие в Петроград после этого столкновения, произвели разгром, напились и затем сели на суда и уехали в Кронштадт. Все это производило впечатление неорганизованного выступления совершенно нелепого характера.

Алексеевский: У Вас не возникало мысли, что правительство могло бы переменить курс политики в смысле установления более твердой власти в этот момент и что правительство могло стать господином положения и подавить начинавшееся большевистское движение?

Адм. Колчак: Я уверен, что правительство, если бы еще этого хотело, моглобы это сделать, но так как в состав правительства частью входили члены, находящиеся в полной зависимости от Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, то оно и не могло ничего предпринять против этого. Там наблюдалась картина полной анархии: в Петрограде существовали два совершенно независимых органа – правительство и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Они вступали в какие то переговоры, но тем не менее, каждый из них действовал совершенно самостоятельно за свой страх и риск. Те части, которые были настроены большевистски, находились в распоряжении Совета, у правительства были также свои войска. Таким образом, была картина полнейшей анархии и двоевластия, при которой одна власть [не] признавалась и не считалась с другой. Конечно, была полная возможность, если бы правительство захотело этого, устранить это, но там происходили такие события, что когда часть членов Совета была арестована, то Керенский, вернувшись в Петроград, их освободил. Трудно было разобраться, какую игру вел Керенский, но мне представлялось, что он находится в какой то зависимости от Советов, не решается ни в чем выступать против них, а старается вести политику примирения, что конечно осуществить было совершенно невозможно, так как вся политика Совета была определенно направлена к прекращению войны, заключению мира с Германией, выходу из коалиции союзников и к дальнейшему немедленному проведению всех принципов социализма. Между тем правительство все же поддерживало борьбу с Германией и считало необходимым продолжать оставаться против введения в жизнь социализма в том виде, как этого желали большевики. Поэтому правительство и Совет расходились. Даже среди войск существовал полный хаос: никто не знал, кому он подчиняется и чьи приказания он должен исполнять. Части, пришедшие с фронта, были в распоряжении правительства и, сколько можно было судить по внешнему виду, находились в полном порядке, были вполне дисциплинированы, в особенности части кавалерийские. Таким образом с этой стороны вопроса не возникало и, вероятно, они исполнили бы всякое приказание правительства.

Алексеевский: В этот период Вашей жизни Вам было сделано предложение от группы офицеров образовать легион, чтобы выступить с ним на французском фронте. Кто был инициатором, из кого состояла эта группа офицеров?

Адм. Колчак: Трудно сказать. Я помню, фамилии все были незнакомые. Большею частью это были офицеры, которых я встречал в морском генеральном штабе, помню, что в это время мне приходилось встречаться там с Пешковым. Он говорил со мною откровенно и нарисовал мне картину положения наших войск во Франции. Рассказ его и послужил поводом к отказу моему от работы в этом направлении. Это были люди, которые также не знали, где найти применение своим силам, которым их совесть и долг подсказывали, что в такое время нельзя сидеть сложа руки и смотреть на то, что происходит. Затем большое моральное воздействие оказала еще депутация союза офицеров фронта, в состав

которой входили Новицкий и еще несколько представителей, которые поднесли мне георгиевское оружие и адрес и выразили полное сочувствие. Это было во время или незадолго до июльских событий.

Алексеевский: В это время у Вас возникла мысль, что война дальше продолжаться не может, что надо подчиниться необходимости кончить войну и пойти за той действительной властью, которая представляется Советами?

Адм. Колчак: Нет, такой мысли у меня не явилось: я считал, что войну мы кончить не можем и что ее надо продолжать во что бы то ни стало. Никогда мысль о необходимости кончить войну мне не приходила в голову и я не мог на это пойти. Я встречался с офицерами фронта, знал, что есть части, которые желают драться, во главе наших войск стояло такое лицо как ген. Корнилов, которому армии доверяли и на которое можно было положиться. Корнилов считал возможным дальнейшее ведение войны, так что говорить о каком то мире было бы невозможно.

Алексеевский: Ведь, ген. Корнилов был начальником штаба Юго-Западного фронта во время этого неудавшегося июл[н]ьского наступления и, значит, до известной степени был и автором этого наступления?

Адм. Колчак: Автором был Керенский, Корнилов же являлся только выполнителем.

Алексеевский: Но, ведь, выполнение возлагало известную долю ответственности и на исполнителя. Принимая во внимание, что тогда выяснилось, что наступательные действия для нас невозможны, что армия по крайней мере в половинном составе не желает драться, не стало ли тогда ясно для военных, что войну продолжать мы не можем?

Адм. Колчак: Все считали, что войну продолжать надо во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило.

Алексеевский: Среди солдатских масс стали раздаваться голоса, что командный состав, не желая служить под большевистской властью красной демократии, в известной степени стал саботировать. Это выражалось в том, что в критические минуты командование и даже руководство военными действиями стало передаваться в руки комитетов. Так было при операциях под Ригой?

Адм. Колчак: Меня в это время не было, во всяком случае при мне этого не было.

Алексеевский: Не было ли у Вас мысли, которая оправдывала бы эти упреки, а именно, мысли, что уход крупных представителей командного состава с ответственных постов, напр., Ваш уход с поста командующего Черноморским флотом, является саботажем той военной силы, распоряжение которой переходило в другие руки. Не было ли у Вас мысли, что Вашим уходом Вы ослабляете ту остающуюся военную силу государства в виде Черноморского флота, которая была под Вашим руководством?

Адм. Колчак: Нет, этой мысли у меня не являлось: я считал, что поступаю так, как мне подсказывала моя совесть и долг. Я не мог оставаться во флоте, так как меня удалили.

Алексеевский: Вы оставили командование без приказа.

Адм. Колчак: Но я был поставлен в такое положение, что не мог больше командовать. Я сделал то, что я должен был сделать, и считал, что иначе поступить не мог. Что же мне оставалось еще делать — идти на дальнейший позор, на то, чтобы мои приказания не выполнялись. Я оставался на своем посту, пока меня не убрали. Когда меня заставили уйти, правительство на это никак не

реагировало: я сидел в Петрограде $1\frac{1}{2}$ месяца и правительство не делало мне никаких предложений; повидимому, они и сами считали это невозможным. Если бы правительство сделало такой приказ, то я вернулся бы: я всегда был лойялен правительству. Несомненно, что если бы правительством было мне дано такое приказание, то не выполнить его я не мог бы, но в том и дело, что мне только один Зарудный говорил: «Вы должны принести эту жертву и вернуться в Черноморский флот». Я ему на это ответил, что сам я этого вопроса не подниму и сам ни при каких условиях туда не вернусь. Сам я проситься туда не стал бы, но приказание, если бы таковое мне было дано, исполнил бы, так как иначе я должен был бы не признавать правительства. Раз я подчинялся ему и был до последнего дня [лойялен], то выполнил бы все его приказания. Что касается моего отправления в Америку, то оно находилось в тесной связи с согласием английского правительства дать мне возможность поехать через Англию, так как в это время англичане установили на пограничных пунктах свой контроль: англичане контролировали выезд из России тех лиц, которые проезжали через эти пункты. Поэтому я вошел в сношения с английской миссией, сказал им откровенно о цели моей поездки, причем они мне сказали, что было бы лучше, если бы я выехал из России под чужой фамилией ввиду того, что немцы следят за мной и, если им сделается известным мой выезд, то они примут меры. Действительно, один из пароходов, который шел из Христиании в Англию......... (миссия сама была виновата в этом, так как кричала и шумела об этом), в Немецком море был остановлен подводной лодкой в сопровождении миноносца, причем немцы вызвали прямо по списку лиц, которые ехали с этим пароходом и были нужны им, забрали их и отпустили пароход дальше. Англичане по секрету сказали мне, что дадут знать, когда мне следует выехать, чтобы не задерживаться в Норвегии, так как между Бергеном и.......... пароходы ходили довольно нерегулярно – иногда через неделю, иногда дней через 10, и поэтому никто не знал, когда пароход может пойти. После двадцатых чисел июля я уехал из Петрограда. За несколько дней до моего от'езда я виделся с Гурко, который в это время уже отказался от командования. Гурко приехал из Кисловодска или Пятигорска. Сначала он поехал на с'езд командующих армиями в Могилеве, куда должен был приехать и Керенский, но присутствие Гурко там оказалось нежелательным, так как он был в обостренных отношениях с Керенским, который заявил: «Если будет Гурко, то я не буду». Поэтому Гурко приехал в Петроград, с намерением вернуться затем на Кавказ. Гурко сообщил мне о положении в армии, но сказал при этом, что надежда на продолжение войны есть, что Корнилов прилагает к этому все усилия. Гурко смотрел на продолжение войны, как на необходимость. Гурко первый приехал ко мне с визитом. На другой день я хотел поехать к нему на квартиру, отдать визит, но узнал, что утром он был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Больше я с ним не виделся. Арест был произведен по ордеру Керенского по поводу каких то документов, которые были найдены у Гурко, кажется, переписка его с бывшим государем. Подробности этого мне не известны, так как вскоре после этого я уехал. Получив от английской миссии уведомление, что мне надо выехать тогда то, я около двадцатых чисел уехал вместе с миссией по жел. дороге на Торнео, Христианию, Берген и действительно совершенно точно приехал к самому отходу парохода. За все время пути ничего замечательного не произошло. В Бергене я провел около суток, пока не пришел пароход. О поездке моей миссии англичане были осведомлены. Я ехал через Швецию под чужой фамилией, причем отношение ко мне было самое любезное. Из Бергена мы пошли в

Лондон, откуда предполагали через Атлантический океан проехать в Америку. В Лондоне я был в начале Августа. В Лондоне я виделся исключительно только с морскими деятелями. Я был у адм. Джелико, который в то время был морским министром – первым лордом адмиралтейства; был несколько раз у Начальника морского генерального штаба Ген. Холль. Ген. Холль заявил мне, что мне придется подождать, так как в ближайшее время пароходов нет, что пароходы все страшно забиты и что мне придется недели две прожить в Лондоне. Тогда, чтобы использовать время, я просил разрешения Джелико познакомиться с морской авиацией и постановкой в Англии морских авиационных станций, чтобы осветить этот вопрос для себя. Для этой цели я ездил по различным заводам и станциям, летал на разведку в море и так дождался момента, когда был отправлен вспомогательный крейсер из Глазго в устье Св. Лаврентия, Галифакс. За все время пребывания в Лондоне я никого, кроме моряков, не видел. Русским морским агентом в Англии в то время был Волков. Видел также русскую морскую миссию, за исключением Ермолова, который в это время, кажется, был во Франции. С Набоковым я также виделся.

Алексеевский: Каково было настроение в военной и морской миссиях и русском консульстве в это время, что говорилось о положении России, отношении союзников и о рассчетах союзников?

Адм. Колчак: Из тех разговоров, которые я вел с нашими миссиями, видно было, что они смотрят на положение вещей очень мрачно и считали, что это неминуемо кончится проигрышем войны и вынужденным соглашением с немцами. Этого они с своей стороны чрезвычайно боялись, так как считали, что в этом случае союзники примут против нас такие же репрессивные меры, как и против Германии. Во Франции в это время было уже такое антирусское настроение, что французы третировали вообще всех русских и называли их не иначе, как «........» изменник. У меня вначале было желание использовать время пребывания в Лондоне и приехать во Францию, но мне сказали, что лучше туда не ехать, так как настроение там к русским отрицательное. Поэтому я остался в Англии, где существовало все же более терпимое отношение. Правда, газеты уже вели кампанию против Керенского, говорили, что во всем виноват Керенский и характеризовали его словом....... т. е. болтун, но вообще в Англии относились к России и русским скорее положительно. В беседе со мною ген. Холль сказал: «что же делать, революция и война вещи несовместимые, но я верю, что Россия переживет этот кризис, но Вас спасти может только военная диктатура, так как, если дело будет и впредь так продолжаться, то Вы вынуждены будете примириться с немцами и попасть в их лапы».

А. Н. Алексеевский: В русских посольских кругах не было ли сведений по поводу событий в Феврале?

Адм. Колчак: Насколько я знаю, Набоков с самого начала приветствовал это положение и даже его резкие отзывы, которые он поместил о бывшей царской семье, в Англии вызвали большое недовольство против него в видных правительственных сферах, которые считали, что каковы бы ни были его убеждения, но он не имел права, будучи на службе бывшего императорского правительства, так выражаться и высказывать свое порицание персонально бывшей царской семье, в то время, как эта семья была лишена возможности возразить или ответить на это. Благодаря этой бестактной выходке он [не] пользовался влиянием и авторитетом среди англичан, которые в этом отношении очень щепетильны и корректны. Из Глазго я выехал в Галифакс. Англичане, благодаря моему лич-

ному знакомству с адмиралом Джелико, ген. Холлем, были со мной чрезвычайно любезны. Джелико беседовал со мною очень долго по поводу обороны Немецкого моря и минирования немецких берегов. Джелико спрашивал моего мнения по этому поводу и был чрезвычайно любезен. Обыкновенно о таких вещах не сообщают посторонним, он же находил возможным говорить об этом со мной. Таким образом со стороны английского морского начальства отношение было самое корректное и любезное. Их любезность выразилась в том, что нас поместили на этот вооруженный крейсер совершенно бесплатно. [Он] Конвоировал огромный транспорт, «Кармения», идущий в Канаду с больными и ранеными канадскими солдатами. Мы вышли из Глазго и направились в Ирландское море. Несколько сот миль нас сопровождали несколько миноносцев, а затем уже в открытом море мы шли вдвоем. Таким образом, благополучно, не встретив никакого неприятеля, мы пришли в Галифакс, совершив весь переход в 10–11 дней. По прибытии в Галифаксе, нас встретил морской офицер – морской агент Миштовт, который заявил нам, что в Мон-Реале нас встретят представители морского министерства Соединенных Штатов, что нам предоставлен специальный вагон, что мы являемся гостями американской нации и чтобы мы не беспокоились ни о помещении, ни о средствах передвижений, так как все это берет на себя американское правительство. Таким образом мы прибыли в Мон-Реаль, где нам был подан вагон. Туда же прибыли представители морского министерства штатов – два офицера, которые были прикомандированы к моей миссии и которые были раньше в России (один из них, Мак-Кормик, пробывший в Петрограде 4–5 лет, хорошо говорил по русски). Таким образом, с полным комфортом мы прибыли в Нью-Иорк и Вашингтон. По прибытии в Вашингтон, я сделал прежде всего визит нашему послу Бахметьеву и морскому министру, его помощнику, министру иностранных дел, военному министру, словом – всем тем лицам, с которыми мне потом приходилось сталкиваться. После обмена визитами в первые же дни оффициальных приемов я выяснил, что план относительно наступления американского флота в Средиземное Море был оставлен. Его выполнение было невозможно в виду того, что шла перевозка американских войск на французский фронт и производить новую экспедицию на Турцию, Дарданеллы, было бы совершенно невозможно, хотя военные круги и говорили, что это имело бы большое значение, так как захват Константинополя и вывод Турции из состава коалиции послужил бы началом конца всей войны. Тем не менее, выполнить этого было нельзя, так как весь транспорт был занят перевозкой войск на французский фронт.

А. Н. Алексеевский: Думали ли Вы лично, что форсирование Дарданелл американским дессантом может дать успех, принимая во внимание неуспех предыдущих англо-французских попыток?

Адм. Колчак: Да, я считаю это возможным.

Алексеевский: Состояние американской армии, как экспедиционного корпуса, давала ли надежду?

Адм. Колчак: Конечно, американская армия не была в состоянии выполнить блестяще эту задачу, но принималось во внимание то положение, что в этот момент Турция находилась в полном истощении. Американцы в этом вопросе базировались, главным образом, на том, что Турция не окажет сопротивления американцам, а даже пойдет навстречу. Как бы то ни было, этот вопрос был решен отрицательно и мне оставалось выполнить только мою миссию, т. е. передать те сведения, чисто технического характера, которые интересовали амери-

канцев. Также, как в Англии, я пользовался здесь полнейшим вниманием со стороны американских и, главным образом, морских властей. После того, как выяснилось, какую работу мне надо выполнить и как использовать привезенные со мною материалы, мне было предложено вместе с моей миссией поехать в Нью-Иорк, к северу от Нью-Иорка, известное место для летних купаний, недалеко от которого находится морская академия. Было условлено, что мы отправимся в Нью-Иорк вместе с прикомандированными офицерами, где разберем все материалы, где нам будет указано, что интересует морское ведомство штатов. Мы уехали в Нью-Иорк и там занимались недели две-три. За все это время в Нью-Иорке я ни с кем не виделся, так как с утра до вечера мы все время проводили в академии и занимались работой. Мне было поручено ответить на некоторые вопросы чисто технического порядка, и я занимался этим делом. Когда я закончил эту работу, я получил приглашение от морского министра познакомиться с американским флотом и непосредственно участвовать в маневрах этого флота в Атлантическом океане. Я, конечно, принял это приглашение вместе с офицерами. За нами пришел миноносец и мы на этом миноносце прибыли на флот, стоявший в...... Около 12 дней я плавал на флагманском корабле американского флота «Пенсильвания», участвуя в его маневрах. Американцы были чрезвычайно любезны не только в смысле внешней стороны, но и в смысле ознакомления меня с организацией маневрирования флота, управления им и т. д. Я привез оттуда чрезвычайно ценные материалы, которые теперь, конечно, имеют для нас только академическое значение. По окончании я решил, что надо возвращаться домой. Я был глубоко разочарован, так как я мечтал продолжать свою боевую деятельность, но я видел, что отношение в общем к русским тоже отрицательное, хотя конечно персонально я этого не замечал и не чувствовал, так как я был гостем нации и приехал в ответ на такую же миссию, которая была у нас и которая была хорошо принята. Тем не менее я видел, что отношение Америки к русским было чрезвычайно отрицательное и оставаться там было тяжело. Я сделал прощальные визиты, представился президенту. Я беседовал с ним несколько минут по поводу положения в России: он расспрашивал меня относительно слухов, дошедших в Америку, о рижских операциях; наш флот тогда был вытеснен из Рижского залива. Он спрашивал – были ли подавляющие силы у немецкого флота и как дело обстояло раньше. Я сказал, что после моего ухода в 16 году была сделана громадная оборонительная работа: была поставлена масса новых орудий, поставлены минные заграждения и т. д., словом была выполнена колоссальная работа, усиливающая позицию, но что я теперь не могу ничего сказать кроме того, что моральное состояние команд [таково], что драться с ними невозможно; он сказал: вероятно, это и есть единственное об'яснение. Затем я решил возвратиться в Россию. Я считал, что моя миссия не удалась, что участвовать в войне мне не удастся и что поэтому надо вернуться в Россию и там искать какой-нибудь работы, соответствующей моим знаниям и способностям.

А. Н. Алексеевский: Не замечали ли Вы в Нью-Иорке или в Вашингтоне, что часть русского общества усиленно работала в пользу немедленного заключения ‹войны› [мира]?

Адм. Колчак: Я с этим совсем не сталкивался. Эта агитация, если она и была, должна была вестись очень осторожно, так как американцы и все правительство страшно муссировали эту войну, старались всеми мерами поднять воинственный дух. Все здания были оклеены плакатами патриотического свойства, и если такая пропаганда велась, то очень осторожно, так как иначе американцы

немедленно прекратили бы ее. Русских печатных изданий я там не видел и все сведения приходилось получать у американских газет, американская же пресса является удивительно несерьезной в смысле непроверенности тех сообщений, которые она дает. Первые сведения о Корниловском выступлении я получил в Мон-Реале, причем это было представлено в таком виде, что все уже кончено, что Корниловым взят Петроград и т. д. и только через несколько дней начали получаться другие сведения. Из Америки я решил ехать в Европейскую Россию, дать о своей поездке отчет правительству и затем начать делать что-нибудь. Довольно долго пришлось дожидаться первого парохода, который шел из Сан-Франциско. Это был японский пароход «Карио-Мару», я решил ехать через крайний запад на восток. Я выбрал тот путь, прежде всего потому, что в это время в Финляндии уже шла борьба, начиналось выступление Маннергейма и враждебные действия, направленные против русских. По некоторым данным я подозревал, что Маннергейм является немецким ставленником. Обсуждая этот вопрос, я считал, что нельзя ехать и через Францию, а затем через Архангельск, так как для этого пришлось бы обратиться к англичанам, мне же не хотелось второй раз прибегать к их любезности. Поэтому оставался только путь через Владивосток, это был к тому же наиболее скорый путь. Я выехал из Сан-Франциско. Как раз в день моего от'езда были получены первые сведения о большевистском перевороте 26 октября, что Керенский бежал, правительство пало, а Петроград находится в руках Советов. Так как до этого я неоднократно читал в американских газетах подобные же сенсации, то особого значения я этому не придал, тем более, что американским газетам верить было чрезвычайно трудно. В Америке остался из моих спутников только один Смирнов, а остальные четыре спутника поехали вместе со мной. Это были — специалист по минному делу лейтенант Безуар, мой флагманский офицер Лечитский и специалист по минным заграждениям Вуич. В Сан-Франциско перед отходом парохода, я получил телеграмму на французском языке из Петрограда от партии к-д., подписанную как будто председателем комитета, где мне было предложено выставить мою кандидатуру в Учредительное Собрание по Балтийскому и Черноморскому флоту. Я ответил на эту телеграмму согласием. «Карио-Мару» держала курс на Иокогаму через Гаваи. Переход длился приблизительно 12–14 дней. За все время я был абсолютно отрезан от всего мира, несмотря на то, что на «Карио-Мару» была приемная станция. Пароход был страшно перегружен и только благодаря содействию Лансинга и знакомству в морском мире нам удалось получить места. В Иокогаму мы прибыли около 8–9 ноября. В Иокогаме я был поставлен в курс событий и получил первые сведения о положении в России. Там меня встретил наш морской агент контр-адмирал Дудоров, который сообщил мне, что произошел переворот, что временного правительства не существует и что в настоящее время существует, так называемая, Советская Власть, которая повидимому идет на соглашение с Германией и прекращение войны. Эти известия произвели на меня большое впечатление. Я подробно переговорил с Дудоровым — можно ли верить известию о заключении мира с немцами и нет ли возможности получить более точные сведения. «Вы находитесь в связи с Петроградом, в связи с генеральным штабом, поэтому я прошу обратиться к Альтфатеру или к кому нибудь другому в генеральном штабе, который бы информировал нас о том, что произошло и в каком положении находится фронт и война». Через некоторое время, вскоре после этого получилось известие о брестском мире и переговорах. Это было для меня самым тяжелым ударом, может быть, даже хуже, чем даже в Черноморском

флоте. Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал. Для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости. Тогда я задал себе вопрос – что же я должен делать? Правительство, которое заключает этот мир, я не признаю, мир этот я также не признаю; на мне, как на старшем представителе флота, лежат известные обязательства и признать такое положение для меня представлялось невозможным. К[Т]огда я собрал своих офицеров и сказал, что предоставляю им полную свободу ехать куда кто хочет, но я считаю возвращение мое в Россию после этого мира невозможным, что я сейчас ничего не могу решить, но поступлю так, как подскажет мне моя совесть. Обдумав этот вопрос, я пришел к заключению, что мне остается только одно – продолжать все же войну, как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам. Я занимал официальное положение, пользовался его доверием, оно вело эту войну и я обязан эту войну продолжать. Тогда я пошел к английскому посланнику в Токио сэру Грину и сказал свою точку зрения на положение, сказал, что этого правительства я не признаю и считаю своим долгом, как один из представителей бывшего правительства, выполнить обещание союзникам, что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению союзников, являются и моими обязательствами, как представителя русского командования, поэтому я считаю необходимым выполнить эти обязательства до конца и желаю участвовать в этой войне, хотя бы Россия и заключила мир при большевиках. Поэтому я обращаюсь к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что я прошу принять меня в английскую армию на каких угодно условиях. Я не ставлю никаких условий, а только прошу дать мне возможность вести активную борьбу. Сэр Грин выслушал меня и сказал: «я вполне понимаю Вас, понимаю Ваше положение; я сообщу об этом своему правительству и прошу Вас подождать ответа от английского правительства». Я сказал ему также, что два моих офицера так же смотрят на вещи, как и я, желают разделить мою судьбу; другие же, у которых в России остались семьи, которые они не считают возможным бросить, желают ехать в Россию. Со мною Вуич и Безуар.

Алексеевский: В то время, когда Вы приняли такое тяжелое решение, поступить на службу другого государства, хотя бы и союзного или бывшего союзным, у Вас должна была явиться мысль, что, ведь, существует целая группа офицеров, которые вполне сознательно остаются на службе нового правительства во флоте и что среди них имеются известные крупные величины. Как рассматривали Вы их тогда?

Адм. Колчак: Я считал, что они поступают неправильно, они не должны были оставаться на службе. Я не мог, конечно, рассматривать их всех, как людей бесчестных, но ведь большинство из них было поставлено в безвыходное положение, надо было что-нибудь есть.

Алексеевский: Но ведь там были крупные офицеры во флоте, которые сознательно шли на это, как напр. Альтфатер. Как относились Вы к ним?

Адм. Колчак: Поведение Альтфатера меня удивляло, так как, если раньше поднимался вопрос о том, каких политических убеждений Альтфатер, то я сказал бы, что он был <бы> скорее монархистом. Мечтой Альтфатера было флигель-ад'ютантство, он к этому и шел, так как имел большие связи при ставке. И тем более меня удивляла его перекраска в такой форме. Вообще, раньше было трудно

сказать, каких политических убеждений офицер, так как такого вопроса до войны просто не существовало; если бы кого нибудь из офицеров спросили тогда: «к какой партии Вы принадлежите», то вероятно, он сказал бы: «ни к какой партии не принадлежу и политикой не занимаюсь». Каждый из нас смотрел так, что правительство может быть каким угодно, но что Россия может существовать при любой форме правления. У Вас под монархистом понимается человек, который считает, что только эта форма правления может существовать. Я думаю, что у нас таких людей было мало и скорее Альтфатер принадлежал к этому типу людей. Для меня лично не было даже такого вопроса, может ли Россия существовать при другом образе правления; конечно, я считал, что она могла бы существовать.

Алексеевский: Тогда среди военных, если и невысказанная, то все же была мысль, что Россия может существовать при любом правительстве. Тем не менее, когда создалось новое правительство, Вам уже казалось, что страна не может существовать при этом образе правления?

Адм. Колчак: Я считал, что это правительство является правительством чисто захватного порядка, правительством известной партии, известной группы лиц и что оно не выражает настроений и желаний всей страны. Для меня тогда это было несомненно. Я считал, что то направление, которое приняла политика правительства, которое начало с заключения брестского договора и разрыва с союзниками, приведет нас к гибели. Уже один этот факт, обеспечивающий господство немцев над нами, говорил за то, что это правительство действует в направлении нежелательном, отвечающем чаяниям немецких политических кругов.

Алексеевский: В отношении Альтфатера у Вас не явилась мысль, что он может быть назван не только человеком, открыто ориентирующимся на Германию, но и карьеристом?

Адм. Колчак: Я считал Альтфатера карьеристом, который считает возможным делать карьеру; таких людей было много. Другой такой фигурой в нашем флоте являлся Максимов. Бернс мне представлялся с другой точки зрения. Бернс был всегда убежденным германофилом, он был всегда убежден в необходимости связи с Германией и считал величайшей ошибкой наше участие в войне против нее. Это было его глубокое убеждение и с этой точки зрения он и рассматривал все происходившие события. Поэтому я понимал точку зрения Бернса, она могла быть об'ективно оправдана, так как Германия во время войны обнаружила необычайно высокую постановку дела во флоте. Так как вся военная литература, все военные исследования были немецкими, то вполне понятно, что он находился под влиянием немецкой военной и морской школы. Поэтому, я вполне понимаю, что германский империализм, который сказался и в области знания и точной науки, несомненно, имел на него влияние. Я совершенно не отрицаю, что он находился под сильным влиянием этой школы, т. к. вся литература, вся работа в этой области шли из Германии. Это в такой же мере сказывалось и в военном деле, в какой сказывалось и в области техники и технической промышленности. Недели через две пришел ответ от военного министерства Англии. Мне сначала сообщили, что английское правительство охотно принимает мое предложение относительно поступления на службу в армию и спрашивает меня, где я желал бы предпочтительнее служить. Я ответил, что обращаюсь к ним с просьбой принять меня на службу в английскую армию, не ставлю никаких условий и предлагаю использовать меня так, как оно найдет это возможным. Что касается того, почему я выразил желание поступить в армию, а не во флот,

то я знал хорошо английский флот, знал, что английский флот, конечно, не нуждается в нашей помощи. Кроме того, флот гораздо меньше нуждается во внешнем пополнении, т. к. если корабль гибнет, то он гибнет вместе со всем экипажем. Затем, на что же я мог бы претендовать, идя во флот. Я был командующим флотом в Черном море, я бы пошел на какие угодно условия, но сами англичане, которые меня хорошо знают, были бы в ложном положении. Если бы я был молодой офицер, то меня могли бы назначить на какой нибудь миноносец, но тут создалось нелепое положение. Вот почему я подчеркнул, что желаю идти в армию, хотя бы простым солдатом. Таким образом, на запрос английского военного министерства я ответил, что у меня нет ни претензий, ни желаний, кроме одного – возможности участвовать активно в войне. Наконец, очень поздно пришел ответ, что английское правительство предлагает мне отправиться в Бомбей и явиться в штаб Индийской армии, где я получу указания о своем назначении на Мессопотамский фронт. Для меня это, хотя я и не просил об этом, было вполне приемлемо, так как это было вблизи Черного моря, где происходили действия против турок и где я вел борьбу на море. Поэтому я охотно принял это предложение и просил сэра Ч. Грина дать мне возможность проехать на пароходе в Бомбей.

Алексеевский: Встречались ли Вы в Японии с русскими оффициальными кругами?

Адм. Колчак: Да, я встречался там с Крупенским, Игнатьевым и вообще говорил со всем составом посольства.

Алексеевский: Как смотрел Крупенский на политическое положение в России и были у него колебания в отношении правительства большевиков?

Адм. Колчак: У всех, кого я только видел, отношение к этому правительству было отрицательное. Они определенно этого правительства не признавали, не отвечали на его требования, которые поступали и т. д. При мне должен был приехать новый представитель советской власти и вступить в исправление обязанностей посла. Но японское правительство его не допустило. Таким образом, положение наших послов внешне осталось как бы без перемен, но по существу они не были авторизированы никакой властью, существовали как бы по инерции по старым кредитам, которые еще существовали. С ними считались, как с представителями великой державы и таким образом все шло по старому.

Алексеевский: Но, ведь, тогда для оффициальных русских кругов вопрос об отношении к правительству должен был встать хотя бы в грубой материальной форме.

Адм. Колчак: Вопрос этот они решили таким образом: они существуют, пока существуют средства, отпускавшиеся для посольства. Средства эти получались от кн. Кудашева, который получал крупные рессурсы от боксерской контрибуции. Из этой суммы можно было содержать местные посольства, но конечно, можно было ожидать, что китайцы откажутся выплачивать эту контрибуцию и посольствам тогда нужно будет закрыться. Я помню, Крупенский говорил, что в таком случае он закроет посольство, сдаст его под охрану, а сам уедет частным человеком.

Алексеевский: Этих средств хватало только на содержание восточных посольств и местных консульств или их хватало и на содержание всего дипломатического корпуса?

Адм. Колчак: Я боюсь точно сказать, знаю только, что на Востоке посольства существовали на эти средства. Что касается американского посольства, то

Бахметьев располагал огромными средствами и во всяком случае американское посольство в этой помощи не нуждалось.

Алексеевский: Но, ведь, для <Керенского> [Крупенскаго] и оффициальных русских кругов в Японии было ясно, что смененное большевистским правительством правительство Керенского также не удовлетворяло требованиям момента и смены этого правительства они желали и раньше. Какого же они правительства хотели?

Адм. Колчак: Они желали, чтобы это правительство было авторизировано Учредительным Собранием. Общее мнение всех лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, что только авторизированное Учредительным Собранием правительство может быть настоящим, но то Учредительное Собрание, которое мы получили здесь, которое было разогнано большевиками и которое с места запело Интернационал под руководством Чернова, вызывало со стороны большинства лиц, с которыми я сталкивался, отрицательное отношение. Считали, что оно было искусственным и партийным. Это было и мое мнение. Я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого учредительного собрания является их заслугой, что это надо поставить им в плюс. Все считали, что нужно создать новое правительство, но что для этого прежде всего надо спросить голоса самой страны. На большевистскую власть смотрели, как на захват власти известной группой, которая не спрашивала, желает ли страна этой власти. Считали, что если такие события произошли, то по всей вероятности, они будут вынуждены прибегнуть к Учредительному Собранию или другому представительному органу, который или авторизирует или назначит другой орган. Таким образом, и к правительству большевиков и к Учредительному Собранию, которое было разогнано большевиками, отношение было отрицательное.

28 ЯНВАРЯ.

А. Н. Алексеевский: Вчера мы остановились на Вашем от'езде по приглашению английского правительства в Мессопотамскую армию.

Адм. Колчак: Этими переговорами с английским послом в Токио сэром Грином исчерпываются у меня все встречи более или менее серьезные, которые я имел за время своего пребывания в Японии. Я почти нигде не бывал и виделся только с членами посольства и с членами нашей военной и морской миссии. В конце концов мне удалось в 20-х числах января, после долгих ожиданий, уехать на пароходе из Йокогамы в Шанхай, куда я прибыл в конце января. В Шанхае я явился к нашему Генеральному Консулу Гроссу и английскому Консулу, которому вручил бумагу, определяющую мое положение; я просил его содействия устроить меня на пароходе и доставить меня в Бомбей в Штаб Мессопотамской армии. С его стороны было сделано соответствующее распоряжение, но пришлось долго ждать парохода. Когда пароход пришел, на нем обнаружилась чума, его задержали, дезинфецировали, и наконец мы собрались выехать via Шанхай, Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо и Бомбей. Из Шанхая я выехал в феврале, ибо там пришлось три или четыре недели ждать парохода. Перед отходом моим я получил письмо от нашего посланника князя Кудашева, который был в Пекине, с просьбой приехать к нему по весьма важному делу для переговоров с ним, я ответил, что если бы это было раньше, я бы мог заехать в Пекин, но теперь я никоим образом не могу изменить своего движения и извиняюсь, что теперь приехать не могу. Затем, еще в Шанхае, я впервые встретился с одним из представи-

телей Семеновского вооруженного отряда. Это был казак, сотник Жевченко, который ехал через Пекин, был у нашего посланника, затем поехал в Шанхай и в Японию с просьбой оружия для отряда Семенова. В гостиннице, где я остановился, он встретился со мной и сказал, что в полосе отчуждения произошло [восстание] против советской власти, что во главе восставших стоит Семенов, что у него сформирован отряд в 2000 человек, и что у них нет оружия и обмундирования, и вот он послан в Китай и Японию просить о предоставлении ему возможности и средств закупить оружие для отрядов. Он меня спрашивал, как я отношусь к этому. Я ответил, что как-бы я ни относился, но в данный момент я связан известными обязательствами и изменить своего решения не могу. Он сказал, что было бы очень важно, если бы я приехал к Семенову поговорить, так как нужно, чтобы я был в этом деле. Я сказал: «вполне сочувствую, но я дал обязательство, получил приказание от английского правительства и еду на Месопотамский фронт». С своей точки зрения я считал безразличным, буду ли я работать с Семеновым или в Месопотамии, я буду исполнять свой долг по отношению к родине. В разговоре с нашим агентом я советовал дать средства на приобретение оружия, но средства эти не были даны Жевченко, и он, уехавши в Японию, уже получил согласие от Японского Генерального Штаба на то, что помощь оружием ему будет оказана. И, действительно, японцы послали известное количество оружия, патронов и т. д. Вот самое крупное, что было за время моего пребывания в Шанхае. Из Шанхая я уехал на пароходе в Сингапур. В Сингапуре ко мне прибыл командующий войсками генерал Ридаут приветствовать меня, передал мне срочно посланную в Сингапур телеграмму от директора Осведомительного Отдела Военного Генерального Штаба в Англии. Телеграмма эта гласила так: английское правительство, принявши мое предложение, тем не менее в силу изменившейся обстановки на Месопотамском фронте — потом я узнал, в каком положении дело, но раньше я не мог это предвидеть — считает в виду просьбы обращенной к нему со стороны нашего посланника кн. Кудашева, что будет полезно для общего союзнического дела, чтобы я вернулся в Россию, что мне рекомендуется ехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность, и это с их точки зрения является более выгодным, чем мое пребывание на Месопотамском фронте, тем более, что там обстановка совершенно изменилась. Я сделал уже более половины пути, это меня поставило в чрезвычайно тяжелое положение: прежде всего материально — ведь мы все время путешествовали и жили на свои деньги, не получая от английского правительства ни копейки, так что средства у нас подходили к концу и такие прогулки нам были не по средствам. Я тогда послал еще телеграмму с запросом, что это приказание или только совет, который я могу не исполнить. После этого была срочная телеграмма с довольно неопределенным ответом: английское правительство настаивает на том, что мне лучше ехать на Дальний Восток, и рекомендует мне ехать в Пекин в распоряжение нашего посланника кн. Кудашева. Тогда я увидел, что вопрос у них решен. Подождавши первого парохода я выехал в Шанхай, и из Шанхая по железной дороге в Пекин. Это было в марте или апреле 1918 г. В Пекине я явился к нашему посланнику кн. Кудашеву, показал ему все документы, которые я имею, и на основании которых я действую, и сказал ему: «Я прислан в Ваше распоряжение, какую Вы миссию предполагали возложить на меня?» Он мне ответил: «Я сам настаивал, что Вам делать на Месопотамском фронте, тем более, что там русских частей нет, нечего. Там были русские части, которых англичане поддерживали известным образом, и они вместе с англичанами дрались против турок, но теперь эти

русские части бросили фронт, и этим об'ясняется их распоряжение». Вот каковы были мотивы распоряжения. Князь Кудашев дальше мне сказал вот что: «против той анархии, которая возникает в России, уже собираются вооруженные силы на юге России, где действует добровольческая армия генерала Алексеева, генерала Корнилова» — тогда еще не было известно о его смерти — что необходимо начать подготовлять Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу, для того чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке. Для этой цели Кудашевым, очевидно, раньше был разработан этот вопрос таким образом, что в полосе отчуждения Китайско-Восточной ж. д. на средства этой дороги, которые предназначались ранее для отдельного корпуса пограничной стражи, которая охраняла ж. д., положить основание вооруженной силы в полосе отчуждения сначала под видом охраны этой полосы отчуждения, а затем, когда эти войска будут обучены и подготовлены, двинуть их за пределы Китайской полосы на Владивосток или куда-нибудь. О Семенове там было известно, что Семенов действует своим отрядом, который поддерживается и материально и оружием и деньгами японцами, что этот отряд пока особого успеха не имеет, он действует на границе Манчжурии, вблизи Забайкальской области, до полосы Манчжурской границы, что у него ожидается приход добровольцев, которые увеличат вооруженные силы, и таким образом можно ожидать, что впоследствии этот отряд выльется в большую вооруженную силу, я спросил, какие у меня будут взаимоотношения с Семеновым, у которого есть приоритет. Он сказал, что Семенов действует в Забайкалье, а мне дается задача работать в полосе отчуждения, причем он прибавил: «Конечно, Вам придется войти с Семеновым в компромис, мне бы хотелось, чтобы Вы взяли на себя заведывание суммами, которые распределяются хаотически: нужно, чтобы эти деньги шли через определенные руки, через Вас. Мне известно, что англичане и французы поддерживают отдельные отряды и формирования, которые образовались в Харбине; но все это делается без всякого плана, отряды эти самочинные, не подчиняются никому, зависят от тех иностранцев, которые им дают деньги и происходит полный хаос. Нужно постараться этот хаос привести в порядок». Я сказал, что займусь этим делом, но прежде всего мне хотелось бы знать, на какие средства и в каком масштабе я могу вести эту работу. Кн. Кудашев мне сказал: «У нас теперь чрезвычайно тяжелое положение с Восточно-Китайской ж. д.: в виду того положения, которое создалось в России, китайцы обнаруживают тенденцию захватить эту дорогу в свои руки, дорога, в сущности говоря, русская; хотя деньги и акции большей частью находились в государственном банке, и только часть находилась сначала в Русско-Китайском, а потом в Русско-Азиатском банке, в ней заинтересованы непосредственно русские и французы, но китайцы хотят воспользоваться этим положением и забрать эту дорогу, — придется вести борьбу. Так как правление Восточно-Китайской ж. дороги было в Петрограде и большая часть его членов осталась там, то он мне сообщил, что Хорват считает необходимым образовать правление Восточно-Китайской ж. д., которое бы уже получило возможность там так или иначе осуществлять свои русские интересы. Вслед затем он сообщил, что план будет выработан и попутно выяснится вопрос о моей деятельности в полосе отчуждения. Вскоре в Пекин прибыли Хорват, Путилов, Гейер; с Хорватом еще прибыли несколько представителей жел. дор. и Русско-Азиатского банка, и их уполномоченный Славута, затем директор отделения Азиатского банка — одним словом лица из состава представителей ж. д. и Русско-Азиатского банка. Хорват мне сказал, что он совершенно согласен с тем взглядом, который

был высказан кн. Кудашевым: прежде всего нужно оформить мое положение, чтобы я мог в полосе отчуждения явиться лицом определенным, чтобы я вошел как член правления в состав правления ж. д. Там в составе правления этой дороги был всегда член правления по назначению Генерального Штаба, который ведал военно-стратегической стороной железной дороги и ее охраной. Я не помню, кто там был раньше, но это был офицер Генерального Штаба, теперь же они предполагали меня просить с тем, что я должен был занимать совершенно определенное официальное положение. Затем было собрание у кн. Кудашева с китайскими представителями, которые по уставу должны были входить в состав правления и совместно было образовано правление Китайской ж. д. под председательством Хорвата. Я вошел в это правление, как военный член согласно уставу, так что с формальной стороны все было сделано правильно. Туда же вошел и Устругов, с которым я впервые тогда познакомился; кн. Кудашев туда не входил, так как он как посланник не мог войти.

А. Н. Алексеевский: В числе лиц этого совещания был и Шталь?

Адм. Колчак: Он был в Пекине, но в правление не входил.

А. Н. Алексеевский: Он был как бы юрисконсультом?

Адм. Колчак: Нет, он не участвовал, акт этот составлял помощник Гейера, я видел его, несколько раз с ним говорил, но участия он не принимал. Все эти лица продолжали заниматься разбором различных дел, в которых я не принимал участия, а я вместе с нашим агентом Татариновым занялся разработкой формирований в полосе отчуждения, составлял сметы и затем я ставил вопрос, где же достать оружие. Единственно, откуда представлялась возможность получить вооружение, была Япония, потому что английское и французское правительства тогда фактически [решили] в лучшем случае поддерживать только деньгами такое предприятие, но ни одной винтовки, ни одного патрона и пулемета они дать не могли. Это могла дать только Япония. Поэтому я на одной из частных бесед с князем Кудашевым и Хорватом сказал, что я считаю необходимым сейчас просить Японию об отпуске нам под те суммы, которые находятся в распоряжении ж. д., или каким нибудь другим путем, но прежде всего надо известное оружие получить, потому что раз мы не будем обеспечены оружием, то формирование вооруженной силы явится невозможным. Тогда кн. Кудашев предложил мне поехать к японскому посланнику Сайде, которому я, не скрывая ни цели, ни смысла всего происходящего, все изложил и сказал, что весь вопрос заключается в оказании нам помощи оружием, я прошу снестись с правительством, какое оружие и в каком размере Военное Министерство Японии могло бы отпустить на предполагаемое формирование воинских частей, и что с моей стороны желание сводится к тому то, – и дал список. Затем ко мне прибыл Попуда и я с ним тоже обсуждал этот вопрос. При переговорах с Попудой относительно оружия, он сказал, что будет телеграфировать об этом в Генеральный Штаб и что в Харбине имеется японская миссия с генералом Накашими во главе и было бы хорошо, если бы я с ним столковался. Он сообщил, что они Семенову передали довольно много оружия и что, вероятно, на известных условиях Япония согласится и нам дать вооружение. На этом мы покончили все дела и переговоры в Пекине и я уехал в Харбин.

А. Н. Алексеевский: Образование нового правления не вызвало ли сомнения в самих участниках Совещания с точки зрения на его образование. Ведь, в сущности говоря, было действительно старое правление, а тут как бы самочинно образовывается новое правление, при чем из старых членов правления

было только два китайских представителя, Хорват и Путилов, – больше никто не оставался из всех остальных лиц. Таким образом, 4-е члена, два русских и два китайских выбрали приблизительно 12 человек и самих себя.

Адм. Колчак: Нет, там было всего 7 или 8 членов. Вопрос стоял таким образом: или правления нет и если мы правление не образуем, то китайцы возьмут дорогу в свое распоряжение. Но китайское правительство не возражало против этого, а оно могло бы легко возражать, это делалось совершенно открыто. Один член правления и был губернатором Гиринской провинции.

А. Н. Алексеевский: Значит, выясняется, что в сущности главным лицом и инициатором всего этого предприятия в смысле образования нового правления Восточно-Китайской ж. д. с созданием не только Управления дороги но и администрации территории в полосе отчуждения, с созданием учреждения, которое ставит себе целью борьбу с большевизмом, был в сущности князь Кудашев.

Адм. Колчак: Я думаю, что кн. Кудашев и Хорват.

А. Н. Алексеевский: Какие нибудь переговоры по этому поводу с посланниками в Пекине были?

Адм. Колчак: Франция была заинтересована, и кн. Кудашев говорил то же самое, что французы в общем относятся недоброжелательно к этому предприятию, они считали, что они имеют право тоже вмешательства в эти дела, но кн. Кудашев как то уладил это дело. В это время происходила смена посланника. Приехал Боб, старый посланник куда то уезжал, и Кудашеву удалось удалить трения, которые происходили с этой стороны. Все же нам препятствия они не ставили.

А. Н. Алексеевский: А Английские дипломатические круги в Пекине имели какое нибудь отношение к этому?

Адм. Колчак: Нет, ни английские, ни американские, ни японские круги не имели к этому никакого отношения; с их стороны никаких вопросов не возникло. После всех переговоров я выехал [через] Мукден на Харбин. Это было в начале или половине апреля по нов. стилю. Прибывши в Харбин, прежде всего, не вступая в должность свою около 10-ти дней, старался присмотреться к тому положению, которое создалось по всей линии отчуждения ж. д. и изучить ту обстановку, которая сложилась на Дальнем Востоке и обстановку военную прежде всего. Как раз во время этого приезда там находился отряд Семенова, который вел активные операции против большевиков и довольно успешно, т. е. ему удалось оттеснить противника за реку Онон, но Ононский мост был взорван красными частями и это остановило движение семеновского отряда и дальше он не пошел. Это было положение у Семенова в полосе от Читы до ст. Оловянная. Средства Семенов получал главным образом от японской миссии в смысле вооружения, денег, снабжения, а отчасти ему помогал Хорват из тех запасов, которые находились в полосе отчуждения ж. д. и принадлежали бывшей там страже этой дороги. В первые же дни мне было совершенно ясно, что Семенов действует, не считаясь ни с Хорватом, ни с его распоряжениями, широко применяя в полосе отчуждения ж. д. реквизиционную систему, т. е. просто забирая все, что можно. Семенов реквизировал все железнодорожное имущество, приставлял револьвер ко лбу и все выносилось. Хорват противился этому, но он не слушался. К этому времени у него явилась идея милитаризации ж. д. с тем, чтобы на ней было военное управление. Я говорил об этом с Хорватом и Уструговым и сказал, что я не верю в возможность милитаризации дороги, потому что здесь нет даже достаточно людей для того, чтобы взять дорогу в военные руки, а отряд Семенова не

содержит в себе тех элементов, которые бы взяли это дело. Я говорил, что милитаризация в моих глазах будет то же самое, что и социализация, т. е. эта дорога перестанет работать и что нужно держать тех техников и служащих, которые работали на этой дороге раньше и базироваться на существующем техническом персонале, но не допускать возможности военного управления дорогой. Таково было мнение Устругова и Хорвата, и этот проект не получил осуществления, по крайней мере в полосе отчуждения. Затем на другом конце ж. д., около ст. Пограничная, находился другой маленький отряд, не более 70-80 человек, есаула Калмыкова. Этот отряд образовался самостоятельным путем, независимо ни от кого, собралась группа офицеров и к ней примкнули уссурийские казаки. Этот маленький отряд находился около ст. Пограничной и, как я вскоре убедился, он пользуется поддержкой в смысле оружия со стороны Японии. Кроме того, Семенова поддерживают усиленно французы, и – представители военной французской миссии перевели ему известные средства. Англичане держались несколько другого положения. Кроме этих двух конечных отрядов по концам дороги – Калмыков пока еще ничего не делал – в самой полосе отчуждения, в Харбине главным образом, находились следующие воинские части: отряд полковника Орлова численностью примерно в 1000 чел., затем отряд полковника Маковкина, состоящий из китайских добровольцев. Это была небольшая часть, в которой было человек 400. Затем было несколько независимо от Орлова и Маковкина формирований на ст. Эхо, 200–300 вер. от Харбина, артиллерийский отряд с несколькими орудиями, кроме того в полосе отчуждения формировался отряд охранной стражи Китайской ж. д., куда принимались добровольцы, в нем было человек 600–700 стражи или даже меньше. Чисто железно-дорожными силами командовал ген. Самойлов. Плешков занимал в это время положение как бы командующего войсками с большим штабом; они начали с формирования больших штабов, не имея никакой вооруженной силы. Все эти отдельные отряды никому и ничему не подчинялись и правление Плешкова было чисто номинальное. Они сносились с штабом по своим нуждам с требованием денег снабжения и вооружения, но когда дело доходило до каких нибудь распоряжений, выходящих из Штаба, они не желали их выполнять. Нужно сказать, что все эти отряды образовались как то стихийно, самостоятельно, никто из них определенными планами не задавался, и поэтому лица, которые стояли во главе таких отрядов были совершенно независимы и самостоятельны, тем более, что иностранцы поддерживали Семенова и Калмыкова, англичане поддерживали немного Орлова – это единственное, что англичане делали и поддерживали только, главным образом, материально, потому что оружия у них не было. Французы присылали немного оружия Семенову, но мало. Американцы никакого участия ни в чем не принимали.

А. Н. Алексеевский: Отряд Маковкина, состоящий из китайцев тоже предназначался для борьбы с большевиками, а не для охраны ж. д.?

Адм. Колчак: Нет, считалось, что китайцы вообще не будут участвовать, этот отряд предполагали для охраны дороги, потому что на китайцев смотрели так, что они вообще драться не будут и на них надеяться нельзя. На них смотрели, как на возможность из'ятия русских от охраны ж. д. но они дальше этой дороги не пойдут. Все эти отряды возникли совершенно самостоятельно, поэтому они сообразовали свои действия почти независимо от кого бы то ни было, подчинялись только своим начальникам, а Штаб пред'являл одни только требования в смысле материального снабжения, деньгами и т. д. Что меня очень опечалило с самого начала, это глубокая рознь между Орловским отрядом и Семеновским.

Они участвовали еще до меня в совместных действиях, но эти совместные действия привели к разрыву и осложнениям между Семеновым и Орловым, и дело дошло до того, что Орловцев невозможно было двинуть на фронт вместе с Семеновцами. Таковы [же] отношения были между отрядами Калмыкова и Врангеля; военная часть Орловского отряда, которая была образована, была в это время на Семеновском фронте, но готовилась отойти оттуда, потому что они свою задачу считали законченной. Эта часть в размере эскадрона с двумя орудиями и пулеметами действовала на семеновском фронте, но там тоже все время шли трения и было желание у этих отрядов выйти из подчинения Семенову.

А. Н. Алексеевский: Каковы были причины этих трений.

Адм. Колчак: Я думаю, что они лежали в характере русских людей, совершенно утративших в это время всякое понятие о дисциплине. Никому не желали подчиняться, кроме самого себя, поэтому каждое распоряжение, которое давал какой нибудь начальник, всегда резко критиковалось, считалось, что оно бессмысленно и возбуждались бессмысленные жалобы на то, что нас, мол, заставляют драться, а своих бережете и т. д. Вот это все привести в порядок и заставить их об'единиться была моя задача, чтобы подчинить их одной власти.

А. Н. Алексеевский: Вы лично в Харбине встретились и с Орловым?

Адм. Колчак: Да.

А. Н. Алексеевский: А раньше Вы этих военных людей знали?

Адм. Колчак: Нет, я в первый раз их видел и узнал, что Орлов был в армии все время, что касается Семенова и Калмыкова, то я их нигде никогда не видал. Политическое положение определялось следующим образом: политическую организацию в Харбине составлял Дальне-Восточный Комитет. В нем было управление Восточно-Китайской ж. д. и находилось то, что называло себя правительством и жило в вагоне — это так называемое правительство Дербера, в которое входил Устругов. Оно состояло преимущественно из представителей торгово-промышленного класса на Востоке.

А. Н. Алексеевский: Но Вы, повидимому, группу Дербера не совсем точно называете правительством, правительством оно назвало себя позднее, а до этого времени оно называло себя Восточным Комиссариатом.

Адм. Колчак: Они называли себя правительством Дербера. Вскоре после этого оттуда вышел Устругов, все посты у них были распределены, Краковецкий был военным министром. Жили они в вагонах, предоставленных им Хорватом. Их деятельность ни в чем не сказывалась, я ни разу не сталкивался с ними ни в какой области, хотя мы жили рядом и стояли на смежных ветках. Министерские посты были у них все распределены, они не делали никаких выступлений, и жили как частные лица и, повидимому, ни во что не вмешивались и никаких претензий ни на что не заявляли.

А. Н. Алексеевский: А Дальне-Восточный Комитет обнаруживал известную деятельность?

Адм. Колчак: Очень слабую, она клонилась к известному поддержанию этих отрядов, кое какие средства они давали. Дальне-Восточный Комитет проявлял чрезвычайно малую и слабую политическую деятельность, они у меня бывали. Но это были только разговоры, а дела они никакого не делали. Что же касается гражданской власти, то на полосе отчуждения была восстановлена та власть, которая раньше там существовала. Там была администрация в руках гражданского управления при управлении и целая система администрации в полосе отчуждения ж. д.

А. Н. Алексеевский: Там был установлен член Директор-Распорядитель при Управлении дороги, который стоял во главе Правления этой дороги.

Председатель: Политическую работу начало вести уже вновь организовавшееся Правление?

Адм. Колчак: Да, другого органа не было.

А. Н. Алексеевский: Каковы были взаимоотношения между Хорватом, который являлся как бы главою правительства, фактически существующего на полосе дороги с Дальне-Восточным Комитетом и группой Дербера?

Адм. Колчак: Что касается группы Дербера, то Хорват считал так: «было бы неудобно выбросить их на улицу, они просили у меня возможности жить, я дал им вагон и я смотрю на них как на частных лиц». Он им покровительствовал, как частным лицам, несмотря на то, что они претендуют на какое то звание членов. Я думаю, что отношение всего правления было такое же, как и отношение Хорвата. Когда обсуждался вопрос о создании какой нибудь власти в полосе отчуждения, то я и некоторые другие заявляли совершенно определенно, что никакого правительства и определенной власти создать в полосе отчуждения, нельзя, потому что это в конце концов территория не русская, и китайцы могут попросить убраться это правительство вон, если бы таковое об'явилось. Дело в том, что положение полосы отчуждения было очень серьезное со стороны китайцев, китайцы уже чувствовали себя хозяевами положения. Это я заметил резкое изменение великолепных отношений, и когда я приехал в Харбин, они взяли совершенно другой тон и другое направление. Я думаю, что Дербер и его сотрудники потому не об'являли себя правительством, что это вызовет конфликт с китайцами. В полосе отчуждения можно было только держаться строго условий, которые поставлены между правительством, но что выходило из этих рамок, могло привести к крайне нежелательным последствиям.

А. Н. Алексеевский: Но тогда не возникали у Вас опасения, что в конце концов с группой Дербера придется столкнуться, как с политическим противником и как с претендентом на то же самое, на что Управление Восточно-Китайской ж. д. претендовало.

Адм. Колчак: Нет, какая же это правительственная власть.

А. Н. Алексеевский: Ведь, по существу это было началом правительственной власти, юридически это не могло быть заявлено по тем соображениям, какие Вы сказали, но по существу, раз это была организация, которая думала создать военную силу и эту военную силу определенным образом наладить по борьбе с большевиками и отнимать у большевиков территорию, то ясное дело, что эта военная сила подчинилась бы каким то директивам правления и она подчинялась бы этому правлению до известного момента и на территории полосы отчуждения и на той территории, которая была бы отнята, начиная с полосы отчуждения. Таким образом, это был зародыш власти, это была власть, но формально ей не было присвоено с самого начала никакого наименования. Но рядом, здесь же на рельсах стоит полный состав претендентов. Для меня не понятно, каким образом со стороны Хорвата было такое великодушие.

Адм. Колчак: Хорват не претендовал на формирование власти; он к этому вопросу относился безразлично, потому что он группу Дербера не считал серьезной, у этих претендентов не было ни денег, ни вооруженной силы, следовательно это была группа лиц, которая могла себя назвать, как угодно, но фактически она не располагала никакими средствами, и со стороны иностранцев никаких отношений к ней не было заметно.

А. Н. Алексеевский: Я думаю, что полезно было бы слышать от Вас соображения о финансовом положении: какие средства были отысканы для этого, в каких размерах и каковы были источники возобновления этих средств?

Адм. Колчак: Я не был посвящен и не входил во все финансовые рессурсы, у меня было условие с Хорватом, что я буду ежемесячно доставлять ведомость и по его распоряжению средства выдавались Начальнику Штаба из Русско-Азиатского банка в Харбине. Приблизительно ежемесячный расход достигал у меня одного миллиона руб. в месяц, которые мне выдавались по моему ордеру. Эти деньги шли на содержание всех отрядов, кроме семеновского и калмыковского.

А. Н. Алексеевский: Знали ли Вы, каковы рессурсы Правления и на что Вы можете рассчитывать?

Адм. Колчак: Мне Хорват сказал, что я могу рассчитывать на средства в пределах одного миллиона руб. в месяц, эта сумма тогда приблизительно отвечала существовавшей потребности.

А. Н. Алексеевский: Здесь возникает вопрос: если бы дело шло успешно, главным образом, на добровольческих началах, если бы было много желающих поступить добровольцами, то как бы Вы отнеслись к этому и до какого состава Вы бы могли бы дойти в формировании новых отрядов?

Адм. Колчак: До состава того корпуса пограничной стражи, которая находилась в полосе отчуждения, а средства для этого корпуса у дороги были. Эти средства шли не только на содержание отрядов Маковкина и Орлова, но я еще вел заготовку по интендантской части, закупку лошадей, обслуживание и приведение в порядок казарм, все это требовало около 1 миллиона рублей, содержание же самих отрядов требовало гораздо меньше.

А. Н. Алексеевский: Хотя корпус был и не пополнен, но все таки по разверстке достигал, повидимому, до 20 тысяч человек?

Адм. Колчак: Да, эта цифра могла бы отвечать той задаче, которую мы ставили. Если бы в дальнейшем потребовались бы средства, то Хорват сказал, что они найдутся. Из 20,000 чел. предполагалось 5000 китайцев оставить для охраны дороги, а 15,000 отнести в действующие части. После отрядов полковника Орлова и Маковкина и артиллерийской части, которая там формировалась, ко мне начали являться другие лица с просьбой формировать новые части, я им отказывал, потому что новых отрядов не к чему было создавать. Приток добровольцев был очень велик и я приступил к вопросу о мобилизации в полосе отчуждения, которая бы могла дать 10,000 чел. в пределах 5 верт. [возрастов?] преимущественно молодых, начиная с самых ранних. По этому велись работы, но осуществить эту мобилизацию так и не удалось. Вот общая картина, которую я застал по прибытии в Харбин. Прежде всего мне хотелось выяснить взаимоотношения с Семеновым. Мне докладывали, что Семенов никому не подчиняется, что он будет действовать за свой страх, самостоятельно и независимо. Я сказал, что я не претендую на то, чтобы командовать им, но что должно быть какое нибудь согласование, нужно определить операционную зону, какая то связь должна существовать, об этом я считал необходимым переговорить с Семеновым и поехать к нему. Перед этим я несколько раз беседовал с главой японской военной миссии генералом Накашима. Генерал Накашима выслушал мои пожелания и размер тех частей, которые я предполагал здесь развернуть; я представил ему все эти сведения о помощи, которую я просил у Японии для содержания этих частей. Он сказал, что так много они не в состоянии дать, так как мы имеем огромнейшие средства во Владивостоке, когда Владивосток будет в наших руках, нам будет

легче, но у нас слишком мало сил, чтобы задаваться такими широкими проектами и он обязуется предоставить сколько нам нужно пулеметов, материалов и т. д.... Затем он неожиданно говорит: «какие Вы компенсации можете предоставить за это?» Меня чрезвычайно удивил этот вопрос, потому что, в сущности говоря, я не являлся лицом, которое могло бы говорить о компенсациях, я смотрел на оружие как на заем, потому что Хорват платит за это оружие. Я вовсе не прошу этого оружия как милости: если у Вас есть оружие, то продайте мне, дорога платит за него, потому что я все равно должен создавать охрану дороги, нужно [....], и дорога вынуждена будет это оружие приобретать. Он сказал, что денежный вопрос его совершенно и не интересует. Я говорю: «какие я, явившийся сюда офицер, член правления дороги, могу Вам компенсации предоставлять, кем я уполномочен на это? Я обращаюсь к Вам и смотрю на это как на заем, если Вам нужно обеспечение, то Хорват даст обеспечение ценностями дороги. Я прошу у Вас так не много, какие тут могут быть компенсации. Вы знаете, что Россия может компенсировать, что угодно, но я не могу вести с Вами переговоры, я никем не уполномочен». Затем я обратился к нему с просьбой: задача наша заключается в том, чтобы об'единить эти части, так как иначе друг без друга они работать не могут, и я хотел бы, если Вы даете Семенову оружие и деньги, то нельзя ли это делать через один источник, хотя бы через Хорвата, чтобы Хорват мог бы распределить те средства, которые извне получаются для вооруженных сил более правильным образом. Затем я сказал, что я считаю, что такая непосредственная помощь начальникам отдельных отрядов есть главная причина недисциплинарности и неподчинения этих частей, все они чувствуют себя независимыми и согласовать действия отдельных частей при таких условиях невозможно. Я думаю, Вы как военный это понимаете, и прошу Вас, если Вы предполагаете какие нибудь средства давать, делать это не непосредственно, [а] через Хорвата, хотя бы под Вашим контролем. Вот разговор, который у меня был с генералом Накашима. Он меня спросил: «Вы к Семенову поедете?» — «Да, я поеду, я хочу с ним договориться о том, какие у нас должны быть взаимоотношения». С этой целью я в начале Мая поехал в Манчжурию, пославши Семенову телеграмму, что прошу встретить меня на ст. Манчжурия. По прибытии на ст. Манчжурия мне сообщили, что Семенова нет. Меня это очень удивило, потому что я послал за три дня телеграмму, на фронте было спокойно, но Семенова не было. Через некоторое время я убедился, что тут странная игра, мне донесли, что Семенов находится на ст. Манчжурия. Со мной было взято 300,000 руб. денег, которые я полагал передать от управления дороги. Это обстоятельство меня чрезвычайно удивило, тем не менее я продолжал там стоять и дожидаться. Наконец, мне совершенно определенно сказали, что он здесь находится, но, что он не желает ко мне прибыть, тогда я решил, что вопрос настолько важен, что надо пренебречь самолюбием, я поехал к Семенову, с ним переговорил. Затем мне совершенно определенно заявили, что Семенов получил инструкцию мне ни в коем случае не подчиняться. Я прибыл к Семенову в вагон и спросил: «в чем дело, я приезжаю сюда не в качестве начальника над Вами, я приехал с Вами поговорить об общем деле создания вооруженной силы и нам нужно договориться, в какой мере и в какой степени я могу оказать Вам помощь своим отрядом, потому что средства у нас одни и те же, средства Восточно-Китайской ж. д., и мне, как члену Правления этой дороги, чрезвычайно важно знать Ваши желания и цели для того, чтобы я мог распределять те остатки имущества и ценностей, которые имеются в распоряжении Правления, соответствующим образом. Я привез Вам

денег от Восточно-Китайской ж. д.» Он отвечал мне довольно уклончиво, что он сейчас ни в чем не нуждается, что он получает средства и оружие от Японии и что он не обращается ко мне ни с какими пожеланиями и просьбами. Тогда я убедился, что, в сущности, разговаривать не о чем. Таким образом выяснилось, что Семенов желает действовать совершенно самостоятельно и ни в какие обязательства и связи ни с Правлением ж.-д., ни с Хорватом входить не желает. Тогда я ему сказал: «хорошо, я с Вами не буду разбирать этот вопрос, но имейте в виду, что раз [Вы] со мной не могли договориться и не могли ничего выяснить, то я слагаю с себя всякую ответственность за ту помощь, которую могла бы Вам оказать ж. д., и уже ея средства и рессурсы буду применять к тем частям, которые находятся под моим командованием». Таким образом мы расстались, я уехал обратно в Харбин.

В. П. Денике: Вопроса об ограничении сферы действий Вы с Семеновым не ставили?

Адм. Колчак: Нет, это был очень короткий разговор. После этого я уехал в Харбин и сообщил Хорвату о положении вещей, сказал, что я уже никакой связи не имею с отрядом Семенова, который действует вполне независимо и самостоятельно, и что я буду действовать, заботиться и налаживать работу штаба только на те части, которые фактически находятся у меня в руках. Затем я разработал такой план; я увидел, что создать здесь серьезную вооруженную силу [не] удастся, что единственное место, откуда можно начинать развертывания сил это Владивосток, и что операции надо вести главным образом на Владивосток. Это было мое мнение, которое совершенно не разделялось японским командованием, у них в это время обсуждался вопрос об интервенции, и я думаю, что с японской точки зрения создание вооруженной силы на востоке было в это время совершенно нежелательно. Из дальнейших разговоров я почти убедился, что это так, поэтому они настаивали, чтобы все силы и средства употребить на действия в Забайкалье и передать их в распоряжение Орловского и Семеновского отрядов. Между тем отношения Орловского отряда к Семенову совершенно исключали возможность посылки к нему этих лиц, они бы не пошли. Я об этом серьезно разговаривал с Орловскими офицерами и они заявили, что они ни за что не пойдут.

А. Н. Алексеевский: А вообще Орловский отряд в его составе мог пойти куда бы то ни было?

Адм. Колчак: Я думаю, что мог бы, он потом действовал в Приморской Области по моему плану. Этот отряд увеличился до 2000 человек; добровольцы все таки являлись.

Председатель: Как Вы реагировали на пожелание Японии?

Адм. Колчак: Я считал, что главные действия должны быть на Дальнем Востоке, потому что во Владивостоке были огромные рессурсы и средства, которые бы освободили нас от постоянного обращения за помощью к иностранцам. Хорват был очень огорчен, но что делать, не вести же войну из за этого между собою. Он ставил вопрос так, как он есть. После этого, поговоривши с начальником штаба Орлова, я задал ему задачу строевой подготовки этих частей, чтобы сделать из них регулярные силы, потому что, в конце концов, все это носило характер партизанских нерегулярных воинских частей. Поэтому первой моей задачей было приведение в порядок всех этих частей в дисциплинарном отношении и обучение их стрельбе. Затем я на Сунгури начал образовывать флотилию, использовав морских офицеров команды, которые были добровольцами. Китайцы смотрели на это довольно косо, но каких бы то ни было препятствий в этом отно-

шении не чинили. Одним из первых мероприятий был вывод из Харбина всех воинских отрядов и частей, потому что это был город ниже всякой репутации, пьянство и безобразия непременно связывали с пребыванием воинских частей в Харбине. Поэтому, когда явилась возможность все эти части вывести из Харбина и расслоить их по линии до Пограничной, я это сделал и отряд Орлова был расположен на ст. Пограничная. В Харбине я оставил небольшие части для несения караула. Затем, вскоре после моего возвращения от Семенова ко мне прибыл ген. Накашима, который сообщил, что известный груз артиллерии, снарядов и оружия посылается из Японии в мое распоряжение. Затем он сказал: «Как Вы с Семеновым?» Мне было отчетливо понятно и ясно, что все это дело рук японской военной миссии, и такое обращение ко мне Накашима меня взорвало. Я бываю очень сдержан, но в некоторых случаях я взрываюсь: это была насмешка, я и сказал: «Вы, вероятно, отлично знали, к каким результатам эта поездка поведет; я не знал, но Вы отлично знали. Мне очень хорошо известно, что поведение и отношение Семенова было инструктировано подполковником Куроки, который состоял при нем. Вы можете против этого возражать, но это не меняет положения». Затем он говорит: «Что же отряд Врангеля [вы] возвращаете от Семенова к себе?» – «Ваше превосходительство, отряд Врангеля действует на фронте, и поэтому, независимо от каких бы то ни было отношений моих с Семеновым, я не дам приказания убрать этот отряд, пока начальник не скажет и пока не явится возможность. Не могу я с фронта убрать часть, которая находится в боевой работе». Тогда он говорит: «А Вы бы потребовали, чтобы эту часть вызвать?» Это меня окончательно возмутило, потому что это было бы просто провокационное предприятие: я приказал бы Семенову вернуть отряд, а он не подчинился бы. Я сказал: «я бы, может быть, это и сделал, если бы Вы мне ⟨и⟩ не мешали». Одновременно с этим я узнал, что, несмотря на обещания мне и Хорвату передать деньги в наше распоряжение, Накашима через Куроки передал их Семенову. По этому поводу я ему сказал: «у меня к Вам была покорнейшая просьба, исполнение которой я считал важной с дисциплинарной точки зрения: формально мы бы не возражали, и то, что Вы приказали бы, было бы передано. Я указал Вам на те отрицательные результаты, которые получаются при непосредственной передаче этих сумм. Вы обещали, но тем не менее не исполнили, не предупредивши меня. Я должен сказать, что Вы способствуете нарушению дисциплины и порядка в наших частях. Мне не понятны мотивы, по которым Вы это делали, но факт для меня [остается] фактом». После этого мы очень холодно расстались, при чем он мне сказал: «я японский офицер, я никогда не позволил бы себе нарушение дисциплины в каких нибудь других частях. Вы наносите мне тяжкое обвинение, что мои действия нарушают военную дисциплину». На это я ответил: «факты, которые я Вам привел, подтверждают справедливость того, что я сказал». Это привело меня к совершенному разрыву с японской миссией, я никаких дальнейших шагов не предпринимал и в конце концов они задержали мне доставку груза оружия в Дальнем. Эта беседа была последней, содержание которой я не скрывал.

А. Н. Алексеевский: Не приходилось Вам высказывать мнений, которые могли бы быть приняты за выражения Вашего общего отношения к помощи Японии в борьбе с большевиками, которые резюмировались бы фразой: «в конце концов лучше большевики, чем японцы»?

Адм. Колчак: Нет, такой фразы не было сказано, я таких положений не высказывал; кроме того, я знаю хорошо, что против меня на этой почве шла борь-

ба и интриги, которые велись от генерала Плешкова [и] Хорвата для того, чтобы использовать мое японофобство. Собственно говоря, никакого японофобства и японофильства не было, нужно было только получить оружие. Я считал, что все это должно быть оплачено, но те размеры и те средства, которые [я] просил, были по существу так мизерны, что для первоклассной державы говорить о каких то компенсациях за четыре старых гаубицы и десять тысяч винтовок, мне представлялось совершенно абсурдным, потому что сам Хорват говорил, что средства на покупку найдутся, если бы надо было заплатить. К этому периоду пошли слухи о восстании чехов на линии ж. д. и некоторые чехи уже ушли и начали продвигаться по Амурской дороге.

В. Н. Денике: За этот период времени до появления чехов были ли связи у Вас или у окружающих Вас групп с существовавшими на территории России или Сибири антибольшевистскими организациями или чехами?

Адм. Колчак: Нет, такой связи не было, были только слухи, которые сообщали о том, что создается новая власть в Сибири, но о ней я окончательно узнал только осенью, когда приехал из Японии во Владивосток и когда прибыла туда миссия Вологодского.

В. Н. Денике: А с российскими антибольшевистскими организациями, например, Национальным Центром, были у Вас связи?

Адм. Колчак: О России мы узнавали только по слухам, а связи никакой не было. Первое известие, более или менее точное и с опозданием большим, привез приехавший из Добровольческой Армии генерал Степанов, впоследствии бывший у меня Военным Министром. Он привез сведения о том, что делается на юге России. Тогда же приехали Флуг и Глухарев.

А. Н. Алексеевский: Они были в Добровольческой Армии или состояли только в офицерской организации в России? Они, ведь, приехали от Алексеева, имели ли какие нибудь задания или они были людьми, действующими за свой страх и риск?

Адм. Колчак: Они были посланы в Сибирь для осведомительной цели и никакой специальной миссии они не имели. Они все остались здесь, обратно не вернулись, а генералу Алексееву они послали доклад и письма с курьером кружным путем. Кроме того, была послана курьерами группа офицеров, но дошли они или нет, мне неизвестно. После этого я продолжал вести свою работу. Тут было несколько характерных инцидентов, совершенно расстроивших мою возможность работать с японцами. Среди этих инцидентов было два, которые чрезвычайно повредили мне в дальнейшей моей работе и сделали ее почти невозможной. Однажды я получаю телеграмму с одной из станций между Харбином и Манчжурией, где находился интендантский склад, принадлежащий охранной страже манчжурской дороги и где начальником гарнизона был Марковский, — от него же и была телеграмма эта. На станцию прибыл прапорщик Борщевский с отрядом в 20–30 человек семеновских войск, которые реквизировали весь тот склад. Нужно сказать, что там было некоторое количество обмундирования, и что они хозяйничали там, как у себя дома, арестовали смотрителя склада, начальника гарнизона. В этом складе находилось много вещей офицеров, которые ушли на войну и оставили свое имущество в этом складе. Склад был реквизирован и начал грузиться в вагоны. Меня взорвало это предприятие, потому что это было уже вторжение в непосредственно подчиненную мне территорию, без всякого согласования со мною. Я немедленно собрал экстренный отряд человек в 40 под командой 2-х офицеров и экстренным поездом двинул их на эту станцию

арестовать эту компанию и отобрать это имущество. Эта компания была арестована привезена в Харбин и все было обратно возвращено в склад. Затем сейчас же было начато следствие. Большинство солдат, которым, в сущности, нельзя было пред'являть каких нибудь обвинений, потому что они исполняли приказание, были возвращены к Семенову, а Борщевского и других лиц посадили под арест с тем, чтобы предать их полевому суду, чтобы раз навсегда прекратить хозяйничанье. Это вызвало страшный бунт среди японцев и среди семеновцев. Вскоре прибыл сам Семенов в Харбин для об'яснения с Хорватом по разным вопросам и по поводу этого инцидента. Ко мне прибыл Таскин, который состоял при Семенове, с тем, чтобы это дело ликвидировать, что это больше не повторится. Я сказал, что я его не отпущу, покуда не предам его суду, и сделаю то, что суд постановит: постановит суд, чтобы его расстрелять — расстреляю, постановит, чтобы послать его куда нибудь — пошлю. Одним словом, миссия Таскина успеха не имела у меня. В конце концов атмосфера стала чрезвычайно напряженная. Было доведено до сведения, что меня собираются арестовать. Я всегда ходил по городу и продолжал это делать, но я собрал Орловскую часть и сказал, что никаких мер не буду принимать совершенно, потому что это могут быть только одни угрозы, которые не будут приведены в исполнение, но примите все меры по отношению состава поезда Семенова, если со мною что нибудь случится. До этого дело не дошло. В сущности, осталось все, как и было: Семенова я не видел, он переговорил с Хорватом и уехал. Но когда узнали об этом японцы, то они сделали заявление, что они в свою очередь выйдут вооруженной силой, для того чтобы прекратить столкновения, если они возникнут. Все это создало тяжелую атмосферу. Инцидент был мирно улажен, но тем не менее это чрезвычайно повредило моей дальнейшей деятельности. После этого японская миссия повела себя совершенно открыто — к сожалению я сжег этот документ — от инструкторов офицеров я узнал, что японцы начали работать по германской системе над разложением тех маленьких частей, которые у меня были: говорили, чтобы офицеры ушли к Семенову, что у него открываются места. Начальником артиллерии был подан рапорт о том, что Заведующий этой миссией предлагал ему вступить в отряд Калмыкова, где он будет занимать пост Начальника артиллерии. Словом, повелась работа совершенно определенного характера, относительно которой совершенно открыто докладывали Орловцы. Орловцы, которые были твердые и честные люди, возмущались и даже выгнали одного из таких безответственных господ, которые приходили и говорили, чтобы они мне не подчинялись. Это меня глубоко возмутило: я увидел, что раз являются с такими приемами, то работать нельзя. Тогда я обратился через нашего посла Крупенского в Токио с просьбой и с подробным изложением всего того положения, которое у меня было, и о необходимости мне самому поехать в Токио к начальнику генерального Штаба Ихару, и переговорить с ним, что дальнейшая работа в такой атмосфере становится физически невозможной. Хорват тоже был очень обеспокоен этими всеми делами и советовал мне поехать в Японию и договориться там, потому что здесь с этими лицами у меня разговора быть не могло. Тогда я передал командование Штабом Хрещатицкому и в начале июля уехал в Токио. Мне были даны необходимые для этого средства и документы. Я решил совершенно открыто поговорить с Ихарой, а Хорвату я сказал, что если наша работа противоречит японским целям, то мы здесь ничего не сделаем, потому что противодействовать японским директивам у нас средств нет. В Токио я явился к нашему посланнику Крупенскому, изложил ему все, что знал, и просил устроить мне свидание с На-

чальником Генерального Штаба. Крупенский мне говорит: «знаете, Вы поставили себя с самого начала в слишком независимое положение по отношению к Японии и они поняли это. Вы позволяете себе разговаривать с ними слишком независимым и императивным тоном, — это было с Вашей стороны ошибкой; Вы должны были это смягчить, они себе составили мнение о Вас, как о своем враге, который будет противодействовать всем их начинаниям, всему их делу и поэтому они, конечно, Вам не только помощи не будут оказывать, но будут оказывать противодействие Вашей работе». Я говорю: «все эти сведения относительно моего враждебного отношения к Японии идут из определенных источников, но мои поступки не давали никогда основания и повода к тому, чтобы считать меня врагом Японии, я относился к ней, как к союзной державе. Война продолжается, большевистский авангард находится на Дальнем Востоке, больше половины его состоит из мадьярских и немецких частей, все военно-пленные немцы участвуют на стороне большевиков и поэтому я считаю, что я продолжаю войну, которую мы вели раньше и что в интересах Японии оказать мне ту маленькую материальную помощь, за которой я обратился. Повторяю, что эта помощь исчисляется суммами настолько небольшими, что даже китайская дорога гарантировала бы уплату». Мне было устроено свидание с Ихарой, там был помощник начальника Штаба Танака, который теперь состоит военным министром. Я изложил все дело Танака и сказал ему, что с самого начала моего прибытия я совершенно определенно считал необходимым доброжелательные отношения с Японией, на которую я смотрел, как на дружественную державу, от которой я просил только оружия и военного снаряжения, так как никаких других потребностей у меня не было, и я расчитывал, что Япония мне может выдать из своих громадных запасов часть оружия, которое мне нужно, но события получили определенный характер и мне приходится совершенно откровенно узнать Ваше мнение: возвращаться ли мне в Харбин и будете ли Вы мне противодействовать в той работе, которую я Вам изложил, если да, то я считаю, что работать я не могу, а если Вы дадите мне указание, что Вы не вмешиваетесь во внутренние дела и не будете мне препятствовать, то я буду продолжать свою работу. Затем я говою: «я понимаю, Ваше превосходительство, что если бы в моем распоряжении был огромный корпус, к которому можно было бы применять метод разложения по германскому образцу, я бы понял, но у меня только два полка, что же к таким силам применять такие средства. Это по меньшей мере не удобно». Он весьма весело встретил это заявление, потом подумал и сказал: «Знаете, адмирал, останьтесь у нас в Японии; когда можно будет ехать, я скажу Вам, а пока у нас здесь есть хорошие места, поезжайте туда и отдохните». Для меня было ясно и понятно, что ничего из этого перднриятия у меня не выйдет, потому что та линия, которую я взял, неприемлема. Тогда я сказал: «хорошо, я останусь пока в Японии». Я протелеграфировал Хорвату общее содержание этой беседы, остался в Японии и решил немного полечиться, потому что я чувствовал себя не вполне здоровым. Как раз в эти же первые дни моего пребывания до меня дошли известия о Владивостокском перевороте, произведенном чешскими и русскими частями, о том, что отряд Орлова вышел из Пограничной на Гродеково, что во Владивостоке образовалось правительство Дербера, затем, что там появилось Правительство Хорвата с различными органами.

Алексеевский: Скажите, адмирал, Вы знали раньше о намерениях Хорвата об'явить себя Правителем?

Адм. Колчак: Нет, у него таких намерений не было. Это была работа Даль-

не-Восточного Комитета. Если у него эти планы были, то во всяком случае мне не были известны.

А. Н. Алексеевский: Судя по тому манифесту, каким об'явил о своем вступлении в Управление Всей Россией Хорват, этот переворот был подготовляем друзьями и лицами, которые его окружали, — Вы не принадлежали к числу этих лиц?

Адм. Колчак: Я с ним об этом даже не говорил и думаю, что этот переворот подготовлял главным образом Дальне-Восточный Комитет.

А. Н. Алексеевский: Еще один вопрос: Вы покинули Харбин по тем соображениям, которые Вы изложили. Деятельность отрядов Орлова и Семенова в Харбине по внутреннему управлению и несению ими чисто полицейских обязанностей Вами намечалась или даже, может быть, направлялась, или нет?

Адм. Колчак: Нет, они совершенно не несли никаких полицейских обязанностей, я выселил даже одну часть. Они несли только караульную службу.

А. Н. Алексеевский: Но в Харбине были случаи, когда представители отрядов Семенова, Калмыкова и Орлова иногда присваивали себе функции политической полиции и принимали меры ареста, а иногда даже увозы и убийства по отношению к отдельным лицам.

Адм. Колчак: Увозы все время повторялись, но я не могу сказать, что это делали представители всех отрядов, у меня данных определенных нет. Я могу только сказать, что я сам был свидетелем того, что в Харбине арестовывали на улице вечером и в этом отношении отдельные группы действовали совершенно независимо. До моего от'езда было при мне убийство одного учителя Уманского.

30-ГО ЯНВАРЯ 1920 ГОДА.

Адм. Колчак: Ко времени моего приезда наблюдалось, что в самых, казалось бы, маленьких отрядах создавались особые органы контр-разведки. Создание этих органов было совершенно самочинное, т. к. контр-разведка может быть лишь при штабах корпусов. В таких отрядах могут быть лишь разведочные отделения, но контр-разведка, как орган, направленный для борьбы с противником, может существовать лишь в штабе корпуса. Между тем, контр-разведка существовала во всех таких отрядах, в особенности в таких отрядах, которые создавались сами по себе. Там, где впоследствии воинские части создавались на основании всех правил организации, там их, конечно, не было, но во всех самостоятельно образовавшихся отрядах контр-разведка была. Эти органы контр-разведки самочинно несли полицейскую и, главным образом, политическую работу, которая заключалась в том, чтобы выслеживать, узнавать и арестовывать большевиков. Нужно сказать, что эти органы контр-разведки большей частью состояли из людей, совершенно неподготовленных к этой работе, — добровольцев, и по большей части основания, по которым производились все действия этих органов контр-разведки были совершенно произвольными, не предусматриваемыми никакими правилами. Обыкновенно, все контр-разведочные органы должны стоять в тесной связи с прокуратурой и во всех случаях обязаны были действовать, оповещая друг друга, здесь же никакой связи с прокуратурой не существовало и самое понятие «большевик» было до такой степени неопределенным, что под него можно было подвести, что угодно. Какие были причины для этого? Из разговоров с офицерами у меня создалось впечатление, что эти органы были переняты с тех органов, которые существовали в Сибири. Во время большевистской власти в Си-

бири в целом ряде пунктов по жел. дор. существовали такие заставы, которые контролировали пассажиров в поездах и тут же производили их аресты, если они оказывались контр-революционерами. По этому типу и эти отряды создавали у себя аналогичные органы: они занимались совершенно самочинно осмотром поездов и, когда находили кого-ниб., кто, по их мнению, был причастен к большевизму или подозревался в этом, то арестовывали. Такие явления существовали несомненно по всей жел. дор. После моего прибытия туда, когда выяснилась эта картина, я беседовал с начальниками отрядов и сказал, что в сущности, контр-разведка должна быть только в моем штабе, т. к. они мешают друг другу и портят все дело. На это мне совершенно резонно ответили, что мы боремся, и то, что с нами делали, будем делать и мы, т. к. нет никакой другой гарантии, что нас всех не перережут. Мы будем бороться таким же образом, как и наш противник боролся с нами. За нами устраивается травля по всему пути, а там, где мы находимся, мы обязаны таким же образом обеспечить и себя от проникновения сюда лиц, которые являются нашими врагами. Поэтому, хотя такие органы контр-разведки никогда не значились оффициально, на деле они продолжали функционировать. В тех отрядах, которые мне были подчинены, мне удалось поставить дело таким образом, что о производившемся аресте сообщалось немедленно мне и прокурору: арестованные лица передавались прокурорскому надзору и там производилось быстрое расследование дела. Я помню, значительное число бывало арестовано по совершенно неосновательным причинам; когда это выяснялось, то их отпускали, но те лица, которые были персонально известны этим частям, конечно, не выдавались и с ними воинские части расправлялись сами совершенно самочинно, в тех же случаях, когда было только подозрение, они выполняли это требование и передавали прокурорскому надзору и там производилось расследование, которое большею частью не приводило ни к каким результатам. Контр-разведка при штабе у меня была, но контр-разведки при отрядах действовали совершенно самостоятельно. Формально они не существовали никогда и, таким образом, любая часть могла сказать, что никакой разведки у нее нет. С точки зрения всех военных чинов, это было средство борьбы; они говорили: «мы защищаемся, мы ведем борьбу и считаем необходимым применить ту же меру, которую применяли и в отношении нас». Нужно сказать, что в Харбине ходило много рассказов относительно деятельности этих органов. Не знаю, насколько они были справедливы, т. к. это был сплошной кошмар, стоявший на всей линии жел. дор. как со стороны большевиков, так и со стороны тех, которые боролись с ними. Для меня, как совершенно нового человека, это казалось совершенно невероятным; я не верил этому, и считал больше словами, но потом, конечно, ближе познакомился и видел, что на жел. дор. шла все время жесточайшая взаимная травля, как со стороны тех районов, где хозяйничали большевики, так и в тех районах, где хозяйничали их противники. Методы борьбы были одни и те же.

Алексеевский: Когда факты самочинных обысков, арестов и расстрелов устанавливались, принимались ли меры, чтобы привлечь виновных к суду и ответственности?

Адм. Колчак: Такие вещи никогда не давали основания для привлечения к ответственности: было невозможно доискаться, кто и когда это сделал. Такие вещи никогда не делались открыто. Обычно происходило так: в вагон входило несколько вооруженных лиц – офицеров и солдат, арестовывали и увозили. Затем эти лица исчезали и установить, кто и когда это сделал, было невозможно.

Алексеевский: Но, ведь, в самом Харбине или на ст. Харбин имелись определенные полицейские части, которые несли внешнюю полицейскую службу, которая должна была заключаться в недопущении таких самочинных действий. Принимались ли меры, чтобы наружная милиция была господином положения на станции?

Адм. Колчак: На Центральной ст. этого не делалось. Бывали иногда случаи арестов в городе; большей частью это случалось по линии дороги, в самом же Харбине это случалось сравнительно редко, т. к. там был комендант станции, была воинская стража, существовала известная охрана станции. Приведу случай, с которым мне пришлось столкнуться, произошел он на второй день моего приезда и состоял в следующем. Начальником милиции в Харбине в то время был фон-Арнольд, который состоял в канцелярии Хорвата. Утром в тот день он позвонил мне по телефону и по французски сообщил мне, что по дороге от Харбина к бойням (единственная шоссейная дорога) найдено тело убитого учителя Уманского, что уже дано знать прокурору, что он и следователь выехали уже на место и производят дознание. «Я приеду к Вам и все расскажу подробно». Через некоторое время он сам лично прибыл ко мне и сказал, что он сильно подозревает, что это убийство совершено бывшими воспитанниками Хабаровского Корпуса. Кадеты Хабаровского Корпуса были везде: в отрядах Семенова, Орлова, Калмыкова и др.. Уманский недавно приехал сюда, ничего не делал и, очевидно, его убийство находится в связи с теми обвинениями, которые выдвигались против него в том, что будучи в Хабаровске, он выдавал кадет и их родителей якобы участвующих в контр-революционных заговорах, благодаря чему погибло масса народу, вследствие чего, бежавшие из Хабаровска старшие воспитанники корпуса поклялись, что отомстят ему. «Вот все, что я подозреваю», сказал фон-Арнольд, «остальное — дело следственных властей». Расследование как будто дало известные следы, и в конце концов следователь направился в отряд Орлова, но его, конечно, туда не пустили. Ко мне прибыл прокурор и заявил, что они хотят осмотреть все помещение отряда, казармы, автомобили и т. д., но что их туда не пускают. Я немедленно сделал распоряжение не только допустить, но и оказать полное содействие судебным властям в осмотре и обыске, которые они предполагают сделать. На это последовал ответ, что это будет исполнено и они будут допущены. Через некоторое время они были у меня, я спросил их, каковы же результаты. Они ответили: «никаких, имеются сильные подозрения, но ничего определенного нельзя установить». Конечно, самое важное было бы установить, кто оставлял казармы вечером и в течение ночи. Обыкновенно в частях ведутся точные списки увольняемых, в отряде же ничего подобного не было: люди увольнялись просто дежурным офицером, который отпускал их. Никаких книг, никаких списков в отряде не велось. Поэтому установить факт, какие люди были вне казарм, было невозможно, и вся работа прокурора решительно ни к чему не привела. Вблизи этого места, где было найдено тело, был найден свежий след автомобиля, на котором повидимому и было привезено тело, но никаких характерных признаков не было установлено, ни шины, ни размер автомобиля. Таких автомобилей в Харбине сколько угодно и поэтому осмотр автомобилей не дал результатов. Этот случай произошел в первые дни моего пребывания там. Второй случай был таков. Однажды вечером, когда я сидел у себя в вагоне и занимался, мне доложили, что ко мне пришла молодая дама и просит меня принять ее. Я сказал, чтобы ее попросили ко мне; она входит и бросается ко мне с просьбой спасти ее мужа офицера, который на улице

Харбина был арестован офицером Семеновского отряда. «Я знаю, его арестовали по приказанию помощника Семенова, который является его личным врагом. Его приказано арестовать и отвезти в Хайлар, а кого отвозят в Хайлар, тот уже не возвращается назад. Я уверена, что его убьют, и только Вы можете спасти его». Я подумал: я считал, что прежде всего, Харбин ‹не› является частью, в которой распоряжаюсь я, и такие аресты без моего ведома являлись противоречащими основной воинской дисциплине. Семенов мог не считаться со мной, но в Харбине арестовывать офицера без моей санкции он, конечно, не мог. Затем я отлично знал, что разговаривать в данном случае будет совершенно бесполезно, поэтому я вызвал караул, призвал 2-х офицеров и сказал: «вероятно сегодня вечером к поезду, который должен отойти в Хайлар, явится конвой с арестованным офицером, арестуйте их всех и доставьте ко мне». Офицера конвоировала 4–5 солдат и 1 офицер, мною же было послано полроты 20–30 чел. которые были скрыты на вокзале. Когда в вокзал вошел конвой с арестованным офицером, их окружили и заявили: «по приказанию командующего войсками вы арестованы». Те увидели, что сопротивляться бесполезно, т. к. силы были значительно больше, подчинились и были привезены ко мне. Я призвал к себе начальника семеновского отряда. Он заявил мне: «Ваше Превосходительство, я человек подчиненный, мне было приказано моим начальником сделать это, и я должен был выполнить. Я не могу ни оправдываться, ни доказывать, почему я это сделал: я получил приказание от моего начальника доставить в Хайлар и больше ничего не могу сказать. Я выполнил данное мне приказание, все остальное мне неизвестно». Тогда я отпустил конвой, арестованного же офицера оставил у себя. Я призвал его и сказал: «единственный способ спасти Вас – арестовать Вас, чтобы Вы были у меня под охраной». Я так и сделал и отправил его на гауптвахту в орловский отряд. При этом я приказал, чтобы следили за тем, чтобы к нему никто кроме жены не мог проникнуть, в случее же попытки забрать его силой, действовать оружием. Он просидел таким образом некоторое время, затем я передал его Хорвату, который его через некоторое время освободил (я тогда уехал во Владивосток). Вот способ, которым можно было бороться с этим влиянием, но это было возможно только тогда, когда Вы об этом знали. Не приди ко мне его жена, я ничего не знал бы об этом: мало ли офицеров ездит с солдатами; на первый взгляд трудно узнать, ведут ли арестованного или он просто идет с ними. Что касается того, что делал Калмыков, то это были уже совершенно фантастические истории. Я лично, напр., знаю, что там производились аресты, не имевшие совершенно политического характера, чисто уголовного порядка. Там шла напр. правильная охота на торговцев опиумом. По линии Китайской ж. д. ездило постоянно с контрабандой опиума очень много лиц – женщин и мужчин, провозивших опиум, стоивший очень дорого. Здесь очень часто уже не контр-разведка, а просто предприниматели под видом политического ареста выслеживали этих торговцев, арестовывали их, отбирали опиум, и убивали, а в случае обнаружения этого, ссылались на то, что это были большевистские агенты или шпионы. Конечно, это были не большевики, это были просто хищники, занимавшиеся провозом опиума, что давало им большие деньги. За ними велась систематическая охота, при чем занимались и солдаты и вообще частные предприниматели: обычно в вагон входила кучка солдат, заявляла такому продавцу опиума: «Большевистский шпион», арестовывала, опиум вытаскивала и затем убивала его, а опиум продавала.

Алексеевский: Не приведете ли Вы несколько примеров из деятельности

Калмыкова, относительно которого Вы говорите, что она превышала, что делалось тогда?

Адм. Колчак: У него была крупная история, и я не знаю, как она уладилась. Это случилось за несколько времени до моего от'езда. Калмыков поймал тогда вблизи Пограничной шведского или датского подданного, представителя Кр. Креста, которого он признал за какого то большевистского агента, которого он повесил, отобрал у него все деньги, большую сумму, в несколько сот тысяч. Требование Хорвата прислать арестованного в Харбин, деятельность консулов ничему не помогли. Скандал был дикого свойства, т. к. его ничем нельзя было оправдать. Хорват чрезвычайно был обеспокоен этим случаем, но сделать было ничего нельзя, даже денег не удалось получить. Это был форменный случай разбоя. Такие явления по линии ж. д. существовали, и бороться с ними было почти невозможно. Теперь надо посмотреть, что представляла из себя милиция, единственный орган, который мог бы бороться с этими явлениями. Там, где существует организованная полиция, которая ведет наблюдение за порядком, она могла бы не допускать появления самочинных партий, неизвестно кому принадлежащих, которые осматривали вагоны, арестовывали людей и т. д., но ‹нет, что› милиция, существовавшая в то время, может быть, даже сама участвовала в этом. Нужно сказать, что в то время, когда я был в Харбине, милиция представляла нечто потрясающее по своей распущенности и даже по внешнему безобразию. В Харбине на всех улицах была наша и китайская милиция. Китайцы, надо отдать им справедливость, прекрасно несли свою службы; хотя они и не вмешивались ни во что, но во всяком случае китайские посты производили нормальное впечатление людей, стоящих на посту и занимающихся делом и несением охраны города и личной безопасности, но что касается наших милицейских, то они были большей частью распущенные пьяные люди, абсолютно незнакомые ни с какими полицейскими обязанностями, которых китайцы очень часто (мне самому приходилось это видеть) избивали, говоря: «Мы теперь капитаны, Вы теперь ходя». У Арнольда был маленький отряд, составленный из старых полицейских, который дежурил на станции и поддерживал там порядок. Вообще же милиция представляла там один сплошной кошмар.

Алексеевский: Таким образом, не было возможности [принять] какие нибудь систематические меры к обеспечению безопасности личной и имущественной по всей линии ж. д. при помощи формируемых отрядов?

Адм. Колчак: В то время [это] только налаживалось; может быть, впоследствии это и можно было сделать. Когда позже осенью мне приходилось проезжать там, то таких явлений уже не существовало, по крайней мере никто не жаловался. В то же время милиция, охрана и стража по ж. д. находились в таком печальном состоянии, что я глубоко уверен, что те же самые милицейские спокойно занимались подобными предприятиями, ловлей опиоторговцев и т. д.

Алексеевский: Приходила ли Вам мысль, что до Вас и лиц высшего правительственного состава доходят сведения о жертвах такого произвола, только принадлежащих к обществу. К Вам пришла жена офицера, для жены рабочего или крестьянина это было бы труднее не только в смысле физического проникновения, но и в психологическом смысле. Приходила ли Вам мысль, что такие случаи произвола во много раз превышают те отдельные случаи, о которых Вам приходилось слышать?

Адм. Колчак: Я думаю, что все случаи едва ли могли касаться низов, т. к. не было смысла трогать этих людей. По крайней мере со стороны железнодо-

рожных служащих не было жалоб ни на какие аресты или обыски. Да это вполне понятно, т. к. вряд ли для организаторов подобных предприятий имело смысл арестовывать низших служащих.

К. А. Попов: Над кем производились эти расправы?

Адм. Колчак: Большей частью над проезжавшими по ж. д. и, конечно, вся эта работа велась главным образом в классных вагонах. Вопрос стоял таким образом: сколько я представляю, там постоянно ездили из Приамурья, Хабаровска по делам все эти лица. Если встречались лица, которые были известны раньше, то их хватали и арестовывали. Хватали также людей, у которых было известно, есть ценный груз опия. Все это относится к области уголовных деяний.

Алексеевский: Когда мы старались выяснить, почему образуется такая контр-разведка, Вы отвечали, что это метод противника. Вместе с тем, Вы образовали у себя центральную контр-разведку с тем, чтобы упорядочить все эти органы контр-разведки. Те меры и методы, которые применяли эти контр-разведки отдельных отрядов, Ваша центральная контр-разведка также не применяла бы?

Адм. Колчак: Если бы контр-разведка определила бы существование таких большевистских агентов, которых я признавал бы опасными, то, конечно, их приходилось бы арестовывать. Каждый из начальников может вступить на этот путь, может делать, что угодно, но в пределах известных законоположений, в пределах законных норм. Я всегда стоял на этой точке зрения: можно расстрелять, можно проделать, что угодно, но все должно быть выполнено на основании законных норм. Такие вещи, как аресты, производимые контр-разведкой, которые подвергались расследованию, о которых доносилось прокурору, можно было делать. При мне лично за все время не было ни одного случая полевого суда. Было штабом арестовано несколько лиц, приехавших из Владивостока с целью закупки хлеба, при чем у них были отобраны деньги. Затем было рассмотрено, какие это были деньги — общественные или частные; общественные были сданы в банк, частные же возвращены. Потом, насколько помнится, эти люди были освобождены, т. к. против них не было никаких улик. Они, действительно, принадлежали к большевистской организации и приехали закупить хлеб, но все же не было никаких оснований делать что либо с этими людьми.

Алексеевский: Вам говорили, что это метод, усвоенный противником, но признавали ли Вы, что это закон?

Адм. Колчак: Нет, не признавал. Несомненно, нужно было так бороться, и я считал необходимым это делать, но я не допускал, чтобы это делалось самочинными, неизвестными мне организациями.

Алексеевский: Офицеры говорили Вам, что они могут быть вырезаны своим противником, если не усвоют себе методов защиты противника. Я ставил Вам вопрос, что эти аресты должны быть более многочисленны в массах населения, по Вашему же мнению эти аресты производились, главным образом, среди пассажиров. Следовательно, среди русского населения Манчжурии как будто не было большевиков, не было тех агрессивных норм боевого большевизма, как в России и Сибири: Вы должны были заметить, когда при Вас ссылались на необходимость создавать контр-разведку в Манчжурии, что это оговорка или повод для проявления....... в офицерстве.

Адм. Колчак: Повторяю, что основания для этого были. Конечно, вполне понятно, что когда ведется борьба, то нежелательно, чтобы на территорию, на которой Вы ведете борьбу, проникали агенты противника, но здесь вопрос другой: большею частью это был вопрос мести. Люди, которые пробрались сюда с

величайшим риском и опасностями, хотя бы через Слюдянку, где погибло по крайней мере до 200 офицеров, люди, прошедшие через эту школу, конечно, выслеживали лиц, которых они знали в дороге и, конечно, мстили. Для меня было ясно, что главным мотивом этой деятельности является месть, что все те ужасы, которые творились по линии ж. д. происходили на почве мести.

В. П. Денике: Здесь отчетливо освещены Ваши отношения с Семеновым, но для меня не ясна роль Хорвата по отношению к Вам и Семенову с одной стороны и с другой — роль Хорвата по отношению к Японии.

Адм. Колчак: Хорват все время держался странной политики примирения. После отделения Семенова, который не признавал ни Хорвата, ни меня, Хорват все же против моего распоряжения оказывал Семенову помощь. На этой почве у меня было с ним несколько случаев столкновения, т. к. Хорват давал известные предметы снаряжения из запасов жел. дор. Семенову, тогда как я настаивал, что этой передачи не должно быть. Это могло держаться [делаться] с моего ведома, но Хорват делал это несколько раз помимо меня, и это вызывало столкновения. В отношении японцев Хорват в то время держался политики необострения отношений, хотя вообще он с ними не работал и связи с ними не имел.

В. П. Денике: Вас он поддерживал во всем?

Адм. Колчак: Я думаю, что меня он не поддерживал; в связи с отношением Семенова и японцев я сказал Хорвату, — в таких условиях работать невозможно, что обстановка, которая создается в полосе отчуждения, исключает всякую возможность сохранить наше положение, наш престиж, и в этом случае я видел, что Хорват работает против меня. Он считал, что я слишком беспокоен и слишком несдержан и возможно, что Хорват желал от меня отделаться.

Алексеевский: Отношение Хорвата к репрессиям против большевиков каково было?

Адм. Колчак: Хорват глубоко возмущался всем этим и со своей стороны делал все, поскольку это зависело от него, чтобы прекратить это. Когда случилась эта история у Калмыкова со шведским подданным, то Хорват наложил запрет на то оружие, которое предназначалось для отряда Калмыкова и прибыло на ст. Харбин, чтобы воздействовать на него, но это оружие принадлежало японцам, и в конце концов ему пришлось его выпустить.

Алексеевский: Значит, он был человеком, который если стремился вести борьбу с большевиками, то в пределах законных норм. Был ли он в этом смысле более решительным, чем Вы, он ли Вас сдерживал или Вы его?

Адм. Колчак: В этом отношении мы не расходились: Хорват все время стоял на точке зрения законных форм борьбы. Вообще я не могу говорить об его борьбе с большевиками, т. к. в то время борьба только подготовлялась. В отношении железно-дорожников, которые ему были подчинены непосредственно, он старался держаться политики примирения, успокоения и удовлетворения всех требований, которые выставлялись железно-дорожниками. Таким образом, меры, кот. он принимал, были всегда в высшей степени гуманными; он старался достигнуть всего добром, путем сглаживания острых углов, разговаривал постоянно с рабочими и вносил много успокоения в эту среду. Насколько знаю, там была одна только забастовка, когда были остановлены поезда, при чем мой поезд был об'явлен свободным для движения и я прекрасно ездил. Стачка была прекращена, насколько помню, без всяких репрессий со стороны Хорвата.

Алексеевский: Теперь продолжайте Ваш рассказ.

Адм. Колчак: Я понял, что мое возвращение нежелательно. В это время готовилась интервенция, т. е. ввод иностранных войск на нашу территорию. По всей вероятности, впечатление, которое осталось у японцев было таково, что я буду мешать этому делу. Поэтому они желали, чтобы я не вмешивался в дела Востока.

Алексеевский: Доходили ли до Вас слухи, что параллельно с властью Дербера существует власть областного земства. Каково было Ваше отношение к этим трем организациям власти?

Адм. Колчак: Из тех сведений, которые у меня имелись, я мог знать, более или менее определенно, только состав правительства Дербера, так как стоял в Харбине рядом с ними в вагонах. Что касается до Приморского земства, то первоначально у меня были только сведения ошибочного порядка. Во время образования этих правительств я мог пользоваться только источниками из газет, бывших в Японии. По этому поводу я беседовал с Дудоровым, нашим агентом в Токио, который представил мне целый ряд распоряжений и постановлений, которые делались этими тремя органами власти на Востоке. Я должен сказать, что единственно серьезным органом, который занимался своим делом, мне представлялось земство, так как все акты, которые представлялись со стороны других правительственных организаций, носили только характер политической борьбы. У меня создалось представление, что между всеми этими организациями велась борьба за власть, и одна организация отменяла постановления другой. Между тем земство вынесло ряд постановлений, носящих деловой характер. Поэтому у меня создалось впечатление, что земство есть единственная власть, которая на Востоке может что-нибудь сделать, так как оно развивает работу чисто делового характера. На меня произвело тяжелое впечатление, имевшее тогда место разоружение отряда полковника Толстого. Я видел, что правительство Хорвата сделать ничего не может, и что, следовательно, сил у него нет. Во Владивостоке хозяйничали союзники: чехи, например, не пропустили в Никольско-Уссурийск отряда Хрещатицкого, задержав его на Гродекове. Для меня было ясно, что Хорват и его правительство не являются хозяевами на Востоке и никаких распоряжений делать не в состоянии. Там хозяйничают союзники и единственным деловым аппаратом там остается только земство. Более подробные сведения я получил после того, как послал одного из сопровождавших меня офицеров — Вуича во Владивосток, чтобы собрать сведения и обрисовать картину, так как по газетам было впечатление полного хаоса и сумбура, и трудно было что-либо понять. В сущности этим и определялось мое отношение к этим правительствам. Связи я с ними никакой не имел и не интересовался даже этим, т. к. в это время был на курорте. Я решил, что теперь наступило господство союзников, которые будут распоряжаться, даже не считаясь с нами.

Алексеевский: Какое впечатление произвел на Вас самый акт об'явления Хорвата себя Верховным Правителем?

Адм. Колчак: Я считал, что из всех лиц, которые были на Дальнем Востоке, Хорват единственный мог претендовать на это, т. к. он давно уже был на Востоке в качестве главноначальствующего полосы отчуждения, был известен на Востоке всем, и если он пытался образовать правительственную власть на Востоке, то и слава Богу: больше некому было это сделать. Я нисколько этому не удивился, т. к. Хорват был единственно авторитетным лицом, который мог это сделать.

Алексеевский: Это предполагает известную предпосылку в Вашем умонастроении, что нужна единоличная власть. Ведь, верховный правитель, это, в сущности, диктатор.

Адм. Колчак: Я считал, что надо привести Дальний Восток к какому-нибудь порядку, поэтому я считал вполне понятным, если бы Хорват распространил свою власть, кроме полосы отчуждения и на соприкасающуюся Приморскую область. Я считал вполне естественным, что Хорват пытается наладить управление. Во всяком случае, я не считал, что это торжество идеи единоличной власти.

Алексеевский: Ваше умонастроение как-будто было таково, что Вы считали это единственным [выходом].

Адм. Колчак: Я очень колебался, считать ли такой путь нормальным. Я совершенно не вступал тогда ни в какие отношения с Хорватом. Я считал, что в такие моменты какое-нибудь лицо должно было взять власть в свои руки, т. к. в тот момент положение вещей носило характер анархии, когда у нас начинали хозяйничать иностранцы. Таким образом, когда Хорват — известное на Востоке лицо — взял власть в свои руки, то в принципе я считал это приемлемым: пусть он начинает вводить управление и какой-нибудь государственный порядок. Но я не считал, что персональный состав этого правительства был в состоянии справиться с этой задачей, и то, что впоследствии мне было сообщено во Владивостоке, подтвердило, что этот персональный состав не в состоянии будет справиться с делом. До моего приезда во Владивосток мне казалось, что было бы наиболее резонным начать организацию власти через земства, которые казались мне как бы зарекомендовавшими себя известной деловой работой в крае. По этому поводу я могу сказать следующее. Когда я приехал в Токио, то Нокс сделал мне визит. Разговаривая со мной о положении на Дальнем Востоке, он спросил меня, что я делаю. Я изложил ему подробно свою эпопею на Дальнем Востоке и причину, почему я уехал оттуда и нахожусь в Японии. Он просил меня сообщить, что происходит во Владивостоке, т. к. по его мнению, нужно было организовать власть. Я сказал, что организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении. Этим самым решается вопрос о власти, и надо решать вопрос о создании вооруженной силы, на которую эта власть могла бы опираться, т. к. без этого она будет фиктивной, и всякий другой, кто располагает этой силой, может взять власть в свои руки. Мы очень долго беседовали по поводу того, каким образом организовать эту силу, т. к. Нокс повидимому приехал с широкими задачами и планами, которые ему впоследствии пришлось изменить, но он приехал помочь организации армии. Я указывал ему, что, имея опыт с теми организациями, которые были, я держусь того, что таким путем нам вряд ли удастся создать что-нибудь серьезное, и поэтому я с ним условился принципиально, что создание армии должно будет итти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать оружием, и что, если надо создавать нашу армию, то надо создавать с самого начала, именно с воспитания, т. е. строить школы для офицеров, для унтер-офицеров, потому что основная причина, почему нам так трудно было создавать вооруженную силу, это всеобщая распущенность офицерства и солдат, которые потеряли, в сущности говоря, всякую меру понятия о чести, о долге, о каких бы то ни было обязательствах, никто не желал ни с кем решительно считаться, каждый считался со своим мнением. То же самое было и в обществе. Напр. в Харбине я не встречал двух людей, которые бы хорошо высказывались друг о друге. Ужасное впечатление, которое у меня от Харбина осталось, когда я человека в первый раз вижу, считаю его порядочным человеком и говорю с ним, как с таковым, а через минуту является другой и говорит: «что Вы с ним

говорите, это бывший каторжник, он украл» и т. д., а про этого другой то же самое говорит. Это была атмосфера такого глубокого развала, что создавать что бы то ни было было невозможно. Это была одна из причин, почему я так скептически относился к Правительству Хорвата: оно состояло из людей, которые сидели в этой харбинской яме.

А. Н. Алексеевский: Вы, значит, в известной степени считали, что земство могло бы быть государственной властью в силу того, что Земство является государственным установлением, и что оно в то же время обнаружило достаточную деловитость в своей деятельности?

Адм. Колчак: Я главным образом базировался на последнем. Нокс спрашивал: «каким образом можно создать власть?» Я сказал: «путь к власти один: в первую очередь создание вооруженной силы, затем, когда эта сила уже наступает, то командующий этой силой там, где эта сила действует, осуществляет всю полноту силы военной. Как только освобождается известный район вооруженной силой, должна вступить гражданская власть в отправление своих функций. Какая власть? Выдумывать ее не приходится, для этого есть земская организация и нужно ее поддерживать. Покуда территория мала, эти земские организации могут оставаться автономными, но по мере того, как развивается территория, эти земские организации, соединяясь в более крупные соединения, получают возможность уже выделить из себя тем или другим путем правительственный аппарат». Это была записка, которую я подал тогда Ноксу, для того, чтобы выйти из хаоса. Впоследствии, когда мне пришлось поехать во Владивосток, когда мне пришлось познакомиться с деятельностью земства, я убедился, что это земство было большевистского направления, и на него надежды, с моей точки зрения, не было.

А. Н. Алексеевский: А Вы в личные отношения с земскими деятелями входили, или Вы слышали это от других, и не возникало ли у Вас сомнения в том, что это освещение суб'ективное?

Адм. Колчак: Нет, в личные отношения с земскими деятелями я не входил, но из дел явствовало, что связь Медведева и Огарева с большевиками была несомненная, — это было дознано следствием и судебным материалом, и для меня было ясно, что это земство было полубольшевистское или большевистское.

А. Н. Алексеевский: Вам не было известно, что Медведев, возглавлявший земство, как орган власти, был из этого земства изгнан большевиками, которые несколько раз пытались его арестовывать. Что Огарев, Городской голова Владивостока, как лицо, возглавляющее Исполнительный орган городского управления, был изгнан и должен был точно также скрываться от большевиков?

Адм. Колчак: Нет, я этого не знал. Нужно сказать, что вся обстановка, в которой я сидел в Японии, исключала возможность давать мне правильную оценку и взвешивать все, что там происходило. По американским и японским газетам до меня доходило кое что.

А. Н. Алексеевский: Остается еще третий вид возникавших тогда организаций, — это Дерберское правительство. Ваше отношение к Дерберскому правительству не изменилось, когда оно из претендента обратилось в некоторую организацию?

Адм. Колчак: Нет, оно осталось таким же, как и было: я считал его правительством опереточным.

А. Н. Алексеевский: Я хотел бы задать Вам еще один вопрос: Вы с французским послом Реньо имели беседы и разговоры?

Адм. Колчак: Я сделал ему один визит по совету Крупенского.

А. Н. Алексеевский: Я ставлю этот вопрос, потому что Реньо играл впоследствии некоторую роль в союзнических кругах, влияющих на события в Сибири, а во вторых, потому что об этом есть какое то указание в письме г-жи Тимиревой к Вам от 17-го сентября, в котором она говорит, что у Вас установился какой-то мезальянс с Реньо.

Адм. Колчак: Он был очень мило у меня принят, но я только занимался с ним беседами, Крупенский очень лестно о нем отзывался. Обдумав свое положение в Японии, я, в конце концов, пришел к тому убеждению, что при условии интервенции я вряд ли буду иметь возможность здесь в России что нибудь сделать, потому что эта интервенция мне была неясна прежде всего. Она носила оффициальный характер помощи и обеспечивания прихода чехов на Дальний Восток. Вслед затем получилось известие, что чехи отправляются обратно на уральский фронт, и смысл и суть этой интервенции мне была, в конце концов, совершенно непонятна. Я видел из предыдущих отношений, что я лицо нежелательное для японского командования, и считал, что делать мне на Востоке здесь нечего. К этому времени я получил более подробное известие от Степанова относительно положения на юге России, и затем меня чрезвычайно беспокоило положение моей семьи, от которой я решительно никаких писем не получал. Я знал, что она находится где-то на юге в Севастополе, поэтому я решил поехать и постараться пробраться на юг, повидать ген. Алексеева, потому что из всей предшествующей власти Алексеев, как и Корнилов, сохранил в принципе для меня значение верховного главнокомандующего, которому я был когда то подчинен, и никаким актом из этого подчинения не вышел. Я считал, что если бы было в отношении меня сделано Алексеевым какое-нибудь распоряжение, я считал бы обязательным для себя его выполнить, как приказание главнокомандующего. Поэтому я решил ехать на юг, постараться найти свою семью, а затем явиться в распоряжение Алексеева. Вот решение, которое я ⟨пред⟩принял в Японии.

А. Н. Алексеевский: Я хотел бы выяснить: как могло остаться такое мнение об Алексееве, как главнокомандующем, после того, как он законно признанной всей Россией властью был удален от командования? Был Брусилов, затем был Духонин, который был убит во время переворота.

Адм. Колчак: Я представлял себе, что на юге Алексеев является командующим теми силами, которые там имеются, и считал, что я должен ему подчиниться в силу того, что он был раньше главнокомандующим. Это было не совсем правильно, он, в сущности, главнокомандующим не был, но я тогда не знал, я представлял себе организацию противобольшевистскую, возглавляемую Алексеевым, потому что роль Корнилова была для меня не совсем ясна.

А. Н. Алексеевский: До Вас в Японию доходили известия о том, что в западной Сибири образовалось Западно-Сибирское правительство, и как Вы к этому относились?

Адм. Колчак: Были неопределенные сведения, что в Омске образовалось Западно-Сибирское правительство, были неясные слухи о том, что в Самаре собирается с'езд членов учредительного собрания, были первые намеки об образовании директории, — это были все отрывочные и неопределенные сведения, из них самое серьезное это то, что Омскому правительству удалось успешно провести мобилизацию в Сибири, и что население, совершенно измучившееся за время хозяйничанья большевистской власти, главным образом в лице сибирской кооперации, поддерживало власть этого правительства. Ни характера этого

правительства, ни его целей и тенденций я не знал, я знал только, что оно противо-большевистское. Тут же я узнал об организации вооруженной силы Гришиным-Алмазовым, подробности же я узнал, когда прибыл во Владивосток. Из Японии я ехал на юг России, но потом мое решение изменилось. Из Японии я уехал беспрепятственно. Прибывши во Владивосток, я обратился к своим знакомым сослуживцам-морякам, в свою очередь последние, узнав о моем приезде, обратились ко мне с просьбой, чтобы я им посвятил вечер, и высказал свое мнение, что им делать, кому подчиняться, и каково должно быть отношение морских офицеров и команд к существующему троевластию. Я сказал, что я это сделаю, но прежде я прошу дать мне несколько дней, чтобы ознакомиться с тем, что делается во Владивостоке. Владивосток произвел на меня впечатление чрезвычайно тяжелое: я не мог забыть, что я там бывал во время империи, тогда мы были хозяевами, это был наш порт, наш город, теперь же там распоряжались, кто угодно. Все лучшие дома, лучшие казармы, лучшие дамбы были заняты чехами, японцами, союзными войсками, которые туда прибывали, а наше положение было глубоко унизительно, глубоко печальное, я чувствовал, что Владивосток не является уже нашим русским городом.

А. Н. Алексеевский: Каково было Ваше принципиальное отношение к интервенции раньше, чем Вы ее увидели во Владивостоке?

Адм. Колчак: В принципе я был против нее.

А. Н. Алексеевский: Все-таки можно быть в принципе против известной меры, но допускать ее на практике, потому что другого выхода нет. Вы считали ли, что не смотря на то, что интервенция нежелательна, к ней все-таки надо прибегнуть?

Адм. Колчак: Я считал, что эта интервенция, в сущности говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом. Затем, я не мог относиться сочувственно к этой интервенции в виду позорного отношения к нашим войскам и унизительного положения всех русских людей и властей, которые там были: меня это оскорбляло, я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер, это не было помощью России, все это выставлялось, как помощь чехам, к их благополучному возвращению, и в связи с этим, это получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальний Восток. Во Владивостоке я получил первые сведения о Западно-Сибирском правительстве, которое тогда называлось правительством Вологодского, затем я узнал, что в Уфе состоялось совещание, на котором было решено из Сибирского правительства образовать всероссийскую власть, и что во главе этой власти будет стоять Директория в составе Авксентьева, Зензинова, Вологодского, Чайковского, Болдырева. Там же я узнал, что в Архангельске образуется какая-то власть под председательством Чайковского, и что все эти отдельные правительства решили об'единиться под флагом Директории. Когда я собирался беседовать об этом вопросе со своими сослуживцами моряками, где были представители от морского управления на Дальнем Востоке, я высказал им совершенно определенно: я не являюсь здесь Вашим начальником, я совершенно частное лицо, и, если Вы хотите знать мое мнение, то для того, чтобы прекратить, в конце концов, то совершенно недостойное положение, которое существует во Владивостоке, в виду двух или трех каких-то правительственных организаций, которые борются между собой за власть, я бы признал Западно-Сибирское пра-

вительство, потому что это правительство образовалось, повидимому, без всякого постороннего влияния и поддерживается широкими слоями населения Сибири: оно уже провело мобилизацию, что показывает, что правительство имеет действительную организацию и пользуется сочувствием и доверием населения, потому что такая мобилизация иначе не пройдет. Вот те мотивы, которые заставляют меня признать это правительство, и всеми силами поддерживать его авторитет. К этому времени как раз прибыла миссия Вологодского во Владивосток. Не помню, кто с ним был, но наверно помню, что был Гинс. Правительство это прибыло во Владивосток и сейчас же, в тот или на другой день, Вологодский созвал представителей Дерберского правительства, которые моментально сложили свои полномочия и признали власть Сибирского правительства. Затем, повидимому, земство тоже признало это правительство, и вслед затем Хорват сказал, что он тоже подчиняется новой Сибирской власти. Я лично представился тогда Вологодскому, так как бывший с ним один из морских офицеров сообщил мне, что было бы желательно, чтобы я повидался с Вологодским. Я сделал ему визит, он был страшно занят, ни о чем серьезно не говорил; я ему сказал совершенно определенно, что те морские части, которые имеются здесь, безусловно подчиняются распоряжениям этого правительства. Затем, эта миссия уехала, а я еще оставался, так как не мог никак выбраться из Владивостока, и в конце концов мне пришлось обратиться в чешский штаб. Сюда относится и первая моя встреча с Гайдой, который находился тогда во Владивостоке. Я получил известие, что он желает меня повидать. Я пошел к нему в штаб и встретился с ним в здании бывшего порта, где он находился. Я спросил его, в каком положении находятся все дела. Он мне ответил, что вся сибирская магистраль очищена совершенно от большевиков, что есть постановление союзного командования о том, чтобы чехи не уходили из России, ввиду невозможности предоставить им тоннаж, а чтобы они шли на Урал, что на Урале теперь образуется чешско-русский фронт, который будет продолжать борьбу с большевиками. Я спросил его, какой характер носят вообще эти большевистские вооруженные силы. Он тогда совершенно определенно сказал: «это продолжение той же войны, которая была раньше; центром тяжести всех этих вооруженных сил являются немецкие и мадьярские военно-пленные; для меня совершенно несомненно, что это есть та же война, которая велась раньше, и немцы несомненно участвуют во всем этом предприятии». Затем я спросил: «Вам известно про Омское правительство, и как Вы на него смотрите?». «Да», говорит он, «это Омское правительство уже сделало большую работу в создании армии, и эта армия теперь действует согласно с нами». Я спросил: «Кем об'единяется командование?». – «Этот вопрос», говорит он, «пока висит в воздухе, потому что об'единения русского и чешского командования нет. До сих пор русские и чешские отряды дрались вместе, и эти вопросы решались чисто фактическим путем: где больше чешских войск, там русские подчинялись, и обратно, но общего командования у нас нет». Я говорю: «по моему это большой недостаток в борьбе, раз нет об'единенной вооруженной силы, хотя бы только по оперативным заданиям». «Я думаю, что правительство по этому поводу несомненно войдет с нами в соглашение, и я надеюсь, что этот вопрос мы в ближайшее время разрешим». Действительно; Гайда обращался в то время к Вологодскому относительно назначения себя главнокомандующим вооруженными силами русскими и чешскими, действующими на территории Сибири, чтобы правительство санкционировало его власть. «Как Вы отнеслись к этому?», спрашивает он меня. Я сказал: «для меня вопрос подчинения

той или иной вооруженной силе определяется всегда практическим путем. Я не знаю состава русских сил; если Вы <все> более организованы и в стратегическом отношении имеете большую ценность, то будет вполне естественно, что командование должно Вам принадлежать, если отношения изменяются в сторону русских, то должно быть русское командование — иначе решить вопроса никак нельзя. Скажите, что такое директория, и что она из себя представляет?» Он говорит: «это образование нежизненное несомненно, я не верю, чтобы эта директория могла об'единить все русские части и силы, действующие здесь в Сибири и на другой территории. Я лично думаю, что она этого не может, и я имею сведения, что Омское правительство относится вообще к этой затее отрицательно. Но Вологодский сам вошел в состав директории и тем самым явился как бы в подчинении». Я говорю: «Какую при этих условиях власть Вы считали бы наилучшей?» — «Я», говорит он, «считаю, что в этом периоде и в этих условиях может быть только военная диктатура». Я ответил: «Военная диктатура прежде всего предполагает армию, на которую опирается диктатор и, следовательно, это может быть власть только того лица, в распоряжении которого находится армия, но такого лица не существует, потому что даже нет общего командования. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которая бы знала это лицо, и только в таких условиях это возможно. Диктатура есть военное управление, и она базируется, в конце концов, всецело на вооруженной силе, а раз этой вооруженной силы нет пока, то как Вы эту диктатуру создадите?» На это он мне отвечает: «Конечно, это вопрос будущего времени, потому что сейчас все еще находится в периоде создания, развития, но я лично считаю, что это единственный выход, какой только может быть». На этом разговоре мы расстались?

А. Н. Алексеевский: Этот разговор был после свидания с Вологодским или после от'езда Вологодского из Владивостока?

Адм. Колчак: Сколько помнится, после.

А. Н. Алексеевский: Когда Гайда заявил Вам, что он имел разговор или делал предложение Вологодскому о назначении его общим главнокомандующим, было ли для Вас тогда ясно положение Гайды в самой чешской армии, был ли он признанным вождем всех чешских сил?

Адм. Колчак: Это не было ясно для меня, я слышал фамилии Сырового, Чечека, во Владивостоке Гайда имел, повидимому, настоящую армию, всех же войск, распределенных по всей территории Сибири до того, как они призвали военнопленных, было 20,000—25,000, впоследствии они дошли до 40,000.

А. Н. Алексеевский: Вы не знали, кто в служебном отношении у них выше Сыровой или Гайда?

Адм. Колчак: Нет, я не знал, они как-бы самостоятельно действовали: Гайда на Востоке, а Сыровой на Западе, но Гайда ему не подчинялся.

А. Н. Алексеевский: А подчинялся ли Чечек Гайде или нет?

Адм. Колчак: Я этого тоже не знаю. Затем я узнал, что Семенов подчинился Омскому правительству, что у него было свидание с Пепеляевым, который прибыл в Читу. Таким образом, впечатление у меня получилось такое, что дело все-таки сдвинулось с той мертвой точки, в которой оно было, что возникает какое-то сильное об'единенное правительство, которое будет в состоянии что-нибудь сделать.

А. Н. Алексеевский: А участие чехов в русской политической вооруженной гражданской войне Вы не считали интервенцией союзников?

Адм. Колчак: Нет, я считал, что чехи стоят совершенно особо. Прежде всего для меня было ясно, что чехи были поставлены в необходимость этой борьбы, для того, чтобы выбраться из России. Я на чехов смотрел совершенно другими глазами, я их отделял от тех союзников, которые пришли извне.

А. Н. Алексеевский: Но тогда для Вас было ясно, что сами чехи, как вооруженная сила, находятся тоже в распоряжении союзников.

Адм. Колчак: Тогда это было не совсем ясно, наоборот, мне представлялось, что они действуют совершенно самостоятельно, но что союзники им помогают, по крайней мере они оффициально высказывали, что интервенцию они делают для обеспечения прохода чехов, это был оффициальный язык, которым они всегда говорили.

А. Н. Алексеевский: А теперь для Вас ясно, что выступление чехов было спровоцировано союзниками или большевиками?

Адм. Колчак: Я не знаю, мне представлялось всегда, что чешское восстание началось в Европейской России, когда они решили двигаться на восток, чтобы уйти оттуда. Мне кажется тут не было определенной провокации: просто большевики начали их разоружать, это создало им впечатление, что их не выпустят, это заставило их сплотиться и сорганизоваться, — это был вопрос жизни и смерти для них.

А. Н. Алексеевский: Но впоследствии оказалось, что там был целый ряд агентов французских и английских до того, как большевики приступили к разоружению.

Адм. Колчак: Я мало осведомлен об этом. Мне начал рассказывать обо всей этой истории Дитерихс, который был начальником штаба у Сырового. Насколько я знаю об этом с момента чешского движения, это был вопрос жизни и смерти их: они считали, что в России они погибли, потому что немцы хозяйничают в России, как они хотят. Они уходили уже на Запад, чтобы двинуться домой, но это было невозможно. Тогда они просились в Сибирь, для того чтобы итти на Восток, не расчитавши, что союзники не могли в то время дать им тоннажа. Ведь если бы союзники руководили ими, то как об'яснить, что они прошли всю Сибирь по магистрали?

А. Н. Алексеевский: Есть сведения, что союзники решили захватить магистраль и для этого нужно было дать чехам дойти до головного участка, чтобы иметь в своем распоряжении Владивосток, и обладая магистралью, осуществить свою мечту о создании Уральского фронта. Есть другое об'яснение, что вовсе чехи не бросились на сибирскую магистраль, чтобы по ней уходить от большевиков, — нет, они были направлены на эту магистраль.

Адм. Колчак: Откровенно Вам скажу, я не имею этих данных, и в наступлении чехов я не видел руководящей руки союзников. Для меня стала ясна роль союзников с чехами уже впоследствии.

А. Н. Алексеевский: Этот разговор с Гайдой интересен в отношении выяснения Вашей идеи, впоследствии целиком овладевшей Вами, а в начале как-будто еще бывшей под некоторыми сомнениями, идеи единоличной власти. Когда Гайда развивал Вам мысль, что только военная диктатура возможна, Вы держались того [другого] мнения [;] после того, как Вы познакомились с деятельностью Земства, Вы укрепились и Ваши колебания в отношении характера образования власти в направлении единоличной власти или в направлении ее коллегиальности определились к этому времени?

Адм. Колчак: Впоследствии я смотрел на единоличную власть совершенно, может быть, не с той точки зрения, как Вы предполагаете. Я считал прежде всего

необходимою единоличную военную власть — общее единое командование. Затем я считал, что всякая такая единоличная власть, единоличное верховное командование, в сущности говоря, может действовать с диктаторскими приемами и полномочиями только на театре военных действий и в течение определенного, очень короткого периода времени, когда можно действовать, основываясь на чисто военных законоположениях. У нас имеется чрезвычайно глубоко продуманное, взятое из за границы, сверенное со всеми подобными же трудами в Германии, Англии и Франции положение о полевом управлении войск: это есть кодекс диктатуры, это кодекс чисто военного управления. Для меня было ясно, так как я очень хорошо знаю это положение и над ним очень много сидел, изучал и считаю его одним из самых глубоких и самых обдуманных военных законоположений, которые у нас были — для меня было ясно, что управлять страной на основании этого положения, в сущности говоря, нельзя, потому что там не было целого ряда таких положений необходимых, как напр. вопросы финансового порядка, вопросы торгово-промышленных отношений, там не существует целого ряда государственных функций, которые власть должна осуществлять, они положением о полевом управлении войск не предусматриваются. Поэтому мне казалось, что единоличная власть, как военная, должна непременно связываться еще с организованной властью гражданского типа, которая подчиняется этой военной власти и на театре военных действий. Это делается для того, чтобы об'единиться в одной цели ведения войны. Таким образом, единоличная власть складывается из двух функций: Верховного командования плюс военная гражданская власть, подчиненная гражданскому порядку, которой можно было бы управлять вне театра военных действий.

А. Н. Алексеевский: Конечно, мы так и подразумеваем, что без гражданского аппарата и без высшего гражданского управления управлять страной нельзя. А военная власть возглавляется только одним лицом?

Адм. Колчак: Да. Мне казалось, что именно такая организация власти в период борьбы должна существовать, и в этом убеждении я укрепился уже тогда. Я обдумал этот вопрос и пришел к тому, что это есть единственная форма, которая в таком положении будет возможна. Ехал я в Омск с очень большой медленностью, с очень большими остановками; я ехал 17 дней и в течение пути у меня ни встреч, ни задержек не было. В Омске я не предполагал задерживаться кроме нескольких дней, для того чтобы выяснить возможность выехать на юг и выяснить, в каком положении находятся дела на юге, и решить, как дальше двигаться. Когда я прибыл во Владивосток, я вместе с тем сложил с себя полномочия члена правления Китайской-Восточной ж. д.

А. Н. Алексеевский: Вот на это я хотел бы обратить Ваше внимание: Вы сложили эти полномочия, но правление как-будто не освободило Вас от звания члена правления. Вы получили уведомление?

Адм. Колчак: Помнится мне, что было получено. Я подал Хорвату докладную записку о том, что я уезжаю с востока и прекращаю свою работу, я считаю, что не могу больше оставаться в составе Правления, и прошу меня отчислить, и когда я был в Харбине, я получил свои последние 2000 руб. жалования, которые я как член правления получал, и сказал, что я заканчиваю свою деятельность.

А. Н. Алексеевский: Этот вопрос, конечно, не имеет существенного значения, но может иметь значение в Вашем судебном деле. Дело в том, что Правление или Управление жел. д. в 1919 году давало сведения о составе Управления Восточно-Китайской ж. д. такие, что Вы входили, как один из членов Правления.

Адм. Колчак: Я не могу даже представить себе, чтобы после моего заявления они могли считать меня членом Правления. Я сказал, что не могу оставаться членом Правления, и никакого вознаграждения я не получал. Ни одного дела, ни одной бумажки до меня не доходило, и никакого отношения я больше к Правлению не имел.

А. Н. Алексеевский: Я говорю это потому, что по смете жел. д. Департамента за 1919 г., в части ее, касающейся Восточно-Китайской дороги, Министру Финансов был представлен список членов правления Восточно-Китайской дороги, и Вы там значились.

Адм. Колчак: Меня это совершенно удивляет, потому что никакого отношения к дороге не имею. Я думаю, что это какое-то недоразумение или п[р]опуск в смете, может быть, эта смета составлялась еще в сентябре месяце?

А. Н. Алексеевский: Нет, она составлялась весной 1919 г. Я сам ее видел.

Адм. Колчак: Это какая-то ошибка, потому что я не имел никакого отношения.

А. Н. Алексеевский: Эта ошибка может иметь значение, потому что она может послужить поводом к предположению, что Вы, будучи Верховным Правителем, оставались Членом Правления.

Адм. Колчак: Это было совершенно немыслимо. В сентябре, когда я уехал, и когда я фактически не мог состоять в правлении, я сложил свои полномочия. По прибытии в Омск я узнал о смерти Алексеева, который умер кажется 11 или 12 сентября, там же я получил известие о смерти Корнилова и что Главнокомандующим Добровольческой армией на юге России является ген. Деникин. Когда я прибыл в Омск, на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Болдырева, который был тогда назначен Верховным Командующим, и прибыл с своим штабом в Омск. По прибытии в Омск мы встретили ген. Мартьянова, моего сослуживца по Балтийскому морю и штабу Эссена, и Казимирова. Они встретили меня и спросили, что я намерен делать. Я сказал, что я здесь только проездом и хочу пробраться на юг России. Они мне сказали: «Зачем Вы поедете, там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, а Вам надо оставаться здесь. Во всяком случае мы Вас просим организовать на первое время морских офицеров, которые здесь разбросаны в Сибири. Надо, чтобы кто-нибудь взялся за организацию этих морских частей, и Вы единственное авторитетное лицо, которое это может взять на себя. Здесь уже имеется маленький зачаток — Морское Управление — во главе которого стоит Казимиров, но пока мы занимаемся одной регистратурой, составляем списки офицеров, которые проезжают через Омск и являются сюда, но надо это дело поставить, чтобы последние остатки, какие сохранились от флота, распыленные и разбросанные, собрать». Я говорю: «Ведь в Омске флота нет, эту работу Вы можете спокойно без меня провести. Для флота надо все сосредоточить во Владивостоке, там наш центр, там есть кой какие остатки нашего имущества, транспорты и это единственное место, куда всем морским офицерам надо отправляться. Я только что уехал оттуда, назад ехать не намерен». Затем о моем приезде узнал Болдырев. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне ад'ютанта и пригласил к себе. Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать? Я сказал, что я хочу ехать на юг России, никакого определенного дела у меня нет, и хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу Вас остаться». На это я ответил: «Что же мне здесь делать: флота здесь нет». Он говорит: «Я думаю Вас использовать для более широкой задачи, но я Вам об этом скажу потом. Если Вы рас-

полагаете временем, останьтесь несколько дней». Я сказал, что я человек свободный, у меня есть телефон [вагон], данный мне во Владивостоке, и, если Вы позволите поставить его на ветке, я могу ждать дальнейших Ваших указаний. Потом я сделал визиты всем членам Директории, познакомился с Авксентьевым, Зензиновым, Виноградовым, беседовал с ними по делам чисто частного порядка. Болдырева я раньше не знал никогда, но фамилия его была мне известна. Я считал его фигурой довольно крупной, он образованный офицер, но его деятельности я не знал, частью слышал о нем, скорее положительные хорошие отзывы. Начальником штаба был Розанов. Я был у него с визитом, и к этому же времени относится знакомство с представителями Добровольческой армии генералами Лебедевым, Сахаровым и Романовским.

А. Н. Алексеевский: Они были оффициальными представителями Добровольческой армии?

Адм. Колчак: Оффициальным представителем Добровольческой армии был Лебедев, а Сахаров и Романовский были в Добровольческой армии, но, сколько помнится, полномочий у них не было.

А. Н. Алексеевский: Значит, в сущности, Лебедев был послан командованием Добровольческой армии в Сибирь?

Колчак: Да, для связи и информации.

А. Н. Алексеевский: Это достоверно? Сомнений у Вас никаких не было?

Адм. Колчак: Нет, никаких сомнений.

А. Н. Алексеевский: А не слышали ли Вы сомнений о том, что полномочия его действительны?

Адм. Колчак: Нет, я никогда не слышал. Вся дальнейшая переписка, которая велась у меня с Деникиным шла про него, и Деникин писал о нем. Ведь это был один из мотивов, почему я взял его к себе начальником штаба.

А. Н. Алексеевский: Я слышал такое об'яснение, что Лебедев, – я, конечно, характеризую его так, как характеризовали те, которые давали мне сведения, – очень самолюбивый и честолюбивый молодой офицер, несомненно был в Добровольческой армии, но его командировка сюда не носила такого оффициального характера поручения от командования, как он претендовал, и сумел доказать это тогда, благодаря этому он получил ответственную должность Начальника Штаба, и поэтому потом командование Добровольческой армии было в известной степени удовлетворено тем, что лицо, бывшее в Добровольческой армии, состоит Начальником Штаба, и поэтому оно не могло отрицать того, что в известной степени он является представителем Добровольческой армии, таким образом получилось некоторое qui pro quo. Это имеет большое значение, потому что эта фигура около Вас играла большую роль и его близкое прохождение к Вам и к той политической работе, которая здесь совершалась, имеет большой интерес и отношение к Вашему делу и к другим. Так я определенно ставлю Вам этот вопрос: возникали ли у Вас какие-нибудь сомнения, или по крайней мере слышали ли Вы это? Ведь, против него велась определенная кампания и указывался целый ряд возражений на его близость к Вам?

Адм. Колчак: Нет, до меня не доходило, что он не является оффициальным представителем Добровольческой армии. В письмах Деникин мне ни слова об этом не писал. Я думаю, что если [бы] он явился без достаточных полномочий от Деникина, то Деникин прежде всего известил бы меня, что он не считает его своим представителем, – как же иначе могло быть?

А. Н. Алексеевский: Я, как допустимую гипотезу, это принимаю.

Адм. Колчак: А я это совершенно отвергаю, потому что у меня никаких данных нет: я находился в переписке с Деникиным, и Деникин отлично знал, так как вся переписка и донесения посылались Деникину.

А. Н. Алексеевский: Это было fait accompli, он был представителем, но он не был послан представителем с широкими полномочиями, он был послан для информации.

Адм. Колчак: Конечно, он не был послан, и никогда Деникин не мог предполагать, что Лебедев будет у меня Начальником Штаба. Он его, вероятно, послал с теми задачами, с которыми посылались офицеры: т. е. информировать его о положении вещей и делать все, что потребует Добровольческая армия в смысле установления связи с Добровольческой армией. Я уверен, что он таких полномочий быть Начальником Штаба не имел.

А. Н. Алексеевский: Нет, не Начальником Штаба, а оффициальным представителем.

Адм. Колчак: Я глубоко убежден, что, если бы этого не было, то Деникин бы меня известил, что он считает нежелательным это лицо, и оно не пользуется его доверием, как это он делал в отношении других офицеров, когда он послал телеграмму: «пожалуйста, такие-то офицеры не пользуются доверием Добровольческой армии, будьте осторожны». Был даже ряд офицеров, которые сидели арестованными в Омской тюрьме, и не посланные вовсе Деникиным, как самозванцы. Когда явились ко мне представители Добровольческой армии, они меня информировали о положении вещей на юге России, что там делается, какая там организация управления и т. д. Затем были разговоры относительно Директории. Все, как эти представители, так и другие лица из армии, с которыми я встречался, относились совершенно отрицательно к Директории, они говорили, что Директория это есть повторение того же самого Керенского, что Авксентьев тот же Керенский, что, идя по тому же пути, который пройден уже Россией, они неизбежно приведут ее к большевизму, и что в армии доверия к Директории нет. В частности к Болдыреву было то же отношение, говорили, что Сибирское правительство относится к появлению этой Директории скрепя сердце, что это нужно, но что симпатии и сочувствия к этой Директории среди Сибирского правительства и армии нет. Из переговоров и случайных встреч с казаками я узнал, что у них есть определенное отрицательное отношение, они говорили, что это есть представители партии, которые войдут в соглашение с большевиками и погубят Россию. Из казаков я встречался с Волковым и еще некоторыми другими молодыми офицерами, которых я встречал в гостях. Затем я плохо помню, кто меня просил сделать доклад о положении на Дальнем Востоке. Это был какой-то общественный деятель. Я сделал свой доклад, в котором я очень мрачно обрисовывал положение, и указал, что по моему все идет к тому, что Дальний Восток будет нами потерян, сил создать нам не удастся и т. д. Это было большое собрание, там, где помещалась 2-я мужская гимназия. Это было собрание чисто гражданских общественных деятелей. Из Директории на этом собрании никто не присутствовал, а от Сибирского Правительства, очевидно, были представители, но боюсь точно сказать кто. Через 2 дня после этого меня снова вызвал генерал Болдырев к себе в вагон и сказал, что он считает желательным, чтобы я вошел в состав Сибирского Правительства в качестве военного и морского министра. Я ему на это сначала ответил отказом, потому что я могу взяться только за морское ведомство, какого сейчас создавать нельзя, а пока надо постараться разобраться, какие здесь имеются рессурсы, средства, личный состав, привести это

в порядок и тогда можно будет создать какой-нибудь орган. Что касается военного министерства, <что такое военное министерство во время войны,> я просто на просто не хотел брать на себя этой обязанности. Болдырев тем не менее очень настаивал: «Не отклоняйте этого предложения. Если вы сами увидите, что дело не пойдет у Вас, никто Вас не связывает. Вы всегда можете его оставить, но сейчас у меня нет ни одного лица, которое пользовалось бы известным именем и доверием, кроме Вас, поэтому я Вас прошу, обращаясь к Вашему служебному долгу, чтобы Вы мне помогли, вступивши в должность Военного и Морского Министра». Я сказал: «Мне понятны все функции и задачи, которые возлагаются на Военное Министерство во время войны, но прежде всего мне хотелось Вам задать вопрос: какое положение будет у меня в отношении войск, какие войска будут мне подчинены, будут ли известные части в моем распоряжении или они все из'емлются, а у меня остаются аппараты снабжения армии, которые главным образом ложатся на Военного Министра в военное время?» Он мне ответил: «Вопрос о разграничении командования у нас еще не вполне закончен. Ведь здесь, как Вы слышали, военный министр уже имеется в составе Сибирского Правительства — Иванов-Ринов, но теперь по всей вероятности вновь придется формироваться Совету Министров, и Иванов-Ринов вряд ли войдет в этот Совет, это место останется свободно, и я прошу Вас его занять». Я сказал: «Я дам Вам окончательный ответ только тогда, когда я выясню себе ясно, что собственно мне придется делать, какие взаимоотношения будут у меня с Вами — Командующим армией, и со всеми теми войсками, которые находятся на территории Сибири. Здесь, насколько я слышал, существует система, с которой я коренным образом расхожусь в основаниях: это корпусная территориальная система. Я считаю, что применять здесь в Сибири эту систему при тех расстояниях, при тех средствах сообщения, брать этот германский образец и класть в основу организации вооруженной силы, я считаю совершенно неправильным, я считаю, что от этой организации будет нужно отказаться, а между тем, большинство тут являются сторонниками этой системы, и мне прийдется с места вступать в конфликт с начальниками из за такого кардинального вопроса. Этот вопрос меня больше всего заботит». Он говорит: «Я считаю эту систему неприемлемой, я разделяю Вашу точку зрения, и мы этот вопрос как-нибудь уладим. Я только сделаю распоряжение относительно того, чтобы Вы вошли в состав правительства». Я говорю: «Хорошо, я войду, но повторяю, Ваше Превосходительство, что, если только я увижу, что обстановка и условия будут неподходящи для моей работы и расходятся с моими взглядами, я попрошу освободить меня от должности. Я ставлю еще одно условие: я не ясно себе представляю, что такое представляет из себя фронт, что такое наша вооруженная сила на Урале, что нужно, какие отношения существуют у нас с чехами, — я человек посторонний и считаю необходимым в ближайшее время уехать на фронт для того, чтобы лично об'ехать все наши части и убедиться в том, что для них требуется».

В. П. Деникe: А не возникало ли у Вас с Болдыревым разговора в связи с подготовлением министерского поста об общем положении, в какой мере возможно и удобно Вам работать с Директорией, в какой мере вообще она может защищать Ваши взгляды?

Адм. Колчак: Нет, Болдырев меня не запрашивал, мы вели чисто деловой разговор.

А. Н. Алексеевский: Словом, Вы смотрели на это предложение несколько профессионально и технически и политических возражений не делали?

Адм. Колчак: Нет, с Болдыревым я об этом не разговаривал, но я сознавал и шел на службу к Директории. Принципиальных возражений против принятия портфеля Военного Министра у меня не было, так как политических вопросов мы с Болдыревым не касались.

А. Н. Алексеевский: Предложение поста Военного и Морского Министра Вы получили впервые от Болдырева, но разговоры о возможности вхождения в Сибирское Правительство в качестве ли Военного Министра или в качестве техника у Вас были раньше с Болдыревым или с кем-нибудь другим?

Адм. Колчак: Нет, я ни с кем не говорил. Первый разговор был с Болдыревым.

В. П. Денике: А Болдырев во время разговора не сказал ли Вам о том, что об этом есть своего рода предложения в некоторой среде, и что такого рода вхождение будет приветствоваться Сибирским Правительством или отдельными его членами?

Адм. Колчак: Нет, он об этом не говорил. Затем мне пришлось в первый раз после того, как я получил от Болдырева письменное предложение вступить в отправление моей деятельности, бывать каждый день на заседаниях Совета Министров.

В. П. Денике: Это был уже не Сибирский Совет Министров, момент формирования его происходил без Вас?

Адм. Колчак: Нет, он происходил при мне, потому что Директория приехала за один-два дня до меня. В заседаниях Совета Министров я встретил совершенно определенную атмосферу [?!] Сибирского Правительства к Директории. Я явился к председателю Совета Министров Вологодскому, и сообщил, что со стороны Болдырева есть такое-то распоряжение, и я стал являться туда как член правительства. Таким образом, я был назначен Болдыревым не единолично, а от имени Директории, и, очевидно, он об этом совещался с членами Директории. Атмосфера, которую я там встретил, была чрезвычайно напряженная, я мог бы ее характеризовать, как атмосферу борьбы Сибирского Правительства с Директорией. Расхождения шли главным образом по поводу некоторых персональных оставлений в составе Министров, между прочим, этот вопрос особенно обострился с назначением Михайлова, которого Директория не желала, а затем еще при назначении Роговского товарищем Министра Внутренних дел по делам государственной охраны. Эти два вопроса приняли чрезвычайно большую остроту.

А. Н. Алексеевский: Члены Директории участвовали на заседаниях Совета Министров?

Адм. Колчак: Нет, только Вологодский, а у них шли свои заседания, на которых я не присутствовал, а присутствовал только Вологодский. К этому же самому периоду относится и чрезвычайно меня поразившее и удивившее выступление впервые чехов по поводу состава Правительства – представителей Кошека и Рихтера. Главное возражение, которое делалось на этой почве, сводилось к тому, что мы получили партийную власть, С.-Р. в конце концов будут проводить свои планы, которые расходятся с мнением Правительства, что это явится несомненным уклоном в сторону большевизма, доказательством чего является связь настоящего правительства с Черновым, который был тогда в Екатеринбурге. Как раз к этому времени было выпущено воззвание за подписью Чернова, касающееся вооруженных сил. Оно наделало большую бурю и в Правительстве, и в военных кругах. Оно было составлено в обычных тонах и вызвало везде страшное негодование. В этом воззвании было указано на то, что офицеры реакционеры, что они восстановили погоны, что под этим видом снова готовится реакция или контр-революция, – все эти темы глубоко оскорбительны для офицерства, кото-

рое в своей массе вело борьбу с большевизмом, не преследуя никаких политических целей. В самой армии были две стороны, которые довольно враждебно относились друг к другу: это сибирская армия с бело-зелеными значками, создавшаяся на территории Сибири, и так называемая Народная армия, которая образовалась в Поволжье. Между ними существовала довольно открытая вражда и это меня чрезвычайно печалило: офицеры были одни и те же, в Сибирской армии была масса офицерства совсем не сибиряков, главный контингент Народной армии был из Европейской России. Они носили трех-цветную полосу, русский национальный флаг, и, кажется, в это время были даже без погон, а Сибирская армия с самого начала одела погоны и бело-зеленое знамя взяла как свой символ. Было много случаев столкновений между офицерами, и это меня глубоко печалило, но в общем думать о тех инсинуациях и нареканиях, которые возводил Чернов на офицерство, было нельзя, это была ложь, направленная с целью разложить с таким трудом и усилиями созданную вооруженную силу.

А. Н. Алексеевский: Вы несколько раз касались вопроса о внешних знаках, о погонах и отличиях офицеров, и Вы сейчас высказываете мнение, что погоны и внешние знаки были приняты в Сибирской армии и отрицались в Народной. Не возникало ли у Вас впоследствии вопроса о том, что окружавшие Вас офицеры в Омске вводили Вас в заблуждение? Офицерство в общем по психологическим побуждениям не очень высокого масштаба стояло всегда за погоны и отличительные знаки, — не возникало ли у Вас сомнение, что на фронте вся армия ходит без погон, что солдаты и офицеры Народной армии и лучшие боевые офицеры равнодушно относились к погонам? Этот вопрос, очень пустяшный, у нас в русской действительности сделался большим вопросом. Как Вы лично относитесь к погонам?

Адм. Колчак: Я лично относился положительно, мотивируя это тем, что это есть чисто русское отличие, нигде за границей не существующее. Я считал, что армия наша, когда была в погонах, дралась, когда армия повернула свой дух, когда она сняла погоны, это было связано с периодом величайшего развала и позора. Я лично считал: какие основания для того, чтобы снимать погоны?

А. Н. Алексеевский: Конечно, Вы впоследствии должны были действовать как политик: если в солдатской массе есть настроение против погон, то сделать уступку.

Адм. Колчак: Нет, я во время об'езда фронта, а я очень много времени проездил на фронте, — встречался на позициях в различных условиях с солдатами и офицерами и должен сказать, что у меня ни разу не возникал этот вопрос на фронте. Я видел одинаково безразличное отношение: иногда и погон достать нельзя, какие тут погоны и без погон обойдешься. Но пред'являть этих требований я не мог, оттого что их нельзя было удовлетворить. Этот вопрос мне просто напросто не приходилось обсуждать ни за, ни против, во время моих поездок по армии этот вопрос не подымался. Я встречал солдат и офицеров на передовых линиях, одетых совершенно фантастически, — где уж тут говорить о погонах: было бы что-нибудь одеть.

4 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА.

В. П. Денике: Мы остановились в прошлый раз на том пункте, когда Вы сделались товарищем Министра и на создании атмосферы борьбы Директории с Сибирским Правительством.

Председатель: Вы говорили, что на заседании Совета Министров вынесли впечатление, что создается напряженная атмосфера борьбы, что со стороны Омского Сибирского Правительства выдвигается мысль о том, что Директория носит партийный характер, что она связана с Черновым, который ведет определенную агитацию.

Адм. Колчак: Эта атмосфера борьбы мне представлялась чрезвычайно неблагоприятным обстоятельством для того, чтобы вести какую-нибудь работу. Я видел после нескольких заседаний, что деловые решения не выносились, а велся все время вопрос политического характера и порядка, я несколько раз приходил к убеждению, что работать в такой атмосфере нельзя, и что мне единственно остается ехать непосредственно в армию. Я это высказывал генералу Болдыреву, у которого довольно часто бывал, говоря ему, что я положительно не чувствую себя пригодным для этой деятельности, какая мне выпала: я военный техник, могу заниматься чисто военным делом, но эта обстановка меня отвлекает совершенно в другую сторону, которая для меня является нежелательной. Тут явилось еще одно весьма серьезное осложнение, с которым мне пришлось встретиться, когда я активно выступил на почву политической борьбы — это вмешательство чехов. Представителей чехов, насколько мне помнится, в Омске было два: Кошек, который впоследствии был здесь, и Рихтер, которого я потерял из виду. Дело в том, что там шла борьба, главным образом, на счет персонального назначения состава Совета Министров и она, главным образом, концентрировалась вокруг Михайлова, на включение которого настаивало Сибирское Правительство, и Роговского, которого и хотели сделать Министром Государственной безопасности, но впоследствии назначили на должность директора Департамента Милиции, т. е. в сущности, товарища Министра внутренних дел. Кроме того, было там несколько других вопросов. В это время поднимался вопрос о Сибирской областной Думе, которая была в Томске. Вопрос этот не имел особенной остроты, потому что представитель Директории Авксентьев совершенно определенно заявил, что он берет на себя решение вопроса о роспуске Думы. Эта Дума была распущена после поездки самого Авксентьева в Томск. Вот это самое персональное назначение различных лиц в состав Совета Министров и вызвало вмешательство чехов. Оно состояло в том, что оба эти представители порознь явились к Вологодскому и затем к членам Директории и некоторым Министрам и заявили от имени национального Чешского Совета, что чехи не согласны на кандидатуру Михайлова или кого либо другого. ‹Стоял совершенно открыто,› я их раньше не знал, не встречался ни с Михайловым, ни с другими членами Правительства и когда вопрос поднимался, я молчал, потому что никаких причин говорить против этих лиц у меня не было. В заседании Вологодский доложил о появлении у него одного из чешских представителей с таким заявлением, да еще подкрепленным тем, что, если такой состав будет неугоден Национальному Чешскому Совету, то чешские войска оставят фронт. Перед этим я говорил с генералом Болдыревым и он мне сказал, что с чехами у него очень трудно идет дело, что чехи бросят фронт и не желают больше драться и для меня таким образом оставление чехами фронта было ясно, а заявление чешских представителей Кошека и Рихтера о том, что если не произойдет изменения в составе Совета Министров, то они оставят фронт, мне представлялось совершенно определенной мыслью, что они играются, что они и без этого фронт оставили бы, и что эта угроза недействительна. Я высказал свое мнение совершенно определенно: я не имею чести быть знакомым ни с Михайловым, ни с другими членами Правительства, но для меня

сегодняшний визит Кошека и Рихтера является совершенно императивным для того, чтобы я поддерживал кандидатуру этих лиц. Я настаиваю, чтобы Правительство резко и определенно раз навсегда пресекло вмешательство чехов в наши внутренние дела, которые их ни с какой стороны не касаются. Так было сделано. Совет Министров категорически постановил о включении в состав Совета Министров тех лиц, которых он намечал ранее и затем остановился на вопросе о Роговском. Нужно сказать, что Директория в это время тоже разделилась на две группы: одна, состоящая из Авксентьева и Зензинова, являлась одной стороной, другая, которая состояла из Вологодского и Виноградова, являлась ее антогонистом. Болдырев стоял по середине: как человек военный и верховный Главнокомандующий, он не занимал определенной политической позиции по отношению к той или другой группе. Из всех членов Правительства я встречался только с одним Болдыревым, с Авксентьевым я обменялся визитом и виделся с ним на банкете.

В. П. Денике: Как относился Болдырев к этой борьбе?

Адм. Колчак: Болдырев думал, что надо всеми силами уладить это дело и итти на известный компромисс, что потом все устроится, но теперь нельзя создавать раскола, который отразится на армии и на положении дел на фронте. Он старался быть как бы примиряющим началом в этой Директории между двумя борющимися группами.

В. П. Денике: Как смотрел Болдырев на Директорию: представлялась ли она ему жизнеспособной или он тоже думал, что эта Директория ничего сделать не может?

Адм. Колчак: Когда я поднял вопрос об освобождении меня от обязанностей Военного Министра, то и Болдырев и Авксентьев смотрели так, что это есть временная переходная ступень, и они не смотрели на себя как на постоянное учреждение.

В. П. Денике: ‹Это по идее› Директория должна была через известный срок созвать Учредительное Собрание, но не представляли ли они, что вообще Директория не сможет этого выполнить?

Адм. Колчак: Нет, я определенно этого вопроса не помню. В конце концов, после долгих разговоров пришли к компромиссам, что Роговский будет товарищем Министра.

В. П. Денике: Вы присутствовали на совместном заседании Директории с Сибирским Правительством, когда соглашение состоялось?

Адм. Колчак: Да, я тогда был на нем, оно ничего из себя не представляло. Это было заседание, на которое явились все члены Директории и Совет Министров, на нем было прочитано постановление относительно взаимоотношений между Директорией и всего Совета Министров, затем члены Директории раскланялись и ушли и дальше продолжалось деловое заседание.

В. П. Денике: Вы, повидимому, говорите о формальном моменте утверждения этого постановления, но до этого было заседание или совместное совещание Директории и всего состава Совета Министров, где довольно остро эти вопросы ставились. Там, между прочим, с резкой речью выступал Михайлов, с другой стороны примирительно держался Шумиловский, — Вы на таком заседании не были?

Адм. Колчак: Я не помню, откровенно говоря. Я помню это формальное заседание, которое было очень короткое. Авксентьев прочел известное положение относительно Директории, относительно сибирской армии, которая должна сохранить свое бело-зеленое знамя. Этим вопросом Совещание закончилось, затем

члены Директории ушли, а Вологодский остался председательствовать. Тогда же ему было преподнесено почетное звание гражданина Сибири.

В. П. Денике: За это время завязались ли у Вас с членами Сибирского Правительства более или менее близкие личные связи?

Адм. Колчак: Нет, я не могу этого сказать. Я здесь оставался очень короткое время и вскоре около 7–8 ноября я выехал на фронт. Я бывал у Болдырева иногда. Затем я получил приглашение от чешского командования приехать к 9–10 ноября в Екатеринбург для присутствования на торжестве передачи знамен четырем чешским полкам; кроме того мне нужно было вообще выехать на фронт, для того чтобы повидаться с начальниками и обследовать все вопросы снабжения, все нужды армии и фронта. Примерно числа 7-го или 8-го я выехал из Омска в Екатеринбург, — тогда я был временно исполняющим обязанности Военного Министра, в сущности у меня министерства не было, я жил в доме Волкова в одной комнате, у меня не было ни органов, ни средств. Пока функционировал орган Сибирской армии, Штаб этой армии помещался в доме Свободы, но пока я за него не принимался. Первая моя миссия была — присутствовать на этом торжестве и затем вечером на банкете, где я впервые познакомился с чешскими офицерами и с Сыровым. Там присутствовали представители иностранных держав. Кроме того, там я вторично видел Гайду.

В. П. Денике: Во время этой встречи или впоследствии не возникало ли у Вас с чехами каких-нибудь бесед в роде той, какая была у Вас с Гайдой во Владивостоке?

Адм. Колчак: В этот день я не беседовал, а на другой день я поехал по различным военным частям, сделал визит Гайде, Сыровому и т. д.. Гайда меня спрашивал о том, каково политическое положение в Омске. Я сказал, что считаю его чрезвычайно неудовлетворительным в виду того, что соглашение между Сибирским Правительством и Директорией есть просто компромисс, от которого я не жду ничего хорошего, что столкновения в будущем почти неминуемы, потому что Директория не пользуется престижем и влиянием, что Сибирское Правительство, которое считает, что оно Сибирь об'единило и уже 6 месяцев стоит у власти, передает эту власть с известным сопротивлением. Я говорил, что столкновения несомненно будут и во что они выльются я сказать не могу. Гайда сказал на это: «единственное средство, которое еще возможно, это только диктатура». Я заметил ему, что диктатура может быть основана только на армии и то лицо, которое создает армию и опирается на армию, только и может говорить о диктатуре; кто же при настоящем положении может взять на себя должность диктатора? Только кто-нибудь из лиц, находящихся на фронте, потому что никто, не опирающийся на вооруженную силу, не может осуществлять диктатуры. Гайда ничего не ответил на это, но сказал, что все равно к этому неизбежно придут, потому что Директория несомненно искусственное предприятие. Затем он говорит: «По этому поводу мне известна та работа, которая ведется в казачьих кругах, они выдвигают своих кандидатов, но я думаю, что казачьи круги не в состоянии справиться с этой задачей, потому что они слишком узко смотрят на этот вопрос». Затем, после этого короткого визита, я поехал уже на ближайший фронт, чтобы повидаться с Пепеляевым и познакомиться с Голицыным. Фронт проходил не далеко от Екатеринбурга, Пермь и Кунгур не были взяты, фронт был между Кунгуром и Екатеринбургом. Я разделял свою работу на две части: одна заключалась в чисто техническом формировании сил, выяснении нужд и потребностей армии тогда, а другая сторона заключалась в частных встречах

во время моих поездок на фронт и выяснении на месте чисто деловых сторон. Я вынес впечатление, что армия относится отрицательно к директории, по крайней мере в лице тех начальников, с которыми я говорил. Все совершенно определенно говорили, что только военная власть может теперь поправить дело, что такая комбинация из 5 членов Директории кроме борьбы, интриг, политической розни ничего не дает и не даст и что в таком положении вести войну нельзя. Особенно резко говорил генерал-майор Пепеляев: с моей точки зрения совершенно безразлично, кто будет вести дело войны, но я считаю, что из комбинации из Директории и Сибирского Правительства ничего не выйдет хорошего.

В. П. Денике: А с какими видными деятелями кроме Пепеляева Вам приходилось встречаться?

Адм. Колчак: Я видел Голицына, представителей полков, которые были на фронте, и общее мнение [было] то же самое, в этом смысле возражений не встречал. Главным Атаманом на Дальнем Востоке был Иванов-Ринов, я видел его тогда, когда вступил в должность Верховного Главнокомандующего в декабре месяце. Пепеляев об этом вопросе говорил с чисто военной точки зрения: раз мы ведем войну, должно быть чисто военное командование, а как это будет – для меня совершенно безразлично, потому что я не политик.

В. П. Денике: В бытность Вашу в Екатеринбурге и на фронте, Вы не получали никаких известий о положении дела в Екатеринбурге, где находился С'езд Членов Учредительного Собрания?

Адм. Колчак: Они уже были в Уфе. Я помню только одного члена Брушвита, он был представителем С'езда Членов Учредительного Собрания и говорил речь на банкете, – только одного его я помню. Насколько мне помнится, я поехал на Челябинск с фронта, там в Штабе Сырового я повидался с Дитерихсом, который был начальником Штаба, сделал там визиты членам чешского Национального Совета, который был в Челябинске. Затем я поехал на фронт, откуда поехал назад южным путем на Омск. Мне был дан экстренный поезд. С этим поездом поехали представители Чешского Командования и полковник Уорд, который присутствовал на параде. С Уордом мы вместе завтракали и беседовали на всякие темы. Между Петропавловском и Курганом мы встретились с поездом ген. Болдырева, примерно за сутки до прибытия моего в Омск. Я явился к нему и в общих чертах изложил результаты своей поездки. Болдырев ехал в Челябинск, для свидания с Чешским Командованием, так как по его словам с чехами у него были очень натянутые и затрудненные отношения. Чехи оставляют фронт, нам грозили тяжелые осложнения на Уфимском фронте, красная армия ведет наступление на Уфу и его тревожит настроение чехов, которые оставляют фронт без всякого прикрытия. Я спросил его о том, что делается в Омске, так как я никаких сведений о Томске [об Омске] не имел. Он говорит: «в Омске тоже нехорошо, там несомненно идет брожение среди казаков, в особенности говорят о каком то перевороте, выступлении, но я этому не придаю серьезного значения, во всяком случае я надеюсь, если мне удастся побывать на фронте, уладить там дело». Затем он прибавил: «это все искусственно, но мы должны пройти через такую стадию, и я надеюсь, что работать будет вполне возможно, потому что весь состав Директории состоит из людей, лично не преследующих никаких задач, стараются сделать, что могут, и я думаю, что ничего серьезного отсюда не выйдет». Как видите, Болдырев определенно говорил, что в Омске атмосфера очень напряженная, в особенности в казачьих кругах. Я с ним расстался, он поехал в Челябинск, а я уехал в Омск, куда прибыл примерно числа 16 ноября, за день

до переворота. Меня главным образом в это время смущал вопрос о том, что окончательное решение относительно моих функций в смысле образования министерства и моих взаимоотношений с командованием на фронте оставалось еще неопределенным, оно не могло быть выяснено фактически, у меня не было подчиненных частей, эти вопросы Болдырев решил поставить, когда он окончательно вернется. Чисто технически меня беспокоил вопрос о территориальной системе, уничтожение которой я поставил категорическим условием вхождения моего в состав Министерства и принятия на себя поста Военного Министра, так как я считал эту систему неприемлемой. По приезде моем в Омск, ко мне являлись многие офицеры из ставки и представители от казаков, которые говорили мне определенно, что Директории осталось недолго жить и что необходимо создание единой власти. Когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предполагают на это место предложить для того, чтобы была единая власть, мне указали прямо: «Вы должны это сделать». Я сказал, что я не могу взять на себя эту обязанность, просто потому, что у меня нет в руках армии и вооруженной силы, а то, что Вы говорите может быть основано только на воле и желании армии, которая бы поддержала то лицо, которое хотело бы встать во главе ее и принять на себя верховную власть и верховное командование. У меня армии нет, я человек приезжий, я не считаю для себя возможным принимать участие в таком предприятии, которое не имеет под собой почвы. Затем мне остается неизвестным вопрос об отношении к такой коньюнктуре власти со стороны Сибирского Правительства. Сибирское Правительство, насколько я мог понять, борется с Директорией против Директории, желая власть сохранить у себя и то положение, которое было до прибытия Директории, — это во первых, а во вторых, как я сказал, я нахожусь на службе, я это подчеркивал, и что я не считаю возможным, оставаясь на службе, предпринимать какие-нибудь шаги в том смысле, в каком Вы говорите. Вот приблизительно какие разговоры велись вскоре после моего приезда.

В. П. Денике: Вы не помните, кто из более видных военных деятелей являлся к Вам с подобного рода разговорами и предложениями?

Адм. Колчак: Насколько помню, Лебедев и полковник Волков, который был начальником гарнизона города, затем Катанаев, очень много офицеров из Ставки. Определенно могу сказать, что ни Матковского, ни генерала Белова у меня не было. Из лиц военных, из политических деятелей по вопросу о единоличной власти у меня никого не было. Я помню, что приходил ген. Сурин и другие, когда шла работа по созданию Морского и Военного Министерства. Как я говорил, никаких определенных решений или слухов мне не сообщалось, это носило характер разговоров и обмена мнений.

Председатель: Красильников у Вас не бывал?

Адм. Колчак: Насколько я помню, не был, но возможно, что он заходил вместе с Катанаевым, в то время он был войсковым старшиной. Когда я осведомился о положении вещей, то я решительно хотел отклонить от себя должность Военного Министра, когда я приехал, мотивируя это тем, что при этих условиях я считаю невозможным вести работу Военного Министра. Это решение мое было почти категорическое, но пока я не отказывался до прибытия Болдырева, так как в его отсутствие не считал возможным бросить начатое дело. А затем я собирался работать на фронте или заняться организацией Морского Министерства. Насколько мне помнится, 17 ноября был у меня Авксентьев, накануне своего ареста. Он приехал ко мне на квартиру и просил, чтобы я взял свою просьбу об отставке

назад. Я ему совершенно определенно сказал: «Я здесь уже около месяца Военным Министром и до сих пор я не знаю своего положения и своих прав: обязанности свои в отношении обслуживания армии я более или менее себе представляю, но самые права Военного Министра мне неизвестны: подчинены ли мне здесь войска или нет, в каких взаимоотношениях я нахожусь с командованием фронта, непосредственных или с ними только сношусь и т. д., словом, целый ряд технических вопросов. Вместо деловой работы здесь идет политическая борьба, в которой я принимать участие не хочу, потому что я считаю ее вредной для ведения войны, и в силу этого я не считаю возможным в такой атмосфере работать, даже в той должности, которую я принял». Так мы с ним не договорились, я продолжал упорно настаивать на том, что я не буду больше Военным Министром и жду только приезда Болдырева. Я делаю оговорку: мне кажется, что это было в то время, о котором я говорю, но, может быть, это было накануне моего от'езда на фронт. Переворот совершился 18 числа вечером с воскресенья на понедельник. Об этом перевороте слухи носились, частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог. О совершившемся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире. Меня разбудил дежурный ординарец и сообщил мне, что меня вызывает к телефону Вологодский. Было еще совершенно темно. От Вологодского я узнал по телефону, что сегодня вечером около 1–2 часов были арестованы члены Директории Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский и увезены за город, что он сейчас созывает немедленно Совет Министров и просит, чтобы я прибыл на это экстренное заседание Совета Министров. Когда я спросил: «Кем арестованы?» Он сказал: «Я точно Вам сказать не могу и прошу Вас как можно скорее одеться и около 6-ти часов я, вероятно, всех соберу». – Я спросил: «Какими частями произведен арест?» – Он ответил, что не знает. Тогда я приказал сейчас же соединиться и вызвать Розанова, который был начальником Штаба Болдырева. Он в это время спал, но, когда я его вызвал, он сразу подошел к телефону. Я спросил его, знает ли он о том, что произошло в городе. Он ответил, что в городе полное спокойствие, раз'езжают усиленные патрули, но что он никак не может добиться ни Штаба, ни Ставки, ни Управления Казачьими Частями, так как телефоны, повидимому, не действуют. Я ему сказал, что я сейчас оденусь и перед тем, как поехать в Совет Министров, заеду к нему по дороге, чтобы с ним переговорить. Затем я попытался соединиться со Ставкой и спросить, что там известно и что делается, но со Ставкой соединиться мне не удалось. Тогда я бросил эту попытку, вызвал себе автомобиль из гаража и около 5-ти часов я заехал к Розанову. К Розанову же приехал и Виноградов, с которым я затем поехал в Совет Министров. Виноградов сообщил мне, что ночью, повидимому, казачьими частями на своей квартире были арестованы члены Директории, но, где находятся арестованные члены Директории, неизвестно, в городе все спокойно, раз'езжают только казачьи патрули, стрельбы и вооруженных выступлений не было. Розанов, повидимому, не был совершенно в курсе дела, жаловался на то, что нет сообщения по телефону и он не мог добиться никакого толку; он посылал своих ординарцев, но и они ничего не могли узнать, кроме того, что мне сообщили Вологодский и Виноградов. Я спросил Виноградова: «Вас не арестовали?» – «Нет, ко мне никто не являлся». Около 6-ти часов Совет Министров собрался в здании губернатора около собора, где он тогда помещался, и Вологодский сообщил всему составу Совета Министров о событиях, которые произошли ночью. Весь состав Совета Министров и все лица к нему причастные были на лицо, между прочим, были Розанов, Матковский, помощник Военного

Министра, генерал Сурин. Матковский был совершенно не в курсе дела, повидимому, ничего не знал, но присутствовал в заседаниях Совета Министров постоянно, как командующий войсками. В этот день было большое заседание, где были и министры, и товарищи министров, а так как должность командующего войсками давала ему права товарища министра, то и он поэтому присутствовал на заседании. Вологодский поставил вопрос о том, как смотрит на это Совет Министров. Подробностей больших он не мог сообщить, а сообщил в общих чертах, что ночью дом, где находились эти четыре лица, около здания гимназии, где они жили, был оцеплен сильным раз'ездом казаков 1-го Сибирского Казачьего полка, были еще части Красильниковского отряда в виде партизан, конная часть, которая оцепила этот эшелон, разоружила его, никого не арестовывала, так как сопротивления эта охрана казакам не оказала, она сдала орудие и денежный ящик. Тогда поднял я вопрос о том, где могут находиться арестованные члены Директории. На это никто определенно указать не мог. Потом уже кто то из прибывших сообщил, что они находятся в здании Сельско-Хозяйственного Института, за Загородной рощей, где находилась часть партизанского отряда Красильникова. Вологодский поставил вопрос, как относится к этому аресту Совет Министров. Было высказано несколько мнений: первое мнение — факт ареста ничего не обозначает, тем более, что три члена Директории — большинство — остаются: Виноградов, Вологодский, Болдырев; второе мнение было такое, что Директория после того, что случилось, остаться не может у власти, и что власть должна перейти к Совету Министров Сибирского Правительства — об арестованных пока никто не говорил, участь их была неизвестна — раз члены Правительства подверглись какому-нибудь аресту и не могли этому противодействовать и предупредить этот арест, то тем самым они должны сложить с себя полномочия; раз они арестованы, то они тем самым перестают быть властью. Затем высказывались еще, что вся власть должна перейти к Совету Министров, что власть Директории отпадает — это было третье мнение. Во время этих прений встал Виноградов и сказал, что он считает невозможным оставаться долее в составе Директории ни при каких обстоятельствах после того, что произошло, и слагает с себя обязанности и никакого участия больше в заседании он принимать не считает возможным. Был поднят даже вопрос о том, чтобы Виноградов оставался в Совете Министров, но он сказал: «Я свои полномочия слагаю и выхожу из состава». После этого он оставил зал заседания. Уход Виноградова поставил ту часть голосов, которые говорили, что Директория остается, в затруднительное положение: оставался только один Вологодский здесь, и Болдырев на фронте. Тогда вопрос об оставлении Директории сам собою стал отпадать. Затем часов около 8-ми поднялся вопрос о том, что надо выработать какой-нибудь текст обращения к населению, что такое положение является совершенно нетерпимым, что в такой переходный момент может наступить анархия и, во что она выльется, неизвестно. Пока в городе все спокойно, но все казачьи войска находятся под ружьем, отдельные части ходят по городу, хотя это ни в чем не проявляется, другие части находятся тоже под ружьем, хотя они не выходят из казарм, и если такое неопределенное положение продолжится, то можно ожидать каких-нибудь крупных и серьезных событий. Тогда поднялся вопрос такой: что следует сделать и как на это реагировать? Вопрос был решен таким образом, что необходимо для того, чтобы вести и продолжать борьбу, отдать все преимущества в настоящее время военному командованию и что во главе правительства должно стоять лицо военное, которое об'единило бы собою военную и граждан-

скую власть, т. е. вопрос был поднят определенно в форме об'единения военной и гражданской власти в одном лице. Кем был поставлен этот вопрос, я точно не могу сказать, но кажется, что он был поставлен одним из военных. Когда ко мне обратились, то я тоже сказал, что считаю это единственным выходом из положения, я только что вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие к Директории и малейшее столкновение между Директорией и Правительством отозвалось бы сейчас в войсках. Тогда вопрос стал принимать конкретную форму: желает ли Совет Министров, чтобы власть была вполне единоличной во главе всего Совета Министров? Когда этот вопрос был поставлен на обсуждение, я высказался за это совершенно определенно и сказал, что и это я считаю единственным выходом из положения, — не помню, чтобы кто-нибудь возражал против этого. Затем большинство Членов Совета Министров, учитывая ту обстановку, в которой мы находились тогда, страшно напряженное и тяжелое положение на фронте, брожение в самом Омске, только что случившийся ночью арест Директории, очень неопределенное и тревожное состояние во всех войсках Омского гарнизона, говорило, что необходимо, чтобы временно сейчас же ‹, чтобы› вступила в управление единая военная власть, в виде одного определенного военного лица. Ответ был вынесен положительный, без каких бы то ни было возражений с чьей-бы то ни было стороны. Тогда у нас Верховным Главнокомандующим был Болдырев, и я сказал, что этому Верховному Главнокомандующему и должна быть [передана] вся военная и гражданская власть. Верховный Главнокомандующий, получив всю полноту гражданской власти, явится тем лицом, которое станет во главе Правительства. Такое решение было принято всем Советом Министров без каких бы то ни было серьезных возражений, пока шел вопрос чисто принципиальный. В дальнейшем уже шло обсуждение вопроса о том, кто персонально должен быть Верховным Главнокомандующим и облечен такой властью. После обмена мнений большинство членов Совета Министров высказалось в том смысле, что они предлагают мне принять эту должность. Тогда я считал своим долгом высказать свое мнение по этому поводу в том смысле, в каком я его высказывал и раньше: надо прежде всего стараться безо всякой ломки сохранить то, что уже существует и что оказалось удовлетворительным, что не вызывает особенных возражений и сомнений, т. е. власть, существующую в лице Верховного Главнокомандующего ген. Болдырева. Я говорил, что им организован Штаб и, зная отношение к генералу Болдыреву со стороны войск, против него особых возражений не будет. Говорили про него, что он находится в руках партийных представителей с. р., отзывались о нем довольно безразлично, но против него серьезно ничего не говорили и в войсках он фактически уже существует, как Верховный Главнокомандующий. Гораздо проще для армии и ее органов, чтобы осталось то лицо, которое уже имелось, и хотя речь идет о моем назначении, но я должен сказать, что я человек новый, власть должна опираться прежде всего на широкую популярность и доверие войск, между тем, хотя мое имя известно, но в общем ни казаки, ни армия, ни войска меня не знают и, как они относятся к этому, не знаю. Я считаю долгом сказать, что если бы со стороны армии явились какие нибудь противодействия, то они поставили бы меня в самое тяжелое положение, совершенно с моей точки зрения неприемлемое. Я добавил, что я высказываюсь таким образом, исходя из интересов самой армии, чтобы не вносить в нее каких-нибудь новых потрясений. Тогда Вологодский обратился ко мне и сказал: «Я принимаю во внимание все, что Вы сказали, но я Вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим необходимым детально и более

подробно обсудить этот вопрос и так как нам придется говорить о Вас, то Вам неудобно здесь присутствовать». Тогда я оставил это заседание, которое продолжалось довольно долго. Я вошел в кабинет Вологодского, а затем через некоторое время ко мне прибыл Петров или Михайлов – не помню – Матковский и Розанов и передали мне следующее: меня просят пожаловать в зал заседания [;] ‹и› Совет Министров принял на себя всю полноту власти, Совет Министров, исходя из тех положений, которые обсуждались, признает необходимым передать власть одному лицу, которое стояло бы во главе всего Правительства в качестве Верховного Правителя и просит меня принять этот пост. Затем я пришел в зал заседания, где Вологодский прочел постановление Совета Министров, заявивши, что Совет Министров считает это единственным выходом из настоящего положения. Тогда я увидел, что разговаривать не о чем, я дал согласие и сказал, что я принимаю на себя эту власть и сейчас еду в Ставку, для того, чтобы сделать известное распоряжение по войскам и прошу Совет Министров уже детально разработать вопрос о моих взаимоотношениях с Советом Министров и затем прошу назначить сегодня же днем заседание, для того, чтобы можно было обсудить целый ряд вытекающих из этого вопросов. Я должен был уехать в Ставку и оттуда телеграфировать по войскам о случившемся.

В. П. Денике: Прежде чем перейти к дальнейшему, разрешите предложить Вам такой вопрос: были ли указания о том, каким образом подготовлялся этот переворот, Вы осведомлены не были и личного участия не принимали? – Впоследствии стало ли Вам известно, кем и как этот переворот был организован. Кто из политических деятелей и военных кругов принимал в нем участие?

Адм. Колчак: Вскоре, в ближайшие дни, я узнал только тех лиц, которые активно участвовали в этом перевороте. Это было три лица. Я знаю и мне говорил Лебедев, что в этом принимала участие почти вся Ставка, часть офицеров гарнизона, Штаб Главнокомандующего и некоторые члены Правительства. Он говорил, что несколько раз во время моего отсутствия были заседания по этому поводу в Ставке. Я ему на это сказал одно: «Вы должны мне сообщить фамилии тех лиц, которые в этом участвовали, потому что мое положение в отношении этих лиц становится тогда совершенно невозможным, потому что, когда эти лица станут мне известны, они станут в отношении меня в чрезвычайно ложное положение и они будут считать возможным тем или иным путем влиять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшего меня, будут постоянно оказывать на меня какое-нибудь давление, между тем, как я считаю, для меня совершенно безразлично это и я не считаю возможным давать или не давать те или иные преимущества». Фактически это Лебедев и выполнил. Я могу сказать, что почти вся Ставка, по крайней мере все начальники Отделов принимали в этом участие и часть офицеров гарнизона, главным образом казачьи части. Я считаю неудобным спрашивать [говорить?] о лицах. Что касается политических деятелей, то там несомненно были из Совета Министров.

Председатель: В самый момент переворота Вы не знали, кто был инициатором и кто был фактическим выполнителем?

Адм. Колчак: Нет, я знал: Волков, начальник гарнизона, Катанаев и Красильников и несколько офицеров казачьих частей. Я Лебедева спросил: «Кто же был главным участником переворота, казачьи части?» – Он сказал, что вся Ставка, Штаб Главнокомандующего при участии некоторых членов Совета Министров. Но до сих пор мне неизвестно, кто был из членов Совета Министров, я никогда к этому вопросу не возвращался и никогда ни с кем из Министров об

этом не говорил. У меня создалось такое впечатление, что Матковский был не в курсе этих дел, судя по его словам, никакого участия не принимал. После заседания Совета Министров я поехал прямо в Ставку. На вопрос Розанова о его положении, я сказал: «Мне кажется, лучше Вам некоторое время не выступать, потому что Ваше положение будет неудобное: Вы являетесь помощником Болдырева и в отношении его самого будет неудобно, если Вы останетесь в своей должности, поэтому прошу Вас на некоторое время пока не принимать участия в делах Ставки, а вместо Вас будет полковник Сыромятников, который тогда был квартирмейстером, вести доклады и исполнять обязанности Начальника Штаба». Когда Сыромятников явился, я прежде [всего] спросил его: какие части произвели сегодня ночью эти события? Он мне назвал. Тогда я спросил его: Где находятся члены Директории? Он мне ответил, что они находятся в отряде Красильникова в здании Сельско-Хозяйственного Института. Я спросил: были ли сделаны какие-нибудь убийства и насилия в течение ночи? Он сказал, что ничего не было, что разоружение милиции Роговского не вызвало никаких столкновений и недоразумений. Тогда я просил вызвать к себе Волкова и сделать распоряжение, чтобы доставили в город арестованных, поместить их на их квартиру, квартиру усиленно охранять, но не держать их там [в. С.-Хоз. Институте]. Затем я с ним, вместе с прибывшим генералом Андогским, выработал целый ряд телеграмм по частям и по армии, главным образом, на фронте, по гарнизонам различных городов – все гражданские власти должны [должен] были [был] осведомить об этом Совет Министров, а осведомление военных была моя обязанность – о том, что я вступил в Верховное Командование и в Верховное Управление в качестве Верховного Правителя. Затем мне в 4 часа дали знать, что Совет Министров снова собрался после перерыва и что просят меня прибыть туда. Я приехал на это заседание и сообщил им те подробности, какие я знаю, какие распоряжения мною сделаны. Кажется, к этому времени арестованные были уже на своих квартирах. Я послал уже одного из своих ординарцев удостовериться, в каком положении они и состоянии. Они оказались все живы и водворены на свою квартиру. Затем, на этом же заседании Совета Министров был обсужден вопрос относительно выработки краткой конституции о моих взаимоотношениях с Советом Министров. Была принята форма, которую я признал совершенно отвечающей тому, что нужно, указавши на то, что я считаю необходимым работать в полном контакте и в полном единении с Советом Министров, затем тут же был намечен план относительно такого совета, который был при мне для экстренных вопросов и, главным образом, для решения вопросов иностранной политики, так называемый Совет Верховного Правителя, состоящий из 5-ти членов, в который могли вызываться ответственные лица. Затем поднялся вопрос о том, что же делать сейчас. Я сказал, что в городе ходит масса фантастических слухов, поэтому надо самому факту переворота придать гласность. Я считал самым правильным судебное разбирательство в открытом заседании совершенного этого переворота для того, чтобы во первых снять нарекания на лиц, совершавших этот переворот, а во вторых потому, что это лучший способ осведомления. Я сказал, что никогда не допущу кары над лицами, потому что, раз они это сделали, я принял все последствия на себя, но это один из способов придать гласность самому обстоятельству совершившегося переворота.

В. П. Денике: Так что инициатива этого суда принадлежала лично Вам?

Адм. Колчак: Я не помню, я ли первый высказал эту мысль, или Вологодский, но такая точка зрения была высказана. Тогда было решено образовать

специальный чрезвычайный суд, для того, чтобы разобрать все это дело. Затем я вызвал Волкова и сказал ему, что я считаю необходимым гласное расследование всей его деятельности не с целью наказывать или карать, а с целью придать гласности, так что я его отдал под суд Чрезвычайного суда. На суде он должен дать показания, касающиеся этого дела. Этот суд вам вероятно известен.

В. П. Денике: А не выступал ли перед Вами вопрос о том, что вовсе этот суд не явится средством осведомить общество о перевороте, если перед ним будет только голый факт переворота, вся закулисная обстановка будет от общества скрыта и, что если судить, то надо судить всех организаторов.

Адм. Колчак: Я предполагал, что вся картина переворота будет выяснена на суде, но суд взял всетаки персонально ответственность трех лиц и дальше этого он не входил. На этом же заседании был решен вопрос о личной судьбе членов Директории. Я сообщил, что я приказал перевести их на квартиру, что я сделал распоряжение гарантировать их полную неприкосновенность и что единственно разумное решение, какое можно сделать в отношении этих лиц, это предоставить им выехать за границу. Это было общее мнение Совета Министров. Потом уже впоследствии, так как сразу этого сделать было нельзя, нужно было в связи с Чрезвычайным Судом поднять вопрос о привлечении их к суду, при чем наиболее серьезное обвинение, которое тяготело на них, были переговоры по прямому проводу и доказательство тесной связи Авксентьева и Зензинова с Черновым и как бы подчинение их в партийном отношении Ц. [К] партии с. р., во главе которого стоял Чернов, и что вызывало страшное возмущение: какое [э]то правительство, которое находится в руках определенной партии и исполняет ее приказания. Я подробно не знаю текста этих переговоров, кажется, что я видел ленты, но они у меня в голове не остались и ничего особенного они собой не представляли, во всяком случае каких-нибудь криминальных и преступных решений не было, но они действительно носили оттенок такой, что как бы Верховная Власть <не> подчинялась ее директивам. Это было самое серьезное обвинение.

В. П. Денике: К какому моменту относится письмо к Вам Вологодского, где он указывал, что непременным условием его оставления на посту является личная неприкосновенность членов Директории?

Адм. Колчак: Это им высказано [было] на заседании, это было, вероятно, в первый же день. Я думаю, что там обсуждался этот вопрос и общее мнение тогда было такое. Я ответил, что я личную безопасность им гарантирую. Затем обсуждался вопрос об отправке их за границу, что я поддерживал. Я думаю, что это письмо было мне прислано в промежуток между этими двумя заседаниями.

Председатель: Вы упомянули относительно разговоров о суде над арестованными. — Этот разговор тогда же был?

Адм. Колчак: Разговор о предании суду был не в тот день, а на второй или на третий день, может быть, даже после их от'езда, так как они уехали на второй день. Это было в ближайшие дни, когда следственный матерьял разбирался, и тогда было мнение, что желательно было этих лиц предать суду. Мне пришлось сказать, что нежелательно предавать их суду, как принципиально, так и фактически, так как они уже уехали и судить их нет никаких оснований: раз они смещены, то зачем, собственно говоря, их судить.

В. П. Денике: Авксентьев и Зензинов приняли ли на себя какие либо обязательства в виде отказа от власти, на которых они были отпущены?

Адм. Колчак: Нет, там было обязательство не вести борьбу против Правительства. Затем на этом вечернем заседании Совета Министров я заявил, что все

арестованные члены находятся в моем непосредственном ведении и, если угодно переговорить с ними и убедиться в их положении, то пусть Министр Юстиции, имеющий к ним доступ, поедет к ним. Старынкевич несколько раз ездил к ним на городскую квартиру и сообщил Сов. Мин., что они действительно там находятся и с ними ничего не сделано. Во всяком случае Министру Юстиции было предоставлено право навещать их и говорить с ними во всякое время. Вскоре ко мне прибыли, насколько мне помнится, Реньо и Уорд. Они спрашивали, что я намерен делать с членами Директории. Я сказал, что ничего не намерен с ними делать, а предоставляю им ехать заграницу. Они спрашивали меня, намерен ли я предавать их суду. Я сказал, что не намерен. Со Старынкевичем я обсуждал вопрос, как их отправить. Было решено взять экстренный поезд и еще вагон для охраны их. Затем я немного опасался каких-нибудь выступлений по дороге, так как мне говорили о возможности нападения на них и я обдумывал как бы гарантировать их от этого. Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом и просил его вообще дать мне конвой из 10–12 англичан, которые бы в дороге гарантировали бы от каких-нибудь внешних выступлений против членов Директории. Уорд с большим удовольствием согласился. Он сказал, что ему нужно делегировать 15 человек во Владивосток, и эти 15 чел. могут также ехать в этом поезде и нести караульную службу. Таким образом это очень легко устроилось. Затем я со Старынкевичем решил вопрос о том, какие суммы нужно им дать. На вопрос, куда они предполагают ехать, члены Директории ответили, что они хотят ехать в Париж и им [была] выдана сумма приблизительно 75,000–100,000 руб. каждому в этот же день. Затем дано было знать Хорвату заготовить заграничные паспорта, не ожидая их приезда, и просить китайские власти и японские о беспрепятственном их проезде. Вскоре был получен ответ, что все будет сделано и что японские и китайские власти препятствий чинить не будут. Затем я сказал Старынкевичу, чтобы он выработал известное положение, по которому они дали подписку, что они, во первых, уезжают из России за границу, и во вторых, что они ни при каких условиях не будут вести политическую борьбу против Правительства Верховного Правителя, находясь за границей. Затем тут же зашла речь относительно Аргунова. Я сказал, что мне самому не ясна его роль, а Аргунов сказал, что он хочет вернуться. Мы ему сказали, что через несколько времени он может вернуться, но на первое время пускай выедет хоть в Шанхай, а затем никаких препятствий к его возвращению не будет. Вечером я вызвал начальника конвоя и сказал ему, что он отвечает непосредственно передо мною за целость и неприкосновенность этих лиц и за малейшую попытку против них направленную. Затем я сказал, что если будет попытка с целью нападения на них, или наоборот с целью освобождения их, тогда действовать оружием без всяких разговоров. Этот офицер сказал, что он все это выполнит сам, и ручается, что все будет выполнено, как нужно. Я добавил, чтобы они ни с кем общения не имели, чтоб не останавливаться на больших станциях, итти самым экстренным порядком и доставить их до Чжанчжуня, английский конвой отпустить в Харбине. Они были отправлены 19–20 ноября.

6 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА.

А. Н. Алексеевский: Чтобы выяснить Ваше отношение к перевороту, требуется установить некоторые дополнительные пункты. Между прочим, для Комиссии было бы интересно знать – перед переворотом или во время его, или после

встречались ли Вы в Сибири или на Востоке с князем Львовым, который тогда через Сибирь выезжал в Америку?

Адм. Колчак: Нет, с князем Львовым я не виделся: мы раз'ехались. Я виделся только с другим Львовым — Владимиром Михайловичем.

А. Н. Алексеевский: Не имели ли Вы от князя Львова письма или указания?

Адм. Колчак: Кажется, какое то письмо из Парижа было во время пребывания в Омске, но это было позже, приблизительно летом. Это письмо не содержало ничего важного и относилось, главным образом, к деятельности той политической организации, которая была в Париже и во главе которой стоял Львов. До этого я со Львовым не имел личных сношений и никаких указаний, переданных через него от кого бы то ни было, не имел. Письмо, о котором я говорил, было передано через Консульскую Миссию в Париже в июле.

А. Н. Алексеевский: В это время через Сибирь проезжал и находился в Омске Савинков?

Адм. Колчак: Савинков заходил ко мне, когда я еще [жил] на квартире у Волкова. Мы с ним беседовали, меня он расспрашивал, интересуясь положением вещей, т. к. он только что приехал с Востока, интересовался моим взглядом на отношение Японии к нам. Это было в первые дни моего приезда, насколько помнится, в доме Волкова. Виделся я с Савинковым только один раз, т. к. он вскоре уехал. По вопросу внутренней политики я не беседовал с ним.

А. Н. Алексеевский: Из числа лиц, с которыми вы в это время встречались, вы не упомянули об отношении к генералу Апрелеву, приехавшему в это время из за границы?

Адм. Колчак: Я в первый раз слышу такую фамилию. Может быть я и встречал его, но под другой фамилией.

А. Н. Алексеевский: Не было ли в это время в Омске человека, приехавшего с поручением от русских заграничных кругов из Парижа или Лондона.

Адм. Колчак: В это время никого не было, позже бывали. Что касается Апрелева, то я теперь вспомнил, что в Японии я встречал молодого морского офицера, известного мне раньше, который служил в Французской Миссии и носил эту фамилию. Я видел его несколько раз в Токио. Он приезжал туда с Миссией и состоял в распоряжении Реньо и к этому делу никакого отношения не имел.

А. Н. Алексеевский: Я уже ставил Вам вопрос, в каких отношениях Вы состояли с Реньо. Вы отвечали, что отношения были чисто оффициальные. Между тем в письме г. Тимиревой от 17 сентября есть упоминание о каком то «Альянсе» который Вам удалось установить с Реньо. Повидимому, г. Тимирева пишет Вам, повторяя те впечатления, которые вы вынесли из Вашего морского переезда из Японии во Владивосток. Она говорит о пассажирах и, припоминая ваши впечатления, пишет, что Вы вступили в «Альянс» с Реньо.

Адм. Колчак: Из Японии я ехал вместе с Реньо. Я виделся с ним несколько раз, он был очень любезен, но ни о какой политике мы с ним не говорили. Это было простое пароходное знакомство, т. к. из Цуруги он ехал вместе со мной и даже за столом за обедом и завтраком мы сидели с ним рядом.

А. Н. Алексеевский: Вы сказали прошлый раз, что из поездки в армию вынесли впечатление, что армия была против Директории и на стороне идеи единоличной власти. Я хотел бы поставить вопрос, в каких частях Вы были?

Адм. Колчак: Я был в западной армии, хотя тогда еще не существовало этого термина «Западная армия», тогда была Екатеринбургская группа, которой командовал Гайда. Это были части, находившиеся в районе Челябинска.

А. Н. Алексеевский: Приезжали ли Вы в это время на Юго-Западный фронт, где находились части Народной армии, армии Комуча?

Адм. Колчак: Эти части в то время были в Челябинске, куда я не приезжал.

А. Н. Алексеевский: Ведь, в это время большевики вели наступление на Юго-Западный фронт и их удары выносили эти части армии Комуча?

Адм. Колчак: Да, и чехи, которые в это время начали свою эвакуацию. На фронте этих частей не было [я не был], т. к. не мог туда проехать. Юго-Западный фронт был в то время в районе Бугульмы, приблизительно по течению реки Ик. На юге в это время происходили большие бои частей Каппеля, принадлежавших к Народной армии.

А. Н. Алексеевский: Юго-Западный фронт в это время был выдвинут очень далеко. В это время Ижевский и Воткинский заводы принадлежали ли к армии Комуча?

Адм. Колчак: В это время все заводы уже перешли за Каму. В этих частях я также не был, т. к. не мог приехать в виду эвакуации чехов. Я говорил с Дитерихсом, не могу ли я проехать на фронт в Уфу, но он мне сказал, что это задержит спешную эвакуацию чехов, и мне пришлось отказаться.

А. Н. Алексеевский: В оценке отношений армии к перевороту большую роль должны [были] сыграть Добровольческие части. Каково было их мнение?

Адм. Колчак: Каково было их мнение, я не знаю, но я виделся с представителем в Челябинске и он сообщил мне, что, в общем, отношение к Комитету Учредительного Собрания и к Директории отрицательное даже в тех частях, которые находятся под командованием Фортунатова. Фортунатов в то время командовал полком Учредительного Собрания.

А. Н. Алексеевский: При получении этих сведений о настроении армии обращались ли Вы к командному составу?

Адм. Колчак: Да, главным образом, хотя в некоторых случаях мне приходилось даже беседовать с солдатами, правда, очень коротко. Я беседовал с солдатами, бывшими на фронте, и во время обхода в казарменных помещениях.

А. Н. Алексеевский: Не думаете ли Вы, что то, что Вы принимали за мнение армии в виду того, что Вы не посетили наиболее важных пунктов, было фальсифицировано?

Адм. Колчак: Если бы у меня было такое сомнение, то оно рассеялось на второй, третий день после переворота, когда я получил от всех частей, даже частей Фортунатова выражение сочувствия к происшедшему перевороту.

А. Н. Алексеевский: К сожалению, эти телеграммы, как некоторые другие документы, не сохранились?

Адм. Колчак: Они все находились в архиве Штаба.

А. Н. Алексеевский: Известно, что в начале на фронте у добровольческих частей Сибирской армии, которая была сначала организована на добровольческих началах, было враждебное отношение к перевороту. Таково, например, было отношение третьей дивизии, одной из самых боевых дивизий, другие части оставались в неведении совершившегося переворота: им говорили, что адмирал Колчак действует от имени Директории, что Директория остается, т. к. в противном случае настроение солдат было таково, чтобы итти ликвидировать переворот.

Адм. Колчак: О таких настроениях мне ничего не известно, т. к. мне об этом никто не сообщал. Наоборот, если у меня и были сомнения, то они рассеялись в ближайшие дни, когда я получил уверенность, что подобная конструкция

Правительства и власти приветствуется всей армией. И дальше в последующие дни я от армии, ничего, кроме самого хорошего, кроме самого положительного отношения не видел. Ни одного оскорбительного письма, ни одного памфлета из армии за все время пребывания моего Верховным Правителем я не получал. Если у меня и были некоторые сомнения, хотя бы в отношении тех частей, которые были непосредственно подчинены Комитету Учредительного Собрания, то они рассеялись; тот же Фортунатов признал совершившийся переворот совершенно легко и даже не оказал сопротивления при аресте членов Учредительного Собрания, пославших вызов, что они пошлют войска против меня и откроют новый фронт.

К. А. Попов: Известны ли Вам случаи, когда в тюрьму сажались солдаты за перехваченную переписку, содержавшую неодобрительные отзывы о Верховном Правителе?

Адм. Колчак: Нет, мне это не было известно, но я допускаю, что это могло быть: из массы солдатских писем могли быть и такие, которые содержали такие отзывы.

А. Н. Алексеевский: Когда Вы были Военным и Морским Министром и будучи Верховным Правителем, не приходилось ли Вам сталкиваться с фактом, что высшее военное командование до вашего вступления в Военное и Морское Министерство, а также и при вас вело известную систематическую работу по возбуждению недовольства в добровольческой армии, армии Комуча тем, что военное снабжение этим частям всячески задерживалось. Я знаю, например, от Начальника Воткинской дивизии, подполковника Перового, что Ижевская дивизия, организовавшаяся после восстания, не получила оружия, снарядов и патронов по той причине, что они намеренно не отправлялись туда, тогда как Сибирские части, составленные по мобилизации, имели всего в изобилии. Этим самым вызывалось недовольство этих частей.

Адм. Колчак: Тогда я этого не знал. Для меня значительно позже выяснилась эта картина, что действительно какая то работа в смысле не доставления и задержки военного снабжения преднамеренно велась, но это было не в Западной армии, а главным образом в Сибирской. Если Вы вспомните, то это было в тот момент, когда в главное командование вступил Дитерихс; имеется его приказ, где он говорит, что этот вопрос должен быть разобран. У нас было очень тяжелое положение с доставкой оружия, т. к. первый период мы ничего не получали. Доставка оружия началась приблизительно к марту месяцу, до этого же времени во всех частях не было оружия, ни сапог, ни обмундирования. В это время положение было очень тяжелым, но я не думаю, чтобы оно носило предумышленный характер.

А. Н. Алексеевский: Скажите Ваше отношение к генералу Каппелю, как к одной из наиболее крупных фигур добровольческой армии?

Адм. Колчак: Каппеля я не знал раньше и не встречался с ним, но те приказы, которые давал Каппель, положили начало моей глубокой симпатии и уважения к этому деятелю. Затем, когда я встретился с Каппелем в феврале или марте месяце, когда его части были выведены в резерв, когда он приехал ко мне, я долго беседовал с ним на эти темы и убедился, что это один из самых выдающихся молодых начальников.

А. Н. Алексеевский: Когда вы приняли власть Верховного Правителя, каково было отношение к перевороту правительств, существовавших на территории, освобожденной от большевистской власти?

Адм. Колчак: В первое время никакого, т. к. не было никакой связи. Когда произошли все события, относительно которых я говорил прошлый раз, то был решен вопрос относительно отправки членов Директории за границу. Под надежным конвоем они были отправлены, кажется, на второй день вечером. В первый же день часа в 3–4 было устроено второе заседание, на котором [решено] было учредить Верховный суд для разбора всего этого дела. На второй день я с утра поехал в Ставку. Все это время я жил в одной комнате и всю работу проводил в Ставке. В Ставке исполнявший должность начальника Штаба вручил мне целый ряд телеграмм, полученных из разных мест Сибири, которые прибывали в течение первых пяти дней. Эти телеграммы были из самых разнообразных мест, городов и частей армии и т. д. Эти телеграммы дали мне уверенность, что по крайней мере армия меня приветствует. Это были ответы на мое извещение, их были десятки, среди них были телеграммы отдельных лиц. Помнится, я получил даже телеграмму с приветствием от Союза Сибирских маслоделов. В последующие дни приходили депутации и приветствия от различных крестьянских общин, в первые же дни приходили телеграммы, главным образом, от армии и военных частей. Тогда эти телеграммы дали мне полную уверенность, что то, что было сделано, сделано правильно и отвечает настроению и пожеланию армии. Одной из первых была получена телеграмма от Хорвата, в которой он приветствовал меня, признавал меня Верховным Правителем и передавал себя в мое распоряжение. Одной из первых телеграмм была также получена телеграмма от Атамана Дутова. Вместе с ней получилась телеграмма от Правительства Оренбургского. Затем была получена одна весьма характерная телеграмма от Уральцев, хотя и несколько более осторожно составленная: они приветствовали меня, но просили сообщить, какую политическую цель я ставлю в первую очередь. Я подтвердил им, что моя задача заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность собрать Учредительное Собрание, на котором была [бы] высказана воля народа. Очень скоро я получил ответную телеграмму с приветствием и заявлением, что они передают себя в мое распоряжение, что они вполне разделяют мою точку зрения и осуществление задачи, которую я ставлю перед собой, считают необходимым. Но я не получил никаких известий только от двоих: от Семенова и Калмыкова. От них не было никаких сведений, но это меня не особенно беспокоило, т. к. я был уверен, что Семенов будет против меня, ввиду тех отношений, которые сложились раньше. Поэтому едва ли можно было расчитывать, что Семенов пойдет вместе со мной; вероятно, он попытается действовать отдельно, независимо. Будучи еще Военным Министром, я отчетливо сознавал, в каком положении находится снабжение армии, поэтому на второй же день я снесся с Вологодским и просил, кажется, его и Министра Снабжения, которым был в то время Зефиров, и еще несколько министров обсудить этот вопрос, т. к. я считаю необходимым, чтобы в первую очередь Правительство занялось изучением вопросов экономического характера, т. к. вопрос снабжения стоит настолько остро, даже в самом Омске, что я считаю, что все усилия Правительства должны быть положены в первую очередь на создание обеспечения снабжения армии. Я сказал, что необходимо, чтобы завтра же вечером было устроено заседание, на котором я выскажу свои взгляды, чтобы было собрано Экономическое Совещание. Это совещание было разработано тут же: были выбраны представители торгово-промышленников, кооперативов и банков, которых можно было избрать здесь же в Омске. Таким образом было основано Экономическое Совещание, на котором я первую

неделю сам вел заседание. Я каждый вечер бывал там сам, пока не изложил все те задачи, которые я считал необходимым осуществить для обслуживания армии. Затем, когда началось обсуждение общих вопросов, мне уже было трудно, к тому же я заболел.

А. Н. Алексеевский: Как отнеслись к перевороту представители иностранных держав, которые в то время были в Омске или которые после приехали в Омск?

Адм. Колчак: Насколько помню, в Омске в то время был представитель Америки Гаррис и Франции – Реньо. Представителя Англии еще не было, был только Полковник Уорд; Нокс же приехал позже. Со стороны Японии была только чисто военная миссия. Представителями чехов были тогда – военным представителем Кошек и Рихтер. Вообще отношения со стороны всех, кто ко мне ни являлся, были самыми положительными. Гаррис, американский представитель относился ко мне с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайной благожелательностью. Это был один из немногих представителей Америки, который искренно желал нам помочь и делал все, что мог, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения. Гаррис, насколько я помню, прибыл ко мне первый с визитом на другой день. Гаррис сказал мне: «думаю, что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение, но наблюдая всю атмосферу, всю обстановку, я могу только приветствовать, что Вы взяли власть в свои руки при условии, конечно, что Вы смотрите на свою власть, как на временную, переходную, конечно; основной вашей задачей является довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, т. е. выбрать правительство по своему желанию». Я сказал ему: «это есть моя основная задача; Вы знаете хорошо, что я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени, кроме веры в меня тех лиц, которые меня знают. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишний день, как только можно будет от нее отказаться». На это Гаррис сказал мне: «я Вам сочувствую и считаю, что если Вы пойдете по этому пути и выполните задачи, которые ставятся перед Вами, то в дальнейшем мы будем работать вместе». В таком же духе говорил со мной и Реньо. Полк. Уорд был у меня на следующий день и сказал, что он также считает, что это единственная форма власти, которая должна быть. «Вы должны нести ее до тех пор, пока, наконец, Ваша страна не успокоится и Вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа». Я сказал, что моя задача работать вместе с союзными представителями в полном согласии и что я смотрю на настоящую войну, как на продолжение той войны, которая шла в Европе.

В. П. Денике: Не удалось ли Вам выяснить, не были ли оповещены иностранные представители до совершения переворота о готовящемся перевороте?

Адм. Колчак: Я думаю, что это было неожиданно, по крайней мере для Уорда, Гарриса и Реньо. Вслед за посещением этих лиц, о которых я говорил раньше, меня посетили Рихтер и Кошек. Со стороны Кошека отношение было самое милое, любезное, но все чувствовалась какая то неопределенность. Они спросили меня: «что Вы предполагаете делать?» Я сказал, что моя задача очень простая, снабжать армию, увеличивать ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никаких сложных больших реформ я производить не намерен, т. к. смотрю на власть, как на временную, буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея ввиду одну задачу – продолжение борьбы на нашем уральском фронте. Вот вся моя политика, определяемая этим. Стране нужна, во что бы то ни стало, победа

и должны быть приложены все усилия, чтобы достичь этого. Никаких решительно определенных политических идей у меня нет: ни с какими партиями я не пойду, не буду стремиться к восстановлению чего либо старого, а буду стараться создать армию регулярного типа, т. к. считаю, что только такая армия может одерживать победы. Тогда Рихтер задал мне вопрос: «отчего Вы раньше не говорили об этом, почему не спросили раньше нашего мнения?» Я ему довольно резко ответил: «Вам какое дело, я менее всего намерен был спрашиваться мнения иностранцев»; и заявил ему: «Ваше мнение совершенно не интересно и не обязательно для нас». Он сказал мне: «мы принимали участие в ведении войны». Я ему ответил: «да, но теперь Вы никакого участия не принимаете; теперь Вы оставляете фронт, почему же Вы хотите, чтобы мы справлялись с Вашим мнением и в особенности теперь, когда Вы оставляете фронт». Таким образом, отношение чехов в лице их представителей было скорее недоверчивым, со стороны Рихтера оно носило как бы характер обиды, что все сделано без их согласия, без предварительных переговоров с ними.

В. П. Денике: Не приходилось ли Вам слышать, что в то время, когда Авксентьев и Зензинов находились в заключении, им через некоторых лиц предлагалось чехами выступление для ликвидации переворота?

Адм. Колчак: Такие разговоры были, но точных данных никаких не было и никаких шагов в этом направлении не предпринималось. Совершенно отрицательную позицию занял чешский Национальный Совет. Это было в связи с выступлением в Уфе членов Учредительного Собрания.

А. Н. Алексеевский: В это время было заключено предварительное перемирие с Германией. Таким образом, Германия вышла из войны и устанавливалось общее замирение Европы. Не возникало ли у вас мысли, что и для России надо искать мирного выхода из того положения, которое создалось?

Адм. Колчак: Я об этом не думал, т. к. видел, что этот мир нас не касается, и считал, что война с Германией продолжается. Я тогда в первое время надеялся, что в случае, если нам удастся одержать известные успехи на фронте, то мы будем приглашены на мирную конференцию, где мы получим право голоса для обсуждения вопроса о мире, т. к. этого не случилось, то я считал, что мы находимся в состоянии войны с Германией. В числе телеграмм, полученных мною, я получил со значительным опозданием и телеграмму из Уфы за подписью 5–6 членов Учредительного Собрания (кажется, там были подписи Нестерова, Девятова). Первая часть телеграммы состояла из ругани: меня называли узурпатором, врагом народа и т. д.: вторая же часть носила более серьезный характер: там заявлялось, что Комитет членов Учредительного Собрания повернет свои [войска] на Омск и откроет новый фронт внутренний против меня. Насколько первая часть была для меня безразлична, настолько вторая часть носила характер вызова или угрозы. На это надо было как нибудь реагировать, хотя я и получил сведения, что все части Народной армии (я получил приветствия от большей части) настроены сравнительно спокойно и что ему угрозу вряд ли удастся осуществить. Я, между прочим, получил донесение из Челябинска (это передавалось как слух, и за точность я не могу ручаться, но это было интересно, как характеристика отношения чехов), что, когда случился переворот, будто бы в Уфе состоялось совещание членов Учредительного Собрания, на котором вопрос был поставлен таким образом, что надо соединиться с большевиками и начать общее наступление на Восток. На это будто бы чехи ответили, что если члены Учредительного Собрания войдут в сношения с большевиками, то они их всех перевешают.

Чехи в это время были заняты своей эвакуацией с Челябинского фронта и создали там ужасное положение. В Челябинске было забито несколько тысяч вагонов, так что всякое передвижение на этом фронте было чрезвычайно тяжело. Я думаю, что это оказало большое влияние на снабжение армии: не было даже предумышленного задерживания, но в это время почти ничего не могли подавать в западную армию, благодаря забитости Челябинского узла. Когда я получил эту телеграмму, я послал Дитерихсу и Гайде телеграмму, арестовать в Екатеринбурге Чернова, о котором я получил сведения, что он живет в каком то крепком доме, что при нем сто человек охраны, а также арестовать членов Учредительного Собрания. Это было выполнено и Чернов был арестован, но затем Гайда, повидимому, по требованию Национального Совета направил поезд, в котором был Чернов и часть его охраны, которые были арестованы в обстановке сопротивления (была брошена бомба, но, к счастью, убитых не было, были только раненые), почему то через Челябинск и в Челябинске Чернов был освобожден. Так или иначе Чернов попал в Национальный Совет, оттуда он бежал, уехал за фронт и перебрался в Евр. Россию. Кем был освобожден Чернов, не имею точных сведений, но полагаю, что это был Национальный Совет.

К. А. Попов: Известно ли Вам, что при аресте Чернова Екатеринбургской комендатуре было дано распоряжение, чтобы Чернов и его товарищи были ликвидированы?

Адм. Колчак: Об этом мне не известно и мною таких распоряжений не давалось. Арест производился русскими частями.

К. А. Попов: Известно ли Вам, что Чернов и его товарищи были отбиты вооруженной силой чехов?

Адм. Колчак: О том, что они были отбиты вооруженной силой, я совершенно не знаю. Наоборот, я знаю, что по требованию Национального Совета они были ему переданы.

К. А. Попов: Вооруженным отрядом чехов Чернов и его конвой были отбиты от русского конвоя, который вел их на расстрел.

Адм. Колчак: Мне это представляется иначе: они были арестованы Гайдой, Чешский же Национальный Совет потребовал, чтобы их доставили в Челябинск, почему Гайда и выполнил его приказание. О том, что было нападение чехов на русский конвой, я совершенно не знаю. Если бы это было, то, вероятно, Гайда сообщил бы мне об этом, между тем, он ничего не сообщал мне. Гайда в это время командовал не только чешскими войсками, но и Екатеринбургской группой, состоящей из русских и чешских войск. Поэтому, он мог отдавать приказания одинаково и русским, и чешским частям. Арест Чернова, насколько я помню, был произведен русскими частями, но распоряжение об аресте было направлено непосредственно Гайде, как старшему начальнику. Насколько я помню, я сделал это распоряжение Гайде и получил ответ, что приказание выполнено. Через несколько дней, видя, что результатов нет, я запросил, где же находится Чернов. Был запрошен Гайда, каким поездом был отправлен Чернов. Гайда ответил, что Чернов такого то числа отправлен в Челябинск. Тогда я приказал запросить Дитерихса, Дитерихс ответил, что Чернова в Челябинске нет. Я считал, что когда поезд с Черновым прибыл в Челябинск, то Чешский Национальный Совет потребовал выдачи Чернова и его освободили.

А. Н. Алексеевский: Вы отдавали определенное приказание арестовать Чернова и отправить его в Омск. Приказание это не было выполнено. Было ли сделано какое нибудь расследование по поводу неисполнения этого приказания?

Адм. Колчак: Нет, никакого расследования не было сделано, я считался только с фактами. Потом Гайда говорил мне, что он не мог иначе поступить, что это было требование Национального Совета, которому он до известной степени подчинялся.

А. Н. Алексеевский: Помимо Гайды никаких расследований относительно ареста и доставки Чернова в Омск Вы не делали?

Адм. Колчак: Нет, не делал. Я был очень удивлен, почему Чернышев направил [Чернов был направлен] через Челябинск, потом выяснилось, что это было требование Национального Совета.

А. Н. Алексеевский: Членов Учредительного Собрания, арестованных в Уфе, было приказано доставить также в Омск?

Адм. Колчак: Одновременно с первой телеграммой я послал телеграмму Дитерихсу с приказанием арестовать членов Учр. Собр. и доставить в Омск. Когда я получил список арестованных лиц (их было ок. 20 чел.), то оказалось, что там не было ни одного лица, подписавшего телеграмму, за исключением Девятова. Список мне передал конвоирующий офицер.

К. А. Попов: Распоряжение об аресте членов Учредительного Собрания было сделано по предложению Вологодского?

Адм. Колчак: Было сделано мною совершенно самостоятельно после получения этой телеграммы.

К. А. Попов: В распоряжении комиссии имеется копия телеграммы с надписью «произвести через Верховного Правителя арест членов Учредительного Собрания».

Адм. Колчак: Насколько я помню, это было мое решение, когда я получил эту телеграмму с угрозой открыть фронт против меня. Может быть Вологодский, получив одновременно телеграмму, сделал резолюцию, но во всяком случае, в этом решении Вологодский никакого участия не принимал. Членов Учредительного Собрания было арестовано около 20, и среди них тех лиц, которые подписали телеграмму, не было, за исключением, кажется, Девятова. Просмотревши списки, я вызвал офицера, конвоировавшего их, Кругловского, и сказал, что совершенно не знает [знаю] этих лиц и что в телеграмме они повидимому никакого участия не принимали и даже были, кажется, лица, не принадлежавшие к составу К-та членов Учредительного Собрания, как, например, Фомин. Я спросил, почему их арестовали, мне ответили, что это было приказание местного командования ввиду того, что они действовали против командования и против Верховного Правителя, что местным командованием было приказано арестовать их и отправить в Омск. Таким образом, от этого ареста получалось впечатление весьма неопределенное: тех лиц, которых имелось в виду арестовать, не оказалось. Я вызвал вслед за этим Старынкевича и спросил его — что же делать с этими лицами? Определенных обвинений к этим лицам нет никаких, как же следует в этом случае поступить? Старынкевич говорит: «Надо произвести следствие по этому делу. Затем, помимо вызова, который был брошен членами Учредительного Собрания, есть еще одно очень серьезное обвинение, которое ложится на этот комитет членов Учредительного Собрания в том, что они выпустили огромное количество Уфимских денег, причем эти деньги расходовались, главным образом, на партийную работу. Надо выяснить, какое количество денег они напечатали и куда эти деньги шли». Я сказал: «хорошо, в таком случае возьмите этот вопрос на себя, т. к. мне лично эти лица не нужны». Когда я сказал Кругловскому, что он привез мне совершенно неизвестных лиц, то он сказал, что остальные

были предупреждены чехами и скрылись. Я спросил, было ли какое нибудь сопротивление или противодействие обыскам и арестам, которые производились в Уфе со стороны частей Фортунатова? Он сказал, что никакого и скорей было даже оказано содействие. При комитете Учредительного Собрания была охрана человек в 200, они оставались в том же доме, где жили, и когда их окружили и потребовали выдачи оружия, то это было сделано немедленно. Их даже не арестовали, а просто разоружили и отпустили. Они были привезены в Омск приблизительно числа 24–25.

К. А. Попов: Каким образом сложилась их судьба и под чьим давлением? Ведь вы знаете, что большинство их было расстреляно.

Адм. Колчак: Их было расстреляно 8 или 9 человек. Они были расстреляны во время бывшего в двадцатых числах декабря восстания.

А. Н. Алексеевский: Как отнеслись к перевороту Уральское правительство и другие правительства, существовавшие на Востоке и находившиеся в территориальной связи с вами, как например, Алаш-Орда и др.?

Адм. Колчак: Они ничем не заявляли о себе и в первые дни о них ничего не было известно. Ни от Алаш-Орды, ни от Уральского правительства не поступило никаких заявлений.

К. А. Попов: Известно ли Вам, что одновременно с членами Учредительного Собрания были арестованы представители Уральской власти, напр., Кирпенко в Челябинске?

Адм. Колчак: Кириенко был доставлен вместе с остальными в Омск и арестован был, вероятно, местным начальником гарнизона. Также был арестован редактор местной газеты Маевский [и] отправлен в Омск.

К. А. Попов: В это время не отдавалось ли вами определенных указаний об аресте членов Учредительного Собрания и в смысле репрессий вообще в отношении активных членов партии с. р.?

Адм. Колчак: Нет, таких определенных указаний я не давал, я только посылал телеграмму Дитерихсу и Ханжину, чтобы они приняли все меры для борьбы с пропагандой на фронте.

А. Н. Алексеевский: В числе деятелей этого времени была целая группа, представлявшая правительство Урала. В связи с ними находилась Ек. Брешко-Брешковская, которая до известной степени была тоже выслана из России.

Адм. Колчак: Она уехала, вероятно, раньше, до меня, т. к. я не слышал ни одного слова о ней.

А. Н. Алексеевский: Она прибыла почти в одно время с вами во Владивосток, как член Учредительного Собрания.

Адм. Колчак: Я ничего о ней не слышал и считал ее находящейся вне России.

К. А. Попов: Вам было известно, что такие представители партийных течений, как Брешко-Брешковская, должны были скрываться и перейти на нелегальное положение?

Адм. Колчак: Я не могу ничего сказать, т. к. я о ней не слышал и не знал, что она находится в Сибири. От Уральского Правительства я ничего не получал и никаких распоряжений в этом направлении не делал. Имел место только единственный отклик и то не членов уральского правительства, а каких то общественных деятелей. Когда в феврале месяце они были арестованы, я приказал их освободить.

К. А. Попов: Таким образом, этим арестом Вы считали ликвидированным вопрос относительно членов Учредительного Собрания?

Адм. Колчак: Да, считал совершенно ликвидированным.

А. Н. Алексеевский: Продолжайте ваш рассказ о событиях, происходивших в Омске. Какие перемены Вы находили нужным сделать в системе управления страной?

Адм. Колчак: Первый период, как Вы увидите, я был лишен возможности заниматься этим делом. Главный вопрос, который занимал меня в это время, была подготовка и обеспечение Пермской операции, которая была сообщена мне Гайдой, когда я виделся с ним. Она требовала быстрой подачи известного контингента комплектования из центральной Сибири. Это было связано с величайшими затруднениями в смысле снабжения, обмундирования и т. д. Это была главная моя задача и я в это время употреблял все усилия на то, чтобы ее обеспечить. По этому поводу мне пришлось войти в связь и контакт с ген. Ноксом, который находился во Владивостоке; я ему послал телеграмму о том, что в первую очередь необходимо выслать на Урал патроны и снабжение в Екатеринбургскую армию срочным порядком, так как во всем этом чувствуется громадный недостаток; я запросил его, в каком положении находится подвоз боевых припасов, о которых Нокс писал, что они будут доставлены, и в это время шло очень быстрое и непрерывное сношение с Владивостоком. Вслед за тем, когда был обнародован приказ о предании суду Волкова, Катанаева и Красильникова, Семенов, до сих пор молчавший, реагировал на этот вопрос телеграммой, направленной непосредственно ко мне, в которой он заявлял, что он требует выдачи этих лиц к себе, что он считает, что предавать их суду я не имею права, что деятельность этих лиц может быть судима только впоследствии и что он требует их выдать в его распоряжение. На нее я, конечно, не ответил; я отправил ее в Штаб и сказал, что не стоит отвечать на нее. Вслед за тем вечером, в то время, когда мы потребовали прямой провод во Владивосток для переговоров с Ноксом, мне доложили, что прямого провода нет, что Чита прервала сообщение. Я предложил Начальнику Штаба выяснить этот вопрос. На это мне ответили совершенно неопределенно, говорили, что никакого перерыва нет, а всетаки мы не можем получить Владивосток и ясно, что перерыв находится в Чите. Тогда я, чтобы что нибудь делать, приказал зашифровать телеграмму и послать окружным путем, была возможность еще через Монголию послать во Владивосток <с перечислением> с требованием получить все, что нужно для фронта, но все же я приказал попытаться вызвать Владивосток, потому что такие шифрованные телеграммы не заменяют переговоров по прямому проводу. Затем я получил известие, которое показало, что это было недоразумение, и [но] это на меня произвело впечатление чрезвычайно серьезное: это была первая угроза транспорту с оружием, обувью и т. д., задержанному где то на Забайкальской железной дороге. Впоследствии оказалось, что это не было предумышленной задержкой, а задержка благодаря непорядкам на линии, а мне доложили это так, что я поставил это в связь с перерывом сообщения и решил, что дело становится очень серьезным, что Семенов уже задерживает не только связь, но задерживает и доставку запасов. Я просил Лебедева, который вступил в должность Начальника Штаба, вызвать по прямому проводу или Семенова, или его Начальника Штаба и окончательно выяснить вопрос, делается ли это умышленно или нет, и если это делается не умышленно, то я прошу содействия и облегчить мне возможность сношения и протолкнуть вне очереди поезда с припасами и предметами снабжения для фронта. Лебедев получил такой ответ, что они просто не желают разговаривать. Тогда я, обдумавши этот вопрос и пользуясь тем, что Волкова я послал в Иркутск, я решил

поручить Волкову организовать отряд здесь в Иркутске и двинуться на Забайкальскую ж. д. для того, чтобы обеспечить нам провоз наших грузов. — Словом, создался целый конфликт. В отношении Семенова я тогда издал приказ: 4 — или — 5 дней задерживается связь с Владивостоком, задерживается перевоз боевых припасов, я считаю это актом предательства по отношению к армии со стороны Семенова и отрешаю его от должности. Это был приказ, который знаменовал собою перерыв всяких сношений с Семеновым. Насколько я был прав, трудно сказать, но я рисую вам ту обстановку и те мотивы, по которым я тогда действовал. В ответ на это не последовало ничего, но иностранные представители, которые тоже были оповещены об этой истории, спросили, что я намерен делать. Я сказал, что такие случаи надо решать с оружием, я постараюсь собрать войска и двинуть их для того, чтобы обеспечить Забайкальскую ж. д. и продвинуть по ней грузы. Насколько это мне удастся, я не знал, но во всяком случае у меня другого выхода не было, потому что я пытался войти в соглашение, но из этого ровно ничего не вышло. Об этом событии стало известно Ноксу и Жаннену, который в это время приехал во Владивосток и был на пути к Омску. Из Читы я получил предложение от ген. Жаннена подойти к прямому проводу, что я и сделал, при чем он сообщил мне, что положение чрезвычайно осложняется в Забайкалье, и что он считает долгом мне сообщить следующее: командующий японской дивизией... заявил, что он не допустит никаких вооруженных действий на ж. д. линии и что в случае, если я попробую ввести войска в Забайкалье, то японские войска вынуждены будут выступить против них. Почему это сделали я хорошо не знаю, но он действительно вызывал меня к прямому проводу и сказал, что он рекомендует мне быть очень осторожным, более спокойным и надеется, что этот конфликт может разрешиться благополучным путем, и что решение его вооруженной силой является совершенно невозможным. Тогда я оставил это распоряжение. Японцы сообщили, что они берут на себя гарантию, что связь будет действовать и что движение на линии ж. д. прекращаться не будет. Это мне в тот момент разрешало то сомнение и то затруднительное положение, в котором я находился в отношении доставки на фронт предметов снабжения, и я подчинился тому положению, разрешить которое я своими средствами иначе не мог.

А. Н. Алексеевский: Вы, значит, понимали, что за Семеновым стоят японцы?

Адм. Колчак: Раз они заявляют, что они со своими войсками выступят, то я своими жалкими средствами что же мог сделать? Я примирился с этим, как с временным явлением, надеясь, что я со временем разрешу этот вопрос. В это время центр тяжести моей деятельности лежал в Пермской операции и я стремился всеми силами ее обеспечить. И действительно связь после этого восстановилась, грузы, хотя с некоторым опозданием, все же были доставлены и с этой стороны подготовительная работа этой операции шла и это меня до известной степени устраивало.

А. Н. Алексеевский: А Вашего приказа о лишении Семенова должностей Вы не отменяли?

Адм. Колчак: Нет, не отменял; я отменил его после следственной комиссии, когда Катанаев вернулся и, производя расследование, сказал, что факта и намерения со стороны Семенова прервать связь и доставлять на фронт не было и что все это было помимо его. Затем все время у меня уходило на работу в Ставке и в заседаниях Экономического Совещания, крупными же делами общегражданского порядка мне почти не приходилось заниматься. Я делал об'езд войск Омского гарнизона и убедился в чрезвычайно положительном и сердечном отноше-

нии со стороны Омского гарнизона и казаков ко мне, также со стороны офицеров и команды. В середине декабря был случай, который в дальнейшем в значительной степени повлиял на мою работу. 9-го декабря нов. ст. был Георгиевский парад — я не имел никогда теплого пальто и всегда ходил в солдатской шинели — после парада я об'езжал войска и в результате, так как я легко был одет, заболел воспалением легких. Почти неделю я держался и продолжал ездить на службу, еще не знал хорошо своей болезни, так как я болеть не мог и должен был продолжать работу, и только 15-го числа, когда я перебрался на квартиру в дом Батюшкина, был консилиум докторов, которые потребовали, чтобы я лег в постель. У меня сделалась запущенная тяжелая форма воспаления легких, так как я однажды уже болел воспалением легких, когда был на Востоке. Эта болезнь прервала мою возможность ездить в Штаб, в Совет Министров и т. д., но я все время старался принимать всех, кто имел ко мне нужду, и просил только Волкова, что если нет особенно срочных вопросов, то чтобы меня не занимать, что же касается фронта, то я два раза в день принимал доклады Лебедева о положении на фронте, принимал иностранцев, которые ко мне являлись. В некоторых случаях я даже пытался одеваться, выходил и снова ложился в постель. Болезнь моя очень сильно повлияла на события, потому что я в это время не мог заниматься, я не был вполне в курсе всех дел, мне пришлось прекратить занятия в Экономическом Совещании. Первый мой выход из квартиры был день возобновления деятельности Сената в феврале месяце, — я болел шесть недель.

А. Н. Алексеевский: Значит, этот период времени с половины января [декабря] и до конца [начала] февраля управление гражданской стороною государственной жизни лежало на Совете Министров?

Адм. Колчак: Да, конечно, я не мог в это время входить в дела каждого, как следовало бы, и принимал только экстренные доклады. Единственно, что я не оставлял, как бы плохо мне ни было, это распоряжений о фронте, за исключением лишь нескольких дней, когда у меня была такая высокая температура, и такие боли, что я дышать не мог.

А. Н. Алексеевский: Во время Вашей болезни произошло известное выступление в Омске, как Вы отнеслись к нему?

Адм. Колчак: Приблизительно около [в] 20-х числах, Лебедев мне сообщил, что имеется агентурное добытое контр-разведкой сведение, что в Омске готовится выступление ж. д. рабочих на линии ж. д., что ожидается забастовка на линии ж. д. и т. д., что все это идет под лозунгом советской власти, но он большого значения не придает, что в Омске находится достаточное количество войск, что гарнизон вполне надежный и вряд ли может быть какое нибудь выступление.

А. Н. Алексеевский: Никаких особых указаний Вы по этому поводу ему не давали?

Адм. Колчак: Нет, все делалось автоматически. На случай тревоги раз навсегда было составлено расписание войск, где какие части находятся, город был разбит на районы, все было принято во внимание, никаких неожиданностей быть не могло и мне не приходилось давать указаний. Накануне выступления, вечером, мне было сообщено Лебедевым по телефону или, вернее, утром следующего дня, что накануне был арестован Штаб большевиков в числе 20 человек, — это было за сутки до выступления. Лебедев сказал: «я считаю все это достаточным для того, чтобы все было исчерпано и выступления не будет».

Председатель К. А. Попов: Что он доложил относительно судьбы арестованного Штаба?

Адм. Колчак: Он сообщил только, что они арестованы.

Председатель К. А. Попов: А не сообщал ли он, что на месте были расстрелы?

Адм. Колчак: Они были расстреляны на второй день после суда.

Председатель К. А. Попов: Определенно известно из всего делопроизводства и всех данных по г. Омску, что весь Штаб был расстрелян при самом аресте на месте, часть его успела скрыться.

Адм. Колчак: Я помню, они были расстреляны в день восстания.

Председатель: Самый арест был произведен в ту же ночь, когда было восстание?

Адм. Колчак: Никак нет, я знаю, что они были арестованы по крайней мере за сутки до восстания, так что я думаю, что это сведение не верное. Я твердо помню, что арест Штаба был произведен гораздо раньше. В тот день, когда все было совершенно спокойно, там велось дознание, затем последовал день, который никаких решительно больше новостей не принес. Затем ночью в день восстания меня разбудил мой дежурный ад'ютант, около пяти часов утра, заявив мне, что в городе происходят выступления красных, что занята восставшими тюрьма и освобождены все находящиеся в тюрьме арестованные, но что в самом городе спокойно, пока идет только редкая ружейная стрельба, на окраинах. На вокзале все спокойно. Затем он мне доложил, что по тревоге войска заняли свои места и по расписанию ко мне должна прибыть сотня казаков.

Председатель: Вы распорядились, чтобы Вам была дана охрана?

Адм. Колчак: Нет, я не распоряжался, а согласно расписанию, выработанному Командующим войсками, Матковским и Начальником Штаба, на случай боевой тревоги должна была прибыть ко мне сотня казаков. Он сказал, что Начальник Штаба еще сообщит подробности по телефону и просит меня не беспокоиться.

А. Н. Алексеевский: Когда Вы узнали о восстании, какие меры были приняты в течение самого восстания и до его ликвидации?

Адм. Колчак: Вслед за тем Лебедев сообщил мне по телефону следующее: в городе восстания никакого нет, кроме нападения на тюрьму никаких других действий со стороны повстанцев не было, были отдельные столкновения на окраинах города, но на вокзале все спокойно и благополучно, а что центр тяжести перенесся на Куломзино, где, повидимому, повстанцы концентрируются, где они действуют главными силами, что туда уже отправлены казачьи части, пехотная артиллерия и чехи также будто бы действуют. Тогда я был довольно спокоен по поводу того, что в Омске ничего не будет. Затем я спросил, есть ли связь с армией, на что он ответил, что связь прервана в Куломзине, но что он надеется, что она скоро будет восстановлена. Когда рассвело, часов около 10 утра я приказал отпустить казаков домой, потому что в городе было совершенно спокойно, мне достаточно было обычного караула и просил приехать Лебедева ко мне. Лебедев прибыл ко мне часов в 11 с докладом, что благодаря аресту этого Штаба, в Омске выступление не удалось, что все переносится в Куломзино, там идет стрельба, у восставших имеются пулеметы, но артиллерии нет, сейчас должна туда подойти из города артиллерия и он надеется ликвидировать это восстание. Затем Лебедев мне доложил, что вся тюрьма разбежалась, но что приняты меры, поставлены патрули на все дороги и бежавших удается задержать. Я спросил: «члены Учредительного Собрания тоже разбежались?» Он сказал: «Да, разбежались». Затем он мне заявил, что сегодня вечером должен начать функционировать полевой суд по назначению Командующего войсками и что город об'явлен

на осадном положении. Матковский, кажется, утром тоже был и то же доложил, что все спокойно в городе, никаких столкновений нет, что ночью было несколько столкновений небольших, серьезного же ничего не было, что центр тяжести перенесен в Куломзино. Действительно, вечером я получил извещение о том, что Куломзино охвачено со всех сторон войсками и что часть мятежников бежала. Бой был довольно упорный, с нашей стороны есть не большие потери, но что сейчас в Куломзине все спокойно и сейчас будет восстановлено сообщение с фронтом. Затем вечером мне была сообщена телеграмма от Гайды о том, нужна ли какая нибудь помощь, двинуть ли войска, что у него чуть ли не готовы к посадке два полка, которые он немедленно, если потребуется, пришлет в Омск. Я ответил: пожалуйста, никого не присылайте с фронта, никаких частей не снимайте, чтобы отнюдь не нарушать плана военных работ, которые ведутся на фронте, что здесь все спокойно и все ликвидировано. Затем, мне кажется, что в тот же вечер, часов в 9 или 10 примерно, я получил совершенно неожиданно для меня записку от Вологодского, который сообщал, что предаются военно-полевому суду члены Учредительного Собрания, которые никакой связи с восстанием не имели, а просто находились в тюрьме и были освобождены, и что он просит моего распоряжения о том, чтобы их суду не предавать. Я потребовал сейчас бланк и написал на нем, что члены Учредительного Собрания суду не подлежат и без моего ведома никакому суду их не предавать. Затем меня немножко удивило одно обстоятельство: как мне доложили, что никого из членов Учредительного Собрания нет, что они все разбежались, а потом, вдруг, они почему то предаются полевому суду. Я, конечно, не мог быть в курсе дела тогда, вообще, и только потом я узнал, что они добровольно явились, т. е. часть из них сама пришла. Свою записку я приказал отправить срочно Начальнику гарнизона, потому что полевой суд был при Начальнике гарнизона назначен Матковский[м]. Начальником гарнизона был генерал-майор Бржозовский. Это было уже довольно поздно вечером, часов в 10–11, и после этого всю ночь меня никто не беспокоил и никаких сведений я не получал. Мне было довольно скверно в это время, меня старались не беспокоить. Затем на утро, часов, вероятно, около 10, ко мне приехал Вологодский, Тельберг и Старынкевич и просили принять их срочно по одному очень важному обстоятельству, и вслед за тем мне пришла от Бржозовского записка с перечислением арестованных членов Учред. Собр., что приказание выполнено и вот список член. Учр. Собр. находящихся в тюрьме, которые суду полевому не предаются. Меня поразило, что список этот был очень мал, около половины. Затем было указано, что неизвестно, где некоторые находятся. Вологодский меня спросил: «Вы знаете, что часть чл. Учр. Собр. вчера вечером расстреляны? Вы получили мою записку?» «Да, говорю я, и сейчас сделал распоряжение, чтобы их никакому суду не предавать и чтобы без моего разрешения ничего с ними не делать». — «Так вот я Вам должен сообщить об этом ужасном случае; кто это сделал, по чьему распоряжению, нам пока ничего не известно, но они ночью были кем то расстреляны и их тела найдены где то около Иртыша, кажется, 8 чел.»

А. Н. Алексеевский: А что Вы сделали для выяснения этого дела?

Адм. Колчак: Я призвал дежурного ад'ютанта и приказал ему вызвать к себе Главного Военного Прокурора, полковника Кузнецова. Я попросил их подождать до его прибытия и попросил Вологодского: «Выслушайте Вы, Петр Васильевич, его доклад, мне говорить трудно и затем пусть приступят сейчас же к расследованию, кто виноват, по чьему приказанию и при каких обстоятельствах произошло это событие».

А. Н. Алексеевский: Что же дало расследование?

Адм. Колчак: Я помню короткий разговор и помню, какое впечатление на меня произвело это событие, которое[м] я тогда высказал[ся] Вологодскому, Тельбергу и Кузнецову. Я говорил, что этот акт направлен персонально против меня с целью дискредитировать мою власть в глазах иностранцев, которые относились ко мне чрезвычайно благожелательно. Затем я не мог не поставить в связь это событие с тем обстоятельством, что за несколько дней перед этим выступлением у меня была депутация представителей социалистических партий – я с ними, конечно, не мог беседовать, но я заставил себя одеться, вышел к ним – они меня приветствовали и сказали, что поскольку я буду держаться того пути, который я высказал в своих речах и декларациях, то я могу расчитывать на их полную поддержку.

В. П. Денике: Эта депутация не социалистических политических партий, а блок 14-ти, куда вошли социалистическая партия «Единство», кооператоры и т. д.

Адм. Колчак: Да, именно это. Это было мое первое впечатление и это мне представлялось совершенно бессмысленным и не имеющим связи с этим восстанием, тем более, что я Старынкевичу раньше говорил, чего Вы их держите, у меня нет в отношении их никаких обвинений, я ничего им не пред'являю, все это люди, не имеющие никакого общественного значения, и держать их в тюрьме, это только занимать место и их свободно можно бы всех отпустить, взяв от них подписку, чтобы они не вели борьбу против меня и жили, где угодно, а следствие о них можно вести, не держа их в тюрьме. Старынкевич имел в виду какие то формальности, которые несколько задержали, и они должны были быть выпущены, так что [как] против них со стороны властей военных и гражданских никаких обвинений решительно не было и такой акт я мог рассматривать скорее с той точки зрения, о которой я говорил, и в ответ на ту депутацию, которая была у меня за несколько дней до этого. Поручивши это дело Кузнецову, я отпустил его. Когда приехал Лебедев на очередной доклад, то оказалось, что для него это тоже было новостью. Он говорил, что их не по суду расстреляли, а их повели в суд, суд их будто бы не признал подсудными, согласно тому, что они никакого отношения к восстанию не имели, и был приказ отправить их обратно в тюрьму, но по дороге конвоирующими офицерами они были расстреляны. Я спросил, выяснено ли, кто были эти конвоирующие офицеры и где они находятся сейчас. Я сказал, что я передал дело Кузнецову и прошу ему оказать всякую помощь, для того, чтобы выяснить, кем это было сделано, потому что, очевидно, какие то причины были для того, чтобы это сделать. В дальнейшем, я более не давал распоряжений, и от Кузнецова через несколько времени я узнал фамилию офицера Барташевского, который конвоировал, привел в полевой суд, что в полевом суде их отказались судить. Тогда было приказано конвоировать обратно и на этом обратном пути они были расстреляны и что будто бы Барташевский мотивировал этот расстрел их попыткой бежать, но я отлично знал, что всегда выставляется эта причина. На вопрос, арестованы ли эти офицеры, он сказал, что Барташевский уехал вместе с частью конвоя и что только один или два солдата этого конвоя были задержаны и опрошены. Помнится мне, что Кузнецову я говорил, что мне дело представляется не в Барташевском; я считаю, что это дело глубже; о всех подробностях мне значительно позже докладывали, а это было первое впечатление, какое у меня осталось. Впоследствии Кузнецов и сенатор Висковатов, который производил расследование, мне дали другие сведения. Было ясно, что это только исполнители, но важно узнать, по чьему приказанию и с какими целями это было сделано.

Я тогда сказал Кузнецову: «Главная Ваша задача, это узнать, кто был автором, потому что это идет не от Лебедева — я убежден, что это для него было неожиданностью — <не> от Матковского таких приказаний исходить не могло, а начальник гарнизона Бржозовский получил мое распоряжение и, следовательно, к суду никак их предавать не мог, что, повидимому, какая то произошла задержка. Когда было совершение этого акта, я сказать сейчас не могу.

А. Н. Алексеевский: А в дальнейшем Вы выяснили, какие меры вами [ими] были приняты к тому, чтобы были разысканы виновные?

Адм. Колчак: Все это дело велось военным прокурором, я в это дело не вмешивался, я его периодически спрашивал, в каком положении дело, он говорил, что оно ведется обычным судебным порядком.

А. Н. Алексеевский: К чему пришло военно-судебное следствие?

Адм. Колчак: Кузнецову так и не удалось выяснить. Он выяснил факт и лиц, которые участвовали в этом деле, но выяснить, кем была поставлена эта задача, от кого происходило это распоряжение, установить не удалось. Тогда я решил передать это дело в руки сенатора специалиста и просил его произвести самое расследование. Это было в феврале месяце, следствие военное столь не совершенное, так медленно тянется, что я считал, что они просто не могут, как следует, разобраться.

Председатель: Упоминали ли Вам фамилию Рубцова?

Адм. Колчак: Я знаю, что Рубцов принимал какое то участие в исполнении приговоров суда.

Председатель: Из делопроизводства Совета министров по поводу этого расстрела и из докладов Кузнецова с совершенной ясностью и определенностью выясняется, что Рубцов, пришедши в тюрьму, потребовал меня, Девятова и еще кого-то. Я был болен сыпным тифом, администрация тюрьмы отказалась меня выдать, а сами офицеры не решались, очевидно, в сыпной барак идти, Девятов был <уже> уведен тогда, так как они взяли его Девятова и Кириенко. Затем появился Барташевский, потребовал меня, Девятова и Кириенко, я на его требование выдан не был, и Рубцов оставил расписку, что он получил Кириенко и Девятова, — об этой записке говорится в докладе Коршунова и Кузнецова. Тем не менее никаких мер по отношению к нему не было принято.

Адм. Колчак: Рубцов был в тюрьме для исполнения приговора, кажется, но участия в убийстве членов Учр. Собр. он не принимал.

Председатель: Это по документам: он не исполнял приговора, потому что приговора тогда не было, он явился с определенным требованием трех лиц, Девятова, Кириенко и меня, сюда была присоединена находящаяся партия в 45 рабочих, все они в загородной роще были расстреляны, а Барташевский увел остальных.

Адм. Колчак: Против Рубцова обвинения в расстреле не было, а было обвинение в отношении Барташевского.

Председатель: Что касается Барташевского, то после того как Кириенко и Девятов были уведены, он выбрал 8 чел., не подлежавших военно-полевому суду, и тут же по данным дознания Кузнецова были выданы еще 5 чел., осужденных к бессрочной каторге, и они все были расстреляны на берегу Иртыша. Это дело подтвердилось чрезвычайной следственной комиссией. Барташевский почему то был освобожден, как благонадежный человек, под надзор Красильникова.

Адм. Колчак: Ведь неизвестно, где он был.

Председатель: Барташевский сидел два месяца в тюрьме и освобожден, как благонадежное лицо.

Адм. Колчак: Мне это неизвестно.

Председатель: Как Вы, как Верховный Правитель, считающий это актом, направленным лично против Вас, не поинтересовались судьбою фактического виновника?

Адм. Колчак: Барташевский бежал, о его аресте мне ничего не известно.

Председатель: Было еще 6 офицеров этого конвоя из отряда Красильникова, фамилии их найдены следственной чрезвычайной комиссией и никто не был арестован.

Адм. Колчак: Мне сообщили, что Барташевский бежал, против Рубцова в то время никаких обвинений в убийстве не было, а Кузнецов говорил, что он не расстреливал никого из членов Учредительного Собрания и против него никаких обвинений не было.

Председатель: Девятов и Кириенко им расстреляны, это точно установлено данными Кузнецова.

Адм. Колчак: Да, это возможно, потому что это единственный материал.

А. Н. Алексеевский: Сенаторское расследование даже не обнаружило вдохновителей.

Председатель: Знаете-ли вы, что Рубцов и Барташевский ссылались на личное Ваше распоряжение?

Адм. Колчак: Да, Кузнецов мне об этом докладывал.

Председатель: Разрешите занести в протокол, что Вам это известно было от Кузнецова.

Адм. Колчак: Я, конечно, таких распоряжений не мог давать.

Председатель: О роли Рубцова Вы ничего не знали?

Адм. Колчак: Потом из следствия Кузнецова, в первые дни выяснилось, что этот акт был выполнен Барташевским.

В. П. Денике: А Вы знали об участии в расстреле данных лиц Рубцова?

Адм. Колчак: Нет, я считаю, что это дело Барташевского и что Рубцов в этом расстреле не участвовал. Потом я узнал, что и Рубцов и Барташевский фигурируют в этом деле.

В. П. Денике: Но вы сейчас изволили сказать, что вы о Рубцове ничего не знали.

Адм. Колчак: Я докладывал хронологически, как это дело мне представлялось, а следственный материал мне известен, как и вам.

Председатель: А что Барташевский был арестован, вы знаете?

Адм. Колчак: Не[т], я считал, что он скрылся и уехал куда нибудь на фронт и достать его невозможно.

Председатель: Но в то же время вы говорите, что он пробрался на фронт; как же он мог скрыться?

Адм. Колчак: Да, в первый день.

Председатель: Вы сказали, что он скрылся и не мог быть допрошен.

Адм. Колчак: Нет, он был допрошен, а потом скрылся.

Председатель: Почему он не был арестован при допросе?

Адм. Колчак: Кузнецов мне об этом ничего не говорил. Может быть, он сделал такое распоряжение. Вы, может быть, помните, когда это было.

Председатель: Я с делом Барташевского знакомился в делах Омской тюрьмы. Затем о Барташевском было постановление Чрезвычайной Комиссии о предании его суду, а потом заключение той же комиссии об его освобождении, как человека благонадежного, под надзор. Это была комиссия Висковатова.

А. Н. Алексеевский: А вам было известно, к чьему отряду принадлежат Барташевский и Рубцов?

Адм. Колчак: Да, мне Кузнецов докладывал тогда. Все это следствие было мне доложено.

А. Н. Алексеевский: Раз вы назначили главного военного прокурора для расследования, вы видели в этом преступление, но это преступление должно было в известной степени бросить подозрение и на прямых начальников этих двух лиц, — не возникало ли у вас сомнений по отношению начальников этих двух офицеров?

Адм. Колчак: Откровенно сказать, мне в этот период трудно вспомнить, как возникало подозрение. У меня была высокая температура, я был болен и еле дышал, и мне в это время входить в эти тонкости и разговаривать было трудно. Я тогда говорить не мог, а только выслушивал доклады и мне было очень тяжело вдаваться в такие тонкости. Мое мнение и убеждение было такое, что это был акт, направленный против меня, совершенный такими кругами, которые меня начали обвинять в том, что я вхожу в соглашение с социалистическими группами. Я считал, что это было сделано для дискредитирования моей власти перед иностранцами, и перед теми кругами, которые мне незадолго до этого выражали и обещали помощь.

Председатель: Вы говорите, что Барташевский был допрошен и после допроса скрылся. Почему же он тогда не был после допроса арестован, Вы не знаете? Вы спрашивали Кузнецова, почему его не арестовали?

Адм. Колчак: Может быть, и спрашивал, я не помню.

Председатель: Вы не придали значения тому, что он не был арестован. Вы говорите, что не знаете, почему он не был арестован, — Вы не поставили в вину Кузнецову это попустительство к явному разбою и убийству?

Адм. Колчак: Может быть, Кузнецов это и сделал, но каким образом он удрал, я не знаю.

В. П. Денике: Какие личные распоряжения в расследовании дела Вами делались? Вам делались доклады, мы знаем, что было поручение Кузнецову и Висковатову производить дознание, а кроме этого делались какие нибудь распоряжения?

Адм. Колчак: Нет, я это дело передал оффициальным лицам.

В. П. Денике: Может быть, Вы не помните освобождение из под стражи такого лица, которое прошло в порядке организационной работы и никаких докладов об аресте и освобождении вам не делались?

Адм. Колчак: Не делались.

В. П. Денике: Вы не предполагали, что наиболее важные акты этого следствия производились с вашей санкции?

Адм. Колчак: Нет, я не мог взять на себя.

Председатель: Поручивши это дело Чрезвычайной Комиссии, интересовались ли вы его дальнейшим ходом?

Адм. Колчак: Висковатов мне несколько раз докладывал, когда находил это нужным. Поручивши Висковатову это дело, я совсем о нем забыл, и я был уволен [уверен], что больше я ничего не могу сделать.

А. Н. Алексеевский: Вы находили, что этот акт совершен с целью дискредитировать Вас, и Вы находили, что это исходит от тех кругов, которые не желали вашего сближения с социалистическими течениями?

Адм. Колчак: Да, я так себе об'яснял.

А. Н. Алексеевский: В числе лиц и групп, которые вас окружали, Вы легко могли разобраться, от каких именно групп и лиц это должно было итти?

Адм. Колчак: Это довольно трудно мне было сказать.

А. Н. Алексеевский: Выражаясь принятой терминологией, крайне правые реакционные элементы были определенно известны. Например, Красильникова Вы не могли смешать с Каппелем?

Адм. Колчак: Обвинять Красильникова, зная его отношение ко мне, я не мог[; я не мог] подозревать, чтобы Красильников мог сделать этот акт, направленный против меня.

Председатель: Каких виновников этого расстрела выяснила работа Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Адм. Колчак: Она подтвердила эти два лица, того же Барташевского и Рубцова, но о лицах выше стоящих Висковатов не мог найти никаких следов.

Председатель: Вы судили по докладам Висковатова, а сами с делом не знакомились?

Адм. Колчак: Нет, я считал Барташевского исполнителем, он меня мало интересовал, я считал, что он действует по чьему то распоряжению, а кто был вдохновителем или организатором этого дела, я не знаю.

В. П. Денике: Может быть, у Вас в конце концов сложилось впечатление, почему это дело не осталось раскрытым до конца и истинные виновники не понесли никакой кары? Чем Вы это об'яснили?

Адм. Колчак: Я об'яснил это всем тем судебным аппаратом, который был у меня в распоряжении, который по массе аналогичных других дел, которые я поручал для расследования по вопросам злоупотребления всяких интендантских поставок, я никогда не мог добиться от своего суда и следственной [власти] каких нибудь определенных результатов. Все время суд и следственная власть задавались широкими задачами, распутать и раскрыть данное преступление во всем его об'еме и в конце концов из этого ничего не выходило. Это есть недостаток организации нашей судебной власти. На это жаловался и Кузнецов, что все стараются не давать определенных ответов, стараются дело затруднить, и к нему [кому] он не [ни] обращался, ей [он] не мог добиться совершенно определенных и ясных ответов на все те вопросы, которые он ставил. Он сам говорил, что чрезвычайно трудно было это дело расследовать в виду острого противодействия со стороны всех прикосновенных лиц, которых он спрашивал и которые выясняли этот вопрос. Целый ряд интендантских вопросов у меня были на фронте и в Омске, и в попытке захватить виновных в спекуляции я всегда был бессилен, раз я обращался к легальной судебной власти. Это была одна из тяжелых сторон управления, потому что наладить судебный аппарат было совершенно невозможно. Раз я становился на точку зрения юридическую, призывал юристов и поручал им это дело вести, оно не давало результатов.

Председатель: Почему не был арестован Рубцов, Вы тоже не знаете?

Адм. Колчак: Я не помню, потому что в тот период, когда велось следствие, я передал это дело определенному лицу и не вмешивался в его распоряжения: это дело следствия, а я сам не давал каких либо распоряжений по этому поводу. Таким [каким] образом я мог приказать следователю арестовать то или иное лицо. [?]

Председатель: Известно ли Вам, что при этом убийстве чл. Учр. Собр. были убиты ряд лиц других, таким же порядком без суда и следствия, не являющихся членами Учред. Собр.?

Адм. Колчак: Я знал этот список, который мне был представлен, я помню Маевского и Фомина.

Председатель: Расстрелы на Куломзино производились по чьей инициативе?

Адм. Колчак: Полевым судом, который был назначен после занятия Куломзино.

Председатель: Обстановка этого суда Вам известна и известно ли Вам, что по существу никакого суда не было?

Адм. Колчак: Я знал, что это полевой суд, который назначался Начальником по подавлению восстания.

Председатель: Значит, так: собрались три офицера и расстреливали. Велось какое нибудь делопроизводство?

Адм. Колчак: Действовал полевой суд.

Председатель: Полевой суд требует тоже формального производства. Известно ли Вам, что это производство производилось, или вы сами, как Верховное Правительство, не интересовались этим? Вы, как Верховный Правитель, должны были знать, что на самом деле никаких судов не происходило, что сидели два-три офицера, приводилось по 50 чел. и расстреливалось. Конечно, этих сведений у вас не было?

Адм. Колчак: Таких сведений у меня не было, я считал, что полевой суд действует так, как вообще действует полевой суд во время восстаний.

Председатель: Это знал весь город. А после этого вы узнали.

Адм. Колчак: Я знаю, что собирался военно-полевой суд, который разбирал вопрос о причастности тех или иных лиц, и когда этот суд собирался, он выносил приговоры.

Председатель: Как вы себе представляете приговор, как применялись эти военные суды?

Адм. Колчак: Если повстанцы были захвачены с оружием в руках, то они подлежат полевому суду.

Председатель: Значит, написано, что такие то и такие то лица принадлежат военно-полевому суду. Вам докладывали об этом делопроизводстве, существует ли оно, сохранилось ли оно где нибудь?

Адм. Колчак: Я его не спрашивал.

Председатель: Вы не интересовались?

Адм. Колчак: В первый период я не мог интересоваться.

Председатель: А сколько человек было расстреляно в Куломзине?

Адм. Колчак: Человек 70 или 80.

В. П. Денике: А не было ли вам известно, что в Куломзине практиковалась массовая порка?

Адм. Колчак: Про порку я ничего не знал, и вообще, я всегда запрещал какие бы то ни было телесные наказания, следовательно, я не мог даже подразумевать, что порка могла где нибудь существовать, а там, где мне это становилось известным, я предавал суду, смещал, т. е. действовал карательным образом.

Председатель: Известно ли вам, что лица, <за> которые арестовывались в связи с восстанием в декабре, впоследствии подвергались истязаниям в контр-разведке, и какой характер носили эти истязания? Что принималось военными властями и вами, Верховным Правителем, против этих истязаний?

Адм. Колчак: Мне никто этого не докладывал и я считаю, что их не было.

Председатель: Я сам видел людей, отправленных в Александровскую тюрьму, которые были буквально сплошь покрыты ранами и истерзаны шомполами, это Вам известно?

Адм. Колчак: Нет, мне никогда не докладывали; если такие вещи делались известными, то виновные наказывались.

Председатель: Известно ли Вам, что это делалось при Ставке Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака, при контр-разведке из Ставки?

Адм. Колчак: Нет, я не могу этого знать, потому что Ставка не могла этого делать.

Председатель: Это производилось при контр-разведке в Ставке.

Адм. Колчак: Очевидно, что люди, которые совершали это, не могли мне докладывать, потому что они знали, что я все время стоял на законной почве. Если делались такие преступления, я не мог о них знать. Вы говорите, что при Ставке это делалось?

<Председатель: Я считаю, что было производство такое же, какое полагается в Военно-полевом Суде.>*

Председатель: В Куломзине фактически было расстреляно около 500 чел., расстреливали целыми группами по 50–60 чел. Кроме того фактически в Куломзине никакого боя не было, ибо только вооруженные рабочие стали выходить на улицу, они хватались и расстреливались, — вот в чем состояло восстание в Куломзине.

Адм. Колчак: Эта точка зрения является для меня новой, потому что были раненые и убитые в моих войсках и были убиты даже чехи, семьям которых я выдавал пособия. Как же Вы говорите, что не были бои?

Председатель: Бои не были, может быть, были какие нибудь стычки.

Адм. Колчак: То, что Вы сообщаете, было мне неизвестно. Я лично там не мог быть, но я верю тому, что мне докладывалось, мне докладывался список убитых и раненых. Эта точка зрения является для меня совершенно новой.

Председатель: Это не точка зрения, а это факт.

Адм. Колчак: Вы были там?

Председатель: Нет, я сидел в тюрьме и не был там точно так же, как и вы, но я говорю со слов участников этого дела.

Адм. Колчак: Мне говорили, что в Куломзине за весь день боя было 250 чел. потери, а в правительственных войсках было чел. 20 убитых и раненых, кроме того 3–4 чеха; сколько убитых в Правительствен. войсках, я [точно] не помню.

Председатель: Значит, вообще, помимо случаев в связи с восстанием избиение шомполами и пытк<ам>и в Омской Контр-разведке не существовало[и]?

Адм. Колчак: Нет.

Председатель: Не известен вам такой случай, когда один из расстрелянных по делу 11 коммунистов дал свои показания о том, что он является членом комитета партии коммунистов только потому, что он подвергался пыткам путем выворачивания рук и суставов, вытягивания на дыбы и т. д.?

Адм. Колчак: Нет, я в первый раз слышу.

В. П. Денике: А относительно того, что Полевого Суда никакого не было, а протоколы суда составлялись уже после расстрела, нам показывал никто иной, как Сыромятников.

Адм. Колчак: Сыромятников у меня не бывал с докладами, у меня бывал один только Висковатов, который мне говорил, что часть приговоров не Куломзинского, а Омского Полевого Суда была сделана заочно.

---

* Эта фраза, вѣроятно, по ошибкѣ стенографистки или переписчицы попала не на свое мѣсто. Вѣроятно, она была произнесена адм. Колчакомъ и относится къ той части допроса, которая воспроизведена въ началѣ 318 стр.

Председатель: В Омской тюрьме сидело 5 чел. Куломзинских рабочих, заочно приговоренных к смертной казни.

Адм. Колчак: Что-же их потом расстреляли?

Председатель: Они сидели еще потом несколько месяцев; когда я ушел, они еще остались; в конце концов, они не были расстреляны, но они этого все еще не знали и таким образом они сидели несколько месяцев под страхом смертной казни. Теперь, может быть, в связи с этим Вам была известна деятельность Розанова в Красноярске в качестве Вашего уполномоченного?

Адм. Колчак: Мне известен один прием, который я ему запретил — это расстреливание заложников за убийство на линии кого либо из чинов охраны, что он брал этих людей из тюрьмы.

Председатель: Вы запретили, а не предали Суду за это убийство?

Адм. Колчак: Нет, потому что я считал, что, в сущности говоря, что есть известный пункт, который по чрезвычайным обстоятельствам дает каждому начальнику право [....], не [но] прибегать к такому приему как заложничеству, я считал недопустимым, я считал, что ответственность лиц, не причастных к делу, недопустима, об этом я говорил с Министром Юстиции Тельбергом, было отправлено через Тельберга распоряжение заложников не расстреливать.

Председатель Чудновский: В каком месяце это было?

Адм. Колчак: Я думаю, в апреле или в марте.

Председатель Чудновский: Разрешите напомнить о том, что в мае и июне расстреливали целую партию.

Председатель Попов: В Омскую тюрьму в начале июня прибыл Стры........, Васильев был расстрелян совершенно незаконно, и он говорил нам в тюрьме, что в Красноярске институт заложников действовал до самого последнего дня. Он говорил, что ни один вновь арестованный не доводился до тюрьмы и расстреливался по дороге — это во первых, во вторых, когда он был в тюрьме, то до самого [последнего] дня заложники расстреливались пачками по 8—20 чел.

Адм. Колчак: В качестве чего были эти заложники?

Председатель: Вероятно, по поводу какого нибудь убийства на ж. д., за убийство чеха или кого нибудь другого.

В. П. Деникe: Это известно из оффициальных источников в Красноярске, что за убийство чеха расстреливались по 8—10 чел.

А. Н. Алексеевский: В связи с этими мерами репрессий по вашей инициативе Совет министров принял два постановления, которые отмечены 16 и 18 апреля 1919 г. № 47, 48 и 52 секретных заседаний совета: Вы предложили Совету обсудить вопрос о расширении прав командующих войсками в том смысле, что за преступления, которые раньше не наказывались смертной казнью, было повышено наказание до смертной казни.

Адм. Колчак: Да, такие были распоряжения.

Председатель: Известно ли Вам, что Розанов давал распоряжения о сжигании сел и деревень для подавления яко-бы восстания, при обнаруживании оружия и т. п.?

Адм. Колчак: Я не думаю, чтобы Розанов такие распоряжения давал, потому что по этому поводу есть телеграммы, которые я посылал Артемьеву и Розанову, которые имеются даже в газете в виде приказа Артемьеву, где я дал общие указания, как поступать в этих случаях борьбы с восстанием, где я указывал, что в случае, если жители будут замешаны в том или ином деле, на них накладывается денежный штраф, а затем конфискация имуществ и земель в пользу тех,

кто подавляет восстание. Это указание мое, которое было сделано, конечно, не указывало, как общую меру, сжигания деревень, но я считаю, что во время боев и подавления восстания такая мера неизбежна и приходится прибегать к этому способу. Эта мера, конечно, не может быть применена в виде распоряжений, а только как мера во время столкновения, во время боя за деревню, и весьма возможно, что деревня эта сжигается, но чтобы Розанов или Артемьев давали такие распоряжения, я не думаю; потому что есть распоряжения, которые делал Артемьев, где сжиганий нет. В случае бегства заложника сжигание его дома могло бы быть сделано, но только в отдельных случаях, но не как общая мера. У Вас вероятно есть данные о том, что Розанов давал такие приказания?

Председатель: Да, показание Сыромятникова.

Адм. Колчак: Сколько мне известно, из доклада того же Розанова, я знал два или три таких случай, где деревни были сожжены, и я признал это правильным, потому что эти случаи относились к деревне Степно-Баджейской, которая была сожжена повстанцами, это была укрепленная база повстанцев, следовательно она могла быть разрушена и уничтожена, как всякое укрепление. Второй случай — Кияйское и третий случай — Тасеево, где то на севере, я точно не могу сказать, но эти случаи, как мне представлялось, носили военный характер, потому что это были укрепленные пункты, которые уничтожались в бою, эта была [база] повстанцев, и если база была взята, то она должна быть уничтожена, для того чтобы ею не могли воспользоваться впоследствии.

А. Н. Алексеевский: Можно было оставить гарнизон.

Адм. Колчак: Деревня Степно-Баджейская была сожжена самими повстанцами, Тасеево был укрепленный пункт, который во время войны может быть уничтожен. Я должен сказать, что такие случаи на большом западном фронте были очень редки, там тоже были 2—3 случая, когда деревни были сожжены в боях. Я недавно беседовал с одним из членов революционного комитета, он меня спрашивал, известны ли мне зверства, которые проделывались остальными частями. Я сказал, что в виде общего правила это мне неизвестно, но в отдельных случаях я допускаю. Далее он мне говорит: «когда я в одну деревню пришел с повстанцами, я нашел несколько человек, у которых были отрезаны уши и носы вашими войсками». Я ответил: «я наверное такого случая не знаю, но допускаю, что такой случай был возможен». Он продолжает: «я на это реагировал так, что одному из пленных я отрубил ногу, привязал ее к нему веревкой и пустил его к вам в виде око за око, зуб за зуб». На это я ему только сказать мог: «следующий раз весьма возможно, что <если> люди, увидав своего человека с отрубленной ногой, сожгут и вырежут деревню». Это обычно [на] войне и [в] борьбе так делается.

Содержаніе

Документы

СОДЕРЖАНІЕ РАНѢЕ ВЫШЕДШИХЪ ТОМОВЪ
АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

